

Иван Ильич

ПИСЬМА
МЕМОАРЫ
*
(1939 - 1954)

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1999

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

ПИСЬМА
МЕМОАРЫ
*
(1939 — 1954)

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1999

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.
И46 Собрание сочинений: Письма. Мемуары (1939 — 1954)/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 1999. — 512 с., 1 л. портр.

В настоящий том вошли письма И. А. Ильина 1939 — 1954 годов, поэма «Наше жилище, или Быт и бытие изгнанников», дневниковая тетрадь «Искусство (1930 — 1933). Феноменология произведений искусства (итальянские впечатления)» и его мемуары «Встречи и беседы».

ISBN5 — 268 — 00434 — 4

УДК 1/14
ББК 87.3

© Лисица Ю. Т., 1999 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 1999 г., оформление.

1939 — 1954
(Швейцария)

Письма к разным лицам (III)

1

А. И. Лодыженскому¹

<начало 1939>²

Дорогой Александр Ильич!

Болезнь и срочная, неотложная работа задержали мой ответ на Ваше письмо от 14 февраля.

1) Посылаю Вам готовую статью для «Часового» — «О христоролюбивом воинстве»³. Готовлю следующую. Вообще Ваш пункт о статьях кажется мне вполне приемлемым и удобоисполнимым. Думается только, что четыре мои статьи каждый месяц Вам некуда будет девать⁴. Не лучше ли будет, если от Вас будет поступать каждый раз пожелание: прошу на март месяц такие-то статьи для таких-то газет. 2) Что касается Основных Законов⁵, то тут было сложнее. Вы, конечно, понимаете сами, что разломав раздел второй, отвергнув так или иначе разделы 5. 6. 7. 8. 10. 11. 12 и 13 — Вы вынули из моего проекта *все* — и душу замысла, и новые формы политического бытия, и весь строй учреждений. Иными словами скажем открыто и точно. Мой проект *не принят* и нужно создавать новый. *Нельзя* сохранить разделы 1. 2. 3 и 4 — и отвергнуть остальное. Ибо «сохраняемые» разделы *пропитаны насквозь тем самым духом, который кристаллизуется в дальнейшем в виде учреждений*. Эти «сохраняемые» разделы *требуют сохранения и остального*: они одни дают идеи и обязательства, которые в дальнейшем должны быть раскрыты и выполнены, иначе получится внутренний разброд и противоречие.

Это значит, что надо писать *новые* Основные Законы — и притом *из другого духа и другого замысла*. Из какого? Я его не вижу и идеи его не имею. Мои Основные Законы я согласен *взять назад и беру их*. Они мой черновик, не подлежащий пока, до переработки, *никакому* публикации. Я в них несколько не разочаровался и ничьи возражения в Женеве меня несколько не поколебали⁶. Просто: слушатели⁷ не восприняли в едином публичном чтении, что я и предвидел заранее. Словом — *это*

остается у меня, моим детищем; а Вам нужно *другое, из других отправных идей.*

Но каких? Я Вас очень прошу *формулировать* их, начертать их мне письменно. И если мы будем по ним в единомыслии, то надо будет свидеться и договориться о новом задании. Конституция есть всегда продукт скрещения — «общей идеи» и «учета конкретной исторической обстановки». Мне нужно получить от Вас на бумаге — и то, и другое. Тогда можно будет продуктивно обсудить новое задание. 3) Что касается деклараций, то мне неясно,

I. От кого они должны исходить

II. Что именно в них должно декларироваться (какое содержание?)

III. К кому они должны быть обращены

IV. В какой исторический момент надо себе представить их начертываемыми.

Это все необходимо твердо знать и видеть, чтобы судить их. Вспомните: Кирилл Влад<имирович>⁸ декларировал в 1928 году — что одобряет революционно-земельный передел⁹, а в 1929 году большевики начали коллективизацию. И не навредил ли Гитлер¹⁰ себе и своей партии, преждевременно объявив, что он намерен делать с евреями?¹¹

Вот пункты, которые мне кажутся неясными и требующими полной ясности для дальнейшей успешной работы.

Не досадуйте на задержку моего ответа: мне предстоит скоро лечь в клинику для операции, надо все подготовить, собрать деньги, выполнить самое неотложное, а мигрени продолжают и работоспособность моя *очень* ограничена.

Спасибо за пересылку лекарства через Нину Алексеевну¹². О копченой форели не заботьтесь, я нашел тут *все*, даже осетрину.

В ожидании ответа жму Вашу руку.

Ваш И. А. И<льин>.

А. И. Лодыженскому

<6.VII.1939>¹³

Дорогой Александр Ильич!

Я очень встревожен и огорчен публикацией, найденной в «Новом Пути». «Беседы»¹⁴ — «И. А. Ильин. Основы Госуд<арственного> Устройства»¹⁵.

Это может быть только декабрьский доклад 1937 года.

1) Но я его писал *не для печати*. Это совсем другой способ выразаться и формулировать: для подготовленной, единомысленной элиты! А не для врагов слева, с крайнего лева, справа!

2) Он немыслим, и непонятен, и вреден делу без тех комментариев, которые я давал устно, и которых в тексте нет.

3) Он — черновик и до выпуска непременно должен был быть мною проредактирован.

4) В тексте его есть *устаревшие* места, которых я не поддерживаю больше и кот<орые> нуждаются в изменении.

5) Публикация его (хотя бы и дактилографическая) может принести мне много вреда, о коем Вы и не подозреваете.

6) Почему же Вы не сговорились со мною о выпуске его?

Вы причинили мне этим выпуском столько *огорчения* и *вреда*, что я даже и описать не могу. Нарушены *все* мои писательские традиции — согласно коим я выпускаю только то, за что *отвечаю*. А за этот устаревший черновик я не отвечаю и должен буду его публично дезавуировать!

Поэтому убедительнейше прошу Вас *приостановить* продажу *моего* доклада (дескать — задержался!) — дать *мне его на редакцию* и лишь после этого пустить. Я постараюсь внести изменения *только самые необходимые и краткие*. Публичное же дезавуирование этой беседы было бы для меня столь же тягостно, сколь досадно для дела.

Жду Вашего быстрого решения и ответа!

Крепко жму руку.

Ваш И. А. Ильин.

1939.VII.6.

3

Н. А. Рубакину¹⁶

<8.I.1945>¹⁷

...время «уникума», да еще из Вашей библиотеки у меня отношение повышено совестливое. Я сегодня целый день хожу смущенный и подавленный. Умоляю Вас — вообразите и примерьте все гипотезы, не касающиеся меня и моего жилища!

Мы припомнили здесь все до деталей — все было учтено, предусмотрено, уложено и отправлено. Покоя не найду себе, пока не узнаю, что книга нашлась. Ради Бога известите! И простите тревогу!

Крепко жму Вашу руку и тревожусь гораздо больше, чем Вы можете себе представить¹⁸.

Шлю привет Марии Артуровне¹⁹ и умоляю ее взвесить все и ревизовать.

Ваш И. А. Ильин.

1945.1.8.

Поиски и обыски у меня будут продолжаться неустанно — обыщу все свои жилищные и библиотечные «запазухи» и «украины»...

4

М. А. Бетман

<11. I. 1945>²⁰

Глубокоуважаемая Мария Артуровна!

Вы себе представить не можете, как меня обрадовала Ваша открытка... Я три раза перекрестился и сплясал танец ликующих команчей. Пожалуйста, не огорчайтесь происшедшим!

А разрешите мне лучше подать новое прошение.

Очень хотелось бы иметь:

1. Островского. Снегурочку.
2. Хороший сборник *русских былин* (по Вашему усмотрению).

3. И, если совсем хотите нас обрадовать, то первый том Даля. Толковый Словарь живого великорусского языка. Мы о нем мечтаем вот уже 15 лет. Согласны ограничить пользование *сроком*. Обеспечить *залогом*. Пере-

слать посылкой с объявленной ценностью и заказною. Застраховать в любом обществе.

4. Сказки Афанасьева — тоже хотя бы один том. Оба шлем привет и благодарность Вам и Николаю Александровичу.

Преданный Вам

И. А. Ильин.

1945.1.11.

Zollikon. Zollikerstr. 33.

тел. 24-86-13.

5

М. А. Бетман

<11. I. 1945>²¹

Глубокоуважаемая Мария Артуровна!

К Вам обратился Евгений Яковлевич Фрей²² с просьбой о книгах. Позвольте мне удостоверить Вам его самоличность. Он русский швейцарец, эвакуации 1920 года. Окончил Цюрихский университет, имеет дважды докторское звание и состоит *доцентом Цюрихского унив<ерситета>* по кафедре неврологии и психиатрии. В телефонной книжке Вы найдете его (том III. Appenzell-Zürich) на стр. 1009, в среднем столбце, третьем снизу. (privat Rüschlikon). Он здесь хорошо поставлен, хорошо зарабатывает, пользуется доверием факультета. Пишет о Достоевском.

О Вашей драгоценной библиотеке он слышал от меня.

С книгами очень аккуратен, но... любит держать их подолгу. В материальном облегчении не нуждается.

Целую Вашу ручку и шлю привет от нас обоих Вам и глубокоуважаемому Николаю Александровичу.

Ваш И. А. Ильин.

1945.II.1²³.

Даля том I я вернул заказным в недельный срок.

6

С. А. Сатиной²⁴

<19. XII. 1945>²⁵

Глубокоуважаемая София Александровна!

От Наталии Николаевны и от себя лично — сердечно благодарю Вас за присланную книгу!²⁶ Она полна живого чувства и художественно живописует обаятельный облик

Сергея Васильевича. О Рахманинове будет написано еще много книг, но эта первая останется навсегда исходным пунктом и источником. Читая ее, нередко видишь и слышишь *его самого*, а это всегда бывало истинной духовной радостью... Тепло и любовно написали все (кроме холодного, хотя и очень интересно протоколирующего Яссера²⁷). Проникновеннее же всех написали, кажется, Букиник²⁸ и Херст²⁹.

Не видны еще дальнейшие пути нашей России... Но русский народ и русская культура имеют в Рахманинове такое сокровище, которое *само уже есть* Россия. А Россия ведома Промыслом Божиим и в должный час соберет всех своих Орлов...

Не кажется ли Вам, что со всех документов, посылаемых в Архив, следовало бы снимать копии или еще лучше — фотокопии? Мы много об этом думали и говорили...

Очень неубедительным<и> показались нам рассуждения Яссера о «бессознательном заимствовании» первой темы третьего концерта!³⁰ Об этой совершенно гениальной теме я еще в Москве говорил Сергею Васильевичу, что она — *вечная*, почерпнутая из тех же источников Духа, откуда черпали великие греки, Фра Беато Анжелико³¹, Боттичелли³² и русские великие поэты. Тут нельзя «заимствовать», тут всем зрячим открыты Божии реальности... Но критики яссеровского типа не знают ни Духа, ни его источников и успокаиваются только тогда, когда им удастся выдать отдаленное сходство за «заимствование». А эстетически говоря, самое понятие — «бессознательного заимствования» внутренне противоречиво и несостоятельно.

Я приму все меры, чтобы уплатить Вашему издательству цену присланной книги. Не разрешите ли Вы мне внести эквивалент двух долларов господину Ридвегу³³ в Люцерне? Это было бы проще всего.

С истинным уважением и преданностью
Ваш

И. А. Ильин.

Switzerland Zollikon
1945.XII.19.

Б. И. Николаевскому³⁴ <З. IV. 1946>³⁵

Многоуважаемый Борис Иванович!

Я получил Ваш адрес от С. П. Мельгунова³⁶ и спешу послать Вам эти три документа. Я получил их из *честных* рук и через *ответственных* русских людей. В них содержится *трагическая правда*.

Я провел эти годы (1938 — 1946) в Швейцарии, куда уехал под давлением национал-социалистических преследований (направленных против меня лично за мой отказ от участия в их гнусной политике). Я никогда не сочувствовал Власову³⁷, считая его выступление лживым и *стратегически* недопустимым. Но его затея имела еще иной смысл: спасти те сотни тысяч русских пленных и «остовцев»³⁸, которые *буквально вымирали* у немцев от голода и жестокого обращения. Выдавать советам на казнь или муку тех, кто оказался на «власовских» листах, — значит *добивать* тех, кого не докончили немцы: это гибнет русский народ, русская демократия...³⁹

Я очень прошу Вас принять меня в *постоянные подписчики* Социалистического Вестника⁴⁰ и высылать мне номера Вашего журнала по адресу: Switzerland. Zollikon. Professor I. Iljin. Напишите мне пожалуйста, какую сумму в долларах и шв<ейцарских> франках я должен Вам за годовую подписку, и я найду средство переслать их Вам в шв<ейцарских> франках.

Примите уверение в моем искреннем уважении и благодарность за исполнение просьбы.

Ваш Иван Александрович Ильин.

1946.IV.341.

Б. И. Николаевскому <без даты>

Многоуважаемый Борис Иванович!

К предшествующему письму добавляю. Мне *очень* важно во всех отношениях, чтобы о нашей корреспонденции с Вами *не знали* здешние соц<иал-> дем<ократы>. Среди них господствует течение благоприятное Советам: обмениваются материалами, совещаются, блоки-

руются там и сям на выборах; вместе с слепыми или продажными бурж<уазными> элементами требовали «признания» и всячески содействовали введению Троянского коня. Среди них есть уроженцы России, как член Нац<ионального> Совета от Цюриха Валентин Гитерман; у этого контакт с доцентом Цюр<ихского> Политехникума Черняком (работа по поруч<ению> НКВД и 3 Интерн<ационала>). Словом здесь необходима для меня водонепроницаемая перегородка. «Обломов» написан моим *тезкой*. Его фамилией я буду подписываться⁴². До свидания. Жду ответа.

Идут еще пакеты.

9

Б. И. Николаевскому

<30. VI. 1946>

Многоуважаемый Борис Иванович!

Получил от Вас пять номеров апреля и пять номеров мая. Благодарю Вас. Дошло все превосходно. Я вчитался и совершенно освоился с журналом. Должен Вам сказать, что Вы, по моему глубокому убеждению, делаете *верное и прекрасное* дело — *русское и общечеловеческое*. Я никогда не был марксистом и в «социализм» вообще не верю; но в сверхклассовую социальную справедливость и в социальное устройство человечества верю твердо. Пишу это не для полемики, а чтобы обозначить «позиции». Так вот, моя позиция не только «позволяет», а предписывает мне помогать Вам распространять журнал. «Социальность» или «социализм» — практически это не *сейчас*, а *потом*. А сейчас — я Вам помогаю. Никакой «платы», никакого «гонорара» мне не нужно. Посильные расходы покрою сам. Но мне важно иметь Ваше *принципиальное согласие* на использование *даваемого Вами материала для дела*. Где это *для дела* полезно, будет всюду ссылка на Ваш журнал; где полезнее *без* ссылки — там анонимно-псевдонимно. Я здесь — под водою (*политически*). Мой паспорт (Нансен) в полном порядке; все корректно и легально. Но «политикой я не занимаюсь». Это отчасти минус, отчасти большой плюс. Вот этот большой плюс я хочу использовать для Вашего журнала. Пожалуйста дайте мне на это принцип<иальное> согласие. Я много писал сам и

печатал против коммунизма и всегда радовался, когда видел, что материал взят у *меня* (а я работал всегда и исключительно по *источникам*). Не в *имени* дело и не в *цитате*, а в борьбе, честной и грозной борьбе с дьяволом. Ибо то, что *эти* люди делают, это дьявольство.

Одновременно посылаю Вам ворох материалов. Увидите сами. Кое-что фото-копну для Вас. Вообще буду помогать.

Эх, кабы европейские социал-демократы *поняли бы и честно* учли то, что *Вы*, Ваша группа понимает!!

В Вашем споре с Кусковой⁴³ — она *во всем* неправа. Дама темпераментная, добрая, но, увы, с малой силой суждения. Автор майской передовицы прав. Мельг<унов> надеется возобновиться. Крепко жму руку. Прошу ответа.

30.VI.1946⁴⁴.

Авионом. Адрес: Switzerland. Zollikon. Prof. I. Iljin

Ваш И. А. И<льин>⁴⁵.

10

*Н. А. Рахманиновой*⁴⁶

<19. XII. 1946>⁴⁷

Глубокоуважаемая Наталия Александровна!

Наталия Николаевна и я сердечно благодарим Вас за то, что *Вы* не забыли нашу просьбу о присылке книги «Памяти Рахманинова» и передали Софии Александровне о нашем желании иметь ее. Мы только что получили ее, прочли целиком и прочтем ее еще не раз.

Вы представить себе не можете, какое сложное чувство я испытал при чтении ее: сколько света и скорби, сколько радости увидеть его вблизи и вновь сочетать его живой, драгоценный облик с той дивной музыкой, которую мы слышим постоянно *сквозь* техническую условность «рекордов». Читая книгу, я вместе с *Вами* переживал его уход из этой жизни в другую, духовно свободную... Будьте уверены: *Россия* не может «забыть» его, совершенно независимо от того, что будут делать и говорить современники... Никогда не забуду я ту легкую и благородную доброту, с которой он выручил меня в 1938 году, внося за меня залог швейцарскому правительству!

Этот залог, конечно, пребудет неприкосновенным, Швейцария ни при каких условиях не будет иметь повода наложить на него руку, и он вернется в имущество наследников. Но для меня лично он остается живым символом моей благодарной привязанности к этому гениальному артисту и великодушному человеку...

Смею Вас уверить, что мое живое чувство благодарности настолько же относится и к Вам лично!

Материалов, опубликованных госпожой Ш<агинян>⁴⁸, мне до сих пор, к сожалению, не удалось достать; я, конечно, дорожил бы возможностью знать все, что публикуется о Сергее Васильевиче, независимо от того, кем и где... Также не удалось мне еще связаться с Филадельфийским складом Хис-Мастерс-Войс⁴⁹; но причина тому — не недостаток воли и энергии, а медленное налаживание международно-торговых отношений.

Поздравляем Вас с наступающим праздником Рождества Христова и желаем Вам, так же как Ирине Сергеевне и Татьяне Сергеевне⁵⁰, во всем жизненного успеха. Душевно Вам преданный

И. А. Ильин.

Switzerland Zollikon
1946.XII.19.

11

Неизвестному лицу

*<без даты>*⁵¹

Мусенька!

Когда я читаю Ваши письма, то у меня сердце повертывается в груди от тревоги и огорчения. И в частности от того, что я не могу побывать у Вас. Будь мы в одной и той же стране, это давно уже осуществилось бы. Но я сейчас *силою вещей* в *безопасном* положении, а меня без паспорта никуда не пустят. Никакая граница не откроется такому пассажиру. А если бы Вы знали, как это случилось, что я в таком положении, то Вы поняли бы и мою связанность по рукам и по ногам, и мое огорчение от того, что это так обстоит.

Я каждый день бываю у Вас мыслью и чувством. И вот главное из того, что я хотел бы сказать Вам.

За эти недели я не раз считал себя неизлечимо больным. До последнего обследования Прадервана⁵², успокоившего меня, я полагал, что у меня начался ранний склероз. Но он нашел «прекрасную работу сердца» и нормальное давление крови. Приписывает все нервному перенапряжению в связи с переживаниями последнего года. Предполагая близость смерти и внутренне готовясь к ней, вот о чем я думал.

Есть Бог. Есть, это несомненно, удостоверительно. Его Бытие гораздо несомненнее нашего, ибо Его Бытием — мы только и живем и дышим. Милость Его и благодать Его я столь незаслуженно и достоверно испытал на себе, что трудно говорить об этом без слез. И вот эта милость и благодать помогали и помогли моей душе, пока она была на Земле. А Он знает, что мой главный помысел земной и мое главное служение земное — были направлены к Нему. Может быть — я не умел; может быть — я ошибался, — но звал Его каждым поступком и все сокровенные вздохи мои были о Нем. И если волосы на голове моей, столь много шевелившиеся при вдохновении к Нему и от Него, — осязали, в этой жизни, Его благостные дуновения, и *каждое маловерие* мое бывало наказано от Него новою незаслуженною помощью, так, что я, сконфуженный, определенно поникал от этой Божьей милости, — *то какой страх мне может быть от умирания, от очистительного возвращения в Лоно Отчее?!* А если нет страха, то остается только покой, Созерцание бессловесное и вздохи к нему. Как сказано у Апостола Павла: «ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Римл. 8. 26). И эти вздохи суть вздохи Духа в нас, и с ними и в них отойти в Лоно — значит перейти от насыщенного спокойствия в вечно живое радование и непосредственное созерцание. Смерть есть или эмпирическое несчастье, — или же *акт веры и молитвы*, т. е. *здешнего* единения с Ним, которым начинается *тамощнее единение с Ним*, когда окончательно снимутся все «ковры» и откроются все великие Предметы мира.

О смертности личной души не стоит говорить, так стихийно нелепа эта идея. Земная пыль, отвеваемая с

дороги — несмертна, но творчески трансформируема — в Разум и Телос⁵³. А личная, тончайше-реальнейшая прекрасность мира — *душа человека* была бы смерть? Какой слепец может отнестись серьезно к этой слепой сказке?

Вот, Мусинька, что я хотел рассказать Вам о себе и о своих предельных настроениях. Вы — один из самых близких друзей моих, с Вашей красотой души и энергией духа — и Вам не могу не высказать этих мыслей.

Душевно и духовно обнимаю Вас, целую и крещу.

Ваш И. А. И<льин>.

Пишите мне, каждый раз, как будет силы. Я любовно подбираю и толкую каждое словечко Ваше.

Письма к Климовым

ПИСЬМА К Е. Е. КЛИМОВУ¹

1

Е. Е. Климову

<весна 1946>

Христос Воскресе!

Милый и дорогой Евгений Евгеньевич!

Радуемся Вашему спасению². Божия милость на Вас! Оба письма Ваши (от ноября и последнее) получили. Пишем на Костю³, ибо письма без «оказий» пока вовсе не верны. Шлю Вам согласно Вашему желанию «Основы художества»⁴. Но очень прошу Вас, если бы UNRRA — издательство, ведомое Романом Мартыновичем⁵ в Касселе, упрочилось и захотело издать эту книгу, дать ему оную для набора. Компенсация Вам последует тогда из *второго издания*.

Еще посылаем Вам в знак дружбы и заботы нашу туземную зелененькую, которую просим принять без сомнений яко безвозвратный дар. О нас не беспокойтесь; мы стоим пока что на обеих ногах. Бог даст, все это дойдет к Вам. С Костей делиться *не надо*.

24 апр<еля> в Kreuzlingen, где я читаю курс в народном университете, встретил Ариадну Петровну Диамантиди, которая ехала от Кости из Равенсбурга и рассказала мне многое. Задание у нее и у меня: прощу-

пать вопрос о возможном турне для Кости и о возможной выставке для Вас. Пришлите *мне* для этого *Gesuch*⁶ на имя *Eidgenössische Fremdenpolizei in Bern: Genehmigung, eine Ausstellung origineller Malerei in mehreren Städten der Eidgenossenschaft durch zuführen*⁷.

Как только буду в Берне, прошупаю, где надо. Укажите *гражданство*, госуд<арственную> принадлежность, паспорт, срок.

Мы очень надеемся, что Вы все здоровы и не голодаете... Всех хотелось бы повидать — и Марию Александровну⁸, и Маничку⁹, и детвору¹⁰!.. Всем передайте от нас обоих тепло и ласку.

Пишите на Костю доверительное. А простое прямо: Schweiz. Zollikon (Kant<on> Zürich). Prof. Dr. I. Pjin.

За время пребывания здесь печатаю пятую книгу¹¹ (увы, по-немецки). Теперь пишу по-русски¹². Ром<ан> Март<ынович> зовет печататься.

Обнимаю Вас. Оба со всеми христосуемся.

Ваш И. А. И<льин>.

2

Е. Е. Климову

<июль 1946>¹³

Дорогой друг!

Для того чтобы продвинуть Ваше прошение, которое я получил, мне необходимо получить от Вас еще и это прошение о въезде, причем в двух экземплярах. Посылаю Вам бланки. Следует заполнить лишь *верхнюю* часть; нижний этаж — ответственность швейцарских властей.

Получил Ваши письма от 10, 15 и 21 июня. Благодарю. Между тем до Вас должна была дойти продуктовая посылка, пересланная через агентство Gerda Krebs. Такая же посылка послана Вашему брату Константину.

23 июня тяжело заболела моя жена, и в течение нескольких дней существовала опасность для жизни. (Это был поначалу озадачивший врачей коллапс нервной системы, с внезапным повышением кровяного давления на 60 пунктов за несколько часов и *всеобщим отказом всех органов*). Теперь остается лишь невероятная сла-

бость. Я ухаживаю за женой и, между прочим, научился немного стряпать. Из квартиры я не выхожу и у меня *нет возможности активно заняться* Вашей выставкой. Однако, когда будет получено разрешение, мы, вероятно, сможем найти организатора. Впрочем, он *несомненно* будет требовать за свои услуги *гонорар*. Ваши паспорта в полном порядке.

Сам я чувствую *большую* усталость. Передайте, пожалуйста, сердечный привет Вашей маме (и благодарность за милое письмо) и Вашей семье.

Ваш профессор И. Ильин.

3

Е. Е. Климову

15.VIII.1946

Все Ваши письма получили. Одна посылка отправлена Вам 1 июня. (Костя уже получил таковую же; одновременно отправленную; она была вручена ему 23 июля). Вторая посылка уходит сегодня. Состав их *не* зависит от нас: надо выбирать из стандартных. Как только получите, известите подробно (все детали, нужно для контроля! Колич<ество>, качество, вес, вид прибытия — т. е. в аккурате ли?).

Послал Вам 10 июля два формуляра швейцарских — для заполнения данными об импортируемых картинах. Дошли ли они до Вас?

Сегодня имел хорошее и бодрое письмо от Кости. Латв<ийские> паспорта для Вас лежат у него (пятилетние с правом въезда во все державы). Вчера я получил таковые же для Ром<ана> Март<ыновича>. За Костины и Романовы я заплатил, а Ваши проскочили *бесплатно*.

Наталия Николаевна медленно оправляется от своей болезни. А я мало куда гожусь. Доктор велит лежать каждую свободную минутку. Да лежа писать неудобно.

Скажите Марии Александровне, что ее письмо глубоко нас растрогало. Как только буду чувствовать себя лучше, напишу ей. Всей Вашей семье серд<ечные> приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

Е. Е. Климову

<4.IX.1946>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Вчера, 3 сент<ября>, получил Ваше немецкое письмоцо от 2 августа, вернувшееся к Вам и ушедшее от Вас вновь 17 августа. Тем временем я получил и листы. Сегодня я был у нашего местного начальства, с которым отношения весьма налажены. Ваше прошение о выставке принято и находится в обработке (конечно, положительной). Вам надлежит подать прошения о въезде в *швейцарском консульстве Штутгарта*, ссылаясь на поданное выставочное прошение. Как раз на этих днях было известие, что Швейцария получит разрешение от союзников на всяческий импорт из всех оккуп<ационных> зон Германии. Так что эта «импортная» операция в духе времени. В консульстве Вас спросят, какой *швейцарец* гарантирует Ваш прожиток есть*. Надо назвать какого-нибудь дядю с его согласия, ибо его запросят. Непременно надо настаивать на *праве продажи* картин.

Значит, идут параллельно *три процесса*:

1) Fremdenpolizei¹⁴ — должна (от Кантона, через Кантон, в Берн) разрешить выставку и въезд.

2) Консульство должно из Штутгарта запросить визу.

3) Департамент внутр<енних> дел должен разрешить ввоз картин.

Первый процесс сегодня мною пущен в ход.

Второй процесс *Вы* должны пустить в ход из Штутгарта.

Третий процесс я пушу в ход на днях отсюда в Берн: An das Sekretariat des Eidgenössischen Departements des Innern in Bern¹⁵. Для сношений и запросов даю *свой* адрес.

Новые латв<ийские> паспорта должны быть *уже* у Вас (на 5 лет, во *все* страны мира).

Здесь** мне предложили выставочное помещение; условия подробно выясню и напишу. Дело идет через приятеля. В прошении о визе надо будет указать, *кто*

* Я для этого не гожусь, ибо иноземец.

** В Цюрихе.

Вас знает в Швейцарии и может Вас *рекомендовать*¹⁶. Для этого можете записать меня с адресом и телефоном (Zollikon, Zollikerstr. 33. Т. 051-24-86-13).

Мы настолько оба покрепели, что собираемся ехать на отдых. *Адрес прежний — переищлют аккуратнейше.*

Мы послали Вам (одновременно и Косте, Костя получил 23 июля): *Посылку I.* 1 kg масла, 1 kg Mager-speak¹⁷, 1 kg Salami¹⁸, 1/2 сыра, 1/2 мол<очного> порошка, 1/2 kg овсянки.

Это ушло 1 июня 1946.

Посылку II — ушла 15 августа. 1 kg сахара, 2 жест<янки> сахарн<ого> конд<итерского> молока, 1 жест<янку> рыбн<ых> конс<ервов>, 1 ф<унт> кофе, 1/2 ф<унта> чая, компот персиковый, ананасный, 1 kg шоколада.

Вот все пока. Чувствую себя очень утомленным после трудного лета. Весь август пролежали оба, вставая только для того, чтобы сготовить и поесть. Лежа и работали. Вышел мой Гегель по-немецки, толстым томом в 420 стр. Очень донимает нас föhn¹⁹ (ветер с гор) — мучение. Всех приветствуем.

5

Е. Е. Климову

<5.XI.1946>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Все Ваши открыточки я получил. Поднял на ноги посылочную фирму, они расследовали дело и посылают Вам одну посылку, эквивалентную первой, и другую, от себя — дарственно-компенсационную.

Итак, Вы должны теперь получить:

1) Через фирму Reisebüro Kündigung²⁰ посылку, посланную 15 августа и подлежащую *выдаче* через католическую Caritas-Verband²¹ или Evang<elisches> Hilfswerk²²;

состав ее: 1 kg сахара, 2 баночки сах<арного> конд<итерского> молока, жестянка рыбы, 500 gr кофе, 250 gr чаю, 1 kg шоколада, 2 банки консерв<ов> персик и ананас²³.

2) Заместительно-эквивалентную через фирму Krebs, послана 1 ноября (оригинал был послан 1 июня);

состав ее: 1 1/2 kg копч<еного> сала, 1 kg Salami, 1 kg сыру, 1/2 kg молочного порошка, 1/2 kg овсянки²⁴.

3) компенсационно-дарственную через фирму Krebs — послана 1 ноября;

состав ее: 3 банки сах<арного> конд<итерского> молока, банка меду, 1 kg сахару, 1/2 kg шоколаду, 1/2 kg овсянки, 1/2 <kg> еще крупы, 1/2 kg суш<еных> груш, 0,400 kg голл<андского> какао²⁵.

Неаккуратность доставки меня сердит и удручает. Но мы *бессильны* в этом деле. Радуюсь, что Ваше выставочное дело задвигалось — я подал прошение и говорил, что надо в начале сентября. Надеюсь, что это дело устроится.

Мы оба как будто вылезли из летних болезней. Когда увидимся, расскажем больше.

Марии Александровне, Маничке, детворе и Вам наши сердечные приветы

Ваш И. А. И<льин>.

5.XI.1946.

6

Е. Е. Климову

<13/26.XII.1946>²⁶

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Поздравляем Вас, маму, Маничку и детвору с наступающим праздником Рождества Христова и желаем Вам в новом году духовного *блага* и продовольственного *получия*. Получили Ваше последнее от 6 декабря, а 9 декабря отправили Вам через Christliche Nothilfe²⁷ еще один пакет *сахарный*, на четыре кило сахара и одно кило виноградного концентрата. *Должно* дойти. У нас есть такие известия: послан пакет в марте — дошел в ноябре, послан в августе — еще не дошел. Словом: по Чехову — «не унывай, жандарм» и «лопай, что дают»²⁸. — Дело Ваше с выставкой тлеет и млеет. В ноябре вызывали меня в *нашу* местную полицию — запрос, «*кто сей*»? Я не протестовал, но аттестовал всячески. В декабре — на днях — вызвали в *Цюрихскую* полицию: «*показывай оригиналы!*» Пospорил, поспорил — поволок: Грядущую весну²⁹ (Oel³⁰); Могилу Трувора и Псковское озеро³¹.

Продержали там сутки (не меня!). Вернули без ущерба. Говорят: «продажей картин 3 месяца *нельзя* у нас прожить; какие у него есть деньги и кто будет содержать его три месяца?» Тут я вспотел. Что я им, дяденькам, отвечу? Я говорю им: «а сколько, по-вашему, надо на 3 месяца?» Они стали совещаться. «Если, — говорят, — не будет он иметь готового помещения, то надо класть в месяц никак не менее 500 франков на прожитие, *не считая расходов по выставкам и по перевозкам картин; вы это можете обеспечить, г. профессор?»* «Я, — говорю, — нет, не могу»... «Тогда найдите какого-нибудь поручителя»... Я им объясняю (по Зоценке³²): «дорогие граждане, что же вы размышляете, что он, имея там за границей безусловную мать, единоутробную жену и оригинальных детей, будет тут, не оправдываясь заработком, три месяца разоряться? Да за кого вы его, граждане, принимаете? Если увидит, что картины не идут нарасхват и что оправдаться невозможно, повернется и уедет. Небось к вам на харчи не обрушится»³³... «Нет, — говорят, — обеспечьте эту сумму, тогда постановим»... Так я и ушел от них в расстройстве и прямо полупотный.

Теперь скажу. Генр<их> Ив<анович>³⁴ написал Вам в общем верно. Жизнь здесь *очень* дорога и все дорожает. Чтобы *здесь* жить, надо здесь и зарабатывать; и не мало. А картинщики-покупатели народ здесь осторожный и лукавый. Или похмыкает и уйдет; или «купит» картину, подержит ее у себя, похвастает ею направо-налево — и *назад* отсылает: «я-де передумал, мне не подходит». Люди вообще заняты тут сейчас тем, что убытки подсчитывают (по Чехову) — сколько бы оно-де было, если бы было не то, что было, а то, чего не было. Выходит — сплошное раззорение³⁵. У Чехова-то один такой господин посчитал-посчитал, да с горя-то и умер. Вот какая опасность.

Что же делать? Наше конкретное предложение. В-первых — зимой все трудно, отопление, помещение, etc. Отложить на весну. К весне мы *попытаемся* (это не твердое обещание, а обещание попытаться) устроить Вам в Цюрихе и его окрестностях *на две недели* бесплатную жизнь и бесплатное или дешевое выставочное помещение, и, м<ожет> б<ыть>, твердую продажу

неск<ольких> картин. Но большее не в наших силах. Подумайте, что составляют сто наших франков у Вас? А тысяча франков? Конечно, увезти отсюда валюту не позволят; это надо помнить. Но это Вас уже не касается.

Дорогой мой! Не унывайте от «расписной» работы³⁶. Все мы негры, и Ваш корреспондент несколько не менее; даже более — Вы по сравнению с ним «мулат», «метис». Однако и он не унывает, а находит для лучших заданий своих сверх-негритянское время и силы. Я постараюсь достать для Вас в Париже: 1) русскую грамматику, 2) хрестоматию, 3) арифметику, 4) рус<скую> историю и переслать Вам для Илюши³⁷. В прошлом году я скупил *тут* все наличные рус<ские> учебники — штук 50-60, и отправил их отцу А. Киселеву³⁸ в русскую гимназию Мюнхена. Теперь потрясу за шиворот моих парижских корреспондентов. Авось — Бог милостив... В Мюнхене у о. Киселева, думаю, будет Вам пока лучше всего.

О нас скажу: Наталию Николаевну (Слава Богу!) удалось отдыхом укрепить. Сам я неважен — нейроз сердца и фён очень затрудняют работу и мучают. В начале сентября выпустил большого Гегеля по-немецки (430 стр. с рисунками). Потом написал по-русски «Das verschollene Herz»³⁹ с новыми главами и развертом «Поющее сердце». Сейчас сел за давно ожидающую меня Философию религии⁴⁰. Писать буду по-русски — а переводчик сразу же будет переводить на немецкий⁴¹.

Душевно обнимаю Вас всех. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет сердечные приветы. Как только дойдет какая посылка, сейчас же известите. Но мне важно знать и то, что *еще* не дошла. Тогда я трясу *этих* людей.

Ваш И. А. И<льин>
(писал лежа, потому мазня)

26 дек. 1946

13

7

Е. Е. Климову

<ранняя весна 1947>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Только что отправил Вам к русской Пасхе два пакета.

1) Один через *Caritas* Blitzgutschein⁴² на 5 кило сахара:

при сем самый Blitz с гутом и с шейном⁴³. Где получать, сказано а) на спинке Блица, в) на желтой бумажке (добавочно). Я очень надеюсь, что Вы разберетесь в этом сами лучше меня. 2) второй через фирму Krebs, пять кило белой муки на кулич. Этот, должно быть, придет по почте.

Напишите, пожалуйста, обстоятельно — что Caritas — организация

- а) дает хорошие продукты?
- б) удобно ли Вам получать через нее?
- с) нет ли каких под- или над-вохов?

Ибо, конечно, «милосердия двери»⁴⁴ — но это инославное.

Войны скорой не жду. Сведения гласят: «не могут»... А «тензии»⁴⁵ делать и «куму плименты»⁴⁶ говорить хотят и будут. И этим себе — крепко вредят. Всех Вас по очереди целую и обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> — тоже.

8

Е. Е. Климову

<3.IV.1947>⁴⁷

Христос Воскресе!

Оба христосуемся со всеми Вами!

Дорогой Евгений Евгеньевич!

До нас дошли Ваши письма от 15 дек<абря> (Илюша и Алеша!), от 16 янв<аря> и от 8 марта. Спасибо! Всех приветствуем дружески — Марию Александровну, Вас, Марию Климентьевну, Илюшу и Алешу. Насколько я вижу, Вы должны получить еще:

1) сахарный пакет, давно уже пришедший к Косте (Christliche Nothilfe)

— 4 kg сахара и 1 kg виноградного концентрата послано 9 декабря!

2) еще сахарный пакет — отправленный через фирму Krebs

(Arbeiter Hilfswerk⁴⁸ ?) — 5 kg сахара отпр<авлено> 18 марта.

Это необходимейшие углеводы. Теперь пойдут жиры. Скажите Марии Климентьевне, чтобы не тревожилась о наших «ущербах». Мы посылаем еще много, в разные стороны и сами не голодаем. «Бог даст!»⁴⁹

К сожалению, неважно обстоит дело с Вашими планами. Федеральная полиция прислала мне *отказ* по Вашему адресу, мотивируя это так: «*da sein* (т. е. Ваш) *Unterhalt und Unterkunft nicht gesichert und die Möglichkeit der Rückreise nach Deutschland nicht gewährleistet sind*»⁵⁰. Пункт первый не фатален и при новой подаче прошения может быть как-нибудь улажен. Пункт второй *формален* и я для его устранения ничего сделать не могу. Вам надо иметь *Rückreise-Sichtvermerk*⁵¹: право выезда и возврата в Германию, а я даже не знаю, достижимо ли это и каким путем? Думайте, дознавайтесь! И пишите о результатах.

Имел письмо от Романа Мартыновича. Он писал из Пфальца. Поступает на службу к франц<узскому> *Gouvernement militaire*⁵², в отдел по делам иностранцев на положение вспомогат<ельного> служащего. Думает там осесть. Пока адрес: (22 b) Neustadt (Haardt). Talstrasse 59. bei A. Strautmenn. Rheinland-Pfaltz. Franz. Zone. Спишитесь с ним. Он пишет: «по приезде сюда узнал, что здесь официально объявлено о возможности эмигрировать для *Personnes Deplacées*⁵³, это конечно большой сдвиг». Верно! Надо ждать того же и в американской зоне. Вообще новая линия америк<анского> правительства, начатая речью Трумана⁵⁴, — *очень* хороша и *очень* значительна: поддержка Греции и Турции, борьба с ком<мунистами> внутри страны и во всем мире. Терпение. Терпение. И молитва.

Мы живы и много работаем. За время пребывания *здесь* я пишу сейчас седьмую и восьмую книгу⁵⁵ (порусски). Наталия Николаевна заканчивает книгу против норм<аннского> происхождения Рус<ского> Государства. Под заглавием «Изгнание норманнов»⁵⁶. Очень мучает *Föhn* — за последний год он почти непрерывен: ослабляет сердце, перенапрягает солнечное сплетение, портит сон и пищеварение. А у меня вызывает еще мои *мучительные головные боли* (спазмы нервных концов между черепом и кожей). Иногда — сижу и плачу. Отплачу и — пишу, преодолевая муку.

Очень Вы далеко! Костя достижимее. От него мы имеем письма чаще, только что препроводил ему два

Certificats d'Hebergement⁵⁷, в *Тунис*, для него и для Ксении Георгиевны⁵⁸. Но я верю: увидимся! И *мы увидим Ваши новые работы!* Храни Вас всех Господь! Оба шлем приветы.

Ваш И. А. Ильин.

3/IV.1947.

<Приписка:> Пришлите *непрерменно* хорошие, т. е. живые и выраз<ительные> фотографии Илюши и Алеши! *Надо*.

<Приписка:> Сейчас же после праздника здешнего попробую послать через аптеку для Илюши и Алеши *санасол*. Это рыбий жир, лишенный рыбье-жирного *вкуса* при помощи апельсинового сока, лимонного сока и мальчика⁵⁹. Пьется ложками, вкус сладкого апельсинового желе. Содержит витамины Д + витамины А + жиры + прочее. Детям не *надо* говорить про рыбий жир: не учухают.

9

Е. Е. Климову
1947 11 авг<уста>

<11.VIII.1947>⁶⁰

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Вчера мне позвонили, что этюд Ваш прибыл (через Ирочку⁶¹) и высылается мне заказным из Берна. Радуемся! По получении напишу еще.

Совещание с серьезным и опытным детским доктором дало плоды. Во вторник или среду к Вам поедет лекарство для Илюши*. Там приложено: 1) предупреждение, что дилетантствовать с ним нельзя — нужен надзор и приказ *врача* на месте, 2) подробное изъяснение, что за лекарство.

Помимо этого надо, чтобы у Илюши в комнате *всегда немножко пахло иодом* (достаточно приоткрытого пузырька или чего-ниб<удь> подобного). По-видимому, важен *анализ крови*. Осуществим ли он у Вас? Изнемогаю от напряженной и спешной работы... Обнимаю

Ваш И<льин>.

* отправитель будет в Штутгарте.

10

Е. Е. Климову

<11.X.1947>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сердечно благодарим! Радуемся и кланяемся! Все дошло. Этот весенний пейзаж превосходен: словно улыбка... И «манера» у Вас совсем другая: зрелая, уверенная, самонашедшаяся... Подыскиваем рамку. И «рыбак» — трогательный.

Не писал Вам давно в силу форс мажор. Июль и август провел в перенапряженной работе и в конце августа заболел от переутомления. Только теперь еле-еле отошел и схватил еще длительный грипп.

Обратите внимание на доставленные Вам многовитаминовые таблетки. Это *первое, важнейшее* для организма. У детей могут пройти от них *все* недомогания.

13-го окт<ября> вечером возвращаемся из «каникул» в свою квартиру. Тогда напишу еще.

Всех Вас душевно обнимаем.

Ваш И. А. И<льин>.

1947.X.11.

(Zollikon, Zollikerstr. 33)

11

Е. Е. Климову<21.XI.1947>⁶²

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Был у меня Гриб, привез от Вас Псковский альбом⁶³. Как чудесно! Какие храмовые видения!... Каждый раз как перевернешь лист — от нового сердце бьется. Спасибо, спасибо Вам! *Радость* доставили!

Надо Вам сказать, что в 1939 году зимой, когда мои спазматические головные боли только еще вонзились, — я думал, что это у меня рак мозга (тумор), тосковал, мало занимался и прощался со всеми своими книгами неоконченными и не начатыми. Вдруг пришли «стихи». Потóком. В две недели свыше 1000 строк. Воспелась (иронически-шутливо-окаянно — а потом и *вдохновенно*) вся наша квартира — она была вроде пещеры — от снаружи — до ванной, от кухни до кресел. И конечно, *все*

наши картины, снимки и иконы — что развешаны в жилище. Заглавие: «Наше жилище, или Быт и Бытие изгнанников»⁶⁴.

Так вот, там было и о Леонардо⁶⁵, и о Боттичелли, о Нестерове⁶⁶, Бакшееве⁶⁷, Антонове⁶⁸, Климове,

Вот что было о Вашей «Грядущей Весне» (висела и висит в столовой)

* * *

А повыше полки той
В рамке тускло-золотой,
Нежным светом озарен,
Храм изборский вознесен.
Утро, раннею весною.
Солнце светит, но без зною.
И земля, — в ответ и в дар
Воссылает тонкий пар
Нежно-зрачной пеленою...

На распутии, не в ряд
Избы русские стоят;
И деревья, как сквозь сон,
Чуть желтеют из пелен...
А за ними, но повыше
В изумрудно-светлой крыше,
Окруженный неба славой,
Голубеет одноглавый
Православный русский храм:
Откровенье — простотою,
Сновиденье — красотою,
Он сияет лаской нам,
Как наследие веков,
Уцелевшее поныне,
А грядущего пустыне —
И обет, и гимн, и зов...
Это — вздох самой России,
Как вздыхала от Батыя
Во смирении сильна,
Всеомолитвенно она...
А подслушал вздох сей древний, —
Что — чем глубже, тем безгневней,
Мастер с нежною душой,
Созерцанием живой,
Усладившись тишиною
И «Грядущею Весною», —
Разыскатель Херувимов,
Друг и брат, Евгений Климов.

Еще раз: спасибо Вам сердечное!

Последняя посылка должна была принести Вам *тройной* состав (от «Рах⁶⁹»): шоколад, кофе и витамины. Все ли это в порядке?

Напишите мне еще отдельно, чем бы порадовать Марию Александровну лично? И Марию Климентьевну. Сердечные приветы.

Ваш И<льин>.

1947.XI.21.

12

Е. Е. Климову

<2.V.1948>

Воистину Воскресе!

Дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо Вам за милое письмо. Рад, что пасхальный подарочек (Иконы) дошел до Вас. Вам послан еще (одновременно с сахаром через Caritas) пакет через Krebs (пять кило *белой муки — для кулича*). Дошло ли это? Слышу, что Вам не хочется в Аргентину, и очень это понимаю⁷⁰. Ох, скитальцы мы все! Доколе, доколе, Господи!

Есть ли у Вас, где добывать травы (Kräuter⁷¹)? От ревматизма *очень* помогает: *ясеневый лист*, 5 дней настоянный на спирте 96°. Это называется *Eschenlaub*. Есть ли спирт? Банка, в банку лист, спирт должен покрыть листовый ворошок, закупорить, пять дней. Слить. Зеленую настойку а) на ночь втирать в больное место, б) 20 кап. *внутрь*. Долго! Аккуратно! Старобабе русское средство, добыл мне Шмелев⁷², я его *испробовал*. Мачке!

Всех Вас обнимаю.

Христосуемся!

Что бы Вы нам из Вашего ни при-«бельцовали»⁷³ — все будет радостью! Как прошла выставка?

Дало ли это что-нибудь в смысле «оборота»?

1948.V.2.

13

Е. Е. Климову

<3.IX.1948>⁷⁴

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Давно уже хотел поблагодарить Вас душевно за дорогой этюд, который доставил нам большую радость! Спасибо Вам. Думается мне, не Ваше ли жилище просвечивает там, за сетью веток над водою...

Двигаются Ваши! В Канаду⁷⁵... В Аргентину... Боюсь, не придется увидеться с ними. Костю французы просто не пускают сюда: «зачем? — вам через Бремен дорога»... Жорж⁷⁶ с семьей (писал он от 15 авг<уста>) ждет сдвига. От 24-го было известие: сидят на чемоданах, ждут «ветра»... а он не дует. Сегодня 3 сент<ября>. Нам крайняя пора уезжать на отдых. Я просто изнемог от перенапряжения: работа в пяти каналах + переписка + самообслуживание вдвоем. И главное: вечная необходимость *изучать* и *описывать ужаснейшее*. После каждой такой штуки (состояние людей *там*) я душевно и телесно заболеваю на несколько дней⁷⁷.

Тревожат меня вести о здоровье Марии Александровны. Нельзя ли чем-ниб<удь> помочь?! Напишите.

Адрес наш остается прежний. Войны близкой ждать *не* следует. Душевно Вас всех обнимаю. Н<аталия> Н<иколаевна> шлет приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

3/IX.1948.

14

Е. Е. Климову

<ноябрь 1948>⁷⁸

С дружеским приветом и пожеланием скорого и полного выздоровления отцу и сыну⁷⁹! Сахар и мыло в пути.

15

Е. Е. Климову

<9.XII.1948>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Ира⁸⁰ рассказала мне о Ваших протезных затруднениях. Если дело действительно в том, что не

хватает неких технических *частей*, или *деталей*, или *субстанций*, то пожалуйста, не откладывая, возьмите у врача бумажку с *техническими обозначениями* и пришлите мне. Мы добудем нужное через друга-специалиста и вышлем. Если все это *сложнее*, то *опишите сложнее*; м<ожет> б<ыть>, в Швейцарии здесь есть новые аттитюды⁸¹ и трюки, — тоже добудем.

Очень рад, что гобеленчик дошел до Вас; мне казалось, что так Вам будет свободнее и увереннее.

Костя пишет, что Тюркотт⁸² *подал прошение* о ввозе *всего* Вашего гнезда в Канаду и что он, Тюрк<отт>, *уже подыскивает Вам квартиру в Трехречьи*.

Дай Бог!

Обнимаю Вас всех по очереди. Радуюсь, что Мария Александровна поправляется.

Ваш Idem Ibidem⁸³.

9/XII/1948.

16

Е. Е. Климову

<13.I.1949>⁸⁴

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо от 9 янв<аря>. Оно пошло 10-го, пришло сегодня, 13-го. Если у Вас есть любящие друзья, то не мешайте им, как бы они ни назывались. Ира сказала *мне* о Вашем отоплении. И о том, что бабушке надо теплого. Я, от *себя*, переговорил с Ш<арлоттой> М<аксимилиановной>⁸⁵, а у них как раз ревизуются *амбары* теплых вещей; она мне обещала, и Вы верно уже получили кое-что. Пожалуйста, отнесите к этому тоже с легкою щедростью, ибо она состоит и в принятии; ее даже *больше, чем в давании*: ибо дающий тешит свое самолюбие, а принимающий должен уговорить себя к братской легкости. Вот о ней-то я и прошу у Вас. А Шарлотту поблагодарите, конечно.

Ира сегодня получила обещание обратной визы; радостно-облегченно звонила только что. По возвращении она скоро проедет к *Вам*. Не спрашивайте ее о том, *что мы думаем*. Мы с нею об этом говорили мало: не хотели обременять ребенка (каковой она и доньне

есть политически). Я пришлю Вам *мысли на бумаге*: там все найдете. А об авторе оных не спрашивайте: он желает быть неизвестен.

Похварываю. Как только начну выходить, закажу фотокопию кремл<евского> дворца (*есть*).

Портрет Марии Климентьевны — превосходен: стиль зрелого, большого портретного размаха. Лик из Достоевского. У Крестителя Лик очень благолепен⁸⁶.

Обнимаю Вас всех. Марию Александровну прошу простить мне мое неписание. Я ее очень чту и люблю.

Ваш Аспид Василисков⁸⁷.

1949/І.13.

С новым годом!

17

М. А. Климовой

<30.І.1949>⁸⁸

Дорогая Мария Александровна!

Простите меня, пожалуйста, за то, что долго не отвечал на Ваше милое письмо. По-прежнему мы оба помнили и любили Вас, огорчались Вашим недугом, радовались облегчению и жалели, что не можем свидеться лицом к лицу. Но жизнь трудна, и писать я успеваю только туда, где неотложная катастрофа.

Костю вызволили! Слава Богу! Теперь надо *Ваше* гнездо поднимать. Об этом мне пишет Костя, положение которого, по-видимому, крепнет в Трехречии. Об этом мы и с Ирочкой здесь совещались, что и как для этого нужно. Ну, Бог даст, и это справим. Близкой войны не ждем, тревожиться об этом не следует. Восточная опасность ушла на Дальний Восток и застрянет в Азии. Надо думать спокойно о переезде и готовить его.

Пожалуйста, напишите мне, в чем у Вас жизненная нехватка — о себе, о Жене, о Марии Климентьевне и о подрастающих героичках. Ничего не обещаю и потому прошу Вас не стесняться, а выговорить все (не говоря другим членам семьи!) по дружбе и простоте. А мы здесь «покумекаем». Мало ли что бывает... Може⁸⁹, кое-что и наколдуются.

Поздравляем Вас с Новым Годом, душевно Вас обнимаем и с любовью вспоминаем Ригу, Белое Озеро и Кокнезе⁹⁰.

Наталья Николаевна шлет дружеский привет.
Целую Ваши ручки.

Ваш И. А. И<льин>.

30/I.1949.

Месяц гриппом отхворал. Начинаю выходить.

18

Е. Е. Климову

15.II.1949

Дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо за Сиенские ворота⁹¹! Простите, что пишу редко и мало: тороплюсь до смерти выкачать из себя побольше и получше — и потому *постоянно* переутомлен. <...>⁹²

Теперь очень прошу Вас, сделайте следующее.

Напишите письмо: «Глубокоуважаемый Николай Викторович⁹³! Проф. И. А. Ильин просил меня послать Вам для Вашего журнала «День Русского Ребенка» кое-что из моих гравюр для воспроизведения. С радостью исполняю его просьбу. Посылаю

- 1) (что именно)
- 2)
- 3)

Рад буду, если это Вам пригодится. Конечно, безвозмездно. От души желаю Вам успеха и остаюсь

Искренно уваж<ающий> Вас Е. Климов⁹⁴».

Журнал выходит раз в год. Все сотрудничают без гонорара. Но Н<иколай> В<икторович> (крепкий, русский, православный, правый) председатель фонда И. В. Кулаева⁹⁵ и посылает посылки. Я только что просил *для Вас* посылку *костюмную* и *кэрную*⁹⁶. Костя в прошлом году *получил*.

Когда Ира уезжала, мы дали ей для Вас шесть пар шерст<яных> носков, раз надеванных и вымытых. *Новые нельзя посылать*. Она просила одну из них для мужа; мы, конечно, согласились.

Верно ли я разобрал, что воротник Вашей рубашки «44»?

Кремл<евский> купол пришлю. От Кости имею, слава Богу, хорошие вести.

Письма Марии Александровны и Марии Климентьевны получили.

Ваш Idem Ibidem.

P.S. Ира говорила, что Вас интересуют «воззрения на современность» одного здешнего русского ученого. Я с ним переговорил, *не считая возможным* нагружать Иру «словесностью». Сей господин пришлет Вам какой-то бюллетень «Наши Задачи», выходящий с апреля 1948 еженедельно, автор этих статей решительно неизвестен, но это «ничего». Вы его, если Вас заинтересует, прочтите и верните заказным (ибо экз<емпляры> редки!). А Иру не утруждайте расспросами!

19

Е. Е. Климову

21.II.1949

Дорогой Евгений Евгениевич!

Наш добрый друг Шарлотта Максимилиановна Барейс (Bareiss) едет к себе (Salach bei Göppingen. Landhaus Reuthe Württemberg⁹⁷). Она выезжает завтра, 22. II. Оттуда она Вам напишет *о своем приезде к Вам* (в автом<обиле>). Она хочет всех Вас видеть воочию (как было с Костей). Она по-русски понимает лишь кое-что (иногда все), но говорит только по-немецки и по-английски. Чем проще и сердечнее Вы с нею будете, тем лучше. Она достаточно знает о всех Вас. Дайте ей посоветоваться (отдельно, поженски) — и с Марией Климентьевной, и с Марией Александровной. Если она что привезет или захочет прислать потом, то примите с *легкой щедростью*. Если Вы захотите подарить ей одно из своих созданий, то она *примет с радостью*: она очень понимает, что дарить легко, а принимать трудно!

Обнимаю Вас всех. Господь да поможет Вам. На днях пошлю Вам обещанную «литературу».

Ваш Idem Ibidem.

Е. Е. Климову

<март 1949>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Спасибо Вам за дружеское письмо! Предупеждаю. 12 марта муж Ш<арлотты> М<аксимилиановны> едет своим автомобилем к себе на фабрику. Он повезет Вам полотна для живописи и, кажется, еще каких-то принадлежностей для сего дела. Зять его, Walter Schmidt-Salzmann (муж его дочери Elsamarie, сокращенно «Putzi») был в *России*, воевал, и *влюбился в нее*. Узнав от Putzi о Ваших пейзажах, полез на стенку: «еду! хочу *все* видеть! и *копии* заказать!» Если он у Вас не был, то *будет*. Может быть, придет с полотном. Это будут *гонорарные* заказы, *никакого* отношения не имеющие к визиту, доброте и дарам. Попервоначалу, думается, Вам следует *согласиться*. Оригинал *никаких* не дарить и не отдавать. Писать *копии*, сколько бы он ни заказал, и *нисколько* не думать о расходах заказчика: верьте, там *есть, что* расходовать. В то же время — напишите *мне* («помай»), сколько Вы считали бы *справедливым* и *подобающим* получить за копию; а я Вам напишу, о чем *там* думают. А с *ним* в эту сторону дела *не вдавайтесь*. Устроится.

Ваш личный и художественный успех в этой семье очень велик, что я и предвидел. Получил я от Ш<арлотты> малюсенькую фотографию пейзажа: справа впереди два голых дерева, слева впереди строение, дорога посреди, туманная даль, два шпиля церк<овных> в селе. По-видимому, вещь *несказанной прелести*. Ура!

<Приписка:> Тревожит меня слуховой аппарат Марии Александровны. Душевно Вас обнимаю. Всем сердечный привет от нас обоих.

Ваш И<льин>.

<Приписка:> «Журнал» ушел сегодня заказною бандеролью. *Аноним!! Не* для Иры. По прочтении верните. Экземпляров *мало*. Рвут друг у друга из рук.

Е. Е. Климову

27.III.1949

Дорогой Евгений Евгениевич!

Вот что произошло.

Последний раз (на днях), как был я у Ш<арлотты>, то она сказала мне речь том, что-де в «*нашем возрасте*» не следует откладывать дары и оттягивать радости жизни; что хотя мое рождение еще только 10 апреля, но вот *обрамленный* шедевр от Е<вгения> Е<вгеньевича> — к рождению: и подала мне деревенскую улицу Припсковья. На душе у меня стало от Вашего создания тепло, ласково, приветно и родно. Какая простота и какая лирика!

«Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!» — и до конца.

Прекрасная, благородная, сердцем согретая живопись!
Спасибо.

Потом она начала *продолжать* речь. Говорит: я-де нерусская — и не имею права на русские виды и святыни и на русские пейзажи — это «неверно», что он (Е<вгений> Е<вгеньевич>) подарил *мне* такую прелесть, и я считаю правильным и необходимым передать ее Вам. И подала мне голубой Псков. Я так и ахнул. Как это хорошо! Какой свет! Какой плеск! Какая ласка и утешение! Совершенно замечательное создание русского искусства. — Я спорить с ней не стал, а сvez Наталье Николаевне, которая отозвалась на это самым духовно-глубоким образом.

Но тому еще не конец. Мы еще раз оба ахнули, когда по Вашему письму из моих неопрятных листков появилась на свет нежнейшая Васцисская часовня — с далекой перспективой, обетованным Изборском воздухом и ласковой тающе-окрашенной авансценой. Прямо — перл создания! Хотим ее *под стекло* и в узенькую завершительную рамочку — золотенькую? Матовую? Вот радость — вот утешение! Спасибо Вам, дорогой мастер!

Теперь: не думайте, что Вы никакой благодарности не выразили Ш<арлотте>. Это неверно. Она сама приехала от Вас из Хейденхейма — счастливая и до дна тронутая. Дар же есть существо свободное к передарению. А если

Вам неприятно, что голубой Псков у нас, то напишите нам. А мы пока успели уже оценить все детали. К сожалению, только мы в Пскове самом не были и просим пояснить: это есть и голубеет *залив* Великой, верно?

Спасибо! Еще и еще.

Всех Вас обнимаем и приветствуем. Я радовался, что Мария Александровна разрешила все наши задачи по Евтушевскому⁹⁸. Пришлю еще — ибо они накапливаются. Скоро уйдет пятьдесят пятый.

Ваш Idem Ibidem.

22

Е. Е. Климову

<5.IV.1949>

Дорогой Явлений Явлениевич⁹⁹!

Что значит, простите, «с фильтром»?¹⁰⁰ Сифон бывает с фильтром. Опять — кофе. Ну и водопровод. А фотография?.. Это как? Чтобы *не все* «вышло»?

А размер?

Посылаю Вам офферту¹⁰¹ <Приписка сверху: *верните ee!*> моей фотокопщицы: машины у нее из Америки, последнее слово техники, а про фильтр не упоминается. Пожалуйста, отвлекитесь *от цен*: это безразлично. И обозначьте

1) что такое фильтр?¹⁰²

2) matt? glanz? chamois?¹⁰³

3) Bromsilber Papier?¹⁰⁴

4) Anzahl der Copien¹⁰⁵

5) снять одну картину на пробу сначала?

Спасибо за комментарии к картинам!

И за проект рамочки!

Кремл<евский> Дворец вчера сфотографировал — весь фасад с кумполом. Пошлю. Хочу комм<ентарии> Ваши отстукать на машинке и наклеить сзади на картины, с обозначением *кто* и *когда* pinx¹⁰⁶.

Думал я, что Псков — сдвинутое слово, что вначале был Плесков, и река Плескова; от плеск — блеск. География и нем<ецкое> название подтверждают. И Нат<алия> Ник<олаевна> подтверждает по источникам — древле зваясь град Плесков. Наталия Николаевна просит

Вас спросить: возле Изборска есть «Славянские Ключи»; Забелин¹⁰⁷ пишет о них, что «о них забыли»; ан не забыли! Так вопрос: *где* они там? и текут ли еще?

Борзов пишет: «Благодарю за присылку письма и работ художника Климова. Конечно, я постараюсь сделать все, зависящее от меня, чтобы быть ему полезным. Передайте ему, что он случайно послал мне снимки со своих работ по зарисовке мест, мне дорогих по воспоминаниям. Моя покойная супруга, будучи моей невестой, жила в Изборске, и мы с ней посещали это кладбище. Точно так же, когда мы с нею ездили в Псков, то были в Псково-Печерском монастыре. Это происходило 53 года тому назад. Как-то не верится, что это даже было. И вот, смотря на рисунки, я невольно вспомнил то, что красило мне тогда жизнь, подавало надежды на будущее, и что еще больше меня укрепляло в осуществленном мною решении уехать из СПб в провинцию и начать скромную жизнь учителя, может быть и с работами, но по получению ученой степени по русской истории, о чем говорил мне мой профессор Платонов¹⁰⁸. Все было, все миновало, но «за все надо благодарить Господа Бога».

О Пушкине: «мне очень понравилось лицо поэта, написанное Е. Е. Климовым».

В письме Борзова, только что пришедшем: «художнику Климову назначена от фонда «посылка».

Пожалуйста, если у Вас в чем нехватка, то сообщите мне прямо, как полагается Прямычу, и не молчите криво, заразившись от Кривичей¹⁰⁹. Никаких «даров» не относите к людям: *все* от Бога, а люди только орудия.

Храни Вас Бог. Всем приветы.

Ваш Idem Ibidem.

5/IV 1949.

23

Е. Е. Климову

19.IV.1949¹¹⁰

Христос Воскресе!

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Мы все знаем о Вас и вот уже несколько дней в хлопотах. Хотели слать Penecillin etc.¹¹¹ Только что пришла

Ваша открытка от 14-го. Вчера из Салаха¹¹² были последние сообщения от Вас (телефонного происхождения).

Теперь: Вы *обещаете* мне писать о *всякой* нужде — харчи — или лекарства — или монета¹¹³. Прямо мне, как «друг и брат Евгений Климов». Ш<арлотта> М<аксимилиановна> сделает *по всей линии* — все необходимое: у нее *рука длинная*.

Пока Вам имеется запас *протовита*¹¹⁴ — на всех хватит. При *каждой* еде: взрослый глотает две таблетки, ребенок одну. Это *все витамины* сразу в *оптимальной* композиции. Проглотите — еще пришлют. Непременно глотайте и **Вы** сами: это *крепость* организма — витаминизированный организм извлекает из всего — из еды, сна, солнца, воздуха — *двойное* количество благ. Помните, что Вы *живой стержень семьи* — он должен быть крепок.

Обнимаю Вас. Нат<алия> Ник<олаевна> во всех Ваших делах участвует живейше. Прилагаемое письмо — Ирочке.

Ваш И<льин>.

24

Е. Е. Климову

<25.IV.1949>¹¹⁵

Христос Воскресе!

Дорогой Евгений Евгениевич!

В тревожном напряжении и с величайшим участием следили мы за болезнью Марии Александровны и Марии Климентьевны¹¹⁶. Телеграмму Вашу от четверга о кончине Марии Александровны¹¹⁷ я немедленно перетелеграфировал Косте. От него только что пришло письмо, написанное *до* телеграммы: оба в тревоге и тоске, едут говеть в Монреаль. Вероятно, получают телеграмму по возвращении.

Дорогой мой! Нет у человека, кто мог бы заменить ему мать... Знаю и чувствую это всем сердцем. Но «успшие» не порывают с нами. И свет, всю жизнь обитавший в Марии Александровне, ее праведная душа, все больше одухотворявшаяся, ее любовь — все это будет по-прежнему с Вами.

Помните ли Вы стихотворение Жуковского «Голос с того света» (гениальная парафраза на шиллеровскую неуклюжесть)?

Не узнавай, куда я путь склонила,
В какой предел из мира перешла...
О, друг, я все земное совершила;
Я на земле любила и жила.

Нашла ли их? Сбылись ли ожидания?...
Без страха верь; обмана сердцу нет;
Сбылося *все*. Я в стороне свиданья,
И знаю здесь, сколь *ваш* прекрасен свет.

Друг, на *земле* великое не тешно;
Будь тверд, а *здесь* тебе не изменят;
О милый, здесь не будет безответно
Ничто, ничто: ни мысль, ни вздох, ни взгляд.

Не унывай: минувшее с тобою;
Незрима я, но в мире мы одним;
Будь верен мне прекрасною душою:
Сверши один — начатое вдвоем¹¹⁸.

Душевно Вас обнимаю. Не надо ли чего для Марии Климентьевны? Наталия Николаевна во всем со мною.

Ваш И. А. Ильин.

1949/IV.25.

Христосуюсь с Жоржем! Дайте ему прочесть мое письмо¹¹⁹.

25

Е. Е. Климову

<18.VI.1949>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Спасибо Вам за память и за фотографию Марии Александровны в больничной кровати! Давно не писал Вам потому, что в мае «испортился» — заболел от умственно-нервного переутомления. Два с половиною года жег фитиль с двух концов — заработок, Н<аши> З<адачи>, писание большого труда, переписка и еще разное сверхсметное. В

апреле я закончил двухтомную работу «Аксиомы религиозного опыта» — но уже с перенапряжением. В мае чуть живой уехал на отдых: плохая погода непрерывно — лежишь, отдыхая, в голове телеграфный столб гудит от мыслей — стал записывать, начал новую работу — и сорвался. Забастовал *pervus sympathicus*¹²⁰ — пришлось лекцию в Женеве отменить — и уехать домой. Вот две недели валялся негодяем, теперь чуть-чуть стал оправляться. А совсем прекратить работу нельзя! Но теперь по пунктам.

1. Сегодня воскресенье. На завтрашней неделе все Ваши опусы будут сфотографированы с фильтром в фирме Ganz und Co. Тогда вышлю.

2. Самое трудное это Ваше желание русского чтения. Все, что я мог раздарить, я раздарил. Последнюю книгу (детскую хрестоматию) — Ире. При манере заниматься-работать, которая свойственна нам обоим, — каждую минуту может понадобиться всякая книга, тем более что они все *проработаны отметками лично-интимного характера*. Отсюда вывод: напишите мне, что именно у Вас имеется из русских классиков и книг; а я соображу и, может быть, что-нибудь изобрету. И что Вам хотелось бы иметь «в первую голову»?

3. Кремл<евский> Дворец давно снят, но, сделав это, я величайше-глубочайше усомнился в своей фантазии. И потому сел на собств<енный> хвост. Однако пришлю.

4. Костя пишет Шарлотте, что один храм документально закреплен за Вами (роспись!)¹²¹. Бумага пошла в министерство, и Костя надеется, что это будет последняя формальность. Сам он (что я с самого начала предвидел!) переседлывает с патеров на Лалибертея¹²² (который оных терпеть не может и перетаскивает Костю в консерваторию, создаваемую *при Костином участии* в Монреале). Лалибертею 69 лет; он пламенный почитатель Метнера¹²³ и имеет *свои хорошие* связи в правительстве. Костя пишет: тотчас после визы Жени — начну дело о визе для Жоржа. Voila¹²⁴. Костя бодр и очень оптимистичен. Квартиру в 4 комнаты они оклеили. Хотят наколдовывать мебель.

5. Комментариев к Вашим картинам я никому передавать *не буду*. Что им это? Ведь это *для нас* весит, от лица которых сказано:

Великий Петр! Твой каждый шаг
Для сердца русского есть памятник священный!

Ведь у нас бьется сердце от слов — «Плескава», «Великая», «Петр певал на клиросе». А *им* что? Нет — не продешевлю Ваших сокровищ!

6. Счастлив, что послужил Манечке сюртуком. А знаете, что он стоил — совсем, с работой? Шестьдесят рублей...

7. Прелестен портрет Явления Явленьевича — возле танцующих баб! Спасибо за этот подарок...¹²⁵

8. Прелестен Левитан¹²⁶ осенний! Храни, Господи, нашу Россию!

9. На Вас по-прежнему остается *братское* обязательство писать мне о самонужнейшем. Я немедленно созову по английскому обычному праву «комитет путей и средств» — Бог поможет!

Пусть Манечка, Женя, Илюша и Алеша глотают витамины-питамины. Еще пошлетя, когда выйдет.

Только не молчите! Меня к Вам Господь приставил. Неужели Вы в этом еще сомневаетесь?

От нас обоих всем Вам сердечные приветы. Обнимаю Вас.

Ваш Idem Ibidem.

18 июня / 1949.

26

Е. Е. Климову

<29.VI.1949>

Дорогой Явлений Явениевич!

Только что письмо от Кости. Писано 24, брошено 27, пришло 29-го. *Всей Вашей семье визы в Канаду даны. Кончено.* Теперь хлопоты об оплате Иго-ю¹²⁷ билетов и проезда до канадского порта. Костя добавляет: *никаких обязательств ни у меня, ни у Жени нет и не будет.* Патеры *не суть* реш<ающие> факторы, *но и не в обиде.* Теперь для Жени начнутся мытарства: по комиссиям. *Но* врачи там *плохи.* Диагнозы надо получить в Германии (Висбаден?).

Обнимаю Вас

И<льин>.

1949/ 29 июня.

Костя тотчас же начинает хлопоты о Жорже с семьей. Тем временем Вы должны были получить в счет написанных уже картин-копий 500 ДМ. И еще 500 предстоит!

27

Е. Е. Климову

<без даты>

Дорогой Явлений Явленевич!

«Радение о книгах». Начинается с пересылки Вам в дар — двух первых томов Вёрмана «История искусства»:

том I. Искусство дохрист<ианских> и нехрист<ианских> народов,

том II. Иск<усство> христ<ианских> народов до конца XV века. Изд. Просвещение. Пер. Сомова и Айналова.

Переplet замызган и несколько поврежден. Но все рисунки, хромофотографии, гравюры и автотипии в порядке.

У нас есть два экземпляра. Один подаряется Вам. Достоевского надо поискать на парижском рынке. Лескова¹²⁸ — трудно. Дальнейшее увидим. В один из томов вложен снимок с Кремл<евского> Дворца — отыщите.

Очень рад Вашему контакту с Ю. Ю. Габричевским¹²⁹ (сокращенно Юриурич). Сердечный привет всему Вашему гнезду.

Мы оба.

28

Е. Е. Климову

<17.VIII.1949>¹³⁰

Дорогой друг, Евгений Евгеньевич!

И радостно, что у Вас успехи отъездные, — и горько. Горько «спроваживать» друзей за море, одного за другим, не видевши в глаза и не сказав живого слова. Вы ведь себе не представляете, до какой степени мы здесь одиноки: духовно — *никому* до нас дела нет. Туземцы знают эрос и связывают его с расчетом; знают и благотворительность и тоже связывают ее с честолюбием и расчетом. Но ни любви, ни дружбы *не понимают и не испытывают*. Да и до нашей страны и до наших забот и усилий — им все равно не было бы дела. Всего не расскажешь и не объяснишь —

но иноземцы суть иноземцы; и точка. И что такое снобизм благотворительности, мы знаем достаточно.

Набросок Ваш для *ex libris*¹³¹ эффектен и хорош¹³². Но для нас — «нескромнен». То, что Вы нарисовали, надо бы *отодвинуть вдаль* — видением, блаженным сном; и никакого «ПРОФЕССОРА»; и *оба* наши имени, но чтобы не вышло, будто это какие-то сибиряки («Мокрых», «Мелких», «Гордых», «Ильиных»), из разбогатевших чалдонов...

Простите — Вот пожелания наши.

Ш<арлотте> М<аксимилиановне> я передал от Вас все нужное. Она радовалась и гордилась, что Лани¹³³ оказался на высоте.

Далеко еще не шлю Вам нашего европейского «прости», а Вас прошу держать нас в курсе Ваших дел!

Всем привет. Вас обнимаю и да не будет нам Канада разлукою. От Кости имею бодрые письма. Теперь надо приниматься за Жоржа: «перевозки и упаковка».

Ваш И. А. И<льин>.

17/VIII.1949.

29

Е. Е. Климову

4/XI. 1949.

Zollikon.

<4.XI.1949>

Дорогой друг, Евгений Евгеньевич!

Вы себе и представить не можете, какое облегчение и какую радость мы испытали, узнав, что кончилось Ваше странствие и что Вы на берегу¹³⁴. Слава Богу! У меня всегда было чувство, что я отвечаю за все несправедливости, муки и мерзости земли; а уж особенно за друзей — плохо им, значит, я вроде предателя. С этим очень трудно жить на свете, — но это и есть голос совести и любви.

Рад, что Ваши первые впечатления были ласковы. Господь поможет Вам на пути, как помог уже в пути. Словом: «не унывай, жандарм!» и «лопай, что дают!»...

Картины Ваши у нас. Но Шарлотта так вздыхала о большом пейзаже неба, что мы оставили его ей. Она была счастлива. Из трех других мы больше всего полюбили «Пимжу¹³⁵»... Что за даль, что за освещение!

Сколько духовной теплоты, и России — и лирической мягкости. Стоишь и чувствуешь — струи света и нежной, мечтательной любви. Хотим налепить сзади Ваш письменный комментарий; да и на другие пейзажи — тоже, чтобы знадено было — кто, что, когда. По-русски и по-иностранному.

Бесконечно грустно, что не увиделись с Вами перед океаном. Но вот — ИРО... Роман Мартынович (едет в Марокко) хотел через Швейцарию: тридцать три невозможности и двадцать две угрозы со стороны ИРО. — Надо научиться созерцать друг друга *в духе*. Возьмите, пожалуйста, у дяди Кости *Blick in die Ferne* и прочтите там «*Vom Künstlerisch-Vollkommenen*» и «*Die Tat*». А в делах Илюши и Алеши — «*Der Geist des Instinktes*»¹³⁶. Я хотел писать Вам на эти темы, но потом побоялся, что сложность письма начнет затягивать его осуществление, и подумал, что «уже написано». Надеюсь всю эту книгу завершить по-русски, а пока отшлифовываю в последний раз «Аксиомы религиозного опыта». Господи, неужели не напечатаю при жизни?!

От Жоржа *хорошие* вести. От Иры — тоже.

А мы здесь по-прежнему люто-одиноким. Туземцы — чужие; немцы — тоже. А русских, духовно живущих, просто *нет*.

Душевно обнимаю Вас. Сердечные приветы от нас обоим Маничке, Илье Евгеньевичу и Алексею Евгеньевичу. Скажите им, чтобы держали русское знамя высоко — по-Изборски и по-Пимженски!

Ваш И. А. И<льин>.

<Приписка:> Очень прошу: прочитывайте по мере выхода «Наши Задачи»!

30

Е. Е. Климову

22.I.1950¹³⁷

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Поздравляем Вас, Марию Климентьевну, Илию Евгеньевича и Алексея Евгеньевича с новым годом и с состоявшимся новоселием. Дай Бог Вам всем милости: устрояющей, утешающей и укрепляющей. И чтобы

детвора никогда не переставала чувствовать себя *русскою* и *никакою другою*...

В письме к Дяде Косте¹³⁸ я рассказал о своем молчании. Поймите и не браните. Верьте, что расстояние может мешать непосредственному общению, но не духовной дружбе.

Мы оба очень тронуты Вашими экслибрисами, а я, в частности, очень пияю себя за то, что подсудобил Вам эту неразрешимую задачу. Всегда, с самого начала, сомневался я в допустимости такого замысла и в его осуществимости: слишком исторически-реален художественный *образ*; слишком массивно однозначен; а духовно-зашифрованный в нем *Предмет* ни для кого кроме меня непонятен; отсюда его неизбежная претенциозность для всякого постороннего взора. Надо «это» оставить. Прошу Вашего прощения, что обременял Вас неверной концепцией. Нужно, если Вы еще склонны думать на эту тему, совсем иное нечто; у меня уже есть концепция, но я подожду Вашего артистического согласия. Ваш последний проект изумил меня и вкусом и находчивостью, но именно он-то и сказал мне, что неверен *замысел* (мой).

Я очень верю в то, что русский взор, талант и вкус проложат Вам дорогу даже и в купеческой стране. Вполне разделяю и понимаю суждения Дяди Кости о сем предмете; испытываю все сие на нашем личном опыте. Но не могу не признать, что в трудные годы жизни «орудием Божией помощи» *мне* — бывали люди именно из *этого* класса и слоя. Есть предел, от которого люди торгового капитала начинают искать изящества и художества (вспомните Медичисов¹³⁹). Для этого, правда, период накопления должен подходить к завершению; но это в то же время и есть указание. Что же касается аристократии, то она переживает эпоху великого схождения со сцены; что делает с искусством «пролетариат», мы знаем наизусть; а «церковь» — нам не ко двору, — она будет искать своих среди «восточно-обрядников» (чтобы им было горько в сем веке и в будущем!).

На днях смотрели здесь в Hallen-Stadien английский балет из Лондона. Подавляющий сарайще (для гонок), спортивного безвкусыя и удручающей претенциозности.

Внизу, в середине, при почти полном отсутствии декораций — Лебединое Озеро (Чайковского). Наставник: петерб<уржский> балетмейстер Сергеев¹⁴⁰. Для, скажем, экзамена *балетной студии* — *технически* недурно, *художественно* — слабо-грустно. Особенно слабо было темпераментное: испанское, итальянское, мазурка. Когда кончилось — и можно было уйти из сарая (тут бы устроить бокс для циклопов, чтобы Полифем Мегафему нос разбил), сделалось облегчение: чувство, что «жизнь возобновляется», «опасность прошла».

Присоветуйте нам: хотим *обрамить* Пимжу и Успенскую улицу. Как? Здесь обрамляют так: широкое белое «паспарту» и узенькая золотенькая рамочка. И всем нравится. А у нас от этого стереотипного мещанства делается — тоскаааа!

Передайте наш привет всем Вашим и скажите мальчикам, что *лучше настоящей России ничего нет на свете*.

Наталья Николаевна шлет привет Марии Климентьевне и Вам. Эх, повидаться бы!

Ваш И<льин>.

<Приписка:> Наш священник Давид Чубов¹⁴¹ (с Кубани) называет «Föhn» коротко «фён» и спрашивает: «а разве сегодня *есть фён?*»

31

Е. Е. Климову

<весна 1950>

Дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо Вам за дерево-резную открыточку! *Теплом* от нее веет! Спасибо и за Ex Libris. Дайте подумать. Все, что приходит в голову, — нескромно. Вот, напр<имер>. Всего-навсего — главный купол *большого Кремл<евского> дворца*. Почему?

1) Строил его мой *дед* по *отцу* инженер-полковник Ив<ан> Ив<анович> Ильин¹⁴², после этого он был комендантом дворца со званием «Майор от Ворот Большого Кремл<евского> Дворца» — *до самой смерти*; там и жила вся семья деда, там родился и отец мой (крестник Ал<ександра> II).

2) Детство мое — квартира в Шереметевском пер. IV этаж — лицом на Кремль с дворцом и на дворовую церковь Шереметевых («Нарышкинское барокко»). Шесть лет патриотич<еских> чувств и любования.

3) Профессорские года — квартира в Крестовоздвиж<енском> переулке VI этаж — балкон — пол-Москвы — и вид на этот купол. 10 лет зрелой жизни 1912-1922 (до изгнания). Здесь я задумал мою книгу о Монархии¹⁴³.

4) *Символ* — Кремль Моск<овский> — Дворец — Купол венчающий — *превосходное* по стилю и вкусу сооружение — мирозозерцание. А потом подумаешь — покажется «нескромно». Ну, да не ёлочки же делать?

Сколько вокруг этого Дворца гулялось, Александр<овский> Сад — кремл<евские> стены — детство — все ворота — купол этот!.. И мимо него же меня увозили в тюрьму на Лубянку... потóm...

А мечтаем мы — нашу библиотеку — есть хорошее!! — завещать Моск<овскому> Университету.

Ну, не знаю. Не решу.

Жду от Вас «зубного» ответа.

Всем Вам серд<ечные> приветы.

32

Е. Е. Климову

*<начало апреля 1950>*¹⁴⁴

Христос Воскресе!

Дорогой Евгений Евгениевич! Христосуемся с Вами!

Мария Климентьевна! Илюша! Алеша! Христос Воскресе!

Дай Вам всем Господь утешения, духовной радости и созерцания! Подумайте только: ну как если бы Вы родились аргентинцами? Или папуасами! Или немцами? Или самоедами (сырую рыбу кушать — за хвост и в рот...). Я сколько раз в жизни благодарил Господа Бога за то, что РУССКИМ родился... Вот милость, вот отрада! И это надо беречь, и благодарить, и радоваться. А чтобы Вы это *еще* почувствовали, посылаю Вам русских стихов. Ждите: пробьет час возврата!

Дорогой Евгений Евгеньевич! Не такая рамочка вышла, хуже! Но мы еще надеемся на «сréation»¹⁴⁵. Есть поговорка у нас: «бей русского! — часы сделает!!» А мы вот уповаем: будем бить туземца, пока не сделает рамочку (обалдуй!).

И еще. Сделайте мне пожалуйста такое exlibris. Скала. Солнце. На скале орел: взлететь хочет, крыльями взмахнул и вот-вот полетит — и солнцу зрак в зрак смотрит. А что еще (если надо) (добавить), то на Ваше усмотрение. Это символ *очевидности*.

Остальное в стихах. Обнимаю Вас. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет самые дружеские приветы. А стихи «копите»: я еще пришлю.

Столовая (после Кабинета).

1. В этой комнате премалой
Цвет царит золотой и алый:
Посредине с потолка
Золотого колпака
Полушарие висит
И вечерний свет хранит;
Кресло алое стоит;
Скатерть алая видна,
Занавеска у окна
(То есть — у балконной двери,
Застекленной в должной мере),
Алый цвет закрыл весь пол
И в обои себя вплел...
Алым шелком угол скрыт —
И на полке здесь стоит
Аналоем у амвона
Наша чудная икона:
Божья Матерь Умиленья,
Для усердного моленья...
Свыше лет двухсот назад
Живописец, оком свят,
Вдохновившись здесь и там
По древнейшим образцам
Написал сию икону
Алым светом по золотому,
Так что где она стоит,
Там и алый свет царит...
Описать икону эту
Слабосильному поэту
Невозможно: светел зрак,
А слова — как древний мрак,

2. Неспособны петь ко свету...
И уходит слабый звук
В целомудренный испуг...
Благость, святость, тишина,
И любовь душе дана,
И струится умиление:
Гимн хвалы душа поет,
А лампада свет лиёт...
 А внизу, слегка во мраке,
 Из незнаемой дали,
 Тихий вздох поднимают злаки
 И колосья от земли...
На кустарной полке рядом —
Утешенье русским взглядам:
Изо Пскова мастерство —
Полотенце водопадом —
Кружев русских торжество...
И над ним — травинки рядом:
Память ласковой души —
Из Изборска камыши...
 А повыше полки той
 В рамке тускло-золотой
 Нежным светом озарен,
 Храм изборский вознесен...
 Утро, раннею весною.
 Солнце светит, но без зною.
 А земля — в ответ и в дар
 Воссылает тонкий пар
 Нежно-зрачной пеленою...
3. На распутии, не в ряд
Избы русские стоят...
И деревья, как сквозь сон,
Чуть желтеют из пелен...
А за ними, но повыше,
В изумрудно-светлой крыше,
Окруженный неба славой,
Голубеет одноглавый,
Православный русский храм.
Откровенье — простотою,
Сновиденье — красотою,
Он сияет лаской нам,
Как наследие веков,
Уцелевшее поныне,
А грядущего пустыне —
И обет, и гимн, и зов...
Это вздох самой России,
Как вздыхала от Батяя,
Во смирении сильна
Всеомолитвенно она...
А подслушал вздох сей древний
(Что — чем глубже, тем безгневней...) —

Мастер с нежною душой,
 Созерцанием живой,
 Усладившись тишиною
 И «Грядущею Весною» —
 Разыскатель херувимов
 Друг и брат, Евгений Климов... —

(На этом обрываю, столовая описывается дальше).

33

Е. Е. Климову

<28.IV.1951>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Христос Воскресе! Поздравляем Вас и Марию Климентьевну и Илюшу и Алешу со Светлым Праздником. Верьте, Господь пошлет Вам духовного радования и творческие часы!

Вчера Г<еоргий> Е<вгеньевич> прислал нам открыточку «Aus dem Osten». Fischmarkt¹⁴⁶. Мы никак не можем нарадоваться на нее. Почему Вы не прислали нам всю серию?! Как хорош собор с колокольной — и с галками вокруг нее! Домики, палатки, лодочки на берегу и рыбачка с удочкой ближе к зрителю! Деревья, облака, чуть намеченные... Отсвет собора в реке... Спасибо Вам, художнику — за это за все! Где бы достать остальную серию?

Знаю и понимаю Ваш духовный голод о России. Сам болею им вот уже скоро 30 лет. Но мы все в Божией Руке и нам надо к Нему прислушиваться. Помните, у Гоголя записано: «Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит¹⁴⁷»... И я думаю, что смысл жизни каждого человека в том, чтобы восходить по лестнице, готовя себя к еще более высоким ступеням. *Всегда*, и перед смертью: ибо не звершённое *здесь*, совершим *там!*

Дружески приветствуем оба мы Вас и всю Вашу семью. Господь хранит Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

28/IV/1951.

Е. Е. Климову
15.VIII.51.

<15.VIII.1951>¹⁴⁸

Дорогой друг Евгений Евгениевич!

Как Вы нас порадовали Вашими последними письмами с океана. Божие величие зовет созерцателя и художника повсюду, где являет свою глубину и свое величие. В русском дивно — русское, но оно же божественное, а Ваши страны сродни нашей северной России. Ждем от Вас узренного.

Да хранит Вас Господь!

29 июля от переутомления, фёна и солнца у меня сделался сердечный инфаркт! Доктора нашлись не сразу (каникулы...!) и только 3 августа меня на носилках увезли в клинику, где я и лежу в полной пассивности, глубокой слабости и без мыслей.

Доктора довольны ходом болезни и считают, что разрыв сердца миновал и что залечивание инфаркта уже происходит от самого организма. Не запомню себя в таком море слабости. Доктора хорошие. О деталях писать не стоит.

Передайте наш привет Марии Климентьевне, молодежи и Косте с Ксенией¹⁴⁹. Ответа от него я так и не дождался. Наталия Николаевна бывает у меня каждый день.

И. А. Ильин.

15.VIII.1951.

Klinik Hirslanden

Пишет Н<аталия> Н<иколаевна>, я диктую. Смерть где-то близко, близко коснулась меня крылом.

Е. Е. Климову
1952/IX/14.

<14.IX.1952>¹⁵⁰

Милый и дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо Вам за память и за присылку чудесных зарисовок¹⁵¹. Все Ваше прежнее мастерство «показывания» цветет и совершенствуется. Но только интимной любви, которая льется из Ваших русских созданий — здесь меньше. Скорбный объективизм, а

лирически-трепетная молитвенность сдержана. Оно и понятно, и естественно: не можем мы променять свое на чужое и влюбленно молиться на канадский полубарок или полуготику... Уже бесконечно теплее показана одинокая часовня в поле — без людей и автомобилей — беседует в молчании с Господом. Могучая арка с обелиском и испуганными деревьями производит незабываемое впечатление.

Хороша, *очень хороша* тишина на море. Почему-то не совсем убедителен для глаза только массив скал — вроде декорации. Зато в восторг приводит пустота морского пространства, залитого лучами *незримого Божества*. Дорогой мой — это замысел большой картины, это религиозная концепция первого ранга; это начало прощения чужестранства и чужелюдия. Фалес¹⁵² говорил: всё из воды. Анаксимен¹⁵³: всё из воздуха. Гераклит¹⁵⁴: всё из огня. И всё сразу — убедительно узрено. Пишите большую картину!

Слава Богу, что Вы и все Ваши укрыты пространством. И верьте Гоголю: «Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит». Не в Канаде дело, а в Общебожественном, что повсюду *дается* и почти нигде *не берется*. А будущее принадлежит именно *благодарным*.

Теперь о другом, помните Вы «благословение»: «Вельзевул с тобой?»¹⁵⁵ Как звали его, в бараньей шубе? Имя, отчество, фамилия? Были ли у него последователи? Ученики? *Пишущие* ученики? Кто такое П. Д. Успенский¹⁵⁶? Что это за сочинение у него «Новая модель вселенной»? Почему он считается учеником Г. И. *Гурджиева*? Под *его* руководством он почерпнул свою премудрость из архивов первовековых монастырей Афона, Сирии, Палестины, Тибета и претендует на то, что излагает эзотерию христианства. В Лондоне нашлась вдруг моя слушательница московская Соф<ья> Ал. Брей — предлагает мне (в восторге от моих моск<овских> лекций и от книги Успенского) чему-то учиться (экономии сил!) у ученицы Успенского француженки (замужем за «русским») *Madam Jeanne de Salzman*. А по-моему, самое заглавие книги, быстро разошедшейся в Англии, — ко-

шунственно. Значит: у Бога была *старая модель* (?) вселенной, а у них *новая*?!!

Милый, помогите мне осведомлением! Обнимаю душевно весь Ваш клан. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

36

Е. Е. Климову

<без даты>¹⁵⁷

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Январь был очень труден для меня — фёны, астма, паршивые бесконечные корректуры и в довершение деловая переписка о книге с Парижем и с парижанками. Запросит — получит ответ и исчезнет. Или обещает, еще запросит — и надует... Надо было постоянно писать этим чужим, и у меня осталась надежда, что свои поймут, и простят...

Как мне грустно и больно, что я не увижу Ваших новых вещей, бывших на выставке, особенно же облачного моря, которое Вы писали в большом формате. Но я вообще считаю себя конченным человеком. Подумайте, я с 12 августа дома и вот до 7 февраля я ни разу не был «внизу» «на земле». Доктора, по моему ощущению, чего-то основного у меня не понимают и лечат «к своему удовольствию». Астма вызывает депрессию душевную, черные мысли, а иногда портит и сон. Поэтому я не имею никаких надежд — куда-то поехать, что-то предпринять. Что-то увидеть. Но не стоит говорить об этом. Лучше о деле:

В качестве «идейного члена редакции журнала Русского Ребенка» прошу Вас: напишите для XXI книги одного журнала ответственную статью. На такую тему — «В чем своеобразие русской живописи». Меня часто ранит болтовня дилетантов о том, что Левитан под влиянием Сезанна¹⁵⁸, Поленов¹⁵⁹ под влиянием Моне¹⁶⁰ — и тому подобная чепуха.

Я считаю русскую живопись — и пейзажную и портретную (от самого Боровиковского¹⁶¹) — самостоятельным явлением. Она творилась *особым*

художественным актом, не присущим и, м<ожет> б<ыть>, даже совсем не доступным западным живописцам. Вообще русское искусство — даже тогда, когда оно берет западные темы (Дон Жуан) — говорит *свое*, по-своему, по-новому, по-русскому. И даже Коровин¹⁶², с виду... поехавший по рельсам франц<узского> импрессионизма — говорил *свое* и *по-своему*. Вот это мне бы страшно хотелось увидеть крепко, уверенно, вызывающе сформулированным. Для этого нужно, чтобы *Ваша любовь к России рассердилась* и отчитала глупость, показывая ее глупость тем, кто еще не совсем глуп... — Если бы Вам оказалось приятнее и удобнее утвердить это по поводу одного избранного Вами русского художника и от него по поводу его поднятия к общему, то не стесняйтесь. Но иное созерцание, иное чувство, иное понимание искусства и художественности — надо выделить.

У нас есть книга Дурьлина¹⁶³ «Нестеров портретист» с репродукциями. Конечно, все эмпирическое исключено. Но как Нестеров каменел, сох, застывал, хочется сказать — *убивал* своих портретируемых — больно видеть. Какие-то окаменевшие мощи, жесткие линии — восковые куклы, полупокойники...

До свидания, дорогой. Жду Вашего ответа и шлю Вам и Вашей семье сердечный привет от нас обоих.

Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

Как трогательно девочка сказала — «Боженька за облаками...»

А ведь оно у Вас так и есть!

37

Е. Е. Климову

13.III.1953¹⁶⁴

Дорогой Евгений Евгениевич!

Очень жду Вашей статьи! Не делайте себе ни из чего затруднений! Как пишется, так и хорошо. И объем — берите такой, какой Вам и по-Вашему необходим; загляните в прежние номера «Ребенка» — там были и длинные статьи, и короткие, и средние по размерам. Но только Борзов просит, нельзя ли прислать уже к апрелю? Во всяком случае он будет «резервировать» место для

обещанных статей. Ради Бога, сделайте так: умилитесь сердцем на русскую живопись и разгоритесь скорбью о России — и потом пишите. Как сказано в Евангелии — тогда слова сами пойдут и в формулы сложатся — и все будет точно. <Приписка сбоку: Пришлите мне!>

Я только что читал советскую книжонку Слетовых о Мусоргском¹⁶⁵. Там между прочим рассказывается, как в 1873 году Бессель¹⁶⁶ доставил Францу Листу¹⁶⁷ сочинения «могучей кучки»¹⁶⁸ (Балакирев¹⁶⁹, Бородин¹⁷⁰, Римский¹⁷¹, Мусоргский). Лист читал их за роялем и говорил: русские музыканты, «развившись самостоятельно вдали и вне всякого иностранного влияния, внесли в музыку нечто новое, что восхищает своим ритмом и свежим вкусом... Я глубоко сожалел бы, если бы русские музыканты, которые обрели самих себя, замкнувшись в своего рода крепость, поистине и в высшей степени русскую, в один прекрасный день перестали бы энергически защищаться против иностранцев».

Вот *это* — верно и точно и применительно к русской живописи. Но музыка «трубит» по самому естеству своему, а живопись молчит. И потому то, что Лист понял 75 лет тому назад о русской музыке, — то самое о русской живописи не понято и доселе. А мы обязаны выговаривать это громко, уверенно, исповеднически — а не просто слушать, что «это» в России влияние Сезанна, а *это* — влияние Гогена¹⁷² — и тому подобную плоскотню...

Дорогой мой! Соберитесь с огнем и волею — и скажите о сем *Ваше* слово, не только как плывущий живописец, но и как по берегу ходящий критик. Подслушайте свое собственное недро — и закрепите в словах.

Обнимаю Вас душевно. И еще вспомните слова Гоголя: «Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит». Обнимаю. Серд<ечный> привет от Н<аталии> Н<иколаевны>.

Ваш И<льин>.

Е. Е. Климову

7.VI.1953¹⁷³

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Отстрадал я месяцы корректур. «С души как бремя скатится»... 1 июня вышли оба тома и развезены по магазинам¹⁷⁴. 2 июня началась в Париже рассылка подписчикам. Боюсь одного: слухи ходят, что уэса'вные¹⁷⁵ американцы завели цензуру для всех книг, проходящих из-за границы и задерживают на несколько месяцев. Но к канадианам это, конечно, не относится. Мы посылаем: в Европу и Сев<еверную> Африку простой бандеролью, а за океан — все *заказными* пакетами. Все-таки в конце июня должны прийти и к Вам мои книги.

Я дал директиву: за рецензиями не гнаться, никаких бесплатно-редакционных экземпляров по газетам и журналам не рассылать. Предвижу особенно, что у «толоконных лбов» (см. Пушкина) начнет чесаться¹⁷⁶. Предвижу реакцию со стороны кат<оликов>, от них отмежевание произведено самым тщательно-беспощадным образом. А впрочем, думаю по-пилатовски: «еже писах, писах»¹⁷⁷.

Ваша статья для Ребенка давно уже у Борзова, имею подтверждение. Только что прочли Вашу статью о Петербурге, — очень хорошо. Но больше всего я мечтал бы посмотреть Вашу большую «марину», где сейчас же за облаками — «Боженька»... С грустью думаю, что шансов на это нет никаких. Томлюсь здесь от фёнов и от *полного* духовного одиночества; решительно никто не смотрит вдаль и не зрит Россию. И обуздываю свою тоску словами Гоголя: «Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит». Думаю, что это относится ко всем нам. Очень надеюсь, что к Вам опять придут большие концепции, которые сами по себе дают *радость*, и *силу*, и *покой*. А почему? Потому что каждая из них есть «посещение Божие». Не в том смысле, как у Крылова: «Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор»¹⁷⁸. Только что отдал главу об искусстве из *Blick in die Ferne*. Писал по-русски, а потом мысленно читал ее вслух Косте и Вам. А Вам, увы, и слышно-то и не было. О политике скажу только 1) война

если будет, то не скоро 2) Англия опять нашла свою традицию — гибли *все*, но цветы я. 3) прочтите, пожалуйста, «Надежду на иностранцев» <из> Н<аших> З<адач>.

Душевно Вас обнимаю и прошу передать мой сердечный привет всему Климовскому Клану.

Ваш И<льин>.

39

Н. Н. Ильина — Е. Е. Климову 5.VII. 1953¹⁷⁹

Дорогой Евгений Евгеньевич, спасибо за привет и фотографию¹⁸⁰: живо увидела Вашу горькую участь, и хотя бы побольше было этих бездарных тетушек, а то всего три! Но делать нечего, мы все живем «не так, как хочется»... Посылаю Вам дом, в нем наша квартира: на балконе (3-й снизу), сейчас целый сад с цветами, посиживаем в нем, пока что это — наше лето.

Сердечный привет Вам и Вашей семье

Н. Ильина.

40

Е. Е. Климову <29.XI.1953>¹⁸¹

Дорогой Евгений Евгениевич!

Сердечно благодарю Вас за отклик на книгу и за весточки. Если мой труд дал Вам хоть что-нибудь душеустроительное, то мне это великое утешение. Я всегда считал по Евангелию, что Вам дано «Бога узреть», но именно поэтому ропщу за Вас, что внешние условия жизни мешают Вам петь полным голосом... А я всегда хотел от Вас именно этого: чтобы можно было Вам *совсем* уходить в созерцания. Ваши видения легкие, нежные, тонкие, и нельзя им мешать — ни внешне, ни внутренне. Но, по-видимому, нужны еще какие-то освобождающие себя усилия. На снимке, который Вы прислали, *Ваших* глаз нет: Вы их опустили; я понимаю — чтобы посторонние не заглядывали в них; но мы-то не посторонние. А вышло так: пришел в «несовершенном», в ушедшем виде. Но и на том спасибо! А они-то все три нарисовали разное — не только в зависимости от места и

поворота (это было бы естественно и неизбежно). И вспомнилось мне, как я в Москве ходил рисовать в вечерние классы школы Живописи, Ваяния и Зодчества...

Привезли ли Вы в этом году что-нибудь с моря? Хорошо ли было там? Удалось ли Марии Климентьевне отдохнуть летом? Ах, как «наминает шею» непрерывный хомут! Как важно иметь распряжку (Entspannung).

Мое здоровье неважно. Но держусь пока и пишу, сколько могу.

Душевно Вас обнимаю. Сердечный привет Марии Климентьевне и «женихам»¹⁸²...

Ваш И. А. И<льин>.

1953/XI/29.

41

Е. Е. Климову

<31.XII.1953>¹⁸³

Дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо Вам за память и за письмо. Я, к сожалению, не вижу Вашей жизни, но чую издали Ваши духовные излучения и всегда радуюсь им.

Сердечно поздравляю Вас с наступающим Рождеством и с новым годом. Да хранит Господь всю Вашу семью в русском виде! Каждый Ваш успех — нас радует. Но *успех* не всегда есть успех у *людей*. Лучший — у Бога и в ткани родины. А тут мы все живем бесконечным постом.

Семь месяцев прошло с выхода моего труда, и вся печать молчит как воды в рот набравши. И Ваше известие от о. Сергия Шукина¹⁸⁴ кажется мне — не то небылицей, не то недоразумением. Я по крайней мере никакого отклика в Церк<овном> органе Митроп<олита> Анастасия¹⁸⁵ не видал и о нем доселе ничего не знаю. Справьтесь, пожалуйста, у о. Сергия когда? где? *поточнее*. Очень хотим иметь Ваш *новый альбом*; не измяли бы только! Посылаю Вам на пересылку несколько «купонов-репонсов»¹⁸⁶. Статья Ваша о Третьякове¹⁸⁷ *очень хороша!*¹⁸⁸ Спасибо.

Душевно обнимаю Вас. Наталия Николаевна шлет приветы Марии Климентьевне и я тоже.

Ваш И. А. И<льин>.

1953/XII/31.

Здоровье мое среднее. Доктора более довольны — а я менее.

42

Е. Е. Климову

<без даты>¹⁸⁹

Дорогой друг Евгений Евгеньевич!

Начал пером и беру карандаш: так мне гораздо легче, а за последнее время мое самочувствие настолько ухудшилось, что я цепляюсь за каждое самое маленькое облегчение...

Ваш глубокомысленный альбом¹⁹⁰ пришел к нам почти уже месяц тому назад (19 янв.), но ему надо было отлежаться «под прессом», чтобы потерять вид свитка и получить внешность мужественно «держашей форму» «дски»¹⁹¹. Теперь он выздоровел. И первое, что хочется сказать после слов дружеской благодарности, — это «о, зачем же наши русские мастера вынуждены медитировать свой предмет в образах *иноземных*?!»

«*Se qui s'en va*»¹⁹² — эта тема мировая, столь же *личная*, сколь *эпохальная* и *национальная*. Но невольно шепчешь себе: «а мы? а наше? какие бы горячие национальные слезы закипали бы в груди, если бы это были *наши* отживающие домики и «покинутости»!

Но может быть именно национальное горе помешало бы подняться к общечеловечности этого предмета. Главный герой этих литографий — это *время* в аспекте жизненного *срока*. В мировом шквале эта краткосрочность и обреченность конечного исторического существования выступает с особенной силой. А Вам поистине удалось показать не только ту сторону уходящего, которую надо обозначить словами «*reverend*» или «*most reverend*»¹⁹³, но и ту улыбку юмора, которая светит зрителю из-за «ухода». Все это подбрасываемое ветром бельишко, пичуга на проволоке, фонарный столб с выпученным «пузом», «*Kik*»¹⁹⁴ из-под снега, сжеванные нижние этажи. И все прелестное сохранено — «призрачные» храмы прошлого (№ 4 + № 7), изящные лестницы и тончайшие «климовские зимние деревья».

Акт — мировая скорбь. Но Боже мой, почувствуют ли это многосоставные канадские католики?

Для нас это художественная медитация русского мастера, и Вам за нее горячее спасибо.

А какой страшный молот! Кого же это таким манером «застукивали»? «Контрасты» — техника-то — она не без наглости; второй сын Ноя. Очень выразительна и стильна обложка!!. Спасибо. Во всяком случае сам мастер (Е<вгений> Е<вгеньевич> К<лимов>) доказал, что он *совсем не включен* в «Ce qui s'en va». Il reste, il crée, que le bon Dieu le garde!¹⁹⁵ Боюсь, что «турий» замысел обнаружит трудности — символ, аллегория, образ исторический — уживутся ли?

Об Аксиомах.

То, что напечатано в церк<овном> епарх<иальном> журнале у Никона¹⁹⁶ (№ 1) — это *не рецензия* и *не цитаты*, а *посланный мною лично* по просьбе Никона *отрывочек* из главы 17 «Аксиом». Он прислал мне два номера 1 и 2, и перестал. Так что если была еще его рецензия в № 5 (за сентябрь), то я ее так и не видел¹⁹⁷. Отец С. Шукин писал мне два раза, обещал прислать и № 5 — но не прислал.

Как-то сложится поездка в Нью-Йорке к рижанам?

До свидания, дорогой! Наталия Николаевна шлет Вам всем сердечнейшие приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

Аксиомы идут; доселе поступают запросы и заказы. Но господа «батюшки» делают вид, что книга не состоялась. И какие! Считавшиеся друзьями: Протопресв<итер> Шабашев¹⁹⁸, Протопр<есвитер> Михаил Польский¹⁹⁹. Не нравится, что книга требует от священника — творческой молитвы, а от обряда — плэромы²⁰⁰.

Католики — очень уж разделаны в книге под орех. Масоны бойкотируют меня принципиально. Но от частных лиц, знакомых и незнакомых, я имею волнующие отклики взволнованных душ.

<Приписка:> Скажите К<онстантину> Е<вгеньевичу>, что благодарят его из центра Н<аших> З<адач> — за чек!

<Приписка:> Очень хороши были Ваши статьи в Нью-Йоркской «Грязной простыне»²⁰¹.

Е. Е. Климову
30/VII/1954.

<30.VII.1954>²⁰²

Дорогой Евгений Евгениевич!

Мы оба сердечно Вас благодарим за художественный присыл. У Вас каждый новый opus — успех и прогресс; и это нас особенно радует. Спасибо!

Ах, Боже мой! Конечно, — объекты эти не русские. Но 1. Они — Божии! Его величием излучены, Его логосом осмыслены. Им живут и веществуют. 2. Перечитайте, пожалуйста: Деяния 10.13. «Встань, Петр, заколи и ешь»... И еще Деяния 5.41. «за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие»... 3. Поэтому, ради Бога, чувствуйте себя *удостоенным* и *победоносным*; и чтобы из всего создаваемого Вами этолучилось!

Пожалуйста, пришлите Вашу «вейнбаумскую»²⁰³ статью о Щербатове²⁰⁴. Он что-то чем-то недоволен и фыркает, как паровоз. Он недоволен и Вашей статьей в XXI Ребенке²⁰⁵; но тут я дал ему горячий бой — и между прочим написал ему, что он напрасно мне прямо не сказал, что 2 и 5 глава Аксиом (Дух и Сердце) ему чужды. Но надо помнить, что супруга его, Полина Ивановна — тайная, ревностная католичка и «по всему миру» известна как «чудотворица»: рассылает кустарные полуконки St. Roch²⁰⁶ — и мне прислала (в знак исцеления). Сама же гибнет от ревматизма.

Но я предпочту быть *не* исцеленным Св. Пантелеймоном²⁰⁷, чем возздравиться от католического Сен-Рока.

Всем Вашим от нас обоих сердечный привет.

Ваш И. А. И<льин>.

ПИСЬМО К К. Е. КЛИМОВУ

К. Е. Климову

<30. IV. 1948>¹

Дорогой друг, Константин Евгеньевич!

Сердечно благодарим Вас и Ксению Георгиевну за память и за дары. Яйцо прелестно, салфеточка тоже, и

цветы! Обнимаем Вас обоих и христосуемся. Отдельно благодарим еще за родное письмо.

Если бы я знал, что для Вас о<ксфордская> проблема² остро-практическая, я бы давно ответил бы Вам на вопрос основательнее. Но мне казалось, что Вы сами быстро увидите, что это за «зуппе³». Есть система: каптировать людей, не давая им преждевременно знать, кто именно надевает им наручники: очнется, когда все будет сделано. Для этого существует целый ряд привлекательнейших, и невиннейших, и полезнейших организаций. Скауты⁴. Сокола⁵. Янкмены⁶. Армия спасения⁷. Ротари-клубы⁸. Оксфорды⁹. Экуменисты¹⁰. Списочек вряд ли полный. Все руководители их посвящены и знают, что делают; множество же видит только близкое. Это — очень умно. Атмосфера в них однородна: минимум христианства непротивленческого, сентиментального, протестантского толка; интернационализм; проповедь толерантности; воспитание против антисемитизма; тихий увод от православия; медленная, тихая подмена религиозного интереса — моральным; приучение к несущественности религиозного начала в жизни человека («просвещение»); подкожное прививание сочувствия к б<ольшевизму>. «Умнейшие» и «достойнейшие» — вводятся, благоприятствуются во всех делах, даже прославляются (берд<яевы>). У введенных все сие углубляется, но не сразу: чистилище продолжается; селекция — тоже. Это очень умно. Цареубийство и д<ьяволо>поклонство — это потом. Полумистическое бонанфанство¹¹ и замкнутая взаимопомощь преобладают долго. Можно ли этому не сочувствовать? В этом «победа над дезорганизованностью современного общества», — разве не так? Во всяком случае люди с сентиментально-наивным сердцем; люди, не страдающие слишком сильным патриотизмом; люди, решительно освободившиеся из-под «гнета конфессионализма»; люди, нетерпеливые в вопросах своего жизненного успеха и жаждущие парить наподобие орла в международных пространствах — вливаются.

У «нас»¹² о<ксфордское движение> царило в 30 годах. Зала. 2000 людей. Президиум. Подготовленные и неподготовленные «покаянцы»... Встают один за другим и

повествуют: Этот рассказывает, как он 15<-ти> лет украл у матери полфунта колбасы и до сих пор не находит себе покоя, но теперь начнет новую жизнь... Эта, рыдая, повествует, как она била своего мужа и детей, но теперь мир снизошел на нее. Этот мучил собак. Тот старался проехать даром на трамвае. Все обновляются от удивления, многие плачут, читаются молитвы ад хок¹³. Потом — начинается прежняя черство-жадно-пошлая жизнь, но с уверенностью: 1. что они накануне праведности. 2. что, если они ежедневно помолчат каждый про себя минут пять, то то, что им первое придет в голову после молчанки, — идет прямо от Бога. Через несколько месяцев эти коллективно организованные сентиментальные полуистерики надоели и прекратились. А здешний глава всего этого, профессор романских литератур, только что выпустил труд о Данте, доказывающий, что в Божественной Комедии уже применен критерий антикапитализма, классового интереса и пролетарского социализма...

Хватит? Будя? Все, что неясно, дойдет до полной ясности при свидании.

Очень ждем встречи с Вами здесь.

Ш<арлотта>¹⁴ в восторге от Вашей игры. Когда же мы ее услышим?

Досвиданьичка!!¹⁵

<Приписка карандашом:> В Равенсбург.

ПИСЬМА К Г. Е. КЛИМОВУ

1

Г. Е. Климову¹

<21. II. 1949>

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Шарлотта Максимилиановна едет завтра (22. II) к себе на фабрику и оттуда отправит Вам 1) цельный костюм разм<ер> 83. 110 2) брюки разм<ер> 83. 106 3) несколько пар носков и 4) разное дамское полезное. Напишите ей теплую благодарность по адресу: Salach bei Göppingen. Landhaus Reuthe. Württemb. А меня известите только, подойдут ли одежды для Вас. Обузить со 110 на 106 — не трудно.

Ире² она пишет отдельно.

Вероятно, она навестит Женю³. Но Вы этого не знаете⁴.

Душевно Вас всех обнимаю.

Ваш И. А. И<льин>.

1949. II. 21.

2

Г. Е. Климову

18. IX. 1949

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Ваше письмо доставило мне *большую радость* и только переутомление помешало мне ответить Вам сразу. Главное: *будьте уверены в своих духовных, благих силах*. Их хватит *на все*, что «судьба» Вам пододвигает или еще подвинет. А «технические умения», вроде французского языка, придут *сами*, незаметно, выработаются в духовном подъеме. Радуюсь, что Вам послана квалифицированная работа. *Забудьте* о минувших неприятных днях и укрепите за собою *полное доверие* фр<анцузского> губ<ернатора>⁵. И да хранит Господь Вас и всю Вашу семью.

Привет Софье Терентьевне⁶. Любящий Вас И<льин>.

3

Г. Е. Климову

<без даты>⁷

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Очень Вы нас тронули и обрадовали присланной иконой! Спасибо! У нас была только мелкая и смутная репродукция. Поздравляю Софию Терентьевну и Вас с новым годом! Дай Господи!! Полюбили мы Джоку⁸. Завтра они у нас в третий раз. А когда *Вы* в наши края?! Хорошо бы!

Обнимаю. Ваш И. А. И<льин>.

4

Г. Е. Климову

<без даты>⁹

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Воистину Воскресе! Спасибо Вам за вести и особенно за икону и за диск. Икону мы отдали освятить и повесим ее у себя. Она очень хороша. Диск — конечно не соответствует той страшной трагедии, которую он пытается изобразить¹⁰. Такие страшные события не изобразимы в музыке вследствие того, что они сами по себе антигармоничны и антимилодичны. Бетховен был прав, когда писал, что изображая бурю на море — надо изображать *душевное* смятение от нее, а не рев волн и не треск снастей. А для такой глубины у автора глубины не хватило, хотя и темы и лирика имеются. Очень радуемся благополучному прибытию молодого поколения. Чувствую себя преневажно. Шлем сердечные приветы Софии Терентьевне и Вам.

Ваш И. А. Ильин.

5

Г. Е. Климову

<25.V.51>

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Очень радуемся Вашему обороту дел. Вашу просьбу мог выполнить *только вчера*, 24 мая, когда они оба вернулись с севера в Швейцарию. Вечером я с ними и переговорил, т. е. с нею¹¹. Она согласилась на это самостоятельно и независимо от него. Поэтому, если эта комбинация Вам нужна, то пишите немедленно мне, а я сообщу Вам линию осуществления: как *там* быть и как это *здесь* отзовется¹².

Желаю Вам не успехов, а успехов.

Сердечные приветы.

Ваш Ильин.

25/V/1951.

6

Г. Е. Климову

<29.VIII.54>

Дорогой Георгий Евгеньевич!

Шлю Вам сердечный привет — после хорошего и крепкого свидания с К<онстантином> Е<вгеньевичем> и К<сенией> Г<еоргиевной>¹³. Они передали мне Ваш кве-

бекский альбом¹⁴. Как досадно, что он Вам не вернул сто-рицею.

Много думал о Ваших делах. Разрешите высказаться.

1) Не следовало уезжать из Европы, а надо было использовать имевшуюся конъюнктуру¹⁵.

2) Непременно надо пристроиться к какому-нибудь антикварному делу, развернуть Ваши вкусовые и органи-зационные таланты и встать на крепкую ногу¹⁶.

3) О прошлом надо: неприятное забыть, а родное в сердце лелеять, и любить, и питать *уверенность*, что вос-креснет к свободе и славе.

Шлю Вам мысленно *центнер* духовной стали и прошу Вас выкинуть из души остатки манной каши, простоква-ши и каценяммера¹⁷! Найдите где-нибудь и перечитайте описание Ледового побоища... Это пророческое — это наша всеобщая, равная и славная судьба. Время такое, что *честь* требует от нас — *русская* честь — чтобы мы работали «ослопами».

Помните?

«В старину таких баронов
Брал в ослопы наш народ»...

Целую ручки Софии Терентьевне и душевно обнимаю Вас.

А я кончаю большой труд о монархии. А издавать его негде. Жорж не разбогател!!¹⁸

Ваш Рижский Гость.

А Вы, пожалуй, забыли, что такое ОСЛОП?

Выписываю из толкового словаря Даля.

«Слега, жердь, дрюк, рычаг, стяг, дубина; дубье, па-лочье, колья особ<енно> для драки, обороны; у ратников палица, окованная дубина».

«Пешая рать с ослопы».

«Бой творяху деревянным ослопием».

«Принять кого в ослопья» и т. д.

Voila.

Покажите этот листок Джокел!

Привет ему. Он молодчинище!

ПИСЬМА К И. Г. БЕН-ЧАВЧАВАДЗЕ

1

*И. Г. Бен-Чавчавадзе*¹

<конец 1947 г.>²

Милая и хорошая бабушка Арина!³

Dipl. Ing. Hans Dietler⁴ живет:

Wettingen (bei Baden) Zederstrasse 2.

Домашн. *телеф.* 056-2-20-68

Служит у Brow-Boveri в Бадене.

Телеф<он> *службы* 056-2-51-51.

Я только что с ним говорил по телефону; он был мил и тепел, взял Ваш адрес (Tschawtschawadze) и хочет написать.

Вы довольны? Никаких объявлений не помещал. Просто — два звонка по Brow-Boveri, я назвал себя, спросил Personal-Büro и соединился с ним.

Очень обидно мне, что папа⁵ в депрессии. Скажите ему, что я по-прежнему люблю и ценю его, но что есть четыре средства: *молитва, терпенье, юмор и работа* (по возможности *любимая работа!*). Русский талант имеет *все основания* быть сейчас в депрессии, но *победа* в том, чтобы ей *не* поддаваться.

Целую ручку маме⁶. Письмо И. С.⁷ ушло. Кланяюсь Андрюше, Ниночке⁸ и Ирочкиному мужу. Бабушку Арину — обнимаю сердечно. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет приветы.

<Приписка:> Скажите папе, чтобы он мне написал.

2

И. Г. Бен-Чавчавадзе

2.IV.1959⁹

Ирочка!

Вы напрасно думаете, что если что-нибудь не высказано, то оно и не услышано, и не понято... Замысел Георгия Евгеньевича был мною и без слов услышан и понят¹⁰. Но «трансмиссия» на этот раз, к сожалению, *не* удалась, и притом в такой форме, что возобновлять разговор *я не могу*. Я мог бы Вам сказать: «попытайтесь сами съездить в С<алах>¹¹ и попросить» (ибо там местожительство на весь апрель); но надежды на успех у

меня нет. Что делать... Вам надо, по-видимому, искать других путей...

Жизненные затруднения учат нас всех... Они учат нас не просто «новому приспособлению», а переустройству своего личного внутреннего мира, своего духовного характера. В этом их высший смысл, который требует от нас разумения и повиновения. Это надо делать на полном жизненном ходу. Так я и прожил всю жизнь, прислушиваясь к этому высшему смыслу и «вытаскивая себя». И Вам советую... Дело не в затруднении: вся жизнь состоит из них. Дело в том, чтобы выйти из затруднения *лучшим*, чем ты был, когда влез в него...

Сердечно благодарим Георгия за фотографии и Софию Терентьевну за милое письмо.

Господь да сохранит Вас, мореплавателей!¹² Душевно Вас всех обнимаем.

<Приписка, рукою Ирины Георгиевны:> Письмо от Ив. А. Ильина.

3

И. Г. Бен-Чавчавадзе

<11.VII.51>

Милая Ирочка!

Сердечно поздравляем Вас с благополучным рождением раба Божия православного канадца Николая!¹³ Дай Господи ему здоровья, таланта и русских чувств!

Вы, наверное, знаете уже, что София Терентьевна сломала себе ногу и что их отъезд из-за этого отложен ¹⁴.
Надо пить чашу жизни — *до конца!*

Передайте сердечный привет Георгию и всему вашему клану (*не включая Майкапаров!*)¹⁵.

Ваш И. А. И<льин>.

11/VII. 1951.

Н. Н. Ильина — И. Г. Бен-Чавчавадзе <11.IX.55>
Милая Ирочка!

Спасибо за память и за подробное описание летней жизни на даче. Особенно мне понравилось, что дети учатся русскому языку и русской поэзии у наших гениальных поэтов. Непременно продолжай с ними эти уроки. Рассказывают про эмигрантских детей во Франции, что они совсем стали французами... Это и возмутительно и грустно. — Приветствую также ваше с Георгием Николаевичем отдельное жилище, поздравляю с новоселием¹⁶.

О себе мне нечего особенно рассказывать. Занята очень разными делами, между прочим приведением в порядок библиотеки, составляю каталог, наклеиваю exlibris, который мне нарисовал твой дядя Женя¹⁷.

Устроила печатание книги Ивана Александровича в Почаевском монастыре, в Мюнхене. Эту книгу «О сущности Правосознания» не удавалось издать с 19 г. до настоящего времени, она написана еще в Москве. В общем есть хороший монах, в миру инженер из Праги, почитатель Ивана Александровича — отец Корнилий¹⁸, он заведует печатным делом. Но, к сожалению, работа идет медленно, гранки для корректуры присылают не аккуратно.

Лета здесь совсем не было: холодно, дождь, грозы; в июле несколько раз топила печь. Даже местные жители бранят здешний климат. Молодые девицы огорчаются, что летних платьев совсем нельзя было носить: висят в шкафах и выходят из моды.

Мой сердечный привет тебе и Георгию Николаевичу. Передай мой поклон папе и маме и поцелуй за меня деток.

Н. Ильина.

Письма к Г. В. Офросимову

1

Г. В. Офросимову

<18.IV.1946>¹

Христос Воскресе!
Милые Гларяне!²

С праздником, со светлым!

Где Вы? Куда завело Вас? Здоровы ли Вы? Вышло ли у Вас что-ниб<удь> с Брюшвейлером³?

Мы пробыли три недели в Лугано, подлечились и вернулись. Лучшие пожелания от нас обоих.

Ваш И. А. И<льин>.

1946 IV 18.

2

Г. В. Офросимову

<21.IX.1946>

Дорогой Георгий Викторович!

Спасибо Вам за теплый отклик на моего Гегеля⁴. Увы, он сокращенный. Из 22 русских глав здесь только 14. Но и те стоили мне много труда, особенно из-за литер<атурных> примечаний, где цитируется уже не 70 чужих сочинений, как в русском, а 140. Ну, да ладно, отзвонил и с колокольни долой! Предварит<ельная> подписка (по 28 фр. шв.) дала все же 170 экз. — 85 внутри-швейцарских и 85 заграничных (в не-немецкие страны, ибо немецкие валютно-импотентны). Вот идиотское время.

Напишите, пожалуйста, два слова, как Вам живется? Очень ли полны отели на Лемане? Может быть и мы туда дернем из простецки-некультурного Аппенцелля, где мы сейчас пребываем (Heiden. Hôtel Freihof).

И еще просьба, *очень для нас существенная*. Узнайте, пожалуйста, что происходит с библиотекой *Рубакина*⁵: выдает ли он книги читателям или перестал? Отдает ли он ее? кому? В Лозанну? Советам? Когда? Словом все, что с этим соприкасается....

Целую ручки Доротеи Генриховны⁶.

Наталия Николаевна шлет приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

Адрес для писем: *Heiden (Appenzell) Pos Hagernd.*

21/IX 1946.

3

Г. В. Офросимову

<5.XI.1946>

Дорогой Георгий Викторович!

Устроились ли Вы? Хороша ли вилла, pardon, квартира? Довольны ли? Что слышно о Рыбинских⁷? Ждете ли их?

Мы оба в сносном виде, Слава Богу.

Получил письмо от Владислава Альбиновича Маевского⁸ (Hein Tänikon (bei Aadorf) Thurgen). Он был библиотекарем Сербской Патриархии. Кто это? Знаете ли Вы его? Хочет посетить меня, а я эдак не могу. Надо знать — кто? Он уже полгода здесь вблизи Цюриха.

Отзовитесь! Целую ручки Доротей Генриховны. «Жена — кланяется» (это из романского письма Рахманинова к Станиславскому — Шаляпин пел на юбилее Художественного театра).

Ваш И. А. И<льин>.

1946.XI.5.

4

Г. В. Офросимову

<3.XII.1946>

Дорогой Георгий Викторович!

Посылаю Вам сей лист. Не стоит продолжать его далее. На примерность достаточно. Несколько тем с «бильдерами⁹» и эпидиаскопом¹⁰ я нарочно пропустил. Также и темы большей религиозной углубленности. Также и темы философско-академически-ученые. Не читать же им о конкретности у Гегеля, о законе тождества или о сущности правосознания. А прочее на Ваше усмотренье.

Доротее Генриховне целую ручки. Как же это без соли-то?!

Ваш И. А. Ильин.

1946 3 дек<абря>.

<На листе, присланном И. А. Ильиным вместе с этим письмом, его рукой написано:> Бесплатное приложение.

Г. В. Офросимову

<12. IV. 1947>

Христос Воскресе!
Дорогие Гларяне!

Поздравляем и желаем!

Спасибо за письмо Рыбинского и за гнусные газеты. С Пасхи в Париже одна прибавится — Лазаревский¹¹ + Зеелер¹².

Сегодня 12. IV. Рыбинскому послано 1.000 сахаринных таблеток (письмами) — 1 и 2 апреля. Пожалуй, уже получил?...

От склероза я ему пошлю новое средство *Scleron* — очень двистительная гомеопатия.

Желаю на разговении не обкушаться!

12/IV 1947

Мы оба.

<Адрес на конверте:> Monsieur Gerges Ofrossimoff —
Vögel
26. Boulevard des Philosophes
Pension M-me Hans Jacob
Geneve

Г. В. Офросимову

<11. IX. 1947>

Милые друзья,
Здрассте Митынант!

Пишу из Флимса. Погода дивная. Прогулки превосходные. «Хотелы» есть на всякие цены: «Шлессы» дороже, «Булеварды» дешевле; «киты» и «акулы» закрылись. Возьмите в руки фарплан¹³ и рассмотрите дензельбен¹⁴. Наше мнение: с ночевкой стбит приехать, без ночевки (если принять во внимание бесконечную продолговатость женственного опочива!) — кажется не стбит.

А наш телефон: Schloss-Hôtel-41245.

А мы Вас ласково приветствуем. И желаем Вам одомиться: кто одомится, не подломится. Стройте только не на песке и не на болоте.

А мы здесь вероятно до 18 сент<ября>.

Любящий Вас

Такойто-Сякойто (имярек — и руку приложил: (пальцы индивидуальные...))¹⁵

11/IX 1947.

<Приписка:> Как решите «едем», — то за сутки предупредите!

7

Г. В. Офросимову <20. IX. 1947>¹⁶

Посылаю Вам мой последний портрет. Нат<алия> Ник<олаевна> им очень довольна. Есть что-то фило-софски-погруженное и табачно-блаженное. Не правда ли?

Мы в Grindelwald. Postlagernd.

Сердечные приветы 2×2.

И<льин>.

20/IX 1947

8

Г. В. Офросимову 11. X. 1947¹⁷

Дорогие Кататели! Велосипедщики!

Кавалерия бицеклитиана¹⁸!

Уведомляю: с 13 окт<ября> вечером мы опять дома. Везу с собой остатки тянущегося гриппа (merci). А в прочем Бог милостив: Он не выдал, свинья не съела.

Имею к Вам деловую просьбу, Ansinnung¹⁹ и Zumutung²⁰. Но об этом по возвращении.

Lebet hoch²¹. Насчет Орехова²² совершенно едино-мыслию с Гулею²³ и с Вами.

Lugano.

9

Г. В. Офросимову 13. II. 1948

Дорогой Георгий Викторович!

Спасибо за усё.

Посылаю Вам при сем

1. пере-пере-писку!

2. мое письмо к Мефистофелю Фаустовичу.

С превеликой просьбою!

По данным этого письма — напишите пожалуйста *такой же* запрос *Вашему* знакомцу-типографщику в Мюнхене (Лепорелло Донжуановичу Байронову) — что он скажет. А я вчера вступил в прелюбодейную связь с туземными и инсбрукскими топографиями и послал за-прос в Париж.

Если же и когда Ваша доброта совершит этот проступок эпистолярного характера — тогда верните мне пожалуйста ста эту машинопись.

Читали ли Вы, что Ц. К. Выкапы²⁴ наложил вдруг по мордам Прокофьеву, Шостаковичу и Качатурьяну за *модернизм в музыке* и требует возврата к классическим формам²⁵?

А?! Нет, а?! Нет, а?!?

(Basler Nachrichten 12 Febr. Morgenblatt).

«Ходи ходором перед Ком-Хведором!»

Поощряли-награждали — да вдруг и загнули орденоносцам корчажки. «Выкусишь кукиш — прапорщик будешь».

Вашему начальству целую ручки. Ваш Такойто.

<Приписка:> А Вашими блинами и у нас пахло! Я говорил жене: «Ох, пекут Гларяне!»

10

Г. В. Офросимову

<март 1948>²⁶

Дорогой Георгий Викторович!

Посылаю Вам для просмотра некий фельетон в том виде, как его по поручению С<ергея> П<етровича> обработал г. Херасков²⁷. Когда авктор²⁸ увидел сей труд, то он ответил прилагаемым письмом. Просмотрите, пожалуйста, то и другое и верните авктору. Последний «закинулся» и говорит: «нет, дяденьки-редакторчики, доволь-но-чка, буде-чка, сочиняйте сами, а мне до ветру»²⁹.

Очень надеюсь, что Вам хорошо у Пусталоцци — и погода чтобы Вас любила, и директриса (заморёная истеричка-косичка) чтобы Вам не дерзила. Злю-ющая!

Целую ручки кому полагается, а остальных обнимаю.

Третья дня читал лекцию у «Суфи»³⁰. Уфи!

11

Г. В. Офросимову

<март 1948>³¹

Дорогой Георгий Викторович!

Усердно прошу Вас — *ни под каким видом*. На разгуляе копошится *всякая всячина*: тараканы, блохи, стреко-

зы, караморы. Может стать пре-вре-*доносно*: т. е. кто прет, кто врет, кто доносит.

Поэтому настоятельно ходатайствую перед хозяином дома:

немедленно *отобрать*!! (чтобы после отказа не было идеи «выписок»)

неизвестно где запереть!!

и проявить до конца *железобетонную непоколебимость*.

Никаких гвоздей, кнопок, булавок, шпилек!

Харт ауф харт!³²

И еще скажите: что ввиду того, что сие обозначено как *только для единомышленников*, Вы *требуете дискретности, безответности, балетности* (ибо беззвучности) и прочих качеств.

Скажите «сие для меня (Оф<росимова>!!) *дело чести*».

Merçi. Je.³³

12

Г. В. Офросимову

<март 1948>³⁴

Дорогой Георгий Викторович!

Пишу для проверки: верно ли я воспринял Ваш адрес (у нас баба Матрена говорила «абдрист»)? Если да, то ответьте поскорейчи!

Корреспонденция с С<ергеем> П<етровичем> развивалась за это время: *его* письмо; моя отправка новой редакции; *его* письмо; мой сегодняшний ответ. Если Вас все это анти-рисует, то сообщите, угощу.

В пятницу на страстной (еретиковской) началась у меня гриппа и всхлиппа. Темп<ература> была невысокая. Поп равлюсь³⁵. А Вы как? Поп равились³⁶ ли лично и окончательно?

А еще тут препрохладненько, топим все печи, никак не утопим, такая идет утопия, страсти-мордасти!

В газете Новости № 44 была резолюция суда чести — чуху, засудили, она будет теперь хотеть «отмостить». Но ее теперь расчухают и узнают, где чушки зимуют. Вввва!

Дружеские приветы 2×2.

13

Г. В. Офросимову

<30.IV.1948>³⁷

Милые друзья! Христос Воскресе!

Дай Бог Вам всего, веселого жилища, пасхальная пища, сад с цветами, и Вы в нем сами, и мы у Вас гостями! Спасибо за память и за жуков!

Ваш

неизменно переутомленный Онже!

30/IV. 1948.

14

Г. В. Офросимову

<первая половина 1948>³⁸

Дорогой Георгий Викторович!

Получил. Превосходно! Сердечно благодарю. И, немедленно обнаглев, кланяюсь еще одной бумажкой. От сего мне великая помощь. Но *эта* — будет последней...

Жила-была госпожа Z. Z.

Ей сделали брачное предложение два господина: господин В. В. и господин N. N. Рассмотрев их пропозиции, она сказала: «В. В. мне решительно не нравится. Нет! Нет! А вот N. N. — да!»

И вышла замуж за Энэна.

Сие есть *мнемонический* прием для запоминания Вашей «Nowa-Wes».

А то — забываю.

Уведомляю: № 2 отработан по-немецки и идет в ротат<орную> мультипликацию. С июня он начнет обангличиваться. А когда увидимся — расскажу

«еще кой-что, еще кой-что

чего сказать нельзя-аа!»

«и еще кой-что, и еще кой-что

чего сказать нельзя-ааа!»

Помните: такая была в Москве шансонетка?

Милые Энэндята! Целую Вас обох!

15

Г. В. Офросимову

<24.V.1948>

Дорогой Георгий Викторович!

Мой «отдых» таков, что *изнемогаю*. После совета с моим Хранителем³⁹ — решил взмолиться к Вам: пере-

пишите, ради Господа, сие от руки. После использования — рукопись будет возвращена Вам.

Когда же у Вас будет теле-теле-фон-фон?

А мы все там же: Weggis, Hötél Rigi. От 7 1/2 всегда дома.

Вам обом оба мы — клаа-нееся!

24/V 1948.

<Приписка:> (Четвертая страница на спинке третьей).

16

Г. В. Офросимову

6.VI.1948

Cher Monsieur!

Merci! Merci! Merci!

И за взнос пятерика — тронутое спасибочко!

Думаю, что есть уравнение:

Орехов — Байкалов⁴⁰ — Чаплин⁴¹ =

= Федоров — Якушев — Скоблин⁴².

Знаю, что первые трое только что предложили РОВСУ *подчиниться им* (sic-sic-sic!) и получили категорический отказ. Но это для *личного* употребления, не для эпи-сто-лярного.

Бедный Бунин! Как же он будет?

Послать ему в темную аллею одну бутылку «Бунияди-Янос»⁴³?

По моему глупому мнению, лик Гадамовича⁴⁴ довольно давно просил рукоприкладства...

Вот до чего иной раз доводит кривая шея — до разутя... и мужеского сожительства...

Посылаю (merci!) трактат о полковнике.

Очень прошу: пришлите мне полковничье описание Лоллия⁴⁵.

Сегодня сочинил ядовитый 18-й: «О конспирации в Зарубежьи»⁴⁶; оба веселились — вылавливание орехов из озера Байкала в пользу Чапли. Но все «онанимно».

Душевно приветствую казачью станицу Энненды⁴⁷.
Ура!

Ваш Анемподист Чижиков⁴⁸.

Г. В. Офросимову <первая половина 1948>⁴⁹

Дорогой Георгий Викторович!

Мы теперь так придумали: Карусель! Вы напишете ругалку Гулю, Гуль издает Хемницера⁵⁰, Хемницер Сережу, Сережа меня, я Вас, Вы опять... и пойдет карусель на Гуляйполе...

Вот те и *Эми без грации*⁵¹. Кончится тем, что все друг друга проклянут и лишат наследства (какового по нотариальным книгам ни у кого не окажется). По-моему, — воздержаться! А если какой Федул — окажется, губы надул, то это дело *личное*, отвлечь от него внимание *публичное*. «Пусть надувается»...

На соленый юмор Вашего письма у нас очень радовались. *ВВ*. Я совсем и не считаю Вас «разговорчивым»; да и со мною столько раз бывало эдак: «Вскипел Бульон, течет во храм»...

Да к тому же еще, если негодование...

«И огонь моих эмоций, —
Вот, мол, он каков, —
Предувидел Гуго Гроций⁵²
Из глубы веков»...

Имел интересное письмо от Лоллия, который переезжает в Мюнхен. Между прочим достоверно: и Ключников, и Устрялов расстреляны большевиками. Лоллий до сих пор соблюдает линию погибшего Христиановича⁵³. А ему уже 60. Так что выходит по писанию: «пришибло старика»...

Желаем Вам обом 1) вкуснейшего кофе 2) не слишком противных и наглых подавальщиц оного 3) дивных видов 4) не слишком мрачных газет. Недалеко от Вас в Рагсо Сивисо есть павлины (и *белый красавец!*), и голуби, которых можно кормить, отдыхая от кино-убийств.

Г. В. Офросимову

31.V.1948

Дорогой Георгий Викторович!

Получил. Спасибо за труды и за письмо!

Нужно знать, сколько любви, скорби, негодования, отчаяния и веры в Россию — горит постоянно в моей душе, сколь я социально* одинок и лично переутомлен для того, чтобы понять мою утешенность Вашим откликом. Как *жалко* то, что варится в *левых* котлах; как *отвратно* то, что замешивается в *правых* кадушках... Грустно иногда бывает до лютой тоски.

В июне Курик⁵⁴ набирает и выпускает «три речи о России»⁵⁵. На «Н<аши> З<адачи>», по-видимому, будет скоро поставлен штемпель Р.⁵⁶, — но *при дальнейшей полной свободе* редакции, у коей намечено свыше 30 дальнейших тем (конечно — Deo favente!)⁵⁷.

Развращенный Вашей добротой и солидарностью, я, м<ожет> б<ыть>, пришлю Вам скоро 16 и 17 (простите! развратился я и *уже* приложил!) (разберете ли?!).

Ха-ла-дище майский! А?! Нет, а?! Нет, нет, аа?!?!

Эйдгеноссы, craignez Dieu!⁵⁸

Целую нафталиновые ручки и обнимаю Вас. «Же-наа — клаа-няется!» (последнее из романа Рахман<инова> «письмо к Станисл<авскому>»).

Г. В. Офросимову

<июнь 1948>⁵⁹

Дорогой Георгий Викторович!

Мы еще в Weggis. Уедем, вероятно, 21-го, не раньше. Наталия Николаевна *очень* медленно оправляется от своего «нервно-переутомленного» коллапса.

Я *решительно* не вижу и не понимаю *причину* ухода Ник<олаевского>⁶⁰, Дейн.⁶¹, Далина⁶² из Соц<иалистического> В<естника>. Ради Бога поясните! Не представляю себе!

Очень прошу Вас, сообщите мне *все*, что Вам известно о зачеркнутии Рыбинских (Аргентина!) Граб-

* не семейно!

бою⁶³. Если Ваши сведения неполны или неточны, то попросите, пожалуйста, Н<иколая> Зах<аровича>⁶⁴ написать мне все точно, с датами. Он может при этом назвать себя Полковниковым, Синод — С. канцелярией, Аргентину — Австралией. Но все остальное д<олжно> б<ыть> точно. Этот случай сейчас воспроизводится⁶⁵ с другими людьми.

Имея факты — я прекращу сборы Нафанаилу⁶⁶ и напишу ему об этом без имен и в салонно-вежливом тоне. Вашу июньскую зажал; другие поступления тоже. На партийно-интриганскую ЦРК⁶⁷ я не имею ничего.

Как прошел казачий бал?

26-го июня в Цюрихе читает Шмелев. Мое устройство. 8 ч. веч. Адрес: Mythenquai. 22. Parterre. Sufi-Raum.

Вход свободный. На расходы «добровольный взнос с чел<овека> 2 Fr.». Рассылаются 300 повесток.

До свиданья, милые друзья!

Написал № 18. 19. 20. 21 — это уже про запас; но прислать № 18 — стесняюсь. «Плантаторы-ы!»

20

Г. В. Офросимову

<8.VII.1948>

Дорогой Георгий Викторович!

Посылаю Вам оные продукты. «Merci, merci, merci» (Бесы Достоевского). «Шовишно!»⁶⁸ Есть наука: дерматология. У них там «Minderwertigkeitskomplex»⁶⁹: страстная потребность квалифицироваться, напечататься, выступить, вступить, сказать, выбраться, поступить; а вкус к качеству утрачен. Все это психологически понятно, но очень печально. Они все стали — профессорами, полковниками, генералами, артистами, издателями, писателями... Но качество, качество!!

Посмотришь на иного «профессора» в его писаниях, а у него стоит:

«они изошряются!

или «он склоняется»

или «они не хотят признаться»

«Ибо доселе бывший слесарь,*

* Это я не про Полковника — ибо он всамделишный!

Он вдруг поделался профессорь...»

Жутко думать, какой уровень будет в России после большевиков!

Одначе — довольно лалаламентаций!⁷⁰

Но, скажите, о Лорд Хранитель Печати! У Вас блины еще не спеклись: блин двадцатый и двадцать первый?

«Ангелу Эннендинской Церкви⁷¹» целую ручки.

Ваш Анемподист Чижиков.

8/VII 1948.

PS. А знаете, кто это Гарпократ?

Я справлялся.

Египетский бог Гор — имеет *два* облика:

Гор — папаша

и Гор — сынишка — младенец.

Последнего египтяне изображали в виде мощного Гаргантюа, сосущего, однако, свой палец.

Все это попало к Грекам и ввалилось в ряд недоразумений:

Гор стал Гарпократом,

а его функция «Сосипальца» (срв. «Сосипатр Сидоров») была истолкована как «молчальничество». Во — курьезы! А теперь он тоскует где-то в *Бавардии* (bavarder!).

PPS. «Борьбу» верну скоро вместе с «Новым Журналом» XVI.

Merci, mercior, mercissime!

21

Офросимовым

27.VII.1948⁷²

Из Цолликона тел. № 18226 27. VII. 1948 10.00

Оффросимову — Фёгели — Энненда.

Да хранит вас рука Господня, будьте счастливы во всем, храбро разгрызайте орешки жизни, желаем много счастья и довольства.

22

Д. Г. Офросимовой

<18.VIII.1948>⁷³

*Discretissime!*⁷⁴

Очень грустно, что я перестал слышать по телефону
Ваш мелодический и нежный голос!

Целую обе ручки, каждую по 7 раз.

Ваш приверженец.

1948 VIII. 18.

23

Г. В. Офросимову

<5.IX.1948>

Дорогой Георгий Викторович!

Сердечно благодарю за книгу. Кое-какие пометочки
мои (с Вашего разрешения!) оставил

Ваш И<льин>.

1948/IX/5.

24

Г. В. Офросимову

15. IX. 1948⁷⁵

Забвучку...

Лежу. Дремлю весь день. Открываю глаза только для
того, чтобы что-нибудь написать или проредактировать —
и опять в дрыхляющую щелку.

Сердечные приветы 2×2. Ваш Kiy-Ciy⁷⁶.

PS. Из Брюсселя пришли № 31. 32. 33. 34⁷⁷. Пришлю.
Описок и ошибок — тьма.

25

Г. В. Офросимову

<23.IX.1948>⁷⁸

Милые друзья! Получив Вашу дождливо-возвратную
открытку, уведомляем. Мы осели в *собственной* квартире,
за кот<орую> платим *по найму* 3 фр. 30 раппенов в день.

1) Спальня-кабинет 2) столовая-кухня 3) балкончик
4) свой туалетик 5) свой садик. Voila⁷⁹. Адрес: Locarno-
Monti. Villa Maria. Ждем Ваших известий из всех помес-

тий. Я все еще идиотничаю в ожидании Второго Пришествия.

Сердечно приветствуем Вас обоих.

Мы.

23.IX.1948.

26

Г. В. Офросимову

<5.X.1948>

1948 5 окт<ября>.

Дорогая Эн-Эн-Да!

Живем в дырке. Едим в пансионе — только обед. Остальное — дома.

У Мюр-и-Мерилиза⁸⁰ кричали «Шчот!» Вот он:

комнатки	— в день	— 3.30	
обеда	2×3.50	" 7.70	еще
завтрак (свой	"	2.00	кур-такса, а
обильный)			не петухов -
Zwiegi (фрукты etc.)	"	1.00	пинчер...
ужин (свой)	"	3.00	
газ + эл. + начаи	"	<u>1.00</u>	
		18.00	

В пансионе Orselina хотели 2×20=40.

В пансионе Sasso — 2×18.60=37.20

Правда — газ подванивает — раковина тоже — кухонная посуда закопченная (но мы ею не пользуемся) —

Зато: садик (задик) — сверху трубы⁸¹ висят — стол дикокаменный, лавки тоже — а ватер (личный, не публичный) чистенькая игрушка хоть весь день сиди...

Облаки небесные (из Галлии транспаданской⁸²) висят третий день — принесли комаров — комары жалят.

«Подай, мати, топоря-топоря
Рубить-казнить комаря-комаря».

Я нахожусь в прострации — мысли приходят налетом — вдруг-сразу-много — а потом часами — пустота с пустяками. Из Парижа утешают, что Н<аши> З<адачи> вот-вот родятся сразу потоком, а я «не верю» — два месяца *запор* — черт-е-что. Посланное Вами дошло, но от прострации моей не взволновало. Авось опомнюсь понемногу. № 3 пишется медленно.

Дружеские сопровветствия крейц унд квэр⁸³.

27

Г. В. Офросимову

<5.XII.1948>

Дорогой Георгий Викторович!

Будучи в Београде в 1934 году и встретив на улице мальчонку с гадательной крысою, я дал ему монету, и крыса извлекла мне оную Мимас-Звезду-планету. Очень прошу Вас аки вящего знатока онаго велеречия, — не откажите, переведите мне все сие на русский.

За что Вас буду еще более прежнего уважать, ублажать и приражать.

Барыне Вашей сердечное почтение, а Вам «дугъ живот⁸⁴».

Ваш Idem Ibidem.

5/XII 1948.

Гумажку верните честнissime!

От молчаливой Рыбы доселе ничего не бысть⁸⁵.

28

Г. В. Офросимову

31. XII. 1948⁸⁶

Ура.

Поздравляем с Новым Годом!

Пусть придет конец невзгодам,

Беспокойствам, и волнениям,

И врачебным посещениям...

Да не будет пациентов

Среди милых Эннендентов,

Пусть забудутся изъяны

И напьются они пьяны!

Мы.

29

Г. В. Офросимову

<22. II. 1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Возвращаю Вам этот трагический документ... Очень горю о недомогании Дорис Генриховны. Если будете решаться на анализ, то обратиться надо *письменно* к Pfarrer Dr. Oskar Pfister Zürich Berghalden str. 34 тел. 24.38.88, прося его указать искусного и мудрого ана-

литика *его* школы и сообщая ему, что живете в Гларусе. Труды Пфистера я знаю за несколько десятилетий; это *пастор, верующий христианин*, человек искусный, деликатный и любовный.

Душевно Вас обнимаю.

И<льин>.

PS. Pfister *зря не* рекомендует. Может быть, укажет своего сына. Но, м<ожет> б<ыть>, и в Гларусе есть кто-нибудь подходящий?

22/II. 1949.

30

Г. В. Офросимову

<23. IV. 1949>

Христос Воскресе!

Дорогие Пекари и куличные Аптекари!

Поздравляем. Желаем. Надеемся. Благодарим. Изумляемся искусству. Перепекся ли ён от моей сварливости? Оказывается — еще неизвестно. Вот нощию взрежем тощию, тогда окажется, что, мол, крепит или мажется.

Один из придворных Екатерины II, всегда игравший с ней в бостон, шумел, горячился, доказывал государыне, что она не умеет играть, и с досадою бросал карты. Императрица кротко оправдывалась или извинялась и никогда не гневалась на него. Она говаривала: «между друзьями ссоры не должны оставлять по себе никаких неприятных следов». Voila.

До свиданьчика! Будьте оптимистичны и верьте в силу Добра.

Ваш Сварливец⁸⁷.

23/IV 1949.

31

Г. В. Офросимову

<26. VI. 1949>

Милостивый Государь мой и благодетель

Егорий Викторович!

Благодарю вас, отец мой, за переписку. А еще за валютоносное приложение мытарю, каковым состою, Вы же аки древле Вдовица при храме. А еще за чушкины писания, каковые подлинно чуховиты. Аки сказано:

«грязна наша хавроньюшка, грязна и прожорлива»... Это будет праздник, если она подлинно вселится в Белоселие-Белозерие...

А еще посылаю Вам, благодетель, номера 45-55⁸⁸ для содержания полной коллекции.

А еще целую ручки Вашего Хранителя.

И остаюсь

с пожеланиями расцвета

Ваш Мустанг Прериев⁸⁹.

26/VI 1949.

32

Г. В. Офросимову

<8.IX.1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Бывает так, что почта приносит гадкие письма, полные злобы, клеветы и дерзкой личной пачкотни. Такое письмо⁹⁰ почта принесла мне сегодня. В нем *за всю мою жизнь*, начиная с Москвы, собраны сплетни и инсинуации, способные повредить моему имени; упоминается о вырезанных и сбереженных статьях; приводятся никогда не сказанные мною слова. *Тон* письма — ненавистно-обличительный и злобно-грозный. Главные тезисы:

- 1) Я всю жизнь был сменовеховцем.
- 2) Я был про-гитлеровцем.
- 3) Я являюсь антисемитом.

Правда искажается, перемешивается с вопиющей ложью и фантазией. Автор просит «не отвечать» и «прекращает знакомство».

Такие письма я получал в Берлине от Меллер-Законмельского⁹¹, от Левашова⁹², от различных черносотенных антисемитов. И тоже с угрозами.

Письмо это сдано в особый пакет: «документы клеветы, провокации и угрозы»⁹³.

Получил от Вас четыре Русских Мысли. Я теперь надеюсь подписаться на эту газету и потому не затрудняйте себя присылкою ее.

Мы оба шлем Вам и Дорис Генриховне душевный привет.

Ваш Idem Ibidem.

8/IX 1949.

<Приписка:> После таких писем мне всегда становится *жутко* жить на свете!

33

Г. В. Офросимову<сентябрь 1949>⁹⁴

Дорогой Георгий Викторович!

Огорчен и удручен. Тем более, что ума не приложу, чем и как помочь... Только молитвою.

Смердяков начинает письмо с «Глубокоуважаемого», кончает «Ваш имярек фамилиерек». А в середине, в тексте громоздит фантазии, «обличения», характеристики. Стараются пообиднее уязвить мою жену. Добирается и до моей матери, которую он никогда и никак не знал⁹⁵... Словом — «злоухает». По Достоевскому («Бобок») «обнажается и заголяется»⁹⁶.

34

Г. В. Офросимову

<без даты>

Посылаю с приветом.

Я запросил справки о нем⁹⁷. Мне прислали подробности. Клянусь Вам, если бы я все это знал ранее, я бы на порог к себе не пустил бы его. А уж тем более не снабдил бы его «Н<ащими> З<адачами>». — Но ошибка уже сделана. Думаю, что правда однажды разоблачится.

Наш адрес: Lugano-Ferrovio. Fermo in posta.

Обнимаю Вас и целую ручки Дорис Генриховны.

PS. Не огорчайтесь загогулинами гультепы⁹⁸! Не стоит. Надо только оторвать его от себя. Нельзя с ним водиться. С собаками ляжешь — с блохами встанешь. А за жучком пойдешь — до навоза дойдешь...

<Приписка:> Сердечно благодарю Вас за сентябрьское «прилагательное»!

35

Г. В. Офросимову<осень 1949>⁹⁹

Дорогой Георгий Викторович!

Что-то Вы «просыпали» лишнее «брату Роману¹⁰⁰»!.. Что — не знаю. Боюсь, что-нибудь из читанных Вами моих и Сергеевых¹⁰¹ писем. Роман нарешетил Сергею, Сергей пишет мне ругалку, которую я Вас ныне и угощаю!

Я написал Сергею, что «нисколько и ни о чем не благовестил, а проверял себя и свою линию у его здеш-

него сотрудника и моего приятеля, ему рекомендованного и им признанного, каковая проверка всегда бывает полезна, а иногда и прямо необходима, особенно при одинокой жизни».

Что же Вы ему такое написали?!

«Ты волна моя, волна!

Ты Гуль-лива и вольна...»

Вот я теперь и расхлебывай...

Вы, вероятно, оказались в письме больше знающим, чем это могут перенести Сергее-Романские отношения...

Где-то у Беранже поется:

«осторожность, осторожность, осторожность, господа!»

PS. Суждение Наталии Николаевны: «Гуль — вообще не верный человек!»...

36

Г. В. Офросимову

<осень 1949>¹⁰²

Дорогой Георгий Викторович!

Из письма С<ергея> П<етровича> видно, что все *главные* поправки в исчерканном экземпляре шли *от него*, что он скрыл. «Аннушка» не понравилась потому, что выходит «против демократии», «старорежимно», не понравится Борису Ивановичу¹⁰³.

А мне он *что?* Ффэ!

Борис Иванович,
Скинь штаны на ночь,
А как день —
Так опять надень.

Посылаю Вам последний Соц<иалистический> Вестник. Описания впечатлений оным Борисом Ивановичем производят впечатление: *сам он* глуп, туп, неразвит и мало бит.

Поиски союзников: демагогирует власовцев и расчленителей.

Словом, с С<ергеем> П<етровичем> больше танцев нетути. Если будет еще приставать, пошлю его по неуютной бабушке.

Еще посылаю Вам последнюю (сегодня полученную) продукцию: Чух-чушь — чушка — чурашка — ведитаракашка — хороша замашка! Вот так промокашка!

«Шановний пан»... А?

«не пришла в голову мысль советских песен»... А?

Пожалуйста, верните *поскорее* чуху.

Я вылезая — дегриппизация личности.

Целую ручки «шановней пани».

Ваш Аким Простота¹⁰⁴.

<Приписка:> Спасибо за вз нос!¹⁰⁵

<Приписка:> Желая здоровья, погоды, красоты и покоя!

37

Г. В. Офросимову

<9.X.1949>¹⁰⁶

Дорогой Георгий Викторович!

Завтра, 10 окт<ября> двигаемся в путь из Menaggio и 11 вечером надеемся быть у своих пенатов. Тогда позвоню Вам. Да хранит Господь Вас обоих!

Ваш И. А. И<льин>.

9/X 1949. Menaggio.

38

Г. В. Офросимову

<осень 1949>¹⁰⁷

Monsieur! Señore!

От ungewöhnlicher Föhnsturm dans les montagnes εν κεφαλή все durcheinander. Mitto tibi navem prora rupique sagantem, по-русски «Выкидыши» Мель-Лгунова. Tante grazie! Kilogramm-Merci, vielmehr чем Grammmerci. J'ai прочтe und ich возвратире. Haben sie escoutiert, что в Фюссене s'est passè? Смейтесь, φίλος!

Te tero Roma manu nuda, date tela latete.

Au reservoir¹⁰⁸.

39

Г. В. Офросимову

<21.XII.1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Шлю Вам дружеский привет к еретическому Рождеству¹⁰⁹. Желая обоим *бодрости* и *уверенности* в успехе. Мечтаю о том, как Вы оба расцветете и опять учнете звать нас к себе. Подумайте, мы же доселе не видели Вашего жилища.

До свидания.

Некто в голубом, именуемый «Онó».

21/XII 1949.

40

Г. В. Офросимову <конец 1949 — начало 1950>¹¹⁰

Дорогой Георгий Викторович!

(Шановний Пан, Юрко Офросименко!)

Получив Ваше последнее письмо с изложением Вашего обращения к «брату Роману» — наш партер разразился рукоплесканиями; мужская половина топала даже ногами. Предметная правда есть мерило дружбы, а не наоборот: *amicus Plato etc.*¹¹¹ Левизна не есть критерий добра; правизна не есть критерий зла. Так было в России до революции, но так *не* должно быть впредь. Бенито¹¹² был прав, говоря: «*La massoneria, questa lue morale*¹¹³».

Я только что получил по почте прилагаемые листки, к сожалению в единственном экземпляре. Сообщаю Вам их *доверительно* и прошу вернуть по прочтении. Кажется, что это РОВС нашел какого-то честного недурака. Надо бы *печатать* такое, а то больше печатается всякая правая шановность и левая сукиншыновность... Ну, и времечко!

Узнал: сменовеховцы Ключников¹¹⁴ и Устрялов¹¹⁵ расстреляны у большевиков.

Да, Федотовщина¹¹⁶ вреднее — ибо за ней *ложь*, демагогирующие запад в вопросе о том, что Россия слишком велика и опасна и что поэтому ее надо расчленить.

Насчет «штанов» от Николаевского — верно.

Берегитесь после гриппа! Я еще не справился с ним — тлеет, как *lue di naso*¹¹⁷...

Господь с Вами обоими!

<Приписка> Какие Ваши дальнейшие планы?

<Приписка:> Моя барыня антиресуется, какая у Вас погода?

41

Г. В. Офросимову

<8.I.1950>

Милые друзья
Дорис Генриховна и Георгий Викторович!
Тронуты! Благодарим!
Поздравляем и желаем.

Дай Вам Господь здоровья, тишины духовной, благорастворения воздухов и радости. Очень хороша закладочка... Просто прелесть*.

Обнимаем Вас.

Ваш И<льин>.

8/I 1950.

42

Г. В. Офросимову

<5.II.1950>

Дорогой Георгий Викторович!

Благодарю Вас за присланный опус. Возвращаю его со смешанным чувством стыда, грусти и скандального любопытства.

Когда-то давно нашу квартиру в Москве обокрали. Я встретился с моим вором в камере у Мирового Судьи. «Вы что же, — спросил я моего посетителя, — один меня навеща-ли?» «Никак нет, барин»; так что нас было двое». «А где же другой?» «Да он, барин, благополучно *завязался*». «Гм! Что это значит «завязался»?» — «Хе, хе... Так что, значит, замешался в толпу и кричал «держи его, ловиши!» Ну и ушел».

Любопытно это, как И. А. Бунин¹¹⁸ «завязывается»... Стыдно, но поучительно.

Сердечные приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

5/II. 1950.

Один маленький мальчик, изобличаемый в шалости или каверзе, говаривал — «шовишно!»

* Будет пожизненно живая память.

43

Г. В. Офросимову<4. IV. 1950>¹¹⁹

Дорогие друзья! Христос Воскресе!

Поздравляем сердечно и христосуемся трижды! Будьте бодры и здоровы. Желаем Вам исполнения Ваших заветнейших желаний.

Мы, оба.

4/IV 1950.

44

Г. В. Офросимову

<21.IV.1950>

Выздоровливайте, Бога для!

Милые друзья!

Спасибо за поддержку!

В Москве оборванцы, продавая на улице дребедень, говорили бывало глухим басом «Бааа-рин, поддержите камееее-рцию!»

Посылаю камерцию!

21/IV/1950.

45

Г. В. Офросимову<апрель 1950>¹²⁰

Дорогой Георгий Викторович!

Спасибо Вам за письмо. У нас облачно, холодно; снизу ползут к нам (655 т.) туманы; оно дождит. В отеле топят. Питание удовлетворительное; комната тоже. В Четверг в Женеву приехал Владыка Анастасий¹²¹; пробудет не менее 3 недель. 29-го в 5 ч. дня я у них читаю лекцию (в церкви): «Религиозный смысл сомнения»¹²². Тронут душевно Вашей пятифранковой памятью; но я еще *не приступаю* к оному сбору за *отсутствием планов в центре*. Ничего нового не написал. За ними еще пять выпусков.

Вспомните, пожалуйста, *год* и *месяц* смерти Ю. И. Айхенвальда¹²³; и сообщите мне.

Серг<ей> Петр<ович>¹²⁴ разразился критикой на Н<аши> З<адачи>¹²⁵. Прилагаю его письмо к А<лек-

сею> А<лександровичу>¹²⁶. Насладитесь и верните его мне. На 1 стр. я не разобрал одного слова: «благодарю Вас за присылку Ваших ? ? бюллетеней»... Ка-ких? Может быть, Вы разберете?!

Для него все сводится к безобидной, беспрограммной *тактике момента в эмиграции*. А я считаю это *решительно неважным*. Необходимо *правильное понимание прошлого и далеко-видящее воление*. А эмиграция? «Баба вертит задом, вертит передом, а дело идет своим чередом».

Дружеские приветы от нас обоих Вам обум.

46

Г. В. Офросимову

<4.VI.1950>

Дорогой Георгий Викторович!

Спасибо за вести. Это превосходно, что у Вас нашлось отдохновительное пристанище на юге Франции! Мы радовались за Вас...

Завтра, понед<ельник> 5 июня — возвращаемся. Протранжирились... но отдохнули.

Примите протест! Мне подарили три книги я Щенка¹²⁷ за 1922 год. Там я нашел чью-то рецензию на сборник стихотворений Г. Росимова, о бытии коих (и книги, и автора) я невежественно не знал. Почему Вы таили сие от нас? В силу какого недоверия? И неужели мы так и ограничимся отрывками талантливой лиры, выкраденными из этого негигиеничного щенковского издания? Какая смесь одежд и лиц! Вас было много на челне, ... или в Ковчеге. А Щенка этого я достаточно знал еще с Москвы (рецензировал его дрянную диссертацию в Рус<ских> Вед<омостях>). Но не в Щенке дело...

Музу мне, Музу!

И не может быть, чтобы ее плодоношение кончилось «в младенчестве». Требуем позднейших чад с домочадцами...

Сердечный привет Вам обум.

Ваш <Подпись>.

4/VI/1950.

Г. В. Офросимову <первая половина 1950>¹²⁸

Дорогой Георгий Викторович!

Шлю. —

Сердечнейше приветствую Дорис Генриховну и Вас; желаю Вам хорошей погоды в луганских лугах, легкого течения в Тичино и никаких теснин в Тессине.

У нас или фёнит с душным монсуном¹²⁹ или бурно хлещет и гремит. Соответственно тому и я мучаюсь то «собацки», то «котацки».

Пожалуйста, напишите!

Поджидаю сотого. Выработал 101-102-103-104-105¹³⁰: «что сулит России расчленение?»

А в прочем душевно обнимаю.

Пришлите самообразование, если есть.

Ваш Idem Ibidem.

PS. Гуль прислал мне Народную Правду № 7-8 — с высоконравственным ответом Мельгунову и Курикову. Чухнов¹³¹ шлет свой «журнал» с возвеличениями Глазедумова¹³² и Скоронапа¹³³.

Г. В. Офросимову <3.VII.1950>

Милые друзья!

Изнемогая от жары...

Только два слова: если я что-нибудь вообще понимаю в политике и стратегии, то сов<еты> боятся войны, а уэсы не хотят ее. Боятся потому, что на мировую войну нет ни сил, ни жел<езных> дор<ог>, ни атомбомб (мало!!), ни народного настроения. А Азию занимать хочется. Идет прощуп и Труман имеет сведения, что это лишь прощуп.

Посему не тревожьтесь зря!

Изнемогая от жары... ы-ы-ы-ы-ы!!

Как Ваши планы?

Ваш

Каракуля-Маракуля.

3/VII 1950.

Г. В. Офросимову

<7.XI.1950>

Дорогой Георгий Викторович!

Спасибо Вам обоим за память и за весточки! Парижского адреса Вашего (заштемпелеванного почтою!) я решительно *не мог разобрать*: такая мазня-возня, что не читай! На этот раз, кажется, разобрал... Кланяйтесь от нас голубому морю. Оно нас, наверное, забыло, а мы его помним...

А я все собачески-мучаюсь. Доктора объективно довольны (т. е. «процесс развивается к исцелению»...), а я подчас не знаю, как сдержат раздражение и депрессию от боли... Однако все время работаю.

Тут мне прислали какой-то бюллетень. Не знаю, что это такое? Посылаю Вам, не возвращайте.

Мюнх<енские> планы — «лошадендус-провалендус»... Кончится ничем, или митингом, в котором объединенный фронт охватит от премудрого Мельг<унова> до троцкистов (inclusive¹³⁴).

Душевно обнимаю Вас обоих.

Ваш

Анемподист Чижиков.

7/XI/1950.

В Корее тревожно.

Г. В. Офросимову

<9.IV.1951>

Дорогой Георгий Викторович!

Как ни сэкономили, а все же съели. Мерси, мерси, серси!

Прилагаю послание Марии Кирилловне¹³⁵. Очень надеюсь, что в Крейцлингене все отстаивается и настраивается.

Душевно Ваш

И<льин>.

9/IV/1951.

Наталия Николаевна шлет привет.

Г. В. Офросимову

28.VI.1951

Дорогой Георгий Викторович!

Enfin¹³⁶! А мы уже гадали: *откуда* пауза?

1) Адрес наш забыли 2) имя-отчество не вспомнят никак 3) разорились, на марки нет 4) уехали в Никарагуа 5) разлюбили (если любили) etc. etc.

Оказывается — «сплят»... Это лучшее разрешение всех вопросов. У меня был товарищ университетский: все потягивался и говорил «соснуть полчаса» — ложился и спал *непробудно*. По нынешнему времени — это благороднейшее занятие: приснить себе *лучший* мир.

А нас залили дожди. Vierw<aldstätter>¹³⁷ озеро вздулось, заливаает подвалы; электр<ическая> печка спасает нас от простуды; гулять нужно с вороватою оглядкой, с зонтом и плащом. Ничего не пишу кроме писем. Пользуемся дешевкой местных заведений: зубной врач — зитцунг¹³⁸ 2 франка; чистка галстука, обкапанного за обедом, 20 раппенов; чистка запачканного плаща 60 раппенов; расширение (pardon) брюк на 10 сантиметров — 3 франка; итепод.¹³⁹ «Вы подумайте, дорогая Шарлотта Ивановна!» (Чехов).

Скоро домой.

Даю Вам жизненные советы:

а) Плюньте на все, и берегите свое, мужское и женское здоровье!

б) Не закупайтесь! В море есть акулы, киты («титы») и кашалоты!

с) «Не унывайте» (Чехов)

д) «Лопайте, что дают»... (Чехов)

е) Знайте, что Дон Левин¹⁴⁰ предложил Мельгунову* пост министра иностранных дел — нашел Обалдуя!

ф) читайте присылаемое и улыбайтесь Вашей милой, лукавой улыбкой.

1001 привет обоим от нас. Ваш И<льин>.

* Сведение Чухнова...

Г. В. Офросимову

<сентябрь 1951>¹⁴¹

Дорогой Георгий Викторович!

Получил, спасибиссимо.

Посылаю, s'il Vous plait¹⁴².

3 недели (с 10-31 VIII) держали. На ноге образовался новый узел, но признаков эмболии пока, слава Богу, нет. Обнимаю *обою*.

У меня *нет* die Tat¹⁴³. Может быть Вы были бы так ласковы — прислать мне №№ с этой статьей.

Церк<овный> приход в Цюрихе основан и поддерживается моей ближайшей соседкой по улице Ек<ате-риной> Серг<еевной> Фишер¹⁴⁴ (муж ее богатая шишка в металлургии, она сама москвичка, здесь с 16 лет).

Г. В. Офросимову (в федеральную полицию)

<15.XI. 1951>¹⁴⁵

Кантональному и федеральному ведомству полиции по иностранным делам.

Сим подтверждаю, что своего соотечественника, русского эмигранта господина Георгия Офросимова (Фёгели) знаю лично с 1923 года; слежу за его писательской деятельностью и могу вынести о нем самое честное, вполне сложившееся суждение. *Лирический поэт* по роду занятий, *талант*, театральный рецензент, он представляет собою предельно корректного, *политически* безупречного человека. *Никто* не может уличить его ни в связях, ни в компромиссах с крайне правыми. В своих оценках людей и событий он всегда осторожен и крайне тактичен. Я почитаю за честь иметь его в числе своих добрых друзей и испытываю полнейшее доверие к нему как к личности.

С совершенным почтением
Профессор др. Иван Ильин.

1951. XI.15.

Во время <пребывания в> клинике Хирсленден 414.

54

Г. В. Офросимову

<конец 1951>¹⁴⁶

Милые друзья!

А-а-а... Вы еретичествуете?!

К еретическому Рождеству чудными цветами и подарками ошарашиваете?..

Ну нет, мы справляем православное Рождество; до тех пор ждите!

А за память и за дары — кланяемся и благодарим. Тронуты...

А Вы думаете — у нас в Цолликошке «канат не протянут». Мне недавно на почте сказывали: в Цумиконе два национальрата пфанкухены¹⁴⁷ ели: один, который съел 73 кухена, будто помер... Не то 73, не то 173 — не упомяну. А сам я в Цумиконе не был, не привел Бог.

Третью неделю лежу. На днях кардиограмму делали. Сказали — однажды умру. Вот.

55

Г. В. Офросимову

<без даты>¹⁴⁸

Дорогой Георгий Викторович!

Извините. Сообщаю. Благодарю.

Разыскивает (через Красный Крест):*Щербаков* Александр Федоровичрод. 1893 в России, в гор. Николаевске. После *первой* мировой войны остался в Югославии в городе Велика Кикинда, Николопашеча ул. № 53.*Кого ищет?* Там оставшихся:1) Жену Марию Максимовну Щербакову
урожд. Золотухину род. 1892 в Киеве2) сына Виктора Александровича Щербакова
род. 1924 г. в Югославии3) Дочь Тамару Ал. Щербакову
род. 1928 в гор. Велика Кикинда.

Вот. Прошу. Надеюсь! Благодарю.

И шлю Вам обом мою велику кикинду.

56

Г. В. Офросимову

<без даты>

Дорогой Георгий Викторович!

Очень прошу. Бумажку *не толстую*. И *не большого* формата. И, если можно, *не задержите!* К пятнице оно должно быть в Париже — *такие условия* получения, а то — *оттяжка на неделю...*

С самым дружеским приветом!

Прочли, мерси!

Ну, конечно: *кошка* дура, а Катя — ууумница!

57

Г. В. Офросимову

<без даты>

Дорогой Георгий Викторович!

Покорнейше Вас благодарю за оказанное. Все мои добрые пожелания всегда с Вами обоими!

С самым сердечным приветом и с надеждой на добрые вести!

58

Г. В. Офросимову

<без даты>

Посылаю с приветом.

Почерк на конверте цитирован мною у Митроп<олита> Анастасия.

Но не очень удалось...

Последние листки — *строго* доверительны!

59

Г. В. Офросимову

<без даты>

Дорогой Георгий Викторович!

Вот два остаточных листочка. Шлю самые сердечные приветы.

60

Г. В. Офросимову

<без даты>

Frau Dr. H. Passow

Dolderstr. 4. Tel. 24-20-37

Sich zu berufen auf Fräulein Emma Bollmann und Professor Iljin.

Lektorin für Kinderliteratur bei mehrerer Schweiz. Verlegern¹⁴⁹.

61

Г. В. Офросимову

<без даты>

Милые Энендиты!

Сердечный привет. Спасибо за пирог. Гибну от Фёна. Впадаю в идиотизм.

Вижу перед собою шишку алжирского бея...

62

Г. В. Офросимову

<без даты>

Дорогой Георгий Викторович!

Посылаю нечто, написанное за 4 дня до Вашего посещения, а потому и до ознакомления с экзерсисом Маклакова¹⁵⁰. Заба-а-авно!

Николаю Захаровичу сообщите пожалуйста:

благодарить надо Николая Викторовича Борзова —

Mr. N. V. Borsoff.

2147. Word Street. Berkeley.

California. U.S.A.

(со ссылкой на меня, ибо он бывает...)¹⁵¹

Письма к С. П. Мельгунову

1

С. П. Мельгунову¹
13/III 1948

<13. III. 1948>²

Дорогой Сергей Петрович!

Со снятием «намек» отпадает *очень многое*. Художественно — вся обрамляющая и несущая концепция, отчего все распадается. Необходим другой замысел. Тонально — остается совершенно немотивированным тон сочинения — самоуверенный, развязный, хлестаковски дебордирующий и преувеличивающий. И самая форма — «еще не рассмотренного и неодобренного *проекта*, прикрывавшая все от эвентуального обвинения в клевете, — исчезает. Остается сырая глыба, требующая новой формы.

Попробую, если Вы пришлете мне текст.

Я никогда не верил в *коллективное творчество* и изумляюсь тому, что *Вы* верите в него доселе... Ибо нельзя же отрицать, что редакционное дело есть сложное и ответственное творчество. Какое? Селекционное, организационное, директивное, созерцательное, идейное, политическое, публицистическое и стилистическое; и, конечно, — морально-тактическое; в общем — художественно-импондерабельное³...

«Дабы не быть диктатором» — надо «убедить»... Какой жупел для самопугания: «диктатор»! Как можно эдак восставать против законов природы, сделавшей каждого из нас *диктатором собственного ответственного творчества*? Что напишу, что создам я, голосуя главы моей книги, строфы моей поэмы, единоличные решения моей редакции?! Хорошо еще, что Вам не надо уговаривать Сумарокова⁴, усовещивать Тредьяковского⁵, склонять Хемницера⁶, спрягать Княжнина⁷ и смазывать глицерином Аблесимова⁸!.. Все это есть — *растрата сил, здоровья, времени и талантов Сережи*⁹ в угоду литературной керенщине... Вот за это-то ему и посылается грипп, хрип и всхлип, — чтобы одумался и поберегся.

Один зарубежный мудрец сказал: «Лучший способ перессорить всю эмиграцию — попытаться объединить

ее»... А русская пословица говорит: «Гули да гули, — ан в лапти и обули»...

Эдак ничего не выйдет: *ни дела, ни объединения*.

Подумайте только: прежде чем объединиться, надо людям из лени выдраться, с места содраться, хорошенько разодраться, отодрать друг друга, шкуры посодрать, в самую подопку продраться — и вдруг убедиться, что время упущено, дело запущено, объединение не удалось, силы растрчены и все они с ног до головы друг другом взаимно и совместно оплеваны... Как я, солидарист, придумал ге-ни-аль-ней-шую в мире программу, всеобъемлющую, соединяющую «Раиса Павловна, все высокое и прекрасное, со всем глубочайшим и добродетельнейшим» и вдруг, нате, мол... кррити-куют... «Не потерплю! Рраззорю!» «Флибустьеры! Карбонарии! Ни-звергатели докторо-левицких¹⁰ авторитетов и пустоблюйных посевов!!!»¹¹

Мой тезис: *лучше бороться, чем объединяться!* Лучше необъединенный удар по врагу, чем взаимное мордобойство тщеславных политикастеров!

Прав Эйзенхауер¹²: «демократия никогда не бывает готова к войне». А я добавлю: демократия вообще не есть форма для борьбы и римляне, понимая это, назначали *диктатора*.

Борьба есть дело: инициативы, самостояния, ответственности, верности ударов, храбрости, организации и распоряжений. Нельзя все силы растрчивать на вечное сговаривание и на опасение показаться кому-нибудь диктатором. Борьба требует *власти*, а не боязни перед властью.

Борьба *не есть дело*: батальонного голосования, редакционного коллективизма, подсчета голосов! Кто будет голосовать вопрос, куда ударить — в висок, по темени или в плексус соларис¹³, тот получит нокаут *до* удара. «Заседание мы или не заседание?» — это не борьба, а свара... Борьба не дело раз-говоров и с-говоров, а дело *властного и храброго удара!*

Храбрости у С<ергея> — море! А стыда перед властью — океан.

У меня один приятель так умер: все надеялся проголосовать, не разрешит ли ему почтенный коллектив? Так и погиб от застенчивого воздержания, — потом уж только догадались.

А знаете, как называется преувеличенная демократичность? — «Дерьма-то-логия»...

Итак, жду присылки. Если понадобится какое трудное лекарство — напишите, пришлю.

13/III 1948.

2

С. П. Мельгунову

<22. III. 1948>

Дорогой Сергей Петрович!

Получил. Имел неосторожность просмотреть переработку Хемницера¹⁴. Очень любопытно и поучительно... Сохраню. «Они» думают, что если у «них» не стоят на лбу «три точки», то (люди глупы) никто и не узнает, что это «их» варево. Как наивно! Экс унгве...¹⁵ — крысам. Не постигаю, как Вы, независимейший и храбрый, можете выносить совместную работу с этими закулисными аптекарями, «застрахованными» оглядочниками, на каждом шагу «фопяющими» (от faux pas¹⁶) псевдо-мудрецами... Редька-то у Чехова прав был: «тля ест траву, ржа — железо, а ... лжа¹⁷ — душу!»...

Вы поймете, что вольнолюбивый рысак приокских степей, немолодой и очень опытный в скачках, привыкший к бережной холье, хорошо знающий добрые обычаи лошадиного обихода и выдавший на своем веку больших «хозяев», до которых глупому Хемницеру — как до звезды, — в эдакое стойло *больше не пойдет*... Надеюсь, что жизнь избавит меня от личной встречи с этим «стилистом».

А Вас лично буду по-прежнему любить и уважать.

П.С.¹⁸

Вы напрасно думаете, что я запугиваю Н. А. Ц<урикова>¹⁹. Если этот храбрый человек, перенесший пытки в Гештапо, ведет такую линию, то надо сделать из этого *совсем другой вывод*: там водворился клубок всепроникающего *перемешавшегося* право-левого и лево-правого террора, которого Вы, к сожалению, себе не

представляете... Вчерашние гештаписты «союзничают», пользуясь доверием уэсавщиков²⁰ и служа им тем же, чем служили прежним хозяевам. Вот туда бы сослать оглядывающихся аптекарей для робких приседаний!

Относительно «нечаевщины»²¹ Вы правы. Корни этой²² в *аптекарском супе*²³. Но *там* есть еще другая, и вот *та* — куда посерьезнее...

1948. III. 22

3

С. П. Мельгунову

<27. III. 1948>

27. III. 1948.

Дорогой Сергей Петрович!

Я совсем не обидчив и вовсе не обиделся. В доказательство посылаю Вам новую редакцию²⁴. Прежняя устарела уже ввиду могилы, ибо у нас сообщили по радио, что оный господин ушел из состава живых²⁵.

В действительности произошло вот что.

За исключением личных писем к приятелям я все пишу в лупу, как часовщик. Взвешивается не только самое слово и его оттенок, но и возможные, вероятные, неизбежные ассоциации у читателя. Шлифую и выбрасываю. С чувством ответственности *за все*. Бурлящее негодование сдерживается: блюдетя мера сатирического безвкусыя (ибо сатира неизбежно несколько карикатурит, преувеличивает и безвкусуничает!). Всей ладонью ударяю только там по столу, где необходимо вскрыть сатанинскую безмерность зла.

И вдруг — получаю: слепой слон ходил по огороду, все растоптал, все оборвал и меня выпустил — ... скопцом...

Это совсем не обида, а негодование. Илья Николаевич Игнатов²⁶, — в рецензиях, — и то никогда ничего не менял... Только, бывало, сократит и называет эту операцию — «сократическим методом». А у меня и тогда было это чувство: имею ли я право на это слово? точно ли оно? необходимо ли — и в контексте и в перспективе?

И вдруг — помело — все в кучу смело, все огни потушило, все цветы выбросило... Для чего же стараться?

Стилиста сего я не знаю, но по поправкам многое видно. Много умеренности и аккуратности (совершенно не у места!), много заботы об угождении единомышленникам (а черта ли мне в них?), но ни тени редакторского чутья, такта и призвания. Полное отсутствие горизонта, священного гнева, темперамента и понимания того, что писатель призван вести, а сатирик — бичевать. Он совсем не понимает, что русскому человеку подобает драться, а не «заседать», не «оппонировать», не «вести дискуссию» и не «покидать залу заседания»...

Итак, посылаю новую редакцию. Всякие изменения считаю вредными. Доверяю Вам сие извержение, Вами же вызванное. Алданову²⁷ подражать не могу: ибо я вовсе не читаю его сухостойно-выдуманных и скучнейших подделок под историю. Когда-то мне один умный еврей сказал: «не забывайте никогда, что всякий еврей как таковой считает себя прирожденным русским литератором»...

Я получил из хорошего источника подтверждение того, что у Мадам Като²⁸ имеется *дочь* в секретариате, которая упорно зовет ее туда на пироги и дезинформирует ее.

4

С. П. Мельгунову

<4. IV. 1948>

Дорогой Сергей Петрович!

Только что виделся с Васей. Он получил Ваше письмо и вник в Ваши пожелания и предложения. «Теперь, говорит, я вижу: все — *моя* ошибка, ни писать, ни посылать не следовало, *различные мироощущения, различные взгляды*: как жаль, что я ему зря хлопот наделал!»... Просит передать Вам его извинения и сожаления, но *ни при каких условиях печатать не желает*. Еще смеется: «у Косьмы Пруткова было много «динашеве»²⁹, а у меня будет много «динэмприме»³⁰...

Еще просит сказать, что *никакой обиды и ни малейшей вражды*. Все, говорит, по-прежнему, но *«мне там не место»*. Я еще спросил его на прощание: *«может быть, еще передумаете?»* «Нет, говорит, это мое самопоследнее слово. Скажите только, что *очень прошу непременно назад прислать*. Им, говорит, Федотка³¹ дорог и мил, а мне он злодей и предатель».

Что с ним подделаешь? Я его знаю: если его что-нибудь эдак за сердце ухватит, ссориться не будет, но уж ни уговорить, ни на компромисс склонить — нельзя.

На том, как у нас на деревне говорили: *«извиняйте и досвиданьчика»*...

4/IV.1948.

5

С. П. Мельгунову
25.XI.1949.

<25. XI. 1949>

Дорогой Сергей Петрович!

Благодарю Вас за прямое и откровенное письмо. Не знаю только, как бы мне убедить Вас раз навсегда, что я личными обидами не занимаюсь?.. — Нет, Вы решительно ни в чем не «провинились передо мною»! По прочтении нового «Возрождения» я не написал Вам — 1. потому, что был в то время надолго оторван от моей почты и получил книжку лишь очень поздно, когда настали уже «темпи пассати»³². 2. Я не знал и не предполагал, что Вам это нужно. 3. Почти всегда перегруженный и переутомленный, я систематически воздерживаюсь от корреспонденции во всех не катастрофических случаях. — Вот и все. Простите.

В пятой тетради Возрождения я очень оценил: Мельгунова, Тыркову³³, Цурикова, Шмелева и Бормана³⁴. Зато — удручающее впечатление вынес я от: Мережковского³⁵. Глеба Струве³⁶ (и кто только внушил ему, будто он — «поэт»?!), от Хераскова, Степуна³⁷ и Сергиевского³⁸ (и откуда он только взял, что он может писать романы?!). Карина³⁹ не мог дочитать до конца: все беспочвенно и неискренно.

Ваше известие о том, что Вы «сильно терпите от левых за то, что открыли журнал моим именем» — меня очень огорчило. Не потому, что эти господа меня не одобряют (мне гораздо важнее, что я ими слишком часто возмущаюсь!!), а потому, что я совершенно не намеревался вплетать в Ваш редакционно-мученический венец еще и свои тернии. Значит, прав был тот внутренний голос, который с самого начала шептал мне: «не пиши!» А я сдуру не внял ему... С них взять нечего: так и умрут с самоапологией на устах, ничего не поняв и ничему не научившись; — близорукие, честолюбивые и клеветующие на несогласных. Прокопович⁴⁰ совершенно прав, называя их — «зубрами»...

Очень жалею, что не могу отозваться на Вашу неутомимую организационную работу — примкновением. Я никогда не был членом партии, никакой, и надеюсь, что сохраню пожизненно верность своим собственным глупым мыслям. Свобода политического и всякого иного суждения — есть для меня аксиома бытия. Не могу иначе.

Должен еще сказать, что тому, что происходит в современной эмиграции, я придаю минимальное значение. М. М. Новиков⁴¹ как-то подарил меня по сему поводу русской поговорочкой: «баба вертит задом, вертит передом, а дело идет своим чередом». Предвижу, что история пойдет *совсем иначе*, чем это кажется, и уж совсем не по той линии, на которой пытаются утвердиться говорящие по-русски масоны-антинационалисты с Керенским⁴² во главе. Я думаю, что все политически-организационные усилия русской эмиграции идут ныне на пустое колесо, тогда как настоящая точка для приложения настоящих сил — лежит *совсем инде*. Я знаю, что Вы с этим не согласитесь, но тут многое определяется общим мировоззрением...

Крепко жму Вашу руку и целую ручку Прасковии Евгеньевны⁴³.

Ваш Идем Ибидем.

25 ноября 1949.

Письма к Н. В. Борзову

1

Н. В. Борзову¹

<весна 1948>²

Христос Воскресе!

Дорогой Николай Викторович!

Сердечно поздравляю Вас со светлым праздником, христосуюсь с Вами и желаю Вам духовного света и радости!

Мои друзья и «посылочные кандидаты» получили устроенные Вами для них посылки, все были тронуты, обрадованы и, получив облегчение в жизни, благодарят Вас за заочную доброту трогательно!

Теперь к нашим делам.

1. Вот что мне удалось наладить Вам для 16 Сборника.

Самого близкого из друзей моих, который, к сожалению, еще не может дать свою полную подпись, но за высокую честность, правдивость и компетентность я отвечаю головой, дал статью памяти Архиепископа Рижского Иоанна Поммера³, замученного большевиками в 1934 году на своей даче под Ригою. Я лично знал его и пользовался его полным доверием, настолько, что он уговаривал меня принять священство и занять должность соборного протоиерея в Риге. Я с своей стороны чтил его исключительно. Он всегда поражал меня своим глубоким и быстрым умом и своей прозорливостью. Сила его характера была совершенно замечательна. Россию он любил, как самый пламенный патриот. По целому ряду данных я не сомневался в том, что он организует в Москве противобольшевистский заговор и освобождение России. Когда я узнал, как он мученически скончал⁴ свои светлые дни, я ни минуты не сомневался в том, за что его убили палачи. Но диктатор Латвии, Карл Ульманис⁵, «страха ради большевицка», замял это дело, запретил говорить о нем во всеуслышание и спустил все в темноту.

Ныне мы имеем возможность пролить некоторый свет на это дело. Источник наших сведений — чистый,

честный, вполне компетентный: человек, имевший возможность изучить весь материал *предварительного* следствия. — И тем не менее, статья, которую я Вам пришлю на днях, составлена с *чрезвычайной осторожностью и тактом*: ничего лишнего, ничего торопливого, безответственного. Особенно еще и потому, что одновременно с Владыкой Иоанном, в ту же ночь, в Риге погиб от нераскрытой причины наш славный русский тенор Л. В. Собинов⁶: он был с Иоанном на «ты», принимал участие в заговоре и привел к нему на его лесную дачу тех людей, которым Собинов доверял и которые оказались ГПУ-палачами...

Я приложу к статье и *портрет* Владыки Иоанна, этого русского героя и священномученика, о коем доселе молчали, а ныне надо сказать.

2. Мы условливались с Вами еще о моем «идеологическом жизнеисповедании»⁷, помните? Надо ли мне это делать, или Сборник 16 и без того, может быть, полон? Душевно приветствую Вас и обнимаю.

2

Н. В. Борзову

<21.VII.1948>

Дорогой Николай Викторович!

30 июня я отправил Вам в одном общем заклеенном конверте, заказным письмом, следующее:

1. Статью «Что нам делать?» с *приложением двух отдельных листков*. На них: сначала биографические данные «Путь Жизни» и потом литературные данные обо мне «Главные труды».

2. Статью «Пушкин в Жизни»⁸ — на четырнадцати машинных страничках.

3. Личное письмо к Вам плюс последнюю имеющуюся у меня фотографию.

К сожалению, я ни из одного полученного от Вас с тех пор письма не мог увидеть, что именно из этого дошло и что — нет. Куда девалось недошедшее, не могу себе представить... Протестовать на почте — не имею основания, ибо все же заказной конверт дошел! Стараюсь сделать точные выводы и поправить беду. Согласно этому *пошляю Вам вновь*:

1. Два добавочных листка с «биографией» и «трудами».

В письме я еще особенно просил Вас напечатать эту часть — мелким шрифтом, петитом, ибо считаю ее по сравнению с главной статьей — *решительно не существенной и нескромной*.

2. Копию со статьи «Пушкин в жизни».

Обе эти машинописные рукописи посылаю *заказным* авионом, как «Принтед» или, по-здешнему, «Друкзахе»⁹. Это дешевле. К настоящему письму прилагаю еще раз мой последний снимок.

Из моего краткого «жизнеописания» Вы увидите, что с 1934 года по 1938 год я терпел всевозможные утеснения от германских национал-социалистов за отказ говорить, писать и преподавать по ихней программе. И сейчас поступил бы совершенно так же. Я имел в жизни целый ряд друзей, и дорогих друзей среди евреев и никогда не откажусь от них. Из этого Вы видите, что нам нет нужды углублять вопрос о Зайцеве¹⁰.

Пользуюсь Вашим разрешением и прилагаю список лиц, *мне лично хорошо известных, истинно достойных и нуждающихся в помощи*. Всякая помощь этим людям есть сущая заслуга перед русской культурой.

Душевно Вас обнимаю.

3

Н. В. Борзову

<17.VIII.1948>¹¹

Дорогой друг Николай Викторович!

Разрешите мне ответить на оба Ваши письма сразу (от 28 июля и от 13 августа). Пройдем по пунктам, чтобы чего-нибудь не забыть.

1. *О Представительстве Вашей организации.*

Благодарю Вас за честь и доверие, выразившиеся в предложении стать Вашим представителем. К величайшему моему сожалению мой реальный кругозор ограничивается одной Швейцарией. За ее пределами, — уже Австрия, Германия, Франция, Италия, — для нас здесь уже тьма непроглядная. Из этой тьмы люди могут просить обманно, а проверить нет возможности. Формально это делать нельзя. Поэтому я считаю самым

правильным предложить Вам — взять в каждой стране одного. Рекомендую Вам как людей честных, умных, непартийных и ответственных следующих лиц.

На Францию: А. А. фон Лампе¹². У него большие связи по Обще-воинскому Союзу. Это благороднейший человек. Адрес его Вам известен.

На Австрию: князя Александра Андреевича Ливена¹³. Безукоризненный человек с большим горизонтом знакомств. Адрес его —

На Германию: Савельева¹⁴ в Линдау. Это заместитель А. А. фон Лампе, который ведет там бюро Красного Креста. Человек по положению своему знает очень много и многих: гарантия за его порядочность.

На Бельгию: Отец Виктор Ильенко¹⁵. Прекрасная фигура. Адрес его —

На Италию — никого не могу рекомендовать. Но если понадобится Вам проверить кандидата в представители — запросите.

2. Критика Журнала.

Не огорчайтесь на критику со стороны! Русская поговорка говорит: «Людам губа не заперта». Интересна только *неличная критика*, т. е. не заинтересованная и *компетентная*. Личную же и невежественную — надо спускать как с гуся воду. Люди слишком часто бранят других, чтобы вылезть самим; разносят чужое, чтобы освободить место для себя. Я вообще не стал бы печатать отзывы. Это есть, простите, *демократическое преувеличение!* Не следует внушать глупому, что он умен и компетентен.

3. Загрузка журнала.

Люди, загружающие Ваш журнал тяжелыми научными исследованиями — *не правы*. Надо же помнить благотворительный характер журнала: он должен рентироваться¹⁶ и быть доступен публике. Использовать его для самопубликования во что бы то ни стало — вряд ли литературно и общественно правильно... — Моя линия все эти годы была как раз обратная: я искал Вам живого, простопонятого, духовно-значительного и талантливого материала, хотя мне всего проще было бы навязать Вам, зная Вашу деликатность, вериги тяжелого научного

трактата. Но у людей зуд: при жизни напечатать как можно больше своего, «прославиться» и «вознестись»... В *качестве* же своего создания, в его «огромных достоинствах» мало кто способен сомневаться. Но на самом деле — все будет решаться *лишь после нашей смерти* — и притом *духовным, объективным качеством* написанного.

4. Тамару Евгеньевну Сатину мы знаем давно. Она была замужем за родным братом Наталии Александровны Рахманиновой, урожденной Сатиной. Она могла получить мой адрес и от Рахманиновой. Сергея Васильевича Рахманинова мы тоже знали давно.

5. С моими фотографиями — делайте, дорогой, что хотите... послал Вам вторую только потому, что первая была снята давно, изображенный на ней субъект наверное изменился. Новая — честнее.

6. Чтобы позабавить Вас моим «ораторством», которого я не могу Вам воспроизвести, я pošлю Вам фотокопии со статей покойного Петра Бернгардовича Струве, напечатанных в «Возрождении» в 1926 году.

7. Очень мечтаю, что в следующей книжке Вашего журнала будет напечатана статья моего друга об Архиепископе Иоанне Рижском и его священномученической кончине.

8. *Что касается моей особы и ассигнования для ее поддержки.*

Я здесь живу вот уже десять лет в таком бесправии, какого я никогда и нигде еще не переживал. Мне запрещен заработок. Почему? Потому что я не принадлежу к «привилегированным» мира сего. Целый ряд евреев и масонов в аналогичном со мною положении имеют все права. Так же обстоит и с иезуитами. По понятным причинам я изучал детально сей вопрос и могу сказать, что в современной демократии ничего не стоит оказаться рабом. Свобода и равенство — это пустой разговор: есть привилегированные и зажимаемые. Меня уважают все инстанции, к чему я имею письменные доказательства. С особого разрешения я могу напечатать книгу и даже поместить по просьбе какого-нибудь швейцарского журнала «рецензию» на какую-нибудь книгу. Но это и все.

Выкручиваюсь я — негласным трудом, который всегда может прекратиться. Уповаю же на милость Божию.

Семинарий мой я прикрыл во время войны: всем было не до того, посещение стало неаккуратное, мужской элемент то и дело отзывался в армию, женщины — на трудовую повинность.

Тогда я решил, что если я запишу эти мои лекции, то они послужат потом России больше и лучше, чем эти неаккуратные занятия.

Всего труднее мне скопить монету на издание книги. За всякую помощь буду сердечно благодарен. Всякая сумма, переведенная сюда через Ваш обычный банк — любезно выдается мне на руки в здешней валюте по хорошему курсу (один из знаков признания и уважения!), ибо все здешние учреждения знают, что это есть помощь иностранному ученому, которому они сами запретили службу и заработок. Налога с этих сумм не берут, ибо это проходит по линии «благотворительной поддержки».

Я благодарю Господа за оказанную мне милость: я ни на какие компромиссы не ходил и не пойду; и все-таки прожил и мог творчески работать. Сейчас заканчиваю большой труд по философии религии и думаю немедленно приступить к завершению другой большой работы о монархии и республике (я для России — убежденный монархист!).

Сообщаю все это Вам, дорогой Николай Викторович, *совершенно доверительно*, так, как Вы того желали. Ни для кого другого... Как Вы сможете оформить это в Заседании — не знаю.

Прилагаю Вам благодарственное письмо от Владимира Павловича Рябушинского¹⁷. Он *очень тронут* этой внимательной помощью. Он получил две посылки — «Кар»¹⁸ — съедобную и одежную. — И я сердечно благодарю Вас за него.

А затем душевно Вас обнимаю и желаю Вам здоровья и духовной радости.

Ваш.

1948. 17 июля.

Н. В. Борзову

<апрель 1949>¹⁹

Дорогой друг, Николай Викторович!

Только что получил Ваше письмо от 29 марта и спешу отозваться на него. Прежде всего приношу Вам и Правлению Фонда имени Ивана Васильевича Кулаева мою искреннейшую благодарность за доверие и поддержку! Как я рад был бы придти в заседание правления и лично изложить членам его, какую работу они этим поддерживают! Но Правление доверяет Вам, а Вам я надеюсь дать существенные доказательства того, что уже сделано и продолжает делаться. Для этого я приму нужные меры.

Теперь разрешите по пунктам.

1. Не беспокойте себя вопросом об отложении моей сказки о «Праведном Народе»²⁰. Я посылаю Вам *для журнала*, а интересы журнала Вам виднее. Я не имею ни малейших возражений или огорчений по этому поводу.

2. Что касается статьи об убиении Владыки Иоанна, то это вопрос более серьезный. Статья написана постоянным жителем Риги, лично знавшим Владыку и горячо его любившим. Он с самого начала в частном порядке следил за следственными данными, а в конце концов имел возможность получить *точную информацию от юриста, изучившего все тайное досье по этому делу*. Это человек сущего благородства и с большим чувством ответственности. Он мой давнишний друг. Я же сам состоял глубоким почитателем Владыки; по-видимому, и он мне доверял, ибо за несколько месяцев до смерти Владыка настойчиво уговаривал меня принять Священство и сан Протоиерея рижского Собора. Из этого Вы увидите, что ни с моей стороны, ни со стороны автора статьи не могло быть никакого легкомыслия и легковерия. Неосведомленность или, вернее, обывательская осведомленность лежит скорее на стороне Бачманова²¹ и других.

Однако я предлагаю следующий исход. Отложите статью до следующего номера журнала. А я немедленно запрошу моего друга, который ныне переехал в Канаду: *не разрешит ли он мне снять его псевдоним, хотя бы*

только для Вас лично. Если он на это согласится, то я попрошу его, чтобы он сам написал Вам — *строго доверительно*, с тем чтобы Вы его другим не называли. Он укажет Вам свой источник. Латышам же, конечно, более подходит обывательская версия, по которой гениальный латышский Архиепископ был выдан и умучен «русскими». Относительно раны, нанесенной Собинову самим Владыкой, *сведения подтверждают*, но это нисколько не доказывает предательства Собиновым: ибо надо знать всю правду и точно видеть всю сцену. Итак — отложим статью!

3. Чтобы быть представителем на Германию, надо *непрерывно жить там*, знать лагерную жизнь непосредственно, иметь связи с Дипями²², разбираться в тамошних людях: Дипи отличаются своей неправдолюбивостью, они привыкли «там» врать и приспособляться и говорят в эмиграции каждому то, что по их расчету им выгоднее. Я имел с ними дело немного, но эта черта их бросается с первого мига в глаза.

Поэтому я рекомендую Вам в качестве Вашего представителя по порядку следующих лиц, там живущих и в Дипях разбирающихся. За честность каждого из них ручаюсь.

1. Николай Александрович Цуриков. Адрес:

2. Николай Захарович Рыбинский. Адрес:

3. Георгий Георгиевич Габричевский. Адрес:

Очень жду нового «Ребенка». Спасибо за добавочные экземпляры. Что очень важно, это *чтобы авторы получили по экземпляру*: те, кого я Вам «достал» — все время спрашивают, вышла ли книга, да когда выйдет, да печатается ли их статья, да получают ли они книжку. И это понятно и справедливо...

Пожалуйста, напишите: добывать ли Вам материал для 17 Книги и в каком роде? Это надо всегда заранее созерцать, комбинировать и изобретать.

Еще раз сердечно Вас благодарю за доверие и помощь.

Обнимаю Вас. Да хранит Вас Господь.

Ваш Идем Ибидем.

Н. В. Борзову

<9.VI.1949>

Дорогой Николай Викторович!

Ни я, ни Алексей Александрович²³ — не имеем доселе шестнадцатого выпуска... А между тем сегодня — 9 июня. Ждем терпеливо. Но может быть — как-нибудь случилось, что забыли послать?

Тем временем пришел сегодня 142 номер «Рус<ской> Мысли», в котором господин Глеб²⁴, негодуя, поместил творения своей поэтессы²⁵... Эти творения мы с Наталией Николаевной нашли — *отвратительными*. Я даже разволновался так, что руки дрожали. Но по пунктам.

1. Это — *не поэзия*. Каждая строчка вымучена, выдуманна, «на дровнях подтащена». Ничто нигде не поет. Ни малейшего следа вдохновения. Многие строки перечитываешь по несколько раз, чтобы вообще хоть как-нибудь добраться до смысла. Кое-что так и остается до конца *непонятым*.

2. Вся эта вымученная проза имеет одно *намерение*, одно задание: *изобразить гнусность национальной России и ничтожество ее Царей*. В ее душе и в ее стихах для этого *все смешивается*: добро и зло, Сталин и Иоанн Антонович²⁶, революция и монархия, кощунство и молитва. Мерзее этого я давно уже ничего не читал.

3. Я бы не просто и не только вычеркнул безобразный термин «бесовский», но вернул бы посреднику всю эту соблазнительную и кощунственную выдумку.

4. Влияние — Брюсова²⁷, Макса Волошина²⁸, Александра Блока²⁹; и главное — того псевдорусского инородчества, которое ныне поносит Россию на всех стогнах и подготавливает ее расчленение.

То обстоятельство, что господин Глеб восхищается этими антипоэтическими выжимками, имеет два объяснения. а) Он сам всю жизнь сочинял-высиживал подобные вирши; и, конечно, рад, что этот жанр вымучивания плохо рифмующих строчек появился. Эта тредьяковщина будет впоследствии называться «школою Глеба». б) Глеб, как критик литературный, никогда не

обнаруживал ни малейшего вкуса или художественного чутья. в) Но ему нравится еще и направление мыслей этой госпожи. Вот тут-то оно и есть — то, о чем я Вас как-то предупреждал: от него давно уже идет антинационально-интернациональный «духовный запах», — и если бы Вы «передали» ему Журнал, то этот запах, предательский и ядовитый, но для личной карьеры в некоторых кругах весьма выгодный, водворился бы окончательно на созданном Вами *чистом* месте.

Вот и все пока. От этих стихов остается чувство такое, как если бы меня обкормили тухлой селедкой... Бедная, бедная моя Россия.

Душевно обнимаю Вас...

Пожалуйста, верните мне заказным статью К. Е. К<лимова> о Архиепископе Иоанне. Ей не пришло еще время, ибо мы еще не можем выложить доказательства, которых публика не знает, а без этих доказательств публика нам не поверит. Но ведь дело-то вообще не в публике, а в правде и в Боге...

6

Н. В. Борзову

<20.VIII.49>

Дорогой Николай Викторович!

Переконфузили Вы меня в шестнадцатом выпуске — два портрета, и одобрения, и выдержки... Чувствую Вашу дружбу — заочную и потому *особенно духовную* и очень дорожу ею. Надеюсь, что никто из Ваших ближайших сотрудников не протестовал против такого обилия «ильинства», а то было бы еще гораздо конфузнее для меня... В 16 выпуске есть целый ряд первоклассных статей, которые читались и всегда будут читаться (а это дороже всего — неумирающее!!) с глубоким удовлетворением. Спасибо Вам! Особенно меня порадовал еще портрет Пушкина, присланный Вами мне на память: он просто великолепен!

Теперь о дальнейшем.

Нужно ли Вам что-нибудь для 17 Выпуска? Напишите об этом — точно и определенно. У Вас имеется: статья об Иконе, присланная Вам художником Ю. Ю. Габричевским из Мюнхена. А моего — сказка о «Праведном

Народе», отложенная из книги 16. Затем Вы запрашивали меня о статье «Мировая политика русских Государей»³⁰. Вот мой ответ.

Я переговорил с автором этой статьи, что мне, конечно, было не трудно, как Вы можете себе представить. Он предлагает следующее. Прежде всего он решительно *против сокращений*: говорит, что в статье все долго и зрело обдуманно и лишнего нет. Если же редакция Вашего журнала считает какие-нибудь отдельные «пассусы»³¹ по условиям американской жизни — неудобными, *о чем он судить не берется*, — то он просит *прямых указаний*, что именно тревожит редакцию? Тогда можно будет эти места смягчить или устранить. *При таком сговоре он предлагает подписать своим полным именем всю статью, без ссылки на то место, где она появилась впервые.*

Пожалуйста, дорогой друг, взвесьте это предложение и ответьте на него по существу! И к этому добавьте, нужно ли мне добывать для семнадцатого номера чего-нибудь, у кого, или по крайней мере — в какой области?

А затем еще раз сердечно благодарю Вас за доброе отношение и обнимаю Вас.

Нет, еще одна просьба. Мое материальное положение здесь пришло в некоторое тревожное колебание. Я ищу заработков. Если бы оказалось, что Ваша Сан-Францискская газета может меня гонорировать за статьи, для нее специально написанные, то я согласился бы писать в ней. Я имею в виду «Русскую Жизнь»³², перепечатавшую 4 июня из моей Пушкинской речи. Очень прошу Вас, — не говоря им о моем «материализме», пощупайте относительно этого у редактора и, если ответ его будет положительный, то пусть он мне сам напишет прямо.

Душевно Ваш И. А. Ильин.

20/VIII.1949.

7

Н. В. Борзову

<2.I.1950>

Дорогой друг, Николай Викторович!

Сердечно поздравляю Вас с новым годом и с наступающим праздником Рождества Христова! Дай

Боже, чтобы все пошло лучше и стало по-хорошему!! А Вам — здоровья и духовных радостей.

Спасибо Вам за дружеское письмо и за трогательную заботу о нас, двух Иванах — Шмелеве и имярек...³³ Итак, прежде всего о Вашем вопросе. Вот мое суждение, основанное на долгом изучении вопроса и осведомлении.

В мире сейчас М<онархии> конъюнктуры *нет* и, может быть, долго еще не будет. Из всех интернационалистов — ни один не выскажется за М<онархию> в России. Или точнее — выскажутся католики, если кандидат примет католичество и обязуется содействовать его введению в России. Выскажется и мировая ложа, если кандидат вступит в ее состав и обязуется распространять ее силу в грядущей России (с таким *буквально* предложением обращался по поручению ложи Герцог Г. Н. Лейхтенбергский³⁴ к В<еликому> К<нязю> Николаю Николаевичу³⁵; сие знаю от Герцога *лично*). Социалисты, коммунисты, иудеи и протестанты не выскажутся за это никогда. Итак, здесь *мировой* конъюнктуры нет. — Остается только *внутренняя* конъюнктура, которую следует готовить *с великим тактом и без всякого шума*. Нужен кадр верных и чистых, идейных людей. Умных, политически опытных, зорких и волевых. Этого кадра доселе не было: В<еликая> К<нягиня> Виктория Феодоровна³⁶ однажды сама разогнала слагавшийся у нее кадр, сказав этим людям, что они ищут не дела, а денег и карьеры, — и она была права; Марков³⁷ же сам был таков, что только и мог подбирать дурных людей. Скаржинский³⁸ не сумел ни понять этой особенности Маркова, ни отмежеваться от его дел после его смерти. Вам достаточно, если я Вам скажу, что в 1935 году, когда Марков, устроившись у нацистов в Эрфурте, появился в Берлине, то он проповедовал гласно в лекциях — искоренение русской национальной интеллигенции и замену ее новой германской интеллигенцией из нацистов... Я был тогда еще в Берлине. Вот ситуация в эмиграции...

Мое воззрение: о М<онархии> надо не шуметь, а келейно готовить новую идеологию (ибо люди никогда не умели быть м<онархистами>, а теперь разучились

вовсе, тому пример гадостные писания И. Солоневича³⁹. Ожидаемый у Вас Т<альберг?>⁴⁰ один из людей, абсолютно ни к чему, кроме узколобой интриги, не способный: он будет только искать а ла Марков конъюнктуры для себя и вредить своими бестактностями; я присматриваюсь к нему уже давно.

Поэтому, когда в начале прошлого ноября П. В. Скаржинский просил выставить свою кандидатуру в ихний мюнхенский Совет, я отказался и написал ему свои соображения (буквально): «сейчас время не для шумливой партийности, которая обречена на то, чтобы кипеть в пустоте и разжигать честолюбие у пустого места, а для крепко спянного ордена и притом с качественно достоверным отбором и с элиминированием всей карьеристически- или провокационно-примазывающейся сволочи... Крепкий и чистый кадр обрстет тогда новой и чистой периферией. Иначе грозит муть, грязь и компрометирование Идеи». Кандидатуру свою я категорически снял: участвовать заглазно и бессловесно в делах с людьми, мне решительно не знакомыми, — невозможно!!

Представьте себе, что С<каржинский> ответил мне на это письмо полной солидарностью. Но насколько он искренен, — мне неизвестно...

Ввиду всего этого я опасаясь, что Ваше участие в этом деле, да еще на ответственном посту, даст Вам множество горя и утомления.

Что касается Восемнадцатого Выпуска: не забудьте, что статью Вам готовит В. П. Рябушинский! Кажется мне, что Вам следовало бы снестись с Сургучевым⁴¹, который обрабатывал для Возрождения в тридцатых годах трогательнейшие воспоминания о жизни в Зимнем Дворце, где полковник Оллонгрэн⁴² (автор воспоминаний!) воспитывался в семидесятых годах вместе с Царевичами Николаем (впоследствии — Вторым!) и Георгием⁴³. Я много читал по вопросам монархии, но ничего более трогательного и живого не знаю. Это забыто, а между тем все, кому я давал эти воспоминания, не могли никак расстаться с моей тетрадкой, так что приходилось чуть не насильно отбирать ее.

Постараюсь прислать Вам что-нибудь и я, если вы посчитаете это нужным... Только чтобы не было слишком много ильинства: у меня такое чувство, что мои писания к духу современной интернациональной и беспочвенной эмиграции (с Глебушкой во главе...) очень мало подходят. Если Вам моя сказка о «Праведном Народе» не подходит, будьте так добры, пришлите мне ее назад.

Я сравнительно здоров, много работаю, закончил новый труд «Аксиомы религиозного опыта» и мечтаю напечатать его. Но где?!

За всякую помощь буду сердечно благодарен...

Душевно обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

2 января 1950.

Еще у Вас есть статья Ю. Ю. Габричевского об иконе. Не разрешите ли Вы мне списаться с Вашим «крестником» Б. Н. Плаксиным⁴⁴ (Правит<ельственный> Сенат), чтобы он дал главу из своих воспоминаний. Благороднейший и умнейший человек (бедствует в Германии...).

8

Н. В. Борзову

<20.I.1950>

Милый и дорогой Николай Викторович!

Сердечно Вас благодарю и обнимаю! Вы и не знаете, что Вы сделали. Я теперь имею все шансы напечатать мой новый труд... Еще недавно я вздыхал о том, что нет перспективы для него. Но вот, 16 октября я читал вторую главу из него на торжественном приходском собрании города Цюриха по случаю исполнившегося 25-летия здешней церкви. Глава называется «О чудесном и таинственном»⁴⁵. После чтения Архимандрит Леонтий⁴⁶ (женевский) говорил (простите за нескромность!) о значении моих трудов для Православной Церкви, немало меня тем смущая. А одна швейцарка из России поднесла мне чек в 2400 шв. фр. на напечатание книги. Этих денег не хватит, конечно; но начало было положено. Однако оно было положено *гораздо раньше Вами*, ибо мне удавалось часть Ваших ассигновок за прошлые годы не

проживать, а откладывая на напечатание. И вот, считая с тем, что Ваш фонд обещал мне на второе полугодие, и считая, что я сберегу присланное, — я могу думать о печатании книги... Вы представляете себе мою радость?

Спасибо Вам и Фонду!!...

С Иваном Сергеевичем⁴⁷ всегда было и до конца будет трудно. В болезни как беспомощный ребенок; в жизни полный часто неосновательного эмоционального восторга или отвращения; в планах своих невероятно упрямый, — он одинок как бобыль и талантлив совершенно исключительно. Но талант, к сожалению, не спасает его от ошибочных замыслов и, — Вы правы, — в его «Путях Небесных» много навязчивой и нехудожественной мистики... Страшна тут не «мистика», а ее непрерывное, тенденциозное, нарочитое навязывание читателю. Я не скрыл это от него, ... но ... таков уж его замысел.

У Вас ждет еще моя «Мировая Политика русских Царей», — Вы не забыли?

Душевно Вас обнимаю и благодарю.

20/1 1950.

9

Н. В. Борзову

<26. II. 1950>

Дорогой друг, Николай Викторович!

Спасибо Вам за дружеское письмо. Конечно, разобрал его без труда. Отвечаю по пунктам.

1. О проектируемом объединении правых и левых кругов — слышу впервые. Если это тактически может быть целесообразным, то это надо непременно осуществить, не взирая ни на какие взаимные предрассудки... Но целесообразно ли это, — мне отсюда не видно. Покойный генерал Е. К. Миллер⁴⁸ говаривал: «есть лучшее средство перессорить всю эмиграцию, — надо попытаться объединить ее»... Поэтому надо прежде всего удостовериться, не идет ли эта «идея» из тех кругов, которые больше всего заинтересованы в общей склоке?... Если же это нужно в борьбе за Россию, то надо отложить все, все старые счета и распри — и провести дело. Решить, как это обстоит на самом деле, мне отсюда невозможно.

2. О «реках вавилонских». Нечего сидеть и нечего плакать: одна растрата сил! Куплет же «блажен, кто»⁴⁹... — понятен в устах вавилонских евреев; но для нас, христиан, да еще после всего происшедшего — упояться фантазией о грядущей мести противостоит естественно. Я еще в двадцатых годах писал дословно: «ревом, ломом и погромом Россию не спасешь». В тридцать пятом году я, будучи еще в Берлине, как-то «пил чай» у захавшего туда Александра Гучкова⁵⁰. Присутствовали еще Волковьский⁵¹ и Оцуп-Горный⁵². И вот они весь вечер говорили на тему о том, что спасти Россию возможно только так: «поднять Ахеронт», т. е. чернь, и устроить массовый погром. А я слушал и дивовался на них... Эти мудрецы, по-видимому, не понимали различия между *тактикой* и *эксцессом*. Обсуждать эксцесс как тактическое мероприятие — позволительно Гитлеру, Сталину, Ленину; но не политически искушенному русскому патриоту... Хаос может вломиться в жизнь, но звать его или проповедовать его — мне противно, неумно и чуждо. В 34 году, когда меня хотели подвигнуть на антисемитизм представители пропагандного министерства в Берлине, соблазняя кафедрой и проч., я отказался категорически и через две недели был окончательно на улице. И никогда не имел ни одного мига жизни, чтобы усомниться в правоте моего отказа. И еще двадцать раз поступил бы также.

3. Которые люди желают «жить» и понимают под «жизнью» — танцевальные вечера, то им, думается мне, мешать безнадежно... Эти люди, как говорили Пифагорейцы, «соматические», т. е. состоящие из тела и еще тела. Пусть себе пляшут. Гораздо хуже, если их заставят думать или политически голосовать; — тогда может начаться беда.

4. С величайшим интересом прочту рассказ Ермакова⁵³. Но подлинен ли он? Не подделка ли?..

5. Для 18 выпуска я получил очень живо и искренно написанные воспоминания о петербургских театрах Бориса Николаевича Плаксина, которому Вы как-то посылали посылку. Он очень бедствует в Германии, но держится настоящим духовным красавцем!... Пошлю Вам рукопись в понедельник. И справлюсь о воспоминаниях у В. П. Рябушинского.

Н. В. Борзову

<после 26. II. 1950>

Милый и дорогой Николай Викторович!

Болезнь и ныне не покинула меня, и это она задержала мой ответ Вам и Пленуму Ваших Комиссий.

Благодарю Вас за внимание ко мне и за избрание в Почетные Члены. Я, конечно, по-прежнему готов Вам помогать, в чем могу и пока могу... Напишите мне, чего Вам недостает для следующей и переследующей книг, а я соображу мои возможности. Напоминаю Вам, что у Вас имеются еще не помещенные и мною присланные статьи

1. *Габричевского Об Иконе*⁵⁴

2. *Плаксына Воспоминания о театре*⁵⁵.

А есть ли у Вас что-нибудь из моего — не помню...

Теперь по пунктам, чтобы чего-нибудь не забыть.

1. Я очень тронут Вашим лично-интимным доверием ко мне. Все, что Вы мне сообщаете о себе, о своей прошедшей жизни и своих заботах и огорчениях ныне, — я принимаю к самому сердцу и об одном жалею, что не могу обсудить все с Вами устно: думаю, что я имел бы сказать кое-что такое, что облегчило бы Вам настроение... О себе же я пишу мало, ибо я весь в «предметах» — Россия, религия, мои труды, и затем помощь там, где люди делают верное дело; к этому сводится моя личная жизнь... Главное горе ее в том, что у меня *складываются в готовом виде основные работы моей жизни* и я не вижу перспективы для их напечатания... Поймите — *я как ученый и писатель почти умер при жизни и притом в самом разгаре творчества*, когда идет полным ходом сбор моего духовного урожая, *зревшего в течение десятилетий!* И все, что я уже написал и еще пишу, и еще напишу, — все посвящено возрождению России, ее обновлению и ее расцвету... И все это никому не нужно и после моей смерти пропадет впустую... Вот мое жизненное горе, которое я несу с великою болью...

2. Борьбу и интриги вокруг Вашего сына, Виктора Николаевича, надо было предвидеть с самого начала... Разве эмигранты, готовые потребовать от всех остальных: «подминайтесь под меня!!», — разве они согласятся уступить первенство другому? В эмиграции все уязвлен-

ные, обиженные своей беспочвенностью, бескарьерностью; — завистливые и интригливые... «Как это такое — он, а не я»... По- моему не следует этим очень огорчаться. А тут еще одно: у Вас в У. С. А. очень много левых честолюбцев, желающих во что бы то ни стало превратить Россию в социалистическую федерацию; они интригливы — до бесконечности и способны на любую инсинуацию, донос и клевету.

3. История с внуками, забывающими русский язык, очень печальна. В этом отношении я совершенно разделяю Ваше огорчение. И чем помочь — не знаю...

4. Кулаев у меня доселе не был. Он в Швейцарии и посетил Юрия Ильича Лодыженского⁵⁶ в Женеве. Я очень удивился, когда прочел в письме Лодыженского ко мне такой пассаж: «Кулаев жаловался на Вас» (т. е. на меня, Ильина!), что Вы отказываетесь от их поддержки. Я (Лодыженский) сказал, что изо всех именно Вас-то и нужно, что бы Вы там ни говорили (поддерживать)»

После этого я сказал при встрече Юрию Ильичу, что Кулаев вероятно путает меня с сумбурным Владимиром Ильиным⁵⁷ (сначала двадцать лет он работал с ИМКОю, потом нанялся служить у Гитлера, а когда его оттуда прогнали за жену-еврейку, то записался в советский приход и выдает себя в то же время за... монархиста...) ⁵⁸. Незнающие из далека уже много раз нас путали. Во всяком случае я никогда не отказывался от поддержки Кулаевского Фонда; и откуда Кулаев это взял — не знаю.

5. Затем я получил <письмо> от Музея и Архива Русской Культуры из Сан-Франциско. Они прислали мне анкетный лист с запросом, «какие услуги я могу оказать им»... И «что я обязан последовать примеру выдающихся наших людей эмиграции»...

Имена мне неизвестные. «Почетное покровительство» таких людей, как Феофил⁵⁹, Сорокин⁶⁰, Куссевицкий⁶¹ — очень мало говорит моему уму и сердцу. О Сорокине ныне даже Марк Вишняк⁶² завопил: Вы, вероятно, читали, как Вишняк недавно отделал Сорокина за тайное большевизанство? И еще одно: я бы понял, что этот архив хочет служить *России и нам*, русским ученым за рубежом... Но он *требует услуг от нас*....

Поэтому, найдя в числе покровителей Архива ваше драгоценное имя, я решил до всякого ответа *вопросить Вас*: что это за люди? кто там в действительности распоряжается и задает тон? и как к ним относиться? У нас у всех в памяти — Пражский архив. Они пустили на заманку несколько почтенных и уважаемых имен, а на самом деле там распоряжались эсеры, которые и сдали весь свой «эмигрантский архив» при первом же случае — большевикам...⁶³

Не импонирует это, когда какое-нибудь учреждение — не само желает служить, а требует услуг как обязанности и чуть ли не подчинения. Я слава Богу в Пражский архив не давал ничего, а то было бы потом утешение...

Дорогой мой! Пожалуйста, осветите мне этот вопрос: что это за люди?

б. О моем здоровье не могу сообщить ничего определенно-утешительного. Доктора говорят: «Вы вели над самим собою хищническое хозяйство, растрачивая свои силы и свое здоровье в научной работе; теперь организм требует передышки; сбавьте темп напряжения и приготовьтесь к тому, что Ваш флебит (попросту воспаление вен правой ноги) продолжится еще два месяца»... Но это только подшпоривает меня: мне надо еще так много закончить, написать, «сказать» — что идея о забастовке организма меня нимало не устраивает.

Флебит как будто медленно идет на убыль. Прямая опасность для жизни (образование эмболии), по-видимому, прошла. Но до выздоровления далеко.

До свидания, — до письменного! Обнимаю Вас и жду разъяснения и освещения.

11

Н. В. Борзову

<14.VII.1950>

Милый и дорогой друг, Николай Викторович!

Прежде всего — сердечно благодарю Вас за вторую ассигновку... Это внимание глубоко трогает меня, и я напишу отдельную благодарность Фонду, как только получу самый перевод; пока о нем еще ничего не слышно.

Иван Сергеевич скончался 30 июня⁶⁴. За последнее время у него нашли туберкулезный процесс в одном из легких и грудную жабу, от припадка которой он и скончался тихо. В этот день его перевезли в автомобиле в женскую обитель⁶⁵ на отдых за 180 км от Парижа. Он был слаб, но радовался и наслаждался всем как святой ребенок. После ужина у себя в комнате упал на коврик, жалуясь на стеснение в груди; два впрыска камфоры не помогли, и он тихо отошел.

Предположенного нового завещания он не подписал — кто знает, не решился или не успел... Карташев пишет мне: «Не имел воли ускорить юридическое закрепление своей решимости передать авторские и издательские права Кулаевскому Фонду». Словом — 4 июля было вскрыто единственное завещание его в присутствии Кутыриной⁶⁶, Зелера⁶⁷, Карташева, Волошиной⁶⁸, д-ра Серова⁶⁹ и Меркулова⁷⁰. Копия завещания мне прислана. Впечатление у меня такое же, как у Карташева: *удручающее...*

Издательские и авторские права переданы двум женщинам: француженке Кутыриной и голландке Бредиус⁷¹, все остальное имущество и часть доходов сыну Кутыриной Иву Жантильому, тоже французу. Но что всего хуже, это то, что *все они большевизанствуют*, кто церковно, а кто и симпатиями... Кутырина замужем за сумасшедшим хулиганом Новгород-Северским⁷². Бредиус, урожденная Субботина — истеричная и больная (операции!) приверженница патриаршей церкви, также как и ее мать и брат... Еще Карташев пишет мне: «600 долларов Фонда покрыли все последние траты и погребение»... Вам надо знать, что все последние месяцы Шмелеву пересылала здешняя русско-швейцарская дама Е. С. Фишер⁷³ по 300 шв. франков в месяц — с февраля до июня. Как это все сложилось в реальной жизни — мне неизвестно и разбираться в этом я не хочу...

Думаю, что отзывая его, Господь избавил его от лишних мук, а может быть и унижений...

Написать о нем я не берусь. Я вообще могу писать, только о том, о чем поет сердце. Всякая попытка нарушить этот закон — приводит меня только к мучениям и отвержению. А сейчас я испытываю в связи с

таким его уходом (духовно!) — тягостное удручение и никакого умиления...

Карташев восклицает: «все ушло в *приватное* русло, во французское русло и увы в большевистское русло!»... Я давно этого боялся. Вся эта родственная возня с темными родственниками и с советскими церковниками — давно удручала меня; а покойный никак не мог и не хотел понять, что *не все равно, с кем дружишь, где изливаешь душу и где печатаешься*...

Иван Сергеевич имел два в корне различных «акта»: один вдохновенно-творческий, а другой — жизненно-бытовой-политический. И этим вторым актом своим он был мне *глубоко чужд*. Мы не раз «ссорились» с ним из-за этого. И, зная, что он продолжает разводить обывательские сентименты с людьми более чем подозрительными, рассказывая им все «нужное» и «ненужное», — я все более и более сокращал свою откровенность с ним и писал ему мало и скупое...

Вот и поймите, дорогой друг, что я сейчас *не могу писать* о нем: сердце скорбит и молчит и несколько не поет...

Душевно обнимаю Вас и храню мою дружбу с Вами в сердце. Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

14 июля 1950.

12

Н. В. Борзову

<X.1950>

Пленуму Издательской,
Редакционной и Ревизионной Комиссий
Журнала «День Русского Ребенка»
Дорогие Соотечественники!

Я получил своевременно Ваше обращение и прошу верить, что только мучительная и длительная болезнь помешала мне отозваться на него немедленно.

Сердечно благодарю Вас всех за внимание, за память и за лестное для меня избрание в Почетные Члены Редакционной Комиссии. Я с радостью принимаю Ваше заочное избрание и свидетельствую Вам мое истинное уважение. Вы сумели создать в далекой Америке русский

национальный очаг, живой и драгоценный. Вы сумели продержаться огонь на этом очаге в течение восемнадцати лет, и я уверен, что он и впредь не угаснет. Пусть же русский национальный флаг, поднятый Вами, развеивается до самого освобождения нашей дорогой России!...

В моем посильном содействии Вам я не вижу заслуги. По моему убеждению, *верный русский верному русскому всегда друг и брат*, и все мы должны помогать друг другу в борьбе за Россию, за ее дух, за ее веру и за ее освобождение. С болью в сердце слежу я за вечными распрями в нашей эмиграции и объясняю их тем, что русские люди еще не изболели своих ран, нанесенных им изгнанием и унижением... — С этими воззрениями я прожил мои 28 лет изгнания и Вашему очагу, свободному от этого больного духа, я готов служить и в дальнейшем!

С истинным уважением, благодарностью и преданностью.

Октябрь 1950.

Швейцария. Цолликон.

13

Н. В. Борзову

<весна 1951?>⁷⁴

Воистину воскрес!!

Дорогой друг, Николай Викторович!

Ваши письма даже огорчили меня... Неужели Вы думаете, что я могу обидеться на случайную утрату моей рукописи?!. Только тот, кто никогда не был редактором, может «уязвиться» таким событием. Нет, милый друг, не огорчайтесь и не «кайтесь», — решительно не стоит. И что за мелкотравчатым существом должен я был бы быть, чтобы так реагировать на сие обстоятельство?.. — Беда не велика. У меня есть копия, и я могу прислать ее Вам. Меня гораздо больше беспокоит Ваше полное молчание о другом плане: Вы списывались со мною о перепечатке за моей полной подписью «Мировой политики русских Государей». Правда, молчание не означает еще отмены и провала, но *это* было бы уже фатально. Обе эти вещи составляют как бы «диптих», — два лица одной и той же большой мысли: 1. Россия, никогда не воюй без

крайности, блюди мировой мир, как делали русские Государи; 2. Россия, никогда не дерись за чужие интересы, думай о себе и о своем мировом призвании и предоставь другим народам самоопределяться к добру или злу по их свободному решению: нельзя быть «праведными» за другого. За все годы эмиграции в этом масштабе никто не думал и не скорбел, за исключением Ильи Фундаминского⁷⁵, конструкции коего были не голосом *Русского Национального Инстинкта*, а выдумками передумавшего революционера. — Вы напрасно пишете, *будто мне есть где писать...* Напротив! Меня *как пробку из воды выпирает отовсюду*. С тоской читаю бормотню «Русской Мысли» (Париж); со скукою не читаю аффектированную «агитацию» в умственной пустоте, печатаемую в «России» (Нью-Йорк). Иногда просматриваю вечно двусмысленные «простыни» «Нового Русского Слова» и даже не распечатываю газетку Солоневича, коей кабацкого тона не переносу. Мне нет места даже в «Возрождении» Гукасова-Мельгунова⁷⁶, где последний *сделал все*, чтобы прекратить мое, едва начавшееся сотрудничество. — Если бы не «мимеограф», то я был бы похоронен заживо...

О Борисе Зайцеве написать не могу. Не вижу, откровенно говоря, его больших размеров; а писать неискренно — не умею. И каждый раз, как слышу его имя, так скорбно вспоминаю, как он обработал в угоду ИМКе Преп. Сергия Радонежского, изобразив его непротивленцем, уговаривавшим Дмитрия Донского ехать в Орду с поклоном и отдать им и честь и славу (стр. 72). И — *Идеи* его не вижу: она есть у *всякого большого человека*, это его *главное*, его *Любовь*, его *Видение*, его *служение*. Но у него я сего не видел и не вижу.

Насколько я знаю, у Вас не было ничего о *двух самых больших русских музыкантах* нашей эпохи: *Сергее Рахманинове* и *Николае Метнере*. Р<ахманинов> скончался в 1943 году, но это наша эпоха и современность. Метнер — москвич, находится в эмиграции с 1921 года и пользуется такой славой, что Магараджа Майсурский учредил специально «Метнер-Сосаити» в Лондоне, чтобы закрепить на граммофонных дисках *все его произведения*.

Сей Магараджа, университетски образованный человек и сам пианист, один из богатейших людей в мире, два года тому назад заказал в Европе один миллион деревянных домов, чтобы переселить свой народ из индийских землянок в дома. «Хис Мастерс Войс», мировая фирма рекордов, вот уже три года работает над дисками Метнера. Метнер, как композитор имеет великолепную прессу в мире. Дирижируя его концертом, Глазунов⁷⁷ сказал петербургской публике во вступительном слове: «Господа, Вы будете сейчас иметь счастье услышать величайшего композитора наших дней»... Таким же словом определил Рахманинов значение его музыки. По направлению же Метнер прежде всего антимодернист — вот почему модернисты выдвигают Прокофьева⁷⁸ и других разлагателей музыки и ее строя. В 1935 году Рахманинов издал на русском языке книгу Метнера «Муза и мода», которую я перевел на немецкий язык в 1939 году. Музыка же его — сразу несомна цветущей фантазией, стихийно-русским ритмом и веч-но юной и всегда благоуханной гармонией. У него *все новое*, и в то же время ничего нет искусственно-выдуманного, модернистически-вывороченного или претенциозного.

Кто о нем мог бы написать? Отвечаю.

1. Профессор музыки Константин Евгеньевич Климов, раз уже писавший у Вас (об Архиеп. Иоанне Рижском). Он сравнительно недавно в Канаде, а уже состоял в экзаменационном жюри Монреальской консерватории. Он близок с

2. профессором музыки Альфредом Лалиберте в Монреале. Это замечательный знаток музыки, ему 70 лет, он канадец, и его статью о Метнере надо было бы перевести на русский язык.

3. Альфред Альфредович Сван⁷⁹, друг Рахманинова и Метнера. Живет в У. С. А.⁸⁰ Ректор консерватории. Адрес его могу узнать без труда.

4. Ваш покорный слуга, не раз уже писавший о Метнере. Забыл еще сказать, что Метнер пламенный русский патриот, монархист и православный, что конечно значение его музыки не повышает, но его лично характеризует.

Павлова⁸¹ считаю, конечно, нашим современником, — дело ведь не в смерти. Точно так же сочувствую статье о Боткине⁸². Разрешите мне написать Борису Николаевичу Плаксину, чтобы он *сам написал Вам о своем деле*. У него есть affidavit⁸³ в Лос-Анжелос и почему-то дело его застряло... Может быть, Ваш сын найдет путь для того, чтобы помочь этому благороднейшему и даровитому человеку в его переезде... — Рябушинскому напишу завтра и напомню об обещанном.

Душевно Вас обнимаю и благодарю за все Ваше доброе ко мне отношение. Храни Вас Господь!!

14

Н. В. Борзову

<9.IV.1951>

Дорогой друг, Николай Викторович!

Все Ваши письма дошли до меня. Спасибо. Отвечаю по пунктам.

1. Вчера послал Вашему Комитету на Ваше имя благодарность за полученный перевод... Спасибо Вам лично.

2. Повесть о Вашей матери производит глубокое впечатление. Я бы только *не* выкинул истории с интригой священника: надо требовать от духовенства большей чистоты... В зарубежных юрисдикциях повсюду происходят такие истории среди духовенства, что стыдно смотреть людям в глаза. Больно даже рассказывать!

3. Радовался я на отклик Вашего Комитета; мои кандидаты сплошь люди истинно-достоинные и Вы можете быть уверены, что все обстоит правильно... Спасибо Вам за ходатайство и за доверие!

4. Послал П. Ф. Константинову⁸⁴ благодарность за избрание и согласие на звание... Но *покровитель* у нас у всех один: ГОСПОДЬ в небесах — а мы... Однако прошу его уведомить меня, какие приняты *юридические* меры для того, чтобы архив не мог быть экспроприрован и захвачен на месте антирусски настроенными организациями...

5. Долгополову⁸⁵ писать не могу: я его совсем не знаю, полномочий от Вашего комитета не имею; полномочия-то ведь у него, а я даже не знаю, *какое*

соглашение у Вас состоялось с И. С. Шмелевым и на каких условиях были даны ему деньги... Душеприказчицам Шмелева — напишу. Что получится — не знаю... Кутырина — баба мужиковатая, имеет множество подозрительных связей, состоит в советском приходе; к наследству рвалась всеми силами; ждать от нее корректности — трудно. Бредиус совсем другая, ее муж состоятельный, ей Шмелев подарил «Неупиваемую Чашу» и «Куликово Поле». Ну, посмотрим!

6. Отзывы о 18 книжке я постараюсь Вам устроить. Но для этого необходимы вышедшие и полученные экземпляры...

7. Алексея Александровича ф<он> Лампе я знаю 29 лет, видал его в лютых положениях, гибельных... И всегда он выходил из положения *красавцем*, человеком чести и мужества. Недаром покойный П. Н. Врангель доверял ему во всем абсолютно. Он живет *ремесленным* трудом (выучился генерал русского генштаба делать дамские сумки!). Живет с женой в каморке, теснейшей, с клозетом на общей лестнице... Если куда-нибудь едет, то только по делам своего союза, и притом на деньги, которые ему предоставляет приглашающая организация: напр., два раза приезжал в Швейцарию к нам, в результате в Ницце куплен Дом Отдыха для русских воинов, обстановка и т. д. В Мадрид он ездил два раза по делу созданного в Париже Объединения Русского зарубежного воинства. Ваш вопрос «на какие средства и для чего он разъезжает?» — резанул меня ножом. Он звучал сущим недоверием...

8. Посылаю Вам ненапечатанную доселе главку Сургучева. Его книга⁸⁶ далеко еще не вышла. Выйдет в издательстве ВОЗРОЖДЕНИЕ. Текст его творения имеется у меня: ряд вырезанных и наклеенных фельетонов из газеты Возрождение — 1938-1939 годы. Теперь этого не достанешь. Но если Вам надо это иметь до выхода книги, то я запрошу согласия у Сургучева и закажу фотокопию. Однако если фотокопировать *все* — то это будет расход долларов, может быть, в двадцать.

9. *Тиранн* — я всегда пишу через два *нн*. Это слово греческое, по-гречески оно пишется через два «нн»; эта

орфография сохранена на всех европейских языках. И только французы в слове *tyran* для дифтонгового произношения оставили одно «н». Но уже в слове *tyrannie* появляется опять второе «нн».

10. Не давайте «в обиду» мадам Кулаевой. Дама ух какая категоричная, того гляди заклюет без остатка. Храни Вас Господь от этой напасти...

Ну, дорогой, кажется, на все отозвался. Здоровье мое по-прежнему: нога болит, доктор утешает, я живу с закушенной губой и изо всех сил служу моей дорогой родине...

Душевно Вас обнимаю и благодарю за все ваше добро: главное, за Ваше СЕРДЦЕ, которое ведает Господь.

Письма к Великому князю Владимиру Кирилловичу

1

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу 13.XII.1948>¹

Ваше Императорское Высочество!

Сердечно благодарю Вас за Ваше милостивое и лестное письмо, коим Вы меня утешили.

С радостью исполняю Ваше желание и высылаю Вам заказной бандеролью мою книжку о России², вышедшую по месту моего жительства. В действительности всех чтений было шесть, напечатано же только три. Здешние туземцы отсоветовали мне печатать четвертое, пятое и шестое чтения, которые таким образом остались в рукописи; они указывали мне на то, что их «публика» не поймет содержания этих чтений и просто не поверит им. В четвертом чтении говорилось об органическом единстве русских национальных задач на протяжении веков; в пятом — о значении монархического начала в истории России, прямо предписывавшегося всем ходом истории, и о том широчайшем самоуправлении, которым русский народ пользовался при своих Государях; в шестом — о русской национальной идее в прошлом и в будущем, свидетельствующей о самобытности и величии русского народа («творческое слово России миру»). Чтобы не по-

вредить выпускаемым первым трем чтениям, я отложил эти последние и действительно впоследствии убеждался не раз, что двухсотлетняя пропаганда врагов России в самом деле крепко извратила мышление европейцев о нас и нашей истории.

Но, думается мне, нам надо помышлять больше о себе, чем о них; поэтому я вот уже несколько лет пишу только по-русски, книгу за книгой, а так как печататься негде, то кладу все в стол и отдаю на волю Божию. Надеюсь, в таком порядке мне удастся закончить и мою книгу «О Монархии и республике», вынашиваемую мною с 1909 года. Надо сказать о Монархии самое главное. Ибо разучились русские люди иметь Царя, разучились за 19 век, задолго до первой мировой войны; а теперь страшно даже и думать, что за духовное разложение господствует у нас там после 30 лет большевизма, страха, нищеты, порабощения, вынужденного воровства, обязательной лжи, взаимного доношительства и предательства...

Благодарю Ваше Императорское Высочество за оказанное мне в письме Вашем доверие и питаю надежду, что Вы безошибочно узнаете мои писания и в той анонимной форме, к которой я за последние годы бываю часто вынужден в силу моего бесправия в свободной стране. Но дело не в подписи, а в убедительной силе правды, выговариваемой бескомпромиссно.

Разрешите мне приложить к трем немецким речам о России — три русские речи³, выпущенные мною в 1934 году. Издание давно уже разошлось и экземпляр (простите!) — антикварный.

Прошу Великую Княгиню милостиво принять выражение моих династических чувств.

Вашего Императорского Высочества

вернопреданный.

13 декабря 1948.

2

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу

<1950>⁴

Ваше Императорское Высочество!

Разрешите мне принести Вам ко дню Вашего тезоименитства мое поздравление и мои лучшие пожелания.

Да смилуется наконец Господь над нашей родиной и над ее опустевшим престолом и да пошлет нам всем облегчение и утешение...

Я был душевно тронут Вашим письмом, мною только что полученным... Благодарю Вас! Мои дни проходят в уединенной и напряженной работе. Моим пером водят острые чувства любви, негодования и ответственности. А я часто сижу долгими месяцами без всякого отклика и не знаю, что доходит до сердца и до воли читателей. А между тем моему духовному взору предносится будущий русский Государь, которому мысленно предназначается в виде «доклада» каждая написанная строка.

Мне было очень отраднo услышать от моего давнего друга, посетившего Великую Княгиню и Ваше Высочество в Мадриде, о ласковом приеме, ему оказанном⁵. Я познакомился с ним в 1922 году, тотчас же после прибытия в Берлин из Советии. За эти 28 лет я, что называется, «съел с ним пуды соли» и видел его много раз в политических положениях крайне затруднительных, почти трагических, когда нападения на него шли то справа, то слева... И каждый раз его энергия и верность подсказывали ему такой путь, который выводил его из новой беды с честью и несломленным в борьбе. Это человек — поистине заслуживающий полного доверия!

Что меня постоянно тревожит, это положение монархического движения за рубежом. В молодежи есть, говорят, искренний порыв, но нет зоркости, опыта и понимания; и потому она не в состоянии отличить монархического агитатора или даже провокатора от серьезного и ответственного политика, а также честно-убежденного человека от журналиста дурного тона... А между тем *агитация*, волнующая только чувство и подстрекающая к мгновенной деятельности, к вспышке, сейчас совсем не у места в зарубежии. Агитация ведет к эксцессам, а эксцессы сейчас будут только вредить. Нужна *пропаганда*, т. е. спокойное, выдержанное разъяснение, привлекающее сердца и заряжающее волю долгим и верным зарядом, а ум — трезвостью и зоркостью. И конечно — нужна *организация*. Но об этом мой друг имел возможность доложить Вам наши с ним общие воззрения.

Примите, Ваше Императорское Высочество, мою искреннюю благодарность за внимание к моей работе и за лестную оценку ее и не откажите засвидетельствовать от моего лица совершенно такие же чувства мои Великой Княгине.

Вашего Императорского Высочества вернопреданный
Б<ельй>.

3

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <28.VIII.1950>⁶

Ваше Императорское Высочество!

Позвольте мне принести Вам мою благодарность за оказанное мне двукратно доверие. Ответ на большой лист вопросов я уже изготовил и отдал текст его в переписку. Он будет доставлен Вам моим парижским другом, которого Вы и Великая Княгиня столь ласково принимали у себя этой весной. Он будет обозначен первой буквою Барселоны, значение которой обещал пояснить Вашему Высочеству Ю<рий> И<льич>⁷, только что посетивший меня по месту моего жительства. Прошу Вашего разрешения оставить за мной это обозначение и впредь.

Что касается второго запроса, изложенного в отдельном письме, то должен признаться, что я с ним еще не справился, но надеюсь по зрелом размышлении ответить и на него. Здесь имеются величайшие трудности, которые я должен буду осветить Вам подробнее.

Считаю себя обязанным давать свои ответы с полной прямоотой и откровенностью; при этом считаю их обращенными к Вашему Высочеству и к Великой Княгине, так что на каком-нибудь возможном «многоголовом совещании» я не высказал бы и одной трети того, что изложил.

Вашего Императорского Высочества покорный слуга
Б<ельй>.

28.VIII.1950.

4

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <5.X.1950>⁸

Ваше Императорское Высочество!

Простите мне великодушно мое опоздание с «ответами». Дело в том, что я в конце августа заболел

воспалением вен (тромбофлебит) с опасностью образования эмболии. Это мучительно и тянется до сих пор. Болезнь перевернула все мои расчеты, лишила возможности писать на машинке и сделала меня зависимым от чужого досуга. Отсюда возникла моя неаккуратность, которая меня весьма тяготит...

Однако ответ по запросу из Женевы мною тщательно разработан и отправлен заказным письмом на мадридский адрес в конце сентября. Надеюсь изготовить и остальное вскорости. Тогда пришлю.

Свидетельствую Вашему Императорскому Высочеству и Великой Княгине мою всегдашнюю готовность и вернопреданность, и очень надеюсь, что до Вас дошло мое письмо от 28 августа.

Ваш Б<елый>.

5 октября 1950.

5

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу

*<6.XI.1950>*⁹

Ваше Императорское Высочество!

Ваше письмо от 10 августа сего года заставило меня сильно и долго призадуматься. Я все искал способа подойти к разрешению вопроса о создании «в зарубежье Свободной Российской Академии Наук и Искусств» и пришел к нижеизлагаемым выводам. Моя длительная и мучительная болезнь, и ныне с трудом преодолеваемая, помешала мне доложить Вам эти выводы раньше.

Идея эта, сама по себе, превосходная: органически верная и импонирующая. Осуществление же ее представляет такие затруднения.

Всякая Академия есть совокупность людей, живущих в одном городе или по крайней мере в одной стране и регулярно общающихся друг с другом. Именно в этом общении (заседания, доклады, обсуждения, полемика, взаимная квалификация...), а также в совместном делании (издание трудов и журнала, премирование достойнейших, самопополнение выборами...) — вырабатывается тот единый общий уровень, та «атмосфера» умственного и художественного порядка, которая «излучает» в народ чувство умственной и художественной ответственности и

«держит» творческий уровень в стране. В эмиграции это невозможно вследствие рассеяния людей по непреодолимым пространствам: даже съезды русских ученых, происходившие два раза за эти долгие годы, были возможны только потому, что расходы брало на себя одно из славянских государств и что большинство ценных ученых проживало в Европе...

Ныне, увы, все это обстоит иначе. Люди рассеяны на гораздо большем удалении (северная и южная Америка, Австралия, Африка), и устраиваться на местах жительства им стало гораздо труднее. Эту трудность устройства надо принять во внимание как величайшую помеху нашему делу. Люди находятся *в зависимости* от той страны, которая дает им работу и которая их *политически контролирует*. И в прежние годы бывали уже случаи, что профессора воздерживались от приезда на съезд ввиду того, что страна, дающая им жизнь и работу, «посмотрела бы ко-со» или уже смотрит неодобрительно на их поездку; иногда прямо не давали визу, как было с генералом Н. Н. Головиным¹⁰, работавшим во Франции. Ныне же все это чрезвычайно обострилось. Ученый, въехавший, напр<имер>, в Соединенные Штаты, как бы «отдался в плен» и рад, если он может там хоть как-нибудь прокормиться, преподавая где-нибудь русский язык или, как профессор Е. В. Спекторский¹¹ (прекрасный ученый и отнюдь не «левый»), — читая лекции трем студентам украинцам на курсах епископа Иоанна Бруклинского, несколько не соответствующего по своему образу мыслей воззрениям Спекторского.

В общем, надо признать, что ученые естествоведы и техники (как Тимошенко)¹² устроены хорошо: они осели прочно, отошли от политики и обыкновенно связаны контролем анти-монархической «Закулисы». Ученые же гуманитарной специальности (историки, юристы, филологи, философы, экономисты) или совсем не устроены, или кормятся кое-каким трудом (уроками русского языка, переводами, поддержкой собственных детей или меценатов), — *опасаясь всего*.

Должен высказать Вашему Императорскому Высочеству некую грустную истину: в политических делах уче-

ные и художники суть люди вообще *не волевые*... И не потому, чтобы их Бог обидел волею, а потому, что они затрачивают и растрачивают *всю* свою волю на внутреннюю работу (организацию своей души и своего опыта и оформления своего материала)... Рассеянность ученого или художника происходит от его внутренней сосредоточенности. Внешнее «безволие» его — от постоянного внутреннего напряжения. Жизненная беспомощность, которую у них нередко замечают — от пребывания вниманием в самом себе... Есть немало честолюбивых ученых, но способных к *власти* — очень мало. Салазар¹³ — великое и драгоценное исключение.

Вот откуда у этих людей некоторая жизненная робость. Вот почему за последние годы русские ученые стремились в Америку (где им казалось «не так опасно»); вот почему Бунин и Ремизов качнулись в 1945 году к «советам»; вот почему музыканты без всякого основания возвеличивали Куссевицкого, ища у него «заручки»...

Поэтому я предвижу, что как только кому-нибудь из них будет предложено открыто признать себя монархистом и принять «монархически-академическое звание», так почти все испугаются и начнут сначала искать предлога для отказа, а потом оглашать свой отказ в виде «страхования» перед «всемогущей Закулисой»... Им от этого будет унижение, а монархическому делу — вред. Отзовутся люди без авторитета и имени; а их участие в Академии — не украсит ее.

Обеспечить приглашаемых твердым содержанием — облегчило бы дело; но мне кажется это пока неосуществимым: средства понадобятся на гораздо важнейшее. Пригласить их съехаться в одну страну — тоже неосуществимо: съезд был бы безлюдным и по качественному уровню не импонирующим, что дало бы только повод к новым раздорам и нареканиям; а враги стали бы говорить о «провале монархического начинания».

Ввиду всего этого я бы высказался, Ваше Императорское Высочество, за то, чтобы, не отвергая эту идею, намечать и «накапливать» соответственных ученых и художников *исподволь*, всегда возвращаясь к вопросу о том, кто может иметься в виду (проблема кадра) и не форси-

руя этого дела в качестве «несрочного». Ибо с одной стороны импонирует *качество* людей; и всякая академия сильна именно своим качеством. С другой стороны очень важно, чтобы начинаемое монархическое центрирование эмиграции началось с удач, а не с неудачных попыток.

Но об этом я писал Вашему Императорскому Высочеству в другой связи.

Свидетельствуя Вашему Императорскому Высочеству и Великой Княгине мои верноподанные династические чувства, остаюсь Ваш покорный слуга

И. А. Ильин.

6 ноября 1950.

6

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <7.XI.1950>¹⁴

Ваше Императорское Высочество!

Сегодня получил от Вас доброе слово и одобрение. Благодарю Вас!..

Вчера отправил Вам авионом мои соображения относительно Академии. Вчера же до меня дошло известие в виде слуха о Вашем «интервью» в португальской газете. Не имея еще никаких серьезных подтверждений и не читая текста, полагаю, что этот документ войдет в историю. На всякий случай посылаю Вам брошюру¹⁵ на немецком языке другим неизвестного, но Вашему Высочеству известного автора. Если бы она Вам понадобилась (для соответственной рассылки...), то ее можно было бы доставить по адресу, который был бы указан, в сравнительно большом числе экземпляров (десятками). Текст ее был написан по-русски; потом переведен и отредактирован автором по-французски и издан в Брюсселе (ротатором...). Затем он был переведен на английский язык и передан в У.С.А. Ивицкому, который сначала бодро взялся печатать при содействии князя Белосельского-Белозерского¹⁶, но потом вдруг известил моего парижского друга¹⁷, что «денег нет».

Я был бы рад и счастлив, если бы эта брошюра заслужила бы Ваше одобрение и послужила бы делу.

Свидетельствуя мое вернопреданное почтение Ваше-
му Высочеству и Великой Княгине остаюсь Ваш

Б<елый>.

7 ноября 1950.

Доктора довольны ходом моей болезни, а меня мало
утешает это, ибо боли бывают мучительны.

7

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <19.XII.1950>¹⁸

Ваше Императорское Высочество!

Разрешите мне сердечно поблагодарить Великую
Княгиню и Вас за добрые пожелания и милостивое
письмо.

Я буду очень рад иметь первоначальный текст Вашего
«Предупреждения» или «Предостережения» по-английски
и заранее благодарю Ваше Высочество за доставление
мне этого документа.

Что касается моего «Номера Второго» («Номер Пер-
вый» о советской церкви был напечатан А. В. Карташе-
вым ранее за подписью С. П.¹⁹), то с ним обстоит дело
так.

Французские экземпляры обещал доставить Вашему
Высочеству в нужном числе Юрий Ильич²⁰. Текст пере-
вода на английский язык я передал также ему. Сегодня
мы с ним условливались по телефону, как быть дальше.
Я, к сожалению, недостаточно владею английским язы-
ком, чтобы самому перевести текст (как я сделал по-не-
мецки) или чтобы провести ответственную редакцию
(как я сделал по-французски). Английский перевод делал
переводчик, достаточно владеющий языком, и меня бес-
покоит не столько стиль, сколько верная передача исто-
рических и юридических терминов. Такие выражения,
как «сословно-крепостной строй», «земское самоуправле-
ние», «народные судьи», «артель» и т. д., — должны быть
переданы не только научно-верно, но и понятно для ан-
гло-американского читателя. Надо сделать все, чтобы до-
кумент, одобренный Вами, был безукоризнен и чтобы
правда, заключенная в этом меморандуме, действительно
дошла до читающего. Кроме того, переводя меморандум
на немецкий язык, я учел «инострannую душу» и сделал

в русском первоначальном тексте некоторые изменения и сокращения, выпуская те места, которые были бы понятны только русскому сердцу. Поэтому редакционным оригиналом надо считать немецкий текст.

В прошлом году А. А.²¹ договорился с княгиней Волконской²² о том, что редакцию английского текста сделает она на основании немецкого... Но к нашему огорчению княгиня скончалась, не успев выполнить свое обещание. — Английский экземпляр, по которому хотел печатать в Америке генерал²³ Ивицкий, был редакционно не отшлифован, и это меня тревожило. Однако с тех пор Ивицкий оповестил А. А.²⁴, что у него дело остановилось за отсутствием средств... Насколько тут вмешались и помешали ему «не сочувствующие» — мне осталось неясно.

Теперь по указанию Вашего Императорского Высочества дело пришло в движение, и я очень надеюсь, что удастся осуществить его. Ю<рий> И<льич>²⁵ хочет просить о редакции А. В. Тыркову²⁶. Она, конечно, могла бы сделать это. Но позволит ли ей лежа, к коей она издревле причастна, — неизвестно.

Тут я дошел до пункта, касающегося меня лично. Мне трудно изобразить Вашему Высочеству, до какой степени мне грустно, что я не могу и не умею быть «менеджером» моих «детей»... Русский текст Номера Второго был написан в октябре 1947 года. Выпуская его на ротаторе, я нарочно остался анонимом, чтобы правда говорила сама за себя, и в предисловии я нарочно предоставил всем «сочувствующим» без всякого разрешения и безвозмездно перепечатывать и размножать. Прежде всего я послал (для Америки!) один экземпляр Игорю Сикорскому²⁷, с которым мы за месяц перед тем виделись в Швейцарии: он совсем никак не откликнулся... И вот «английское дело» с тех пор не сдвинулось с места... А у меня нет ни времени, ни сил, чтобы заботиться о *publicité*²⁸ для моих «детей». Пока я жив и работоспособен, я обязан писать новое, другое, что по моему глубокому убеждению необходимо нашей родине.

Простите мне, Ваше Высочество, это личное отступление!

Если бы Тыркова стала задерживать или как-нибудь иначе заминать дело, то надо было бы найти еще кого-нибудь. И если бы от Вашего Высочества было соответствующее указание, то Ю<рий> И<льич> смог бы, пожалуй, найти соответствующее лицо.

В моей затяжной болезни, которая, по-видимому, начинает медленно проходить, я имел одно утешение: преодолевая боль, я все время настойчиво и продуктивно работал и большой труд мой, задуманный 30 лет тому назад и с тех пор готовившийся в сердце и на бумаге, — близится к концу. Только ужасно не хочется обращаться к масонской «ИМKe», несмотря на то что Мистер Лаури²⁹ передавал мне через Владыку Анастасия приглашение...

На этом разрешите мне сегодня закончить.

Их Императорских Высочеств вернопреданный

Б<ельй>.

15 дек<абря> 1950.

8

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <25.XII.1950>³⁰

Ваше Императорское Высочество!

Душевно поздравляю Вас и Великую Княгиню с наступающим новым годом и Рождественскими праздниками. Храни Вас Господь!

Благодарю Вас за Ваше письмо и за оказанное мне доверие. Не следует закрывать себе глаза на предстоящие трудности... Нет ничего затруднительнее, как, например, говорить об искусстве людям, не способным понимать его... Или доказывать предубежденным людям нечто, несовместимое с их предубеждением. И так во всех делах. Но попытаться без больших надежд — можно. Доказательства, конечно, должны быть практические... Надо попытаться завладеть их вниманием — сразу и уже не отпускать до конца. Думается еще, что краткому документу следовало бы предпослать еще кратчайшие тезисы, нечто вроде того, что немцы называют «бликфенгер», с тем, чтобы тот, кто промчится глазами через эти тезисы, непременно захотел бы прочесть и все целиком. Эти оба затруднения составитель постарается одолеть.

Но вот третье: он может написать это *только по-русски*. Английский же стиль должен быть безукоризнен, — этого требует и положение посылающего, и самый эффект чтения. Следовательно, надо будет переводить. Между тем *доверительных* лиц, безукоризненно владеющих французским или английским, здесь нет. Надо будет найти их *не здесь*. Разрешима ли эта задача? Само собою разумеется, что будет тем лучше, чем меньше будет в этих поисках участие почты. Случайные и посторонние переводчики, как бы совершенно ни было их языковладение, — *крайне нежелательны...*

Еще одно. Следует ли этот документ мыслить как подписанный, или только как одобренный? Я стоял бы за второе. И притом потому, что текст *наверное* попадет в руки иначе мыслящих тамошних туземцев, а через них и в руки говорящих по-русски, а мыслящих *интернационально бывших* русских людей, не сочувствующих делу нисколько... От решения этого вопроса зависит тон документа, его «декорация» и «интродукция».

Разрешите мне, Ваше Высочество, ждать Ваших указаний. А пока буду готовить.

Ваш Б<елый>.

25/XII.1950.

9

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <5.I.1951>³¹

Ваше Императорское Высочество!

Ваше письмо и мое отправление, к сожалению, разошлись... 30 дек<абря> ныне уже прошлого года я отправил Вам два конверта авионом; надеюсь, что они благополучно прибыли.

Все произошло так. Я получил Ваше первое письмо, написанное 18 декабря, — 23 числа. Два дня я медитировал, два дня писал и переделывал и два дня переписывал. Последнее звучит довольно глупо: два дня на переписку... Но поручить другому я не имел права, а эта механическая работа за машинкой вызывает у меня очень быстро мучительную мигрень...

В тексте мною продумано каждое слово. Я бы мог по поводу каждого выражения привести все аргументы, по-

чему лучше сказать так, а не иначе. Конечно, все идет на Ваше усмотрение...

Из Вашего последнего письма (помеченного 1 января), я вижу, что вступительные и заключительные обороты поставлены мною не соответственно Вашему замыслу, а именно — в стиле «только лишь одобрения», а не в стиле «подписи»... Строго говоря, я должен был бы выразить здесь искреннее сожаление и огорчение, что не уловил по первому письму Вашего замысла и написал «не так». Но, простите меня, — нет во мне этого чувства, а говорить неправду я не могу.

Я должен признаться, что *очень опасаясь «подписи»*. Знаю этих «людей» торговли и самого плоского расчета, знаю их пошлый образ мыслей, границы их понимания, и, главное, их «закулисный» образ действий... Им так легко предать, «нахамить», и, увы, сделать достойное и благородное смешным. Они пронизаны вражьими «наблюдателями», чтобы не сказать отчетливее, и от них до прессы, т. е. до оглашения в печати — один шаг. А то, что стало достоянием прессы, стало *для осуществления невозможным*. Я бы ни за что не доверил им подписанного текста. Подписанный текст — это *очень много, слишком много*, для данного момента и для сих недостоверных людей, и притом слишком много в измерении *историческом*... Другое дело, когда «они» *тоже* окажутся заинтересованными в удаче начинания и, следовательно, в дискретности.

Видя это и чуя возможные последствия коварства, я бы не дал им *такого* текста. И потому, вопреки всему, в глубине моей совести есть успокоительное чувство, что я «предложил иную формулировку». Конечно, она может быть отвергнута или изменена, — но я не буду в этом виноват...

Впрочем, ясно, что я сделал так не из своеволия, а потому, что не имел уточняющих указаний. Дело же считал *спешным*.

Боюсь, что грипп, посетивший Вас, был так называемой «испанкой». Я перенес его два раза в жизни. Это коварная болезнь: она как будто проходит, но ослабляет организм: у нас в России говорили, что она «бросается на

все слабые органы, о которых больной до тех пор и не знал». После такого гриппа нужна долгая осторожность. Разрешите, Ваше Высочество, высказать эти слова заботы о Вас не Вам, а Великой Княгине.

И не сетуйте на меня, если я выполнил Ваше поручение в чем-нибудь не так, как Вам это предносилось: ведь все было заглазно...

Вашего Императорского Высочества вернопреданный Б<елый>.

5 янв<аря> 1951.

10

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <осень 1951>³²

Ваше Императорское Высочество!

Сердечно благодарю Вас и Великую Княгиню за память обо мне и за милостивое письмо.

Я еще очень слаб и диктую письмо.

Сердечный «инфаркт» (прорыв сердечного мускула), постигший меня 29 августа, потребовал почти четырехмесячного лечения в клинике. Доктора мои (люди опытные и глубоко порядочные) нашли, что необходимо приостановить жизнь моего духа, чтобы он не обременял сломанное сердце своею работою. Поэтому они лечили меня всевозможными снотворными лекарствами и впрыскиваниями, которые мучили меня душевно и держали меня весь день в состоянии полудремоты. Это, по-видимому, имело успех — ибо сердце само себя *залечило* и *восстановило*. Но, к сожалению, оно еще не окрепло и вызывает дыхательные затруднения. Осталась еще и очень *большая* слабость, с слабой одышкой. В таком виде, страдая особенно по ночам трудностью дыхания, я вернулся домой, где и продолжаю вылеживать свое выздоровление, в которое вопреки уверенному оптимизму врачей я плохо верю. Депрессивность в болезнях мне вообще свойственна. Во всяком случае мне, по-видимому, предстоит еще месяцы почти невыносимого для моей энергии прозябания. Слишком горячо любило мое сердце и слишком негодовало на творящиеся мерзости.

Жена моя, Наталия Николаевна, с которой мы в больнице «справляли» сорока-пяти-летие нашей свадьбы,

проводила у меня ежедневно около пяти часов в клинике и выхаживает меня ныне. Она отличается замечательной бодростью духа и оптимизмом во *всех* отношениях.

Оба еще раз благодарим Вас и Великую Княгиню за участие.

Вам душевно преданный

И. А. Ильин.

11

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу <2.I.1953>³³

Ваше Императорское Высочество!

Разрешите мне принести Великой Княгине и Вам мои поздравления к празднику Рождества Христова и пожелать Вам в новом году здоровья и всяческого преуспевания...

Пишу книгу о Монархии и часто содрогаюсь от ужаса, горя и стыда... Как люди умели из тысячелетия в тысячелетие отравлять жизнь своему Государю, — лестью, интригой, клеветой, угрозой, покушениями и убиением!.. И из-за чего?! Из зависти, честолюбия и властолюбия. И не понимали, что монарх есть *мученик своего служения*, которое король Альфонс XIII³⁴ однажды после неудавшегося покушения назвал «*notre métier*»³⁵. Если только вспомнить, что из 59 римских Императоров 41 погибли насильственной смертью... Если вспомнить Византию с ее чернью, умевшею ненавидеть лучшего из неудобных ей Монархов и надругиваться над свергнутым Царем... Если вспомнить восклицание благосерднейшего Государя Императора Александра II после неудавшегося покушения на него на Николаевском вокзале, восклицание, произнесенное со слезами на глазах: «За что они меня так ненавидят?!»... — Ах, иногда лучше не вспоминать и не быть историком!.. — Видят пошлые люди от всего Монарха одну внешнюю помпу и не видят пленника и жертву трона...

Но простите! Это не праздничные мысли и несвоевременные размышления...

Я все еще борюсь с моей астмой, упорно и терпеливо, и не выхожу из дома: вниз с третьего этажа я могу сойти, а вверх без лифта — трудно. Зато много работаю.

Вашего Императорского Высочества покорный слуга.

2/I.1953.

Письма к архимандриту Константину (Кириллу Зайцеву)¹

1

Архимандриту Константину

<17.VI.1951>
17/VI/1951.

Высокочтимый и по-прежнему дорогой
Отец Константин!

Помогите мне, пожалуйста, в беде. Отец Давид Чубов одолжил мне первый номер Вашего журнала «Православный Путь»². Само собою разумеется, что я его тут же и проштудировал. Беда-то в том, что, штудирюя книгу, я ее покрываю карандашными отметками (подчеркивания, восклицательные и вопросительные знаки, отзвуки согласия или несогласия etc.). Только при этом условии книга входит в мою творческую лабораторию.

Ну вот, каюсь: я и испачкал книгу отца Давида и расставаться с нею не хочу.

Вижу издали Вашу благостную улыбку и ободренный ею прошу:

будьте добры, пришлите мне такой же экземпляр, чтобы я мог вернуть его Отцу Давиду, и сообщите его цену, а я уж сумею уплатить и цену, и почтовые расходы — найду пути!

Ваша статья «Два исповедания веры»³ — поистине катартическая⁴. Но этот катарсис⁵ надо *продолжать!*

Пожалуйста, передайте мой привет, сердечный и теплый, И. М. Андрееву⁶. У него *горящее сердце*. Как это хорошо.

Испрашивая Ваших молитв, остаюсь Ваш о духе

И. А. Ильин.

Switzerland. Zollikon

Prof. I. Iljin

2

Архимандриту Константину

<28.VI.1951>

Дорогой Отец Игумен!

Получил Ваш авион. Благодарю за письмо и за журнал. Разрешите *in medias res*⁷.

Бердяева⁸ я знал еще в Москве, с 1908 года. Всегда тяготился его безответственными выдумками и его аутистической⁹ «религиозностью»; всегда *ужасался* от его публично-производимых бесстыдных телодвижений — языком, ртом и руками¹⁰. Мой друг, человек глубокой церковности, Валентин Александрович Тернавцев¹¹, говорил: «В Бердяеве сидит бес, это однажды обнаружится»... Прозвище Бердяева в Москве было — «белибердяев»; но к белиберде дело не сводится.

Заграничный Бердяев есть *создание масонских лож*. Он вступил в ложу, покидая Берлин и договариваясь с ИМКою. Менеджером его был Г. Г. Кульман¹² (ныне один из возглавителей ИРО). Все остальное *дело ложи*. Последние годы я не следил за его книгами — и с чрезвычайным интересом читал выдержки в Вашей статье. До 1938 года я жил в Берлине и знаю, *кто* его выдвигал среди *протестантских пасторов*. Это были те круги, которые в доверительных беседах высказывались всегда *в защиту сатаны*. Это говорилось *мне*, на мое замечание о дьявольстве большевизма: «Aber der Satan ist eine sehr nützliche Kraft»... Meister vom Stuhle¹³ русской масонской ложи в Берлине, Алексей Августович Давидов¹⁴, три года уговаривавший меня вступить в ложу, дал мне однажды масонский журнал «Le Symbolisme»¹⁵, в коем я нашел статью редактора «Parlons du Diable»¹⁶; постараюсь прислать Вам ее в фотокопии. В другом масонском журнале «L'Acacia»¹⁷ я нашел статью «Plaidoyer pour le Satan»¹⁸. В здешней прессе профессор Köhler, цюрихский теолог, при каждом случае пишет *за сатану*; например, Мефистофель имя «искаженное» — на самом деле надо Мегисто-фелес, т. е. *наиполезнейший* и т. д. — Со всем этим связаны Экумена¹⁹ и ИМКа. В Экумене Бердяев в последние годы своей жизни выступал как тайный советник, эксперт по России, Православию и большевизму.

Отсюда вся история Бердяевщины; но и *Булгаковщины*. Ибо книга Булгакова в защиту Иуды Предателя²⁰, с попыткой провозгласить Иуду национальным покровителем русского народа (ибо «мы тоже предали Христа») — принадлежит сюда же.

В Германии профессора теологи-экуменисты то и дело дают студентам Бердяева как тему для диссертаций.

Что же делать нам, зажатым между католиками, масонами и большевиками?

Отвечаю: *стоять*, держась *левой* рукой (от сердца идущей) за Господа Христа, за Его неделимый хитон, а правой рукой бороться до конца за Православие и Россию православную²¹. И прежде всего *зорко* видеть те круги, которые «варят антихриста». Все сие, — хотя бы грозило полное с виду бессилие и полное одиночество. Этому я и посвящаю остатки моей жизни.

При таком воззрении Вы поймете, *какой внутренней борьбы* мне стоило — отправить рукопись моей только что законченной книги «Аксиомы религиозного опыта» (33 года вынашивал, 4 года выработывал окончательный текст) — на имя Дональда Лаури²² в Париж. Этот путь мне рекомендовал 2 года тому назад, после личной беседы с Лаури — *Владыка Митрополит Анастасий*. Отдельные главы этой книги я читал Анастасию в присутствии Еп. Леонтия²³ Женевского; Леонтию самому; и всю книгу мне переписывал Отец Давид Чубов (цюрихский). Книга посвящена исследованию строения подлинного религиозного *акта* (от Конфуция²⁴ до Киркегарда²⁵ и Ясперса²⁶) и доказательству того, что настоящий религиозный акт имеется именно в Православии (от Кирилла Иерусалимского²⁷ до Феофана Затворника²⁸). Никаких ересей, новоучений, «конструкций» в ней нет. И, в частности, с Чубовым мы имели множество бесед о самых глубоких темах и проблемах. Имена Бердяева, Булгакова, Франка, Лосского я совсем даже и не упоминаю в обширных Литературных Добавлениях. Ибо странно цитировать этих соблазнительей наряду с Василием Великим и Григорием Богословом... Разве только в 13 главе «Религиозный смысл пошлости», где подобран целый букет религиозной *патологии* и *тератологии*²⁹.

Если ИМКа возьмет книгу, то я буду скорбно подавлен этим обстоятельством. Если она потребует изменений в тексте, то я порву с нею переговоры. Если она откажет, то я положу ее наряду с целым рядом моих книг, готовых к печати, в архив — для грядущей России. Сколько раз я говорил из сердечной плэромы: «Если

Господу угодны мои писания, то Он соблюдет их; а если они Ему не угодны и им суждено погибнуть, то да будет Его воля».

Возвращаясь к Бердяеву: — в ожидании того, что встанет православный богослов, который напишет о нем *исчерпывающе*, а это потребует *большого* труда, ибо творчество его — это целая авгиева конюшня, думается мне, надо было сделать именно то, что Вы сделали в Вашей статье. Я только «барина» никогда не воспринимал в нем. *Сноб* — да, *аутист* — да, *нестыдящийся* — да. Но наряду, напр<имер>, с Е. Н. Трубецким³⁰, С. А. Аскольдовым³¹, Л. М. Лопатиным³² — Бердяев *удручал* своим *самолюбующимся моветоном*³³. В гримасах — это был дьяволо-одержимый; в возражениях и полемике — часто *хам*. Но не барин.

Кончаю на этом.

Испрашивая Ваших святых молитв, остаюсь о духе
Ваш И. А. Ильин.

1951/VI/28.

<На первой странице вдоль письма приписка:> NB. Иоанна Шаховского³⁴ знаю лично. И в Берлине и в USA за ним всегда стояли *мас<онские>* круги.

3

Архимандриту Константину

<1951>³⁵

Дорогой Отец Игумен!

Только что получил Ваше авионное письмо от 5 июля и сердечно благодарю Вас за него. Вам надо знать предшествующую историю сего дела.

Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой и складываю их у ног Господа моего: угодны они Ему, то Он сохранит их, как милостиво хранил доселе... Неуютны — то и я в них незаинтересован... Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим, *верный духовный акт*. Акт веры, акт правосознания, акт художества, акт совести, акт очевидности, акт характера. Давно уговаривал меня И. С. Шмелев дать хоть что-нибудь «имкиным детям», а за ним уговаривали и другие. Я отказывал, ибо чуял запах оного места. — Приблизительно в декабре 1949 года я писал Владыке Анастасию в Мюнхен

о том, что заканчиваю мою новую книгу по философии религии и вопреки уговорам друзей продолжаю питать глубокое отвращение к масонам и янкменам. В своем письме от 19 января 1950 года Владыка писал мне между прочим:

«Я не знаю, о каких янкменах говорите Вы? Когда здесь был Лаури (заведующий издательством в ИМКа), я заговорил с ним о Ваших трудах, ожидающих издания на русском языке. Он выразил удивление, почему Вы не хотите обратиться к ним, давая мне понять, что они с полной готовностью пошли бы Вам навстречу. Приемлемо ли это для Вас?»

Вслед за тем в марте Владыка Митрополит лично писал Лаури о сем деле и, получив от ИМКи ответ, переслал его мне. Там стояло: «Ваше Высокопреосвященство, Ваше письмо от 20 Марта относительно издания трудов профессора И. А. Ильина получено в отсутствие Д. И. Лаури, находящегося в настоящее время в Америке. Спешу сообщить Вам, что издательство ИМКа-Пресс будет очень радо принять на рассмотрение рукописи профессора Ильина, поэтому если профессор Ильин пришлет их в ИМКа-Пресс, они будут представлены на просмотр редакционной комиссии, заключение которой будет затем сообщено автору. Не имея рукописей здесь, ИМКа-Пресс никакого решения принять не может. По возвращении Д-ра Лаури в Париж (в конце апреля) Ваше письмо будет немедленно ему передано. Испрашивая Ваших архипастырских молитв, остаюсь с глубоким уважением

К. Перешнева секр<етарь> Д. И. Лаури».

Таким образом это дело *переросло мой личный масштаб*: вопрос встал об отношении Имкиных детей к Соборной Церкви... И тем не менее мне стоило больших усилий воли послать им мою рукопись... Две трети ее переписывал мне Отец Давид Чубов, настоятель здешнего Цюрихского соборного прихода. Мы долго с ним советовались, и я как на духу излагал ему всю силу моего *внутреннего противления*. Наконец я решил: испытать этот путь, сохраняя полную и ежеминутную готовность погасить все это дело, как только их условия мне не по-

дойдут, иными словами — никаких сокращений, никаких текстуальных и идейных уступок, старая орфография и т. д.

Испытание ныне давно уже закончилось. Я отослал рукопись 29 мая; почта долго требовала с них какую-то пошлину; 16 июня рукопись наконец была выдана им. А 29 июня их делопроизводитель Крутиков уже писал мне отказ. Вот его текст.

«Многоуважаемый Иван Александрович. Мы получили вашу рукопись «Аксиомы религиозного опыта». К сожалению мы не видим возможности издать ее, ввиду того, что программа изданий уже установлена нами на год вперед. Не откажите в любезности сообщить нам, по какому адресу нам вернуть Вам эту рукопись. С совершенным уважением Б. Крутиков».

А. В. Карташев был поражен моим извещением. Он пишет: «Крутиков, конечно, тут ни при чем. Это только писарь»... Это приказ ихнего «Олимпа». Лаури «хранитель заветов Бердяева»... «Очевидно Вы гонимы там за номен ипсум. Илииниана сунт, нон легунтур»³⁶... и т. д.

Мое первое внутреннее движение — была скорбь о том, что эмигрантская пресса *монополизирована врагами России*. И тотчас же я почувствовал величайшее облегчение от этой «имкиной выставки» и возблагодарил Ангела Хранителя за то, что отвел от меня эту кампанию и атмосферу. Рукописи они, конечно, и не читали: в ней одного веса — пять с половиною кило. Я дал полномочие Крутикову выслать рукопись заказным В. П. Рябушинскому³⁷ (председателю общества Икона), адрес под Парижем. И нисколько не ропщу, а жду дальнейших указаний Свыше.

Иметь их отказ — это *определенно и показательно*. Это межевание. Это вроде аттестата за хорошее поведение. Приемлю и ничто же вопреки глаголю. А в беседе с Владыкою Анастасием Лаури сразу — каптировал его беневоленцию³⁸ и провоцировал меня. Имкины дети обнаружались; это вовсе не плохо. Из этого надлежит делать выводы...

Еще раз благодарю Вас за прямое и совестное письмо. Если бы я Вас совсем не знал, то я полюбил бы Вас за одно это письмо.

Я в жизни видел столько незаслуженной милости Божией; столько раз рука Хранителя отводила занесенную надо мною злую руку, что и в этом происшествии вижу ту же самую милость. И уповаю.

В главе 10 моей книги «О чудесном и таинственном» — я высказываюсь за то, чтобы люди не искали в жизни нарочитых чудес и не искушали Господа такими «вызовами». Но всякая исполненная молитва есть уже живое и религиозное событие. Тут скажу больше: *неисполненная молитва столь же чудесна и благостна*. А в моей жизни есть молитвы, исполненные потрясающе и «указующе».

Что я буду делать? Как только позволят болезнь и суровое переутомление, буду завершать следующие книги, имеющие столь же мало шансов быть напечатанными.

Благодарю Вас за указания, дававшиеся Вам Игумену Иову³⁹. С ним нелегко: в нем самовластие фельдмаршала и советов он не любит...

Испрашивая Ваших святых молитв, остаюсь Ваш о духе

И. А. И<льин>.

4

Архимандриту Константину

<10.X.1951>

10/X.1951.

Доверительно

Высокочтимый и дорогой Отец Игумен

Пишу лежа, в клинике, где нахожусь с 3 Августа. Если не хватит сил дописать самому, то додиктую до конца Наталии Николаевне. Вы познакомились с нею у нас в Берлине (Sodener Str. 36), когда навестили нас в Ваш последний приезд; она Вас и чаем угощала. На днях, уже в клинике, мы справляли с нею 45-летний свадебный юбилей.

Ваше последнее письмо я получил уже здесь в клинике и ответил на него многое множество раз, но не по земной почте, а по *иной*. Земною я долго не владел, а Ваше письмо было братски теплое и пастырски верное. Я (без преувеличения) готовился к смерти *всю* жизнь, но не готов к ней и сейчас. Так иногда и уповаю: выздоровлю,

потому что не готов — надо довершить начатое, нельзя уйти без того, Господь знает и смилуется...

Ваше тогдашнее письмо, полное созерцания и заботы, меня глубоко тронуло. А я отвечал на него *бессильным, полусонным шепотом*. Доктора нашли у меня *инфаркт сердца*, т. е. пролом одной его части и только теперь рентг<еновским> снимком как будто выяснили, что это все локализуется. Поэтому они 1 1/2 месяца старались усыпить во мне соменалиями и транквилилами *всякую* умственную, волевою и эмоциональную жизнь, чтобы сердце не обременялось творческою (духовною) работою, а сосредоточилось на своем *телесном* восстановлении (застройка пролома). Я переносил это очень тяжело, хотя *никаких «видений» и никакого бесовства не видел*. Но эта пустота полуспящего весь день полусознания, эта проносящаяся в нем весь день сущая *ерунда бессвязная*, эта невозможность сосредоточиться *вообще*, а тем более на Главном, изводили меня непрестанно. Я им говорил: «Вы погасили меня, Вы развязали во мне ребяческую фантазию и усыпили мой дух», а они отвечали: «мы этого-то и хотели, но это *временно* необходимо, чтобы сердце не обременялось перенапряженным горением духа и занялось бы своим «телесным самостроением»; мы надели на Вас временную «Zwangsjacke⁴⁰» — потом все вернется, мы из Вас уберем все эти излишние медикаменты и все восстановится. Я мог только молиться; это конечно — главное — но молитва не была плэротична⁴¹, ибо душа или спала, или полуспала. Поэтому я издали утешался молитвами друзей.

Кажется теперь, на третий месяц, когда урезали все атропины и убрали все лишнее, я начинаю оживать. Но инфаркт еще *не зарос и не открыт*. Дух ожил; но душа еще полуспит, а тело слабо еще *до уныния*.

А Ваше первое письмо остается для меня незабвенным.

Теперь разрешено от этого больничного «бессилия» — к делу.

12.XI. Мне было бы радостно выпустить мою книгу в слагающемся у Вас издательстве. Вы знаете, как тягостно мне было обращаться к Имкиным детям. Но я считал бы

правильным договориться с Вами с самого начала о некоторых опасениях и пожеланиях.

1) *Опыт* этой книги я носил в себе всю жизнь, от первой детской исповеди.

Замысел книги был концепирован в 1920 году, когда я впервые по поручению Историко-философского факультета Моск<овского> Унив<ерситета> читал курс «Введение в историю религий». Затем из этого курса было прочтено несколько докладов в публ<ичных> Заседаниях Моск<овского> Псих<ологического> Общества. С тех пор я не расставался лабораторно с этой книгой. Одну главу Вы слышали в Праге. В Риге их удостаивал своим ободрением Владыка Иоанн Поммер (священномученик). Текст, постановка вопросов, разрешение их все уточнялись и углублялись из десятилетия в десятилетие. В 1946 году я сел за окончательный текст и завершил его в два неотрывных года. Еще два года ушло на мобилизацию накопленного богатства литературы (Св. Отцы! Оригиналы азиатских религий. Средние века. Новейшее). Я закончил все в Апреле 1951, причем все было *два и три раза отредактировано*. Я писал книгу с какою-то глухослепой мыслью, что она меня «надорвет» и *уведет*.

Все это пишу не для хвастовства, а для того, чтобы сказать, что книги, *так* вынашиваемые и вырабатываемые, *следует печатать в том виде, как они закреплены автором*, не меняя и не «исправляя», а *если необходимо, то полемизируя с ними впоследствии*. Так я немедленно отозвал бы книгу из Имки, если бы они потребовали изменений. Менять мне нечего: ὁ ὑἑραφα — ὑἑραφα⁴²

2) Я и не предвижу *de facto* серьезных разногласий с Вами, несмотря на мою для большинства *непривычную* постановку задачи.

Я не пишу о *Догматах*, ибо они приняты мною в Нико-Царегр<адском> составе; а «неодогматику» г.г. Булгакова, Бердяева и других я искони относил к их самомнению и глупости.

Я пишу об *Акте*: как *должен* сложиться акт веры в душе соврем<енного> человека, все растратившего и оскудевшего. Ибо если он *так* сложится в любой душе,

уже конфессиональной или неверующей, то акт этот *приведет его к священному естеству Православия*.

Единственно, что я не приемлю, это что земной человек может *сам стать «богом»* (категория языческая) или тем более «Богом» (в смысле православном). Этому посвящены 23 и 24 главы. Я отнюдь не отрицаю «обожения», но разумею его как проникновение Благодатию, а *отнюдь не как богостановление* (ипостась в ипостась, как выражается Макарий Египетский⁴³).

13/Х. Но я опасаясь, что при многоголосном составе редакц<ионного> комитета и некоторой для православного богословия непривычной постановке вопроса мною, — одному «не понравится» одно, другому — другое, третьему — третье. Возникнет несогласие между редакторами и между ними и автором и дело на этом провалится. *Ересей* нет, можете быть уверены; и даже покушений на них нет, ибо я не выдумывал, а исследовал; я искал приближения к древне-исконному, а не новых выдумок. И тем не менее на предварит<ельном> чтении текста *многими* все может развалиться.

Я думаю, что о книге надо судить так: надо, чтобы *один* уполномоченный и не узкомыслящий человек получил поручение — решить: *c'est à prendre ou à laisser*⁴⁴.

3) Объем. В книге 27 глав, каждая в среднем по 1 печ<атному> листу (27×16=432); сюда надо добавить Литературные Добавления, к каждой главе «подглавка» (*зато в тексте примечаний почти нет*). Думаю, что при наборе *петитом* это составит еще страниц 200. Здесь собрано целое множество — и благоуханных цитат из Св. Отцов, и анализ данных исторических фактов, показывающих пути и соблазны иноведомых ересей и т. д. Это — арсенал для православного проповедника; это подтверждение того, что иные народы имели свое предварительное-частичное «откровение»; это обнаружение того, что Христос тайно «пас» и *нехристиан*. Защита Иконы. Вскрытие проблем имяславия, реформатства, инквизиции...

14.Х.

Больше половины книги переписывал мне отец Давид Чубов (Цюрихский), и я его с пристрастием допрашивал об отклонениях от церковности. Он отрицал таковые. Гла-

ву о Чуде владыка Леонтий признал настояще-православною. Словом, я *не* предвижу расхождений по существу. Постановка же вопроса напоминает Феофана Затворника, но он — православный учитель, а я — исследователь истории религий с прикровенным или явным ведением к православию. Особенно в главе «Дары Церкви» (17).

Теперь прошу Вас, дорогой Отец Игумен, поступать в дальнейшем, как Вам подскажет Ваша православная совесть. М<ожет> б<ыть>, следовало бы показать это письмо (доверительно) Владыке Анастасию? Но как только Вы, взвесив все, напишете мне «высылайте текст», так я его и вышлю.

Помолитесь за меня. Обнимаю Вас. Ваш И. А. И<льин>.

5

Архимандриту Константину

<12.IX.1952>

Высокочтимый и дорогой Отец Игумен!

Спасибо Вам за святые Ваши молитвы о болящем Иоанне, за чудную икону Св. Пантелеймона и за добрую отзывчивость на предприятие моих парижских друзей. За всякую помощь и за всякую подписку благодарю особо. Без моих друзей в Париже я бы ничего не мог ни предпринять, ни осуществить. Но их энергия преодолевает все трудности.

Дикие времена! Чтобы «преуспевать» в земных делах самого доброкачественного и предметного свойства — надо усвоить *недоброкачественную* и *противопредметную* установку. Большевик «все» «может»; масон — чрезвычайно многое; католик — многое. А одинокая, Божия птица — *ничего*. Но вот в это «ничего» я как раз и не верю. В течение десятилетий вынашивая мои книги, кои «варились» сразу во многих котлах (в котором забурлит — счерпаешь, запишешь и опять крышку прикроешь), я постоянно помнил одно: надо, чтобы *вызрело*, я отвечаю перед лицом Божиим, неважно скоро-и-многопечататься, важно, чтобы созрело. А затем? Если Господь благословит моих детей, то они уцелеют, и напечатаются, и послужат Его делу. А если они Божьему Делу не нуж-

ны, так мне и подавно торопиться некуда. Образование парижской группы «Друзей «Аксиом» как раз в то время, когда я готовился к «отплытию» — было мне великим утешением. Я был в клинике с начала августа 1951 (инфаркт сердца) четыре месяца, и затем после двухмесячных мучений — дома (декабрь 1951 — январь 1952) еще 6 месяцев (астма, язва желудка, грипп, воспаление вен в правой руке). Я вернулся домой только месяц тому назад — полубольной. В итоге я шесть месяцев ничего не читал и не писал; только мучился, думал, молился и готовился. С февраля я опять за работой, то сидя в кресле, то лежа. Но не быв отозван — дослуживаю, ищу закрепить отстой многих лет.

Дикие времена! Исследование — аскетично, оно кормит дух, а не плоть. Записал? Надо переписать. У нас берут за машинописную страничку 2 фр. — почти полдоллара. Переписано? Рассылай по архивам, ибо печататься можно только на свой счет. Не годятся мои писания ни гукасовым, ни янкменам, ни фордовцам (бедный Чехов! при чем он в этой фальшивой затее?!⁴⁵). Как просто сказать: на *свой* счет!.. По земному говоря — сплошное «разорение»... Но милостию Божиею (так, что иногда стонешь: «Господи, не заслужил!») плывем. 15 сент<ября> начнется набор в Navarre⁴⁶; будет длиться около 7 месяцев. Распределение по томам я отметил на листке. Два первые взноса обеспечены. Третий составляется ныне из подписок и «малого» добровольного «меценатства»; ибо большие меценаты (русские) озабочены накоплением или же слушаются злых советников (вроде пароходчика Власова⁴⁷). А я клянитесь не умею; и угождать иностранцам тоже не умею. И к «Марку Ефимовичу⁴⁸» не пойду. А Рыбинский⁴⁹ сделает (если Вы ему скажете, — он мой старый приятель по Белграду). Итак, еще раз за все благодарю и пишу следующую книгу «О монархии».

Испрашивая Ваших святых молитв остаюсь Ваш о духе

И. А. И<льин>.

1952/IX/12.

Архимандриту Константину <3.I.1953>

Ваше Высокопреподобие досточтимый и дорогой
Отец Игумен!

Сердечно поздравляю Вас и всю Вашу Братию с праздником Рождества Христова! Да воссияет и нам грешным свет Его присносуший!

Спасибо Вам за присыл журнала «Православный Путь». Больше всего меня захватило Ваше Предисловие и статья Колесникова⁵⁰. Обе статьи бьют в набат и имеют к тому полное основание. Хотят поглотить, разложить и поглотить; внутренне замутить, ослабить, склонить к компромиссам, *запугать*, обещать, *купить* — и поднять*. Весь *вопрос* в том: *кто* и *как*? Вся *задача* в том, чтобы найти глубину и твердость недосыгаемые. «Их» не один центр, а несколько, не менее трех, и, по-видимому, за всеми тремя — один единый. 1. Ком<мунисты>. 2. Рим. 3. тот, в который входит и экумена, и «иеговисты»⁵¹, и еще многие другие ответвления. Жизнь научила меня называть 3 по имени; только с теми, кто *первый* в беседе назовет третий центр полноименно. Живу давно с открытыми глазами. Наблюдаю, проверяю, учусь по печатным источникам, которые удастся добыть; нередко изумляюсь беспечному выбалтыванию планов врагами, нередко отчаиваюсь, что люди не видят или не хотят видеть. И как охотно зацепляются, «коготком»... Как легко находят самообманнные формулы!

Но писать об этом долго и утомительно. А надо бы — со всею прямою и откровенностью. Испрашивая Ваших святых молитв, еще раз благодарю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

3/1/1953.

Архимандриту Константину <январь 1953>⁵²

Высокочтимый, дорогой отец Игумен!

Благодарю Вас за рождественский привет и за присылку сборника. Особенно благодарю Вас за молитвы и

* Простите, перо испортилось, заканчиваю карандашом. .

за всякое утешительное слово. Сборник еще не прочел, но прочту в первую очередь.

С 24 ноября до 21 января я был дома, преодолевая сердечную слабость врачебной помощью, и притом успешно. Но с начала января обнаружилось желудочное заболевание, с которым одной доктор решительно справиться не мог. И вот я опять в клинике для диагноза. Рентгеновские снимки установили небольшую язву желудка (Ulkus). Немедленно приступили к лечению и уверяют, что вылечат скоро. Все-таки эта коллаборация ослабленного сердца с желудочными болями (мучительными!) сулит не много хорошего, и я в глубине души готовлюсь предстать. Может быть, друзья и пастыри вымолят мне еще возвращение к творческой работе. Прошу Ваших святых молитв.

Я написал Владыке Анастасию, что весь комплект моей рукописи «Аксиомы религиозного опыта» с Литературными добавлениями лежит в Париже у В. П. Рябушинского и ждет только указания Владыки для того, чтобы начать перелет через океан. Это будет, конечно, гораздо дороже, чем переплытие, но в таких случаях о расходах не думают. Посылать же без востребования было бы неправильно.

Но ни от Вас, ни от Владыки Митрополита давно уже никаких известий нет, что меня и беспокоит и огорчает.

Подумайте только, я имел уже два масонских отказа, несмотря на то, что не обращался к масонам совсем.

Первый отказ слишком хлопотливые друзья получили от Возрождения (Гукасов), второй дали янкмены в лице Лаури. Третий отказ, церковный, поставил бы меня в положение *гонимого изгоя*, к чему я внутренне должен готовиться, но подготовиться окончательно все еще никак не могу.

Знаю, что все в Воле Божией: и отозвать меня, и вернуть в жизнь; и дать простор моей работе, и запереть ее под спуд, и соблюсти мою работу для будущей России, и испепелить ее атомно, — воля Божия и над Вами, и надо мною, и над всей вселенной. К ней я и взываю, ей я и покоряюсь, особенно в долгие бессонные ночи, полные тьмы и мук.

Писала письмо Наталия Николаевна, а я диктовал.
Шлю Вам сердечный привет, прошу благословения и молитвы.

Адрес обычный: Zollikon. Prof. Ijijn

Ваш И. А. И<льин>.

8

Архимандриту Константину

<без даты>⁵³

Высокочтимый и дорогой Отец Игумен!

Благодарю Вас за Ваше ласковое письмо о «несообщении» про выход моей книги. Какая там «вина»... Христос среди нас, и есть, и будет! Но вот — *деловая* сторона.

Мои сведения о цензуре в USA гораздо серьезнее, чем это могло казаться. Мой старый друг по Моск<овскому> Унив<ерситету>, Григорий Александрович Алексеев⁵⁴, «книжник» (но несколько не «фарисей»), соборянин и благороднейший человек, сообщал мне, что книги на имя его склада в Нью-Йорке задерживались этой цензурой на срок до *полугода*. Запросить мне всех подписчиков в USA о получении книг — невозможно; а отсутствие оных могло толковаться так, что они «еще не вышли». Вот пришел первый запрос из Midland — от Вали Толкмит (старшая дочь Сергея Горного⁵⁵) — *не получила*. А мы посылали *все* заокеанские книги заказными пакетами, и рассылка была закончена к 18 июня. А большинство подписчиков *не* подтверждает получения.

Теперь о другом. Я только что впервые прочел В. В. Розанова⁵⁶, «Апокалипсис нашего времени»⁵⁷, с *отречением* от Христа и христианства, с *издевательством* над Евангелием. Всего 150 страничек, но мерзостей он наворотел за всю жизнь. Вот «мистагог»⁵⁸ всех Бердяевых, Мережковских, Булгаковых, Вяч. Ивановых с *tutti quanti*⁵⁹. Два дня я бурлил, как «ушедший» самовар; ночью имел прямые припадки дурноты и тошноты. Вот «жидовствующий» наподобие или в прообразе Ваших USA апокалиптиков. А о *России* там наговорено!!... Питаю отвращение к чистке авгиевых конюшен⁶⁰; да и не по состоянию моего сердца сейчас это дело. Но кажется — не умолчу.

Теперь два слова о моих «Аксиомах». Одна из главных забот моих была — не родить «ересь». Думаю, что их у меня и нет. Надо знать мое долголетнее отвращение к мерещковщине-бердяевщине-розановщине, аскез моей силы суждения и острое чувство ответственности, ведущее меня через жизнь. Доходя до «своего осомбления», проверял его десятилетиями и спокойно произносил его только тогда, когда находил таковое у кого-либо из моих любимых Отцов Церкви: Василий Великий⁶¹, Григорий Богослов⁶², Иоанн Златоуст⁶³, Палама⁶⁴, Дамаскин⁶⁵.

Верьте, что *смуты* нет у меня. Но это *не богословие*, а исследование по истории религий.

Испрашивая Ваших святых молитв, пребываю Ваш о духе.

И. А. И<льин>.

Verte! ⁶⁶

Доктора мною очень довольны; а я постоянно мучаюсь и за муку славлю Господа.

9

Архимандриту Константину

<18.VIII.1954>

Высокочтимый Отец игумен!

Отвечаю Вам обратной почтой. Мне, конечно, было бы естественнее всего ответить Вам немедленным согласием — и «засесть». Но, к сожалению, моя работоспособность весьма урезана и на восстановление ее нет никаких видов. 1950-й год наградил меня тромбофлебитом, который окончательно не прошел. 1951-й год угостил меня инфарктом сердца, от которого остался шрам навсегда. 1952-й год снабдил меня язвой желудка, от которой остался шрам в желудке. Отсюда слабость сердца, одышка и быстрая утомляемость. Я продолжаю работать и надеюсь скоро завершить большой труд о Монархии. Это будет пятая книга, готовая к печати и тщетно чающая издателя. Все щелки моего времени и все запасы моих сил набиты до полного отказа еще другими твердыми обязательствами, и если бы я Вам обещал нужную Вам статью, то это было бы заведомым литературным надувательством: «обещал да обнищал». По вопросу о католицизме я высказался обобщающе в *Наших Задачах* № 117,

118, 119, 120 и потом в перепечатке в Дне Русского Ребенка. Отнюдь не дерзаю предлагать Вам этот уже опубликованный дважды текст. Но главное о католичестве высказано с остальным анализом и автентическими цитатами в Аксиомах Религиозного Опыта (в тексте и в литературных добавлениях). Знатоки вопроса говорили мне не раз, что критические обличения католицизма в Аксиомах «неотразимы». Возвращаться еще раз к этому предмету я к сожалению не могу.

Сердечно благодарю Вас за Ваши святые молитвы о нас. Я и больной постоянно благодарю Господа *за все* и Его же милосердию поручаю мои непечатающиеся труды.

Ваш И. А. Ильин.

1954/VIII/18.

Письма к М. А. и М. Г. Дерюгиным

1

М. А. Дерюгиной¹

<15.VI.1946>

15.VI.1946

Мариночка!

Спасибо Вам за письмо и за память! Вы отправили его 3 июня, я получил его 8-го. Это все-таки сносно. Одновременно, т. е. 3-го, я написал Алеше², дошло ли мое письмо? Это теперь первое и самое важное. Писать для цензуры не стоит. Секретов у нас нет. Ни Вы, ни я политикой не занимаемся и все время в течение войны всецело сочувствовали освобождению многострадальной Франции. Но письмо есть дело *личное*, и обыкновенно — *утомительное*. Писать и думать — «зря пишешь», «не дойдет» — тяжело. Поэтому немедленно по получении этого письма бросьте мне открытку, дошло ли и когда?

Когда я уезжал, я знал, что надвигается Бог знает что. Картина было ясна. И я вижу: милость Божия в том, что мог провести эти годы в Швейцарии. Всегда с тревогой думал о Вас. О роли Ник<олая> Степ<ановича>³ не знаю ничего. Он ни разу с отъезда моего не написал мне *ни строки*. О моей работе в Кр<асном> Кресте не знаю ничего; это фантастический слух. Я много пишу и печатаю. К сентябрю выйдет здесь пятая книга⁴ на нем<ецком>

языке. Очень экономлю время: надо еще много написать, а возраст стал большой (мне 63) и мои головные боли мучают меня уже восемь лет. Мечтаю об одном: печататься по-русски. Удастся ли?!

На этом *пока* ставлю точку. Благодарю Наталию Яковлевну⁵ и Вас за память и за любовь. Немного погодя, получив Ваше уведомление, напишу больше. Передайте мой привет Алеше⁶ и Мише⁷.

Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

<Приписка:> Нат<алия> Ник<олаевна> шлет всем сердечный привет.

2

М. А. Дерюгиной

<без даты>⁸

Мариночка!

С праздником Рождества Христова и с новым годом! Живы ли Вы? Здоровы ли? Кушаете ли Вы что-нибудь, или воздерживаетесь и обходитесь — «так как-нибудь»? Носит ли Вам что-нибудь Божий ворон, как пророку Илье⁹? Что Ваш детёнок? Разговаривает ли? Как здоровье Мамаы? Слушается ли Ваш муж свою «оберскаутку¹⁰»? Обо всем напишите мне обстоятельно.

А мы живы. Живем тихо, много работаем, «двигаем науку», как говорили в наше время студенты перед экзаменами. Словом, пока Бог милует и грехи наши терпит. Мучаюсь я по-прежнему. Недавно был у 18-го доктора, специалиста по сердцу. Утешил; говорит: жить еще долго, мучиться много. Насчет диагнозов они тут не мастера. Все на «анализах».

Надо так жизнь устраивать, из расчета, что злодейства и гноя на наше земное пребывание *хватит еще*. Мир отдан дьяволу в научение и проучку. А нам надо крепиться и молиться. Кто когда-нибудь *хоть раз* испытал, что значит *услышанная и исполненная* молитва, тот счастливый человек на всю жизнь. Он нашел *дверь и лестницу из земного ада*. Одно только надо помнить, что молитва «со дерзновением», о ко<е>й говорил апостол Иоанн (I Послание. 3. 21-22), предоставлена¹¹...

3

М. А. Дерюгиной

<11.I.1948>

С Новым годом!

Мариночка!

Благодарю Вас за память и за письмо (и за августовскую телеграмму!). Мне трудно вести корреспонденцию: отовсюду несутся вздохи и стоны о помощи, я не успеваю отвечать и помогать... Заработок. Писание главных трудов. Борьба за Россию. И вот, мои силы более чем исчерпаны. Кризис был в сентябре (переутомление). Кризис возобновился в декабре и еще не изжит. Лежу.

Нам нельзя падать духом. По шею в болоте — надо стоять и творить крестное знамение, памятуя Бога, Россию, честь и совесть. Время идет. Все может скоро измениться. Но если Господь отзовет нас до освобождения, то мы должны предстать там как верные стоятели, а не как «бегуны и хороняки».

Будьте же мужественны. Передайте мой привет Маме и мужу. Наталия Николаевна благодарит за именинную память и шлет привет.

Ваш И<льин>.

1948/I.11.

Н<иколай> С<тепанович> О<рлов> изменил и несет чертовщину.

4

М. А. Дерюгиной

<4.III.1948>

Мариночка!

Спасибо Вам за память и за дружбу. Будьте уверены, что я отвечаю на нее самыми сердечными теплыми чувствами.

Что Вы меня конфузите конфетным богатством?! Я мог ответить Вам только самой хаферфлокной¹² прозой, считая, что это подспорье семейному питанию. Пакет ушел 30 января. Спасибо!

Мы хорошо повидались с Алешей. Он — молодец. Я дал ему два поручения к Михаилу Георгиевичу¹³ и очень прошу его написать мне непосредственно, возьмется ли он за них.

Алешину просьбу выполнил: сахарные пакеты в два адреса ушли 2 марта.

Целую и обнимаю Вас. Наталия Николаевна шлет привет. Передайте наши приветы маме.

4/III. 1948

Ваш И<льин>.

5

М. Г. Дерюгину

<4.IV.1948>

Многоуважаемый Михаил Георгиевич!

(Дорогой Миша!)

Спасибо Вам за письма и особенно за то, что взялись вертеть эти дела¹⁴. Я *изнемогаю* без верной дружеской помощи. Люди «непредметны», близоруки, личны и ленивы. И у всех голодное тщеславие: что «его» влияние двигает — это он понимает, а чего Дело требует, ему безразлично. Вы — исключение, слава Богу!

И *книга*¹⁵, и № 2 — должны *служить делу*. Очень важно, чтобы франц<узский> перевод № 2 вышел хорошо напечатанным, *élégant et bien lisible*¹⁶. Это в первую очередь. Франц<узский> текст *готов*. Как только Вы пришлете мне сколько-нибудь твердую смету на эти 25 машинописных страниц тесного убора¹⁷, я сделаю *все* возможное, чтобы изыскать нужные средства.

Как двигается у Вас редакция книги? Ее переводил *католич<еский> патер, литовец, хитрюга*; он мог напустить туда католицизма. Уже вторая фраза переведена неверно: «seit vierzehen-fünfzehn Jahrhunderten» не означает «с 14-15-го века»¹⁸; а ему, литовцу, выгодно было так исказить историю. С ними *всегда* надо быть начеку.

Я говорил Алеше, что весь авторский гонорар, который придется автору с первого издания — я передаю переводчику.

Договаривайтесь с издателем, как найдете нужным и лучшим. Если гонорар окажется неудовлетворительным, я дошлю отсюда посылками.

Не нужна ли Вам доверенность от меня? Тогда пришлите мне на франц<узском> языке текст готовый, я подпишу.

Еще раз благодарю Вас и шлю дружеский привет Марине и Наталии Яковлевне.

Ваш И. А. Ильин.

1948.IV.4.

6

М. Г. Дерюгину

<14.VII.1948>

Многоуважаемый Михаил Георгиевич!

Очень хотелось бы знать, как поживает редактируемый Вами перевод? Я давно не писал Вам. Очень жалею — руки не доходили. Думается мне, что предисловие на стр. 7, 8, 9 следовало бы перевести, кончая на стр. 10 тремя верхними строчками и оставляя конец (два последние абзаца!) без перевода. *Очень важно* перевести «Zeittafel¹⁹» в конце, причем если Вы эту таблицу переведете то я очень хотел бы просмотреть ее на французском языке. А последний «Wegweiser²⁰» лучше пропустить и вставить без перевода.

Затем я придаю очень большое значение «картинкам»²¹, число которых следовало бы увеличить и *тексты* под ними перевести. Но для этого мне надо было бы знать, считаете ли Вы это осуществимым: т. е. можно ли во *Франции сейчас* дать *хорошие* репродукции. Туманную мазию не стоит давать. Для репродукций же я слал Вам фотографии (четкие). Если это очень удорожит издание, то надо обдумать, стоит ли это делать? По всем этим вопросам хотел бы иметь Ваш совет.

На стр. 143 нем. текста надо поставить вместо 1942 — 1948²².

На стр. 126 пропущены слова: внизу, текст, снизу строка 3: после «verschiedene Weisen» надо: «gelöst. Die Geschichte der christlichen Ikonographie ist höchst» потом только «lehrreich und berührt»²³. Это ошибка сверстки.

Итак, жду Вашего отклика. Я прошу Вас весь издательский гонорар за *первое* издание *взять* себе как скромное вознаграждение за редакционный труд.

Мариночке пишу отдельно.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш И. А. Ильин.

1948/14 июля Zollikon.

М. А. Дерюгиной

<30.VII.1949>

Мариночка!

Мы провели с Михаилом Георгиевичем два хороших вечера и установили по целому ряду пунктов наше сходно-мыслие. Он принес Наталии Николаевне великолепные гладиолы (ало-огненные). Очень озаботила меня его полу-болезнь. Лечиться, т. е. прежде всего — *вынашивать диагноз* по внутреннему самочувствию и наблюдению, а затем *подыскивать средства* — надо самому. Все доктора суть лишь наши «консультанты», не более. Я имел за границей от докторов *безобразные* диагнозы: нелепые, с кондачка, «фатально» звучащие — и все, оказывалось, был вздор. Пришел к выводу: они не более чем наши консультанты. Лечите его самостоятельно.

Вот мои соображения.

Жиры растворяются печенью. Надо ее *укрепить*. Почему организм не выбрасывает их? Надо повысить активность кишечника. Вырезание *не будет* лечением, а только тщетную борьбу со змеем, у которого вырастают новые головы. Наличные желваки надо *рассосать* внутренней самодеятельностью организма. Он должен сам «прислушаться» к своему ежедневному «органическому обороту» и, сопоставив его индивидуальные особенности — нащупать для себя *режим, диету, телодвижение* (гимнастику?) и *травяное* лечение (Kräuterkur).

Для укрепления печени здесь дают прекрасное новое средство *Pankrotanon* (препарат железа Pankreas²⁴) фирма Hausmann. St. Gallen. Для рассасывания посылаю Вам *Kräuter-Tee*²⁵. Сами увидите.

Сердечный привет маме и Вам от нас обоих.

30/VII/1949.

М. Г. Дерюгину

<27.XI.1950>²⁶

Многоуважаемый Михаил Георгиевич!

Я думаю, что мы оба с Вами сделали ошибку, вообразив, что Вы несмотря на Вашу занятость и жизненную обремененность сможете выполнить редакционную рабо-

ту над плохо сделанным французским переводом моей книги о России²⁷... А жизнь учит, что сделанные ошибки не следует длить и закрывать себе на них глаза: вернее и умнее — отдать себе в них отчет и ликвидировать их.

Потому разрешите мне считать наше соглашение по сему предмету угасшим и Вас освободить от соответственного обязательства. Что же касается меня, то моя длительная и мучительная болезнь, об опасности которой мне вот уже три месяца натверживают врачи, заставляет меня принять все возможные меры для консолидации моего «литературного наследства» и для подыскания верного архива для моих рукописей и документов. Верните мне, пожалуйста, французскую машинопись моей книги со сделанными Вами исправлениями (заказной бандеролью!) и сообщите мне, какой гонорар удовлетворил бы Вас за потраченное Вами время и труды. Пожалуйста, присчитайте и почтовые расходы.

Крепко жму Вашу руку и шлю привет Марине Александровне и Аделаиде Яковлевне²⁸. Надеюсь, что у Вас все благополучно.

Ваш.

Цолликон 1950. ноября 27.

9

М. Г. Дерюгину

<3.XII.1950>

Дорогой Михаил Георгиевич!

Я написал Вам не со зла и не от педантизма, а чтобы «открыть форточку» и чтобы найти выход из тупика²⁹. И еще: не соответствует моему *темпераменту* — пассивно тянуть тянучку; и моей совести — чувствовать себя «плантатором» (*pardon*, эксплуататором) чужой жизни. Нужный Вам срок — я, конечно, дам...³⁰ Но берегитесь: младенец обычно обнаруживает позднее те склонности, которым мать предавалась «во время оно»; поэтому может у Марины родиться³¹ пламенный русский патриот... А это может быть... не ко времени?.. Теперь молодое поколение эмиграции считает русский патриотизм неудобным. Сын³² одного русского генерала, героя белой борьбы, говорил недавно: «Что это Матап возится с русской эмиграцией, принимает их зачем-то у себя?!»

Но если Вы не опасаетесь, то скажу Вам из Ревизора: «Да благословит Вас Бог, а я не виноват»...

Всем Вам привет. Надеюсь выжить, а если умру, узнаете у Алексея Александровича³³.

Ваш И. А. И<льин>.

3/XII/1950.

10

М. А. Дерюгиной

<11. II. 1951>

Мариночка, мое милое дитя!

Благодарю Вас за хорошее письмо. Поздравляю Вас с Таней³⁴ и очень радуюсь тому, что все прошло благополучно... И Мишу поздравляю с Татьяной Михайловной! Дай Боже... И даст!

Не думайте, что я «бурбонствую» и на Вас обоих ворчу. *Ich grolle nicht*³⁵... Напротив, радуюсь, что Вы занялись *моим* ребенком³⁶, несмотря на *своих* ребят. Одна приятельница моя говаривала в Москве: «один ребенок — один, двое ребят — двое, а трое — это *куча детей*»... Вот у Вас теперь целая куча — и все невесты³⁷. Пусть будут все — настоящие русские девушки и женщины; а все остальное в Руке Божией.

Моя же судьба такая, что я *своих* детей рожаю, а *мой народ* их не принимает, и *чужие народы* их не хотят. Все, что написано по-русски и переведено на англ<ийский> и итальянский — безнадежно лежит. И я начинаю мириться с тем, что уйду, *завещая мои книги Богу и России*...

Болезнь моя проходит медленно. Я болен уже шестой месяц. Устало сердце проталкивать тромбы в правой ноге; устала воля преодолевать боли, чтобы сосредоточиваться, вдохновляться и писать. Но доктор *доволен*: говорит — тромбы *тают*, боли меньше, сердцу легче, и он уверяет, что к маю все пройдет. И это будет — *девять* месяцев. Не угодно ли? А я всю жизнь считал себя мужчиной...

В феврале заканчиваю мой большой труд «Аксиомы религиозного опыта» и думаю начать переговоры с Имкою³⁸, которая сама приглашала меня через Владыку Анастасия. Посмотрим, может быть, что-ниб<удь> и вправду выйдет³⁹.

Скорой войны не жду. Сталин тяжело болен. Он и его сподвижники *хотят не войны*, а революции в Европе. Каждый месяц *ухудшает* их положение, и если бы они могли, они должны были бы *давно* уже двинуться на Европу. А между тем они разбудоражили Америку, растревожили всех и посеяли панику; эта паника не укрепляет западные компартии, а расшатывает их и вызывает отпор на местах. А здешние *промышленные* круги только что получили вести от своих представителей, что в России разлилась паника от опасности амер<иканских> атомных бомб. При таких условиях войну начинать *нельзя*, и я ее не жду. Армия сов<етская> *не пойдет*.

Душевно обнимаю Вас и Мишу. Наталия Николаевна поздравляет и желает Вам радости. Наталии Яковлевне от нас обоих сердечный привет.

*Перевод очень хорош!*⁴⁰ *Спасибо.*

Ваш И. А. И<льин>.

1951/II/11 Воскр.

Очень желаю Вам квартирной «энтшпанки»⁴¹.

Из писем к И. М. Андриевскому и А. Д. Билимовичу¹

1

*И. М. Андриевскому*²

<6.IX.1953>

<...> «Наши задачи» я выпускаю от лица Управления РОВС с апреля 1948 г. Аноним обдуманый, сознательный и полезный. Надо, чтобы содержание было предметно и чтобы оно говорило за себя; а имя не важно. Но ответственность я несу за все уже в силу того, что все написано мною. И когда дело требует, я замещаю аноним полной подписью». <...>

2

И. М. Андриевскому

<30.IX.1953>

<...> «В них <«Наших задачах»». — Ю. Л.> я пишу все сам, потому что жизнь убедила меня в том, что добыть

верную статью из чужого пера втрое труднее, а я вынужден экономить силы». <...>

«Присылку моих «Аксиом», пожалуйста, не рассматривайте, как обязательство написать рецензию. Вообще, «хлопоты» о рецензиях неприличны автору, и я этим делом не занимаюсь. Напротив, я привык к тому, что мои книги или замалчиваются, или облаиваются и что найти издателя для них чрезвычайно трудно. Пишу для будущей России, слагаю у подножия Божьего Престола; и говорю себе: «если Ему мои труды угодны, Он соблюдет их; если они Ему не угодны, то и мне они не нужны». <...>

<...>«Мне минуло 70 лет.

1950 г. — тромбоз флебит правой икры; 9 месяцев.

1951 г. — Инфаркт сердца — 4 месяца клиники. Остаток сердечной слабости навсегда.

1952 г. — Язва желудка — 6 месяцев клиники.

Ныне врачи считают инфаркт и язву совершенно зажившими.

Отстой крови 5/15. Кардиограмма — более чем удовлетворительна.

Но осталась слабость сердца и трудное дыхание, особенно при пустом желудке и при фёне (фён — больной ветер с гор, от коего мучается 1/4 туземного народа). + Бессонница.

Гомеопатию признаю потомственно (дед был врачом-гомеопатом).

Тоскую по русским врачам.

Чем лечат? Строфозид в вену раз или два в неделю... Печень, почки и т. д. — в порядке.

Жизнь проведена в неустанных нервных напряжениях, вызывавшихся актом исследовательским. Его состав: художественное отождествление с предметом (что часто бывает мучительно изнурительно, ибо тьма теперь преобладает) и требование максимального точномыслия. Так всегда и во всем. Так продолжается и теперь. Пишется легко и много». <...>

И. М. Андриевскому

<4. I. 1954>

<...> «Вы спрашиваете о гордости? Считаю и считаю для себя обязательным — вредное открыто называть вредным, погибельное — погибельным. Соблазн в русской публицистике образовался и назревал давно. В нем участвовали по-своему и прозаики (Розанов, Мережковский, Бердяев, Булгаков, Шестов³, Степун, Вышеславцев и др.) и поэты (Блок, Белый, Вячеслав Иванов и др.). Я не водился с ними, не дружил, не симулировал, но открыто критиковал, порицал, чуждался их. Что же им оставалось — как не именовать меня «самоуверенным гордецом»? Пусть их ... «Людям губа не заперта»... *<...>*

«Я всегда не выносил «грязи» в философии и втаскивания сексуальных проблем в религию. Поэтому для меня являлись островами чистоты С. Н. Трубецкой⁴, Е. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатин, С. А. Аскольдов — и я утешался их бытием, как залогом грядущего». *<...>*

«Ныне моя главная скорбь в том, что никто не озабочен раскрытием причин нашего национально-духовного крушения и путей к нашему национально-духовному обновлению и возрождению. Все более распространяется тенденция к реабилитации прошлого во всех пунктах; и те, кто этим заняты, вредят России и Православию; и произносят сами над собою суд. Творчества нет; дальнорения нет; историческое глубокоевидение отсутствует. Люди идут мимо великих заданий, строго поставленных нам Самим Господом, и не видят проблем будущего. Эмигрантская же суетня и деньговымогательство кончится ничем. «Третья мировая» есть страшный жупел; она исторически неосуществима. И дальнейшее развитие событий пойдет совсем иначе. Я это твержу с 1944 г., вопреки всем предсказателям, обещающим ежегодно «со дня на день»... *<...>*

«Наше поколение уходит, не осмыслив Божьих заданий; а следующее за нами поколение не имеет ни слов, ни видения, ни чутья для этих проблем». *<...>*

«Надо «де профундис⁵», от Евангелия, обновлять культурно-творческий акт — и никто об этом не думает. А реставрация дореволюционного акта есть реставрация

больного и расслабленного акта, единожды уже показавшего свою несостоятельность. Единственная моя надежда — это КАТАКОМБНАЯ ЦЕРКОВЬ «там»⁶. А здесь живут в прислонку к ломам, или к Ватикану, или к пустоте туземных интересов»... <...>

«Ваша «Трагедия Кореи» — превосходно и точно выговаривает правду. От души желаю этому разъяснению величайшего успеха. Если бы оно существовало, кроме английского, на немецком и французском языке, я бы мог его использовать здесь... Bravo». <...>

4

И. М. Андриевскому

<9.I.1954>

<...> «Многое, очень многое свершается в мире внешне-неосвязаемо, не воплощаясь материально ни в какие конечные формы. Так я Вам уже не раз ответил на Ваше письмо, не обременяя земную почту; и Вы можете всегда уверенно воспринимать мои реакции и ответы, ибо я человек односмысленный, и, при всей бесконечности чаемых постижений и признаваемых собственных нехваток, законченный. И если бы мне была дарована еще одна жизнь, то я хотел бы повести и вывести ее вторым этажом на том же фундаменте — русском, и православном, и философском. Оттуда, где я стою, тысяча нитей ведут дальше, продолжением «в свете Лица Его», к «Свету неприступному». <...>

«То, о чем бы я мечтал для моей книги, были бы не «дополнения». На стр. 213 внизу я высказался совершенно недвусмысленно о том, что мною уже не сделано; но «дополнениями» тут не поможешь. Я бы мечтал во всем мною уже не сделанном учиться на чужих исследованиях религиозно-православного акта, особенно в учении о Таинствах. Я хотел бы, чтобы мое исследование побудило других исследователей раскрыть актовое строение православных Таинств. И это сразу станет ясным, если, например, сопоставить учение св. Кирилла Иерусалимского о св<ятой> воде в Крещении и учение св. Макария Египетского о Таинстве Евхаристии. Словом, я бы желал

дальше учиться, исходя от той очевидности, которой достиг; но от других». <...>

«В Риге мне пришлось читать закрытую лекцию у «безпоповцев»⁷ — о священстве, о Таинствах и о Причастии, объясняя им, чего они себя лишают своим произволением и самодовольством. Это есть актовый подход, который, увы, у нас не практикуется. А он необходим ныне повсюду. Я пытался его осуществить в философии, он развернут в моем «Гегеле», в работе о Фихте, в курсе лекций о греческой философии (акт Парменида! акт Гераклита! Сократа), в «Сопроотивлении злу силой», в «Основах художества» (Рига, 1937 г.), в законченном большом исследовании «О сущности Православия», и ныне — в книге о русском национальном характере. Это мое «главное желание», о коем я давно хотел сказать Вам».

<...> <В конце этого большого письма сделана приписка:> «Сие не письмо, а только справка по личному вопросу, необходимая для дальнейшего общения».

5

И. М. Андриевскому

<24.III.1954>

<...> «Вопреки тщательному замалчиванию моих «Аксиом» — и со стороны масонов, и со стороны духовенства — книги мои идут и личные эпистолярные отклики меня очень утешают». <...>

<...> «Только что вернулся из клиники, где пролежал три недели. В январе язва желудка стала подавать вести о себе, в феврале она пустила кровь, 25 февраля увезли раба Божия. Нашли острое малокровие, хотели делать трансфузию, но я этот путь отклонил, предпочитая самовосстановление кровяного статуса. По этой дороге и пошел. Язва оказалась небольшая — полразмера того, что было 2 г. назад. Надо опять зарастивать. Доктор говорит: «Меньше работать... и не огорчаться огорчениями»... Однако хлопот и неприятностей много...

Молюсь не об исцелении, а об очищении души и созерцающего ока, и о вдохновении. Всю жизнь считал, что болезнь не зло, а испытание, закаление, очищение, путь совершенствования... И потому никогда не чувствовал нарочитого умиления перед исцеляющими чудотворца-

ми... Господу единому ведомо, не следует ли данному «Власу» «увидеть тьму кромешную...» Помню семилетним мальчиком болел я катаром желудка и кишок, доктор потерял надежду, я считался угасающим. На Ивана Купала принесли мне в чашечке святой воды, и боли стихли, поворот был решительный. Я только разучился улыбаться на несколько месяцев. Словом — недуги посылаются — их надо катартически проходить перед лицом смерти. И это, думается мне, есть христиански-верный путь. Тогда и всеблагодарение становится естественным и искренним путем жизни. Без Лермонтовской добавки — «устрой» ... «чтобы недолго я еще благодарил»⁸. <...>

6

*А. Д. Билимовичу*⁹ <18.VII.1954>¹⁰

<...> «В прошлом году директор изд<ательст>ва Н. Р. Вреден уговаривал (прислать что-либо), ссылаясь на то, что решает «он сам» и «он один». Через 15 месяцев вернули в самой невежливой форме».

«Книги были посланы: 1) Поющее сердце (книга тихих созерцаний), 2) О тьме и просветлении (книга литературной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев)»¹¹.<...>

Письма к разным лицам (IV)

1

А. И. Лодыженскому <9.I.1947>¹

Дорогой Александр Ильич!

Спасибо за письмо. Тем временем, Божиею милостью, кое-какая монетка приплыла, и я могу двигаться дальше... Вуала!

Это, кажется, последние главы. По проверке их, — книгу можно будет сдать в набор — неимеющемуся издателю в ненайденную типографию в загадочной стране... Это будет моя третья отделанная русская книга (грошюры² — не в счет), лежащая на «складе К. и С. Поповых». Но так как — наверное, не последняя, то я все

приговариваю себе в утешение: «не унывай, жандарм!» (Чехов). А он и вправду не очень унывает, несмотря на величайшие затруднения, — и даже не «издательского рынка», а «политического базара». Мир разделился на 1. Католиков, 2. масонов и 3. коммунистов — на «ржу», «тлю» и «лжу»... А нам остается, по-видимому — «вша» и «пша». Вот и празднуй. Только молитвой и держимся...

Итак, не унываем, жандармы, и лопаем, что дают.

Мерси. О резервуар³.

2

И. И. Сикорскому

<4.IV.1947>⁴

Христос Воскресе!

Дорогой Игорь Иванович!

Шлю Вам душевный привет, хочу живой связи с Вами! И прежде всего свидетельствую, что у нас за все эти годы не было *никаких* политических колебаний. Что любили, то любим по-прежнему. Во что верили раньше, в то верим и теперь. Чего добивались, того добиваемся и ныне. Для нас советы — не Россия, но Россия *жива* в муке и в позоре, и молим Бога о ее освобождении и возрождении. Советская церковь — не Православие, «патриарх» нам не Патриарх; скорбим — и о Церкви, и о соблазненных. И жаждем, — оба, и я, и Наталия Николаевна, — *слышать то же от Вас обоих...*

Я получил в 1940 году Ваше изъяснение⁵ Молитвы Господней. Но беда моя была в том, что я слишком слаб по-английски, чтобы одолеть такой текст. Много раз ворчал на Вас, «зачем, дескать, написал по-английски!»... А затем война прекратила почту. Я не мог доверить перевода неизвестному переводчику, считая текст делом *интимным*. И только с полгода назад, подружившись прочно с одною американскою семьею, — муж и жена, — узнав их *до конца*, я решился доверить им перевод на немецкий язык. Они отнеслись к этому документу с подобающим благоговением.

Теперь я прочел Ваш труд дважды, сначала по-немецки, потом и по-английски. При личном свидании сказал бы много. Сейчас ограничусь следующим.

1. Вы делаете в религии то самое, что я считаю *необходимым и важнейшим* для каждого из нас: это *личное самостоятельное* («автономное») *созерцание сердцем веруемых реальностей*. Именно об этом я сейчас пишу в моей новой книге «Философия религиозного опыта». О, если бы люди поняли, что в этом и состоит сущность живой религиозности!!

2. Ваше истолкование «Царства Божия» — *превосходно*. Страницы 25-31 Вашего текста вызывают во мне каждый раз восхищение и радость! Я чую здесь величайший горизонт и настоящую правду... Вот истинное доказательство того, что автономное религиозное созерцание даст людям; если бы я в этом сомневался, то это убедило бы меня окончательно...

3. Прощение о «Хлебе насущном» я разумею иначе. Дело в том, что в греческом подлиннике стоит «тон артон <гэмон> тон эпиусион⁶»; тон — это член, , .⁷ Поэтому третье и четвертое слово вместе — составляют поясняющее определение. Тон артон — хлеб. Тон эпиусион — поясняет, какой именно это хлеб. Эпиусион — винительный падеж. Именительный будет — эпиусиос. Эпи — есть приставка, обозначающая — свыше, сверху. Усиос — значит сущий. Мы получаем: *сверхсущий*. Т. е. — хлеб духовный, хлеб небесный. По-славянски было бы точно: *над-сущный*. Лютер⁸ сделал из этого — Тэглих Брод ежедневный. Французы — пэн котидиен. Итальянцы добавили — дель джорно аль джорно. И т. д. Я разумею здесь *пищу духовную*...

4. О прощении врагов — состою с Вами в *полном единомыслии*.

5. Убежден по личному многолетнему опыту — вместе с Вами — в существовании таинственных злых сил (англ. текст стр. 42).

6. Сопоставление прошений с искушениями кажется мне не только оригинальным, но и глубокомысленным и просто убедительным...

Вот все, что могу высказать письменно. Скажу только еще, что *не* считаю наше время эпохой теплопрохладного компромисса (стр. 29), а вижу его как время *окаяннейшей смуты, дерзновенной попытки зла покуситься на открытую и наступательную борьбу*. Эдакого еще *никогда* не было...

Зашевелился сам дьявол и связал сие дело с борьбою мирового еврейства за мировую власть.

Мы находимся в Швейцарии с июля 1938 года. Я не имею кафедры, ибо для этого надо бы быть или католиком (а я — антикатолик...), или же — масоном (а я антимасон...). Первые три года было очень трудно. Я и теперь не имею здесь ни права оседлости, ни права на труд... Но Бог милостив, и я еще другим помогаю. Много пишу. Много печатаю. Но увы — по-немецки. А то, что я пишу по-русски, остается лежать за неимением издателя. Но я не унываю, — пишу для моего народа впрок. И молюсь: призри на труды мои! соблюди их для народа моего! Все в Руке Божией...

Читаете ли Вы по-немецки? Если да, то я пришлю Вам кое-что из моих последних книг.

Вы выпустили труд Ивана Алексеевича⁹ «Книгу жизни». Нет ли такой возможности, чтобы я уплатил бы здесь ее стоимость (четыре с половиной доллара) кому-нибудь по Вашему указанию, а мне ее выслали бы оттуда. Я очень хотел бы иметь ее!

На этом кончаю. Буду очень ждать ответа. Шлю Вам обоим привет и от себя и от Наталии Николаевны.

Неужели мы никогда не увидимся?!

Ваш сердечно

И. А. Ильин.

Адрес

4.IV.1947.

3

Друзьям в Париж

<весна 1947>¹⁰

Весна 1947 года

Послано друзьям в Париж

Мною получено известие, что в Париже со следующей недели будет выходить новая «национальная и православная» газета «Русская Мысль» — под редакцией Зеелера при участии Маклакова, Нольде¹¹, Зайцева¹² и, может быть, Шмелева. Последний настойчиво просит меня немедленно дать в нее статью. Я категорически отказал. По следующим основаниям.

1. Русский Гранд Ориан¹³, повинувшись указаниям французского, поторопился в лице Маклакова, Бердяева, Рощина¹⁴, Бунина и других признать советчину и сдать

ей Православную Церковь во Франции. Последовал провал. Он выразился не только в стойкой реакции честных и храбрых деятелей, и не только в численных итогах паспортного характера; это не смутило бы перебежчиков из лож. Серьезнее для них оказался новый и притом окончательный поворот дел в Соединенных Штатах. Остаться «добровольным перебежчиком» при обострении дел в мировом масштабе было бы и невозможно глупо и в личном отношении прямо опасно... Решили «выпрямлять крен» и поручили дело Зеелеру. Более упрямый Бердяев еще не сдается, он всегда был «парадоксалистом-эксгибиционистом». Более умный и гибкий Маклаков ищет путей обратно.

2. Однако после той смуты, которую посеяли Маклаков и компания и которая была так выгодна дьяволу и так вредна России, имя его стало нарицательным для обозначения *советофильства*, *смуты* и *предательства*. И вот новая газета собирается размазывать эту смуту и это предательство в нашу сторону. Есть шаги, которые непоправимы. Есть имена, которые теряют краску чести и не вызывают более никакого доверия. Нельзя слышать имена Алексея Толстого-Советского¹⁵, Скоблина¹⁶, Рощина, Неандера¹⁷, Бердяева, Маклакова, Ступницкого¹⁸ и других. Это политические трупы. Кто с ними идет, тот приобретает их окраску. И новая газета есть попытка передать эту окраску на наши фланги.

3. Мне пишут неопределенно: «Маклаков — нужен»... По-моему — это неточно: надо сказать «газета Маклакову нужна». Но русскому Делу она *не нужна*: она будет говорить полуправду, урезывать правду и злоупотреблять священными идеями и категориями для того, чтобы смазать все грани между советчиной и Россией. Если бы эти господа начали с открытого и честного покаяния, — «согрешили, своровали, смалодушествовали, каемся и вновь клянемся честью в верности и непримиримости», — тогда было бы другое дело; но и тогда я не пошел бы писать у них: конь леченый, вор прощенный, Маклаков крещеный... Жди рецидива!

4. Много говорит и название: «Русская Мысль». Хотят прикрыться добрым именем и направлением Петра

Бернгардовича¹⁹ и посмертно вовлечь и его в смуту. Стирают грани между честью и бесчестьем, между Россией и советчиной, между «белым» и «красным». И потому не ведут открытых переговоров с сотрудниками, а подсылают зазывать по знакомству и по дружбе. А программу будет, нащупывая настроение в ложах, стряпать старый и опытный, но совершенно беспринципный политический «кок» Маклаков. Довольно кривды и смуты! Долой полуправду!..

Лучше помолчим еще.

<Приписка:> Не всё подтвердилось: газета Русская Мысль оказалась *католически* инспирированной, протезируемой и несколько финансируемой — но с компромиссами во все стороны.

Весна 1948²⁰.

4

Ю. И. Лодыженскому²¹

<24.VII.1947>²²

Дорогой Юрий Ильич!

Я *очень прошу* Вас простить мне вопли моего раненого сердца у телефона...

Вы, по-видимому, не представляете себе, сколько *любви, патриотической скорби, сдержанного гнева* и сверх того — *долгого, терпеливого вынашивания и логической зрелости в аргументации* потребовалось для написания сего...

Помните Вы из логики, что такое «соррит»?²³ Это непрерывная цепь силлогизмов, в которой *все связано* в единство, умственная фаланга вроде римской когорты, которая *не терпит* ни разрывов, ни перерывов... Вынуть один аргумент, одну посылку, одно звено — значит разорвать всю цепь, прорвать фалангу, испортить бой. Месяцами зрело во мне сие; отстаивалось, шлифовалось, заострялось. Поистине — полный срок беременности. И наконец родилось в два трудных, переутомленных вечера (ибо я все время работал чрезмерно и переутомляюсь)...

Слишком длинно?!... Для кого? Для какого читателя? Для нелюбящего и не верующего?.. — Да неужели Вы не чувствуете, что эта трагическая тема *требует долгого дыхания* и трактуется фальшиво именно потому, что людям лень вдуматься и вчувствоваться? И неужели Вы не чув-

ствуєте, что сие написано *лаконично* — ни одного лишнего аргумента, ни одной пустой фразы... Одни стрелы. Одни удары. Этого нельзя сокращать, не вредя делу. Что написано — то написано...

Получив искаженный текст, я долго искал, *кто* разрушил мой соррит, мою фалангу, где все необходимо, где все горит, обличает, прокликает и бьет?!.. К.²⁴ закипел от возмущения, когда я его запросил; мы оба подозревали издателя и готовили ему громы. И вдруг я сегодня документально установил критикой текста, *кто* мне нанес эту несправедливость и эту рану.

А когда установил, то задохнулся и завопил. Завопил потому, что этого *никогда не случилось* бы, если бы не эта моя проклятая негритянская беззащитность, которая позволяет даже *не врагам* моим наносить мне такие удары...

Чтобы *простить* мой вопль (если он нуждается в прощении), надо *понять* его, именно что он не есть порождение ни грубости, ни каприза, ни самодурства, а естественная реакция на несправедливость и насилие...

Поймите же меня!

Как отнеслись бы Вы, если бы Вашему сыну Некто отрубил нос, потом сфотографировал бы безносого и разослал во все стороны, чтобы все увидели его таким и размножили его снимок в газетах!? А когда Вы спросили бы отрубителя, зачем он это сделал, то отрубитель ответил бы Вам, что «это было давно», что он не помнит, зачем он это сделал, кажется, нос показался ему «что-то слишком длинным» и что Вам нечего огорчаться, ибо благодаря безносой фотографии Ваш сын появился во всех газетах и все признали, что «такого» еще не видали??!!..

Вы сохранили бы душевное равновесие?

Что сказал бы композитор, написавший сонату, если бы кто-нибудь, в знак сочувствия, сократил бы ее по своему произволу, — она показалась ему слишком длинной, — вычеркнул бы из нее несколько тем и в таком виде без спроса у автора и без его согласия размножил бы?!.

Что сказал бы художник-живописец, если бы кто-нибудь, найдя его картину слишком большой, отрезал бы от нее кусок по своему усмотрению и в таком виде репродуцировал ее повсеместно?!.

Я ручаюсь Вам, что Вы ответили бы на все это протестом, который был бы более или менее бурным в зависимости от отношения к сыну, к сонате или картине. И еще в зависимости от скопившегося и наболевшего в душе *чувства бесправия и незащитности!*..

Я годами вынужденно молчу; и вот *раз* сказал, при условиях авторской незащитности. И почувствовал на шее петлю негласной и неожиданной цензуры, вдруг обнаружившейся в порядке *совершившегося факта*. И завопил. Да, авторской незащитности! Ибо не будь ее — все происшедшее было бы *совершенно исключенным*...

Если Вы во все это вчувствуетесь, то Вы скажете: «да, и я завопил бы!» И тогда Вы дадите мне требуемую мною амнистию за мой вопль...

5

Ю. И. Лодыженскому

<31.VII.1947>²⁵

Дорогой Юрий Ильич!

Внимательные друзья, читавшие первоначальный текст, запрашивают из других стран, зачем автор внес 1. про-католические, 2. про-германские и 3. про-советские поправки? или, как они выражаются — *смягчения*? После этого автор сверил тексты *подряд* и целиком и, увы, должен был признать, что все это *так и есть*...

Вы знаете, что у Вас с автором есть пункты серьезного религиозно-патриотического и международно-политического расхождения. Эти-то расхождения и выразились в содержании первых двух поправок. Помимо этого там обнаружился еще ряд *стилистических* изменений, как если бы гимназический учитель исправлял неопытное и неуклюжее гимназистиково упражнение...

Нельзя не спросить: откуда у Вас эта суверенная идея, что Вам присуще неприсущее Вам право менять написанный *не Вами* текст, редактировать то, что Вам не дано на редакцию и размножать в новом, нравящемся Вам виде?! Откуда это католическое цензурование, это право на имприматур²⁶?! Откуда это тоталитарно-фюрерское трактование свободных и независимых созданий человеческого духа?! Добро бы автор слыл умопомешанным, или неопытно-наивным болтуном... Что за опека? Что за

намыливание головы? Что за «смазь вселенская» — через всю рожу и мордой на затылок??!!

Второе издание? Да как же оно возможно? И как Вы можете настаивать (после этого): «пишите»? Если кто-нибудь сделал что, дабы привести автора к гневному молчанию и к полному отвращению от этого публицистического варева, где враги *не дают* писать, а друзья *искажают* написанное, — то это ВЫ...

Или, может быть, надо писать, стараясь не попасться преждевременно в руки «католическому фюреру»??

- - - ...Впрочем я не собираюсь больше ссориться по этому вопросу. И на сей раз к третьейскому суду друзей не обращусь. Есть более важное и неотложное на свете.

Благодарю Вас за последнюю документацию.

31/VII.1947.

6

Митрополиту Анастасию

<10.XI.1947>²⁷

Отправлено

Ваше высокопреосвященство, искренно чтимый и дорогой Владыко!

Тяжелое переутомление и последовавшая затем долгая «распряжка» задержали мой ответ на Ваше милостивое письмо, полученное мною в начале августа... Простите великодушно и не вмените в лень или в неучтивость. Благодарю Вас за призыв к сотрудничеству и за высылку Вашего ценного журнала. Я читаю его всегда с волнением и сочувствием, ибо разделяю его религиозно-церковную линию и примыкаю к его несочувствиям. Вижу издали, что *демагогически* «Феофиляне»²⁸ и «Иоанниты»²⁹ преуспевают; но думаю и исповедую, что правота не на их стороне и что «успех» их ведет к неуспеху Православия... Вижу у них хитросплетенную и неискреннюю «политику» и горюю об этом. И от «академии» их не жду блага.

Рад буду служить Вам и Владыке Серафиму³⁰. И вот в каком роде.

У меня есть готовая книга: «Поющее Сердце». Она посвящена не богословию, а тихому *философическому Бого-хвалению*. Так и называется в подзаголовке: «Книга

тихих созерцаний». Это есть *вторая часть* написанного мною за эти годы по-немецки «книжного триптиха». 1. «О человеческой жизни». 2. «Поющее Сердце». 3. «О грядущей культуре». Этим «триптихом» я пытаюсь заткать ткань *новой философии*: насквозь христианской по духу и стилю, но совершенно свободной от псевдо-философского отвлеченного пустословия. Здесь совсем нет и интеллигентского «богословствования» наподобие Бердяева-Булгакова-Карсавина³¹ и прочих дилетантствующих ересиархов... Это философия — простая, тихая, доступная каждому, рожденная главным органом Православного Христианства — *созерцающим сердцем*, но не подчеркивающая на каждом шагу своей «школы». *Евангельская совесть* — вот ее источник. Кто ее почувствует и примет, тот сам пойдет в Православие. Это, если угодно, — подготовительная проповедь «на паперти».

Первый и третий томы этого триптиха еще не рождены по-русски; а писание по-русски есть совсем новое «рождение в Духе». А второй том готов. Его переписывал мне на машинке Александр Ильич³², ныне благополучно отбивший в даль.

Что же касается календарей, то, если дело мною не упущено, я очень просил бы прислать мне образцы *нужного размера* (текст измеряется наверное *строками*) и *удачного стиля*, чтобы я мог верно уловить тон и все прочее.

Одновременно с этим высылаю Вам первую главу «Поющего Сердца», озаглавленную «Без любви» с подзаголовком «Из письма к сыну». Если Вам это подойдет и Вы решите поместить, то прошу поставить мою полную подпись: И. А. Ильин. Осмелюсь еще высказать просьбу: как в случае помещения, так и в случае отклонения — мне было бы очень дорого и важно получить назад присланный мною машинный оригинал рукописи, чтобы не разрознивать текст целой книги, переписываемой со столь большим трудом... Один Господь ведает, когда и где найдется издатель для нее, а хочется сохранить ее текст, с коим связано так много мысли, чувства и молитвенного вдохновения...

Да хранит Вас Господь, дорогой Владыка! Передайте, пожалуйста, мое духовное почтение Владыке Серафиму и всем Вашим верным сотрудникам.

Испрашивая Ваших святых молитв и Вашего архипастырского благословения,
остаюсь сердцем Ваш духосынове

И. А. Ильин.

1947.10 ноября.

<Приписка:> Prof. I. Ijin

Switzerland

Zollikon

Переутомление мое возникло из того, что надо и жить, и бороться с дьяволом, и творить свое, новое. Силы же мои я начинаю щадить только тогда, когда они исчерпаны...

7

А. В. Карташеву³³

<25.XI.1947>³⁴

Дорогой Антон Владимирович!

Хочется поделиться с Вами несколькими мыслями, — профанными, несвязными, иногда беспомощными, к чему прошу снисхождения. Знаю только, что пишу Вам потому, что «слышу» в Вас вдохновенную религиозную искренность и чистоту духа, наслаждаюсь ими и доверяю им до конца.

1. Нехорошо, когда новопоставленному христианскому епископу сан его, аки вино, вступает в голову, заглушает трезвение и смирение и превращает апологию видящейся ему предметной правды в шумливый, самоуверенный и обличительно-бранный наскок. Православная полемика должна быть любовною (о Нафанаиле³⁵).

2. Наивность имеет свое обаяние и даже прелесть — в существах, коим она подобает. Если к ней присоединяется претенциозность, то обаяние ее меркнет; а если еще и апломб, то от обаяния не остается и следа.

Если ребенок скажет: «душа наша во всем, кроме греха, подобна Богу, — то это прозвучит невинно и трогательно; но если произнесет Богослов (стр. 2), авторитет-

но и поучительно, то интерес к чтению его творений может исчезнуть. Как, хочется спросить, — и в памяти-забвении? и в психо-физиологическом параллелизме? и в жизни чувства? и во всем остальном... Следовало бы богослову прочесть что-нибудь по психологии! Или Бытия 1.26-27 предрешает этот вопрос боговдохновенно и навеки?

«Соборно-кафолично то, во что *вся* церковь, *всегда* и *повсюду* верила и верит»... (стр. 10, цитата из ...³⁶). Какой благоуханный букет наивных аналитических суждений!.. Что же эти «вся», «всегда» и «повсюду» произвольно антиципируются³⁷ каждым по своему усмотрению? Эмпирический объем этого всеобще-утвердительного суждения — безнадежно-неподтвердим! Вся — всегда — повсюду... Или, может быть, имеется в виду духовная-обязательность-универсальной-истины? Но тогда критерий не дан, а только постулирован... Эта наивность — не радует, а тревожит. Богослову — недостаточно веры, хотя бы и беззаветной; нужна культура разума и мысли...

3. Неужели вправду — кто сомневается в авторстве известного сочинения, тот низводит самое сочинение на уровень «фальшивки»? Значит: если «Гамлет» и «Макбет» написаны Бэконом, то драмы сии суть «фальшивки»?.. — Логика, мать! Ты жива еще или померкла?

4. Человек, утверждающий, что «в бессмертие души верит *каждый* религиозный человек, даже язычник» (стр. 6) — ... читал ли он что-нибудь по истории религии? Какого объема его религиозный опыт? — Конечно, оное³⁸ дело конфессиональное богословие, оное дело *общее образование*. Однако лучше совместить обе сии добродетели.

В тридцатых годах, в Берлине я имел столкновение с целой плеядой *протестантских священников* (были и лютеране, были и реформаты), утверждавших *единогласно*, что тело и душа человека «sterben gleichzeitig und zusammen»³⁹, и что душа по смерти тела *умирает вместе с ним*... «Она будет ре-кре-ирована⁴⁰ в день Страшного Суда; и в Св. Писании о бессмертии души нету-де ничего»...

5. Сколь опасно бывает распространительное толкование! «Ни одна йота, или ни одна черта»⁴¹...

Вот отведут раба Божия, несмотря на возраст и сан, в синагогу и подвергнут обрезанию, да еще взыщут за неисполнение сего на 8 день от рождения (Бытия 21.4. Левит 12.3): ибо сим нарушен «завет с Богом» (Бытия 17.10. Деяния 16.3.21.21-24). И возраст, скажут, безразличен, ибо Аврааму было тогда 99 лет (Бытия 17.23). А если сослаться на 1 Кор. 7.19 и Галат. 5.2 — тогда окажется, что «йота закона» нарушена Апостолом Павлом, на что ему и другие Апостолы тогда же указывали.

Да обрезанием — дело и не ограничится! Ах, эта «йота», извлекаемая тогда, когда надо зажмурить око разума, а в прочее время спокойно замалчиваемая! Как будто разум (Νοῦς⁴² — Василия Великого, Григория Богослова, Макария Египетского и многих других великих — т. е. *недро разумно созерцающего и молитвенно вдохновенного чистого сердца!*) — не от Бога, а от дьявола... О, средние века! О, буквенность!...

6. Существует устаревший в своей вдохновенной наивности метод цитации: эвристически-восторженный, буквенно-вырывающий, произвольно-обрывающий, в подлинный смысл плэротически не вникающий, априорно-свой-смысл-влагающий, ликующий, уста запечатывающий, несогласных обличающий, возражающих анафематствующий, трезвением скудный. Это — *прошлое*. Это — *не* от Бога, а от людей!

Если Исайи 7.14 — о Христе, то и 7.15 о Христе, и 7.16 о Христе! И «млеко и мед», и «доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе»... — Что же, спрошу, долго ли Сын Божий обучался этому разумению?! Не подходим ли к кошунству? И почему имя ему было *не* Еммануил?⁴³ Есть способ цитации, которым *все* можно «осветить» и «подтвердить»... И если не поймем этого, то не прав ли будет беспардонный Раблэ (Гаргантюа), издеваясь над нами?

Но, что же мне? Оле⁴⁴, гордыне моей, окаянной заносчивости, плотскому мудрованию! Ужели считаю соборно одобренную и канонизированную цитацию Евангелия — неудовлетворительной?! Вот она — *моя* «штур-

мовая лестница», ведущая меня к «позору» Богоотвержения...

Содрогаюсь. Но не каюсь. Господь мне судья.

7. Итак: историческое изучение Ветхого Завета есть «нападение» на Христианство, — безверие, безумие, плотское мудрование...

Однако признается, что грамматический и синтаксический (а след<овательно>, и стилистический) строй священных книг — все же *подлежит* историко-критическому и филологическому изучению.

Но грамм<атический> и синтакс<ический> строй есть *орудие смысла и риза содержания!* Так ведь обстоит уже и с вопросом о «бетула», «алма», «парфенос»⁴⁵...

Но синтаксис есть живой *ритм мысли*, т. е. главно-сказуемого, т. е. сэмэмы!⁴⁶ Как изучать сей ритм, не касясь сэмэмы, главно-сказуемого?

О, логика! О, филология! Бедная наука!

8. «Бого-словие» — есть слово неточное и неполное. Надо: «Бого-разумие», «Бого-мыслие». Λόγος! В начале — был Разум, а не «слово». Тут не поможет и ссылка на «Λόγος ἐνθетός»⁴⁷, ибо и сей Λόγος мог быть только у Разума.

Бого-разумие: νοῦς восходит к Νοῦς Господа.

Для этого надо верить не только в Νοῦς Божественный, но и в νοῦς человеческий! Ибо и сей последний призван «восходить к радости».

Но есть особого рода «богословие» — в νοῦς человека не верующее, ибо им не владеющее, — тотчас же протернирующееся и преждевременно лобызующее. Лобзанием же запечатываются уста и выключаются νοῦς. И тут же обличительно и вызывающе вопрошается: «не лобзашь?! безбожник! нападатель!»

Такое богословие проповедует и воспитывает религию без разума, не цельную, расщепляющую дух человека, ослабляющую веру — и, увы, подготовляющую восстание *рассудка*, плоскомысленной «реформации» и полунуки...

9. Авторитет найден! — Мережковский: *magister perversitatum, arbiter scandalorum, praeceptor peccatorum*⁴⁸, смеситель благочестия с нечестием, живописец духовблудия! Я его книгу «...Неизвестный» и прочесть не мог от отвращения!

Но архиеп. Феофан⁴⁹ ценил и выдвигал Григория Новых⁵⁰. А в Крыму в 1920 году он же культивировал параличную матушку-гадалку⁵¹, как пророчицу...

Тревожно все сие и огорчительно...

Я мечтаю для Православия об ином богословствовании.

Мало религиозно-мистического «чувства» — нужен катарсис подготовительный.

Мало сана и авторитетного тона — нужна духовная свобода и духовное созерцание.

Не надо довлеющей буквенности и цепляния за цитаты; а то выйдет Карл Барт⁵², сей труп реформаторства.

Дедуктивная апологетика — не путь к религиозной жизни и религиозному обновлению.

Лобызание традиций не живоносно само по себе: нужна *πλήρωμα*!⁵³

Забвение человечины в человеке и человеческом опасно!

Религия авторитета и послушания без автономной плэромы есть порыв не православный, а римско-католический...

Вот, что хотелось сказать Вам. Иногда спрашиваю себя, что скажут сии люди, когда выйдет моя ныне пишущаяся и наполовину готовая книга «Аксиомы религиозного опыта»? Я носил ее в себе, вынашивал 28 лет, считая с начала писания и всю жизнь *realiter*⁵⁴...

Душевно Вас обнимаю и очень хочу знать, будете ли Вы отвечать Вашему критику?

Правда ли, что склерон помог Павле Полиэвктовне⁵⁵?

Ваш И. А. И<льин>.

25/ХІ.1947.

8

Н. П. Рыбакову⁵⁶

Копия

<ноябрь 1947>⁵⁷

Рыбакову в Нью-Йорк

Многоуважаемый Николай Павлович!

Не сетуйте на меня за долгое неотвечание! Не мог. Всего не расскажешь. Но вот главное, что я прошу Вас

всегда иметь в виду, как только Ваш умственный взор будет обращаться ко мне.

Я переехал сюда в Швейцарию в июле 1938 года, после того как выяснил для себя окончательно, что готовится мировая война, в которой главной ставкой Германии будет — завоевание России. К этому времени как раз Гештапо запретила мне всякие выступления; кафедру же я потерял еще в 1934 году.

С тех пор я нахожусь в Швейцарии *без права оседлости и без права на труд*. Не сомневаюсь, что имел бы и то и другое, если бы примкнул к католикам или к масонам. Но я останусь до конца дней русским «мустангом», свободным патриотом, повинующимся только Богу и Совестью... Вопреки всему я *не голодаю*, — благодарю Вас за заботу! Порадовать меня Вы могли бы только, прислав гречневой крупы-ядрицы, она есть у Вас в Нью-Йорке.

И все же, — я должен зарабатывать на жизнь, *вести тактически очень трудную, но успешную борьбу за Россию и писать свои главные труды*, которые вынашивал в себе по всю жизнь. Это бывает все вместе *переутомительно*... Особенно тогда, если что-нибудь потребуется сверхспешное. Именно так и было в августе, когда пришло Ваше любезное письмо. В конце августа я просто *изнемог и свалился*. Работа была сделана, имела настоящий успех и принесла свою пользу. Но мне было приказано докторами — прекратить всякие занятия, чему и пришлось подчиниться... Распряжка длилась весь сентябрь, я не писал даже писем, а в конце сентября меня свернул на почве переутомления сильный грипп. Довольно, остальное не трудно понять.

Теперь о статьях для Вас. В силу моего негритянского бесправия я могу присылать Вам только *анонимное и псевдонимное*. Это я уже и делал. Вам не нужно знать, через кого, и не нужно знать, что именно. Часть из этого Вы напечатали, часть же нет. Это Ваше редакторское право. Мне обходимо только *Ваше честное слово*, что *Вы не будете разоблачать моего анонима или псевдонима*. Ни Мельникову⁵⁸, ни Абданк-Косовскому⁵⁹, ни кому другому *решительно не надо знать, пишу я или нет, и которая статья моя и которая нет*.

Поймите, ради Бога: мы переживаем время, когда *миру необходима во что бы то ни стало правда, честная, и крепкая бескомпромиссная правда*. И совсем не важно, кто именно ее произносит. Посмотрите: за личность господина Кравченки⁶⁰ (если такова в действительности его фамилия) я не дам ни гроша, а книга сослужила большую службу. Правда ныне говорит сама за себя.

Итак, я жду от Вас этого обещания. Тогда я смогу присылать Вам кое-что и за своей подписью. Это будет каждый раз особо оговорено.

Интересные же документы *неизвестных авторов (!!!)* я буду присылать Вам каждый раз, как буду иметь их. И опять: никому не надо знать, что такой-то документ я *прислал*. Вот и сейчас при сем посылаю Вам такой документ: *автор его ни мне, ни кому-либо из моих друзей решительно не известен; мы и не справляемся о нем*. Документ говорит сам за себя и предоставляется всем для перепечатания и распространения.

Теперь о моей книге. Это книга — *о России, для иностранцев*. Я написал ее *здесь*, в начале войны, прямо по-немецки, для швейцарцев. Первое издание вышло в 1942 году, второе — в 1944. Она уже переведена на английский язык очень хорошим стилем (переводила настоящая англичанка). Этот перевод находится в Нью-Йорке.

Книга озаглавлена «О сущности и своеобразии русской культуры». Вот ее содержание по частям и главам.

Часть первая: «Душа». Природа и климат. Темперамент. Свобода и гармоничность. Язык. Юмор. Естественность и достоинство. Характер. Сердце и совесть. Воля к совершенству. Импровизация. Ответственность. Первичные силы.

Часть вторая: «Вера». Своеобразие русского религиозного акта. Созерцающее сердце. Строение веры. Смирение в страдании. Религиозное очищение, трезвение в мистике. Вера и жизнь. Живые облики. Молитва. Церковно-славянский язык. Мироззрение спиритуализма. Дух и материя. Царство Божие.

Часть третья: «Ход русской истории». Народная душа и история. Русская история как трагедия. Историческая задача России. Россия как осажденная крепость. Сила

национальной выдержки. Историческое наследие. Последствия.

Приложение: Хронологическая таблица с указанием важнейших событий, тенденций и особенно предреволюционного состояния России, делавшего революцию ненужной, бессмысленной и антинациональной затеей.

Вот приблизительное содержание книги. Она *не polemизует* с большевизмом совсем. Она вообще посвящена *не большевизму* и не революции. Она посвящена — *России*. Она учит рассматривать Россию вне большевизма и коммунизма, как особую, великую и самостоятельную реальность, проводя резкую черту между *Россией* и *Советским государством*. Книга с виду — *вне политики*; это спокойный и научно обставленный *гимн России*.

Что же с нею делать?

Надо Вам сказать, что этим летом меня посетила некая дама из Нью-Йорка. Она назвалась Христина Павловна Кроткова. Адрес ее:⁶¹

Она посетила меня два раза. Беседа была очень оживленная и разносторонняя. Перед отъездом, около 15 июля, она предложила мне отыскать в Америке издателя для моей книги о России, и я дал ей с собой один из машинных списков текста. С тех пор я не имел о ней или от нее ни слуха ни духа, так что мне иногда кажется даже, что она мне приснилась. Между прочим она несколько раз горячо говорила мне о Вашей газете и Вас лично как о мужественном и волевом русском националисте.

Если бы Вы мне сказали, что Ваша забота об издании этой книги обещает успех, то я был бы готов дать Вам полномочное письмо к ней о передаче машинописи в Ваши руки. Думается мне только, что, может быть, было бы целесообразнее издать ее в каком-нибудь нерусском издательстве, чтобы снять с нее всякую нарочитость и тенденцию. Но это должно было бы быть Вам виднее.

Посылаю это письмо авионом, а обещанный документ — заказным, ибо пересылка авионом обошлась бы невозможно дорого.

Вот и все пока. Еще раз благодарю Вас за милое письмо и жду дальнейших известий от Вас.

*Мельникову*⁶²<16.XII.1947>⁶³

Господа Издатели!

Автор доверил свой зрело и всесторонне обдуманый труд⁶⁴ — литературной чести и такту русской патриотической эмиграции. Все другие издательства в других странах поняли это и соблюли его требования: они знают и признают, что «редактировать», т. е. *искажать* автентический текст, выработанный ответственным ученым, есть дело бестактное, противное академической чести и литературной свободе.

Здесь же автор нашел автентический текст своего труда — искаженным и обезображенным, нередко прямо обесмысленным, со внесенными под его руку (ибо нигде конкретно не оговоренными!) всевозможными, *исторически искажающими* и *для него неприемлемыми*, — именными, фактическими, стилистическими и просто малограмотными («берутся», «искусфо», «тирандию»⁶⁵, «компрометируют»...) изменениями, сокращениями и произвольными дополнениями. Целые аргументы угасти, целые тезисы исчезли, целые идеи выброшены, целые исторические линии обесмыслены. *Кто вы такие*, что позволили себе это неуважение к автору и эту грубую малокультурность?!

Автор *никому не поручал и не доверял* редактировать свой труд, и издатели не имели ни малейшего права поступать так, как они поступили. Никогда еще ни один издатель и ни один редактор ни в одной стране не позволил себе такого обхождения с текстом этого автора.

Этот искаженный и обезображенный текст — *дезавуирован* автором и возвращается с негодованием. На всякое дальнейшее *размножение* этого текста, на *распространение* его, на *печатание* его, на *переводы* с него — автор *накладывает свое категорическое вето*. Все это может происходить *только против его воли и согласия, с нарушением всех его прав и элементарных правил литературной этики*.

Личное творчество, личное авторство, личная ответственность ученого за свой автентический текст — составляют *естественное и неотъемлемое право человека*,

попираемое правыми и левыми тоталитаристами, но защищаемое *свободными* и ныне в особенности *русскими* людьми *ценою жизни*. В этой борьбе *Господь с нами*, а не с вами. И не для того боролись и боремся мы тридцать лет с тоталитаристами всех направлений, чтобы заводить и терпеть тоталитарно-цензурные нравы в своей среде!..

Автор.

<Приписка:> 16/XII-1947.

10

Н. З. Рыбинскому

<без даты>⁶⁶

Многоуважаемый Николай Захарович!

Я получил от Вас ротаторный текст моего труда, прочел его, сверил с подлинником и считаю необходимым высказать Вам следующее.

Передавая текст моего труда на свободное публичное размножение, я поставил во введении к нему определенные условия, доверяя чувству чести и такту русской патриотической эмиграции: *неприкосновенность моего текста и соблюдение старой орфографии*. При соблюдении этих требований я дал каждому желающему право безвозмездно издавать мой труд; *издавать, а не редактировать и не исправлять; мой труд, а не произвольное искажение моего труда и не подделку под него*. Могу Вас уведомить, что другие издатели приняли эти условия и соблюли их: первый же выпуск в двести экземпляров был безукоризнен.

Но те, коим Вы передали мой автентический текст (имена их мне неизвестны), воспользовались моим формально бесправным и беззащитным положением, произвольно присвоили себе редакторские права, которых я никогда не признавал за ними, сократили его, исказили его, дополнили его всевозможной отсебятиной, вычеркнули то, что им не нравилось, включили в него целый ряд исторически безответственных утверждений, подвергли его безобразным стилистическим изменениям и издали его по новой орфографии, которую они тоже не сумели соблюсти и в конце концов выпустили *просто малограмотный текст*. А чтобы скрыть от читателей *свою*

нелояльность по отношению к автору, они сократили и исказили также и самый текст предисловия.

Я не просил этих господ размножить мой труд. Его уже размножают помимо них в разных странах и переводят на разные языки. Им заинтересовались уже и иностранцы. Если мой труд не удовлетворял этих господ, если текст его не соответствовал их взглядам, если они не сумели понять его национального и дипломатического замысла, то *они могли спокойно не издавать его*, но исказить его, вносить в него *под мою руку* вкривь и вкось всевозможные, неприемлемые для меня и исторически неверные — именные, фактические и стилистические — «поправки», выбрасывать из него по своему усмотрению целые аргументы, тезисы или фразы, *они не имели никакого права*, ни литературного, ни научного, ни морального.

Документ этот обдумывался давно, вынашивался долго; он продуман тщательно во всех деталях и выражениях и не приемлет никаких «поправок» и сокращений. Он имеет свой *автентический* текст, в котором автор отвечает научно и патриотически за каждое слово, за каждое имя, за каждую цифру, за каждый аргумент. Этот автентический текст *уже опубликован* другими издателями и однажды автор будет иметь возможность поставить под ним свою полную подпись. Те же, кто ныне безответственно и произвольно искажают его, — проявляют грубое неуважение к автору, попирают все русские национальные традиции научной и литературной этики, присваивают себе права тоталитарной цензуры и создают в результате *грубую подделку*, которую они *сами* не смеют подписать (ибо они только исказили автентический текст), и которую автор открыто дезавуирует как фальсификацию.

При этом они называют автора «крупным ученым», а сами обходятся с его трудом, с его текстом, с его познаниями, воззрениями и мыслями, как *тоталитарные цензора* с сочинениями подвластных им писателей, или как *провинциальные редактора с кропанием начинающих мальчиков*. За долгую литературную жизнь автора ни один издатель и ни один редактор не смел накладывать подобным образом

свою руку на его сочинения. Развязность поистине неслыханная. Апломб<,> единственный в своем роде.

Кто же они сами, — эти сверхкрупные сверхчуждые, что позволяют себе подобное?

И какая же научная и политическая цена внесенным им искажениям?

Они не соблюли и новую орфографию и издали просто малограмотный текст.

Вместо *стремится* (3 л<ицо> ед<инственного> ч<исла>) они пишут то и дело *стремиться*<,>

берутся — берутся<,>

тиранию — тиранию<,>

компрометировать — компроментировать<,>

искусно — искусно<,>

ни — не<.>

Вот их *стилистические* искажения.

У меня: неповинное имя России клянут на стогнах всего мира.

У них: ... в плену на стогнах (бессм<ыслица>)<.>

У меня «обдуманно и или начато»<.>

У них «подготовлено и не начато» (бессм<ыслица>)<.>

У меня — по самому своему существу<.>

У них — по своему самому существу<.>

Этого требуют — *Это* требуют<,>

обладая свободой — Свободы<,>

погибающими — погибающих<.>

И какая же научная и политическая цена внесенным им искажениям? Вот несколько примеров.

1) Стр. 15. У меня: Случай с Сухомлиновым⁶⁷ был сканд<альным> искл<ючением>.

У них: <Случай с Сухомлиновым был> единств<енным> исключением>.

Это историческая неправда!

2) Стр. 15. «Судебные подкупы были неслыханны»<.>

«Служебные <подкупы были неслыханны>»<.>

Это историческая неправда!

3) Николай I не освобождал крестьян — это историческая неправда.

4) Вм<есто> Миних — Елисавета — историч<еская> неправда.

Мои политические и дипломатические аргументы исключены или искажены ими — на стр. 10 (пропуск в 28 строк).

4а) Вздор о скудении Центра в пользу колоний.

5) Вздор о почте на стр. 19 — историч<еская> неправда.

Почта не шла 7 дней из Якутска.

6) Россия провоевала — 2/3, а не 2/8 своей жизни — вздор.

7) У меня — крест<ьянские> общины<, > они исправили — христианские общины<, > (вздор)<.>

8) На стр. 24 — пропущено без смысла 4 строки — весь абзац убит<.>

9) У меня: здоровое чувство ранга<, >

они исправили — «<чувство> иерархии ценностей»

(вздор — большая историческая мысль убита)<.>

11

*Н. П. Полторацкому*⁶⁸

<11. II. 1948>⁶⁹

Многоуважаемый Николай Петрович,

Благодарю Вас за письмо от 14 янв<аря>. Конечно, сделаю, что могу. По Вашим вопросам «РОВС» надо поддерживать до конца. «НТС»⁷⁰ переродился: «солидаристы» дышат *другим* духом. Это конгломерат, которому предстоит дальнейшая дифференциация, вопреки всем их попыткам сковать свои ряды чуть не клятвенно. Их не следует ни разваливать, ни губить: они сектор единого фронта. А критиковать (убедительно, разительно, но не озлобляюще!) необходимо. Рус<ское> Освободительное Движение⁷¹ родилось в ущемлении, из трагедии, из отчаяния: оно вынуждено было лгать, демагогировать, страховаться. Я еще не вижу его *свободного* лица. Ибо если оно канонизирует свои ущемленные лозунги, то это будет величайшая ошибка и нелепость: смесь из нацизма и эсерства, подъяремной негативности и неизжитой революционности. Такой политический компост неизбежно разложится и не имеет шан-

сов: это брожение отчаяния, а не политическая идея и не политическая партия. — Создавать новое «движение»... *Кто может? В какой среде? Вот ВМС⁷² начали. Но разве это новое? Кто у них столь творчески-силен, чтобы непартийно возродить священную национальную традицию? Туркула⁷³ совсем не знаю: ни его, ни его союза, ни его планов.*

Вашу брошюру о солидаристах имею и читал⁷⁴. В пунктах 3.5.6.7.9.10.11.12.13.14. — Вы правы. Но критика Ваша, к сожалению, полемически заострена и не педагогична. Они «возмущены» и «обижены». Краткость тезисов заставляет Вас больше провозглашать, чем доказывать. Кто *это уже* видит, — тот говорит: «да, правильно, метко, разительно», кто *не* видит, тому *не* становится виднее. Последняя страница Вашей брошюры *не* принципиальна, а конъюнктурна: то, чем Вы им грозите, — *вероятно*, м<ожет> б<ыть>, даже неизбежно, но государственно ли? но спасительно ли? но принципиально приемлемо ли?

— О Вашей диссертации⁷⁵. Я никогда не дал бы никому такую тему и не взял бы ее сам. 1. Учиться надо на благе, а не на зле, на глубоком, а не на пошлом. 2. Б<ердяев> во *всем* и *всегда* был безответственный невежда, верхогляд, симулянт и болтун. Ни в философии, ни в религии, ни в истории, ни в философии истории — он никогда не мог сказать *ничего предметного*. Самое трактование его безответственно. Самая манера его ставить вопросы — философски нецензурна. *Его надо не читать*: ибо чтение его незаметно развращает, как развратило на моих глазах Шубарта (главы о России), сменовеховцев, революционеров, младороссов⁷⁶ и солидаристов. 3. Чтобы писать о философии истории, надо а. быть историком-ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ, не раз уходившим с головой в колодцы исторических единичностей, б. знать всю остальную мировую историю *по источникам*, с. воспитать в себе самостоятельный философский акт с предметной интенцией и крепкой ответственностью. Ничего этого он не имеет и никогда не имел. Он полуинтеллигент с претензией пророка, без сердца, без ответственности, с психозом paradoxalis⁷⁷. Зачем Вы взялись за него!?!?

Очень хотел бы иметь Ваши послевоенные брошюры⁷⁸, обе! Пришлю, что могу. Но том о Гегеле — прислать не могу. *Авторская* цена его 21 фр., рыночная 34 фр. Крепко жму руку. Жду письма от Ник. Ал.⁷⁹

<Рукописная приписка:> Полторацкому. В Марокко.
11/ февр. 1948.

12

Н. Н. <1.III.1948>⁸⁰

Многоуважаемый Николай Николаевич!

Об Уретане⁸¹ все подтвердилось, нужен порошок, обхождение с ним известно врачу, он помогает. Сегодня он высылается в Ваш адрес заказным.

Вы, конечно, понимаете, что Ваши последние воззвания не оставляют *ни малейшего места для какого бы то ни было* разномыслия, инакомыслия или вообще для людей, готовых объединяться *без утраты собственного политического воззрения или убеждения*. Я все время сомневался, удастся ли у нас необходимая и драгоценная *коалиция честных людей, по правилу: «вместе бить, врозь идти»*. Зная настроения широких кругов, думаю, что теперь утрачена всякая надежда на это. А из этого надо делать практические выводы.

1/III 1948.

13

Н. П. Полторацкому <27.III.1948>⁸²
27/III 1948

Многоуважаемый Николай Петрович!

Благодарю Вас за письмо от 18 февраля. Задержал ответ потому, что был напор «катастрофических» писем. Иду по Вашим пунктам.

1. Объединение и политизация старого и нового кадра — неизбежны и необходимы. Но какая платформа? Ведь есть политические платформы — нелепые, вредные, губительные... И какие вожди? Не стоит объединяться под политически-бестактными людьми, беспринципными перелетами, честолюбцами, неопытными в политике, делающими одни ошибки и подготавливающими новый,

правый тоталитаризм... Это была бы подготовка нового большевизма.

2. 18-й пункт Ваших тезисов не упомянут мною потому, что в вопросах свободы и собственности голая критика (хотя бы и верная!) не звучит и не весит. Весят только положительные предложения. У нас за рубежом сейчас много декламируют и провозглашают; вглубь не смотрят и не видят; прошлого не изучают; и вследствие этого *идут мимо основных проблем, так, как если бы их вовсе и не было*. Устно рассказал бы это подробнее. Много раз говорил об этом солидаристам: не понимают и так как они люди самомнительные и рекламеры, — то только обижаются...

3. Бердяев тем временем отозван в вечность (радио уже оплакало своего «брата»...). Вопрос Ваш — о дальнейших «занятиях» его писаниями — прямо пугающий. Вы что же собираетесь наподобие Зандера⁸³, объявленного «главным Булгаковогностом», — стать первым «Бердяевологом»? Кто же будет величайшим «Лосскофилологом»? Кто — единственным «Вячеславо-Иваново-Апологетом»? Доколе же нам носиться с этими пациентами из заразной клиники?

Ради Бога, освобождайте скорее Вашу жизнь от этого! Если Вы начали по месту Вашего прежнего жительства соответствующую диссертацию, то дописывайте ее скорее. Если нет, — то выпускайте критическую брошюру<,> и конец. Есть книги, на которые вообще не следует обращать внимания. Всякое эхо служит голосу: а этому голосу служить вредно и перед Россией грешно. В. В. Розанов, Бердяев, Булгаков, Вячеслав Иванов, Блок, Белый и еще кое-кто — это все духовный большевизм, сложившийся до политического большевизма и готовивший его; по духу Распутин — ихний...

Я просматривал «Русскую идею»⁸⁴ Бердяева: старческое безмыслие о чужих искаженных мыслях. Крепкое и убедительное рецензионное «Нет!» — было бы очень полезно.

3. <'>. Нет, история России куда поучительнее, чем история большевистской власти! Знаете, где одно из самых слабых мест у солидаристов? Они доктринерски

взывают к «органическому пониманию», а сами не подозревают, в чем же собственно оно состоит. И главное, не имеют ни малейшего отношения к *священному и драгоценному организму России!* Ни сведений, ни исторического созерцания, ни понимания ее целей и судеб, ни постижения *своеобразия ее творческого акта*, ничего! Поэтому они не понимают также ни ее соблазнов, ни ее опасностей. И программа их — отвлеченное доктринерство, подсказанное им из масонских лож, искони ненавидевших Россию!

Они думают, что если Роман Редлих⁸⁵ даст им очередную сводку и они ее просмотрят, то они знатоки.

4. «Новости» поместили недавно (13.III.1948) ниже следующее. Вырезаю и прилагаю.

5. Где писать? Мне — негде.

Писать можно только там, где сотрудник знает *редактора*, ценит его силу суждения, доверяет его литературной корректности и его политическому такту, его политическому опыту... И верит в его политический хребет. Скажите же, какая у человека сила суждения, если он, поверив легкомысленному информатору, упорно зовет всех конспиративно договариваться с НКВД?!

6. С. П. М<ельгунов> — честный и храбрый человек, я знаю его со студенческой скамьи. Редакция его (крайне пестрая!) за это время распалась и он жалуется на отсутствие сотрудников. Когда он говорит «нет» — то он верен и очень полезен. Но в «да», — он, к сожалению, ничего не забыл и ничему не научился: *верует налево!* То же самое относится и к Николаевскому⁸⁶. Князя Оболенского⁸⁷ совсем не знаю, его воззрения мне неизвестны.

А мое убеждение в том состоит, что теперь надо говорить как можно глубже, жизненнее и общеприемлее — *идеологическое и политическое «ДА»*.

7. За литературу, полученную Вами, и за ту, которая еще придет, — никаких «компенсаций»! Забудьте это.

8. «Вторую Мировую войну» прочел. Очень полезный справочник, к сожалению, недоведенный до конца. Почему Вы умолчали о массовых сдачах в плен красноармейских частей? Почему нет ни слова об истреблении

евреев? Миколайчик⁸⁸ только что окончательно установил, что Катынь⁸⁹ — была советским делом, в чем я никогда не сомневался. Роспуск Коминтерна был фиктивный, об этом следовало упомянуть. Великие ошибки Рузвельта и Черчилля не освещены. Стратегический анализ восточно-русской войны меня не удовлетворил. Знаете ли Вы, что Игорь Сикорский вместе с Линдбергом⁹⁰ упорно стоял за изоляционизм⁹¹?

8. Орфография.

Новая орфография нарушает основные законы языка и культуры. Она предаёт и попирает естество русскости и снижает уровень русской культуры.

Надо различать: *фонему* (словесный звук), *морфему* (словесную форму, строение слов, их грамматическую видоизменяемость, выразительную лепкость), и *семему* (от «семайно» — обозначаю, т. е. означиваемый словом *смысл*, сигнализируемое словом содержание, ради чего все говорится и пишется). Как четвертое к этому присоединяется *грамма*, т. е. запись, которая должна верно соответствовать семеме.

Понятно, что всем должна править семема: ибо *она* составляет ткань духовной культуры, средство национального объединения, жизнь человеческую. Язык есть знак из души в душу, от человеческого духа к другим духам того же народа. *Весь язык ищет для семемы — выразительного знака, точной передачи, верно восприятия.*

Так вот основной закон языка и его развития:

достигнутая всенародными тысячелетними усилиями дифференцированность семемы — должна находить верное отображение в дифференциации фонемы, морфемы и граммы.

Этот основной закон национального духа, культуры и языка — совершенно погран новой орфографией. Формальная филология, распространившаяся вместе с формализацией всей культуры, забыла его и пренебрегла им, кланяясь пустой фонеме и демагогическому упростичеству. И нужна вся малообразованность Николаевского, чтобы издеваться над нами, отстаивающими старую орфографию.

Недостаточно дифференцированная фонема даст во-рох *омонимов*. Чем же спасается французский язык от своих омонимов? Усиленной дифференциацией орфографии. Попробуйте во Франции отменить ее!...

Недостаточно дифференцированная морфема начнет спасаться введением членов (ле, ла, лэ и т. д.).

Русский язык имеет сравнительно немного омонимов и очень удачно дифференцировал их орфографически: миръ и мир; вѣдѣние и ведение; ѣли и ели и еле; осѣлъ и осель; бѣсъ и безъ; смѣло и смело; и еще кое-что.

Зачем это гасить? Для усиления бессмыслицы и смуты?

Русский язык с его дивной морфологической лепкостью и гибкостью (нет членов, отнимающих, напр<и-мер>, в стихах до 15 и 20 процентов в поэтической строчке; отсюда эта царственная лаконичность русского стиха, непередаваемая на западных языках; в русском языке — слова сами «склоняются»...) — прекрасно нашел орфографическую дифференциацию для падежей, родов, чисел. Зачем гасить этот высокий уровень языка? Для какой бессмыслицы?

Ведь целые дивные стихотворения, глубокие проблемы духа, превосходные темы и книги — *обесмыслены этим упростиельством*: что значит — *мировая скорбь, мировой судья, мироварение, миропрятие, мироотвержение*? «На мир таинственных духов»? «Нѣкогда» — однажды; «некогда» — нет времени. «Вѣдомость» — справочная тетрадь, «ведомость» — когда тебя ведут. «Повести» не то же, что «повѣсти». Новая орфография портит и фонему (осмысливающее акцентуирование слов). У Гоголя «небо становилось синее и синее» вместо «синѣе и синѣе». Что значит «душа вознеслась горе»? Картина Айвазовского — «на море» — куда? на морѣ — где?

И так без конца. Зачем? «Народу легче»? Неправда, народу легче разобраться в смысле при дифференцированной граммe! А писать — все равно будем мы, интеллигенция, а не народ... — И все это есть только *начало* нашей аргументации против новой орфографии!...

До свиданья. Крепко жму руку.

27. III. 1948.

<Приписка:> в Марокко.

14

А. П. Филиппову⁹²

<25.IV.1948>⁹³

Профессору А. Филиппову
Многоуважаемый Коллега!

Разрешите мне при сем препроводить Вам мою статью для сборника, организуемого Епископским Советом в честь всеми нами чтимого Высокопреосвященного Владыки Митрополита Анастасия.

Надеюсь, что статья подойдет и будет одобрена редакционным комитетом. В случае, если бы встретились какие-либо препятствия и понадобились изменения или сокращения, я покорнейше прошу вернуть мне статью. Во всяком случае ни на какие заочные сокращения или изменения я заранее не соглашаюсь. Наше время в высшей степени ответственное, статья моя есть глава из книги⁹⁴, уже напечатанной по-немецки и имеющей выйти и по-русски, текст продуман мною всесторонне; органически связан с остальной книгой и изменений не принимает.

Желаю Вам полного успеха в Вашем благом начинании и остаюсь с полным уважением

1948. Апр<еля> 25.

И. А. Ильин.

<Приписка:> Не зная Вашего адреса, посылаю на адрес самого Владыки.

15

А. П. Филиппову

<11.V.1948>⁹⁵

Господину Профессору А. П. Филиппову

Получив от Вас в конце февраля предложение дать статью в сборнике Епископского Совета в честь Владыки Митрополита Анастасия, я должен был признать, что Вы не сообщили мне — ни адреса для присылки статьи, ни желательного окончательного размера, ни срока для таковой присылки. Надеюсь, что Вы заметите Ваше организационное упущение, делавшее все предложение *просто не осуществимым*, я прождал достаточно долго и, так как желание мое выразить Владыке мое глубочайшее уважение было слишком сильным, то я решил по написании статьи утру-

дить самого Владыку передачей моей статьи в редакцию, что и сделал — 25 апреля сего 1948 года заказным письмом. К статье приложено было и личное письмо к Вам.

Ныне, получив от Вас циркулярное письмо, должествующее поставить мне на вид мое промедление или упущение, уведомляю Вас, что промедление произошло из-за Вашего организационного упущения и что Вам надлежит обратиться к самому Владыке с просьбою о выдаче Вам моей рукописи.

Сим еще раз подтверждаю мои условия: если редакция признает необходимым менять что бы то ни было в моей рукописи, — сокращать или как-нибудь иначе менять ее текст, то я покорнейше прошу редакцию уведомить меня об этом и вернуть мне рукопись. Ни на какие изменения ее я *заранее не согласен*.

И. А. Ильин.

<Подпись Ильина и его рукою добавлено:>

11.V.1948.

Мой адрес (in extenso⁹⁶)

16

*Е. Г. Габричевскому*⁹⁷

<12.VI.1948>⁹⁸

1948/VI/12

Из Письма к Евгению Габричевскому

То, что Вы в письме обозначаете словом «Ничто» — совсем не есть ничто, а подлиннейшая и интенсивнейшая реальность, то, что Гераклит называл πῦρ, т. е. огонь, а Филолай — Ἡστίᾱ мировое огнилище, источник света, тепла, разума, закона и порядка. Греки не знали еще только главного, что это есть *источник любви*. Вы называете его «Ничто» потому, что в душевные органы Вашего воспринимающего духа *не включена любовь*. Как только она включится, Вы назовете Его — *Все*.

Вы подошли и уже вступили на последнюю ступень перед любовью. Аристотель говорил: познание начинается с удивления. Следующая стадия *восторг*. Следующая (естественная и неизбежная!) — *любовь*. У Dennert'a⁹⁹ Вы найдете в живых словах гениальных естествоведов — эту лестницу: *удивление — восторженный трепет — любовь*.

Есть великая тайна мирового бытия: посылающий Богу любовь — получает ответ *Его* — Любовью и становится блажен. Но это надо самому испытать: и притом — не преувеличивать (настоящее Величие в этом не нуждается!), не предвосхищать (Само придет!), не вульгаризировать и не экстазировать ни *свою* любовь, ни Его Любовь. Критерий верности: наступает состояние Гармонии, Покоя и претрепетной благодарности. Напряжения и перенапряжения кончаются. Чувство незаслуженного счастья. Потусторонняя жизнь начинает переживаться как *возврат домой*, в лоно *Отчее* и как *величайшая несомненность*. Любовь дает Очевидность. Очевидность дает Единение с Ним. Единение дает блаженство.

Секрет в том, что материя есть модус Энергии, Энергия же по существу есть Дух, а Дух есть сразу Любовь-Разум-Свет-Гармония-Блаженство.

17

*Епископу Леонтию Женевскому*¹⁰⁰ <14.VII.1948>¹⁰¹

Копия

Высокочтимый и дорогой Отец Леонтий!

К моему великому сожалению мне не удалось справиться с теми трудностями, о коих я писал Вам на Пасхе, и я пришел к решению не продолжать в этом году епископского сбора, который мы проводили в прошлом 1947/1948 году. Испрашивая Вашего пастырского снисхождения, благословения и молитв, остаюсь Ваш о духе

И. А. Ильин.

14 июля 1948.

18

Ю. И. Лодыженскому <август 1948>¹⁰²

Дорогой Юрий Ильич!

Благодарю Вас за полученное мною сегодня негодующее письмо... Оно дало мне почувствовать, что *мое негодование* наконец-то дошло до Вас; что Вы почувствовали, насколько случившееся не есть простое и легкое «недоразумение», а некое принципиальное разнозрение в вопросах свободы слова и совести, в вопросах патриотически-церковно-

политических. У меня теперь нет больше сознания, что право свободного суждения багателлизируется¹⁰³.

Теперь критическое рассмотрение текста произведено в сравнительном порядке исчерпывающе. Это было возможно в виду наличности *всех* текстов: 1. Первоначального, 2. женевского, 3. нью-йоркского, 4. парижского и 5. второго нью-йоркского. Вот итоги, касающиеся спорного *женевского*.

Женевский текст составлялся не по нью-йоркскому, а по первоначальному: об этом свидетельствуют *разрядки* в тексте (подчеркнутое), сохранившиеся в женевском и не воспроизведенные в нью-йоркском.

Женевский текст внес следующие новшества по сравнению с первоначальным.

1. В главе третьей, абзац седьмой — выброшено слово «вековечной». Вместо: «чтобы в *вековечной* борьбе с католиками» — «чтобы в борьбе с католиками».

Эту поправку я считаю ограждающею *не интерес Православной Церкви*, которая никогда не забудет, что в ее истории и в истории России не было *ни одного мига*, когда от католицизма не шла бы волна вредительства и губительной интриги (даже при княжне Таракановой работали католики, даже с Пугачевым они сносились, даже с большевиками дважды искали конкордата¹⁰⁴)... а *интерес* католичества (именно: замолчать все эти собственные интриги, заманивая русских ныне на фальшивый «восточный обряд»¹⁰⁵).

2. В главе пятой выпущены десять абзацев, начиная со слов: «хотя направлялась она не столько против православной церкви, сколько против России и русского народа» (и дальше все подряд).

Эту поправку я считаю искажающею истинное положение дел, замалчивающею великий и претрудный вопрос советской лжи, уклоняющейся от безоговорочного и недвусмысленного обличения большевизма, и главное — она *нарушает данное во вступлении религиозное обязательство говорить всю правду и не лгать даже замалчиванием*. От этой «поправки» у автора неизбежно должно было сложиться и пожизненно остаться *чувство его соучастия во лжи* и собственного непоправимого малодушия. Посему никак нельзя

удивляться, что он считает эту поправку служащей отнюдь не интересам России и Православия.

3. В главе шестой, абзац четвертый — выброшены слова: «доселе столь характерная для властолюбивого католичества».

Эту поправку я считаю замалчивающей не только великий *исторический факт*, но и великое *религиозное расхождение* между православием и католичеством, которое лежит в основе полной и непоправимой неприемлемости — (ныне как и всегда) подготовляемой «унии». Мало того: под влиянием большевизма советская «церковь» *заболевает католическим властолюбием* и об этом было *совершенно необходимо и неотложно громко сказать*. Посему эта поправка оберегла интересы католичества и не соблюла интересов Православия.

4. Весь опускул получил в женевской редакции *новую подпись*, против которой имеются прямые протесты людей, реальные инициалы которых дают основание для поступающих к ним запросов.

При полной сверке никаких «германофильских» исправлений в *женевской* редакции не оказалось. Но в *парижской* редакции они имеются. К.¹⁰⁶ никак не мог их сделать. По-видимому, это дело рук г. С.¹⁰⁷

Я совсем не думаю и никогда не мог думать ни о каком Вашем «советофильстве»: это было бы не только несправедливо и возмутительно, но и просто парадоксально до глупости. Однако поправка *вторая* решительно не соблюдает ни интересов России и Православия, ни доверия к автору, ни же его достоинства.

Я нисколько не намерен ссориться с Вами или порывать отношений. Я считаю принципиально правильным, чтобы люди откровенно и прямейше, хотя бы и гневно, говорили друг с другом *по существу*, доказывая друг другу тем, что конвенциональности не погасили в них ни прямоты, ни искренности, ни предметного правдолюбия.

И потому я нисколько не обижен Вашими обратными «комплиментами».

Ю. И. Лодыженскому

<без даты>¹⁰⁸

Дорогой Юрий Ильич!

Благодарю Вас за самообразовательный присыл! Читал. Имею некоторые поправки к «бютюленю».

1. Нумерация меня беспокоит. Чего-то не хватает... Они ставят: «3-4 (6 — 7)»

Я предложил бы: 3 — 4 (6 — 7): 17/21; 1001 — 666.

2. *Название.*

У чехов по-чешски есть поговорка: «стрч прст скрз крк», что означает «проткни палец сквозь глотку». Предлагаю назвать сей союз иным междометием, а именно: на выбор —

или РКПУПСР

или ДРБЗГЛЯП

или просто ШИШТО .

3. Ю. Мейера¹⁰⁹ прошу написать статью «ДЫХАНИЕ ВАЖНО!» с доказательствами того, что после двухнедельной работы великого союза ШИШТО — «мировое общественное мнение начинает признавать это великое ШИШТИНО открытие»

4. Михайловского¹¹⁰ прошу написать о создании мощного африканского антикоммунистического блока, инициативу коего взяли на себя бушмены и ботокуды...

5. Мельникову¹¹¹ надо написать статью «смотри политических винегретов, навинегреченных самовыдумкой».

Откуда этот уже известный мне идиот взял, что в бюллетенях РОВСа — «В равной мере отвергается буржуазный строй»?!!?

Это он вероятно узнал через тот «ПЛЕБЕСЦИТ», о коем он несколько раз упоминает. Подражая ему, надо будет писать впредь «ДЕРЬМОКРАТИЯ», «РЕЗПУБЛИКА», «ПРОВУЛЕГАЦИЯ», «ПЕДЕРАЦИЯ» и т. п.

Серьезно говоря: жутко от этого безмыслия, пустословия, невежества и апломба...

Если таковы литературные «сливки» антикоммунистической эмиграции, то не явно ли, что надо как можно скорее вводить в России демократию, из коей выйдет «ДЕРЬМОКРАТИЯ», республику, из коей выйдет в крат-

чайшее время «РЕЗПУБЛИКА» и федерацию, которая тотчас же превратится в «ПЕДЕРАЦИЮ»...

Итак еще раз благодарю Вас за семообразование!¹¹²

20

«Обще-Российскому Монархическому Объединению»

<без даты>¹¹³

Не отправлено

«Обще-Российскому Монархическому Объединению»
Милостивые Государи!

С чувством великого возмущения просмотрел я тот произвольно вами искаженный и сокращенный текст, который Вы опубликовали под заглавием «The Soviet Union is not Russia»¹¹⁴. Здесь *все* неудачно, все нарушает законы литературной корректности, все вредно.

1. Возмутительно искажено предисловие.
2. Безобразно сокращена аргументация.
3. Неудобочитаемый петит, которым набрана брошюра, губит всякую охоту читать ее.
4. Партийная марка, ставить которую Вы не имели права без моего согласия, ограничивает круг американцев, склонных прочесть это произведение.

Всем этим вы попрали оказанное вам доверие, навредили русскому делу и компрометировали себя.

Проф. И. А. Ильин.

21

В. Н. Ильину

<1.IX.1948>¹¹⁵

Многоуважаемый Владимир Николаевич!

Душевно благодарю Вас за Ваше любезное письмо. К сожалению, мне переслали его с очень большой задержкой, и я не мог ответить Вам на него раньше.

Если время еще не ушло и мой ответ имеет практический смысл, то я очень прошу Вас указать мне точно, какого объема должен быть тот текст «обо мне самом», который Вы желали бы иметь? От объема зависит в сущности и характер «сообщения».

Верьте мне, что я вполне способен понять Ваши настроения в связи с вывертами европейского общественного

мнения... Но что же делать? Я бы сказал одно: отойти от зла и сотворить благо, чем по мере сил и способностей я и занимался все эти 26 лет, проведенные в эмиграции.

Думаю еще, что было бы целесообразно, если бы Вы указали мне не только объем, но и срок желательного Вам сообщения для составления.

Желаю Вам самого серьезного успеха с Вашим трудом и крепко жму Вашу руку.

Мой адрес приписываю ниже.

Ваш.

1948. 1 сент.

22

Л. В. Сердаковскому¹¹⁶

<18.IV.1949>¹¹⁷

Многоуважаемый Лев Викторович!

Один знакомый, мнением коего Вы интересовались, просил меня переслать Вам нижеследующее.

Вступление — очень хорошо.

1. Увы, идея должна бы быть таковою, но она выветрилась в душах: нет ни понимания, ни глубины, ни такта, ни честных людей.

2. Принцип «общего дома» — верен.

3. «Исторически проверенное понятие» — не полно и не точно: проверено, объективно, а политически-психологически — *утрачено*, потому и рухнуло.

4. Пропагандная сила идеи определяется не массою, которая смутно, может быть, и тяготеет (в известных слоях!), а идейным качеством пропагандистов. А от последних идут банальности и карьерно-политическая самореклама.

Белое движение оперировало отрицанием потому, что положительная глубина сидела *в чувстве* и разряжалась *в мускул*, что было необходимо и неизбежно. Идея жила в состоянии динамики; в ней было все завернуто и слито, как краски в спектре.

<5.> О феврале — верно.

6. Первый абзац верен.

Внизу страницы — курьез! Если *народ должен решать сам*, по Вашему мнению, то Вы есть самый образцовый непредрешенец и все Ваши возражения против непред-

решенства — суть одно недоразумение. Проповедовать «предрешенство» — и давать ему *непредрешенскую* формулировку — убедительно ли это?

Об отношении нацов¹¹⁸ и враждебных иностранцев — верно.

Раздел «у врагов» — верно.

Конечно, — «зоркость и мудрость» прежде всего. Но кто их доселе обнаружил? «Укажи мне такую обитель!»¹¹⁹

«Анонимный глава государства» — есть идея жизненно-необходимая.

Дело Ц<аря> — милость, обновление, строительство, единение. Наивно думать, будто новая жизнь может начаться в зачумленном сарае, при участии мобилизованных за сорок лет злодеев, перекрасившихся и готовых к новому тоталитаризму... Вы не реализуете нисколько грядущую ситуацию! Необходим — фельдшер-дезинфектор, который избавит носителя милости и свободы от необходимости самому чистить клоаку!

Вторая Часть.

О примате «нравственного начала» или «нравственного закона» — вся эта идея неверна, ошибочна и нежизнеспособна! Это возобновление ошибки Льва Тихомирова¹²⁰! На этой ошибке ничего нельзя создать! «Личное служение Богу и народу» — не есть «нравственная» идея. Это может привести только к сентиментальной толстовщине и неминуемо даст врагам идеи страшное и непобедимое оружие против нее. Извольте взять историю всех великих монархов, от китайцев до Кира, от Адриана или Октавиана Августа до Фридриха II, от Флавия Валерия Константина до Петра Великого — и скажите, кого из них Вы предложите в *праведники*?! И когда Вы убедитесь, что *никого*, то снимите раз навсегда *всю эту идею*!

«Везде и всегда опирались на беднейшие слои населения» — исторически не соответствует действительности. Нельзя давать критикам такие уязвимые места.

Стр. 13 внизу и стр. 14 внизу — повторение ошибки о нравственном законе.

Стр. 15: чувство исторической ответственности было утрачено совсем не только бюрократией и интеллигенцией. Вы думаете, ряд династических отречений, ссылка

М<онарха> на «учредительное собрание», покорное ожидание расстрела со стороны ряда других В<еликих> К<нязей> — не свидетельствует ни о чем?

Стр. 17-18 — программные лозунги эмоционально-идеально понятны, но политически и практически обманны и, простите, наивны. Вы не реализуете воображением грядущую ситуацию.

Стр. 19 — «нравственный закон» неверно, неясно, не-состоятельно.

«Нельзя силой объединять тех, кто этого не хочет» — не соответствует решительно всей истории человечества.

На стр. 20 автор широко открывает двери расчлени-тельству. Есть с чем поздравить!

На стр. 21 — «рабоче-крестьянская монархия» — мо-сье Казем-бек¹²¹ — не Вы ли это?

На стр. 23 — «сотни университетов»... Мне мало это-го! Нужны тысячи!! Конечно, где взять профессоров? Но ведь уровень их можно снизить до уровня сельского учи-теля... Пусть все-таки называются «университетами», кто там разберет...

При всем том идеологические основы самой главной идеи — остались незатронутыми. Все трактование имеет характер *политический*, а не идеологический.

23

П. В. Скаржинскому¹²²

<22.X.1949>¹²³

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Разрешите мне поблагодарить Вас за оказанное мне внимание, за приглашение и за присланные доклады. Я не мог ответить Вам ранее, потому что был в отъезде и надолго отрывался от моей почты.

Я очень жалею о том, что нам нельзя свидеться и поговорить о многом устно. Должен признаться, что сле-жу с тревогой и огорчением за тем, что делается в рус-ских зарубежных монархических кругах. Всплывают авантюристы и агенты враждебных России и русской монархии течений; они — то вполголоса, то громогласно выдают себя за монархистов и, всплыв, или не встречают отпора, или наталкиваются на него слишком поздно, или

же незаметно приживаются и агентурят изнутри. А добрые люди, забыв все трагические уроки всеобщей политической истории и, в частности, русской эмигрантской борьбы, готовы верить им на слово и доверять им во всем...

Я не буду перечислять Вам тех организаций, которые поставили себе цель — или подчинить себе русские монархические круги или же скомпрометировать их: я думаю, что Ваш большой опыт давно уже указал Вам и их планы, и их пути и средства... Полагаю, что число их агентов, их искусство маскировки и их энергия — *очень велики*... Вижу их работу — и организационную, и писательскую; вижу, как слабо разбирается в этом рядовая эмиграция и считаю, что при недостаточной осторожности кадр русского национального движения монархистов будет пронизан врагами и предателями, а самое движение вульгаризовано, извращено и полупогублено.

Как быть с этой опасностью? Что важнее — *качество кадра* или количество «примыкающей» периферии? Как оградиться от провокаторов монархизма, от порочных демагогов и от вульгарных компрометаторов?! — Я очень жалею, что не могу побеседовать с Вами лично на эти темы.

С совершенным уважением имею честь быть

Ваш покорный слуга.

1949 окт<ября> 22.

24

П. В. Скаржинскому

<3.XI.1949>¹²⁴

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо (экспресс) и за Ваше предложение. Как опытный и искусный политический деятель, Вы поймете, что невозможно быть *в постоянном отсутствии* и все же *нести ответственность* за дела и решения какой-нибудь организации, да еще в наше смутнейшее время... И точно так же нельзя отвечать за заглазные решения, принятые другими, не имея возможности высказаться по ним... Поэтому я благодарю Вас за доверие, но никак не могу согласиться на баллотировку или избрание. Прошу Вас *и не ставить и не обсуждать* вопроса об этом.

Я очень надеюсь, что ВКВК¹²⁵ не сделает ошибки, не «возглавит» и «не назначит»: политическая конъюнктура теперь такова, что неизбежно «идти ощупью», делать ошибки и терпеть неудачи; но именно поэтому все это и должно оставаться на идущих ощупью, делающих ошибки и терпящих неудачи, а не падать на В. К. В. К. В этом одна из аксиом М<онархического> правосознания.

Оставить В. М. С.¹²⁶ в Европе — идея *верная*. Не оставлять его в стране его теперешнего местопребывания — тоже *верная* мысль. Но — куда? Будут трудности со стороны врагов...

В основном же мое воззрение таково.

Ребус сик стантибус¹²⁷ — М<онархическое> движение есть *музыка будущего*. В этом не надо заблуждаться и не следует делать себе иллюзии. Следовательно — даны сроки для *очищения, обновления и перерождения*. Это и есть *самое важное*, чем необходимо заняться...

М<онархи>зм имеет свои *аксиомы*. Они забыты и попираются. Их надо обоснованно и убедительно выговорить. Они осветят ошибки прошлого... Эти ошибки, несомненные и тягостные (и до 1917, и после 1917), надо тоже честно и покаянно выговорить (хотя бы — *эзотерически!*). Эти же аксиомы осветят и пути будущего. Сейчас время не для шумливой партийности, которая обречена на то, чтобы кипеть в пустоте и разжигать честолюбие у пустого места, — а для крепко-спаянного М<онархического> ордена; — и притом с *качественно-достоверным отбором* и с элиминированием¹²⁸ всей карьеристически- или провокационно-примазывающейся с....чи... Крепкий и чистый кадр обрстет тогда новой и чистой периферией. Иначе грозит муть, грязь и компрометирование Идеи.

Есть *несколько* мировых центров, которые решили — или подмять М<онархическое> движение, или же безнадежно оглупить и измарать его. И с этим необходимо все время считаться.

Крепко жму Вашу руку.

Идем Ибидем.

3 ноября 1949.

В. П. Кулаеву

<18.I.1950>¹²⁹

Правлению Треста имени И. В. Кулаева
Секретарю Правления В. П. Кулаеву

Многоуважаемый Господин Секретарь!

Сим подтверждаю, что сего 10 января 1950 года я, нижеподписавшийся, получил по почте от Правления Фонда имени И. В. Кулаева *чек на сто долларов*, который и был учтен мною в одном из цюрихских банков по справедливому курсу (4.29 шв<ейцарских> фр<анков>).

Покорнейше прошу Вас, Господин Секретарь, принять мою благодарность за Ваши труды, а также передать Правлению Фонда, что меня глубоко трогает это доверие к моим исследовательским работам и та духовная забота, которую Фонд обнаруживает ко мне уже не в первый раз на протяжении последних лет.

С совершенным уважением

Швейцария. Цолликон.

1950. 18 января.

С. С. Белосельскому¹³⁰

<13.III.1950>¹³¹

Глубокоуважаемый князь Сергей Сергеевич!

Недавно мне переслали из Женевы Ваше приглашение на организуемый Вами Съезд¹³². Спешу поблагодарить Вас за внимание и выразить Вам мои искренние пожелания полного морального и политического успеха.

Я давно уже слежу с величайшим сочувствием за той объединительной работой, которую Вы ведете в Соединенных Штатах и несомненно поддерживал бы именно Вашу линию, если бы находился в той же самой стране. Известия же я почерпаю из газеты «Россия» Рыбакова, которую получаю регулярно. Вижу издали, с каким доверием объединяется вокруг Вас здоровая часть русской эмиграции, радуюсь этому и очень надеюсь на успех Вашей борьбы...

Что касается моих воззрений, то они точнее и полнее всего выражаются в том бюллетене «Наши Задачи», который я регулярно получаю от генерала А. П. Архангельского¹³³.

С истинным уважением, доверием и сочувствием
профессор Иван Александрович Ильин.

Адрес мой:
Switzerland. Zollikon
Professor I. Iljin
13/III/1950.

27

В. П. Кулаеву <20.VII.1950>¹³⁴
Господину Председателю Правления Фонда имени
И. В. Кулаева
Глубокоуважаемый Господин Председатель!

Разрешите мне выразить в Вашем лице всему Правлению Фонда имени И. В. Кулаева мою сердечную благодарность за присланную и полученную мною сумму вспомоществования в размере ста (100) долларов (согласно письму Казначей Г. В. Николашина от 6 июля сего 1950 года). Поверьте, что это доброе внимание Правления к моей напряженной научной и публицистической работе является для меня большим подспорьем и утешением. Правление должно знать, что я весь принадлежу нашей многострадальной родине России, служу только ей и во всем всегда помышляю о ее истинном возрождении и расцвете.

С совершенным уважением и благодарностью
20 июля 1950 года.
Швейцария.

28

Епископу Леонтию Барташевичу <27.X.1950>¹³⁵
Ваше Преосвященство Высокопочтимый
и дорогой Владыко!

Знаю я, что мирянину не подобает подавать Епископу непрошенные советы... Но я должен иметь спокойную совесть, чтобы не укорять себя пожизненно за то, будто я скрыл зримую мною правду от моего духовного отца и тем предал его врагам. Посему разрешите мне предложить Вам несколько мыслей на Ваше благоусмотрение.

Мы живем в особое время, исторически небывалое, когда дьявол выступил в виде одержимого им чело-

веческого коллектива, а этот коллектив отточил свой сатанинский способ организации. И вот, к этому способу принадлежит такой, всегда применяемый прием: того, кто раз поддался, подчинился и прислужился, более не выпускают из когтей. Его *ущемляют пожизненно* угрозой разгласить его услуги или же его тайные дела и позорные поступки. Хочет он или не хочет, он *вынужден* служить им дальше: *для него нет ни отступления, ни исправления...* Единственный исход для него — наложить на себя руки, что недавно и сделал в Мюнхене один русский врач из «дипи», захлебнувшийся в собственном позоре. Если же такой ущемленный начинает изменять сатане, выдавать его секреты или прямо агентурить в пользу другой стороны, — тогда его или по-разбойничьи убивают, или же «отзывают» (завлекают, похищают) и по доставлении в гнездо подвергают долгим пыткам и казнят.

Итак, ущемленный бывает вынужден к дальнейшей службе. Одним из видов ее является *возврат в покинутый стан* с принятием любых унижений, с принесением всевозможных мнимых покаяний и фальшивых клятв. В преждепокинутом же стане мнимо покаявшийся остается их агентом для осведомления и провокаций.

К сожалению, все это не «роман», не выдумка, не гипотеза, а многожды (С ужасом!) наблюденный факт...

Сколько раз благосердечные люди говорили мне: «надо по-христиански прощать врагам!» Я отвечал тогда: простить *личному врагу* — есть дело христианское; но простить коварному губителю — Св. Евангелие никогда и нигде не советовало. Овое дело прощение искренно и глубоко покаявшегося на исповеди; овое же дело — реабилитирующее злодея или злотворного человека, включение в организм государственной или церковной жизни. Пастырски усостыжить вора или убийцу, внести деньги за растратчика — есть дело христианское; но посадить вора у кассы, соблазнителя устроить воспитателем, обеспечить шпиону сатаны возможность творить свое окаянное дело, — есть дело гибельное и Св. Евангелием не завещанное...

О пределах христианского *права на прощение* и *евангельской обязанности* прощать — я мыслил и исследовал долго и в 1925 году написал целую книгу, за которую «левые» травили меня несколько лет, донимая всяческой

инсинуацией и клеветой, но которая получила высокое одобрение от владыки Антония (Храповицкого), от владыки Анастасия и от архиепископа Тихона¹³⁶.

Все сие излагаю Вам, высокочтимый Владыко, на Ваше благоусмотрение и прошу Вас милостиво принять это мое исповедание, в предотвращение близящейся беды. О таковой же надвигавшейся беде я предупреждал некогда другое высокое духовное лицо. К моему горю, мое сообщение было оставлено без последствий, беда совершилась и длилась вплоть до самой смерти (м<ожет> б<ыть>, естественной, а м<ожет> б<ыть>, и тайно-причиненной...) одного бедоносного старика, в злокачественности которого убедились слишком поздно...

Прошу Вас простить мне мое дерзновение. Но когда мой большой жизненный опыт заставляет меня предвидеть неминуемое зло, то я чувствую, что молчать было бы равносильно тихому предательству...

С теплым и радостным чувством вспоминаю я Ваше последнее посещение и в особенности Ваши глубоко прочувствованные и канонически неоспоримые слова о том, что за недостойного, развратного или кощунствующего иерея, как совершителя неплэротических и даже в своем совершении сомнительных таинств — ответ несет его Епископ. Эти Ваши слова да пребудут повсюду и всегда правилом церковной жизни!

Испрашивая Ваших святых молитв и паки прощения, пребываю Вашим, Владыко, о духе сыном.

И. А. Ильин.

27 октября 1950 г.

<Приписка:> Это о Владимире, в Цюрихе, по сану священнику, по морали развратнику, политически — агенте комм<унистов>.

29

М. Ю.¹³⁷

<27.XI.1950>¹³⁸

Милая и дорогая Мария Юрьевна!

Затяжная и мучительная болезнь (тромбо-флебит), об опасности которой мне все твердят доктора, заставляет меня принимать меры для урегулирования того, что называется «литературным наследием». Не всегда же будет

эдакое запустение на святом месте России и не всегда же будет такое масонское засилие, которое зажимает рот всему непредательскому, поощряя только разлагающее и двусмысленное...

Думается мне, что Вы ничего не сообщали мне о судьбе моей рукописи по свойственной Вашему благородному сердцу деликатной доброте. Очень тронут этим и сердечно благодарю Вас за Вашу инициативу и заботу... Но, думается мне, надо смотреть фактам в глаза и делать выводы. Будьте же так милы и добры, напишите мне словечко о неудаче, постигшей план издания, и верните мне мою машинописную рукопись заказной бандеролью, а я немедленно перешлю Вам почтовые расходы. Хотелось бы мне оставить мой архив в порядке, а там — будет на все воля Божия.

Я все лето радовался тому, что Вам хорошо и уютно; и еще тому, что Ваша книга наверное будет иметь сущий успех! Пусть она будет бомбою правды в этой «ложной» атмосфере! Да хранит Вас Господь.

Мы оба шлем Вам наш самый сердечный привет, а я почтительно и дружески целую Ваши ручки.

Душевно Ваш

И. А. Ильин.

Адрес: Швейцария. Цолликон
1950/XI/27.

30

В. Д.¹³⁹

<27.XI.1950>¹⁴⁰

Многоуважаемая Вера Дмитриевна!

Перевожу Вам на Вашу томболу¹⁴¹ 20 франков почтовым переводом и пересылаю 30 оставшихся билетов.

За эти годы мне еще ни разу не удалось продать ни одного билета: сколько бывало просьб об одном франке, столько же бывало кислых гримас и ледяных ответов... Русский обыватель беден, а нерусский — черств и скуп. В третьем году мне посчастливилось найти случайно жертвователя, выложившего сразу 50 франков (американец). В прошлом году меня выручил мой собственный случайный заработок. В текущем же году, страдая долгой и мучительной болезнью, я мог урвать посылаемые

деньги только у самого себя — от лекарств и лечения. Те же самые затруднения наблюдаются здесь и у других «билето-радетелей»... Я думаю, что А. А. Максимова-Кулаева¹⁴² будет Вам много полезнее всех здешних том-большиков...

С совершенным уважением

И. А. Ильин.

Цолликон 27 ноября 1950.

31

Х. П. Кротковой¹⁴³

<27.XI.1950>¹⁴⁴

Многоуважаемая Христина Павловна!

Свыше трех лет тому назад, во время Вашего посещения, я передал Вам по Вашему любезному предложению английскую рукопись (написанную на машинке), содержащую текст моей книги о Сущности и своеобразии русской культуры. Вы выразили тогда надежду, что Вам удастся найти для нее издателя в Америке. С тех пор я не имел от Вас известий.

Время, протекшее после этого, достаточно для того, чтобы считать эту надежду угасшей. Поэтому разрешите мне просить Вас вернуть мне эту рукопись *заказной бандеролью*. Почтовые расходы я немедленно перешлю Вам международными почтовыми знаками. Мне очень жаль, что я затруднил Вас напрасно этим делом, ибо представляю себе, что у Вас и без того много дела. Благодарю Вас за доброе желание и за заботу и с нетерпением жду этого пакета.

Адрес мой:

С совершенным уважением

Цолликон 1950 ноября 27.

32

Н. Ю. Пушкарскому¹⁴⁵

<28.XI.1950>¹⁴⁶

Многоуважаемый Николай Юлианович!

Длительная и мучительная болезнь помешала мне ответить Вам раньше. Благодарю Вас за отклик. — Нет, о снижении уровня я и думать не хочу. Именно, как Вы пишете: «пусть не думают те, которым это не по плечу». Что меня

удручает, это то, что о строительстве *новой России* — никто и не думает, если не считать тех господ, которым все ясно: федеративная республика, расчленение страны и как можно больше ...социализма... Мало того, люди не понимают, что именно о новых зиждательных формах бытия и надо думать. Нужен *русский национальный акт нового строения*: религиозный, государственно-политический, художественный, хозяйственный, педагогический, а главное — характерологический. *Новый* — но непременно выращенный из старых, здоровых, священных национальных традиций!.. Россия рухнула не от «гнилости» или «порочности», но от *слабости в добре*; именно поэтому она не сумела противостоять людям, *сильным во зле*...

Верно Вы отмечаете: «среди правых распространено наплевательское отношение к теоретическим вопросам». Я бы сказал только: к *идеологическим*. Они все думают, что достаточно «*инстинкта*» и «*интриги*», сорвались на этом в 1917-1920 годах, срывались все время в эмиграции, сорвутся и теперь. И еще одно: они очень верят в силу *церковного обряда* и совсем не существенным считают вопрос *добра и зла, чести и совести*... А церковный обряд без совестного наполнения — есть не религия, а *магия*... И первый истинный плод христианства — есть живая христианская совесть. Вот почему я с тревогой прислушиваюсь к голосу одного умного пессимиста, который твердит про эмиграцию: чем левее, тем подлее; чем правее, тем глупее...

Особенное значение я придаю верному созерцанию русской истории: надо не «реставрировать» его, а впервые создать и утвердить. *Очень хочу иметь Ваши книги, все, что вышло*... Велите выслать их мне, со счетом, а я перешлю монету. Отказ ИМКи характерен и поучителен: Вы когда-нибудь поймете верно их подоплеку. Потребность в русском национальном издательстве *остра до болезненности*. Свобода печати в эмиграции существует только для интернациональных и антинациональных элементов! Я складываю *готовое* — книгу за книгой, и давно уже. И жду «овчей купели»...

Книга Ольденбурга¹⁴⁷ — ищет справедливости, но у автора *слаба сила суждения*. Доказывая, что Государь де-

дал *все сам* и все дела решал самостоятельно, и принимал на себя всю ответственность, — автор не замечает, что его книга превращается в *тягчайший обвинительный акт*, ибо последствия отнюдь не оправдали роковых решений, включая и самое отрешение <от> престола... А монахи в эмиграции торопятся провозгласить его «святым» и уже поместили и его, и его супругу на *икону*...

Судьбе русского крестьянства я придаю *величайшее* значение. Знаете ли Вы фундаментальный труд В. А. Косинского¹⁴⁸, разработавшего сельск<о>хоз<яйственную> перепись 1916 года, — последний государственно-научный материал перед революцией? С тех пор вышли только работы С. Н. Прокоповича по-немецки: «Руссландс Фольксвиртшафт унтер Советс Еуропа» Ферлаг Цюрих, 1944, стр. 456 и «Дер фирте Фюнфяресплан дер Советуньен»¹⁴⁹, там же, 1948, стр. 150. С данными и выводами этих работ рекомендуется осторожность...

В эмиграции необходим хоз<яйственный> информационный бюллетень, аналитический по первоисточникам; к сожалению, он прекратился около 1934 года.

Чем Вы питаетесь? И не нужно ли Вам чего-нибудь продовольственного? С какого номера у Вас были Н<аши> З<адачи>?

Ответ и книги пришлите мне, пожалуйста, по адресу моего знакомого:¹⁵⁰

Крепко жму руку и жду известий.

28 ноября 1950.

33

В. А. Рязановскому¹⁵¹
6/XII/1950

<6.XII.1950>¹⁵²

Дорогой коллега!

Затяжная и мучительная болезнь (тромбо-флебит) задержала всю мою переписку и помешала мне сердечнейше поблагодарить Вас за присылку книг, а также отозваться на Вашу огромную и продуктивную работу...

Прежде всего спасибо Вам за *направление Вашей мысли*, которое я вполне разделяю. Давно пора сбросить этот шлецеровски-байеровский гипноз, который странно заворожил русских историков, кончая Ключевским и Стру-

ве (П. Б.)... Еще в 1938 году, при нашем последнем свидании с Петром Бернгардовичем, жена моя, Наталия Николаевна, заканчивавшая тогда книгу, озаглавленную «Изгнание Норманнов», подняла этот вопрос с ним. Мы оба изумились, когда он вдруг пришел в раж, начал вопить и бить себя по коленам — ... *за норманнскую теорию*. Аргументы его были очень слабы и смахивали на «веру в норманнов»... А Гедеонова он попробовал убить, возопив о нем, что он был «статский советник». Я уже после объяснял это психологически: значение норманнов, по-видимому, имело для него некоторым образом персональный смысл... Но поистине — это не аргумент. Однако говорят, что после него остались обширные наброски по русской истории именно в этом направлении.

Давно была пора развернуть эту проблему широко и научно, как у Вас. Благодарю Вас за любезный отклик и за дружескую скидку (прэццо дамико¹⁵³, как говорят итальянцы). Двенадцать долларов давно должны были быть у Вас, переводом из Нью-Йорка. Пришли ли они?

Удивительна та жертвенная энергия, которую Вы проявили в борьбе за появление книги в печати! Увы! Увы! нет той нашей культурной России, которая оценила бы все это по заслугам... Нет общественного мнения, нет издателей, которые не позволили бы Вам кромсать свое детище, но подняли бы все это на щит... Судьба Вашего третьего выпуска — прямо зеркало нашей общей трагедии!.. Вижу, что и *мировая закулиса*, которая печатает за рубежом все, соответствующее ее планам, и давит все русско-национальное — не помогла Вам... Этим надо, впрочем, не огорчаться, а гордиться... Напиши кто-нибудь что-нибудь радикально-двусмысленное, или сентиментально-предательское, или интернационально-антирусское, — и все готово к услугам сочинителя. А нам остается вручать наши труды Господу Богу на хранение и усмотрение, что я и делаю...

У меня уже лежат готовые книги, числом до пяти (одна с 1919 года), а теперь я как раз, после десятилетий вынашивания ряда трудов, переживаю период «урожая» и потому продолжаю писать и складывать в стол, подыскивая верный посмертный архив и не находя его... По-

немецки издать можно; но, выпустив за время эмиграции 7 книг по-немецки, я решил «будя» и пишу только по-русски. Божья воля... А если мои труды ЕМУ не нужны, то и мне они не важны.

Как давно это было — семинарий Павла Ивановича¹⁵⁴! Какие мы были наивные и простодушные... И первый сам Павел Иванович. Кончил же он верующим, глубоко-православным. И супруга его, Лидия Антоновна, клялась мне, что он никогда не был масоном... С «коллегам» по кафедре, — Алексеевым¹⁵⁵ и Выше-славцевым¹⁵⁶, — я слава Богу не вижусь. Давно. Чем дальше от них, тем лучше: от «идеализма» у них остался один «реализм», для меня не переносимый...

Поздравьте, пожалуйста, Вашего сына с прекрасной, научной работой: основательно, доказательно и обещающе! Дай ему Бог!

Прилагаю Вам «бюхерцеттель»¹⁵⁷ за годы 1938-1946. Не улыбнется ли Вам что-нибудь? буду рад прислать, конечно, «умзонст»¹⁵⁸.

А имя и отчество Ваше и Вашего сына — все-таки непременно надо мне знать, а то — не по-русски... Крепко жму Вашу руку.

Связаны ли Вы с Николаем Викторовичем Борзовым в Сан-Франциско? Он издает «Журнал русского ребенка», нет — День русского ребенка. Человек достойнейший и добрейший. Адрес его: 2147 Вард Стрет, Берке-лей, Калифорния. Он со связями и имеет гражданское мужество — писать и говорить в пользу исконных русских национальных начал.

34

Д. И. Лаури
29/V/1951

<29.V.1951>¹⁵⁹

Глубокоуважаемый Дональд Иванович!

Разрешите мне обратиться к Вам по следующему делу.

Года полтора тому назад в Мюнхене Вы имели беседу с Митрополитом Анастасием о возможности издания моего нового труда по философии религии. Владыка Анастасий писал мне об этом, уведомляя меня, что

принципиально дверь руководимого Вами издательства (Товарищество Объединенных Издателей) для меня открыта.

Имея в виду это указание, я решаюсь ныне предложить Вам для издания мой новый только что законченный труд, озаглавленный «Аксиомы религиозного опыта».

Я задумал и начал его еще в Москве в 1919 году, когда читал на историко-философском факультете университета курс «Введение в историю религий». С тех пор я не раз выступал, читая на эту тему — то с целым курсом, то с отдельными главами в философских обществах Москвы, Риги и Западной Европы. Окончательный курс написан мною в 1946-1950 годах и ныне вполне готов к печати.

Сначала о его основных тенденциях.

Я не трактую в моей работе — ни догматики, ни литургики, ни канонов, оставаясь по вероисповеданию *православным*. Я исследую ту сторону религии, которая со времен американского философа Уильяма Джемса¹⁶⁰ обычно называется *религиозным опытом* и которую я называю *религиозным актом*. Эту сторону по большей части оставляют без внимания. Но мне она представляется особенно существенной, потому что люди разных исповеданий только тогда научатся понимать друг друга и уважать чужую религию, когда поймут и *свой* и *чужой* религиозный акт. Это не только путь к «терпимости», столь драгоценной в религии, но и к взаимному братскому общению: ибо акт предшествует и догмату, и обряду, и церковной организации.

Отсюда уже ясно, с каким вниманием и уважением мое исследование относится к другим религиям и к их религиозному опыту. Оставаясь христианином, я глубоко убежден в том, что «Дух Божий на протяжении истории отнюдь не покидал так называемые языческие народы, которые до Христа составляли почти все человечество, а ныне исчисляются в две трети всех живущих на земле людей»; этот мир — «имел *своих* созерцателей, молитвенников и праведников, добродетели которых отнюдь не были «блестящими пороками» (как утверждал блаженный

Августин)». Эти слова я привожу здесь из моего предисловия.

Вы, конечно, сразу видите, какого большого и минуциозного¹⁶¹ труда потребовало мое исследование, с любовным вниманием приводящее мудрость других исповеданий, — от Конфуция до Баал-Шема и от Ригведы до Мейстера Экхардта. Для того, чтобы читатель не захлебнулся в этих бесчисленных выдержках, я выделил их в особые «Литературные Добавления», имеющиеся для каждой отдельной главы, так, что русский читатель получает возможность вкусить подлинное от Духа иных религий. А в предисловии я прошу читателя — читать после каждой главы соответствующее ей Литературное Добавление.

Политики я в этой книге не касаюсь совсем; один только раз мимоходом я осуждаю принципиально всякий тоталитаризм.

Я сознательно не предлагаю никаких религиозных «новоучений». Я не фантазер, а исследователь. И «аксиомы», о которых я говорю, — отнюдь не догматические, а *опытные*. И одна из первых — это *духовная свобода верующего*. Я избегаю и религиозной полемики: людям надо теперь не спорить, а искать взаимного понимания. Единственным исключением является в этом отношении католицизм, но и тут я аргументирую цитатами и историческими фактами, корректно и объективно.

Труд мой состоит из двух частей: 1. Основной текст, в 27 главах (оглавление есть и в тексте, но Вам я прилагаю его отдельно) 2. Литературные Добавления (к каждой главе в отдельности с обильными цитатами на разных языках).

Размеры работы: основной текст соответствует по количеству типографских букв и числу страниц — превосходному труду Архимандрита Киприана, вышедшему недавно у Вас, «Антропология св. Григория Паламы» (около 450 страниц). Литературные Добавления, если их напечатать петитом, составят еще около 180 страниц. Подсчет сделан мною точно.

Печатать этот труд по *новой* орфографии было бы убийственно для смысла, ибо целый ряд религиозных текстов и философских тезисов исказился бы от смеше-

ния слов и понятий: «мир» и «мір», «ведение» и «вѣдѣніе», «все» и «всѣ», «горе» и «горѣ», «нѣкогда» и «некогда», «ѣсть» и «есть», «повѣсти» и «повести» и т. д. без конца. В беллетристике читатель как-нибудь разобрался бы, да там точное понимание не всегда и необходимо, а в философии рождаются одни недоразумения.

В довершение скажу только, что труд мой написан сжато, просто и ясно; никакой излишней ученой терминологии; сколько-нибудь необычные слова тут же поясняются; в постановке вопросов и разрешении их я всегда стараюсь добиться предельной ясности.

Посылаю Вам рукопись заказным пакетом. Делаю это спокойно, потому что считаю так называемую «третью мировую войну» — не близкой.

Свидетельствую Вам мое истинное уважение и остаюсь готовый к услугам

35

*Иову*¹⁶²

<28.VII.1951>¹⁶³

Высокочтимый Отец Архимандрит!

Благодарю Вас за Ваше письмо с соответствующим вопрошанием и за милостивое внимание к моему труду. Отвечаю спешно, буквально с *обратной почтой*.

Я просмотрел присланный Вами текст и установил, что конспектировавший подверг изложенные мною в брошюре «Основы христианской культуры» мысли своей «цензуре», устранив одно, излагая другое по своему и т. д. Из этого я не хотел бы делать Вам препятствия для напечатания этого текста. Наоборот, я *соглашаюсь* на него, но только при условии, чтобы после заглавия непосредственно были добавлены слова: «*в сокращенном и вольном конспективном изложении*».

Прошу простить мне это условие. Духовно, морально и по всем законам земным автор имеет право не только на *текст*, им составленный и подписанный, но, главное, на *поэтический*¹⁶⁴ *состав излагаемого им воззрения*. А я, признаюсь, очень держусь за это право, и притом потому, что всю жизнь не торопился «писать», вынашивая свою мысль до полной предметной зрелости, ясности и определенности. Поэтому я всегда сразу узнаю фразу,

мною не составленную и не записанную. За каждым словом стоит обычно вся моя духовная ответственность — перед Богом, перед моею совестью и перед Россией. Всякая недоговоренность, всякое умалчивание, всякий лишний термин, всякое слишком обширное суждение — искажают мысль и говорят *духовную неправду* о Предмете. При такой внутренне строгой «самошколе» — Вы поймете, что я всю жизнь дивился на безответственность Бердяева и Булгакова, которые валили слова как солому на молотилке...

Испрашивая Ваших святых молитв у Вас и у Владыки Архиепископа Венедикта, остаюсь в совершенном почтении

Ваш о духе

И. А. Ильин.

28.VII.1954.

Рукопись возвращена заказным

<Приписка:> Ваше письмо послано 21 июля, штемпель на нем 26 июля, получено мною 28-го.

36

С. С. Белосельскому

<5.XII.1952>¹⁶⁵

Глубокоуважаемый князь Сергей Сергеевич!

Только тяжелая затяжная болезнь помешала мне ответить Вам немедленно на Ваше августовское обращение ко мне.

Я всегда сочувствовал и содействовал всякому патристическому и волевому объединению русской эмиграции. В этом я тверд и сейчас. Поэтому благодарю Вас за приглашение меня к сотрудничеству с Вашим Центром (по категории Б.¹⁶⁶) и смею Вас уверить, что всегда буду рад оказать ему, Центру, и Вам лично всякое необходимое содействие в Русском деле.

Не верю в объединение с расчленителями и социалистами. Думаю, что лукавые пролазы могут, как всегда, сильно навредить делу.

С совершенным уважением

Ваш покорный слуга

И. А. Ильин.

1952. ноябрь

Switzerland Zollikon

(5 дек. 1952)

В редакцию газеты «Россия»

<22.VII.1953>¹⁶⁷

Многоуважаемый Господин Редактор!

В номере от 4 июля сего 1953 года издаваемой Вами газеты «Россия» напечатана статья госпожи Ю. А. Кутыриной памяти почившего И. С. Шмелева. В этой статье между прочим сообщается, будто мой труд «О Тьме и Просветлении. Книга литературной критики. Творчество Бунина. Творчество Ремизова. Творчество Шмелева» — был напечатан в немецком переводе. Ко мне стали поступать запросы о том, где и когда появилась эта книга по-немецки... А между тем этот труд мой, законченный еще в 1938 году, *никогда и нигде, ни на каком языке напечатан не был*. И я, ведя ныне переговоры с одним из зарубежных издательств об издании этой книги *по-русски*, имею деловой интерес в установлении истинного положения вещей.

Очень прошу Вас дать место этому письму моему на страницах Вашей газеты.

С совершенным уважением

1953. 22 июля.

Проф. И. А. Ильин
Швейцария

В. Ф. Баумгартену¹⁶⁸

<7.X.1953>¹⁶⁹

Копия

7-X-1953.

Глубокоуважаемый Василий Федорович,

Благодарю Вас за обстоятельное письмо, за сочувствие и за Ваши планы и предположения. Я только что уехал на отдых, утомленный печатанием «Аксиом» и писанием новых книг («О грядущей культуре» — готова; «О возрождении России» — не совсем готова; «О монархии» доведена до половины). Я *не* дома и потому могу ответить вам только принципиально. Но начну со встречи.

Мы познакомились с Вами в 1934 году при поездке в Оплецац, где вместе со Штрандманом возлагали венок на гроб убиенного Короля Александра¹⁷⁰. Я рад был позна-

комиться с Вами и помню все подробности. Всегда радовался на столь талантливо задуманный и выстроенный в Белграде «Русский Дом». Уцелел ли он?

Теперь по существу дел.

1). Комплекты Н<аших> З<адач> конечно *имеются*. Но кто их имеет, тот (знаю по опыту) с ними не расстанется... Однако у меня сверх того имеются разрозненные или размноженные экземпляры целого ряда номеров. Еще есть перепечатки в целом ряде книг «Дня русского ребенка», в «Перекличке», в «Родных перезвонах» Брюсселя и еще кое-где. Очень прошу Вас *прислать мне список того, чего Вам не хватает*. Я сделаю все возможное, чтобы вооружить Вас как надо. Дам и адреса, по коим стоит запросить, но при *непременном* обещании вернуть собственнику. Люди все время — или шли *мимо* Н<аших> З<адач>, или же, раскусив их, начинали откладывать и беречь! А там есть не только взаимно принадлежащие статьи, но и целые фаланги единого замысла. Я и в университете считал, что преподавание состоит *в пробуждении собственной мысли слушателя*.

2). Все Ваши планы чтения и обсуждения считаю превосходными и плодотворными. Рад помочь.

3). Мы с А. А. ф<он> Л<ампе> давно обсуждаем вопрос о переиздании комплекта. Но «меценаты» суют монету своим клеветам и льстецам, помогают «телу и душе», а для *идеи* и *духа* не имеют внутреннего органа. Так, парходчик Власов заговаривал с моими друзьями о больших суммах, но покойный «ясновидец» Сенявин¹⁷¹ дезориентировал его окончательно: мы оказались «масонами», «эсерами»; и все умолкло.

4). Должен сказать Вам, что ни скромный вид Н<аших> З<адач>, ни их малый тираж — *я несколько не считаю признаком какой-то их «неудачи»*; и что я отнюдь не чувствую себя «одиноким», «непризнанным» или втуне-пишущим. Эмигрантская газетчина и журнальщина есть *большое* явление, особенно после второй мировой войны, когда *писатели* умолкли, а *читатели* (из проницательных) стали издавать и писать. Я с самого начала искал *качественного* читателя для *качественных* мыслей и потому написал «только для единомышленников». Надо было

оберечь эту идейную лабораторию от эмигрантской клеветы и искажений. Один раз мы сделали ошибку, дав Мельгунову кое-что — и он немедленно разразился инсинуацией и клеветой: слово «перетереть» — заменил словечком «перетерпеть», объявил РОВС *непротивленческой* организацией, отказался исправить свою пакость, а мне написал, чтобы я не сердился, ибо он-де *высыпал только РОВСу...* Постепенно я стал отступать от последовательного «анонимства» и давать *единомышленным* органам отдельные разрешения на полную мою подпись или перепечатку. Но чувствую, что и сейчас *время для поднятия забрала* еще не пришло. Нужна не демагогия, а *лаборатория*; не улица, а отбор единомышленников; не рассыпной строй, а сомкнутый. Что же касается издателя, то он в свое время постепенно найдется. Надо делать верное, отнюдь не поддаваясь эмигрантской партийности и не ища популярности. О строительстве грядущей России, *о причинах революции*, о новых русских политических формах — я не нахожу за 35 лет моего изгнания из России (а я не беженец и не эмигрант), *нигде, ничего. Почему Россия рухнула, как она восстановится, что нам делать для этого, что было бы верно на 25 лет и на века* — вот о чем думают Н<аши> З<адачи>. Поэтому я буду продолжать Н<аши> З<адачи> совершенно независимо от того, будут отклики или нет. Я не ищу личного успеха. Я ищу *служения Предмету*. И *религиозно верую*, что только *так* и только *этим* можно сделать верное перед Лицом Божиим и спасительное для России. Мне 70 лет. Долго ли еще? Но я до конца намерен стоять так и, скажу откровенно, никакого значения не придаю *бездействию политиканству* «монархистов», керенствующих, абрамовичествующих и «соли-даристов» (у них и «соли»-то вовсе нет, а «президенты» и «министры» уже намечены и говорят с генеральским «подкряком»). Нам нельзя смешиваться с этим и растворяться в этом. Эмиграции *Свыше* задано не политиканство, а *духовное обновление* во всех областях культуры.

5). Мы должны считаться и с «антиподами», вульгаризаторами и развратителями правосознания. Таковы Солоневич, Якобий¹⁷² «с товарищи» и Чухнов¹⁷³ с приверженцами. Их атмосфера *обратная* тому, чего ищущу я.

В частности, И. Солоневич пользовался у нас *самой дурной* репутацией. Целый ряд низких поступков и наглых выходов в печати показали нам его во весь рост. Брошюра Н. А. Цурикова о нем, за которую Н<иколай> А<лександрович> сидел в тюрьме и подвергался пытке в Гестапо, содержит *точную правду* об этом человеке. Газета Солоневича¹⁷⁴, издававшаяся в тоне трактирной демагогии и писавшаяся этим бессовестным алкоголиком, вредила делу монархии во всех отношениях. На этом уровне монархию в России можно только *скомпрометировать и погубить*. По-видимому, его три тысячи «тиражников» совсем не понимали этого и те, которые к нему отбирались, *потеряны для ответственного Дела*. Мое служение России *ни в каком виде и ни в каком отношении* не может быть вложено или использовано для органа, называемого и ныне «нашей страной». Между соблазно-словием Солоневича и моей концепцией русского монарха, вынашивающейся с 1909 года — *пропасть*. Причем я имею в виду не только его невежество (Иоанн Грозный «убил митрополита Филарета») и не только его лживость (Россия-де издревле привыкла к *тоталитарному* строю — писалось при Хитлере), но именно его демагогическое и бесчестное понимание монархии. Словом, С<олоневич> играл в эмиграции роль *политического распутина* и я *ни в какие* связи не войду с «нашей страной» — ни в *именные*, ни в *анонимные*, ни в *псевдонимные* — пока эта газета будет называться этим опороченным именем.

б). Мне трудно сказать, что это за статья «Кризис современного общества», помещенная в журн<але> «Под Белым Крестом», но таковой статьи в Н<аших> З<адачах> *не было*. Боюсь, что это отсебятинный препарат, за содержание которого я не отвечаю. Полк. Бальцар мне совсем не известен. Также не известен мне и его журнал (я его никогда не видал). Дать ему согласие на помещение моих статей я *не могу*, ибо это значило бы оказаться сотрудником *неизвестно какого* журнала при *неизвестно каком редакторе*. Принципиально и вообще говоря: *или* ссылка на Н<аши> З<адачи>, *или* моя подпись. И то и другое невозможно.

Позволить же Бальцару¹⁷⁵ *просто разоблачить мой аноним* — я никак не могу. Вообще нравы зарубежной журнали-

стики утратили всякий хребет, и с этим очень трудно бороться, *но необходимо*, и Вас прошу помочь мне в этом!!

7). Башилова¹⁷⁶ я тоже не знаю, и доколе он называет свою газету «наша страна» — я ни на какие его желания согласия не дам. Эта газета заехала в тупик бесчестия и демагогии; и я им не содействитель. После смерти С<олоневича> я газету перестал получать (я ее *никогда не выписывал*) и совсем не знаю ничего о ее новом направлении. Связь с нею *повредит* и Делу, и РОВСу, и мне лично.

8). Еще очень прошу Вас *отказаться* от идеи «обзоров» моих статей, составляемых *не мною*. Это испортит и погубит все мое Н<аших> З<адач> — начинание. Когда я пишу, то я силой очень большой ответственности и сосредоточенности *отцеживаю* каждое выражение, каждый оборот, ищу *точных оттенков*, отвожу неверные толкования и т. д. Этого никто *вместо* меня *не сделает*, потому что они *не видят*, куда я веду, что я вижу и что не могу допустить. Тут мало «владеть пером»; тут надо смотреть в те же самые *духовные очки*. Пойдут такие «сплавы», обороты и искажения, что я как Чичиков завоплю: «и кто это выдумал эти балы?! и зачем я только начал писать все это?!»... Нельзя просто предположить, что кто «владеет пером», тот «видит и самый Предмет». А этот Предмет ныне осложнен и загорожен, а души людей растеряны, утомлены и необразованны. Поэтому я очень убедительно прошу Вас не отдавать достояние моей всежизненной духовной лаборатории на растрепание дилетантам!

На этом я закончу письмо и буду ждать от Вас список нехватящих статей и принципиального согласия на мои пожелания.

Крепко жму Вашу руку

И. Ильин.

Лефенс¹⁷⁷

<7.1.1954>¹⁷⁸

Уважаемая Фройляйн Лефенс:

Вы, возможно, уже слышали обо мне от моих друзей Конрада и Шарлотты Барейсс...

То, что донесли до меня духовные ветры о Вашем пребывании в здешних местах, вызвало во мне живейшее желание предстать перед Вами заочно. Я осведомился также, не могу ли я как автор послать Вам пару своих книжек, на что получил любезное согласие, и вот, набравшись смелости, посылаю.

Они пока только на немецком. Но книга о России («Сущность и своеобразие русской культуры») и «Поющее сердце» переведены и на английский, но пока в рукописном виде. Их перевела мисс Кристина Макфорлейн и отредактировал непосредственно Конрад.

Третья книга «Взгляд в даль» появилась чуть позже и опять же только на немецком.

Был бы рад узнать, получили ли Вы эти книги и, может быть, даже уже просмотрели их. *Самое главное*, о чем они говорят, это о созерцании сердцем и только потом — о философии, искусстве и пр.

Смею думать, что они не покажутся Вам слишком чуждыми.

Вот и все пока о себе искренне Ваш.

Иван Ильин.

7/1/1954.

<Приписка:> К сожалению, пройдет какое-то время, пока доставят книги.

40

В редакцию Издательства имени Чехова <11.VII.1954>¹⁷⁹
Милостивые Государи!

1953 года 23 марта, следуя совету Вашего Директора Н. Р. Вредена, я отправил Вам по Вашему адресу на имя госпожи Терентьевой для ознакомления, а может быть и напечатания, рукописи моих двух книг:

1. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний
2. О тьме и просветлении. Книга литературной критики. Введение. Бунин. Ремизов. Шмелев.

С тех пор прошло 15 месяцев и ответа от Вас не было. Считая обе эти книги совершенно свободными от всяких обязательств, я принял иные меры к их изданию. Ввиду этого я покорнейше прошу Вас считать переговоры между мною и Вашим издательством *прерванными и*

И. А. ИЛЬИН

оконченными и прошу Вас переслать машинные тексты обеих моих книг *заказными пакетами* моему доверенному лицу в Нью-Йорке Григорию Александровичу Алексееву по адресу: Mr. G. Alexeieff 209. Maple Ave Sea Cliff N. Y. USA.

Почтовые расходы я готов вернуть Вам в том порядке, который Вы сами укажете.

Готовый к услугам

И. А. Ильин.

Мой адрес
Switzerland
Zollikon
Prof. I. Iljin
11.VII.1954.

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

**Наше жилище,
или
Быт и Бытие изгнанников**

Поэма

1939. Февраль-Апрель
Цолликон.

ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый будь доволен тем,
Что дано ему от Бога,
И не спрашивай, зачем
Ему послано немного...
Благодарно принимай
И хвалебно воспевай!...

 Так учил мудрец Конфуций,
 Жизнь прожив в хламиде куцой,
 И — юродивый Дидим,
 Что ходил совсем нагим...

В угождение юроду,
В поучение народу
Захотел теперь и я, —
О, далекие друзья, —
От плененья спасти душу,
Прошед море, аки сушу,
Отклонивши то, что низко,
Наступив на василиска!
(Такова судьба моя!...)
И отсрочивши кладбище —
Восхвалить мое жилище,
Что послал мне средь дорог
Своей благостию Бог...

 А жилищем я доволен,
 Ибо я в нем думать волен,
 Думать сердцем, и любить,

И, помыслив, говорить,
Как Бог на душу положит
И как совесть мне поможет,
Против дела сатаны,
Верен чести и Предмету
И премудрому совету
Богом данной мне жены...

ДОМ

Городишко — как село,
А село — как городишко...
Вот куда нас занесло,
Где живем мы без излишка,
И, по нашим по грехам,
Едим хлебушко «грахам»².
А живем мы очень тихо
И с монетой — ой, нелихо!
И подчас настолько тесно,
Что едим довольно пресно.
Но и это не беда!
А квартира — хоть куда...
Правда, дом наш — без фасаду:
Во все стороны — по заду...
И, как с улицы идти —
Так фасада не найти:
Три окошечка подряд,
Ватер смотрит — значит «зад»...
Тут же ванна, кухня, дверь,
Куда ходит всякий зверь:
И жилец, и поставщик,
И «хаузирер»³, видом дик,
Двадцать раз тревожит в день,
Предлагая дребедень...
А за домом — тесный сад
И совсем уж не фасад:
Тут столбы в земле стоят;
Тут из четырех домов
Пыль летит к нам от ковров;
И дружиться надо днями

Нам с чужими простынями;
 Тут рубашек стройный вид
 Рукавами вниз висит;
 И так часто видим мы
 Прелесть мокрой пижамы...
 И, притом, нам видно это
 Из окошка кабинета,
 Ибо кругозор наш — сер
 И не выше, чем партер
 Или полу-бель-этаж...
 Ну, под нами есть гараж,
 Есть еще и мастерская...
 Прачек шум, водой играя,
 Шлет нам пар из-под земли,
 Чтобы мы чихать могли...

И еще одна препона:
 Дом построен из бетона,
 А бетон-то (вот беда!) —
 И для шума, и для тона
 Препрозрачная среда...
 Все, что в доме ни случится,
 Все в пещеру к нам сочится:
 Дверью хлопнул некий фрукт,
 Поставщик принес продукт,
 Иль — на лестнице беседа
 (Ибо житель наш неглуп
 И ему — повсюду клуб...),
 Или пенье у соседа,
 Хитлер два часа⁴ орет,
 Иль ребенок заревет,
 Иль над нами злая сила
 Что-то на пол уронила,
 Иль, исполнив долг природы,
 Кто-то спустит многи воды... —
 Все как беспокойный дух
 Оскорбляет нам наш слух!..

Что поделать? Все же в общем —
 Мы не ропщем! Мы не ропщем!
 Мы ведь все же не бездомны,
 И укрыты, и укромны...

Это все я докажу,
Как квартиру покажу...

ПЕРЕДНЯЯ

Лишь в переднюю войдешь, —
Тумбу белую найдешь:
Это ледник, — но беда! —
Для него не купишь льда,
А стоит в нем, в затемненьи
Наше старое варенье...
Но, салфеточкой покрыт,
Открывает *вдаль* он вид:
Вид на древний русский храм,
Что писал художник сам,
Посетивший те углы
Во селении Малы,
От Изборска недалеко...
Усладителен для ока
Храм, уснувший на заре
Утром рано в ноябре
Как, в досуг от школьных дел,
Макаровский⁵ его зрел...
Он зовет нас всех к обедне...
И царит над всей передней.
 А в жилище, иль в квартире —
 Комнаты всего четыре,
 Кухня, ванна и клозет
 (По-немецки — «туалет»...)
 Но дано нам света в меру
 И, жилище обойдя
 И на небо поглядя,
 Всякий вспомнит про пещеру...

КУХНЯ

Из передней сразу влево —
Закоулок кухни. Дева
Здесь швейцарская должна б
Или кулинарный раб?

Нам варить туземну пищу
На потребу полу-нищу.
Но, увы! — Строга к нам парка
И сама мадам-кухарка...
Судомойный же изьян
Восполняет (небу жарко!..)
Бывший «Проф. Ильин Иван», —
Ныне кухонный мужик,
Что смирением велик...
Значит: сальная посуда,
Все стаканы, плошки, блюда,
И помойное ведро,
И кастрюльное ядро —
Все здесь брызжет, все здесь трется,
Оттирается, скребется,
Все здесь моет каждый день
Моя ропщущая лень...⁶

Но, увы, наш дом без плана —
И при кухне нет чулана...
Видно, так уж быть должно:
Все суется нами рьяно
В плоский ящик за окно...
А в ответ ползет оттуда
К нам гриппозная простуда,
Отчего, узнайте прямо,
И хворала моя дама...

«ТУАЛЕТ»

Из передней — «туалет»...
Тут для танцев места нет,
Посещение не людно
И удобства — одно судно.
И, уж если кто вошел —
То садится на «престол».
С вентиляцией же скудно...
Кто-то волю дал греху:
Где-то там, совсем вверху,
Снизу призраком видна,

Зрится шелочка окна...
Как откроешь — не закроешь,
Но от ужаса завоешь:
Ибо хладный воздух, вот,
Вмиг зальет тебе хребет —
Образуется «люмбаго⁷»,
Ходишь, скрючен, как навага,
Ноет стан и рвет плечо...
От припарок горячо...
Вообще милльон терзаний
И тогда — не до дерзаний...
Если же окно закрыть,
То не знаешь, как и жить —
Ибо где забыта мера,
Там бывает ат-мос-фе-ра!..

ВАННАЯ

Дальше — ванна: тоже тесно,
Что поставишь — неуместно...
В ванну дует из окна...
И когда купаться будешь,
Занавеску же забудешь,
То снаружи — среди стужи —
(И подумать страшно вчуже!)
Вся фигура всем видна...
И, ужасное устройство! —
Душ имеет злое свойство:
Он устроен как кишка,
Змеевидная пока,
А потом — с раструбом брызг,
Чтобы мокнуть сразу вдрызг...
Только пустишь воду в душ,
Змей становится как муж:
Прям, надут и энергичен,
И довольно неприличен,
Начинает трепетать,
Содрогаться и журчать,
Рвется прямо вон из рук,
Причиняя злой испуг...

А из самого раструба —
(Ну, кому же это любо?!)
Не вода стремится впрок —
Хладный воздух льет свой ток!..
Тут такой бывает страх,
Что не знаешь впопыхах,
Как прикончить это действие,
Душе-водное злодейство...

Кроме змея в ванной, вот,
Бойлер газовый живет:
Не без воя, не без храпа,
С водо-пьяным животом,
В виде беленького шкапа...
Малым огненным глазком
Он глядит на человека,
Обещая от беды
Ток пылающей воды...
Ах, не верь ему! — Калека
Обещанье может дать,
Но сумеет ли сдержать?!
От воды его — нам жестко,
А в душе его — известка
Оседала, как навоз,
И устроила склероз,
Преждевременный, конечно,
Но едва ли не навечно...
Словом, не водоснабженье,
А тревога и мученье...

ОПОЧИВАЛЬНЯ

Ну, теперь мы дверью средней,
(Продолжая из передней!)
Продвигаясь все вперед,
Но блюда всегда черед, —
Попадаем в угол дальний:
К нам (прошу) в опочивальню!
Здесь повсюду простота
И, признаться, теснота...
Строгость скудных, скромных линий...

И царит оттенок синий.
Два «удобства» содержа,
Тумба делит две кровати;
И на дальней, как моржа,
Спит, уставши от проклятий,
Позабыв свою «мигрень»,
Что томит его весь день,
Сам поэт, в виденьях сна...
А на ближней — тихим вздохом
Под зеленым пледа мохом
Спит и грезит, чуть видна,
Утомленная Она:
Нимфа, муза и аугура⁸,
И Хранитель, и Цензура,
Разделительница бед
И премудрый мне совет.
Что ей снится, когда спится?
Где живет ее мечта?
А когда без сна ложится,
Чем предметно занята?
Неизвестно! Все молчит...
Только утром из-под пледа
(Это видно от соседа...)
(И какой прелестный вид!..) —
Кончик ножки чуть глядит...
А над ними — Ангел строгий,
Сон лелея их убогий,
Осеняя их крылом,
Ограждает весь их дом...
Вот домашний эскулапик
На стене повесил шкапик:
Капли, бром и валерьян,
И про все, про всяк изъян —
И от нервов, и от барства
Всевозможные лекарства...
(Что она — не признает,
Он же пьет, как идиот...)
На комодке пустяки
(Щетки, шпильки, пузырьки).
И еще два гардероба
(Для одежды их утроба...)

А меж ними, на стене
(Так висит, что видно мне),
К путешествию взывая,
И мечтою утешая, —
Сновидений наших страж,
Славный Хóббеми⁹ пейзаж:
В даль, нам данную от Бога,
Уходящая дорога...
 А у двери пылесос,
 Что пылит при чистке в нос...
 Да со шкапа, как оконце,
 Электрическое солнце
 Молчаливо, день и ночь,
 Отвернувшись, смотрит прочь.
Но всего не скажешь, нет!
Ожидает кабинет.

КАБИНЕТ

Три гнезда могучих — вот! —
Свой расставили живот,
Предлагая свои чресла
Для сиденья в коже кресла,
Чтоб раскинуться рукой
И найти себе покой...
А под нами наш ковер
Свой рисунок распростер
И лежит среди дороги,
Всем гостям лаская ноги...
Посередине ж гордо встал
Красный дерева овал,
И на нем по вечерам —
В свет и в радость всем, и нам,
Старый черный граммофон
Издает певучий тон —
Вертит черные пластинки,
Где на каждой (в знак картинки)
Глупый пес, поднявши нос,
Задаёт живой вопрос,
Ничего не понимая,

Что за штука здесь такая:
Голос барина слышать,
Самого же не видеть?!

Вот и мы, как этот пес,
Приподнявши кверху нос,
Внемлем гласу глубины
И ее приемлем сны...

А над этим — тихий вид: (Нестеров)

В белой рамочке висит
Песня, внятная во сне
Непроснувшейся весне.
Тишь безлюдья, нежность девья,
Желто-зрачную листвою
В темный пруд глядят деревья,
Повторяя в нем свой строй.
Гаснет в небе луч вечерний.
И в молчании лесном
Ход весны, от века древний,
Мыслит Бога древним сном...

Это — Нестеров, колдун,
Русской прелести ведун,
Дал сие обетованье
Нам на долгое прощанье.

Рядом с ним течет Ока, (Бакшеев)

И над нею — облака,
И простор равнины русской
Обозначен лентой узкой
Убегающих холмов...
И душе не надо слов,
Чтоб разверзлись ее взоры
На родимые просторы...
И еще пройдут века,
А Ока и облака
Будут так же петь Россию
И всерусскую стихию,
Как Бакшеев, старец милый,
Нам воспел родные силы...
Вот в углу большущий шкаф:
Книги в нем, от чуждых лап
Приукрыты темнотою,

Спят, довольны теснотой...
 А потом — пространства шелка —
 И удобно держит полка
 (Прямо — ошупью бери,
 Коли нужно!) — словари.
 Под окном дубовый стол,
 Весь заставленный вещами,
 Весь заваленный листьями,
 Освещенный под углом
 С двух сторон большим окном,
 Производит в море зол
 Мой писательский глагол...
 Над столом сияет свет: (Антонов)
 То художником отменным,
 Умным, зорким, вдохновенным
 Акварельный гимн пропет.
 Посмотри — в час летних грёз
 «Вздохов мост» свой вздох вознес,
 И Венеции старинной,
 (Где всегда страдал невинный!),
 Темный угол озарен,
 Возвеличен и прощен:
 Все, что было рокового,
 Все, что здесь и вздох, и стон —
 Тайна казни, сумрак злого —
 Божий луч простил и снял!
 Улетела скорбь былого...
 Свет всю тень в себя вобрал...
 И от неба голубого
 Взголубел прямой канал!..
 А под ним — тиха, мудра,
(Микель
Анджело¹⁰)
 Горних ангелов сестра,
 Фолиант свой приоткрыла
 Велемощная сивилла,
 Целомудренная мать,
 И грядет благая сила,
 Чтобы Божью благодать
 Людям грешным преподать!..
 А направо от стола,

За стеной, где уже мгла,
Смотрит клавишами вдаль
Черный Блютнера рояль,
Предлагая в краткий срок
Утешения поток...
Полевее — книги, ноты,
Сладкий мед блюдут, как соты...
И на шкафчике букет
Из колосьев златотканых
Молча свой хранит привет
Для незваных и для званых...

Над роялем, на стене,

Видный даже при луне,
Женский лик Ее портрета
Как бы требует ответа,
Вопрошая строго вас
Вдохновенным взором глаз,
Год издревле, от начала,
Мысли долгие храня,
Целомудренно молчало
Пламя тайного огня...

(Габричевский,
Портрет Н. Н.¹¹)

Под портретом, полевее, (Матео ди Джiovанни¹²)
В робком вздохе духом млея,
Тихой святостью велик,
Зрится некий женский лик:
То стыдливость невзиранья,
То прозревшее страданье,
То мелодии молчанье,
То мелодия *сама*:
Все смирилось, все простилось,
Все забыто, что явилось,
Ибо в духе ей открылось
Тайнозрение ума:
Сил таинственных виденье,
Красоты проникновенье,
Для которой жизнь — тюрьма...
Так Маттео ди Джованни,
Из Сиены мастер ранний,
В озаренный некий миг

Сущность святости постиг...

А правей — еще портрет.
 Вот он — русский наш поэт,
 Ключ текущих песнопений,
 Мастер ритма и прозрений,
 Кем родной гордится край...
 Словом — Метнер Николай!
 В созерцании глубоком,
 Вдаль уставясь мудрым оком,
 Складку мысли чуть-чуть двинув
 И назад слегка откинув
 Темнокудрую главу,
 Внемлет как бы наяву
 Гласу Божией росы...
 И подъемлются власы,
 Вдохновением гонимы,
 И персты, в портрете зримы,
 Чуя звуковой узор,
 Уже ищут перебор...
 Миг один — и даль видна...
 И, духовно рождена,
 Запоет чудесно тема
 И раскроется поэма...

(Метнер¹³)

А повыше — Коллеоне,
 Славный вождь во время оно,
 Грозно латами звеня,
 Натянул бразды коня...
 Он и конь — вдвоем одно
 Судьбоносное вино,
 И одной держимы страстью
 Дышат трепетною властью...
 Так Вероккио могучий,
 Чернь постигнув до конца,
 Пригрозил ей грозной тучей,
 Суд творящей от Творца...

(Вероккио¹⁴)

Вот коричневая рама
 Потрясает зраком нас
 Первозданного Адама
 В пробужденья утлый час...

(Микель-Анджело)

Все в нем робко, изумленно,
Все полно небытия
И несет его земля
Тихо, сумрачно и сонно,
Как над бездною ладья...
Но к тому, что дремлет косо,
Вот — от века на века
Протянулась живоносно
Божья дивная рука...
И к таинственной отчизне
Призывая рабский вид,
Искру пламени и жизни
Перст спасительный струит!..
 Се, Творец мой и Зиждитель,
 Ход Твоих великих дел
 Сам почти что неба житель,
 Микель-Анджело узрел...

(Икона)

А еще немного выше,
Между дверью и крышей,
Как молиться станем мы —
Узрим «Спаса из тюрьмы»...
Я обрел его когда-то,
В третий раз был заключен
И случайно приведен
От бутырского солдата
В камеру, где накануне
Два святителя земли,
Осужденны бывши втуне
В миг последний вознесли
Пред иконой, в подкрепленье,
Исповедное моление...
Мне Никандр, Епископ Вятский¹⁵
Разрешил любовью братской
Взять икону навсегда...
И с тех пор, когда беда
Угрожает мне ловитвой¹⁶,
Я горячею молитвой
Пред иконою молюсь
И спокоен становлюсь...

(Фра Беато)

А пониже, под Адамом,
 Над зеленым креслом самым
 (Тут же рядом — телефон
 Издаёт болтливый звон!) —
 Некий Петр, святой Молчальник¹⁷
 (Людям замкнутым начальник),
 Приложивши перст к устам,
 Он велит болтливым нам
 Празднословия чуждаться
 И молчанью предаваться...
 А прескорбный его взор
 Произносит приговор...
 Такова сия заплата
 На язык от Фра Беато —
 Телефонщикам, гостям,
 И поэтам, и всем нам,
 Чтоб того не говорили,
 Что в душе не доварили!..
 Вот и кончен кабинет...
 И как будто его нет...

СТОЛОВАЯ

А теперь — чреда другая:
 Дверь стеклянно-раздвижная,
 Открываясь в разлет,
 Нас в столовую ведет.
 В этой комнате премалой
 Цвет царит золотой и алый:
 Посредине с потолка
 Золотого колпака
 Полушарие висит
 И вечерний свет хранит,
 Кресло алое стоит;
 Скатерть алая видна,
 Занавеска у окна
 (То есть — у балконной двери,
 Застекленной в должной мере);
 Алый цвет закрыл весь пол
 И в обои себя вплел...

Алым шелком угол скрыт
И на полке здесь стоит
Аналоем у амвона
Наша чудная икона:
Божья Матерь Умиленья
Для усердного моления...
Свыше лет двухсот назад
Живописец, оком свят,
Вдохновившись здесь и там
По древнейшим образцам,
Написал сию икону
Алым светом по златому,
Так, что где она стоит,
Там и алый цвет царит...
Описать икону эту
Слабосильному поэту
Невозможно: светел зрак,
А слова — как древний мрак,
Не способны петь ко свету? —
И уходит слабый звук
В целомудренный испуг...
Благодать, святость, тишина
И блаженное прощенье,
И любовь душе дана,
И струится умиление:
Гимн хвалы душа поет,
А лампада свет лиёт...
 А внизу, слегка во мраке,
 Из неизвестной дали
 Тихий вздох подьемлют злаки
 И колосья от земли...
На кустарной полке рядом —
Утешенье русским взглядам:
Изо Пскова мастерство —
Полотенце водопадом —
Кружев русских торжество...
И над ним — травинки рядом:
Память ласковой души —
Из Изборска камыши.
 А повыше полки той

(Евг<ений>
Климов)

В рамке тускло-золотой
 Нежным светом озарен
 Храм изборский вознесен...
 Утро, раннею весною.
 Солнце светит, но без зною.
 И земля в ответ и в дар
 Воссылает тонкий пар
 Нежно-зрачной пеленою...
 На распутии, не в ряд
 Избы русские стоят;
 И деревья, как сквозь сон,
 Чуть желтеют из пелен...
 А за ними, но повыше
 В изумрудно-светлой крыше,
 Окруженный неба славой,
 Голубеет одноглавый
 Православный русский храм:
 Откровенье — простотою,
 Сновиденье — красотою,
 Он сияет лаской нам,
 Как наследие веков,
 Уцелевшее поныне,
 А грядущего пустыне —
 И обет, и гимн, и зов...
 Это — вздох самой России,
 Как вздыхала от Батя, —
 Во смирении сильна,
 Всеомолитвенно она...
 А подслушал вздох сей древний
 (Что — чем глубже, тем безгневней...)
 Мастер с нежною душой,
 Созерцанием живой,
 Усладившись тишиною
 И «Грядущею Весною»¹⁸,
 Разыскатель Херувимов —
 Друг и брат, Евгений Климов... —
 Вот буфетик — кверху длинный
 И посуда синей глины
 Веселит его извне...

А на узенькой стене
Украшением висит
Небольшой и круглый щит:
В синий бархат здесь упали
Три серебряных медали —
И, резцом и оком лих,
Тонкий мастер сделал их;
И от нашего Кремля
Зрится русская земля!
Спасских Врат священный вид;
Грозно Пушкиа-Царь глядит;
И, живой глагол преданья, —
Сам Царь-Колокол лежит:
Символ вечного молчанья,
Любозвонности церковной
И неистовости кровной...
И, еще последний штрих:
На стене, повыше их,
В тонких линиях бесспорна,
В инкрустации узорна,
Тихой грации полна,
Вознеслася всем видна
Ваза малая из древа, —
Память града Сараево...
Вот и все, как мне сдается...
И теперь нам остается —

ГОРНИЦА

Комната Ее самой,
Или женственный покой...
Из передней — сразу вправо —
(Дверь на дверь прет... Стой! Застава...)
Виден сад и небосклон
И царит лиловый тон...
На закат... Лучом пылая,
Нам показывает он
Лик Святого Николая,
Что, иконой вознесен,
Из угла глядит престрого

На людей, забывших Бога...
 Посреди воздвигнут стол, —
 На изящных ножках в пол
 Упирается игриво
 И украшен прихотливо —
 (Стиль какого там «Луи»? —
 Мысли спутали мои...).

Сувениры, мемуары
 Русские пенаты, лары,
 Вазы, травы и картины,
 Гобелены, книги, глины,
 Фотографии, часы —
 Все, что нужно для красоты...
 И огромный книжный шкаф...
 Я его, как древле раб,
 Полировкой докучной
 Обновил порою скучной,
 И теперь, принявши вид,
 Он, как новый, весь блестит.

А в углу стоит трюмо!
 Я (без всякого бон-мо^{19!})
 Подойду к нему прегордо —
 И видна моя трюморда...

Нету кресла! Но диван
 Для сидения нам дан,
 Для семейного совета
 И для чтений из поэта...
 А лежать на нем нельзя —
 Слишком узкая стезя...

А вокруг?... Но все в черед
 Описание найдет...

Вот две жрицы, две менады²⁰,
 (Флорент<ийский>
 горельеф)
 Чтоб приветствовать зарю,
 Для заклятия и страды
 Ведут жертву к алтарю...
 В вихрем веющих одеждах

И с огнем в поднятых веждах...
Подземелье, как тюрьма,
И вокруг ночная тьма...
И одна ведет и светит
И перстом в пространство метит,
Судьбоносна, и гонима,
И лицом неумолима...
А другая, отставая,
С состраданием взирая,
И ведет — и не ведет —
И рукою медлит ход...
В быстром беге тяжкий бык
Головой к земле приник,
Он смотреть боится вдаль...
И в лице его печаль...
Ибо чует он, что смерть
Его жизнь готова стерть,
Что мгновение — и вновь
На алтарь прольется кровь.
И что, видно, его, жертву,
Отдадут Всевышним мертву...

Вот священная глава, (Furia Addormen tata²¹)
Уцелевшая едва
От течения времен
И гибели племен...
Это — Фурия отмщенья,
Внемля воле Провиденья,
Все — от места и до места —
Долго гнавшая Ореста²²...
(Что решился покарать
За отца родную мать
И сыновним изволеньем
И кровавым преступленьем
Матереубийцей стать...)
Но несчастная душа,
Верой пламенной дыша,
Принята была — за пламя —
От Афины в светлом храме...
И у храма на ступени
Под покровом Божьей тени

В фуриозном утомленьи
 Она пала, вняв закон,
 И владеет ею сон...
 И, обычно взором дик,
 Умирился грозный лик...
 И забыто мщенье злое...
 И черты полны покоя...
 Но от пота и росы
 В пряди слиплися волосы...
 Посмотри — черты портрета (Кипренский²³)
 Величайшего поэта,
 Как Кипренский его зрел
 И каким его воспел...

Пушкин — радость совершенства,
 Пушкин — русское главенство,
 Русской славы плеск и звон!
 Мудрость зренья, зоркость чувства,
 Сердце русского искусства,
 Духа русского амвон!

Пламя Божье, — вздох народный, —
 Вдохновенный, страстный ум,
 Светоносный, плодородный,
 Зачинатель наших дум...
 Ты, великий и свободный,
 Свергший атеизма ложь —
 Ты Россию поведешь!..

Где-то в парке, утром рано, (Антонов,
 Туман ушел)

У забытого пруда
 Под завесою тумана
 Все исчезло без следа...

Очевидность в мире этом
 Не дается не-поэтам...

Осень строгая была,
 И душе — слепой и брэнной —
 Насладиться сокровенной
 Красотою не дала...
 Но душе, могучей оком,

В подчинении высоком
Вся природа состоит:
Ей открыт сокрытый вид,
Ей издревле по вся дни
Мир таинственный сродни...

И пришел художник властный,
Восхотел увидеть ясно

То, чем мир глубок и тих,

И что скрыто от других...

И на зов его прихода

Вдруг подвинулась природа,

Поползли тумана сны,

И свернулись пелены...

И за ними, из-за них,

В час осенний грустно-тих,

Развернулся пруд, как око,

В отражениях глубоко,

И деревьев тихий строй,

Что брегут его покой

Стражей верною у берега

От воздушного набега... —

Мир раскрылся, пал обман,

И «Ушел, ушел туман»...

Так наш друг, Сергей Антонов,

Мастер леса, снега, звонов,

Мастер солнечного света,

С ликом римского поэта, —

В созерцаньи Божьих дел

Символ собственный обрел!..

(Леонардо.

Видишь ли — челом склоненный,

Покаяньем умиленный, Магдалина)

Девий лик молчит в стыде?

То в падении, в беде

Зрак, когда-то исступленный,

Встретил дивный свет очей,

Свет любви, прощенья, зова —

И упала мгла покрова,

И погас соблазн ночей...

И, соблазна ткани свергнув
 И к стопам Его повергнув
 Все — себя, любовь и стон,
 Стон отчаянья, надежды, —
 Ибо все простил ей Он, —
 Обновленные одежды
 Обрела она в слезах,
 И навек поникли вежды...

А священный некий страх
 Сжег бывшее исступленье,
 Грех, и блуд, и посрамленье...
 И омыло муро²⁴ прах
 С ног священных от дороги,
 И власы отерли ноги...

И осталось лишь в чертах
 То, чем вечно святы дети, —
 Простота и чистота, —
 Что дало ей зрак узрети
 В ночь воскресшего Христа!..

Так постигнул милость Божью
 Дух, не ослепленный ложью,
 Дух великий — тайны барда,
 Боговидца Леонардо...

Когда позднею весною (Бакшеев, Весной)

Голубеет неба сон
 И березой, и сосною
 Воздух легкий упоен,
 Когда солнце негу лени
 В душу нежную лиёт
 И расплывчатые тени
 Лес навстречу нам несет, —
 Тогда пруд, в лесу укрытый, —
 Спит в тиши, или не спит, —
 Но, молчанием повитый,
 Тайну важную хранит...

И почуять тайну эту
 Упоительно дано
 Лишь художнику-поэту,
 В чьей душе незримо дно...

Он посмотрит — и увидит,
И покажет верно нам,
Ибо тайну не обидит
Тот, кто к тайне близок сам.

О, Бакшеев, мастер нежный,
Жрец, с главою белоснежной!
О тебе — нам глубь ясна!
И Россия! И весна!

Да, он пойман, побежден
И пощады просит он...
Он — уродливый кентавр,
Телом конь, брадою мавр, —
Человек — нечеловек, —
Но закончен его бег!
И напрасно руки белы
Держат лук, колчан и стрелы...
И бессильны мощны ноги,
Когда гонят зверя боги...
Ибо зверь пред богом слаб
И от века ему раб...
Возмущение напрасно
И восстание опасно...

(Боттичелли.
Минерва
и Кентавр)

Чрез моря, леса, пустыни
Быстр и верен лёт богини:
В тканях светлых, налегке,
Но с секирою в руке.
Догнала его Паллада²⁵ —
(И казнить его ей надо...
Но умилен ее лик
И прощением велик:
Нет суровости строжайшей,
(Но десницею легчайшей
Жестом девственной красы
Захватив его власы,
Она судит его взором
И казнит его укором...

И животное начало,
Повинуясь, кротким стало,

И прощенья молит вслух...
И победу правит дух...

То, что мы сейчас узрели, —
Создал Сандро Боттичелли,
В час, когда пришла беда
Во Флоренции когда-то,
Звавшей к брату милость брата,
Вместо грозного суда,
И нашедшей здесь дорогу
К всепрощающему Богу...

Ну, еще последний вид —

(Гобелен с
павлинами)

И Господь меня простит...
В темной бронзе лиловея
И мечтой старинной вея,
Некий старый гобелен
К нам попал в почетный плен,
И висит красой беспечной,
Тайный символ жизни вечной...

На востоке, — где, не знаю, —
Было древле место раю.
Рай был чуден и блажен
И твореньем совершен...
В сокровенной чаще сада,
Среди листьев винограда,
До греха и до паденья
Был поставлен во спасенье
На высокий пьедестал
Богом созданный фиал²⁶...
Заключенный в нем напиток
Содержал в себе избыток
Вечной жизни и любви.
Но напитку приобщиться
И струей его упиться,
Чтоб огонь его в крови
Вечным током начал литься,
Мог лишь тот, кто вдохновенно
Воспарил над тем, что тленно,

И, взлетев как некий бог
Над основной пьедестала,
До священного фиала
Досягнуть главою мог...
А в раю, средь Божьей твари,
Создававшейся по паре,
Окружен великой славой
Жил павлин, с своею павой...
Птица некой скрытой власти,
Дерзновенной красоты,
Солнца, воздуха и страсти,
Затмевавшая цветы...

И однажды, в час лобзаний
И полуденных дерзаний,
Насмотревшись в солнца зрак
И свершив свой дивный брак,
Надышавшись духом кринов²⁷,
Поднялась чета павлинов
Выше персти²⁸, выше тли²⁹,
И воздыбившись к фиалу,
К заповедному кристаллу
Райски созданной земли, —
Упилась самозабвенно,
Всеблаженно, вдохновенно,
Поселяя огонь в крови,
Вечной жизни и любви...

И божественный напиток
Даровал им свой избыток,
Сей бессмертия поток
И грядущего залог —
Память райского блаженства
И земного совершенства...

И гласит нам гобелен:
Что не вечны тлен и плен;
Что бессмертье нам доступно,
Но лишь там, где совокупно
Мы от тлена воспарим
И, любовью вдохновенны
И навек соединенны,
Духом к Богу возгорим...;

Что напиток тайный в чаше
Есть духовная любовь;
Что должны мы вновь и вновь
В ней искать спасенье наше,
Ибо Богом в ней дано
Нам бессмертия вино...
И блажен, кто пьет в раю
Богоданную струю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каждый будь доволен тем,
Что дано ему от Бога,
И не спрашивай, зачем
Ему послано немного...
Но прилежно созерцай,
И, коль можешь, воспевай!
 Так, ища поэту пищи,
 Наше скромное жилище
 Обошли сейчас и мы,
 Наблюдая, созерцая,
 И, что можно, воспевая,
 Видя смехом, — что от тьмы
 И любовью, — что от света...
И нельзя судить поэта,
Если пение его
Не могло явить всего:
Ибо он главою болен,
А по скромности своей
Он в юдоли грешной сей
От души всегда доволен...
И притом доволен всем,
Что дано ему от Бога,
И не знает сам, зачем
Ему послано немного...
 Так учил его Дидим,
 Что ходил всю жизнь нагим,
 И нагой, — в том нет сомненья! —
 Принят в райские селенья...

Искусство (1930-1933)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА (ИТАЛ<ЬЯНСКИЕ> ВПЕЧ<АТЛЕНИ>Я)

Художник призван принять *вещь* в свою душу с тем, чтобы увидеть и показать другим *божественное*, как его (вещественного) божественное и как *свое* (человеческое) божественное. Отсюда-то скованность художника всеми тремя законами: вещи, души и Бога. *Верность* творящего художника всем этим законам *сразу* и *свобода его в них* — есть *гениальность*.

«Вещь» (это есть условное и сокращенное обозначение эстетической материи) — не всякая и не всегда говорит художнику; для «неподходящих» ему комбинаций эстетической материи художник как бы глух и слеп; он нуждается в *покорности*, выбирает и отвергает. В покорности — не себе и своему произволу, а *одерживающему его божественному предмету*. И тем не менее эстетическая материя имеет свой закон, который она *навязывает* художнику (напр<имер>, грамматика в языке; человеческое тело в драме и танце; трехмерная перспектива в живописи; лады и элементарная гармония в музыке). Художник властен *гнуть*, но *не ломать* законы эстетической материи. Где он их ломает, возникает нехудожественная клякса. Гению удастся в *сгибании* открывать *новые* законы и формы эстетической материи, которые (законы и формы) могут иногда производить впечатление *слома*, а на самом деле образуют новые творческие *сгибы* от природы данной эстетической материи, — сгибы, рожденные, и предметно обоснованные, ибо предметом потребованные.

Таковы все «*хорошие*» неологизмы, «*новые*» движения в танце, жесты и приемы на сцене, «*неслыханные*» диссонансы и т. д.

Нельзя говорить, что *гению* «*позволено все*»; на самом деле — это *эстетическому предмету* дано почти полно-

властие над эстетической материей и *эстетическим образом*.

Отрицательные примеры: разломанный на образные куски портрет Пикассо¹ (галерея Щукина в Москве); музыка Стравинского² (напр<имер>, Соловей); многое у современных русских поэтов.

Все это требует бича и чистки.

Надо было бы создать сатирическую школу, утверждающую *вседозволенность в искусстве*, и развернуть ее практически на буйных образцах. *Dum risum sanabit?*³

1925.VIII.30 Siusi

1930.VIII.14. Morschach.

Поэт не должен *перетрачивать* средства и непомерно нагромождать декорации, аксессуары, слова, краски. В искусстве обязательна своя экономия, эстетическое домоводство; «перевоплощение» (в смысле чрезмерного, многократно-крикливого, назойливого, ненужного выражения эстетического предмета) создает «кризис» (нехудожественности) — в произведении искусства подобно тому, как и в хозяйстве. Спасает творческое чувство меры, столь мало присущее, напр<имер>, Бенедиктову⁴, Скрябину⁵ (экстаз), Стравинскому, модернистам французской живописи, Марине Цветаевой⁶ и другим представителям «декадентского накала». Столь присущее Пушкину!

Художнику нужно поменьше снисходительности к земным и личным побегам своей личной фантазии. Надо уметь нещадно «урезывать» себе «ухо десное⁷». Надо конденсировать переживание эстетического предмета, а не вываливать ассоциативно и «поярче» все подряд: дескать, «выражайся и заражай»... Являясь в обличии образа и эст<етической> материи, — предмет не должен тащить за собою все свои бесконечные и «возможные» гардеробы. Надо искать *единственно верное и единственно точное*. Художник обязан проколоть образ и вещь острием *предмета* — и представить зрителю (или слушателю) уколоться об это острие. Модернисты этого не могут; они все пытаются ударить, ушибить до ссадины, а потом эту ду-

шевную ссадину еще и расчесать (Стравинский!). И вызывают в здоровой душе только эстетическое отвращение.

Больше кузницы; меньше облаков! Больше строгости и эконо<ней>, меньше развязной расточительности (дурной тон)! Больше ювелирной работы, меньше воланов, рюшей, «кrrrrассочности»!

Надо учиться писать придиричиво, безжалостно к себе. Коротко; нечего размазывать. Без восхищения перед собственной пышностью. *Горько и точно...* Есть правило непоколебимое: «где *можно* сократить, там *должно* сократить».

И рифму! Рифму!

Рифма, сама по себе, целый аскез, закон, веяло. Ее видимая сладость — деспотична; она таит в себе начало спартанское: строгую точность музыки, колокольный ритм. Во всяком случае она понуждает к аскезу; требует напряженной сосредоточенности.

А обычное «вдохновение»... бывает лениво, и распушено; и самодовольно (Бальмонт⁸, Бенедиктов и др.)

1925.IX. 25. Siusi.

1930.VIII.14. Morschach.

Искусство является в известном смысле продолжением природы: оно вырастает (и *вещественно*, и *душевно*) в объеме природы и притом в таинственном соблюдении *естественных законов*, и как бы обременяя или нагружая (каждый раз по-особому) данное сочетание *вещественности* или *душевной образности* *своими* предметным содержанием (может быть, прямо — откровением).

Так, напр<имер>, в архитектуре не только обязательно знание *естественных законов*, но без соблюдения их она просто *невозможна*. Это знание даже выделяется (учение), «рационализируется», т<о> е<сть> берется *рассудком* и «материализуется». Может быть, именно поэтому *эстетический акт* архитектора требует *особого дарования*: иначе *техника* съедает *искусство*; бытовая потребность и рассудок поглощают красоту или выпирают ее.

В старых немецких городах (особенно в Аугсбурге, Эрфурте, Хильдесхайме) есть множество старых домов — целыми улицами — с треугольными фронтонами и разноцветными фасадами и карнизами, и каждый (буквально каждый) дом со своим особым лицом и особою завершенностью. Слагается впечатление, как если бы немолчно пел хор индивидуально-самобытных голосов, — и каждый свою самостоятельно выработанную партию, — и все молчит — *хором молчит многоголосую песнь*. Какая сила в слиянии быта и искусства! Какое слияние социальной дифференциации с эстетической индивидуализацией! Поистине — завершенное и свободное сосуществование индивидуализированного множества — есть *modus essendi*⁹ и человеческой культуры вообще, и полифонического искусства в частности.

Но по сравнению с этим явлением еще загадочнее и таинственнее рождение единого — религиозно и эстетически единого — собора, строившегося в течение ряда поколений *людьми, никогда не видевшими друг друга*. Миланский собор начат был в 1385 году, а фасад его был завершен при Наполеоне в 1805-1809 годах. Его строили и немецкие, и французские, и итальянские архитекторы в течение 425 лет. Единство религии — сходнородность религиозного опыта — единый предмет — наследственно передававшийся и воспринимавшийся замысел эстетического образа, все более и более вещественно закреплявшегося — и единство говорящей и глядящей Предметом *вещи*. Коллективный объект множественно-совместного творчества — интернационально-христианский вздох, и гимн, и овеществленное Бого-миро-народо-постижение. А природа вместила в себя это здание (градус широты и долготы), как одно из своих лучших явлений...

1927.II.12 Аугсбург
1930.VIII.14. Моршах

У каждого стихотворения есть единый ритм, единственный в своем роде. Этот ритм стихотворения есть *единая связная система*, объемлющая *все* стихотворение от начала до конца. Это есть как бы система сгущений, уда-

рений, выступающих холмов, выделяющихся существенно-стей, — если угодно, толчков, идущих от предмета через ткань эстетического образа в ткань эстетической материи. Это живой и властный пульс предмета, облеченного в образ и движущегося в материи. Шопенгауэр¹⁰ назвал бы это *волею*. Это как бы *походка предмета*: способ его динамически быть и динамически сообщаться.

Стопа в стихотворении, *такт* в музыке, *па* в танце — даны как элементарно-условный суррогат ритма ритмически-беспомощным методом. Для художественного ритма — и стопа, и такт, и па — только глина или условный способ записи. Срв. ритм в романсе Метнера «Сумерки» (Тютчева).

Или у Добролюбова Н. А.¹¹ — «В церкви»:

Гимнов божественных пение стройное
Память минувшего будит во мне... —

четырёхстопный дактиль вдруг преобразуется в двухстопный стих, состоящий из двух *шестисложных* стоп с ударением на четвертом слоге (или: трибрахий — дактиль — трибрахий — дактиль?):

1. С воспоми[∇]наниями, в самозабв[∇]ении, v — цезура!
- - - / - - - - - / - -
2. Дётскими чувствами вновь я горю
- - - / - - / - - /
3. Только уж губы не шепчут моления
- - - / - - / - - / - -
4. Только рукой я креста не творю.
- - - / - - / - - / *

Преобразование это глубоко мотивировано-психологический провал (в воспоминания и самозабвение) приходит, как оглушительный удар и требует (декламационно) выдержанной и насыщенной паузы; но приход его совершается на перевале, разделяющем стихотворе-

*Поэтика, кажется, вовсе не знает шестисложных стоп! Кончает на пятисложной (дохмий ∪ // ∪ /).

ние на двухстрочный протазис¹² и однострочный апотазис¹³.

Две последние строки, заболевшие безударностью провала — несколько опоминаются после воскресшего во второй строке быстрого дактиля «детских чувств», но остаются при *трех* ритмически ударных стопах: стихотворение угасает в *ритмической неисцеленности*, что соответствует и душевному образу и эстетическому предмету.

1929. Декабрь. Берлин.

1930.VIII.14. Моршах.

Эстетическая материя, как таковая, не смеет перемещать на себя центр тяжести. Она вся не *для* себя и не *от* себя. Полная самопожертвованность эстетической материи есть критерий художественности. Она не смеет обращать на себя, как таковую, подчеркнутого внимания: «вот я как», «ой да рифма», «каково выраженьице»; она не смеет косить на себя грешным взглядом, любоваться собою, щелкать соловьем, кокетничать и аффектировать, тем более «эпатировать» или пускать пыль в глаза, уши, нос. Иначе она будет загораживать образ и предмет, фразировать чувственную апперцепцию¹⁴ (а иногда чувство меры и эстетически-материального «примечания») у воспринимающего или просто выделять в акте восприятия физиологический план (Скрябин, Стравинский, Рихард Штраус¹⁵). Напр<имер>, оглушительный бас декламатора; раздражающе-прямая, чувственная оркестровка; ненужная пестрота красок; ненужная резкость светотени (у Сарьяна¹⁶ она оправдана!); словесные выкрутасы у оратора).

Эст<етическая> материя, входя в душу, должна быть уже адекватною оболочкою образа, который должен быть уже адекватною ризою предмета; сосредоточивать на *них*, а не на себе. Иначе получится глупая, пустая дура в кричащем платье. Эстетически-материальное *как* есть лишь вздох и стон эстетически-предметного *что*.

1922. Берлин

1930. Моршах

Эстетическая материя не смеет загоразивать образ: она должна зажигать воображение незаметно, сразу; спичка, которую нужно чиркнуть много раз, сомнительна. Эст<етическая> материя не смеет ставить воображение в состояние недоуменной растерянности, заставляя его обращаться к автору с вопросом рассудочного объяснения. Воображение должно глотать эст<етическую> материю, не замечая, что оно ее глотает и вот проглотило. Иначе эстетическое восприятие не составляет.

Напр<имер>, стихотв<орение> Фета¹⁷ «Купальщица»:

Узнал я и наряд, взглянув на белый хрящ... (?)

Воображение растерянно пресекается, не умея ничего увидеть за этим якобы являвшемся поэту «белым хрящом»... (?)

Таково же многое у Ремизова¹⁸, злоупотребляющего аллегориями, фольклором, провинциализмами (напр<имер>, Посолонь) и необузданными, самодовлеющими выходками фантазии.

Таково же многое у Вяч. Иванова¹⁹ (вымученные, псевдо-ученые аллегории, взывающие к толковому словарю).

Или у художников импрессионистов, которые нередко как бы нарочно подчеркивают свое мнимое «презрение» к воспринимающему зрителю; «не видишь, тем хуже для тебя».

В музыке таково соотношение между музыкальной тканью произведения и чувствующе-воображающе-волевым «ухом» слушателя. Музыка, не вышивающаяся сразу и непосредственно на ткани души, не растворяющаяся в потоке души — не воспринимается; слушатель, как часто говорят, «не понимает» «эту музыку».

Это не значит, что *каждое* произведение искусства должно и может быть доступно *каждому*. Людям лишенным дара жить *этим* искусством («зрительно» бездарным, музыкально тупым и т. д.); людям с каменным воображением или узеньким духовным кругозором — редкое произведение искусства что-нибудь «скажет». Но людям с живым, гибким и легким восприятием, актом и духом — принадлежит *право*, именно *право требовать* от авторов определенной доступности. Конечно — до *гения* надо

подняться — перестроением своего акта, усилием и вдохновением. Но творцы эстетической абракадабры *не смеют* начинать с предпосылания своей гениальности. Есть *презренное* и *пошлое* своеобразие; бывает самобытность, заслуживающая не воспринимающего усилия, а разоблачения, кары или сумасшедшего дома.

1922. Берлин
1930. Моршак

Символическое взаимопроникновение *предмета* и *образа* не должно вызывать в душе воспринимающего — ни затруднений, ни даже раздвоения. Когда после пьес Ибсена²⁰ («Дикая утка», «Бранд») — люди спрашивают друг друга: «Скажите, это — символ?!» — то это уже не благополучно. Образ должен быть *самодовлеюще закончен*, так, как если бы за ним не укрывалось никакого, особого «символизирующего предмета». Закономерность образа не должна быть нарушена, сломана или попорана предметом; тогда произведение художественно. Никаких неуложившихся «концов», «хвостов», «кусков» предмета не должно торчать из-под образа, выглядывать из него, дразнить своею сверхсметною наличностью. *Третий* план предмета должен уложиться целиком в образ; иначе образ станет «прокрустом» предмета; художественность будет нарушена. Эти остатки не должны высовываться даже в форме разоблачающего образный план «безумия» (безумная Герд в Бранде с ее выкриками о «коршуне»; фигура Тю в Дrame Жизни Гамсуна²¹ с его натянутой фатальностью и т. д.). Нельзя прерывать, разочаровывать, перерезать самозаконную работу воображения — сообщениями *из* иного плана, или *об* ином плане. Предмет должен вливаться в душу *во* образе, вместе с образом, незаметно. В этом *сущность искусства*. Не соблюдающий этого нарушает природу искусства.

Искусство *символично* всегда: σύμβολον²² = сброс в одно, сращение в единство образа и предмета, вращение таинственного предмета в явь образа. «Символизм» в искусстве был не возрождением предметности и, след<овательно>, художественности, а глупо-рассудоч-

ным открытием того, что *можно* и *надо* «что-то такое» обозначивать образами и вслед за тем преднамеренно-кокетливым культивированием этого *обозначивания* при неумении таинственно культивировать самое *обозначиваемое*; да большинству из русских «символистов» (ох, только ли русских?!) нечего было и обозначивать-то! Настоящее искусство *символично*, не кликушествуя о своей символичности, не разбазаривая таинство символического завертывания. Настоящий художник не вопиет о своем «символизме» или «символировании»; он *молча кажет* — развернет образ и молчит о предмете; и притом потому, что все, что он мог и хотел сказать о предмете — он уже сказал *образами* и *в образах*. О сказанном предмете, его отношении к образу и материи — говорить должен зритель, заживший ими, или еще лучше *критик*, культивирующий свою душу для этой цели и задачи.

Итак: образ должен притворяться, будто он *просто* образ и не более чем образ. Всякое дробление и недоумение губит или образную ризу или терзает явленный предмет. Срв., напр<имер>, неудачное стихотв<орение> Случевского²³ «На горном леднике».

1922. Берлин
1930. Моршак

Но предмет должен созреть в душе, быть выношен ею, как бы прожит ею, выжжен в ней; здесь есть субъективно обусловленные, сознанию обычно недоступные и мало подвластные — таинственные сроки предметной беременности. Пушкин знал это:

Постойте! наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем,
Иль необузданным одним поползновением...

«Наброски»

Необузданный образ не может быть ни показан, ни допоказан. Выдумкой здесь ничего не доделаешь, сколько не пыжься. Образ и предмет не срастутся, ибо образ должен как бы быть вытолкнут из души самим созревшим предметом. Даже удачный и могучий образ (а они летают

и толпятся вокруг нас в избытке) — будет в своей *потенциальной символике* значительнее, чем он раскроется сейчас и здесь; останется впечатление невыполненного, незаполненного (в своей потенции) до полного насыщения и напряжения образа; — и томящегося, смутно смазанного предмета. То одежда без тела; то тела не хватает за одеждой; то — пустота, ни тела, ни одежды.

Срв., напр<имер>, слабое стихотворение Случевского «Новгородское преданье».

1922. Берлин
1930. Моршак

Общая формула художественного творчества могла бы быть сформулирована так: художник должен —

1. в *верности* самобытным законам эстетической *материи*, *доведенной* до степени полной, царственной власти над ними, над их органической гибкостью и легкостью;

2. в *верности самобытным* законам эстетического *образа* (в его нечувственном и чувственном составе), *доведенной* до степени властной, отбирающей зоркости и наглядности (как бы «убедительности для воображения»);

3. в *верности предмету* до степени его полного присутствия в бессознательном духовном опыте и до полной насыщенности им, до полного отождествления с ним, так, чтобы он (предмет) сам — выбирал, пел, говорил, лепил, плясал...;

4. в *верности себе*, т. е. в целостной естественности творческого процесса, отдаваясь в усилиях, но без насилия (автономная, непосредственная, искренняя, цельная плэрома) — найти облеченный в точную эстетическую материю законченный эстетический образ, адекватный предмету до степени легкой, полной и цельной пропитанности, прожженности его им (или их; материи и образа — им, предметом).

Эту адекватность материи образу и образа предмету — Пушкин называет *точностью*; одна из высших похвал в его устах.

Вынашивание предмета в верности художника самому себе — Пушкин называет *ленью* — одно из наиболее вожделенных для поэта состояний.

Весь акт, в его зрячей огненности — будет *вдохновением*.

1922. Берлин

1930. Моршак

Рассказ Лескова²⁴ «Загадочное происшествие в сумасшедшем доме» — образец *эмпирического обломка* (казуса, сюжета), художественная природа коего не осуществилась. Предмет в начале выговорен в виде тезиса: тайна в повседневном опыте; но далее — художественно из него ничего не сделано. «5 женщин умерли в одну ночь в двух палатах сумасшедшего дома, без признаков насилия, с однородными ничтожными симптомами; ночью все вместе ходили в клозет, одну из них при возвращении вырвало; вскрытие произведено не было; похоронили; в 1853 году». И все.

Рассказ ведется сухо, почти одни протоколы; ничем не разъясняется; просто: вот, напр<имер>, точно описанный необъяснимый случай; и все.

Интерес, если угодно, возбуждает; но интерес *не* художественный, а интерес любопытства, рожденного жуткостью, и притом жуткостью не из картины смерти, а из криков испуганной сиделки.

Безумие — тайна; но нелепая судьба безумия — не таинственна, а естественна, даже тогда, когда она эмпирически-загадочна. Но и загадочность у Лескова далеко не выявлена (как, напр<имер>, у Эдгара По²⁵): объяснения — чисто судебно-медицинские наклеваются сами; вскрытия не было; и то, что осталось «загадочным» для врача и полиции 1853 года — есть не загадочность тайного (хотя бы эмпирической тайною) объекта, а беспомощность неумело разгадывающего субъекта. Отсутствие разгадки не удовлетворяет даже уголовного любопытства.

Словом, образец художественного провала: скучно-протокольный рассказ (эст<етическая> материя) не насыщен тайною и напрасно интригует читателя тоном

эпической загадочности; эмпирический образ не адекватен предметному заданию; рассказ беспредметен, противопредметен, не художествен. Даже в мемуарах он не заслуживал бы сам по себе более пяти строк.

1922. Берлин

1930. Моршах

На выставке скульптуры Голубкиной²⁶

Знала эта замечательная и самобытная художница, что она пророчит революцию, и притом именно большевистскую, или не знала? Мы знаем, что она на зазывания большевиков *не* отозвалась, умерла голодная и холодная, в Москве. Она сама не болела тем, что видела и показывала; и *как* показывала! Но вряд ли, вряд ли она видела свет и исход...

То, о чем она говорит, есть *трагедия одержимых, лишенных очевидности*.

Ее люди — вылезающие откуда. Из хаоса? Из бездны? Из *духовной ночи*. Вылезают, где-то посидев, побывав, но ничего не увидев. Спали в слепоте инстинкта? Вылезают, не опомнившиеся, не проснувшиеся, даже не очнувшиеся. Что-то ощутившие, чем они и сейчас одержимы, но не пронизавшие оощенного *никакими* лучами, особенно же лучом Благодати. Пьяные ощущением. Темные духом. Ошалевшие, или оглупевшие, иногда криво-уродливо глупые (бюст писателя графа А. Н. Толстого, впоследствии сменовеховца). Иногда (№ 17, 1) — ведовски усмехающиеся. Иногда напрасно силящиеся что-то еще увидеть, но *уже* не увидевшие и потому напряженно, беспомощно, неразрешенно и беспредметно фиксирующие — пустоту неувиденного, неприснившегося сна? Они слепые, хотя иногда ожесточенно, изо всех сил куда-то несущиеся или прущие (омышенный бюст Андрея Белого²⁷ и № 98).

Вот почему они часто напряженно-пустоглазые (№ 8. 93). Они ранены; но не раною мудрости, а некою элементарною тайною, не больше; тайною инстинкта, несвершившегося и изъевшего душу пола? (№ 21). Эти голодные провалы под глазами вопиют (№ 22. 21. 104. 105).

Света нет. Свободы нет. Знания нет. Мало того — это невыкрученность из родовой полноты; это индивидуумы — до индивидуализации.

Их одержат страхи некоего темного рождения, совершающегося или имеющего еще совершиться изнутри (№ 103). Потому они — невылупившиеся, тщетно сылящиеся вылупиться; и снаружи негладкие, шероховатые, как бы облепленные остатками хаоса или вихря.

Идущий человек — в величайшем, одержимом напряжении — с закрытыми глазами: не *он* идет; *его* идет; не идущий, а как бы *идомый* человек (№ 49). Сидящий — не он сидит, а *его* изнутри сидит неборимо сидящая сила (№ 127).

Они пассивны. Они покорны одержажущей их силе. Они слушаются. И даже сидящие, спят потому, что их *спит* и они повинуются «спящей» их силе (№ 130).

Надо слушаться. Они иначе не могут. Если не послушается — изнутри выморит, выест, изложет ямами, в провалах оставит (№ 100. 91). Так со всеми; и с лошадьми (№ 89).

Человека властно изнутри идет, сидит, спит. К чему? Куда? Он не знает и не видит; он — одержимое орудие.

Вот они — раненные внутренним, раною испуганные и боящиеся внешнего. Неутоленно распухнет в толстых губах, в скомканных носах; хилые, беспомощные уродыши, со свинцовыми телами и чертами лица (№ 103). И если кто-нибудь из них в виде исключения как будто что-то «ведает», то ни он сам, ни автор за него *не знает*, что такое он ведаёт.

И опять ямы под глазами. А глаза заморенно угасают. Не только нет полного бодрствования, но и надежды нет. Все нутро изболелось. И бунта нет. Почти атараксия²⁸ за полуприкрытыми веками. Заживо умирает? (№ 119).

Вот семья. Дух подавленности, беспобедности. Недоуменно смотрят в точку дети, болезненно неосмысливая своего бытия и смысла. Потом покоряются, внутренне вытесняя и прислушиваясь вовнутрь. И изможденная мать с покорным ртом (№ 91).

Глаза вниз, вбок, не чающие... (№ 91. № 119). Эти скулы! Эти губы! Эти веки! (№ 100).

Вот, в виде исключения, одна как бы ведающая. Уравновешенно, почти теософски медитирует; как бы

некое свершая тайно-брачие или тайно-блудие про себя, *удачное*; но *глаз* нет — и никому не очевидно, что ей очевидно и вообще очевидно ли ей что-нибудь. Вся сосредоточена в *носу* — браманство²⁹? *ohm*³⁰? И хорошо; что не видно ее глаз; и не надо знать, что в них... Это может быть удавшаяся и сладостная погруженность, но только не очевидность (№ 68).

Вот не спящий ребенок. И опять эти вздутые губы. И уже разочарован в своей упорной одутловатости. Глаза как будто о чем-то спрашивают, а сам не хочет покинуть что-то; детски-презрелый взгляд, как будто уже знающий, что ему уже не позволено. Средняя спящая, как будто предает себя сонной материи; или они отдаются воспоминаниям темноты; доглядывают невидимое? Одоленные плотскостью своего бытия (№ 130).

Вот человек, которого «сидит» (№ 127). Тело сковано и как будто есть намек на начало духовного высвобождения. Еще не освобождается, но хоть живет сам (начало индивидуаций). Хоть поднимается для вопроса. Оборванные руки как будто привязаны к столбу. А сам вглядывается свирепым вопросом. И если узнает — то растерзает! Зло мстительно догадывается о чем-то? О чем?

Барельефы (№ 118). Болото. Облака. Облака как девы. Девы, подобно Андрею Белому — омышены своей несущейся гоньбою. Испарения? Фурии болота, поднятые ветром? И цапли, как свечи.

Христос. Христос ли? (№ 107). Страшно сказать. Глупое лицо с вождедеющими глазами и компрометирующей нижней губой. С мазохистическими складками вокруг рта. Он хнычет? Умоляя, ждет. Ждет снизу. Сентиментальные глаза и нижняя губа, полная ханжества. Религия — как *упоение своей несчастью* и *корыстное ожидание воздаяния*. И это религия? Чудовищно.

И такой же Христос в Вечери. Неумный, с испуганными глазами, не верующий. Его в детстве били и сломили. И совсем не трогает его испуганная надежда.

Одержимость без очевидности — не религия; это природа без Бога; материя с *душою*, но без духа. Страдающая анимальность³¹. Она страшна, пока скована. Что родит она в жизни, развязавшись? Это темный выдых томления, без вдоха свободы.

Предреволюционное смятение России — узрено, показано, выставлено, как проблема.

Но не только о России здесь: это *status mundi*³², *spraeculum mundi*³³. Бедный человек! Бедная Голубкина!

(Номера по выставке в доме Щукина в Москве в один из последних предреволюционных годов, помнится).

1915. Москва

1930. Morschach

Все, предающиеся современным негритянским танцам под звуки джаз-банда и под вой саксофонов, делятся 1. на таких, которые *выплясывают из себя*, из своей души овладевший ею негритянский миф и негритянскую сладострастную судорогу, и 2. на таких, которые себе этот миф и эту судорогу *наплясывают в душу*. Через эти танцы негр, бывший «раб от природы» и доселе — урод и пария, которого американцы и посейчас держат «в черном теле», объект линчевания и пренебрежения, — через эти танцы негр отравляет колодцы бело-расовой души своим мифом, своими снами, своим ритмом. А ритм есть власть.

Подобно Гете, негр может сказать:

«Der dumme Bursche bläht sich
Das steife Mädchen dreht sich
Nach meiner Melodie³⁴...» —

только вместо «dumm» и «steif» — он поставит «weiss³⁵». Белая интеллигенция всех стран и народов танцует под негритянскую дудку. Но танец совсем не пустяшное занятие; это не есть духовно безразличный моцион, чисто телесное движение и упражнение. Понимает человек или не понимает — безразлично: танец танцуются *и* душою (всеми музыкальными и чувствительными центрами человека), и в этом душевном процессе неизбежно участвует и дух человека. Танец имеет изначально природу *магическую*: он есть способ приводить *каменеющий аффект* в состояние *эмоциональной текучести* при помощи повторного ритма, властно разряжающего бессознательные заряды (узлы) человеческой души. Танец есть *зарядание и разряжение* бессознательного; так хлысты

добиваются в своих танцах именно разряда душевного. Танец есть отдача себя во власть известному разуму и спрятанной в нем мечте: «мечтаю быть таким-то!<>» как-ким? — танец показывает, каким: грациозным, почти-тельным, элегантным, скромным — отсюда grosфатер, экосез; или — лихим, храбрым, решительным, мужественным — мазурка. Немецкий шуплатлер³⁶ танцует все драматическое движение человеческого эроса — первая часть разъединения и уединения, вторая часть взаимного нахождения и любви (есть еще третья фигурная часть — влюбленности и четвертая — неудачно импровизирующая часть труда). Русский танец — пляшет *всю* жизнь, все чувства человека в их здоровом и беззаветном цветении.

Мечтою о чем же является современный негритянский танец? На *что* нацеливает он людей? — На развинченную оргию, на сладострастное обезьянство, в лучшем случае на элементарное распутство. «Мечтаю быть беззастенчиво распутным», или еще «хочу походя наслаждаться, недоделывая». Самый элементарный фокстрот есть уже своего рода распутство: эти чрезмерно выразительные, любовстрастные объятия (кавалер *слишком* захватывает даму, дама *слишком* подталкивает к себе кавалера; кавалер *слишком* наступает на даму, дама *слишком* выгибается телом вперед; ноги сплетаются до несомнительности выразительно)... И потом это верчение; вечно недоделываемые повороты, вечно прерываемое наступление и отступление, *слишком* большая предприимчивость при безволии, наглая чувственность, желающая начать и недоделать, развязность и нерешительность. Танцуется не любовь, а порочный флирт; это своего рода — *coitus interruptus*, *ejaculatio praesox*³⁷, неомальтузианство³⁸ в виде танца.

Гораздо хуже чисто негритянские пляски, в которых танцуется оргия, безудерж, вседозволенность, — естественно и неизбежно теряющая всякое подобие формы и нередко напоминающая пляску св. Витта. Люди стараются выплясать сладострастие — алчное, ненасытное, многообразное, извращенное; чем бесстыднее выходит, чем выразительнее и заразительнее — тем лучше. Кошачьи, собачьи, обезьяньи ухватки — считаются особым шиком.

Хор беззастенчиво-сладострастных зверюг с претензией на человеческую утонченность и человеческое «искусство». И негры, ведущие джаз-банд, то приплясывающие, то перво-пляшущие, хохочущие и кривляющиеся — отлично знают, что они делают. Веселят публику? Как бы не так: мстят белой расе, завоевывая ее с тыла, покоряя и разлагая *бессознательное ее верхнего, ведущего социального слоя!*..

Так современные танцы ускоряют разложение бессознательного и готовят провал в мировой большевизм. Люди пляшут тот хаос, который политически (и социально, и духовно) называется *мировой революцией*.

Интересно, что в России большевики запретили эти танцы. И совсем не для вида и не на показ. Они запретили их именно потому, почему они предписали бы их (если бы могли) всему остальному человечеству. То, что соответствует этому танцу в политике и духовно-общественной жизни, они *уже сделали* в России и продолжают делать всерьез. Поэтому обезьянья энергия им нужна для реальной жизни — и «неделовую» растрату ее в танцах они запрещают. *Это* надо делать в семейной, партийной, литературно-газетной и противорелигиозной жизни; и потому нечего зря баловаться. Запретить.

Большевизм и негритянское движение делают где-то единое дело.

1920. Москва

1922-1928. Берлин

1930. Argermo (Como)

Радио-музыка и граммофонная музыка — вот истинные проявления демократического опошления в искусстве. То и другое выволокло музыку на улицу, в кабак, в публичный дом. В Лугано в демократическом квартале на малюсенькой площади три кабака (кабака ли только?) одновременно орали граммофонной, радиийной и еще какой-то музычкой, зазывая посетителей, стараясь перекричать и друг друга, и вой и рев наезжающих друг на друга автомобилей, дребезг железной лавчонки, крики играющих мальчишек и вопли ссорящихся мегер. Это

начиналось с 8 утра; мы выдержали это 6 дней, до 12 часов ночи (4-9 сент. 1930). А в кафе и отелях по набережной (почти в каждом) играли *свои* особые терцеты³⁹ и выли саксофоны.

Музыка из радиорупора — это надругательство над музыкой и искусством... Этот звук фальшивого дребезга, назойливого горлопанства, как бы нарочитой, принципиальной нечистоты в интонировании, какой-то самодовольной и наглой хрипоты; не звук, а несколько фальшиво воющих звуков; при полифонических передачах это становится еще раздирательнее.

Музыка для всех — неизбежно будет пародией на музыку. Ибо *не все* музыкальны. Музыка для *немзыкальных* всегда будет пыткой для музыкальных и опрощением, извращением искусства.

1930. Моршах-Лугано-Арженьо

Первое, что необходимо русской изящной литературе после революции — это *настоящая художественная критика*, отнюдь не политическая, не социальная, не направленческая, не революционная и не конкретизированная, не националистическая и не «православная», а *эстетически-художественная*, понимающая искусство, как своего рода независимое служение Богу в образах и материи. И конечно, прежде всего, критика, свободная от кружковщины, угодничества и всяческого nepотизма⁴⁰. Такая критика была необходима русскому искусству и до революции, и беда была в том, что ее не было.

1930. Арженьо

В Легендах о Николае Угоднике Ремизова⁴¹ смешиваются эпохи и стили разных веков: IV век, IX век в Византии с XX веком во Франции и Сов<етской> России; и еще: легенды с русскими сказками; — напр<имер>, Николай Угодник летает на аэроплане и на ковре самолете etc.

Есть художественный закон *вероимности*: читательское художественное воображение должно иметь воз-

можность *веру яти реченному*; и колебать или подрывать эту веру нельзя. Мало того, и напрягать эту веру, эту доверчивость к даваемым образам, т. е. к их реальности, к тому, что это так «всамделе» было или *вот есть* — можно только до известной степени. Санкция налицо: воображение читателя *откажется* следовать за рассказом и давать ему полноту бытия, замкнется и оставит рассказ книжную схему.

Напр<имер>, рассказать о том, что три волка съели друг друга, — можно только под занавес, ибо это равносильно тому, что захлопнуть крышку фантазии. Коротко говоря: «не вообразимое да не изображается».

Эта граница может переступаться на разные лады.

Ремизов художественно подходит к этой границе, когда, напр<имер>, в Русалей (стр. 30) рассказывает: «Не отстают за чумичелой в острых хохолках пери и мери, шуды и луды — шуты и шутихи ягиные: сцепились куцые ногами и руками, катаются клубком, как гаденыши».

Это — великолепно, как безымянный миф о нежити, тонкая ткань полу-осязаемой образности. Но это уже на грани вообразимого и изобразимого. Это есть подход к грани — через *истончение* или *улетучение* образа, через вольное и легкое «иначе-вылепливание» земных материальных «форм». Воображение *соглашается* на это, если оно питает доверие к большому, *уже пленившему* его мастеру, и если ему (воображению) есть *за что* зацепиться («острые хохолки», «шуты и шутихи», «куцые»; «руками и ногами»...).

В Николиных легендах Ремизов *переступает* эту грань, но не через «истончение» или «улетучение» образа, а через *смещение заведомо неуживающихся атрибутов*.

Такое неуживание атрибутов может иметь различное основание. Нельзя, напр<имер>, рассказывать о том, что «у Ивана Царевича прекратились месячные и что он забеременел»... Это ничего не вызовет, кроме инфантильной смуты в бессознательном, тошнотворности у взрослого и *скуки* или *шокированности* у художественно чуткого читателя. Нельзя рассказывать о том, что «Марья Царевна сама себя выплюнула и потом сама себя опять проглотила»... Это невообразимо — а потому вызовет в

воображении только *яму*, провал, зияние, т. е. перерыв в художественной ткани; такие перерывы могут и не погубить сказку, если их немного, и даже напрячь воображение к вящему расширению, как бы к изумленному разинутию рта.

Такие образы *можно* давать, но они всегда рискуют прорвать ткань художественности в измерении образа и оказаться *за* ее пределами.

В мифах и фольклорных искажениях житий и легенд таких провалов много, но в художественном произведении их нельзя принимать. Так *нехудожествен* миф о Зевсе, рожавшем из головы и из других неподходящих частей тела; *нехудожественны* картины, на коих Бог тащит Еву из Адамова бока; *нехудожествен* рассказ о святом, «прелюбезно лобызавшем» свою отрубленную голову, художественно отвратен святой с лошадиной головой и т. д.

Все это нарушает законы образного плана в искусстве, подобно картине Пикассо, разложившего куски лица по различным углам полотна (портрет!).

В Николиных притчах Ремизов нарушает закон веримности совсем по-особому: заведомым, вопиющим *анахронизмом*. При первом же таком анахронизме — изображение спотыкается и говорит: «ээ! это он нарочно!» или «Ах! это просто выдумка», «ну, это неправдоподобно и невозможно», или еще проще «Фу, вздор какой!...» Оно *перестает верить и больше воображать не хочет*.

Полет Николы на ковре-самолете нарушает тот же закон, но еще иначе: в легенде о рел<игиозном> чуде — вероимность обострена с самого начала и доверчивость воображения необходимо беречь по-особому, ибо она *священнотрепетная и религиозная*; она *не играет*, а серьезно и жизненно решает вопрос о судьбе *самого* человека и *всего* человека — тут вся душа напряжена. Вплести ковер-самолет может простонародье, для которого *религия* и *сказка* сращены в *магии*, в магическом мифе; духовный опыт у простонародья недифференцирован, примитивен — там воображение *верит всему подряд*, не напрягаясь, от избытка доверчивости; там искусство еще не выделилось из жизни; там собирается только *материал* для художественности, а сами художественные произведения еще надо создать отбором.

И вот вероимность священно-трепетного, судьбоносного, религиозного воображения, которое особенно *чутко*, но зато готово впредь разочаровывать «ковром самолетом», т. е. говорить: «религиозное и сказочное есть одно и то же<>>».

Измерение религиозно-художественное и сказочно-художественное имеют *разные вероимности*; и несоблюдение этой грани убивает и разочаровывает *всякую* вероимность. А с погасшей вероимностью кто же может и хочет читать художественное произведение?

Мемуарная и повествовательная форма с «точными» деталями быта стремится подкрепить вероимность в душе читателя; если сказано, *когда* и *где* это было — то, значит, уже «наверное» было. Анахронизмы же, срывающие бытовую достоверность, нарочно и вызывающе путающие *когда* и *где* — угашают доверие. Так же и при смешении легенды со сказкою: читатель очень остро чувствует, что «эта бывальщина — *не* бывальщина»; что это — как бы балагурство о священном (ибо Никола — это священное, за ним церковно-соборный христианский опыт); или, еще хуже, — что это *разочаровывающее* трактование священного — и протестует.

Ремизов пишет мне, что он избрал «живописный метод»; что это он решил «нарядить» легенды «в современность»; что «введение истории и археологии» дает «оперу»; что «военачальников он может представить себе только «командирами, комиссарами карательного отряда» — что это «живая жизнь»: не «усечение мечом», а «к стенке».

Если он хочет непременно нарядить в современность, то должен оставить *совсем* бытовой аксессуар четвертого или девятого века Византии, Николай Угодник — может и должен являться красноармейцам и комсомольцам. Это будет правдоподобно и художественно вероимно. Он может явиться и машинисту, и летчику, и члену совнаркома. Но сам летать на аэроплане он не может, ибо он материализуется в пространстве свободно, где хочет. Можно и «комиссаров» и «к стенке»; но газовую бомбу он бросать не должен. Здесь есть художественные законы, преступание коих вредит делу. Один комсомолец кощун-

ственно с руганью выстрелил иконе Николая Угодника в глаз; пуля рикошетом убила его самого в глаз наповал. Это в художественном смысле еще «не сделано», как повествование; но образ и сюжет — вполне вероимны.

Берлин. 1931. 2 февраля

Поэзия Александра Блока — лирика разложившейся перед революцией интеллигентской души, да еще к тому же лирика поэта *неумного и неммыслителя*. Поэтический акт Блока таков: отсутствие воли; отсутствие мысли; темперамент неодухотворенный, не горящий, — ни «сухости», ни «блеска» (Гераклит! αὐγὴ ξηρὴ⁴²; темперамент мокрый, чувственный, влачащийся; жизнь чувства (преимущественно пассивно-томящийся аффект, редко эмоциональная вспышка) — связан с земными, чувственными страстями, вожделениями, похождениями и образами; главная сила поэтического акта — это воображение, не скованное подземною мыслью и не вызревшее в ней; — воображение, не способное к драматической ковке образа, не волевое; — воображение, почти всегда *усталое*, вялое, смутно качающееся в неопределенных, туманных, расплывчатых полу-образах.

Ритмы Блока (см. мои разметки в книгах) безвольно качающиеся, монотонно-ноющие, анимально-стонущие. Иногда это просто переход к прозе, как и у Ахматовой. Поэзия требует *мелодии*, а не монотонного стога; для нее необходим певучий Предмет, поющий образ; тогда только получится лирическая материя слов. Ритмы у Блока вялые, падающие, безвольно предающиеся утомлению, которое *не* сменяется отдыхом; эта поэзия валяется на диване после кутежа и вяло пытается выговорить бледные остатки *иначе* изжитых фантазий. Читая Блока помногу, невольно вспоминаешь Галена⁴³: «triste est omne animal post coitum»⁴⁴... Здесь «поэзия» как бы подметает бледные остатки вчерашних походов. Воображение вяло пытается опохмелиться, вернуться в кабаk или в публичный дом и в подворотню. Подъема нет, огня нет; а поэтический талант (поистине не большой талант!) — пытается выдавить что-то из духовной пустоты и душевной

растраченности. Блоку мало есть что сказать. Его поэтический опыт скуден и бледен. И главное — однообразно низмен и пошл. Попытки сказать о большом родят чудовищное: Бог и кабак, Мадонна и проститутка, разнузданная чернь и Христос. От божественного остается одно имя, наполнение и истолкование его чаще всего соблазнительно, нередко кощунственно и отвратительно. «Двенадцать» отнюдь не случайны: они заложены во всей предшествующей «ресторанной» лирике. Блок не «ошибся» «в оценке большевизма и революции», а просто повторил свою обычную схему: «узнать» божественное в уличных подонках; преклониться перед грязью как чистотою; принять пошлость, как откровение. Это один из «ликов» предреволюционного хлыстовства, разлитого тогда на русских литературных, философских и политических вершушках.

Поэзия Блока — напоминает портрет М. А. Кузмина⁴⁵, сделанный Сомовым⁴⁶; этот портрет символ эпохи: разложение духа в тлении и растлении, томная утомленность после безвольного наслаждения. И этот красненький галстучек! И гниение духа заживо в голубоватом лице!

Блок упадочник. Никакая выдумка, никакая холодная рефлексия рассудка не спасает его. Никакие выверты «Балаганчиков» etc. Нельзя выскоблить религиозный смысл из бессмыслицы публичного дома. На всем Блоке лежит покрывало пошлости, потуги его на большее — аллегоричны, туманны, вымучены, художественно неубедительны.

У Блока — особое смешение «божественного» и «полового». У Розанова религия извлекается из полового наслаждения, которое само по себе есть для Розанова истинная религия. У Блока религия извлекается из полового утомления, с которого весь Блок и начинается.

Блок не поэт, а поэтическая возможность. Все, что до нас дошло из его «личного» — статьи, впечатления, замыслы, письма — все без стержня, неинтересно, импрессионистично, не зорко, не предметно, просто неумно или даже бездонно пошло (напр<имер>, замысел пьесы из жизни Христа). Блок не только не был гениален, он, по-видимому, не был даже личностью; он был медиум —

своих страстей, чужих идей и массовых флюидов. Именно потому его лучшие стихи — медиумичны.

Большую же часть из написанного им не следовало никому показывать, тем более не следовало печатать. Надо было рвать и жечь. Может быть позднее мне удастся обосновать это анализом его материала.

Москва. 1916

Берлин. 1924-1931

Velden. 1932

«Тайная вечеря» Леонардо да Винчи в Милане. Вот живая трагедия: исчезновение эстетической материи у (по-видимому) недоговоренного пророческого видения. Предмет взят долгим (слишком долгим) прозрением серафической чистоты. Слишком долгим — ибо развернуть в неохватный для единого взора, драматически переосмысленный ряд образов. Мне никогда не удавалось получить весь ряд в единой апперцепции; когда все роли пьесы играют первостепенными актерами, то *все* становится главным, деталей нет, подчиненность умалется, единство страдает; апперцепция изнемогает — ибо ей задан слишком трудный урок.

Замечательно, что таяние и исчезновение эстетической материи (то, что называют «гибелью» фрески) — не испытывается, как гибель образного и предметного содержания, — но как *ухождение* его за пределы субъективной доступности, сейчас и здесь: не «краски исчезли» и не «плохо видно», а так — я сейчас должен сделать какие-то приближающиеся, догоняющие напряжения, чтобы удержать этот образ и «взять». Это — *видение таит*, как бывает во сне.

Каждый из апостолов находится в акте особой, своеобразной внутренней структуры; не только в данный миг аффекта — но и всем естеством своей индивидуальности. Индивидуализированность апостолов драматически закончена; экспрессивность рук есть только чувственное закрепление этой драматической индивидуализированности. Почти каждый из них интенсивнее живет, ярче, экстравагантнее, нежели Христос. Их много, Он один. Сво-

им драматическим шумом они мешают Ему молчать для зрителя. Леонардо перевоплотился в каждого и изнутри искал *человеческого ответа* на *Божий укор*, сказанный *безлично и загадочно* («один из вас предаст меня»). Художник шел от центрального, интегрального замысла к дифференциации фигур. Дифференциацию закончил; вернулся к речению Божия укора — закончил ли он его? Голова Христа и руки — истаяли больше других образов; или были недовершены? Хаос среди апостолов — мудро и тихо сдерживается симметрией дверей и окон зала, тихим созерцательным видом вдаль. Но венец единства — может быть и должен быть только в *образе* Христа. А он еле уловим! Он, по-видимому, был задуман в *ином плане*: воздушнее, спиритуальнее, чем они, в свободе от еврейского быта, расы, живописного фольклора. Он плоть и быт; он дух и пение; молчащее пение. Сказал о предателе — и скорбно стыдится за предателя; и за то, что пришлось это сказать; и за то, что *все это так есть*. Можно ли, следовало ли *остановить* этот миг — божественного неукоряющего укора и человеческого аффекта на укор — остановить этот миг навеки? Они индивидуализированно распались от укора; каждый стал «о себе»; удел церкви и единства в ней выпущен Христом из раскрытых рук; каждый ищет и не ищет, находит и не находит в себе предателя, и не хочет искать, и не хочет находить; и стоит (почти все) в отрыве от Христа. Лик Христа отражен *не* в каждом. Это *момент распада первой Церкви*. Как же соединить их *эстетически* в момент изображаемого религиозно-духовного распада? Надо было найти эстетически-живописно-образный язык для показания этого всепреодолевающего *единства*, несмотря ни на что? В чем искал его Леонардо? Не в пространственной же симметрической сопосаженности апостолов... Не в линиях же, или группировках, или жестах?

Я думаю, что *живописное* разложение этой метафизической проблемы всепреодолевающего Церковного единства в момент первого распада — можно было осуществить только через начало *очевидности, света: всеобщая едино-осиянность, исходящая от Христа*. В картине Леонардо я этого не вижу, если не считать намека на эфирное свечение фигуры Христа. М<ожет> б<ыть>, это све-

чение — только кажущееся, от таяния фрески? Во всяком случае источник *света* в картине проблематичен; неясно, откуда идет все освещение — не из тускнеющих же вечерних окон сзади. Свет *может идти только от Христа*; тогда живой центр — сразу Предметный и образный, найден; единство картины будет рождено единством Предмета.

У меня нет впечатления, что это единство Вечери найдено художником. Фреска как будто оставлена, не найденная и не законченная.

Милан 1930
Velden 1932

Бергамо и бергамаски.

Архитектурный акт как бы навязан бергамаскам самой природою и политикою: необходимость *укрепить город на горе*. Проблема, подобная нашему московскому Кремлю: союз веры и власти, нашедший оплот в природе. В Бергамо: собор и военная гауптвахта незаметно переходят друг в друга — собор нарастает исторически вместе с политической историей — полководец встраивает свою усыпальницу в собор — пристройки следуют за пристройками — а религиозное чувство требует единства, а чувство художественное требует красоты и органичности... Отсюда это задание бергамского кремля: выстроить единство и внапристроить на него как можно больше красоты; задание: выдифференцировать красоту из массива хотя бы частично, куском и не дать массиву стать неорганической массой, отложением потребностей и эпох. Миланский собор строился 425 лет и остался единством. Бергамский собор эстетически не состоялся. Потому бергамаски и искали по лицу земли новых решений, строительных побед и архитектурных красот.

Маргатита <Лигуре>. 1930
Velden. 1932

Игорь Стравинский. Chant du Rossignol. Poeme sinfonique pour Orchestre.⁴⁷ Дирижировал Бруно Вальтер⁴⁸ 1929. 16 дек. Берл<инский> Филармонический оркестр.

Непосредственно, во время слушания, карандашом на клочках я записал следующие характеристики и описания звуковых восприятий: ворох музыкальных неприятностей; культ звуковой нечистоты и нечистоплотности; автор наслаждается надтреснутыми звуками; в нем живет неутолимая потребность хриплого дребезга; козлогласие стало для него достижением; музыка есть для автора прежде всего чувственное ощущение; самодовлеющее слуховое сладострастие; это какая-то звук<ов>ая неврастения; зудливое, назойливое раздражение души; что-то вроде музыкальной зубной боли; впечатление такое, как если бы автор умышленно и вызывающе вел созвучающие голоса одновременно в разных тональностях; получается не оркестр, а какие-то семейные дрязги, вынесенные на публику (полная, вопиющая, скандальная неуживчивость инструментов и голосов; все со всеми перессорились). Звуковые сочетания Стравинского вызывают отвратительные слуховые и зрительные образы: сто тридцать три разбившиеся тарелки; раздавленные лягушки, улитки и ящерицы; крики кошек на крыше; перепряное вино; рахат лукум, с чрезмерным количеством перца и гвоздики и т. д. И наряду с этим безвкусная тяга к самому элементарному реалистическому звукоподражанию, от которого когда-то столь решительно и мудро предупреждал Бетховен (рождай музыкальный звук из *душевного переживания* природного звука, но никогда не передавай естественный звук через подражание). Заметно влияние Римского-Корсакова в оркестровке; несомненно влияние Скрябина в звуковой назойливости, в импрессионистической навязчивости.

Эта музыка уже не музыка. Она уже и не искусство. Душа реагирует на нее то смехом, то возмущением. Это звуковое озорство, поправшее все законы меры и вкуса; и не имеющее ничего ни явить, ни сообщить — оно довлеет себе. Ссылка на нежную и задумчивую сказку Андерсена⁴⁹ — чистое недоразумение.

Самодовлеющая эстетическая материя, мучительно воспринимаемая вследствие своей безвкусы и все время хвастливо и ухарски вскрикивающая от самодовольства.

Иногда в душе слагается уверенность, что *такая* «музыка» не может пройти безнаказанно.

Берлин. 1929
Velden. 1932

Сиена. Муниципалитет, площадь.

Художественным произведением является здесь не здание муниципалитета само по себе, а площадь в целом, вместе со зданием. Эстетический Предмет дан в образе площади с домами, башней, мостовой etc.; художник (плеяда? поколение?) созерцал Предмет в образе *городского куска*: это архитектурная симфония, в которой участвуют и дома, и бытовая плоскость мостовой, и небо над площадью. Можно было бы сказать, что *эстетической материей* здесь является само внешнее, реальное, трехмерное пространство, то заполняемое, то незаполняемое материей, то урезанное, то оставленное безмерным; но пространство как *социальная емкость*, как потенциал *общественного наполнения*, *гражданственного насыщения*, регулирования и *сопринадлежности*. Это не архитектура как искусство материальной массы; это *архитектоника пространства*, в которой архитектурные создания (дома, башни, кусты, деревья, храмы) являются средством или орудием проводить линии и ставить грани. Пространство как бы *кроится* по законам меры, пропорции и, главное, *художественной символики* — оно кроится материально осуществленными линиями и массами зданий. Это особое искусство — созидает сады, парки, площади, кварталы, города. Таков московский Кремль, таков кремль Дрездена, таковы большие площади Парижа, Версаль etc. Виллы в Cadenabbia (расположенные в сторону Menaggio) дают этому особенно наглядное подтверждение.

Municipio⁵⁰ Сиены стоит не на пригорке, а внизу, на низкой части площади; тем не менее высотой, массивом и башней municipio превосходит все здания, стоящие напротив него на пригорке; оно *внизу*, но *царственно возвышается*. Идея: служу и потому превосхожу и властвую. Площадь наклонена к нему отовсюду *раковиной*, как

бы стекается к нему; во время дождя воды, сливаясь отовсюду, утекают *под* него в отверстие, как бы стягиваемые муниципалитетом под себя; так стекает к его подножию и народ (власть питается аккумуляцией народной силы). Мунісіріо Сиены похож на *крепость*, будучи *домом*, и похож на *храм*, будучи *крепостью* (единение в религиозном есть источник силы и соборный оплот). Эстетическая форма площади — то *сильно* выгнутого овала, то *слабо* выгнутого овала, сложенного концами — выведена линиями нежными, грациозными, певучими, ласкающими; массивы высоких домов выстроены фасадами в линии гибкие, как бы бережно-почтительные, — дивишься и не удивишься на этих громоздких великанов, застывших в нежных линиях; все эти загибы и повороты, эти тончайшие и грациозные при всей огромности окна фасадов, эти сбегające тонкими ребрами секторы площади — от духа сиенской Мадонны. Монументальное, крепостное величие — от римской волчицы (градской символ Сиены). Идея Рима — государственная власть, как выдифференцированное из коллектива *волчье начало* — волчица, питающая детей своих; это волчье начало и обуздывает волчью душу толпы, авторитетом меча и ликторской связки⁵¹. И лишь после обуздания начинается религиозно-эстетическое единение частей в целом; из этого единения — просветление и облагорожение силы — преображение волчицы во всепокрывающую благодать Богоматери. История Рима — от *волчьего сына к сыну Божьему* — глубочайшая схема общечеловеческой культуры — художественно явлена в этой площади. Сила, принявшая закон нежности и художественно воспевшая его. Крепость, ставшая хранилищем и прозрачною явью женственности. Власть, возносящаяся и сублимирующая, но не гнетущая, а сладостно радующая. Грозное, сумевшее стать грациозным. Синтез Божия и кесарева. Эстетически явленное перерождение правосознания. Гражданственное объединение множества, осуществленное в формах грации и изящества. *Римское право*, пронизанное изнутри и побежденное идеею *невинного и целомудренного материнства*. И все это *постигнуто* видением художника (плеяды? поколений?) и дано в виде утилитарно осмыс-

ленного (муниципалитет, площадь, водоем, ристалище, базар, народное собрание), *политически-бытового художественного произведения.*

Отсюда можно и должно увидеть — и всю политическую историю Сиены, ее войны и смуты, ее римские традиции и ее культ Мадонны, ее мечты и ее идею.

Но о сиенской Мадонне надо писать отдельно.

Сиена. 1925. 1930

Velden 1932. Май

Сиена. Мадонна в сиенской живописи

Исторически сиенская Мадонна возникла из синтеза — облик византийской Богоматери и мечтательный образ провансальской донны, воспетой трубадурами Франции и Италии. В этом синтезе сиенская Мадонна утратила трагическую значительность византийской Богоматери. Византийская Богородица — являет *святое материнство*, вышедшее из опыта преодоленного греха; она проникнута траги-аскетическим началом, строгостью, чувством ответственного предстояния, чувством скорби за человечество и за весь мир; — и за всем этим звучит идея суда, идея греха и злодейства, вины и покаяния. Византийская Богоматерь — носительница скорби, мировой скорби. Ведь *Бога, Ее Сына* — убили! Спасителя предали! Любовь и разум — с небес нисшедшие, воплотившиеся — люди распяли! Замучили. Как жить после этого? Возможна ли радость? Не грешен ли смех? Как же душе не изойти покаянием и очищением? Византийская Богоматерь — скорбна до трагичности; ее облик — *требует* безгрешности, потому что являет свободу от греха, как состоявшуюся в действительности. Она почти мироотвергающая и жизнеотвергающая.

Сиенская Мадонна есть *святое материнство*, знающее о грехе, о *чужом* грехе, но не болеющее им; не трагическое — а грустное. Грех оставил на ней лишь тень грусти и особое, сиенское «невзирание» взирающим оком; невзирание на грех и на злых людей. Это — святость *рядом* с грехом; святость *до* греха. Святость не трагически выстраданная; а как бы от природы (конечно, от

Бога!) *естественно и благоуханно данная*. Святость вне суда и требования; без грозы; без усилия. Святость тихого, лирически негрешного цветения. Она прошла через то, что другим грех и соблазн, — но не соблазнилась и не согрешила. И не гордится этим. Смиренна без усилия. Она причастна *мудрости* лишь в зачатке грехо-предчувствия. Ее душа не растерзана ни грехом, ни злодейством; и не позволяет чужой растерзанности — растерзывать ее; не судящая и потому не судимая; непосредственно-гармоническая, как чистое пение о чистом.

Это утешительнейшая, целительнейшая из итальянских мадонн; особенно, если не думать о некоторых *манерных* воплощениях ее. Святейшая, но *не* значительнейшая, *не* глубочайшая, *не* вдохновеннейшая. Она утешает и целит сочетанием *святости с человеческой* прелестью и утонченностью. Вчувствовавшись в нее, начинаешь вдруг по-детски верить, что святость не плод самонасилия или сверх-усилия, а зрелый плод естества человеческого; что человек может быть *легко* свят, почти как цветок, как полевая лилия. От этого восстанавливается в душе вера в человека и в глубокую доброкачественность, почти благодатность человеческой природы (в наше время — какое облегчение! какое блаженство!).

Но у сиенской *донны* (не всегда хочется даже называть ее *Мадонной*) есть и свои опасные уклоны: в простую человечность, в религиозную бессодержательность, в кокетливую манерность; в сладость и сентиментальность. Иногда думается, что эта Донна спасла Сиену от римской волчицы и ее получеловеческих выкормышей; но и волчица спасла, быть может, Сиену от размягчения духовного хребта и бессодержательной сладости.

Эта сладость воплощена, однако, в фасаде сиенского собора.

Сиена. 1930
Берлин. 1932
Гунтен. 1933

Сиенский собор

Их два. Один состоялся. Другой *был* задуман, начат и никогда не завершен. Первый должен *был* стать малою

частью второго, грандиозного, воздушного, героически-свободного.

Культ мадонны по-итальянски сладостен, слишком сладостен в фасаде первого, состоявшегося собора. Странно и страшно сказать — это почти сладкий торт; сахарное нагромождение украшений на чрезмерно разинутых отверстиях дверей и круглого окна. Кажется, что от слабости и доступности (зовущие и поглощающие двери) не осталось субстанции — ни религиозной, ни богородичной. В этот собор войти и даже влететь легко, но спасающий божественный корабль и его духовная субстанция — отсутствуют в фасаде. Новые мозаичные фрески совсем слабы; а фигура Мадонны в центре манерна и слащава. Внешнее изящество, гармония линий, грациозная прочувствованность деталей не искупает этой духовной безсубстанциальности. Продукт чистого и безмерного умиления; через край излившейся благодарности; женственного подхода к женственному началу (срв. Колыбельную Шопена⁵²).

И вдруг, в эпоху побед и расцвета Сиены-города, как будто почувствовав, что здесь источник *расслабляющего* умиления, что *Бог больше женственности*, что созерцать Бога надо в величии, силе и монументальной гармонии, — сиенцы вдруг решились на сооружение нового собора, в коем *умиление* было бы лишь *частью, компонентой* живой потенции. Проснулся римлянин и римский размах. Начали, вздохнули, сверкнули величайшей идеей собора — и сорвались. На изумление и преклонение нам остались два великих начала. На несравненной высоте рисующееся *окно* нового, несостоявшегося фасада — особенно верхнее, как бы врезанное в голубое небо; в нем одухотворенность и легкость сочетаются с мерою и пропорцией большой идеи; оно говорит вздохом, поднимает грудь, дает упование, свершенное упование; оно парит и открывает; как бы рама для некоего Облика в небесах; и в то же время — оно само уже есть видение; и не надо никакого Облика, когда само голубое небо глядит через него. *На* это окно ведет лестница; мы были на нем, на башенной высоте; и по его верху ходишь с чувством благоговения, как по святой земле: и оставаться

страшно, и уходить больно. Здесь нет ни средневековья, ни возрождения: неумирающий, на веки состоявшийся вздох человека ко Господу своему и к божественной очевидности; и эта очевидность состоялась.

И еще *портал* боковой, вставленный в стену на вершине чудесной, низводящей и возводящей лестницы (нет, лестницы!); по этой лестнице уходишь из квартала Божия в квартал человеческий; и, остановившись внизу, видишь ее и этот тиаро-образный, бело-черный пролет портала, как вход силы и трепета, как трудное, но величавое и осуществимое восхождение в Дом Бога твоего. А в портале виден свободный пролет в то пространство площади, где должен был состояться этот несостоявшийся собор Божий; — и не состоялся...

Но не довольно ли этих двух видений? этих двух намеков, обломков Дома Божия? Возможно ли было вокаменить и вопространствить *всю* идею? Не погубили ли ее? Идея *вхождения в Церковь* и идея *созерцания Божия* — не очевиднее ли еще от незаконченности? От свободного соединения, срастворения с *Божьим пространством* и *Его свободу*?

Сиена. 1925. 1930

Берлин. 1932

Гунтен. 1933. Сент<ябрь>

Ученики Леонардо да Винчи в большинстве усвоили только его так наз<ываемую> «манеру», т. е. увидели чувственные *образы* его картин и стали их повторять и воспроизводить. *Художественный акт* Леонардо остался им недоступным; а только через усвоение его акта они могли бы увидеть и его эстетический *предмет*, т. е. стали бы подобными ему, но все же самостоятельными предметовидцами. Они видели только образы, *показанные* учителем; но не увидели ни *его* видений, ни *своих* видений. Увидеть «свое» часто бывает проще (свое — маленькое, негениальное), чем чужое гениальное.

«Свое» нашел Луини⁵³. Оно у него не метафизически-бездонное, как у Леонардо, а лирически-земное и непосредственно-прелестное, без всяких духовных заданий,

полетов, прозрений и провалов. Луини в простом и бесхитроном бывает очарователен; а в страшном — жалок и слаб.

Содома⁵⁴ является гораздо более значительным исключением. Напр<имер>, его фреска, полупогибшая в наружной часовне сиенского Мунісірію, — великолепно; особенно группа внизу (мальчик у женщины на коленях). Мадонна исчезла, ее не видно; но присутствие ее предчувствуется где-то в центре настолько, что в волнении проглядываешь себе все глаза, сиюсь уловить состоявшееся и бывшее; однако погибшая эстетическая материя не пропускает глаза к образу и предмету; зритель напрасно силится восстановить бывшее воображением, и душа утомленно отпадает.

Содома не только ученик Леонардо в изображении и воображении (первое меньше второго); но он ученик его в видении. Он видел «такое же» и только потому воображал и изображал «похоже».

Настоящий «ученик» есть всегда самостоятельный самовидец предмета; он прошел через врата учителя, но прошел сам и увидел сам. Истинная художественная школа предполагает не только кон-гениальность (со-видение), но и просто гениальность (первовидение).

Лугано. 1930. Август

Берлин. 1932

Гунтен. 1933. Сент<ябрь>

Арион Пушкина

Одно из глубочайших по художественному предмету — созданий Пушкина. Толкование его в статье Н. Н. Ильиной (Рус<ский> Колокол № <3, Берлин, 1928>) верно и прекрасно. Но состав его образов и его эстетическая материя подлежат критике.

Стихотворение состоит из тезиса (плавание), антитезиса (буря, катастрофа) и развязки (спасение Ариона). Предметно развязка уже заложена в тезисе. Гибель «многих на челне» и спасение единого избранника предрешены, предустановлены в самом плавании. Тезис развертывается как бы с земной точки зрения: кажется, что

правы многозаботливые хлопотуны с их «умным» кормщиком и неправ беззаботно-беспечный певец. Буря судит их и судит иначе; катастрофа и спасение дают приговор.

Замечательно, что из 15 строк — тезису отданы 7 1/2. Антитезис вступает обрывом на цезуре восьмой строки и дается весь в 2 1/2 строках. На развязку остается 5 строк. Из 7 1/2 строк тезиса — одна, первая бросает образ в целом (экономия потрясающая!); затем 5 строк отданы обстоятельному описанию толпы и ее вожаку (это почти растрата художественного пространства); и 1 1/2 строки избраннику. Он «пел»; пел «пловцам» (!!); не Богу, а пловцам, обреченному на гибель хлопотливому множеству, толпе и ее вожаку. О чем? что? Неизвестно. Сказано только «беспечной веры полн». *Веры* — во что? может быть, в благополучный исход плавания? Или в правоту ихнего дела? Или в правоту — поющего беззаботно певца. Но тогда почему же он пел о *своей правоте* им, многозаботливым земным копошащимся пловцам? Или веры в Бога? Неужели же *всякая* беспечная вера и всякое неуместное пение делают певца избранником — спасающим спасителем человеческого духа?!

В тезисе певец *не* показан в своем метафизическом естестве, в своей правоте, в своем избранничестве к земному спасению. Предчувствие Арионова спасения не заронено в душу. Художественный лаконизм оказывается при всем своем целомудрии — *чрезмерным*. Катастрофа предчувствуется: «в молчаньи правил грузный челн» — и в молчании вождя и в скрипении грузного челна. Беспечная скромность в сообщении Ариона о себе:

«А я — беспечной веры полн
Пловцам я пел...» —

психологически великолепа; но художественно-драматически изливается в такую скупость внутреннего образа, от которой страдает видение зрителя-читателя. О том, что это были «гимны» и что одежда «таинственного» певца есть «риза» — что это было *священное пение о священном* узнается только в развязке. По-видимому, Метнер, komponируя свой романс на слова Пушкина, почувствовал эту словесную и образную недопоказанность самого Ариона и вставил после «пел» и в конце — вокализацию,

мелодически развертывающую природу и значение Арионова пения.

Итак: внутренний образ Ариона в тезисе недоразвит и непоказан. Лаконически сдвинута, почти обойдена молчанием и самая катастрофа («измял» — «погиб»). Экономия образов и слов оказывается чрезмерной; отсюда перенасыщенность эстетической материи и фрагментарность образов; строки почти трижды ломаются пополам, изнемогая от содержания. Предмету тесно в этой эстетической материи; а эстетическая материя недопоказывает образов. Показывание местами переходит в прямое сообщение («погиб и кормщик и пловец»). Правда, этот конденсированный, лаконизирующий рассказ получает от этого характер скромного, умолкающего *эзотеризма*: таинственный пловец не показывает себя в рассказе, а рассказывает о событии, показывая лишь его внешние обломки; sapienti sat⁵⁵!

Но, Боже мой, сколько же этих мудрых на свете, которым *этого* достаточно? Достаточно, чтобы осязать с самого начала таинственность певца и его избранность?

Берлин. 1932

Гунтен. 1933. Сент<ябрь>

Венецианская школа — океан живописи и почти полное отсутствие художества. Кажется, что никто из них ничего не искал в сфере эстетического предмета и никто ничего не вынашивал. И действительно, достаточно принять во внимание, сколько и с какой быстротой в то время писали — и Веронезе⁵⁶, и Тинторетто⁵⁷, и Тициан⁵⁸. Где уж тут наподобие Леонардо да Винчи — предметно созерцать, замышлять, вынашивать... Дай Бог и с живописной-то концепцией справиться, а насыщать ее художественным предметом было совершенно «некогда». Так и вышло, что весь Веронезе остался без эстетического предмета, без замысла, без тайны. Достаточно было бы пересмотреть его картины в Венеции (Accademia di Bella Arti⁵⁹). Они писали не *необходимое* и *единственное* сочетание образов, а *наглядно-эффектное* из числа *возможных*; поистине торжество бездуховного релятивизма. В проти-

воположность этому стоит вспомнить творческие поиски Леонардо (напр<имер>, работу над Тайной Вечерей). Не так же ли как с Веронезе, обстоит дело и с Тинторетто? Возможно ли было написать *столько и такого*, вынашивая предметный замысел? И не то же ли у Тициана? Связно, «возможно» — ну и хорошо; а если еще «эффектно» или сверх того и сколько-нибудь «выразительно» — то «шедевр». А наряду с этим возможны и такие элементарные неприятности, как на знаменитой фреске Тициана «Введение во храм Богоматери» (Venezia. Accademia di Bella Arti): мадонна, восходящая по лестнице в пышном длинном платье, вышла не *ребенком* и не *эмоционально-вдохновенным* ребенком, по собственному почину идущим к первосвященнику, а карлицей, уродом, споткнувшимся на лестнице. Кажется, что это произошло от элементарной анатомической ошибки — ноги слишком коротки... А между тем Тициан, родившийся в 1477 году, ум. в 1576 г., писал эту фреску 4 года (с 1534-1538 год), имея уже 61 год от роду... Надо удивляться тому, что таких живописных ошибок у него *мало*, а не тому, что он не исходил из Предмета; тогда он написал бы, м<ожет> б<ыть>, всего одну треть созданного.

Венеция. 1932. Окт<ябрь>

Гунтен. 1933. Сент<ябрь>

Чуть ли не вся Венеция и чуть ли не все ее искусство (и живопись, и архитектура) — декоративны. Исключение: Византийские мозаики (на островах Торчелло и Мурано), всадник Коллеоне (сделанный флорентийцем Верроккио) и св. Георгий Мантеньи⁶⁰ (падуанца и мантиуанца), лучшая картина в Академии.

Декорация... По изяществу, чувству меры, по красоте иногда дивная декорация; особенно в архитектуре (напр<имер>, дворец Ca d'oro⁶¹ на Canale Grande⁶²). Но декорация — еще не искусство; это не главное; это *фон* для главного, украшение, орнамент. Она может существовать и красоваться и без главного. Венеция как будто ищет всегда *украсить* — улицу, канал, дом, стену, храм; украсить, ослепить, паразитить для венецианца гораздо

важнее, чем *подлинно быть-о-себе*. Он забывает быть от желания красоваться. Это не случайно, что тотчас же после великолепного дворца — рядом с ним, под ним (в нем?!) — теснота, грязь, вонь и уродство. Декорация сама по себе не субстанциальна; она лишь антураж, аксессуар, подлежащее различным вариациям добавление; она, взятая сама по себе, есть лишь возможность; *необходимость* свою она может получить лишь от Главного, Предмета, субстанции. Сама же по себе она пуста, как искусство Тьеполо. Декорация служит приятности, услаждению. Она или льстит воображению, или стремится увлечь и ослепить его. Украшение без Главного есть лишь образная *второстепенность*. Ни грандиозность, ни монументальность не спасут здесь ничего.

Пример — величайшая в мире фреска Тинторетто в Palazzo Ducale, в Sala di Gran Consiglio. Зала очень велика. В то время — она, наверное, была единственной в своем роде. Вся стена за возвышением занята этой фреской. Входишь, всматриваешься и с изумлением думаешь: неужели здесь изобразили «ад», inferno?! Все выдержано, как полагается у Тинторетто, в таких темных, пасмурных, туче-черных тонах, что испытываешь чувство как бы мобилизованного мрака. И вдруг оказывается, что это изображен — рай, paradiso. Ни заказчики, ни художник — не обратили внимания на то, что *такая* эстетическая материя не соответствует ни образу *рая*, ни духовному предмету *Рая*. Декорация — грандиозна, монументальна, потрясающа. Художественность же нарушена в своем основном требовании.

Вот почему ценитель и любитель венецианского искусства — имеет акт восприятия, не идущий далее живописности и декоративности и останавливающийся на ней, как на самостоятельной ценности.

Венеция. 1932. Окт<ябрь>

Гунтен. 1933. Сент<ябрь>

Нет искусства без Бога. Я не говорю — без догмата и обряда. Может быть, есть и догмат, и обряд, и церковь, и вера — а искусства не будет; и наоборот. Возьмем только

живопись. Так Блаженный Августин⁶³ пишет, что в его время (V век) совсем не было икон Христа. Первые стали делать изображения Христа гностики⁶⁴ — карпократиа-не⁶⁵, манихеи⁶⁶ и др. (Maury. Croyances et legendes du moyen age. 404-405⁶⁷). В VI веке, по свидетельству Григория Турского⁶⁸, распятие, сделанное в Нарбонне, произвело впечатление чего-то нового и странного (401-403). Федор Студит⁶⁹ (умер 820 г.), сторонник икон, сообщает, что греки его времени никогда не писали иконы Предвечного; он прибавляет, что этого и не следует делать, что это и невозможно, ибо «воображение не может придать ему никакой формы» (397-398). Интересно, что седьмой вселенский собор (главы 4.5.6) постановил, что Иисуса Христа можно живописать в его человечности, но не Бога в нем: «Deum autem pingi non posse»⁷⁰... (399). Какая страшная попытка воспретить или отринуть *Предметность* в иконе Спасителя...

Итак, *века* прошли, прежде чем Христианство, самая живая, конкретно-человеческая и Бого-биографическая религия, создало свое искусство. Все было — и вера, и церковь, и догмат, и обряд; и даже определенно-законченный состав религиозных образов для изображения. Искусства же не было. Стоит ли упоминать о религиях, в коих Божество не имеет чувственно-образного состава? Им остается только *скульптурное* изображение *пророка* (не Бога!); напр<имер>, Будда. (Но где скульптура у магометан, где статуя Магомета?); и еще — *архитектура*, где идея Бога прикровенно предметствует в здании.

Нет искусства без Бога. Но возможна религия с несложившимся или отмершим художественным актом, — религия без искусства. Таково наше строгое и последовательное реформатство.

И, обратно, возможно совершенно секуляризованное искусство, отпавшее от церкви, догмата, обряда и даже веры. Доказывать ли, иллюстрировать ли это?

Но нет и не было *художественного искусства* без прозрения Божественного сквозь ризу чувственно-внешних и нечувственно-внутренних (душевных) образов. Хотя бы лучик Божий пронизет произведение; хотя бы *reg contrastum*⁷¹ засветится Божественное (Гоголь «Мертвые

души», «Портрет», «Ревизор» — хотя в «Ревизоре» целый луч есть). Искусство без Бога все равно, что мир без солнца и света: темнота и дым; по слову Гераклита — Бог есть огонь; и только дым Аида⁷² не видится оком, а обоняется ноздрюю.

Произведение искусства без Бога и неба — двумерны. Они в лучшем случае будут иметь своим «предметом» эмпирическое обобщение — что-то вроде интуитивно уловленного тезиса или типичного типа. Но это будет не художественный предмет, а суррогат его. Обобщенность, типичность, сгусток образных наблюдений — будет *ultima ratio*⁷³ таких произведений. Я бы сказал еще: это была бы картина без светового фокуса; стихи, подобные газетным куплетам etc. (срв. Горянского⁷⁴, Лоло⁷⁵, Лери⁷⁶ etc.).

Бог в искусстве может быть не именованным, не осознанным; он может не иметь обличия Бога. Бог в искусстве есть *риза Божия*, ткань Его веяний и движений, *измерение* Его бытия и Его дыхания.

Чехов вырос из Чехонте, когда сосредоточенным видением и состраданием углубился до этого измерения.

Или совсем коротко: где нет Бога, там все пошло; истинное художественное произведение свободно от пошлости; он<о> *дышит* из глубины Божия дыхания.

Гунтен-Гаутинг. 1933. Сент<ябрь>

К стр. 4 «Искусство является в известном смысле продолжением природы»⁷⁷...

Так, пение, как искусство, есть продолжение природы, вырастающее в ее объеме. Пение рождается тогда, когда в душе назревает выдох, вздох становится стоном, а стон, длительный стон, переходит в вой. Пение не безусловно нуждается в словах и в именованных содержаниях. Есть в глубине души бесчисленное множество безымянных и неименуемых, в слово и в чувственный образ необлекаемых состояний и содержаний, которых *связный ход* может излиться во вздохи, стоны, вои и пение. Слово здесь не необходимо; оно приходит позже; оно важнее для *понимания песни*, чем для самого пения. *Пение* бессловесно — подобно чистой, абстрактной мелодии.

Пение, как явление природы, — есть первоначально *вой души*. Собаки поют на луну (срв. стихотв<орение> Ф. Сологуба⁷⁸ «Высока луна Господня, высока»...). Волки выпевают свой голод на добычу. Соловей воспевает свою любовь на соловыху. Швейцарец, который «jodelt»⁷⁹, почти еще воет; неумелый jodeln⁸⁰ — *просто* воет и *скверно* воет. Баварец и тиролец, танцую Schuhplattler или простой вальс, от полноты душевной взывают своей даме в лицо; из этого взывания и из подражания коровьему мычанию в горах — и родилось, по-видимому, jodeln. Jodeln можно на любом слове и без слов. Здесь *пение* еще *совсем природа*. Но музыкальное и эстетически уместное jodeln в песне — производит совершенно особенное, по непосредственной искренности и беззаветной выразительности, исключительное впечатление: оно освобождает и приводит в текучее состояние самые застойные, окаменевшие душевные поддонности; оно с изумительной верностью и силой преобразует аффекты в эмоции, горные камни в живые ручьи, глыбы в потоки, молчащие горы души в поющие струи. Jodeln — еще вой; и уже пение. Еще животность и уже магия; еще природа и уже искусство. Оно может повергать душу в состояние иррациональной счастливости, блаженного, всеразрешающего, струящегося течения.

Песня рождается первоначально именно как струение душевных окаменелостей, без слов и мимо слов. «Песня без слов» есть реставрация архаического первообраза песни. Песня может перевестись на слова; но может и не перевестись. Вот почему «отвлеченная музыка» верна песне в ее первоначальном явлении: это инструменты как бы вздыхают, стонут и воют без слов и без чувственных образов. Пение первоначально поется не о чем-то, а из чего-то: выпевание внутренних душевных недр без внешних слов (λόγος профорικός⁸¹) и без чувственных образов (кои, однако, могут потенциально подразумеваться, как бы дремать на дне поющей души). Но λόγος ἐνθεός, наверное, таится в каждой песне: душевно-духовное содержание, словесно еще не рожденное, в слово еще не облеченное, но таинственным разумом бытия несомое; сокровенное, не реченное, не осязаемое, не зримое, но сложившееся, созревшее и в поющий стон проломившееся содержание.

Итак пение первоначально есть вскрытие назревшего (м. б., наболевшего) аффекта (раны душевной) в текучую эмоцию, вскрытие, изживаемое дыханием и голосом. Вот почему песня целительна и магична; она есть движение тайных сил души к самоисцелению, к заживлению раны аффекта. *Moveo*=двигаю; *emoveo*=выдвигаю; след<о-ва-тельно>, как бы «вы-живаю», из-живаю, ис-целяю. Такова, напр<имер>, магия песни у шамана; слова ее малонужны и, наверное, непонятны. Не в них дело, а в магическом развязании, рассасывании закрутившихся и своей судорогой мешающих организму аффективных узлов. Пляска шамана еще более магически-эмоциональна и помогает его песне. Можно быть уверенным, что добрая половина человеческих болезней психогенна и происходит от судорожных аффективных узлов, которые не умеют магически развязаться. Поэтому можно сказать, что *верная* песня есть первоначально не «художественно-совершенная» песня, а песня, верно выпевающая аффективный заряд, магически (т. е. таинственно-властно) развертывающая его завернувшуюся пружину и освобождающая душу от него. Эти аффекты имеют как бы свое закономерное последование, которое и выражается верной песней. Это есть уже *одухотворение* страдающей душевной животности; но это одухотворение еще не есть художественное завершение, еще не искусство; это есть *магически-верное осиливание аффективного заряда и страдания*; как бы освободительное заклинание его, дабы оно разрядилось и освободило душу; нечто вроде средневекового (и конечно, древнего, до-исторического) заклинания бесов. Ибо *дух* в природе есть прежде всего *верная и священная сила*; а песня есть прежде всего *явление природы*.

Замечательно, что и тогда, когда песня становится *художественным произведением*, она сохраняет в себе эту *природно-поддонную магически-освобождающую силу*. И это относится ко всему и ко всякому истинному искусству: оно таит в себе некий священный глагол и священную силу.

Это можно было бы выразить так: художественная песня (как и всякое художественное произведение)

должна быть прежде всего верным (т. е. здоровым и целесообразным) явлением природы. Верным разрядом заряда: т. е. духовным разрядом душевного заряда; или: верной динамизацией страдающего застоя. Это есть *магия*, таинственно хранящая в себе зерно художественности; полное и верное раскрытие этого зерна даст художественно-совершенное произведение. Первоначально же поющий ищет *не* художественности: он ищет самоисцеления. Но если он верно динамизирует свой заряд — то художественность возникает сама.

Гунтен. 1933. 6 сент<ября>

Гаутинг. 1933. 22 сент<ября>

Берлин 1933. 25 сент<ября>

К эстетике образного плана в искусстве

Образный состав в искусстве (я имею в виду и чувственные — видимые, слышимые образы, и нечувственные — *душевную* ткань героев) — имеет свои особые законы, которые, наверное, известны большим художникам, но о которых в литературе не легко что-нибудь найти. Эти законы надо вскрывать не дедуктивно, не исходя из какого-либо единого принципа, а индуктивно, как бы подсматривая или подслушивая в единичных случаях их нарушения. Вот кое-что из этого подсмотренного мною.

Когда Худ<ожественный> Театр стал погружать зрительный зал в полный мрак, запретил вход зрителей во время действия и отменил выходы на поклоны — то это было правильно и художественно мудро. *Художественная реальность сценического образа* (во всей его совокупности) всемерно отделялась от внешнего, повседневного существования. Зрителю облегчалось отрешение, сосредоточение, погружение, самозабвение; артисту предоставлялась сразу готовая, мраком и тишиной замороженная душа, гипнотически погруженная в художественную полудремоту (*Dämmerzustand*), почти мистически настроенную (самое слово мистерия первоначально происходит от глагола, обозначающего «жмуриться», «не видеть», «слепнуть»); драматургу предоставлялся доступ прямо в

дремотную сокровенность зрительской души. Вульгарное и пошлое, антихудожественное смешение художественного образа с эмпирическим существованием устранялось; старая традиция кокетничающей со зрителем театральщины (все эти куплеты к зрителю, актерские а parte⁸² для зрителя) — смешения двух планов etc. порывалась. Художественная реальность должна приниматься всерьез, совсем всерьез; забудь о прочем, и дыши только ею... Напротив, Шаляпин никогда не мог понять, как постылая пошлость заключена в этом Иоанне Грозном или Борисе Годунове, стоящем перед занавесом, умильно улыбающемся и театрально раскланивающимся; словно сам собственному своему творческому величию язык публично показывает... Не понял всего этого и сам Художественный театр. Это обнаружилось в том, что он ввел этого отвратительного «чтеца» в постановку братьев Карамазовых. Зритель должен жить самим художественным образом, *в нем*; а не слушать *о нем*. Чтец вырывал зрителя из художественной установки целостного созерцания, замершей в восприятии души и заставлял его слушать от грубогласного сюртучника на кафедре какие-то сообщения *о героях*. Получалась кинематографическая прослойка — впился, вырван, впился, вырван и т. д. Это установка не художественного восприятия, а любопытствующего подглядывания; от души и от художественной реальности летят клочки. Вот почему художественно обречены все попытки смешать сцену со зрительным залом: эта игра со зрителем хороша только в варьете.

Это не художественно — *лечь видения* и от времени до времени выскакать из-за них для того, чтобы пошутить со слушателем-зрителем, похихотав с ним, пощекотав его — и опять прятаться. Как бы легко, грациозно, остроумно или даже глубокомысленно все это ни было проделано, — от художественного акта у поэта и у зрителя, от художественного образа и художественного предмета летят клочки... Пушкин сам это чуял:

С изменой юности моей
 Пора пришла мне стать умней,
 В делах и в слове поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 От отступлений очищать...

(Онегин, гл. 5, строфа XL)

У Гете такие прорывы возникали не от чрезмерной резвости, шампанскости поэтического нрава (брызжет из бокала, но и в брызгах великолепно!), а от нечуткого безвкусия и тяжелочувствия. Вот пример — знаменитая его *Meeres Stille*.

Tiefe Stille herrscht im Wasser
Ohne Regung ruht das Meer,
Und bekümmert sieht der Schiffer
Glatte Fläche rings umher.
Keine Zuft von keiner Seite!
Todesstille fürchterlich!
In der ungeheuren Weite
Reget keine Welle sich⁸³

Оставим в стороне беспомощность и поверхностность внешнего описания; оставим в стороне это наивно утрашающее «fürchterlich⁸⁴» — ибо, в самом деле, если видишь страшное, то опиши его страшно, но не выговаривай вслух, что оно де «ох как страшно». Не в этом дело. А в установке акта — в первых двух и во вторых двух строках. Первые две строки — великолепно: объективны, онтологичны, созерцательны, самозабвенно-рисующи и элементарно-стихийны. Вторых две строки грубо нарушают эту установку, вырывают душу читателя-созерцателя из нее и вдвигают-засовывают ее в утилитарно-озабоченную душу корабельщика. Онтологизм сорван; космическое утилитарно опошлено; из Божьего измерения (стихии, закономерной стихии, живой, судьбоносной, непостижимой бездны) — Гете вывалил читателя в слишком человеческое; и уже никакие «fürchterlich» не помогут, хоть три восклицательных знака поставь. Последние две строки дела тоже не поправляют; они почти излишни.

Вот два закона художественности, тесно связанные друг с другом:

- 1) Целостная завершенность образной ткани.
- 2) Целостная непрерывность воспринимающего акта, оберегаемая и художником, (и артистом!), и созерцателем.

Москва. 1909-1922
Берлин. 1933. Окт<ябрь>

Закон художественной экономии

К соображениям, изложенным на стр. 2-4, необходимо добавить следующее.

Художественное произведение есть некая классическая медитация, предлагаемая художником всему человечеству. Эта медитация дается *навек*. Ассирийские барельефы с крылатыми гениями, греческие боги и мальчики, соловьиное пение Гафиза⁸⁵ — не устаревают. Но *длительность* художественного произведения урезана *субъективной емкостью внимания*. Эта емкость имеет два измерения — *в глубину души* и *во временную протяженность по-емлющего*⁸⁶ акта. Отсюда требования закона художественной экономии.

Художественное произведение не перестает быть в периоды *одиноким предложением*: книга стихов в шкапу, картина и скульптура в музее, ноты на полке, никем не воспринимаемый танец — *имеют* художественное бытие; но не полное. Полнота бытия составляет в восприятии — без нее томятся не выступающие композиторы, не читаемые поэты, не выставляющиеся художники; и все они томятся *без успеха*, когда у них нет ощутительных доказательств того, что созданная медитация *дошла*, и *принята*, и *осчастливила* или по крайней мере прожгла.

Плэрома искусства в восприятии и приятии: это есть полнота осуществления. Прослушать сонату, оперу, стихи; погрузиться в созерцание картины, скульптуры, собора; etc. — значит дать художественному произведению полноту бытия. Эта полнота бытия *не вечна*, а *периодична*. Нельзя всю жизнь медитировать Онегиным, или Парсифалем, или Майнцским собором. Время этой медитации, время, заполняемое ею в личной душе, — и есть, *собственно* говоря, *длительность* художественного произведения.

Эту длительность можно понимать двояко: 1) отвлеченно-идеально и 2) психологически-реально. 1) Эта соната *при правильно взятом темпе* заполняет 35 минут времени без перерыва (огромная соната Метнера E-moll, «О чем ты воешь, ветер ночной»); или: вагнеровские оперы идут в Байрейте без антракта 3, 3 1/2, 4 часа подряд; этот

монолог требует 7 минут и т. д. Это отвлеченно-идеальная, нормативная длительность произведения. Она совсем не означает, что все зрители или слушатели способны реализовать эту длительность психологически... (2).

Нужно вообще допустить и предположить, что большинство слушателей и зрителей — слушают плохо и смотреть не умеют. Субъективная емкость внимания ограничена *и в глубину, и во временной протяженности*. Полная концентрация, поглощение душою образа и поглощенность души образом — достигается редко; м. б. мгновениями, толчками, захватами — не больше. Для многих только в театре, и то только у гениальных исполнителей, пронзающих душу копьем или огненную искрою предмета, облеченного во образы. *Воспринимающий дает себя плохо, неумело; давая, дает себя мягко и на коротко*. Поэтому художник должен

1. брать, властно брать плохо дающуюся душу,
2. брать ее *в глубину*, требовать этой глубины, вторгаться в нее,
3. помнить, что *сроки* субъективной емкости *все-таки будут ограничены и малы*,
4. но принимать во внимание, что эти сроки *растяжимы при условии властного вторжения в глубину*.

35 минут непрерывного музыкального внимания из глубины <—> очень большая длительность; играя сонату E moll, Метнер требовал этой длительности и брал ее. Непрерывная трех-четыре часовая длительность Вагнеровских опер вряд ли кому-нибудь по силам. Растянутый и размазанный монолог может быть погублен актером. Но монолог Станиславского в «На всякого мудреца» Островского мог бы, кажется, вследствие мастерства исполнения тянуться и вдвое дольше.

Ключевский пишет где-то, что внимание студента есть птица непоседливая и беспокойная; поймать ее нелегко, а удержать — еще труднее. Так и в искусстве. Слушатель-зритель отнюдь не летит навстречу художнику <приписка на полях: требует развлечения и лести>; душевная глина его слаба, ни лепкостью, ни держкостью не обладает; трудно, неточно отзывается; и очень легко рассыпается. *Материал плох и сроки коротки*. Поле для ху-

дожественного посева дается условно, клочками, урывками; и душевная земля сия есть чаще всего каменисто-песчаная неудобь.

Вот почему плохие или очень своеобразные художники «не доходят» до зрителя. Они не то что «не нравятся»; или их «не одобряют» и «осуждают». Нет они просто до воспринимающего *не доходят*. Встреча не составляет. Народ валит *мимо* них. Предложенная ими медитация не осуществляется совсем; полнота бытия не составляет. *Их не видят и не слышат* — сколько бы они ни «играли», ни «выставлялись», ни выпевали свои плохие стихи.

Восприимлющая щель мала и тесна; открывается плохо и на коротко. «Поезд стоит пол-минуты; не умеешь в пол-минуты объяснить в любви — пропало твое дело».

Вот субъективно-психологические основы, требующие художественной экономии: *некогда*; говори только самое нужное и важное; отбирай минимум; конденсируй. Тогда — тогда ты может быть, сам не зная как и не ожидая этого, *заговоришь из самого предмета*.

Но есть и объективно-художественное обоснование экономии, настоящее, глубокое, священное. Именно — в эст<етической> материи и в эст<етических> образах допустимо только то, что предметно-рождено и оправдано. Экономия в этом смысле есть не домоводство немощного внимания, но домоводство самого художественного предмета.

Берлин. 1933

Встречи и беседы

ТЕМЫ

1. *Струве* 1927 об «инсинуации, показующейся против монархии».
2. *Кокошкин* 1917 дек. об Учред<ительном> Собр<ании>, за которое надо ответить боками, а м. б. и жизнями.
3. Ясинский о вмеш<ательстве> раввина в похороны *Ю. Айхенвальда*.
4. *Анастасий* (дата письма) — выдержка из его письма о письме *Франка* против Сопр<отивления> злу силою¹.
5. *Серафим Ладе* посетил меня.
6. Мой рассказ о сем *Анастасию* — и последствия.
7. «Идея» *Игоря Кистяковского* 1923 зимой.
8. Рассказ *Игоря Кистяковского* о *Тальберге* 1923 зимой.
9. Предложение мне католич<еского> прелата из *Кельна* (вагон) (портрет) 1931.
10. Интрига *Богдана Кистяковского* 1912 г.
11. Беседа 1 дек. 1938 с *Vächtold*. Его прошлое.
12. 1947. *Вопрос Ю. Лодыж<енского>* «почему это немцы меня так уважают» (мин<истерство> ин<остранных> дел).
13. Разговор с *Маклаковым* в авг. 1917 и в 1930 в Париже.
14. 1930 *Кречетов* предлагал мон<архическую> партию — эпизод с *Фабрициусом*.
15. 1917 весной визит *Черткова* — радость его на развал фронта.
16. 1921 — *Тернавцев* рассказывает о Чека.
17. 1922 — беседы с чекистами перед высылкой (вы думаете, вернетесь).
18. 1922 — беседа с *Нестеровым* о *Флоренском*.
19. Я атакован *Меллер-Закомельским*, Ронд — весна 1933.
20. Бунге видел донос на меня *Матанкина* и *Меллера* 21 пункт 1934².

21. Лампе рассказывает о *И. Солоневиче* у *Парамонова* 1934.

22. 1914 ран<няя> весна — *Струве* защищ<ает> диссерт<ацию> — мое выступление — выговор *Гидулянова* — Котл<яревский> зачастил — корректура расписания — беседа с Котл<яревским>. — Новг<ородцев> — война — возвращение — Новг<ородцев> — бронницкий воинск<ий> нач<альник> Боуман.

23. 1917 апр. — мой визит у *Новгородцева* (узнаю о делах фак<ультета>).

24. 1921 — *Вышеславцев* перебежал — его беседа с Покровским — со мною — рассказ студентов о его лекциях.

25. 1918 — визит *Байкова* — 1922 — беседа с ним в Берлине.

26. 1917 — весна — митинг профессоров — наши речи — резолюция совета профессоров (через *Грушку*).

27. 1917 — 1922 — *Грушка* о фрив<ольном> отношении к сов<етской> власти.

28. весна 1918 — ко мне вваливаются *Голицын* и *Струве*.

29. рассказ Белоруссова о Чернове и разбойнике Лбове 1918.

30. Степун и Васильев с визитом у меня 1913-1915.

31. Рассказ Степуна о том человеке, кот<орый> говорил — отступать и сдавать пушки 1915.

32. Степун о русском народе — 1915 — скандал за столом.

33. Рассказ берл<инского> профессора о Степуне. Как я применил этот рассказ. Степун — Луговой. Степун при нацах.

34. Рассказ Перхурова и Страдецкого о Савинкове и Корнилове.

35. Посещение С. И. Гессеном — Ллойд Джордж и Риккерт — мой вопрос долго ли? — его ответ о евреях — Марков и Пуришкевич.

36. 1919 — Совдеп — беседа с *Каменевым* и *Бухариным*.

37. 1920 — допрос у *Агранова*.

38. Рассказ Раш<ель> Мир<оновны> Хан — со слов Радека — о реакции *Ленина* на мой пятый арест.

39. Рассказ Бартенева — о Бонче³ «почему же он у нас не взял денег на изд<ание> Гегеля?»⁴

40. Рассказ *А. И. Яковлева*⁵ о его беседе с Лениным обо мне.

41. 1926 весна — беседа с *Н. Е. Марковым* о За-руб<ежном> Съезде — что сказал потом Трепов⁶ в Париже.

42. 1926 — Зар<убежный> Съезд — беседы с Митроп<олитом> *Антонием* — начало Р<усского> К<олокола> — его письмо ко мне — охлаждение после при-сланной статьи.

43. Как меня посетил — ...⁷ и подарил Динар в Бел-граде.

44. Рассказ *Шульгина* — о противор<ечивых> дви-жениях в Константинополе — продолжение в Париже и в Риге; сведения Климова, Брей и Больман.

45. Авг<уст> Адам<ович> *Берзинь* — и его басня о ветре и солнце. —

46. Жел<езно-> дор<ожное> сообщение на рус<ском> яз<ыке> — Эстония — Румыния.

47. Беседа в Риге 1937 с директором полиции и с *Бер-зинем*.

48. Беседа в ... с председ<ателем> союза домовла-д<ельцев> в ... году — ночью.

49. Рассказ *И. Я. Штенцеля* об Эрте⁸ и моем масон-стве.

50. Беседа с *Вел. Кн. Н<иколаем> Н<иколаевичем>* в Сантени в 1925 году.

51. Первая встреча с *Врангелем* в 1926 г. июль в Зее-оне.

52. Первая встреча с *Кутеповым* в 1925 г. в Париже.

53. Переписка с *Врангелем* о моем ответе Деникину.

54. Мое оставление при университете (П<авлом> *Ив<ановичем>*) 1903 весной.

55. Общество младших преп<одавателей> — нам предложили в дек. 1917 г. демонстрировать за Учр<едительное> Собрание.

56. Разговор с Вгнер и ректором после моей второй лекции в вуле⁹ у цюр<ихских> студентов.

57. Пузино перебежал к католикам — беседа втроем с Ясинским — он в слезах разоблачает Таубе.

58. Беседа с Шрейбером — о Welt vor dem Abgrund¹⁰ и о дьяволе.

59. Рассказ Комаровского об Иоанне Шаховском.
60. Иоанн Поммер предлагает мне протоиерейство через Зиле 1934.
61. 1926 — моя лекция в Кенигсберге, завтрак и провал кафедры.
62. 1934 весна — разговор с Эртом: кафедра и антисемитизм.
63. 1944? 1945? Разговор с Анастасием о Выш^{еславцеве} — в Цолликоне 1934.
64. Рассказ 1934 Крамаржа о покушении на него; Бенеш.
65. Рассказ Н. И. Ильиной о семинарии и исповеди у Булгакова.
66. Рассказ С. П. Дурново об ее предках Марье Сав^{вишне} Перекусихиной.
67. 1924 — С. Волконский в Саисе о свящ^{енниках} в России (тайно поминают папу).
68. Смерть Ал. Волконского.
69. Рассказы о короле Александре Югославском.
70. Беседа с Абрикосовым о соед^{инении} церквей, о конвертитах, о моей книге и иезуитах во Флоренции и последствия.
71. Эпизод с лекциями Kolpinghaus Köln — протест^{антская} община (интрига католика).
72. Разговор с Каменевым и Бухариным по поводу С. Трубецкой (1920? 1921?).
73. 1919 — организация фак^{ультета} обществ. наук — кафедра Истории III Интернац^{ионала} — Нахамкес — срыв — назначение.
74. Первый разговор с Владыкой Иоанном.
75. Письмо Озерова к Ленину (1921).
76. Митинг 1917 апр. в большой Богосл^{овской} аудит^{ории} — рабочие — молча ушел.
77. мой процесс в трибунале 1918 дек^{абря}¹¹.
78. третий арест 1918 окт. — «Нам бы только убежать».
79. первый арест — март 1918 — предупреждения — Илья Иванов^{ич} Александров.
80. С. Л. Комаровский хотел в конце 20 годов переехать в Париж — и советовался с влият^{ельными} рус^{скими} эмигрантами.

81. Как меня звали в масоны Кречетов и Давидов; моя ссылка на Лампе; повторные беседы. Состав ложи.
82. История с книгой *Wichte* — католик — Давидов.
83. Защита диссертации моей 1918 май.
84. Выборы в председ<атели> псих<ологического> общества в Москве 1921 осенью.
85. анкета на дому перед высылкой в 1922 году.
86. обыск и арест в августе 1933 года¹²; см. № 92.
87. Список А. И. Гучкова.
88. Последнее свидание с Гучковым (Горный, Волков-ский, я) — разговор об «ахеронте»¹³; на след<ующий> день звонок из Гештапо об адресе Гучкова.
89. Встречи с *Г. Н. Лейхтенбергским*.
90. Встречи с *С. Г. Лейхтенбергским*.
91. Мой предпоследний допрос в Гештапо (об Эрте) сент. 1937.
92. авг. 1933 первый обыск у меня и арест Гештапою.
93. 1938. Телеф<онный> разговор с von Eis, von Reich — о покушении, организуемом Зивертом (прошлое Зиверта — история с Лампе, Краак, арест, освоб<ож-дение>, Гештапо рус<ский> отдел, заведующий личным составом у Розенберга).
94. История с РОНД, Пельхау, Меллер, угрозы мне 1933 весна и лето.
95. История с моим фельетоном в Возр<ождении> 1933 о наци.
96. Внепарт<ийное> Нац<иональное> Объедин<е-ние> в Берлине.
97. Рассказ 1932? Фабрициуса со слов прелата — Папа о правосл<авных> священниках.
98. История с Иоан<ном> Шаховским — по поводу моей статьи против Елевферия¹⁴.
99. Мой разговор с *И. Д. Сытиным* в 1919 году в ожи-дании Деникина.
100. Разговор 1922 с «ректором» Воминым перед вы-сылкой.
101. Молеровский предлагает мне работу от нарком-просса (1921).
102. Сидение в Бутырках 1918 март Откович Волов-ский Борис Чекалов.

103. Сидение в Бутырках 1918 окт.
 104. Подвал Чека март 1918.
 105. Подвал Чека окт. 1918 (Матусов).
 106. Джунковский — анекдот о Драгом.
 107. Рассказ Миши Фельд<штейна> о масонах (135. 81.185)
 108. Заказ А. Лодыженским — брошюры; появление анонимов; Основы борьбы за Нац<иональную> Россию.
 109. Заказ Ал<ексеем> Лод<ыженским> — конституции — съезд — прения.
 110. Ю. Лод<ыженский> — на съезде — ни гроша — они сволочь.
 111. Отец Сергей Орлов — мое говение у него.
 112. Съезд в St. Julien — интрига Лодыженских — Вася.
 113. Мои встречи со *Станиславским*.
 114. Моя дружба с *Л. С. Мееровичем*.
 115. Первый съезд обществ. деятелей — моя речь авг. 1917.
 116. Второй съезд общ. деятелей — моя речь окт. 1917 (за 10 дней до переворота).
 117. Окт<ябрьский> переворот в Москве — визит офицеров — 9 дней — морг — моя статья — Ман<уйлов> и Сверж<евский>.
 118. Беседа с Мануйловым о реф. *Столыпина* (1921).
 119. 1918 окт. как погиб Никольский зять Корелиной (Сионск<ие> протоколы).
 120. Не-до-аресты мои — у Мануйлова, у Андроникова, у Балиных¹⁵.
 121. Разговор с Немир<овичем-> Данч<енко> в Бранде (возобновление).
 122. Рассказ Мчеделова об Артеме за границей.
 123. Булгаков 1914 у Жуковского о Распутине.
 124. Разговор с Висей в Праге о масонстве.
 125. Мои встречи с *Рахманиновым*.
 126. Дружба с Метнером.
 127. Встречи с Г. А. Ландау.
 128. Статья о нрав<ственном> противоречии войны и ее арест 1914.
 129. Эпизод с приставом на лекции Дух<овный> См<ысл> войны. 1914.

130. Поездка с Е. Н. Трубецким 1914.
131. Мой визит в Ясной Поляне 1906.
132. Волостной комитет по выборам в Учр<единительное> Собр<ание> 1917.¹⁶
133. Н. В. Якушкин.
134. П. Н. Фортинский.
135. Б. Н. фон Эдинг.
136. Parlons du diable¹⁷ (81. 135. 185).
137. Рассказ итальянца об иезуитской школе (в вагоне).
138. Д. С. Шор.
139. А. А. Кемпе с иез<уитским> патером.
140. Рассказ Фабрициуса о Папе.
141. Патер Мукерман и Цветов Долина.
142. Разговор с Антонием на заруб<ежном> съезде и переписка с Р<усским> К<олоколом>.
143. Правые в Чеке-Гепеу.
144. Зиммель.
145. Виндельбанд.
146. Ласк.
147. Хуссерль.
148. Еврейка в Обербоцене: «Это навсегда».
149. Фальш<ивые> деньги.
150. Доклад о Гегеле в Петербурге и последствия.
151. Яковенко и Степун у меня 1913.
152. Разговор проф. Ивана Каблукова со швейцаром.
153. Виппер и его доклад 1920 у оставл<енного> при унив<ерситете> (Савин).
154. Н. Н. Лузин.
155. К. Лучинский и чумные бактерии.
156. К. И. Савич и его похождения.
157. Моя воинская повинность в 1914 году.
158. Горев-Галкин.
159. Пинать ногами надо немца.
160. Розенберг на пароходе — храбр ли я — Кутеп<ов>, Врангель.
161. Речь на открытии института и наскок Осоргина.
162. Миша Фельд<штейн> говорит обо мне с Камневым.
163. Гидулянов; плакат как преп<одавать> студентам.
164. Essendo molto sensebile¹⁸.

165. П. И. Новгородцев узнает о моей женитьбе.
 166. В Риге мальчик плакал о Пушкине.
 167. Непрошенный возродитель матушки.
 168. Лекция о Пушкине в Ревеле.
 169. Мой посл<едний> семинарий в Фил<ософском> Инст<итуте> в Москве (1921-<19>22).
 170. Д. Д. Grimm и его сын.
 171. Н. С. Орлов и работа с ним¹⁹.
 172. Полянский — трет<ейский> суд.
 173. У Астрова — об угол<овном> нак<азании> — Сыромятников (суд совести).
 174. Встречи с Paul Scheffer в Москве и Берлине.
 175. В библиотеке Рязанова.
 176. Газы — для восстания — Яременко и Михеев.
 177. Иоанн Поммер о Николае Чудотв<орце> и о семье.
 178. Кутепов об эвакуации Ростова.
 179. Geheimrat Kleinow о своем отъезде из Москвы.
 180. Американец о Hützsch в 1934 году.
 181. Hützsch донес на Платонова.
 182. Sering о реформе Столыпина.
 183. Pfeiffer-Belli о геноцидных мечтах 1936 .
 184. Признание Ю. И. Лод<ыженского>, что он «невер».
 185. Статья о Столыпине в 1926 и *наш* сон.
 186. Мой жизн<енный> опыт с масонами, 81. 135.
 185 — рассказ Миши Фельд<штейна>, зовы Кречетова, Хрипунова, Давидова — Wichte — Parlons — осмотр ложи — тетрадка с жестами — впеч<атления> в Швейцарии — изоляция моей особы.
 187. С Герасимовым об орфографии.
 188. Моя защита диссертации.
 189. Выборы в предс<едатели> Псих<ологического> общества.
 190. Locarno-Monti²⁰.
 191. Возражения Анастасия против моей «конст<итуции>» на съезде в Женеве.
 192. Гавриил Конст<антинович>.
 193. Вл<адимир> Кир<иллович> .

(№ 1)

1927. О событиях 1916

В 1917 году во время одной беседы с П. Б. Струве, наедине, я спросил его: «Скажите, Петр Бернгардович, а что, следственная комиссия под председательством Н. К. Муравьева²¹ нашла в делах Царской семьи что-нибудь подозрительное или обличительное в смысле государственной измены?» Задавая этот вопрос, я уже знал по Москве от членов и сотрудников этой комиссии, что следствие опровергло все клеветы и слухи, распускавшиеся в этом направлении. П<етр> Б<ернгардович> ответил: «Нет, ничего, решительно ничего; полная реабилитация!» «На каком же основании, — спросил я, — Милюков произносил свою пресловутую речь в Думе 1 ноября 1916 года: «Глупость или измена»? Ведь этой речи многие поверили в стране и подозрение в измене пало на Царскую семью?» Петр Бернгардович несколько замялся: «Видите ли... У него тоже не было никаких оснований... Но в то время центральный комитет К<онституционно-> Д<емократической> партии считал, что *в настоящий момент* против Царской семьи *политически показывается инсинуация*». От негодования я не мог продолжать этот разговор, и перешел на другие темы. Отмечу, что сам П<етр> Б<ернгардович> тогда не состоял уже ни в к<онституционно-> д<емократической> партии, ни в ее центральном комитете²².

(№ 2)

1917. Декабрь

В декабре 1917 года после выборов в Учредительное Собрание, но до его заседания и разгона, я как-то встретил в Москве на Воздвиженке Ф. Ф. Кокошкина²³ и П. И. Новгородцева²⁴. Ход выборов и результаты их были уже всем известны: левые партии превратили выборы в распродажу русской государственной власти с молотка, беззастенчиво «надбавляя» программные ставки и помогая во что бы то ни стало «большинства». Все это вызывало отвращение. Я знал, что Кокошкин и Новгородцев избраны в члены Учредительного Собрания.

«Федор Федорович! Павел Иванович! — обратился я к ним. — Вы избраны... Неужели же Вы поедете туда и будете участвовать в этом отвратительном и позорном

заведении?!» Кокошкин заторопился ответом: «Вы правы; получилось нечто отвратительное и позорное. Но мы так долго мечтали о нем, так добивались его, что мы должны непременно *поехать, участвовать, и доказать его несостоятельность и позорность своими боками, а может быть и жизнями*»... Новгородцев задумчиво молчал, явно сочувствуя словам Кокошкина. Я понял, что они морально и политически правы, и не настаивал. Через несколько недель Кокошкин, арестованный в Петербурге и помещенный в больницу, был убит (вместе с А. И. Шингаревым²⁵) вломившимися к ним матросами, предводительствуемыми Басовым²⁶. Потом передавали, что Кокошкин, увидев их, успел крикнуть: «Бватцы, бватцы! Что вы делаете!?!» Он произносил «в» вместо «р».

Ф. Ф. Кокошкин был честнейшим человеком и великолепным знатоком своего предмета (Государственное Право). Знаменитый немецкий ученый Георг Иеллинек²⁷ говаривал про него: «Das ist der begabteste Staatsrechtslehrer, den ich gesehen habe»²⁸... Но Кокошкин, как и большинство русской интеллигенции, понимал политику как *мечтатель и доктринер*: он смешивал программу с идеальной мечтой; считал, что идеал всюду себе равен; не считался с невозможностями национального правосознания и служил неосуществимой или гибельной политической химере.

Интересно отметить, что вдова его, Мария Филипповна, была потом (1918-1922) одною из первых, проповедовавших в московских салонах сближение и сотрудничество с большевиками — «приятие революции».

(№ 3)

1930 (?)

Когда в 1930 году, в Берлине, внезапно умер, задавленный трамваем, Юрий Исаевич Айхенвальд²⁹, читавший Русскую Литературу в «Русском Научном Институте», то директор Института инженер Всеволод Иванович Ясинский³⁰ принялся со свойственной ему энергией за организацию похорон. Он установил, что Айхенвальд был членом евлогиянского³¹ прихода на Nahod. Str., и снесся с тамошним духовенством. Однако в дело вмешался берлинский раввин. Ясинский подробно рассказывал мне о

переговорах с ним. Раввин требовал похорон по еврейскому обряду. Ясинский настаивал на том, что Айхенвальд был крещен по православному обряду и состоял членом прихода. Раввин возразил дословно: «Если бы это было так, то он не мог бы работать с нами, в нашей синагогальной организации, как он работал все последние годы».

Тогда «православное христианство» Айхенвальда было доказано документально, и раввину пришлось уступить.

(№ 7)

1917-1923

Зимой 1923 года, через несколько месяцев после моего изгнания, я встретился у моего давнишнего и любимого друга Лазаря Соломоновича Мееровича³² с Игорем Александровичем Кистяковским³³ (прив<ат> доц<ент> Моск<овского> Университета, прис<яжный> пов<еренный>, министр внутренних дел в правительстве Скоропадского³⁴). Кистяковского я знал давно, с первых лет его переезда в Москву, когда я был еще молодым студентом. Оставаясь при университете, в 1906 году, я записался к нему помощником присяжного поверенного, без намерения работать по адвокатуре, только «на случай самого большого краха», по выражению самого Кистяковского. Я никогда не был с ним душевно близок и не считал его своим единомышленником. Но весной 1917 года он присылал ко мне своего помощника А. К. Адамова³⁵ за текстом моей большой политической речи, которым он хотел воспользоваться в своих выступлениях. С ноября 1917 года он пригласил меня в организационную «пятерку» для борьбы с большевиками, в которой состояли — он сам, А. В. Кривошеин³⁶, генерал А. А. Брусилов³⁷ (заместителем его являлся ген. Андрей Медардович Зайончковский³⁸), Ив. Ив. Оловянишников³⁹ и я. Пятерка проработала до самого отъезда Кистяковского на юг.

Во время берлинской беседы 1923 года он спросил меня, как я смотрю на будущее. Я ответил ему, что надо продолжать борьбу до конца и что меня больше всего интересует не тактика и не программа, а *идея новой России*. В этой связи я формулировал вкратце мою идею о новом русском правосознании и о воспитании в русском

народе на древних, здоровых, национальных основах духовного характера. Он слушал с интересом и потом сказал, скандируя речь с сильным малороссийским напевом и акцентом: «Да, я вижу, у Вас есть идея. И у меня была идея, но теперь ее у меня нет. У меня была идея еще во время войны. Вы знаете, как я переехал в Москву ни с чем. А потом я быстро обскакал всю московскую адвокатуру, а потом и всю московскую профессуру. За последние годы я купил себе имение в Смоленской губернии. И вот, я решил выставить свою кандидатуру в пятую Думу от К<онституционно-> Д<емократической> партии. В Думе я решил пойти к крайним правым и сказать им: я *вот*, берите меня, я *ваш*. Потом я скоро занял бы пост Министра Внутренних Дел и первым делом ликвидировал бы в России революцию. Я оставил бы виселицами всю страну от Петербурга до Севастополя и перевешал бы всю эту сволочь. Россия была бы спасена и могла бы мирно развиваться. А теперь у меня идеи нет». Это было для меня неожиданно.

(№ 8)

1923

В тот же вечер Игорь Ал<ександрович> Кистьяковский рассказал мне следующее. В Киеве при Скоропадском, вскоре после принятия Кистьяковским министерства внутренних дел, ему доложили, что два чиновника подлежат увольнению: один за то, что отвергал официально признанную украинскую «мову» и даже открыто поносил ее; другой за то, что изобличен в обслуживании германской разведки. Кистьяковский вызвал их по очереди и имел с ними такие беседы.

Первому он сказал: «Вы не владеете мовой?» «Нет, Ваше превосходительство». «Хорошо, но зачем же вы ее открыто поносите, если она признана официально? Вы думаете, я ею владею? Но я не буду ее открыто критиковать. Вы представлены к увольнению. Но я оставляю Вас на службе, если вы обещаете мне не критиковать ее гласно».

Тот обещал и был оставлен на службе.

Второму он сказал: «Вы представлены к увольнению за ваше обслуживание германской разведки. Но я оставляю вас на службе, если вы торжественно обязуетесь каж-

дый ваш доклад германцам и каждое ваше сообщение им предварительно представлять мне в писаном виде на одобрение». Тот обещал и был оставлен на службе.

Этот второй был Николай Дмитриевич Тальберг, впоследствии член Высшего Монархического Совета при Н. Е. Маркове.

(№ 9)

1931

Как-то летом 1931 года я возвращался из Женевы в Берлин. Я оказался в отделении III класса, в котором уже сидел почтенный католический прелат. Мы разговорились, и как-то выяснилось, что он знал и мое имя, и мою антикоммунистическую работу в Германии, и мою близость к евангелическим центрам Берлина. В Базеле мы обедали в ожидании пересадки, он непременно хотел заплатить стоимость моего обеда и, обнимая меня за плечи, рычал: «Das ist mein Freund!»⁴⁰

Между Базелем и Франкфуртом на Майне он обратился ко мне с такою речью. Я-де должен позаботиться прежде всего о «спасении моей души»; для этого следует непременно перейти в католичество. Но не надо делать это открыто. Мне надо принять католичество тайно, открыто оставаясь в Православии. Тогда передо мною откроются великие возможности: я буду работать в Православии и с евангелическими центрами Берлина по указаниям прелата Мишеля д'Эрбиньи⁴¹ в Риме, а католики обеспечат мне в Германии пожизненно академическую кафедру в одном из своих университетов.

Я едва верил своим ушам. Переспросил, уточнил и задумался над ответом. Подумав, я решил скрыть и негодование, и закипавший во мне юмор.

«Господин прелат, — сказал я ему по-немецки, — ваше предложение свидетельствует о великом вашем доверии ко мне; оно и неожиданно для меня, и затруднительно; я должен спокойно обдумать его на свободе». Тогда он полез в свой чемодан, извлек из него свою большую фотографию и преподнес ее мне со словами: «Вот вам на память. Как только вы решите вопрос окончательно, позвоните мне по телефону в Кельн. Я немедленно приеду в Берлин, мы отправимся с вами к прелату

Kaas⁴², а от него к Рейхсканцлеру Брюнингу⁴³, и ваша судьба будет устроена». От Франкфурта он поехал в Кельн, а я в Берлин. Его звали Prälat Iakov Schütz⁴⁴.

Приехав домой, я запротоколировал по свежей памяти нашу беседу на оборотной стороне фотографии. При первом же деловом свидании с Oberkonsistorialrat A. W. Schreiber (Kirchenbundesamt⁴⁵) и с Oberkonsistorialrat Alfred Fischer (Oberkirchenrat) я отвел душу. Я внезапно спросил их с серьезным лицом и притом дважды и торжественно: «Was gebt ihr mir, dass ich Euch nicht vergrate?»⁴⁶ Fischer затревожился, а Schreiber, подмигнув ответил: «So siehst`te aus!!»⁴⁷ Тогда я рассказал им всю историю и показал портрет. Больше я Шютца никогда не видел. Но потом узнал, что именно таким способом они сделали своего агента из проф. М. А. Таубе⁴⁸.

(№ 10)

1912

В 1911-1912 году, когда мы были в заграничной командировке, мы раза два встречались с Богданом Александровичем Кистяковским⁴⁹, человеком очень недаровитым, подозрительным, завистливым и склонным к интриге. Тогда я его еще не разглядел. Он почему-то все укорял меня за неуживчивость и уговаривал меня объединиться с Б. П. Вышеславцевым и Н. Н. Алексеевым, людьми мне решительно чуждыми и антипатичными. При этом он все ссылался на образцовую «дружную четверку» — Б. В. Яковенко⁵⁰, Ф. А. Степуна, С. И. Гессена⁵¹ и Сеземана⁵². Я слушал и удивлялся.

Весною 1912 года, перед возвращением в Москву, я получил от него длинное письмо, в котором он опять уговаривал меня объединиться с Вышеславцевым и Алексеевым, устроить фронт против нашего учителя и «оставителя»⁵³ П. И. Новгородцева и осадить этого последнего, показать ему его невысокое место и сломить его власть. Я тотчас же ответил ему иронически-негодующим письмом, обличая его интригу и издеваясь над ней. Ответ пришел растерянный и самый жалкий: что он ищет только «справедливости», что я его «не так» понял, что ему трудно мне сейчас ответить основательно, потому что его «закачало» в поезде железной дороги etc. Переписка наша оборвалась.

Он вернулся в Москву раньше меня.

Каково же было мое удивление, когда я, по возвращении в Москву, услышал из уст П. И. Новгородцева всю серию обвинений меня в неуживчивости, недружелюбном отношении к коллегам etc, которую мне преподносил Кистяковский. Разговор закончился категорическим указанием Новгородцева на то, что он *никаких* преподавательских занятий для меня в Москве устроить не может, и советом переехать в Петербург. Интрига Кистяковского раскрылась для меня, но мне было стыдно и противно показывать Новгородцеву письма от К<истяковского> — и я предпочел молчать.

В это время Новгородцев уже не вел университетскую кафедру философии права, находясь с 1911 года в отставке вместе с другими радикальными профессорами. Юридическим факультетом владели реакционные «кассовцы»⁵⁴ во главе с П. В. Гидуляновым⁵⁵, человеком тупым, грубым и пролазливым. Я встречал его раньше у Михаила Исакиевича Бруна⁵⁶ (прис<яжный> пов<еренный>), потом лектор частного международного права в Моск<овском> Коммерч<еском> Институте).

Я стал строить свою преподавательскую деятельность и свой existenz-minimum⁵⁷ помимо Новгородцева. Высшие Женские Курсы, учр<ежденные> В. А. Полторацкой (юридич<еские> и историко-филологич<еские> факультеты), где я преподавал еще в 1909 — 1910 годах, сразу предложили мне 8 часов в неделю (курс и семинарий на юридич<еском> фак<ультете> и курс и семинарий на ист<орико>-фил<ологическом> факультете); в Университете я получил «рекомендованный к зачету» курс и семинарий; уроки философии в семье покойного профессора Г. Н. Габричевского⁵⁸ довели число моих недельных часов до 16 и экзистенц-минимум был дан. Мы сняли квартиру в Крестовоздвиженском переулке в доме Бутурлина (в коей и прожили до самого изгнания), я поставил телефон, начал серию докладов в Моск<овском> Психологическом Обществе (председательство Л. М. Лопатина) и стал работать над диссертацией о Гегеле. Любопытно, что П. И. Новгородцев еще раньше отговаривал меня от этой работы, указывая на то,

что «Гегель, разложенный по полочкам тончайшего Хуссерлизма — будет уже не Гегель». Новгородцева я перестал посещать и не бывал у него целый год.

В это время декан Гидулянов, встречаясь со мною в профессорской, уговаривал меня 1. *упрощать* преподавание, не осложняя его ненужной глубиной и детализацией: надо «пропускать студентов через университет, не затрудняя их»; «Вы попроще, попроще, видите в чем дело! Примите во внимание — не надо затруднять». 2. скорее защищать диссертацию, кафедра вакантна; «припишите к Вашему этюду «Понятия права и силы»⁵⁹ листа три и подавайте на магистерскую степень»... На первый пункт я с отвращением и презрением промолчал. На второй указал, что я готовлю большую работу о Гегеле и менять тему не буду.

С весны 1913 года со мной начал заводить разговоры С. А. Котляревский⁶⁰, сыгравший во время массовой отставки 1911 года такую некрасивую роль: сначала агитировал за отставку, потом, узнав, что Кассо⁶¹ примет отставку целой сотни профессоров и доцентов, поехал в Петербург, переговорил с Кассо, вернулся, взял свою отставку назад, а в фонд помощи ушедшим в отставку внес 3.000 рублей, которые были ему возвращены. Тем не менее он сохранил дружественные отношения с П. И. Новгородцевым, сближаясь все более и более с гидуляновцами.

Весной Котляревский зазывал меня к себе обедать (одного), провожал на улице и все заводил разговоры о том, как грустно положение тех университетских учителей, против которых восстают их ученики, о том, что в науке важно преемство, что ученику подобает пиетет к учителю.

Однажды это надоело мне и я написал ему формулирующее письмо, в коем высказал, что только низкие натуры способны к неблагодарности, интригам и предательству, но что с другой стороны ученый исследователь не призван к покорности людям и должен повиноваться только Богу, своей совести и голосу Предмета.

Вскоре после этого я был приглашен им на вечер с ужином. Был еще кое-кто и Лидия Антоновна Новгородцева (жена Павла Ивановича), с которой мы пробеседо-

вали вдвоем полвечера. Она была со мною очень любезна, ласкова и светла.

Вскоре после этого я встретил где-то Павла Ивановича, который стал мне дружески пенять за то, что меня «нигде не видно», что он в заботах о моем устройении, что он предлагает в Коммерч<еском> Институте Просеминарий по общей теории права, вносит на Высшие Женские Курсы, основанные Герье⁶², предложение поручить мне философский курс и готовит мне курс в Народном Университете Шанявского. Наши отношения восстановились. Но ни тогда, ни после в Праге в общении с Лидией Антоновной — я никогда не чувствовал желания разоблачить интригу Б. А. Кистяковского, несмотря на то что сохранил оба его письма. Сначала думалось, что он сам разоблачит себя однажды; а потом, после 1925 года (кончина Павла Ивановича в Праге) — это дело не представлялось столь существенным. Но в воспоминаниях ему *есть* место.

Из приглашения на курсы Герье — ничего не вышло: Н. Д. Виноградов⁶³, А. В. Кубицкий⁶⁴ и Г. Г. Шпетт⁶⁵ провалили мою кандидатуру. Преподавание в Комм<ерческом> Институте состоялось. В университете Шанявского — началось позже.

Просеминарий в Комм<ерческом> Институте давал мне удовлетворение. Огромная аудитория (maximum). Большая посещаемость (1200 человек нормально, 900 к концу семестра). Высокая кафедра с винтовой лестницей. Живая свободная импровизация, доводящая сущность права и правопереживания во всех его элементах до образной ясности, до очевидности на всю жизнь.

Когда я рассказывал об этом курсе Владимиру Ивановичу Герье, у которого бывал запросто и с которым мы беседовали по душам, то он пришел в ужас и воскликнул: «Но у Вас должны после такой лекции *плечи* болеть!» На такой двухчасовой лекции был однажды и мой отец. Отклики из аудитории были живые и взволнованные.

(№ 22)

В 1914 году к весне в Москве должен был защищать диссертацию П. Б. Струве. Оппонентами были назначены Н. А. Каблуков⁶⁶ и доцент Митюков⁶⁷ (пьянствующее

ничтожество). Я был совершенно чужд факультету, но стороной узнал, что они готовят Струве как либералу — скандал. Накануне диссертации я счел необходимым предупредить его об этом.

Диссертация проходила при полной богословской аудитории. Каблуков был вял и неинтересен. Митюков пытался изобличить Струве в плагиате у Потебни⁶⁸. После официальных оппонентов встали сразу С. Н. Булгаков⁶⁹ в аудитории и я на эстраде. Слово дали мне. Я был краток: «Дорогой и глубокочтимый Петр Бернгардович! Я взял слово не для того, чтобы утомлять Вас третьестепенными и четверстепенными возражениями. Я не экономист и не чувствую себя призванным возражать Вам. Но я внимательно продумал методологическую часть Вашей работы и признал ее философически блестящей и убедительной. И когда Ваш труд появится на иностранных языках, то мы будем им гордиться так, как гордимся им ныне в России».

Потом говорил Булгаков и еще кто-то. Остальное прошло обычно.

После этого начались глухие слухи о том, что факультет готовит мне «расправу». Это продолжалось неделями. Усиленно начал ухаживать за мною Котляревский, выражая всяческое сочувствие и уважение, а также готовность отстаивать меня. Однажды позвонил Новгородцев и сказал, что если бы на факультете причинили мне какой-либо вред и встал бы вопрос об отбывании воинской повинности, то он «устроит меня» через Коммерческий Институт.

Я решил проткнуть нарыв и дать встречный бой. В приемный час я был у декана Гидулянова, который принял меня раздраженно: «Вы известны, видите в чем дело, тем, что ходите и всех осуждаете с этичкой (sic!) точки зрения. Факультет нашел Ваше поведение недопустимым и постановил объявить Вам *строгий выговор*. Никто не просил Вас говорить о третьестепенных и четверстепенных возражениях» и т. д. Что можно было возражать этому аморальному варвару? Напрасно было говорить о свободе научных воззрений, о корректной форме моего выступления, о достоинствах классического труда П. Б. Струве. *Бой* мне не удался. Но *положение выяснилось*.

В мае мы собирались за границу. 10 мая назначен был отъезд. 8 мая я зашел в Канцелярию Юрич<еского> факультета и спросил у Баталина⁷⁰ (бывший субинспектор из вульгарных) расписание на осень. Он дал мне корректуру: семинарий мой был погашен, отменен, рекомендованный курс переведен в число *необязательных*. Я спрятал корректуру в карман, несмотря на протесты Баталина, повернулся и ушел.

Придя домой я позвонил Котляревскому и сказал ему возмущенным тоном: «Сергей Андреевич! Я звоню Вам для того, чтобы поблагодарить Вас за любезное содействие в деле предоставления мне права отбывать воинскую повинность. Мой курс дисквалифицирован. Мой семинарий отменен. Положение ясное».

Он, конечно, давно знал об этом, но умалчивал. У телефона он обнаружил полную растерянность. Умолял меня не принимать это трагически: «мы это поправим, мы это поправим...» «Поправляйте, если хотите и можете» — и я повесил трубку. На следующий день я сказал жене: «К телефону я не подхожу. Будет звонить Котляревский. Меня нет дома». Так и было. Котляревский звонил раз пять и к сожалению в последний раз я ему попался. «Иван Александрович, не тревожьтесь, мы все это устроим. Поезжайте на дачу к Гидулянову и поговорите с ним. Все можно поправить!» — «Сергей Андреевич! Я у Гидулянова на даче не забыл ни зонта, ни палки и делать мне там нечего. *Не поеду*». — «Не принимайте этого трагически!» — «Не принимаю. Вас благодарю за выдачу меня, несмотря на обещания. И ничего больше не предпринимаю». 10-го мы уехали.

Летом 1914 года война застала нас в Вене. Позднее объявление войны между Австрией и Россией спасло нас при переезде в Швейцарию. Через Италию, Грецию, Сербию (Солоники — Ниш), Болгарию (Варна — Одесса) мы добрались в Россию в августе и решили передохнуть в Судаке (Крым) у родственников жены.

Оттуда я телеграфировал в Университет Секретарю Совета С. И. Преображенскому⁷¹: «Прошу уведомить о документе, посланном воинскому начальнику». Пришел ответ: «Воинскому начальнику сообщено о необязательном, не подлежащем зачету курсе».

В начале сентября мы двинулись на Север. Я завез жену, Наталию Николаевну, в Лазарево (Тульской губернии, Крапивенского уезда, сельцо Выропаевка, родовое имение моей belle-mère⁷²), а сам отправился в Москву выяснять дела.

Секретарь Совета Преображенский сказал мне: «Я три раза возвращал это удостоверение Гидулянову, указывая ему, что Ильина по такому документу заберут. Он три раза возвращал мне его — говоря, что Ильину другого документа не будет. Это возмутительно: Вы состоите доцентом 5 лет, Вы имели зачетные курсы, а между тем, напр<имер>, Зызыкину⁷³, который еще с кафедры ни слова не сказал, дали удовлетворительный документ».

Я позвонил П. И. Новгородцеву и изложил ему дело. «Видите ли, — ответил он, — мы уже устроили по Ком<мерческому> Институту Вышеславцева, и Алексева, и еще целый ряд других лиц — и для Вас ничего не можем сделать. Поговорите с Гидуляновым и Любавским⁷⁴».

На меня повеяло заговором и унижением. Я решил ничего больше не делать, а ехать к Воинскому начальнику. Собрал белья, умывальные принадлежности, положил в сумку и отправился по месту приписки в уездный город Бронницы (Моск<овской> Губ<ернии>). На месте я был скоро принят. «Я приват-доцент Ильин, Моск<овского> Университета. Только что вернулся из-за границы, узнал о неудовлетворительном документе из университета и являюсь к отбыванию воинской повинности».

Передо мною сидел интеллигентный человек в военном мундире, с бородой, умными глазами и деликатным обращением. Боуман, из англичан.

«Да, я помню Ваш документ. Он неудовлетворителен. Расскажите, пожалуйста, почему Вам выдали его?» Я рассказал обстоятельно, не скрывая ничего. Он внимательно слушал. «Видите ли, у нас есть инструкция, тайный циркуляр военного министерства, согласно которому следует освобождать от воинской повинности *всю* доцентскую молодежь, не считаясь с формулировкой удостоверений. И я своею властью, распространительным толкованием закона освободил и Вас. Поезжайте спокойно и препода-

вайте дальше». Я откланялся и уехал к жене в Выропаевку, где и пробыл до конца сентября.

О моей явке к Воинскому начальнику я не сообщил в Москве ни слова — ни Новгородцеву, ни Котляревскому, ни Гидулянову. Я просто стал читать повсюду назначенные лекции. В университете — мой *необязательный* курс. Немалым утешением было мне то, что к концу второго (весеннего) семестра и мой курс оказался третьим по посещаемости на факультете. Первым шел курс Игоря Кистяковского по гражданскому процессу; вторым — И. Х. Озерова⁷⁵ по финансовому праву (оба обязательные); третьим — мой, *необязательный*.

(№ 13)

1917. 1930

В августе 1917 года на первом съезде Общественных Деятелей, на второй день съезда, я подошел в коридоре университета, где происходил съезд, к Василию Алексеевичу Маклакову и спросил его: «Василий Алексеевич! Почему молчит Маклаков? Почему не слышно его слова и суждения?» Мы до тех никогда не встречались и он не знал меня. Но накануне, в первый день съезда, он слышал мою негодующую речь, произведшую на съезде сенсацию, и знал, с кем говорит.

Он ответил мне с большою простотою и прямою: «Видите ли, я три раза в жизни имел возможность заявить публично, что я монархист, один раз в присутствии самого Государя. При теперешнем положении дел в России мне здесь нет места и я воздерживаюсь от выступлений». Вскоре после этого он уехал во Францию послом от Временного Правительства.

Тон его ответа не допускал сомнений в искренности. Впоследствии, уже за границей в эмиграции, П. Б. Струве сказал мне, что Маклаков был введен в ложу Великого Востока в Париже в 1896 году⁷⁶ Максимом Ковалевским⁷⁷.

Бывая в Париже (1925-1930), я два раза заходил в бюро к М. Н. Гирсу⁷⁸ и В. А. Маклакову преимущественно для того, чтобы отстоять перед ними ассигновку, отпускавшуюся Советом Послов на берлинскую Vertrauensstelle⁷⁹, во главе которой стоял С. Д. Боткин⁸⁰. В 1930

году Маклаков пригласил меня завтракать, и я провел с ним почти с глазу на глаз (присутствовала только его сестра) часа три. Он слышал уже плохо, прибежал к аппарату; и говорил все время почти один, потоком. Он доказывал мне свою невиновность в революции, как если бы я обвинял его в чем-нибудь. Но я именно его не обвинял. Я всегда ценил его деловую, предметную работу в Думе, его умные речи — всегда не только *ad rem*⁸¹, но и *ot hominem*⁸². Я помнил его закрытый доклад в Москве в декабре 1916 года о том, что в бешено несущемся над пропастью автомобиле *нельзя* менять шофера, ибо это грозит гибелью. Я знал, что циан-калий для Распутина⁸³ был добыт и передан Феликсу Юсупову⁸⁴ именно им. И думал о том, что я, к сожалению, не смогу ни записать, ни запомнить его сегодняшнее самооправдание.

Его политические мемуары⁸⁵ о трех Думах имеют большую политическую ценность. Он очень умен и даровит как оратор. Он тактичен, очень терпим и очень доброжелателен и не является честолюбивым интриганом. Тактически — он «реальный политик» и последовательный эмпирик. Этому искусству можно и должно учиться по его книгам. Но у него *нет* религиозной веры, нет последней и высшей ценности; он безнадежный релятивист и скептик. В нем живет дух французской революции: ум Вольтера, противопоставление бунтующей и требующей «свободы и благосостояния» личности — якобы деспотическому государству; вера в то, во что веровать глупо — в демократические формы жизни. Он масон — не только по принадлежности к ложе и по 33-ей степени посвящения, но и *по естеству своему*; масон, *верующий* в вопросах политической целесообразности (что нелепо) и *не верующий* в вопросах религиозной святости. Поэтому книги его могут послужить настоящей школой масонского релятивизма и доктринерства. О том, что Маклаков — масон, мне сообщил П. Б. Струве точно: он был введен в ложу в Париже в 1896 году Максимом Ковалевским.

А. О. Гукасов⁸⁶ говорил в 1948 году И. С. Шмелеву, что на издание последней маклаковской книги ему перевели «из Америки» 600 долларов.

О посещении Маклаковым сов<етского> посла Богомолова⁸⁷ в Париже в 1945 году — отдельно.

(№ 16)

1921

В 1921 году Михаил Васильевич Нестеров, с которым мы подружились за последние годы, привел ко мне Валентина Александровича Тернавцева. О Тернавцеве я давно слышал от друзей, как о человеке очень умном; прозорливым и религиозно значительном. Он был много лет чиновником особых поручений у К. П. Победоносцева⁸⁸ и в первых Госуд<арственных> Думах сидел всегда в правительственной ложе, наблюдая за поведением священников-депутатов. Его прозвали в Думе «красивый брюнет». Это Тернавцев давно говаривал про Бердяева: «он одержим бесом, все его гримасы от беса и однажды все это обнаружится и подтвердится».

Тернавцев вошел молчаливо, сел, рослый и широкоплечий, на мой кожаный диван и предоставил нам с Нестеровым разговаривать. Я знал, что Тернавцев уже 30 лет пишет книгу об Апокалипсисе⁸⁹ и считает в нем все понятным: все сказанное — есть философия человеческой истории и религиозности, по отдельным народам и пророчество о грядущем. Я не хотел его форсировать, а он молчал со скучающе-наблюдающим лицом. Он оживился и заговорил только тогда, когда Нестеров перевел разговор на религиозный смысл наших дней и на интеллигентскую безрелигиозность. Они хотели, чтобы я высказался. Я ответил, что совершенно не считаю себя человеком «богомудрым», что с мистическим ужасом смотрю на происходящее и думаю только, что мы вступили в совсем новую исторически-религиозную эпоху. Тернавцев очень заинтересовался и попросил уточнения. Я сослался опять на мое малое разумение и отрицание доктринерства в сих вопросах. А затем высказал, что по моему слабому видению человечество вступает в эпоху «Духа». Прошло то время, когда народы не умели идти от Отца к Сыну и Духу: исказили облик Отца и не узнали Сына и не приняли Духа. Потом 2000 лет они имели возможность идти от Сына к Отцу и принимать от Духа. И Сына они исказили, отвергли и утратили. Ныне настал кризис: нам надо будет идти от Духа к Сыну и к Отцу; и это последний шанс человечества. Тернавцев очень взволновался, Нестеров сверкал своими пронзительными

глазами. «Вот ведь, смотрите, как Господь вас умудряет»... — воскликнул Тернавцев. И наше сближение завязалось.

Я и потом не раз видался с ним в долгих беседах. Однажды я рассказал ему о слухах, по которым правые русские организации будто бы уже завладели Чекою⁹⁰ и ведут большевиков к крушению и ликвидации. Он ответил тоном человека осведомленного: «Действительно, наши с самого начала вошли туда с этой целью. Но их заподозрили коммунисты и, чтобы проверить их, стали давать самые отвратительные поручения. Уклониться нельзя было; переварить это тоже нельзя было. Некоторые стали морфинистами. Был момент, когда обе партии, как в азартной игре, сидели за столом, ожидая момента, чтобы опрокинуть стол и начать расправу; но момент этот прошел и теперь наши бессильны». Это было в 1921 — 22 году.

После высылки я никогда ничего больше не слышал о В. А. Тернавцеве.

(№ 29)

1918

Зимой 1917-1918 года меня посещало множество людей, иногда незнакомых, малознакомых, неожиданных. Алексея Станиславовича *Белоруссова-Белевского*⁹¹ я знал давно, а со времени Съездов Общественных Деятелей (авг<уст> и окт<ябрь> 1917) мы считали себя ближайшими единомышленниками. Бывший когда-то в молодости близким к народовольцам, он вернулся из эмиграции после октября 1905 года, был либерал-радикалом, правым, писал в Рус<ских> Ведомостях и стал в 1917 г. прямым и мужественным Корниловцем-Колчаковцем. Человек с большим журнально-политическим опытом, темпераментный, мужественный и правдивый.

Между прочим он рассказывал мне о том, как Виктор Чернов⁹² в русской ссылке познакомился с знаменитым уральским разбойником Лбовым, сошелся с ним, «распропагандировал» его и договорился о том, что Лбов будет известную часть своей разбойной добычи отдавать Чернову для партии социалистов-революционеров, что впоследствии и осуществлялось. Помню, какое впечатле-

ние произвел на меня этот рассказ: поиск русского революционера на русского разбойника-каторжника ведет свое начало от Бакунина⁹³ и Нечаева⁹⁴; он нашел свое отражение в «Бесах» Достоевского; он сблизил революционеров с уголовщиной в так называемых «экспроприациях» 1905-1907 года, от которых правые эсеры официально отреклись, но которым потихоньку сочувствовали и *post factum* выпрашивали себе подачки у левых групп (напр<имер>, после большой банковской экспроприации в Москве в 1906 году). И вот: Литвинов-Валлах⁹⁵ был замешан в производство фальшивых денег, Сталин-Коба⁹⁶ организовывал экспроприации на Кавказе (с метанием бомб) в пользу сидящего за границей Ленина, Чернов сговаривался с Лбовым, а Керенский амнистировал уголовных в марте 1917 года (об этом см., напр<имер>, в воспоминаниях начальника Всероссийского Уголовного Розыска Аркадия Францевича Кошко⁹⁷).

Вот почему революционеры так сердятся, когда им об этом напоминают: они знают, что *годами работали над ассимиляцией революции и уголовщины.*

(№ 30)

1914

Весной 1914 года (до первой мировой войны) меня неожиданно навестили Ф. А. Степун и казанский прив<ат>-доц<ент> Васильев⁹⁸ (философия). Степуна я знал с Гейдельберга-Фрейбурга (1910), Васильева я видел в первый раз.

После первых фраз знакомства Васильев вдруг воскликнул, как выстрелил: «Ну вот, Иван Александрович, это я понимаю, у Вас настоящее лицо философа — острое, худое, даже изможденное; а не то, что у Федора Августовича»... Я не знал, как замять этот неуместный и щекотливый разговор, а Степун ответил восклицанием, растягивая по своему обыкновению слова, по актерски рисуясь и картавя звук «л» нёбным произношением: «Ну, что ж вы хотите, когда у человека не лицо — а вы-ымя?!» Я поспешил перейти к более серьезной теме, но Степун, сидя в большом кресле, несколько минут еще рисовал что-то на моем блокноте. Потом показал мне. Легкими, меткими чертами была набросана голова жирной свиньи,

жутко смахивавшей на самого Степуна. Под рисунком стояла размашистая подпись «Федор Степун». Рисунок долго у меня хранился и затерялся при высылке из России.

(№ 31, № 32)

1915

В 1915 году (весной или летом) меня посетил Ф. А. Степун, недавно вышедший из госпиталя после контузии на фронте. Об этой контузии по Москве рассказывали, что она была получена при следующих обстоятельствах. Шло наступление немцев на Ригу. Во время боя батарея, в которой состоял Степун («прапорщиком артиллеристом») вместе с другими офицерами (все с немецкими фамилиями) — молчала; бой был тяжелый и, кажется, для немцев успешный. После боя их потребовали в штаб к ответу. Они будто бы сели на телегу, телега потерпела крушение, и они приехали в штаб «контуженные». Верность этого рассказа мною не могла быть удостоверена.

Сидя у меня, Степун развивал военный пессимизм. Между прочим, видя, что мне его пессимизм мало нравится, он рассказал, что кто-то из его знакомых в Москве прямо спрашивал: «Как? Вы деретесь на фронте с немцами и не отступаете и не сдаете им пушек?!» Он *не* назвал мне вопрошателя, но я сразу узнал по интонации Богдана Кистяковского, который еще в начале войны говорил мне: «Ну, слушайте, что же вы хотите? Драться с немцами — это же последнее дело»... Он же говаривал и раньше: «У меня две родины — Украина и Германия! Россия никогда не была моей родиной!»

Почувяв, что передо мною сомкнутый фронт — Степуна и Б. Кистяковского, германофилов-пораженцев, я нарочно углубил вопрос и сказал, что Россия, по-моему, непременно должна победить, чтобы окончательно оборониться от внешних врагов, утвердить свое духовное достоинство и не впасть в новое (германское) рабство.

На это Степун сказал мне, что он «с одинаковым отращением относится как к идее победившей Германии, так и к идее победившей России».

Я ответил ему, что непобедившая Россия будет разгромленной, униженной и рабской Россией, лишенной правосознания и разнузданной.

Мы сидели за нашим чайным столом: на главном месте — жена моя, Наталия Николаевна, рядом с ней Степун, против жены я.

Вдруг он ответил мне со свойственной ему кощунственной насмешкой: «Что же вы хотите, когда русский народ *ноуменально*⁹⁹ предназначен к рабству?!»

Сдерживаясь изо всех сил, я ответил ему *приглушенным* голосом: «Извините, Федор Августович, если я вас верно понял, то вы сейчас сказали о русском народе — мерзость».

Вдруг он начал колотить кулаком по столу и визгливо-истерически, театрально кричать: «Как — вы — смеете — со — мной — так разговаривать?! Я вас научу, как со мной разговаривать!!» Затем столь же внезапно истерически захлопал, начал мазать себя рукой по лицу и замолк.

Воцарилось удрученное — позорное для него молчание. Он не вынес его, вскочил, отвесил два поклона и ринулся в переднюю. Никто его не удерживал. В передней он, одевшись, начал вдруг меня обнимать, театрально всхлипывая и приговаривая: «Не надо сердиться!! Не надо сердиться!!» Я молчал. Он вышел.

Вернувшись в столовую, я просил у жены моей прощения за эту безобразную сцену.

Потом я его долго не видал. В его книжке «Записки прапорщика-артиллериста»¹⁰⁰ я потом прочел фразу о том, что люди, отстаивающие войну до победного конца, «мерзавцы».

В 1917 году, после революции, он стал правой рукой Савинкова¹⁰¹ в бытность сего последнего при Керенском — политическим комиссаром армий.

Передавали, что большевики выслали его за фразу на одном публичном докладе — в ответ на вопрос из публики, что он думает о большевиках? — «большевики — дьяволы». Я не был на этом докладе.

После нашей высылки (сент<ябрь> окт<ябрь> 1922) — и он оказался в Берлине высланным. Предстоял вечер «в нашу честь» — от Deutsches Rotes Kreuz¹⁰² и Gesellschaft zum Studium Ost-Europas¹⁰³. Намечались ответные ораторы, Выбрали меня¹⁰⁴ — и Степуна. Спросили Степуна, что он скажет. Он ответил развязно: «Я *одинаково* люблю

Россию и Германию»... — и остановился. Я кинул ему иронически через стол: «Человек, рожденный двумя матерями?» Он с пристальным, угрожающим бешенством посмотрел мне в глаза — и промолчал.

Это не помешало ему явиться ко мне в начале 1923 года в Берлине же с предложением перевести на немецкий язык мою работу о Гегеле (два тома). Он предлагал переговорить об этом с Хуссерлем¹⁰⁵ и найти издателя. Я спросил его: «Почему он так заботится об этом?» Он ответил своим обычным развязно-аффектированным-издевательским тоном: «из патриотизма». С Хуссерлем он меня связал, была переписка, но ему я перевода не доверил из опасения, что исказит и наплетет. За перевод взялся Артур Лютер¹⁰⁶, перевел введение и две главы и забастовал. Перевод Лютера был неважен. Я остался должен ему 75 марок, которые потом выплатил ему пакетами из Швейцарии (в сороковых годах). Главы, им переведенные, я в 1945 г. переработал.

<(№ 33)>

Впоследствии, в 1928 году в Берлине, мы с женою, отыскивая себе в качестве жильцов меблированные комнаты, попали к одному берлинскому профессору, сдававшему комнаты. Мы не сняли его комнат, но разговорились с ним. Он спросил, знаем ли мы проф. Степуна? Знаем, а что? Да вот я недавно слышал в одном обществе его лекцию о России. Это было возмутительно! Как может русский человек говорить эдакое о своем народе?! Он утверждал, что большевизм составляет самую духовную сущность русского человека и русского народа!» и т. д.

В 1932 году собрался весной совет берлинских организаций для устройства Дня Культуры. В качестве оратора предложили Степуна, тогда — «профессора социологии» в Дрездене. Баллотировали закрытой баллотировкой. 24 направо, 10 налево. Я попросил слова и предложил, чтобы тот, кто будет ему писать, попросил бы его от нашего лица — не говорить в речи *позорных вещей* о России. И рассказал вслух при всех мою встречу с берлинским профессором. Воцарилась длительная, удрученная пауза. И. В. Гессен¹⁰⁷ прервал ее наконец — предложени-

ем баллотировать Степуна еще раз. Единогласно согласились и почти единогласно забаллотировали.

В том же (?) году Степун напечатал <статью>¹⁰⁸ в Современных Записках за подписью Луговой очень резко о национал-социалистах. В 1934 году русские, приезжавшие из Дрездена, передавали, что Степун объявляет себя открыто «национал-социалистом», ибо¹⁰⁹ «националистом» и «социалистом», а для России предлагает Фюрера, избираемого на пять лет. Так он продержался на своей кафедре до 1938 года, когда Гештапо предъявило ему длинное обвинение (в том числе и статью Лугового), лишило его кафедры, отобрало паспорт и запретило ему выезд. После войны передавали, что он спасается на Тегерн-Зее, а потом он вынырнул на кафедре в Мюнхене.

Летом 1939 года он *по радио*, слышному в Цюрихе, объединял католичество с Православием, уверяя, что православным приемлемы *все* католические догматы, только нажим католиков возмущает их. Мемуары¹¹⁰ его я получил от него, не благодарил его и не читал их.

(№34, 28)

Весной 1918 года

В Москве ко мне пришли внезапно, отнюдь не сговорившись друг с другом, но встретившись у меня в подъезде (Крестовоздв<иженском> пер. д<ом> Бутурлина во дворе) П. Б. Струве, находившийся в командировке с юга на север за деньгами, и генерал для поручений при Л. Г. Корнилове — полковник Голицын¹¹¹. Войдя в переднюю они оказались «в ссоре»: Голицын узнал Петра Бернгардовича, остригшего свою большую бороду, и неконспиративно назвал его по имени; П<етр> Б<ернгардович> выговаривал ему за это, а Голицын конфузился. Но это скоро закончилось: Голицын привез нам известие о смерти Л. Г. Корнилова, о которой ни П<етр> Б<ернгардович>, ни я еще не знали. Мы долго сидели вчетвером (жена моя Наталия Николаевна) — потрясенные, подавленные, обсуждая последствия, новое командование (Деникин) и положение Белой Армии.

Уходя, Голицын сказал мне: «Я приведу к Вам для связи и совещания двоих командированных с юга. Это два полковника. Оба молодчинищи: Перхуров¹¹² и Страдецкий¹¹³». Через два дня они пришли ко мне все втро-

ем. Оба полковника имели поручение работать негласно с Савинковым и поднять север против большевиков. Оба рослые, широкоплечие; Страдецкий с рыжеватой бородкой и сверкающими глазами; Перхуров с длинным носом, умным взглядом, седеющий шатен, с бородой и усами. Предупреждая их, я рассказал им о Савинкове все, что знал, и обрисовал его как властолюбивого и аморального авантюриста-ассасина¹¹⁴. Они знали это и рассказали мне о том, что после свидания на юге Савинкова с Корниловым (ответ Корнилова: «Я-то вас прощу, но они, мои друзья и единомышленники, не простят!..») у них было контрразведочное сведение, будто Савинков готовит покушение на Корнилова; тогда группа корниловских офицеров стала ходить за Савинковым по пятам, чтобы вовремя успеть убить самого Савинкова. Но тут выяснилось, что Перхуров не будет терять Савинкова из вида... Я дал им связь с нашей московской офицерской организацией¹¹⁵, и мы расстались.

Впоследствии восстание в Ярославле и было организовано Перхуровым и Савинковым. В 1930-х годах в рижской газете я читал о Перхурове, что из Ярославля он спасся к Колчаку, а после крушения Колчака вступил под чужим именем в сибирскую красную армию, где и готовил белые ячейки. Был узан, арестован и передавался из тюрьмы в тюрьму. Описывал его очевидец. Это был старик с большой седой бородой, ясными могучими глазами и важными, командующими манерами. Во всех общих камерах авторитет его признавался немедленно. Он был организатором и арбитром. Его почитали и уголовные. С утра все становились на молитву и пели хором. Порядок был образцовый. Его все слушались и любили как своего рода Святого.

Передают, что его отправили в Москву и там на Лубянке расстреляли. Достоверности нет. О Страдецком я никогда больше ничего не слышал.

(№ 35)

1921

В 1921 году, проездом из Томска через Москву за границу, меня посетил Сергей Иосифович Гессен, занимавший в Томске какую-то кафедру и отпросившийся у большевиков за границу. Как он устроил это, не знаю.

Он удобно засел передо мною в большое мягкое кресло и начал развивать свое новое мирозерцание. Он видел спасение человечества в синтетическом сращении философии Риккерта¹¹⁶ и политики Ллойда-Джорджа¹¹⁷. Говорил он долго, смакуя каждую фразу и сопровождая ее улыбкой, выражавшей сразу удовольствие от испытанной очевидности и снисхождение к наивному слушателю, которому нужно это все объяснять. Я долго и терпеливо слушал этот ворох мертвых глупостей. И вдруг я потерял терпение. Выждав паузу в его разъяснениях, я вдруг спросил его: «Скажите пожалуйста, Сергей Иосифович, *долго* это безобразие будет еще продолжаться, по-Вашему?..» Он сразу обиделся, потерял и снисхождение и очевидность, и сердито спросил: «*Какое* безобразие?» «Да вот, — ответил я, — погубление России сбродом коммунистов». В его глазах засветилась прямая злоба, и он отчеканил дословно: «Революция в России будет продолжаться до тех пор, пока *все* русские евреи не будут *окончательно уверены* в том, что сам Марков-второй, став министром внутренних дел, *не* восстановит черту оседлости, и сам Пуришкевич¹¹⁸, став министром народного просвещения, *не* восстановит процентную норму для евреев. До тех пор революция будет продолжаться».

Он кончил. Наступила звенящая пауза. Я молчал и внутренне повторял про себя его слова. Он явно был уверен в том, что *большевицкую революцию в России делают евреи в борьбе за свое равноправие*. Дальше разговор не клеился, и он вскоре ушел. С тех пор я никогда в жизни не видал его. Он устроился в Праге, но во время моих приездов в Прагу я не встречался с ним.

Впоследствии после высылки я находил аналогичные признания: 1. в книге у Пасманика¹¹⁹. 2. после второй мировой войны в статьях руководящих евреев. Одну из них прилагаю¹²⁰.

Как интересно было недавно найти в статьях Зеньковского¹²¹ и Степуна, посвященных памяти С. И. Гессена (Новый Журнал 1951. кн. 27) восхваления тонкого, острого и глубокого ума покойного. Я и мои друзья всегда считали его отменно глупым человеком...

(№ 38)

Когда после моего пятого ареста в Москве (1920 по делу «Тактического Центра»¹²²) я вышел на свободу, просидев на Лубянке всего две ночи и день, я зашел к Гольдовским, чтобы узнать о моем друге (сын Рашель Мионовны Гольдовской¹²³, по первому мужу Фельдштейн) Михаил<е> Соломонович<е> Фельдштейн<е>¹²⁴ (прив<ат>-доц<ент> по государственному праву, ученик С. А. Котляревского).

У Гольдовских мне рассказали следующее. Радек¹²⁵ был у Ленина, когда Ленину сообщили, что среди вновь арестованных значится проф. И. А. Ильин. Радек передавал, что узнав об этом, Ленин рассердился, немедленно позвонил в Чеку и сказал Агранову¹²⁶, ведущему это дело: «Вы опять арестовали профессора Ильина? Это общественный скандал! Немедленно допросите его, освободите и оставьте его впредь совсем в покое!»

В ту же ночь я был допрошен и наутро выпущен.

Я изумился и спросил: «Что́ я ему? Чего это он?» Отвечали, что он читал мой труд о Гегеле и высоко ценит его. Я ответил, иронизируя: «Ну, если *он* одобряет моего Гегеля, то мне придется его целиком пересмотреть, нет ли у меня там каких-нибудь пошлостей и гнусностей!..»

Потом «ручные» коммунисты (а такие были!) говорили мне, что у меня есть хорошая отметка в Гепеу: меня считают «гегельянцем». Я обычно отвечал, что это недоразумение: я *никогда* не был гегельянцем и что Маркс ничего общего с Гегелем не имеет; если он «произошел» от Гегеля, то разве наподобие того, как Смердяков от Федора Карамазова. Мне отвечали: «Молчите и не возражайте! Когда мы исчезнем, тогда вы и заявите, что вы не гегельянец; а до тех — это ваша заручка».

Позднее, в эмиграции, мой друг Андрей Иванович Бунге¹²⁷ говорил мне, что в советском журнале «Огонек» он видел воспоминания о Ленине, составленные его учениками. Там рассказывалось, что Ленин говорил своим ученикам: «Напишите о Марксе так, как Ильин написал о Гегеле! Почему вы не пишете так? А потому, что *не можете!*..»

Этих воспоминаний я никогда не видал и передаю со слов Бунге. Однако это подтвердило мне, что Радек, по видимому, не врал.

(№ 54)

1903

Поступая в университет, я мечтал о филологическом факультете. Отец мой настаивал на поступлении в инженерное училище, к которому я питал отвращение. Под его влиянием я в 8 классе гимназии вел даже добавочные занятия по математике, работая у Д. А. Бема¹²⁸. В аттестате зрелости, ввиду моего указания на инженерное училище, поместили даже особую одаренность к математическим наукам, чего в действительности вовсе не было. Я только овладел геометрическим и алгебраическим созерцанием под влиянием талантливейшего преподавателя Фед<ора> Сем<еновича> Коробкина¹²⁹ и давал хорошие ответы. Летом отец, заметив мое противление и депрессивное состояние, согласился отказаться от своего требования, но с условием, чтобы я поступил студентом *не* на филологический факультет, а на юридический. Я пошел на это скрепя сердце, но с первого же семестра заскучал. Скучные курсы Мрочек-Дроздовского¹³⁰ и прив<ат>-доц<ента> Числова¹³¹ по истории рус<ского> права; абстрактный курс политич<еской> экономии Мануйлова¹³²; сухое преподавание истории римск. права у Хвостова¹³³... Все было томительно. Заинтересоваться Самоквасовым¹³⁴ я не мог в силу моей исторической незрелости. Заинтриговывал только Новгородцев, читавший Энциклопедию права, как своего рода мало понятное введение в философию идеализма. На втором курсе с осени я стал ходить на дом к И. Х. Озерову, глотать дававшиеся им книги (учебники, история коопер<ативного> движения, рус<ская> фабрика) и задумывал изучать историю русской фабрики.

В декабре я заболел бронхитом, месяца на три. И уехал лечиться к родителям в деревню, взяв с собою Историю древней философии Виндельбанда, курс Новгородцева и Платона, подлинники в переводе Карпова. К весне Платон был мною изучен и полюблен.

Весной на экзамене по Истории философии права я вынул у Новгородцева билет о Платоне. Помню, как он молча, не перебивая меня, прислушался к моему ответу с несколько изумленными глазами и довольным выражением лица. Отметка была 5+. Я тут же попросил у него личной беседы на дому, чтобы переговорить о моих за-

нятиях. Он назначил свой обычный приемный час, в ближайшее воскресенье от 10-12 утра.

Меблированные комнаты Троицкой у Никитских Ворот. Дом этот погиб, расстрелянный во время моск. вооруженного восстания большевиков в 1917 году осенью. Скромные, очень чистые полукомнаты, крашенные полы. Он принял меня со свойственной ему любезно-тонкой важностью.

Я повторил ему мое желание: план занятий. «Сколько времени Вы хотели бы посвящать моему предмету?» — был его вопрос. — «Всю жизнь», — отвечал я не обинуясь. — «Очень хорошо, — был его ответ, — а мы с своей стороны сделаем все возможное, чтобы облегчить Вам Ваши занятия и Ваше положение». Я принял это как предложение готовиться к магистерскому экзамену и унес от него задание — написать мое первое сочинение о Платоне и предложение бывать у него по воскресеньям от 10-12 для бесед.

На этих воскресеньях я встречал Савальского¹³⁵, выходившего в приват-доценты, Н. Н. Алексеева еще студента, Л. С. Мееровича (пом<ощник> прис<яжного> пов<еренного>), а потом втершегося Вышеславцева, И. А. Карабегова¹³⁶, иногда М. Н. Нерсесова¹³⁷ (межд<ународное> право) и случайных визитеров. Пили чай, обсуждали проблемы магистерской программы и общепедагогические. Дверь в соседнюю комнату (П<авел> И<ванович> уже женился и имел комфортабельную квартиру в Малом Знаменском пер.) была открыта. Оттуда доносился шелест читаемой газеты — это безмолвно слушала нас Лидия Антоновна Новгородцева, урожденная Будилович, женщина очень умная, с самостоятельным характером, независимыми суждениями и оценками. В дальнейшем она много поработала над примирением меня с Павлом Ивановичем. В эмиграции я встречал ее не раз в Праге в двадцатых-тридцатых годах (иногда и у Крамаржей¹³⁸).

(№ 58)

1931

В 1931 году мне удалось найти издателя для подготовленного нами тома «Welt vor dem Abgrund». Найти было нелегко: немецкие издатели один за другим брали руко-

пись и «доверительно» советовались с большевизанствующими немецкими публицистами. Наконец, когда издатель — евангелическое издательство «Eckart Verlag», состоящее при Evangelischer Presse-Verband, т. е. при высших органах Ober-Kirchenrat и Kirchen-Bundesamt — согласилось издать книгу, оказалось, что она на год устарела и мне, как редактору, пришлось *все* дорабатывать и подновлять.

В 1932 году Oberkonsistorialrat A. W. Schreiber, заведывавший в Kirchenbundesamt сношениями с иностранными евангелическими «церквями» и сектами — стал мне как-то говорить, явно с чужого голоса, что книга имеет существенный недостаток.

Я: «Какой же?»

Он: «Она совсем умалчивает о *положительных сторонах* и *заслугах* большевизма».

Я: «Помилуйте! Какие же там заслуги? У дьявола не может быть положительных сторон: они призрачны, обманчивы; успехи их инсценированы и соблазнительны. Говорить о них — значит сеять соблазн и обманывать».

«Ах, нет, — сказал он, — почему же? Дьявол есть полезное существо, и от него бывает людям и польза»...

Я смолк, мгновенно измерив разделяющую нас бездну. С этой доктриной о пользе дьявола я впоследствии встречался не раз.

(№ 65)

В 1934 году, в ноябре, возвращаясь из Белграда и Люблян после публичных лекций, мы с Н<аталией> Н<иколаевной> провели несколько дней в Праге, каждый день видаясь с Надеждой Николаевной и Карелом Петровичем Крамарж и с Ильиными (проф. Василий Сергеевич, ботаник, мой двоюродный брат, и его жена Нина Ивановна).

Между прочим Нина Ивановна рассказывала, что она один год посещала в Праге семинарий Булгакова (проф. Сергей Николаевич) по богословию и была у него на исповеди. В семинарии своем Булгаков разбирал догматы Православия и в этой связи анализировал, комментировал и анатомически описывал *неделями* учение о зачатии и рождении Христа Богоматерью. В семинарии участво-

вали несколько мужчин и дам. Нина Ивановна с негодованием рассказывала о том, как прот. Булгаков часами предавался анатомическому и физиологическому разъяснению того, как могла Дева Мария зачать без семени и родить «без истления». «Мы, женская часть семинария, часами сидели сконфуженные, растерянные, опустив глаза и не зная, куда деваться от стыда». — На исповеди же прот. Булгаков стал задавать ей столь нескромные вопросы о ее эротических грехах, что она, вскипев от негодования, сказала ему: «Отец Сергей! На такие вопросы я отвечать не буду!» Невольно вспоминается Федор Павлович Карамазов: «Сосцы особенно!..»

(№ 66)

В годы 1926-1938 мы с женой не раз подолгу живали в Гаутинге (Gauting bei München¹³⁹) в пансионе Софии Петровны Дурново¹⁴⁰ (урожд. светлейшая Волконская), где и подружился с нею и с жившим у нее князем Николаем Борисовичем Щербатовым. София Петровна была лет 30 фрейлиной двора и состояла при великой княгине Виктории Федоровне (супруге Кирилла Владимировича).

В числе предков Софии Петровны значилась между прочим и Мария Савишна Перекусихина. Она состояла долгие годы придворной дамой при Императрице Екатерине II; от нее у Софии Петровны имелись драгоценные фамильные жемчуга. С<офья> П<етровна> рассказывала, что Мария Савишна, согласно прочным фамильным преданиям, несла при Екатерине обязанности «пробной дамы»: она выбирала любовников Екатерине и проверяла на себе и этих «кандидатов», и тех, на которых указывала ей Екатерина. Об успешной или неуспешной «пробе» она докладывала Екатерине, что и вело к соответствующим последствиям «допущения» или «недопущения» кандидата в альков Императрицы.

(№ 67)

В 1924 году, когда я лечился от катара верхушек и мы жили в итальянском Тироле (Siusi) в одной гостинице с С. М. Волконским¹⁴¹, он, желая меня утешить и доказать, что в России при «советах» не так уж все плохо, сказал: «Вот, говорят, там нет ничего светлого... Это не-

верно! Есть очень отрадные явления. Например, мы знаем наверное, что целый ряд православных священников за обедней, при совершительных молитвах, тайно от прихожан, поминают Римского Папу»...

Я остолбенел: предательство своей церкви, обман при совершении таинства, кощунственная ложь в алтаре — отрадное явление?! Тут я впервые понял, что С. М. Волконский сам состоит негласным католиком и уже впитал в себя всю порочность католической церкви. Впрочем, здесь имел значение его гомосексуальный уклад, о котором он мне сам открыто говорил. Я невольно вспомнил психоаналитическую гипотезу Зигмунда Фрейда¹⁴²: «Если видишь предательство, спроси, не замешан ли гомосексуальный; если видишь гомосексуалиста-практиканта, спроси, где ждать от него предательства?»

(№ 70)

1924 — 1925

В конце 1923 года я заболел гриппом. Болезнь тянулась, и к весне 1924 года установили катар верхушек (рецидив после 1916 года). Мы уехали на юг и провели в отъезде с мая 1924 до марта 1925 года (Фельден и Кётцах в Австрии, Сиузи, Флоренция, Сан-Ремо, Меран, Флоренция). В Сиузи мы жили в одном отельчике (Untergwirt¹⁴³) с князем С. М. Волконским, вместе обедали и ужинали и много беседовали. Он дописывал свой роман, я писал с июля мою книгу «О сопротивлении злу силой», меценатски заказанную мне Борисом Густавовичем Кеппенем¹⁴⁴.

Однажды Сергей Михайлович спросил меня, не придется ли мне коснуться в книге вопроса о том, что «цель оправдывает средства». Я сказал, что, наверное, речь будет и об этом. Ни слова мне не говоря, он, будучи давно уже католическим конвертитом¹⁴⁵, написал своему брату, князю Петру Михайловичу¹⁴⁶, в Париж, а тот дал знать об этом в иезуитский университет Инсбрука. Однажды С<ергей> М<ихайлович> начал меня таинственно уговаривать съездить в Инсбрук: там-де уже предупреждены, приглашают меня и ожидают лучшие иезуитские богословы, которые и разъяснят мне «верно» иезуитское учение по сему вопросу, а то-де я могу «наделать ошибок». В Инсбрук я не поехал, а занялся иезуитской литерату-

рой в библиотеке Uffici¹⁴⁷ во Флоренции и в библиотеке Сан-Ремо. После усидчивой работы я нашел все, что мне было нужно у Эскобара-а-Мендозы¹⁴⁸ (см. в моей книге).

Во время второго посещения Флоренции, в феврале 1925 года, мне доложили однажды вечером в пансионе, где мы жили, что ко мне приходило католическое духовное лицо, которое посетит меня и завтра. На следующий день, рано утром, в 8 часов, я был едва одет и не пил еще кофе, докладывают «in padre»¹⁴⁹. Чужая, о чем пойдет речь, я взял с собою мои иезуитские выписки в карман и пошел в салон. Мне предстал отец Владимир Абрикосов¹⁵⁰, высланный вместе с нами из Москвы за активную католическую пропаганду. Я знал его еще по московской пятой гимназии. Сын московского кондитера, с бледным лицом, чрезмерным носом, ассирийской бородой и выделанным хладнокровием. На визитной карточке его стояло: «Padre Wladimiro Abricossosof. Procuratore generale della chiesa esarco dei emigranti russi»¹⁵¹. Произошла беседа, в которой я держался с еле скрываемой иронией. Порусски.

Он: «И<ван> А<лександрович>, я слышал, что вы пишете богословский труд».

Я: «Помилуйте, где мне браться за такие вопросы, я к богословию не способен».

Он: «Однако вы, по слухам, пишете о сопротивлении злу силою?»

Я: «Да, это верно».

Он: «Но тогда вам придется непременно коснуться вопроса об оправдании средств целью, а также учения иезуитов об этом».

Я: «Да, это, кажется, неизбежно».

Он: «Ну вот, я и пришел, чтобы вас предупредить, что у иезуитов *нет* учения об оправдании средств целью. Лучше и не ищите, не найдете!»

Я: «Ой ли?»

Он: «Да, уверяю вас. Это им зря приписывают!»

Я: «Ну, а что, если я уже нашел у них соответствующее?»

Он: «Это не может быть!»

Я: «Да вот, позвольте, я вам прочту найденное». Вынимаю из кармана тексты и читаю по латыни соотв. ме-

сто из Эскобара-а-Мендозы, который *прямо перечисляет отцов иезуитов, оправдывающих средства целию и примыкает к ним сам.*

Он (сильно побледнев и волнуясь): «Откуда это у вас? Где вы это взяли? Да стоит ли на этом издании *imprimatur*¹⁵²».

Я: «Не беспокойтесь, все в порядке. Издание такого-то года, найдено мною в библиотеке *Uffici* и *imprimatur* стоит».

Он: «В таком случае я должен сказать вам следующее. Я прислан к вам от Ватикана просить вас не касаться этого вопроса, и вот почему. В настоящее время в Риме работает особая комиссия из прелатов, которой поручено пересмотреть все учение и всю деятельность иезуитов. Учение их признается ложным, деятельность их порочной. Документы эти не публикуются для продажи, но я имею полномочие дать их вам на прочтение. Поэтому лучше будет, если вы не коснетесь иезуитов вовсе<»>».

Я: (*про себя*: «Почему же лучше? казалось бы наоборот?») (вслух): «Отец Владимир — я буду вам очень благодарен за такое осведомление. Мы на днях уезжаем в Берлин, и вы, может быть, признаете возможным прислать мне это туда».

Он: «Да, я непременно сделаю это, дайте мне ваш адрес. А затем я хотел бы углубить нашу беседу. Скажите, И<ван> А<лександрович>, как вы относитесь к вопросу о соединении церквей? Мы ведь видим, что ценные элементы русской эмиграции не идут к нам; идет один отброс. А между тем подумайте, какие были бы последствия!.. В Православии есть молитвенная сила, но нет воли и дисциплины; а у нас есть воля и дисциплина, но нет молитвенной силы. Подумайте, если бы нам соединиться — у нас было бы *все* и торжество христианства было бы обеспечено в мире».

Я: «Слыхали ли вы, отец Владимир, о той операции, которую недавно произвели Вильгельму второму, экскайзеру?»

Он: «Нет, а что?»

Я: «Ему, видите ли, вставили оперативным путем обезьяньи железы. Так вот, в такое обхождение с живым

организмом, да еще духовным, я не верю. Православие или извлечет из своей молитвенной силы — и волю, и дисциплину, или же угаснет в истории. Вставить ему от католицизма волю и дисциплину — есть затея безнадежная. И католики должны сами у себя и в себе возродить молитвенную силу».

Мы расстались. Я написал в своей книге все, что считал нужным, а он прислал мне в Берлин одиннадцать жидких книжек антииезуитского содержания, список коих прилагаю. Это был с его стороны явный обман; эти книжки продаются и покупаются обычным порядком.

*Список книг, полученных от Абрикосова:*¹⁵³

(№ 75)

1921

В 1921 году я возобновил знакомство с Короленкою¹⁵⁴ (был на класс старше меня в 5-й гимназии). Он затевал большую нэповскую спекуляцию, водился на короткой ноге с графом Б. Шереметевым¹⁵⁵ и собирал у себя к ужину голодающих приятелей. Был и я у него однажды или дважды. Как-то он передал мне приглашение проф. Ивана Христофоровича Озерова (Финансовое Право) придти вечером для беседы. Беседа состоялась у Озерова, в то время уже вернувшегося с юга, но ограбленного в отсутствие своим учеником М. Боголеповым¹⁵⁶, который «экспроприировал» в свою пользу квартиру и богатейшую библиотеку своего учителя (он ссужал нас книгами своими еще тогда, когда мы были студентами). Озеров, как всегда, нервно возбужденный и проповедующий, принял нас где-то в своей комнате. Он прочел нам свое письмо к Ленину в Кремль, негодующее и обличительное. Там стояли между прочим такие формулы: «Вы спирохетизировали Россию бактериями лени и жадности». К сожалению, я не знаю ни судьбы этого уже отправленного пророческого письма, ни судьбы самого Озерова.

(№ 106)

В 1922 году летом, когда я гостил у Михаила Васильевича Нестерова, писавшего мой портрет, мы с ним посетили жившего неподалеку Владимира Федоровича Джун-

ковского¹⁵⁷ (бывш<его> моск<овского> губернатора и потом шефа жандармов и мин. внутр. дел). За четыре года перед тем я видел его во время моего третьего ареста в общей камере Чеки на Лубянке, где он держался с удивительным достоинством и простотой.

Джунковский рассказал между прочим два анекдота, один из коих я запомнил.

Однажды Государю Александру III¹⁵⁸ представлялись инвалиды Крымской войны, один дряхлее другого. Государя сопровождал генерал Драгомиров¹⁵⁹, известный своим пьянством. Желая ему показать, что непьющий живет дольше, Государь каждого из стариков спрашивал, сколько ему лет и пьет ли он водку.

Первый. «Сколько тебе лет?» — «74, Ваше Императорское Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет Ваше Имп. Величество».

Государь Драгомирову: «Вот, слышали?»...

Второй. «Сколько тебе лет?» — «80, Ваше Имп. Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет, Ваше Имп. Вел.»

Государь Драгомирову: «Вот, видели?»

Третий. «Сколько тебе лет?» — «84, Ваше Имп. Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет, Ваше Имп. Велич.»

Государь Драгомирову: «Ну, конечно»...

Четвертый. Дряхлый, хриплый, с задыханием. «Сколько тебе лет?» — «Э-э-э-91 — Ваше Амператорское Величество»...

«Водку пьешь?» — «Э, э, э — кажинный день — Ваша Амператорская Величества, э, э, э, ... куушаю».

Государь рассмеялся и прекратил допрос.

(№110)

1917. 1921

В 1921 году, когда проф. Александр Аполлонович Мануйлов вернулся с юга, у меня были с ним встречи. Он, между прочим, готовясь к возможному аресту, расспрашивал меня, как бывалого «тюрьмосеса», есть ли в тюрьмах крысы: их он «боялся» больше всего. Я успокоил его: «клопов и вшей — сколько угодно, но крыс не бывает». Разговор коснулся, конечно, того, что называют «ошибками прошлого». Я спросил его об аграрной реформе Столыпина. Он сказал мне: «Столыпин был, ко-

нечно, прав. Это-то и было нужно». Я с удивлением спросил его: «Александр Аполлонович! Зачем же Вы все время в Русских Ведомостях и во всей либеральной прессе критиковали и отвергали его реформу!?» Он ответил: «Это было несправедливо с нашей стороны. Но у нас тогда была кадетская директива: *критиковать и отвергать все, что идет от правительства*».

Идя от него домой, я вспоминал, как в ноябре 1917 года, тотчас же после вооруженного восстания, я передал ему в Русские Ведомости через Кокошкина статью мою «Ушедшим Победителям»¹⁶⁰. Он напечатал ее тотчас же на первом месте страницы; но так как я просил не помещать моей подписи, для того чтобы мне, в предвидении конспиративной анти-большевистской работы, преждевременно не экспонироваться, то он подписал ее буквами «И. Л.» Через несколько дней после ее появления доктор Л. И. Свержевский¹⁶¹ говорил мне, что у него на приеме был Мануйлов, который упоминал об этой статье с большим сочувствием, как о статье, *выражающей мнение редакции*.

Статью эту прилагаю.

(№ 119)

1918

В 1918 году во время моего третьего ареста (октябрь-ноябрь) я встретил в переполненном подвале Гепеу на Лубянке офицера Никольского¹⁶², зятя Надежды Петровны Корелиной¹⁶³, воспитателя кадетского корпуса. Он был настроен фаталистически, но очень спокоен и уравновешен. Он сказал мне, что будет *наверное* расстрелян потому, что у него при обыске взяли т<ак> наз<ываемые> «Сионские протоколы»¹⁶⁴ в издании Нилуса¹⁶⁵. Все, у кого находят эту книгу, обречены расстрелу. Предвидение его оправдалось: его в ближайшие дни расстреляли. Эту точку зрения или, вернее, это наблюдение я слышал не раз и впоследствии.

«Сионские протоколы» я тогда уже читал и, читая, изумлялся легковерию людей. Их текст написан невозможным, наивно-пестрым стилем самого различного характера. Есть основное ядро «плана» революции: стиль сжатый, резолютивный, лапидарный — и жутко-правдоподобный по своей точности. Затем есть

«нейтральные» болтливые интерполяции обывательского стиля. И, наконец, есть совершенно явные, грубо-тенденциозные «интерполяции-фальсификации», сделанные тем стилем, которым писалась крайне-правая «черносотенная» пресса. Филологически и стилистически невыносимая мешанина, режущая ухо и обесценивающая весь документ. Какой-то резолютивный документ революционного злоумышления, может быть, и лежит в основе всего; но чей? кем составленный? Это документ *концентрированного ума и чудовищно-злой воли*. Если и этот, основной текст есть фальсификат — то фальсификат *огромного ума и предвидения*. Как можно было его «исправлять» и «дополнять» — непонятно. Но явно, что он *прошел через несколько безвкусных, политически невежественных и стилистически нелепых «редакций»*. Впоследствии он был переиздан в Берлине (в двадцатых годах) кругами «Высшего Монархического Совета»¹⁶⁶. Может, эти <ми> «исправляющими» редакторами были сами составители, которые фальсифицировали его нарочно, чтобы сделать нелепым и дискредитировать его в глазах научной критики? Рассказывали, будто основной текст его выдуман католиками, что мне кажется не абсолютно исключенным, но мало правдоподобным.

(№ 121)

В сезон 1913-1914 года (?) Художественный Театр возобновил «Бранда» Ибсена с Качаловым¹⁶⁷ в заглавной роли, как и прежде. В качестве представителя петербургской газеты, в редакции коей театральную критику вела моя двоюродная сестра по отцу Любовь Яковлевна Гуревич (ее мать была урожденная Ильина, Любовь Ивановна) — я присутствовал на генеральной репетиции. Как всегда в партере в середине налево стоял режиссерский стол. В антракте я подошел к Вл<адимиру> Ив<ановичу> Немировичу-Данченко¹⁶⁸. «Ну что, — спросил он, — какие ваши впечатления?» Я сказал, что Качалов производит тяжелое впечатление: он вымучивает из себя героическую роль, которая ему чужда, и это выходит натянуто и аффектировано. Немирович живо отозвался: «Да, знаете, люблю я Василия Ивановича, как никого, но и побить его надо, как никого». Он, по видимому, сам разделял мое впечатление.

Я считаю, что В. И. Качалов-Шверубович как актер имел свои, совершенно-определенные, пределы. Ему удавались совсем не все роли. Его ампула было лирически-обывательское (Тузенбах в «Трех сестрах») на *не* интенсивных чувствах. Здесь он мог быть превосходен. Драматические и трагические роли удавались ему только тогда, если он находил для них лицевую и звуковую «маску» — напр., Цезарь у Шекспира, Анагэма Леонида Андреева¹⁶⁹; тогда он мог создавать на сцене законченные шедевры актерской техники — но *без души*. Живая человеческая душа — в драматической или трагической ситуации — не удавалась ему: он совсем не был волевым человеком, он совсем не был мыслителем — и поэтому у него ничего не выходило из Гамлета, Бранда, Ивана Карамазова и других подобных ролей. Благородные манеры, чудный, гибкий, богатый голос, сценический опыт — не спасали его: остальное, душевно-духовное, скрывалось за аффектацией. Впрочем, и в лирически-обывательских ролях у него встречались провалы аффектации; так в Вишневом Саду Чехова, играя Петю Трофимова и умилившись на заснувшую Аню, он фальшиво выпевал каденцией вниз — «Радость моя-а-а! Весна моя-а-а-а!» Как если бы он хотел *отнять* свою радость и весну у кого-то другого...

В истории театра Качалов-актер будет, вероятно, несправедливо преувеличен. У него и в жизни не оказалось — ни настоящей глубины чувства, ни духовного разумения, ни воли. Поэтому-то большевики и могли его разыграть: он говорил по радио их свирепые банальности, требовал «высшей меры наказания» для невинных «врагов народа» и вращался в Кремле. Трагедия безыдейности, безволия и обывательщины настигла его — в революции.

(№ 122)

Помощник режиссера Художественного Театра Вахтан Иванович Мchedлов, милый и сердечный человек, рассказывал мне в 1915 году о первой поездке Художественного Театра за границу. Запомнилось следующее.

Артем¹⁷⁰ имел огромный успех. Немецкие газеты, не обинуясь, называли его «гениальным артистом». При отъезде из берлинского отеля Мchedлов сказал Артему:

«А знаешь, Родионыч, что про тебя написали? — Гениальный актер!» — «Да ну? Вправду? Ну ты достань мне эту критику, я ее возьму на память». На вокзале Артем вспомнил обещание: «Ну что, достал?» А Мчеделов не успел раздобыть газету. Зная, что Артем по-немецки ничего не понимает, он сунул ему первую попавшуюся газету и ткнул пальцем: «Вот здесь!» И Артем, тронутый и благодарный, спрятал газету в карман. На другой день Мчеделов дал ему настоящую критику и просил у него прощения.

Артем был действительно гениальным актером. Лиризм его переживания; певучая мягкость и искренность его интонаций; законченная отделка его игры; художественная убедительность его внешнего и внутреннего облика побеждали и убеждали зрителя с первого момента. Он был столь же великолепен в драматической роли «дедушки Курюкова» (Царь Федор), в лирико-драматической роли доктора Чебутыкина (Три Сестры), в архи-комической бессловесной роли «Петрушки» («Горе от ума»). Зритель не помнил актера: он видел сущего Человека на сцене. Ни одной фальши; ни одного преувеличения; ни одного срыва. И дублеры его (напр<имер>, Грибунин¹⁷¹ в Чебутыкине) — всегда разочаровывали. «Фирс» в Вишневом саду был столь же закончен и трогательно убедителен, как «Вафля» в Дяде Ване Чехова. По профессии же Артем был учителем рисования и начал свою работу в Худ<ожественном> Театре с сединою в бороде.

(№ 15)

1914-1916

В начале ноября 1914 года я написал статью «Основное нравственное противоречие войны». Я прочел ее в виде доклада в Моск<овском> Психологическом Обществе. Прения были оживленные. Помню возражение Л. М. Лопатина, который не заметил в моей постановке вопроса начала «любви». Помню возражение М. П. Поливанова¹⁷², указавшего на то, что такое разрешение (трагический компромисс) применимо и к другим проблемам жизни (я согласился, конечно); возражение слепого философа Щербины¹⁷³, который весьма категорически заявил, что в моей статье «мало философского

анализа»; его я попросил указать совсем точно, «как ставятся философские проблемы, как исследуются философские предметы и что значит дать философский анализ» проблемы. «И так — пожалуйста! Я слушаю!» Помню, как его растерянное бормотание вызвало всеобщие смешки и он беспомощно смылся.

Доклад мой был напечатан в *Вопросах Философии и Психологии*¹⁷⁴; книга читалась, как говорили мне, нарасхват и к великому ужасу была арестована цензурой и препровождена к прокурору судебной палаты. При-с<яжный> пов<еренный> Н. К. Муравьев взялся за это дело. Он говорил с прокурором и привез мне на прочтение два отзыва — *духовной* цензуры и *светской* цензуры. Оба отзыва были по существу в изложении точны, умны и справедливы и оба предлагали вмешательство прокуратуры. Прокурор освободил книжку, и все кончилось благополучно.

Продолжение появилось весной 1916 года, когда мне позвонил и приехал ко мне знакомиться толстовец В. Г. Чертков¹⁷⁵. Он просидел у меня около часа. Грузный, рослый, сытый и *удручающе глупый*. Он думал найти во мне что-то вроде толстовца и долго мямлил мне о светлых и радостных событиях на фронте: «Такие отрадные явления! Народ не хочет войны! Он не будет ее вести! Он скоро положит оружие и разойдется по домам!»

Лишь постепенно он понял, что решительно не встречает во мне никакого единомыслия. И наконец ушел. Я тогда не думал, что его предвидения сбудутся. Но впечатление *тяжелого и вредного глупца* осталось во мне навсегда.

(№ 123)

В 1914 году, в начале сентября, вернувшись из заграницы, где нас застала война, я зашел к Дмитрию Евгеньевичу Жуковскому¹⁷⁶. У него я застал С. Н. Булгакова, который темпераментно излагал свою «новую концепцию войны, монархии, России и Православия». Я долго слушал его самоупоенное пустословие. Но когда он дошел до Распутина, я не выдержал. Венцом его понимания явился тезис, что Россия теперь спасена, потому что ею руководит Помазанник, православный Государь, которым

в свою очередь руководит «православный Старец» Распутин; оба они «великие мистики», и в этом спасение¹⁷⁷. Тут я встал и, ни слова не говоря, направился в переднюю. Жуковский бросился за мною: «Почему вы? куда? что случилось?» Я ответил ему, что не могу и не хочу слушать эти гибельные пошлости; и ушел.

В посмертном издании дневников Булгакова я нашел подтверждение этой концепции (1948): это удостоверило меня, что я тогда верно понял его «идею».

Я еще раз с негодованием вспоминал эту болтовню, когда в 1916 году в Вопросах Философии и Психологии нашел его главы «Свет Невечерний»¹⁷⁸: здесь он развивал новую догматическую концепцию, согласно которой Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой имеют в Лице Софии Премудрости что-то подобное «общей жене», в любви к которой они себя (по очереди?) истощают, и она от них зачинает и родит мир. Помню, как я целому ряду друзей читал вслух эти пошлые выдумки и все разделяли мое негодование. В позднейшем издании книги «Свет Невечерний»¹⁷⁹ я этого места не нашел: вероятно, кто-нибудь посоветовал автору убрать эти формулы.

Вскоре после этого я говорил на тему о Булгакове с умным и мягким человеком профессором зоологии Алексеем Николаевичем Северцовым¹⁸⁰ (друг князя Е. Н. Трубецкого и М. В. Нестерова). Он сказал мне: «Знаете, И. А., Булгаков это тот *глупый* человек, о *глупости* которого *все знают*, но, принимая во внимание его доброту и честность, избегают о ней говорить».

Однако ереси его, поддерживаемые соблазнителем Бердяевым и масонской экуменой, принимаются в зарубежных церковно-инославных кругах за Православие, имеют успех и даже апологетов, вроде «булгакововеда» Зандера.

Нельзя не упомянуть еще о его попытке оправдать Иуду-Предателя¹⁸¹ и объявить его «национальным святым» русского народа, который-де «тоже предал Христа» и тоже «не утратил своего апостольства».

В посмертной книге Булгакова имеются следы его суждений и об Иуде, и о Распутине.

(№ 129)

В 1914 году, в октябре, князь Евгений Николаевич Трубецкой по соглашению с Земским и Городским союзами устроил ряд публичных лекций в Москве по «идеологии войны», издававшихся потом брошюрами у Сытина¹⁸².

Первую лекцию читал я о «Духовном смысле войны». Народу было сравнительно немного; успех был средний. Когда я, по окончании второго часа, вышел в лекторскую, ко мне подошел полицейский пристав, откомандированный градоначальником для контроля, и сказал мне: «Знаете, профессор, я уже было хотел прервать и прекратить вашу лекцию там, где вы коснулись погромов, производимых мобилизованными запасными»...

«Но, — тут он взял меня за руку, приблизил свое лицо вплотную к моему и, бодая лбом мой лоб, прорычал мне в самое ухо, — но красноречие ваше меня победило»... От него пахло вином.

О «погромах» у меня было сказано вскользь, что народ должен понимать смысл и цели своей войны, иначе он может предаться дезертирству и погромам.

(№ 136)

1932

В 1932 году в Италии, в вагоне II класса, мы познакомились и разговорились с интеллигентным и симпатичным итальянцем, который между прочим рассказал нам следующее. Он вез своего маленького сына — лет 10-11 — только что взятого им из иезуитской школы, чтобы поместить его в другое, светское училище. Мальчика укачало в дороге и он крепко спал. Отец говорил:

«Я должен был взять своего сына из иезуитской школы после того, как узнал, что они внушают детям. Мой мальчик, наивный и искренний ребенок, затруднялся их молитвенными упражнениями и спросил своего наставника-патера: «Я не знаю, что такое Бог и не умею молиться. Я слышу слова, и не понимаю их, и не молюсь, и не знаю, что мне делать». Тот ответил: «Сын мой, тебе и не надо ничего знать и понимать. И не заботься о своей молитве. Складывай руки как надо и делай все то, что предписано и что другие делают, и тогда остальное придет само собою». Рассказчик искренно возмущался этой

системой, считая ее мертвенной и фальшивой в вопросах последней важности. — Мы расстались с ним почти друзьями.

(№ 139)

Начало XX века.

Покойный Альберт Альбертович Кемпе¹⁸³ (директор Моск<овского> Трехгорного пивоваренного завода), человек умный и сердечно-благородный, друг моего отца, рассказывал как-то следующее.

Он ехал в поезде, где-то в южной Германии. Против него сидел католический патер, с которым он разговаривался. «Скажите, — спросил он его между прочим, — как это вы преподаете вашим духовным детям то, во что вы сами не веруете и предъявляете к ним требования на исповеди, которых вы сами не исполняете?»

Патер ответил вдумчиво и точно: «Но разве врач непременно должен сам принимать все те лекарства, которые он прописывает своим больным?»

(№ 140, <№ 97>)

1933

На публичной «елке» для детей я встретил в 1933 году в Берлине Николая Федоровича Фабрициуса-де-Фабрис¹⁸⁴. В двадцатых годах он был за что-то выслан поляками из Варшавы и переехал в Берлин. Это человек умный, но в высшей степени себе на уме и склонный к интриге, тогда представитель Великого Князя Кирилла Владимировича на Германию и большой друг католиков.

Он рассказал мне со слов дружественного ему прелата следующее. Римский Папа того времени, <¹⁸⁵>, расхаживая однажды по своему кабинету и диктуя что-то своему секретарю, остановился и воскликнул: «Ах, это православное духовенство! Бородатые, некультурные, невежественные, грязные! Но имеют в молитве такую силу, что если бы *нам* ее, мы бы давно уже обратили весь мир в католичество!» В рассказе Фабрициуса не слышалось ни выдумки, ни интриги, ни желаний поразить меня. Он сам находился под впечатлением этих слов.

Впоследствии его репутация была сильно замарана в Мюнхене (остатки Врангелевской казны, совместные интриги с Серафимом Ладе и педерастия).

(№ 148)

В 1925 году мы проводили летом часть наших каникул в Обербоцене (Sopra-Bolzano), где князь Вадим Григорьевич Волконский¹⁸⁶ снял для себя и своей семьи (он был женат на дочери П. А. Столыпина, Елене Петровне, по первому мужу кн. Щербатовой) — «шалэ»¹⁸⁷, а для нас заказал комнату в отеле, где мы платили недорого.

К табльдоту¹⁸⁸ выходила особа, с любезно-ищущим взглядом, с русско-бабьим лицом (в котором можно было заметить некоторые черты еврейства) и в подчеркнутых русско-национальных костюмах. Услыша наш русский язык, — мы имели отдельный стол с супругами Поляковыми¹⁸⁹ (русский атташе из Рима), — она скоро начала нам кланяться, а потом подошла и заговорила. Мы справились о ней, кто она? Оказалось — из России, жена видного русско-еврейского сиониста.

Однажды, видя, сколь авторитетно она рассуждает о политике, мы спросили ее, что, по ее сведениям, коммунисты долго еще просидят в России? Глаза ее засверкали зловеще, наигранное русское добродушие исчезло с лица и она ответила взрывом: «Этто — навсегда! Это никогда не изменится! Это так и останется!» Мы поспешили замять разговор и расстаться с нею.

(№ 151)

1915-1916

В 1910 году, в Гейдельберге и Фрейбурге, я познакомился с Федором Августовичем Степуном (через его брата, естественника Оскара) и с Борисом Валентиновичем Яковенкою. Мое выступление в семинарии Риккерта (Фрейбург) летом 1910 с докладом о «Наукоучении Фихте-Старшего 1794» было устроено Степуном. Он производил впечатление словесно- и актерски- очень талантливого человека, бойкого, самоуверенного, склонного к шалости и остроумию, добродушного, но предметно-пустого и безответственного. Он не вызывал никакого духовного, нравственного или философического доверия. Интуиция его была мгновенна, но поверхностна; эмоциональная живость — велика, но неискренна. Виндельбанд¹⁹⁰, рассказывая мне о его докторской диссертации (Владимир Соловьев¹⁹¹), признавался, что сам не читал

Соловьева и не знает его: «Da kann ich mir vorstellen, was der mir da hineingeschrieben hat...»¹⁹²

Потом я на несколько лет потерял Степуна из вида. Между 1912-1914 годами я читал в Московском Психологическом Обществе доклад «О категориях логического смысла». Присутствовавшие на докладе Степун и Яковенко постарались разнести тезисы моего доклада в пух. Я защищался — и признаться удивлялся, ибо все, что они говорили, производило впечатление непредметных, но раздраженных придиорок.

Каково же было мое удивление, когда на следующий же день они явились ко мне с визитом, засыпали меня комплиментами и стали уговаривать, чтобы я дал им этот доклад для напечатания в их новом журнале «Логос»...

Я ответил им, что слышанное ими вчера есть отрывок из читаемого мною курса логики, что это, след<оательно>, неотделанный черновик и что я принципиально черновики своих не печатаю.

Последовали долгие и темпераментные уговоры, причем достоинства моего доклада все возрастали в их устах. Я упорно отнекивался и с интересом вдумывался в их образ действий. Наконец мне это надоело. Я сказал им:

«Да что же это вы пришли ко мне снижать мои критерии и развращать меня, юношу? Нет ли у тебя цикуты? — обратился я к присутствовавшей жене моей, Наталии Николаевне, — смотри, пожалуйста, они забыли, что в Греции развратителям юношества полагалась цикута! Надо их угостить этим напитком».

Они оба сконфуженно смеялись. Я перевел разговор на другое и доклада им не дал. Зато напечатал у них первые три главы из моей работы о Гегеле.

А зайдя однажды в редакцию Вопросов Философии и Психологии, я услышал от Льва Михайловича Лопатина и секретаря Надежды Петровны Корелиной рассказ о том, как к ним явились в редакцию Степун и Яковенко и предложили — или передать редактирование журнала в их руки, или по крайней мере включить их в состав редакции. Особенно развязно и напористо держался Степун. Рассказывали мне об этом с самым живым негодованием. Отказ был категорический. Степуну было около 26 лет.

(№ 152)

Кафедру химии на естественном факультете Моск<овского> Университета занимал профессор Иван Алексеевич Каблуков¹⁹³. Широкоплечий, седой, с красным лицом и несколько вытаращенными глазами, он отличался своей способностью путать и выворачивать слова, затрудняться в выборе слов и строении фраз и произносить подчас невозможные вещи. Обыкновенно такое затруднение разрешалось кряхтящим покашливанием, после которого и произносилось новосозданное слово. Сколь велики его заслуги как ученого, я не знаю, но студенты и профессора рассказывали о нем множество анекдотов. Вот некоторые.

Желая назвать Менделеева, он сбивался на Меньшуткина и произносил «Мендель-гм-шуткин». На съезде химиков, в прениях, он сказал: «Я с своей стороны тоже хотел прибавить одно..., гм, недоразумение»; а в докладе: «Вы увидите, что вы ничего не видите, кроме, гм, одной маленькой деревянной дырочки»...

По пути в Петровско-Разумовское, где он читал лекции в Сель-Хоз. Институте и куда ездили на паровом трамвае, он говорил: «А опоздок-то, гм, паровичал». Сухареву Башню он называл «Бухарева Сашня». Побывав в Америке и осмотрев там химический институт имени Джона Гопкинса¹⁹⁴, он называл его в докладах «Институт, гм, Гона Джопкинса». Один из лучших анекдотов о нем таков.

Заметив, что швейцар его Химического Института опять подвыпил, он позвал его и сказал:

«Иван! Ты опять выпил?»

«Никак нет, Иван Алексеевич! Вы, что ль, подносили?»

«Нет, ты выпил! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не пил! Скажи, сколько тебе лет?»

«Ну, шестьдесят...»

«Ну вот видишь, а кабы ты не пил, то тебе было бы теперь... гм... не шестьдесят, а восемьдесят»...

(№ 155)

Зимой 1918 года мой друг Николай Вячеславович Якушкин¹⁹⁵ привел ко мне московского мирового судью Константина Ивановича Лучинского¹⁹⁶: это был человек

большой привлекательности, с суровым ликом вроде Рембрандтовского воина в шлеме, деликатный, малоречивый и внушавший полное нравственное доверие.

Он сказал мне, что состоял и состоит при бактериологической лаборатории, в которой работал добровольцем во время войны. Он и его друзья заявляют мне, что в их распоряжении имеются две банки с бактериями азиатской чумы, что они думали о том, не следует ли использовать эту возможность для борьбы с большевизмом и, не решив вопроса, постановили обратиться ко мне в строго доверительном порядке и предоставить эту возможность на мое усмотрение и в мое распоряжение: как только я дам распоряжение, они, в самсоновском порядке, пустят чуму в народ, чтобы погубить большевиков и погибнуть самим.

Через два дня я дал ему устный ответ: «Большевизм может быть и должен быть преодолен только духовно, религиозно и государственно, но не массовым вымиранием народа от эпидемии». Ясно было, что в хаосе того времени удержать чуму было бы совершенно невозможно: она расплзлась бы по *всей* России и унесла бы много миллионов жертв. Но жертв физических, бессмысленных, не очистительных: это был бы хаос гибели, но не гибели большевизма. Это губило бы этническую субстанцию России, не освободив ее духа от дьявольского наваждения. Это открыло бы доступ в Россию той державе (Германия), которая сумела бы победить эпидемию: а обезлюдение России входило в ее программу.

Я наложил на это предприятие запрет и взял с них честное слово в повиновении.

(№ 158)

В 1920 — 1921 году мне передавали в Москве из наших профессорских кругов следующий рассказ.

К Ленину пришел старый коммунист Горев (бывший прежде священником Галкиным, но потом оставивший сан) и стал жаловаться.

«Помилуйте, Владимир Ильич, я старый, заслуженный коммунист и доселе не имею кафедры. А в университете какой-то Ильин, контр-революционер, читает студентам лекции о Боге!..»

Ленин возразил: «Да он, вероятно, читает о *философском* боге!..»

«Нет, — воскликнул Горев-Галкин, — не о философском, а о *настоящем!*..»

Комментарии излишни. Я читал, действительно, о *Настоящем*.

(№ 12, 159)

1943 — 1944

В ноябре 1943 года на пятый год моей жизни в Цолликоне Георгий Павлович Брюшвейлер¹⁹⁷, швейцарец, родившийся и учившийся в Москве, сын московского реформированного суперинтендента¹⁹⁸, доселе мне незнакомый, но вспоминавший меня, как московский студент московского профессора, позвонил мне по телефону из Берна, просил свидания и посетил меня несколько раз. Он жил в Германии и служил в каких-то (точно не знаю каких) организациях национал-социалистов, бывал в оккупированной России, рыскал по всей Германии, много рассказывал конкретного и привозил фотографические снимки.

На первый раз он звал меня переехать в Германию и вступить в «Правительство» генерала А. А. Власова. Впечатление у меня было такое, что этот шаг был ему подсказан влиятельными германскими чиновниками из *не* национал-социалистов.

Я выслушал его спокойно и дал категорический отказ. Я изложил мои доводы: объективные и субъективные.

Объективные: 1. Германия, как и следовало ожидать, безнадежно проиграла войну: это гиблое место, тонущий корабль; это не место для политической акции (он этого еще не понимал и был потрясен).

2. После того, что нац<ионал>-соц<иалистическая> Германия (да и вообще *вся* Германия) совершила в эту войну по отношению к России и русским, связываться с нею, доверять ей, ждать от нее чего-либо для России совершенно невозможно, наивно и нелепо: она показала себя русским «врагом №1»...

3. Власова не знаю. Доверять ему в его отношениях к Германии, к России и к большевикам не имею никаких оснований. Если он, выручая своих солдат, лезет в петлю национального компромисса — то это понятно. Но другим пачкаться этой петлей нелепо. Все это обреченное.

Субъективные: 1. Я не политик, и меня честолюбие не томит и не соблазняет.

2. У меня несколько начатых книг, которыми я повинен России. Я молю Бога дать мне возможность завершить их; и на другие пути не пойду.

В 1944 году он привез мне целые картоны рукописей, написанных новыми русскими эмигрантами в Германии по поручению каких-то германских министерств: разоблачение большевистской лжи по церковному вопросу в России. Он обратился ко мне с просьбой германских (не нацистских) чиновников — проредактировать эти рукописи по моему усмотрению, отобрать, написать предисловие и напечатать.

Я сразу решил, что этого не сделаю, но ознакомиться не отказался. Я прочел предисловие Митрополита Сергия¹⁹⁹, экзарха балтийского, в котором он простым указанием элементарных ошибок «Сергие-Патриаршей» книги разоблачает весь фальсификат (Дмитрий Донской в предисловии назван будто бы «Патриархом» — «святым» — но никогда им не был; след<овательно>, Сергей не писал этого предисловия; да и вся книга написана гепеуками!); я просмотрел еще одну или две статьи — и понял, что этим авторам доверять нельзя. Через неделю Георгий Павлович был опять у меня и я категорически отказался.

— Почему?

— Эти люди мне неизвестны. Одни из них могут врать, угождая немцам. Другие — просто, чтобы прокормиться. Третьи — по поручению Гепеу для дезинформации и позднейшего разоблачения большевиками. Проверить их я отсюда не могу. Исправить тоже не могу. Брать на себя ответственность за такой сборник немислимо. Когда я редактировал сборник «Welt vor dem Abgrund» — я отобрал людей, заслуживающих доверия²⁰⁰; я связал их автентическими источниками и ссылками. А здесь — все втемную. Однако, если бы не эти соображения, то я аргюги не могу и не хочу варить дело за — Россию с немцами, *так* себя в войне показавшими.

Я советовал Брюшвейлеру передать картоны с рукописями в архив Ю. И. Лодыженского, что он и сделал. Лодыженский не захотел или не смог использовать их.

Однако через несколько месяцев Ю. И. Лодыженский при свидании в Цюрихе спросил меня несколько раздраженным голосом: «Скажите, пожалуйста, И<ван> А<лександрович>, почему это немцы так вас уважают и ценят?» Вопрос мне не понравился: в нем слышалось добавочное «а меня — нет!» Я ответил очень сухо: «Меня это не интересует, как они ко мне относятся; для меня гораздо важнее, как я к ним отношусь — а я им ни в чем не сотрудник и доверия к ним не питаю никакого».

Немцы вообще не уважают того, кто перед ними стелется, заискивает, ищет контакта, просит помощи или денег. Живя в Германии, я предоставлял им гонорировать мой труд, если считал этот труд нравственно и патриотически приемлемым для себя; но всегда держался совершенно независимо и *никогда ни о чем* не просил. Лодыженскому же всегда была свойственна иная манера.

Один немец из России, изучив своих сородичей, сказал мне еще в Берлине: «Германец вежлив и любезен только с тем, кто дает ему пинки ногою». Это грубо сказано. Но с унижающимся просителем германец всегда будет презрителен.

Замечательно, что эти рукописи пропали потом. Ю. И. Лодыженский взялся за них, получил гонорар 1.000 франков, кому-то что-то «поручил» — и все пропало. Брюшвейлер напрасно добивался их возвращения авторам и жаловался на Лодыженского, что он, по собственному признанию, затратил 1000 франков на спасение брата. Напрасно я требовал от Лодыженского возврата этих рукописей — во имя чести и честности. Напрасно приезжали делегаты авторской группы (после войны). Лодыженский уверял, что он отдал оба картона Брюшвейлеру. Не передал ли он их своим друзьям — католикам?

(№ 160)

На пароходе «Oberburgermeister Hacken»²⁰¹, везшем нас, высланных большевиками, из Петербурга в Штеттин, я встретился опять с редактором Русских Ведомостей Владимиром Александровичем Розенбергом²⁰², которого знал по редакции, но давно не встречал. Как-то, коротая время на палубе (погода была превосходная),

он стал оживленно рассказывать о том, что пишет мемуары и что в этих мемуарах он намерен изобразить Павла Ивановича Новгородцева и меня как самых «храбрых» людей, которых он встречал: «сидеть годами как ни в чем не бывало, зная свою обреченность и спокойно ожидая расстрела со дня на день» — это казалось ему пределом храбрости. Я удивлялся и думал о других, несравненно храбрейших...

Впоследствии ключ для понимания храбрости дал мне в устных беседах генерал Петр Николаевич Врангель. Он говорил: «Боятся *все!* Храбр тот, кто умеет побороть свой страх... Кто не способен к этому, тот станет жертвой паники»... Врангель сам был исключит^{ельно} храбр.

То же самое подтверждал мне и другой известный своею храбростию генерал А. П. Кутепов. Он славился еще во время большой войны тем, что во время атаки своего полка (окапывание с перебежками) никогда не ложился, но ходил по рядам атакующих солдат со стэком в руке и спокойным тоном маневренной беседы критиковал каждому лежачему солдату его окопку.

Очень поучительны были мне и рассказы моего друга Лазаря Соломоновича Мееровича, который в 1915 году добровольно оставил тыловую службу, к которой был прикомандирован (заведующий полковым продовольствием), и пошел в первую линию боя. Он говорил: «Когда лежишь под ураганным огнем часами, то главное усилие направляешь на то, чтобы *не вообразить*: страх родится от воображения — как только представишь себе, что снаряд попал в тебя, так в душе поднимается волна страха — и не знаешь, куда деваться»...

Это я проверил на себе. И может быть, я напрасно в течение пятилетней жизни под большевиками, готовясь к расстрелу, сознательно упражнялся в воображении себе своей собственной казни, чтобы довести себя до «атараксии»²⁰³. Обуздание воображения есть *главное*. Людям, лишенным живого эмоционального воображения — храбрость дается легче.

Я же, зная свое воображение, всегда сомневался в своей храбрости и побеждал страх молитвою и преданием себя в руку Божию.

(№ 168)

Осенний и весенний семестры 1921-1922 были моими последними семестрами в Московском Университете. Я объявил два «семинария» в Философском Институте: 1. «Философия Гегеля» и 2. «О методе философии». Семинарии были предназначены для студентов и студенток, кончающих филологический факультет по философскому отделению. Их было около 60 человек. У них были сданы всевозможные зачеты по всем философским предметам; считалось, что они «пишут свои сочинения». Это были ученики Лопатина, Челпанова²⁰⁴, Шпетта, Кубицкого и других. Каждый из них считал себя зрелым мыслителем, постигшим чуть ли не Гуссерля; и на прочих многие из них смотрели решительно свысока.

Я вел эти семинарские часы (каждый по два часа в неделю) — в порядке импровизации, рассматривая основные проблемы *философского опыта* и *акта*: в методологическом семинарии — в общей форме, на Гегеле же — конкретно иллюстративно. Помню эти лица мужской части аудитории: самоуверенные, изумленные; иронические улыбки, насмешливое перешептывание, заносчивые взгляды свысока. Я знал, что им тут *все* будет странно, ново, опрокидывающе. Это были сплошь молодые, но уже закоренелые рассудочники-диалектики, воображавшие, что для философии достаточно кое-что прочесть и бойко о прочтенном рассуждать. Опыт духа, чувства, сердца — они просмотрели. Вложение в философский опыт *всего* человека казалось им неслыханной претензией; об ответственности этого делания им, по-видимому, никто не говорил; о нравственном и религиозном смысле философствования они сначала не хотели и думать.

Постепенно, однако, атмосфера устанавливалась. Здоровая часть аудитории быстро пошла со мной. Число иронических протестантов сокращалось. На пятой лекции, отпуская аудиторию, я попросил троих задержаться на минуту, указав на них пальцем: «Вас, вас и вас»... Когда остальные ушли, я сказал этим трем: «Я прошу вас, господа, *не* посещать мои занятия. У вас имеются свои, сложившиеся воззрения на философию; переубедить вас я не берусь, а смотреть часами на ваши, не скрываемые вами, иронические улыбки, мне тягостно:

это мешает мне и отвлекает меня от предмета». Все трое побледнели и растерялись. Один из них был Скрябин (племянник композитора), другой еврей Дворников, третьего не помню. Первый не стал возражать и прекратил свои посещения. Двое других стали оправдываться и просили разрешения ходить. Я согласился.

Ко второму семестру атмосфера была превосходная. Аудитория загорелась, и занятия давали мне большое удовлетворение. Потом до меня дошло через знакомых стихотворение одного из слушателей Чичерина²⁰⁵ (внук Бориса Николаевича), начинавшееся так:

Всегда суровый, непреклонный,
Неумолимый и прямой,
Огнем Предмета опаленный,
Вы стали нашею грозой ...

Кажется, оно у меня не сохранилось.

Осенью 1922 года, когда я был приговорен по ст. 58-й к смертной казни с заменой ее пожизненной высылкой, ко мне явилась делегация от этой милой молодежи и принесла мне трогательный, благодарственный адрес, покрытый многими подписями (что было для всех них опасно). Велико было мое удивление, когда я увидел в конце подпись изгнанного мною Скрябина. «Что же это такое? — спросил я, тронутый, — это Скрябин?!» Делегаты ответили мне, что он перестал посещать занятия, но после каждой лекции подробно выспрашивал других слушателей обо всем, делился с ними своими соображениями и внутренне «перестроился». Я просил передать ему привет и благодарность.

Боюсь, что этот «адрес» не сохранился у меня. Но в 1923 году, уже в Берлине, я получил письмо от кружка моих студентов, образовавшегося после моего отъезда. Они занимались «философией религии», о коей я читал тогда лекции и на Историко-Филологическом факультете (под заглавием «Введение в историю религий» сем<естр> 1920-1921) и в Психологическом Обществе. Письмо это прилагаю.

*«Семинаристы» моих последних Моск. семинариев
Москва 23.III.1923 г.*

Дорогой, глубокоуважаемый Иван Александрович!

Мы слышали, что Вы уже знаете об организовавшей-ся у нас секции по философии религии, в которую вошли преимущественно участники Ваших прошлогодних семинариев (молчаливые и немолчаливые). Уже несколько раз во время работы, особенно когда останавливались перед затруднениями, мы обращались мысленно к Вам и, наконец, решились написать Вам, прося помочь нам в выборе материала и нахождении метода.

Когда мы начали работу, у нас не было ничего кроме желания найти правильный подход к проблеме, внутренне нам всем интересной и важной. Для начала мы решили остановить ее на совместном чтении и обсуждении проповедей Мейстера Экхарта²⁰⁶. В процессе этой работы у нас возникло много проблем, из которых некоторые вышли за пределы разбираемого материала. Поэтому нам показалось более правильным оставить на время М. Экхарта с тем, чтобы, выделив заинтересовавшие нас проблемы, осветить их более полно, изучая опыт разных религий.

Сейчас центральными для нас являются вопросы: 1) Как принимается мир на различных ступенях религиозного опыта; душой, имеющей опыт божественного, и душой, предстоящей Богу (У истока и в устье, по выражению М. Экхарта), 2) Как обновляется душа в результате этого опыта, в результате рождения в ней Слова; как человек, находящий мир в Боге, по-новому подходит к творчеству в науке, искусстве, философии. Сейчас мы пробуем читать с этими вопросами I Послание Иоанна.

Чем дальше мы идем в нашей работе, тем больше чувствуем, что несмотря на несомненный результат работы, хотя и очень маленький, мы все время идем в ней почти ощупью; опыт наш очень мал, выбор материала труден, и как бы ни было сильно наше желание, мы в некоторых случаях останавливаемся перед трудностями, почти непреодолимыми.

Поэтому, как мы уже говорили в начале, нам захотелось обратиться к Вам с просьбой помочь нам в наших

затруднениях. Мы надеемся, что Вы не откажете написать, посоветовать, как вести работу, что читать; что делать дальше.

Нам было бы очень ценно получить от Вас письмо, так как мы все время чувствуем, что та внутренняя связь, которая установилась у нас с Вами, в последнее время не прерывается, а, наоборот, крепнет.

Мы очень дорожим тем немногим, что нам удастся узнать о Вас. Нас очень огорчило известие о Вашей болезни, дорогой Иван Александрович, желаем Вам поскорее поправиться и надеемся на то, что болезнь не помешает Вашей работе. Ждем с нетерпением Вашего ответа.

Т. Сахарова

А. Сербаринова Т. Куприянова
В. Василевская Т. Фролова
З. Шнеерсон, В. Чежова,
А. Чичерин, А. Сабуров²⁰⁷,
Р. Ольдекоп²⁰⁸, А. Ремезова,
Воробьев (Воробьев)

(№ 175)

1921

В 1921-1922 году с осени преподавателей философии не-коммунистов окончательно убрали с факультета «общественных наук» в так называемый «философский институт», руководство коим поручили ученику Челпанова — Густаву Густавовичу Шпетту (латыш), человеку, известному своим острым умом, цинизмом, научным бесплодием и пьянством. Покойный Л. М. Лопатин называл его «луженой глоткой». Ему секундировал Александр Владиславович²⁰⁹ Кубицкий, примкнувший к большевикам из эсеров, человек, научно столь же бесплодный, как и Шпетт, и, кажется, не менее его злобно-циничный (поляк).

К философскому институту были причислены кроме них Франк²¹⁰, Бердяев и целое гнездо партийных меньшевиков и большевиков (экономических материалистов). Был причислен и я. В первом же заседании разыгрался характерный эпизод. Обсуждалась под председательством Шпетта программа занятий, мирно и корректно. Кому-то понадобилась редкая философская книга, *unicum*, имевшийся в библиотеке эмигрировавшего С. Н. Булгакова.

А между тем целый ряд профессорских библиотек был захвачен большевиками и распределен среди своих членов. Так, ученик Озерова, «финансист» Боголепов (армянин) присвоил себе библиотеку своего учителя; Рязанов-Гольдендах²¹¹ захватил библиотеку Булгакова, кто-то еще присвоил себе библиотеку Новгородцева и т. д.

И вот, когда упомянули об этой редкой книге, то меньшевичка госпожа Аксельрод²¹² заявила: «Да эта книга имеется в библиотеке Рязанова». Тогда с нашей стороны последовала реплика: «То есть — в библиотеке Булгакова²¹³». Они все сконфузились и некоторые из них густо покраснели. Шпетт не сразу нашелся, как замять щекотливое дело, а мы наслаждались возникшей паузой — сидя перед пойманными с поличным революционными «приобретателями».

(№ 176)

В 1918 году, вскоре после водворения большевиков, ко мне явилась с очень верной рекомендацией группа офицерской молодежи, работавшая вместе с экспедиционным отрядом французских войск в Москве над производством отравляющих газов. Они просили меня связать их со штабом, подготовляющим восстание против большевиков, и предоставили в его распоряжение необходимое количество газовых выделителей портативного характера для выключения из «боя» всех красноармейских частей, верных большевикам. Я связал их с генералом Михеевым²¹⁴ и полковником Ярёмченко²¹⁵, работавших в этом направлении под руководством Брусилова и Зайончковского. Впрочем, оба эти «штабиста» производили на меня впечатление вялое, безвольное, утомленное: кажется, они искали больше «жалования» из «центра», чем дела. Когда стало опасно — они куда-то исчезли. Михеева я встречал несколько раз в заседаниях так называемой «пятерки» И. А. Кистяковского.

(№ 176-а)

1919-1921

Когда у власти водворились большевики, то целый ряд профессоров, скрывавших дотоле свои политические симпатии, сняли маску и «самоопределились». Так было и с Робертом Юрьевичем Виппером²¹⁶ (род. 1859, ла-

тыш). Закулисные переговоры его с большевиками мне неизвестны. Но вот он выпустил книжку о Христе, в которой изображал Иисуса как «идеолога еврейского банковского капитализма» (потому де Он так много говорит в Евангелии о займодавцах, должниках и процентах). В 1921 году Факультет Обществ. Наук учредил Институт Социальной Психологии и выдвинул в председатели Виппера. Напрасно наша группа возражала против этой кандидатуры: человек, всю жизнь отрицавший самостоятельность психического фактора, — не может вести таких исследований. Мы выдвигали Степана Борисовича Веселовского²¹⁷. Виппер был выбран, и вскоре вся университетская Москва заговорила о его «докладе», в котором он выдвинул новую гипотезу об убиении Дмитрия Царевича: его убил Царь Федор Иоаннович. Проф. Михаил Михайлович Богословский²¹⁸ дал ему настоящий бой на этом докладе; аргументация его была, конечно, уничтожающая для Виппера. Виппер стал отступать, что ведь это «только гипотеза». «Помилуйте, — восклицал Богословский, — это не гипотеза, а инсинуация против святого человека!»...

В 1921 году, во время войны с Польшей, Виппера пригласил кружок «оставленных при университете» прочесть доклад о современных событиях. На этом докладе я был. Это был ряд частно-утвердительных и частно-отрицательных суждений, произносившихся гипотетически-проблематическим тоном: «Может быть, Россия отчасти погибла; но может быть, она отчасти и не погибла... Может быть, предстоит период новых войн, но может быть, и не предстоит». И т. д. и т. д. По окончании этого любопытного по своей робкой пустоте доклада вскочил проф. Александр Николаевич Савин²¹⁹ и воскликнул, что он хочет непременно возражать, ибо он «решительно ни в чем не согласен с докладчиком».

Впоследствии Виппер и его сын²²⁰ (специалист по истории искусства) были отпущены большевиками в Ригу к латышам, где Виппер придумывал им историю Латвии. А потом оба вернулись с почетом к большевикам в Москву.

(№ 183)

Немецкий журналист Pfeiffer-Belli²²¹, член редакционного комитета в Berliner-Tageblatt²²², заведовавший фельетоном и редактировавший посему (1935-1937) мои Essay (Karl von Brebisius)²²³, — рассказывал мне в 1936 году, как ему пришлось присутствовать на днях на попойке SS²²⁴ — и SA²²⁵ партийцев в Берлине. После шестого грога они начали вслух мечтать об освобождении подлежащих завоеванию соседних стран от населения. Предлагались разные способы: одни предлагали спровоцировать в завоеванной стране восстания и усмирять их газами; другие предлагали запретить населению браки; третьи — стерилизовать под предлогом эпидемической прививки все мужское население и т. д.

До аушвицких печей не додумывались. Можно с уверенностью сказать, что эти печи были тем окончательным, «рациональнейшим» средством, которое было бы в дальнейшем (особенно в случае победы Гитлера) применено и к славянскому, и русскому населению, подлежащему уничтожению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. Н. Ильина к проф. А. Д. Билимовичу

<без даты>¹

Дорогой Александр Дмитриевич!

Спасибо Вам за Ваши письма, за сочувствие и особенно за сердечное отношение к Ивану Александровичу. Вы просите написать об его последних днях, но эти дни ничем не отличались от целого длинного ряда дней его недомогания.

В его болезнях (язва, астма) не было ничего безнадежного, сердце работало удовлетворительно. Он был в больнице потому, что подлечить язву удобнее было там; доктора думали это сделать в несколько недель и не придавали большого значения слабости и плохому самочувствию своего пациента. Доктора хорошие, но здесь они лечат болезни, а не больного. Конец пришел *неожиданно* для всех. Последний раз я говорила с И<ваном> А<лександровичем> по телефону около 10 ч. вечера, пришла из больницы. У него был бодрый голос, и мы простились до завтра. Ночью он спал хорошо. В 7 ч. 30 м. утра вошла сестра и он сказал ей, что будет вставать, как это и всегда было, и позвонит ей, когда можно будет нести завтрак. В 7-45 сестра зашла опять спросить о завтраке. Он уже сидел на стуле почти одетый, — но не ответил на ее вопрос. Это был «Secunden-Tod²», когда бессознательное состояние и смерть приходят одновременно и все осуществляется в одну секунду. Профессор Рор, который лечил и очень ценил его, был потрясен и сказал, что он не знает, отчего это произошло. Поражены были все в больнице: и больничные доктор, и директриса, и все сестры. К вечеру налетел фенный ураган и бушевал 3 дня, — и многие приписывают ему эту смерть, которая, вероятно, произошла от спазмы сосудов в области сердца. Фен — это бич здешних мест: даже здоровые люди заболевают от его действия; больным и слабым он не только вреден, но опасен. Никто не знает, что он такое и как уберечь от него.

И<ван> А<лександрович> изменился в последние месяцы, а вернее, в 3 года своей болезни, похудел, уверял, что потерял волю, не верил в выздоровление, говорил о разлуке и смерти. Он был бесконечно грустен между прочим оттого, что трагедия России и ему помешала сделать то, что он мог и хотел сделать: русские философские замыслы его не могли осуществиться:

слишком тесно было жить здесь на западе, слишком погрязло все в мешанстве, зависти и самомнении; он должен был чувствовать себя, как орел, которому обрезали крылья.

По общему мнению, И<ван> А<лександрович> был прекрасен в гробу, он помолодел, выражение лица было спокойно, и казалось, он сейчас заговорит и улыбнется. Сделаны были снимки, но не слишком удачные. Есть что-то неприятное в том, что русский философ и русский патриот лежит на кладбище какого-то Цолликона. Моя забота

теперь — спасти от гибели неизданные книги И<вана> А<лек-сандровича>. Конечно, это невероятно трудно, но я не потеряла надежду, что что-нибудь можно будет сделать. Как хорошо Вы изобличили «Чеховское издательство»³!

Шлю Вам сердечный привет!

Н. Ильина.

Н. Н. Ильина — Н. В. Духониной⁴

<10.IV.1955>⁵

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дорогая Наталия Владимировна!

Спасибо Вам за Ваш сочувствующий отклик. Попробую теперь рассказать Вам, как все произошло...

Иван Александрович был болен уже три года. Может быть, Вы знаете, что у него сначала обнаружился флебит (на правой ноге), длилось это несколько месяцев; к весне <6> года — прошло и до конца июля все было довольно благополучно, но потом, по-видимому, поднялось давление крови; нашего доктора не было в Цолликоне и его заместитель ничего не понял и наделал глупостей. В один очень жаркий день И<ван> А<лександрович> пошел опускать письмо по солнцу, был сильный фён, и у него сделался инфаркт сердца — т. е. рана в сердце, вследствие разрыва маленького кровяного сосудика; причина этого точно не установлена. И<ван> А<лександрович> был отвезен в больницу, через три месяца — рана хорошо зажила, он вернулся домой, но слабость плохо проходила м<ежду> пр<очим> потому, что к инфаркту в больнице же присоединилась язва желудка, которая болела и мешала сну. Врач не сразу заметил это и лечил просто от не-сущ<ествующей> болезни жел<удка>. Мучило также затрудненное дыхание. Пришлось вновь лечиться в больницу и лечить язву и сердце вместе; здесь опять вышло недоразумение. Доктор б<ыл> хороший, но он не принял во внимание, что дигиталис имеет на некот<орых> пациентов обратное действие и что И<ван> А<лександрович> из их числа: вследствие приемов этого лекарства — сердце ст<ало> работать хуже, появились отеки ног и справиться с этой бедой удалось лишь через неск<олько> месяцев.

Осенью И<ван> А<лександрович> вернулся домой, и зима прошла удовлетворительно: одышка становилась все лучше, сердце — так же, но его не покидала мысль о смерти. Выходил он на воздух редко из-за лестницы, которая все же его утомляла (60 ступеней). Весной оживилась язва и пришлось 3 недели провести в больнице для того, чтобы ее залечить. Летом <7> года было все хорошо, он работал, писал, и осенью мы хотели даже ехать в Италию отдыхать. Но это не удалось, после месяца пребывания в Локarno он стал себя чувствовать хуже и мы вернулись домой, где опять все наладилось понемногу, только слабость как-то не проходила. И<ван> А<лександрович> все же работал и зиму и лето писал «Наши Задачи» и книгу о Монархии. Осенью мы поехали «в ферии»⁸, но неудачно, погода была отвратительная, в Италию опять не удалось уехать, в Швейцарии попали в скверную

гостиницу, кот<орая> много обещала, но ничего не сделала (реформ<атского> пастора), случился сердечн<ый> припадок (м<ожет> б<ыть>, нервного происхождения), врач впрыснул слишком сильное средство, возобн<овился> улькус⁹ и все опять испортилось. В ноябре И<вана> А<лександрович> лег <в> больницу в 4-й раз. Несмотря на все беды, — по мнению обоих лечивших его докторов — опасности для жизни не было, никто об этом и не думал и этого не ждал — кроме самого И<вана> А<лександровича>, который внутренне прощался с земным миром и страдал от предстоящей разлуки. По всем объек<ивным> признакам происходило медлен<ное> улучшение. 20-го декабря вечером к нему в комнату пришли сестры, принесли ему рожд<ественские> подарки, навестила его и директриса госпиталя. Он б<ыл> в хорош<ем> настроении, ночью хорошо спал.

После этого второго пребывания в больнице здоровье И<вана> А<лександровича> оставалось шатким — но все же, по признанию врача, оно становилось лучше и плохие симптомы исчезали. Сердце б<ыло> удовлетворительно, дыхание — так же, отеки исчезли. Возобновлялась только язва, вслед<ствие> чего он в 3-й и в 4-й раз попал в больницу. Самочувствие его было плохое, большая слабость, но все же он мог заниматься и писал книгу о Монархии. По мнению докторов, самочувствие пациента, его постоянная мысль о наступающей смерти, о разлуке — не соответствует объективным показаниям; в его болезни не было ничего безнадежного и врачи полагали подлечить язву в неск<олько> недель. Конец пришел неожиданно для всех. Последний раз я говорила с И<ваном> А<лександровичем> около 10 ч<асов> веч<ера> 20 дек<абря>, вернувшись из больницы, он б<ыл> очень бодр, рассказывал, какие рожд<ественские> подарки ему принесли сестры, и как его навестила директриса, и мы, как всегда, простились до завтра. В 7 ч<асов> 30 утра 21 дек<абря> — вошла в комнату И<вана> А<лександровича> сестра, и он сказал ей, что спал хорошо, и когда встанет и оденется — ей позвонит, чтобы она принесла завтрак. В 7 ч<асов> 45 м. сестра вошла опять и он уже не ответил ей на ее вопрос о завтраке; все произошло в 1 секунду, во время одевания: он сидел на стуле, стоявшем у постели, и склонился на постель. Потрясены б<ыли> все, и врачи, и сестры, и директриса, проф. Рор, кот<орый> его лечил, сказ<ал>, что не знает, отчего это случилось; наш домашний врач не хотел верить, что это так произошло. Многие пытаются объяснить все действием фёна, который разразился к вечеру: это сильный южный ветер, очень вредный для людей и особенно для больных, он вызывает всевозможные спазмы, сушит органы и т. д.

За время болезни И<ван> А<лександрович> оч<ень> похудел, пот<ому что> у него не было охоты питаться, стал молчалив, был очень грустен оттого, что недоставало сил работать сколько хотелось над литер<атурными> замыслами: книга о монархии осталась незаконч<енной>, книга об очевидности — не начата. Грустил о том, что — вследствие удручающего падения культуры на Западе — не мог дать людям всего, что бы мог дать при др<угих> условиях.

В гробу его лицо — как говорили окружавшие его — б<ыло> молодо, спокойно и прекрасно, — и он почти улыбался, почти что-то говорил...

ПРИЛОЖЕНИЕ

Главное дело теперь — это издать не напечатанные еще книги Ивана Александровича. Как тяжело ему было сознание, что он пишет для своего письмен<ного> стола. Сделает ли это Эмиграция? Что-то как будто намечается в Казабланке...

Шлю Вам мой сердечный привет; вспоминаю лучшие времена — в Белой Церкви.

Н. Ильина

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ (III)

¹ *Лодыженский Александр Ильич* — деятель правого крыла русской эмиграции, один из руководителей Русского Трудового Христианского Движения, печатными органами которого были газета и журнал «Новый путь», где Ильин часто публиковал свои статьи. В сборнике «Вера, Родина, Семья», вышедшем в Женеве в 1941 г., собраны статьи из «Нового пути»; вторым после Ильина по количеству публикаций в нем является А. И. Лодыженский. Названия его статей имеют и самостоятельный интерес: «Русское Христианское Национальное Движение», «Белая идея», «Наша сила», «Речь, произнесенная на Парижском съезде русских православно-национальных деятелей», «Обновленная Россия», «Пора опомниться».

Письма к Лодыженскому, помещенные здесь, касаются в основном ильинской работы «Основной Закон Российской Империи», которую он написал в 1938 г. Этот труд является по своей сути Конституцией постбольшевистской России. Он был представлен Ильиным 22 января 1939 г. на совещании правых деятелей русского зарубежья в Женеве, среди которых был и А. И. Лодыженский.

² Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф. (Черновик). На рукописи рукою Зиле помечено: «А. И. Лодыженскому 1939 г. С.-Жюльен».

³ Статья вышла в газете «Православная Русь», № 6, март 1939.

⁴ В это время Ильин много писал для журналов «Новый путь» и «Православная Русь», издававшихся в Женеве Лодыженским.

⁵ Проект «Основного Закона Российской Империи» состоит из 14 разделов и 2 добавлений. Полностью труд Ильина с авторскими комментариями был опубликован отдельной брошюрой в издательстве «Рарогъ» (М., 1996). Работа помещена также в настоящем Собрании сочинений (Т. 7. М., 1998).

⁶ Обсуждение доклада Ильина проходило 22 и 23 января на совещании в Женеве.

⁷ Участниками совещания были: Митрополит Анастасий, Митрополит Серафим, протопресвитер Сергей Иоаннович Орлов, Александр Ильич Лодыженский, Юрий Ильич Лодыженский, Борис Александрович Никольский, кн. Андрей Михайлович Куракин, кн. Михаил Александрович Горчаков, Сергей Дмитриевич Тверской, Николай Александрович Мельников, Александр Юльевич Вегнер, Владимир Николаевич Куколь-Яснопольский, Борис Николаевич Сергиевский, Иван Анатольевич Кононов, Иван Михайлович Малинин, Вадим Андреевич Кравцов, Георгий Федорович Семперович, Сергей Львович Войцеховский, Василий Васильевич Орехов, Григорий Григорьевич Миткевич, Михаил Николаевич Беляков.

⁸ Романов *Кирилл Владимирович* (1876 — 1938) — великий князь, внук императора Александра II. В 1924 г. в эмиграции объявил себя Российским Императором. Жил в Германии и во Франции.

⁹ Речь, по-видимому, идет об одном из частых заявлений Кирилла Владимировича с примирительной оценкой результатов правления большевистской власти в духе младороссов, с которыми он сотрудничал и стоял на одной политической позиции.

¹⁰ *Гитлер* (наст. фам. Шикльгрубер) Адольф (1889 — 1945) — основатель и вождь (фюрер) Национал-социалистической рабочей партии Германии (1921), глава германского государства (в 1933 г. стал рейхсканцлером, в 1934 г. объединил этот пост и пост президента). Потерпел полное поражение во второй мировой войне и в войне против Советского Союза. По одной из версий, покончил с собой.

В письмах Ильина везде пишется «Хитлер», так как это было принято в эмиграции. Здесь и далее мы меняем написание фамилии на «Гитлер» согласно современным правилам.

¹¹ Эти планы по отношению к евреям Гитлер изложил в своем труде «Моя борьба» («Mein Kampf») (1924).

¹² *Нина Алексеевна* — по-видимому, жена А. И. Лодыженского.

¹³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф. На рукописи рукою Зиле помечено: «А. И. Лодыженскому С.-Жюльен», рукою Ильина: «Начало Июля 1939».

¹⁴ Этой публикации в Архиве И. А. Ильина среди собранных им своих газетных статей нет.

¹⁵ Доклад Ильина, прочитанный им в Женеве в начале декабря 1937 г. Полностью опубликован в настоящем Собрании сочинений (Т. 7. С. 488 — 509). Часть этого доклада в переработанном виде была издана в 1952 г. под названием «Нам надо готовить грядущую Россию» (см. наст. Собр. соч. Т. 2. Кн. 2. С. 70 — 74).

¹⁶ *Рубакин* Николай Александрович (1862 — 1946) — известный русский книговед, библиофил и писатель, проживавший в то время в Лозанне.

¹⁷ Конец письма И. А. Ильина к Н. А. Рубакину — хранится в ОР РГБ, ф. 358, к. 174, ед. хр. 19, л. 12. Автограф.

¹⁸ Этот небольшой отрывок из письма относится к годам войны, когда переписка была ограничена, и поэтому мы мало знаем о жизни Ильина в это время. Для полноты картины даем ответы Н. А. Рубакина на другие, не сохранившиеся ильинские письма, что позволяет восстановить некоторые моменты творческих интересов философа той поры. Машинописные копии этих документов хранятся в ОР РГБ, ф. 358, к. 174, ед. хр. 19, л. 1—11.

«Н. А. Рубакин — И. А. Ильину

Сустен, 4 августа 1942

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Ваше имя, разумеется, нам известно тоже, хотя бы по тем, к сожалению, немногим произведениям Вашим, которыми уже располагает библиотека нашего Института.

Разыскиваемые Вами научные труды Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» и Фаминцына «Божества древних славян», ныне ставшие уже редкими, у нас имеются, и мы готовы представить их Вам как ученому и литературному работнику.

Но в настоящий момент мы лишены возможности послать их Вам, так как сейчас находимся в деревне, а в Лозанну не наведываемся. Лишь в половине сентября библиотека снова начнет функционировать.

Что касается до условий пользования ею, то они ныне вырабатываются Ассоциацией Института Библиологической Психологии, в ведение которой библиотека весною этого года перешла. Условия эти будут Вам присланы, если к тому времени, т. е. к 15-му сентября книги Афанасьева и Фаминцына будут Вам необходимы. Об этом просим Вас уведомить нас.

Мария Артуровна, которая Вас знает через наших общих знакомых, благодарит Вас за внимание.

Готовый к услугам.

Н. А. Рубакин — И. А. Ильину *Лозанна, 26.10.1942*

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Так как Афанасьев и Фаминцын теперь в ходу, то мы послали Вам вчера, пока что, только Фаминцына «Божества древних славян». Афанасьева возьмите потом. Книгу можете держать месяц, но если по истечении этого срока она Вам еще будет нужна, ее можно переписать еще на месяц.

Условия пользования нашей библиотекой, выработанные Ассоциацией, для Вас, как собрата по перу — не обязательны. Но мы будем Вам благодарны за всякую книгу, а в особенности если найдете возможным пополнить Вашими произведениями нашу, увы, далеко не полную коллекцию трудов.

С искренним приветом.

Н. А. Рубакин — И. А. Ильину *Лозанна, 4 ноября 1942*

Многоуважаемый Иван Александрович!

Прежде всего премного благодарю Вас за Вашу интересную книгу. У нас еще ее не было. Кстати сказать, у нас имеется лишь один-единственный Ваш труд, а именно: «Религиозный смысл философии», да и тот затерялся на почте.

Всячески идя навстречу работникам науки и искателям истины, к какому бы течению общественной и религиозной мысли они ни принадлежали, мы послали Вам несколько дней назад все три тома Афанасьева, в полной уверенности, что и Вы вернете их, отнюдь не давая залеживаться. Если эти книги нам понадобятся спешно, мы Вас об этом известим в свое время.

За всякое пополнение нашей библиотеки будем премного благодарны. Наша библиотека — как Вы знаете, быть может, из «Среди Книг» 1-го и 2-го издания есть библиотека энциклопедическая и общеобразовательная, и в нее введены книги всех трех ступеней популяризации, начиная от народных и кончая трудами для специалистов. Это значит, книги по всем отраслям знания, искусств, литературы, общественной мысли, журналы и публицистика.

Прежде всего, будем благодарны за книги на языке русском, старинные, новые, современные. Из Ваших трудов имеем только «Путь духовного обновления»; будем благодарны за все остальные.

У нас имеются книги и на иностранных языках, но чтобы не накоплять дубликаты, просим Вас предварительно присылать нам списки тех книг, каковыми Вы намереваетесь обогащать нашу библиотеку.

Том II Фаминцына «Божества», как и его «Песни», никогда мне не встречались, даже объявления о них. Книга Марра «Из пережитого» не имеется у нас.

Шлю Вам книжный привет и поклон!

Н. А. Рубакин — И. А. Ильину

6 февраля 19<43>

Проф. И. А. Ильин, Цолликон у Цюриха, спрашивал след. книги:

А. Потебня: «О купальских огнях», «О доле и сродных с нею существах» есть.

А. Н. Веселовский «Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности».

А. Н. Потебня «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. I. Рождественские обряды. II. Баба яга. III. Змей, волк и ведьма».

Сборник Харьковского Историко-филологического Общества т. 5 1893.

А. Веселовский «Розыскания о происхождении религиозной поэзии в России».

А. Веселовский «Ренворские русалки и готские игры в Византии».

Ф. Буслаев «Исторические очерки русской народной словесности и искусства».

Е. В. Аничков «Язычество и древняя Русь» 1914.

Д. К. Зеленин «Очерки русской мифологии». 1916. Спб.

Касторский «Начертание с авнской мифологии».

Р. С. Имеются литографированные лекции А. Веселовского, которые были им читаны в Моск. ун-те в 1884—85 гг., по которому я учился, проходя историко-филологический факультет Спб. ун-та, параллельно изучая труды Ореста Миллера. Его обширный труд Илья Муромец — тоже имеется у нас.

Н. А. Рубакин — И. А. Ильину

Лозанна, 9 июля 1943 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Одновременно с этим письмом посылаем Вам следующие книги, согласно Вашему новому списку. 1) Из него не нашлось для Вас лишь книги Вольфинга, которую мы теперь для Вас разыскиваем. Это выяснится через несколько дней. Очень рад, что нашею библиотекой мы можем быть немножко полезны для Вашей работы о русском фольклоре.

Благодарим Вас за присылку 5 франков; они будут использованы согласно Вашему назначению.

С книжным приветом

1) Веселовский: Сочинения т. 3

т. 4, вып II.

Заметки по литературе и народной словесности

Орест Миллер: Илья Муромец.

Р. С. Еще раз спасибо — самое горячее спасибо за Ваше доброе мнение и доброе отношение к нашей библиотеке. Она потому и такая, что в ее основу положены идеи библио-психологии, а не только истории литературы.

*Н. А. Рубакин — И. А. Ильину**Лозанна, 11 ноября 1943*

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Прежде всего искреннейше рад, что мы имеем возможность нашими книгами поспособствовать Вашим научным работам, и тем более по русскому фольклору. Вчера мы послали Вам: «Бродячая Русь» Максимова два тома; хотя там не идет прямой речи о юродивых. Есть у нас еще <издание> того же его труда, сделанное редакцией покойных «Отечественных Записок» (ред. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев). Весьма возможно, что это последнее издание более полно, чем посылаемое Вам. Если хотите сравнить — то мы можем его прислать тоже. Еще послали тот номер «Пути», где напечатана небезытересная статья о юродивых собственно. Отыскался у нас и редкий сборник «Литературное наследство», посвященный Н. Костомарову. Там Вы найдете интересующую Вас статью Костомарова и, что очень важно, довольно полную библиографию всех сочинений Костомарова. Я поставил крестик у одного из произведений Костомарова, исходя из которого Вы сами можете проследить, как было изменено самим Костомаровым заглавие другого его произведения, Вас интересующее и тогда-то напечатанное в ж<урнале> «Беседа», которое в нашей библиотеке не имеется. Нашелся у нас еще и тот том «Исторических монографий» Костомарова, в котором помещена интересующая Вас статья о «Велико-русской народной поэзии». Вот и все, что мы могли найти по Вашему списку. Если найдется еще что-либо о юродивых — пришлем.

Пять франков от Вас получили. Спасибо.

Меня особенно интересует та роль, которую играет в нынешней войне иррациональный фактор человеческой психологии. Сколько помню, в прошлую войну значение его было меньше. А как по Вашему мнению? Еще интересует фольклор современной русской интеллигенции, начиная с трудов Селищева, Шпильрейна и т. п.

Всего доброго. От души желаю успеха.

P. S. Мария Артуровна также приветствует Вас.

*Н. А. Рубакин — И. А. Ильину**<9.I.1945>*

Копия 9.I.45

Многоуважаемый Иван Александрович!

Повинную голову и меч не сечет. Кто повинен, того суди Бог. Этим все сказано и от души сожалею за причиненное Вам и Наталье Николаевне беспокойство. Смягчающих вину обстоятельств много, но не в этом дело, а в том, что логикой вещей «смущенный» и подавленный хожу теперь я.

Готовый к услугам.

*Н. А. Рубакин — И. А. Ильину**Лозанна, 2 февраля 1945 г.*

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Сейчас получили Ваше письмо, в котором Вы удостоверяете личность Е. Н. Фрей. К сожалению, нам этого недостаточно. Согласно правилам нашей библиотеки, здесь приложенным, нам необходимо иметь не только удостоверение, но и ПОРУЧИТЕЛЬСТВО за то лицо, которое Вы рекомендуете, и за аккуратное возвращение выданных ему

нами книг, держать которые он может не более месяца. Если же они ему понадобятся еще на более долгий срок, он должен получить от нас разрешение на продолжение срока. Объясняется это тем, что число лиц, пользующихся нашей библиотекой, за последнее время сильно возрастает и книги сильно пошли в ход.

Пользуемся случаем, чтобы послать Вам наш книжный привет и ждем от Вас присылки Ваших новых работ, которые нас всегда интересуют».

¹⁹ Бетман *Мария Артуровна* — секретарь Н. А. Рубакина.

²⁰ ОР РГБ, ф. 358, к. 236, ед. хр. 12, л. 1, 1 об. Автограф.

²¹ ОР РГБ, ф. 358, к. 236, ед. хр. 12, л. 2, 2 об. Автограф.

²² *Фрей Евгений Яковлевич* — не установленное лицо.

²³ В этой коллекции имеется письмо одной из слушательниц Ильинских лекций Г. А. Герцог к М. А. Бетман (ОР РГБ, ф. 358, к. 236, ед. хр. 12, л. 3—4.), которое мы здесь полностью приводим, так как в нем содержится много сведений о жизни Ивана Александровича.

Г. А. Герцог — М. А. Бетман

4. 3. 44

Дорогая Маруся!

Вчера Иван Александрович Ильин читал у нас свою лекцию *der Werdegang der russischen Reiches* <Ход развития русского государства>. Время у него было немного больше, чем 1 1/2 часа, а для материала, который у него имелся, на эту тему, нужно было 8 часов. Он очень спешил, и это было жаль, но опять и было понятно, что на такую обширную тему нельзя всего сказать в 90 минут. Говорит он очень уверенно и интересно. Удачными жестами сопровождает свои мысли и своим ярким языком сумел всех втянуть в какое-то возбужденное состояние. С виду типичный ученый. Очень высок, лысина, борода клинушкой, худощав и когда, по окончании, одел русскую меховую шапку, то для меня в этот момент он представлял всю Россию. Так он был похож на русского! Страшно был удивлен, когда услышал, что мы из России и как только заговорили, казалось, и не кончим. Один вопрос полетел за другим и снова казалось мне, как тогда на Herzberg <гора сердца>, что всегда знали друг друга. Денег этих стоила его лекция, даже больших, это почувствовали и швейцарцы. Я пошла с отцом проводить его на вокзал, и тут мы поближе познакомились друг с другом. Он разъезжает по Швейцарии, но каждый раз должен запрашивать *Fremdenpolizei* <полицию для иностранцев>, причем каждый раз ему ставится в обязанность не касаться политики. Он у них, очевидно, хорошо приписан, т. к. всегда получает разрешение. Он очень рад, что может от вас получать книги, и когда я ему сказала, какая огромная у Ник<олая> Ал<ександровича> библиотека, то хотел обязательно заехать, если будет поближе к вашим краям. Говорит хорошо по-немецки, только по букве *h* можно узнать, что он русский. Спросил меня, не очень ли ты строгая. Я удивилась его вопросу и сказала, что ты добрый и милый человек. Не знаю почему он это спросил. Сейчас, 24 часа спустя, я поуспокоилась, но вчера, *wag als ganz aus dem Häuschen* <была вне себя>. Пришла домой в таком веселом настроении, что, стоя на пороге кухни, протанцевала там какие-то па. Не хотелось совсем спать, а хотелось идти в лес гулять, да и сегодня утром,

кажется, если б можно было, села бы в поезд и поехала в Москву. Не хотелось возиться в кухне, а хотелось чего-то, чего сама не знаю. Думаю, что за 24 года хоть немного «ошвейцарилась», а вчера снова увидела, что ни на грош не изменилась, и показалось мне все как-то узким и мелким. Очень красивую характеристику он дал русской женщине и няне, первое, может быть, в назидание швейцарцам. Снова я была в России, все кругом куда-то провалилось. Очень бы хотелось послушать его о Толстом. Здесьним, кажется, так понравился, что хотят его пригласить еще раз. Успокоилась я немного, когда сегодня утром написала ему письмо. Обещался в следующий раз зайти к нам. Ленин его спас от казни и велел убраться из России, в Германии должен был читать какие-то лекции по указу немцев и в <19>38 году перебрался сюда. Правда, нужно много храбрости, силы воли, чтобы в его годах приниматься снова и снова устраивать свою жизнь. У него три книги, написанные на немецком языке. Внешность — настоящий русский барин!

Посылаю тебе обратно «Воскресенье». Не смогла читать. Как вспомнила, что там так много страниц посвящается суду, почему-то прошла охота. Пришли тоже Шмелева. Иван Александрович рекомендовал эту книгу вчера, вышедшую на немецком языке, где разговор идет о русской женщине или ее положении, я не совсем хорошо поняла. У вас эти книги наверно имеются, конечно, по-русски.

<...>

Вчера я в первый раз пожалела, что мы не живем в городе, а сидим в деревне. Почувствовала, как изголодалась по такой жизни.

Ну, кончаю. Привет Ник<олаю> Александровичу.

Тебя обнимаю и целую.

Твоя Gerda».

²⁴ *Сатина* Софья Александровна (1879 — 1975) — сестра жены Рахманинова, известнейший в России ученый-ботаник, биограф С. В. Рахманинова; в эмиграции написала книгу «Записка о С. В. Рахманинове».

²⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 6. Машинопись (2-й экз.). Его рукою написано: «Копия», «Душевно Вам преданный И. А. Ильин», адрес и число.

²⁶ Речь идет о книге «Памяти С. В. Рахманинова» (Нью-Йорк, 1946). Ее авторами были И. Гофман, Е. К. Сомова, Е. М. Малышева, Н. Б. Мандровский, А. и Ж. Торпы, Г. Н. Иванова, А. В. Грейнер, Ч. Сполдинг, Е. И. Сомов, Ф. И. Шаляпин, М. В. Добужинский, С. Л. Бертенсон, М. А. Чехов, Д. Барклай, О. Г. Мордовская, Н. К. Метнер, И. С. Яссер, М. Е. Букиник, О. Н. Конюс, А. Херст.

²⁷ *Яссер* Иосиф Самойлович (1893 — после 1980) — пианист, органист, дирижер хора, музыковед, преподаватель Московской консерватории (1918 — 1920), доктор музыки, председатель Нью-Йоркской секции Американского музыковедческого общества (1935 — 1937).

²⁸ *Букиник* Михаил Евсеевич (1872 — 1947) — виолончелист, преподаватель Народной консерватории (1907 — 1918).

²⁹ *Херст* Артур — английский пианист. Поместил в этой книге свою статью под названием «Воспоминания» на английском языке.

³⁰ Здесь Яссер проводит параллель с древним лаврским напевом «Гроб Твой, Спасе, воины стерегущий». Но Рахманинов это заимствование не подтвердил и сказал, что это просто совпадение, что он сам написал эту тему.

³¹ *Фра Беато Анжелико* (наст. имя и фамилия Гуидо ди Пиетри, называемый также Джованни да Фиесоле) (1400 — 1455) — величайший флорентийский живописец XV в.

³² *Боттичелли* Сандро (наст. имя и фамилия Алессандро Филиппеппи) (1445 — 1510) — великий итальянский живописец.

³³ *Ридвег* Альберт — швейцарский поверенный С. В. Рахманинова.

³⁴ *Николаевский* Борис Иванович (1887 — 1966) — историк, политический деятель, социал-демократ, левый меньшевик. В 1922 г. выслан за границу. Печатался в сборниках С. Мельгунова «На чужой стороне» (1924 — 1925) и «Голос минувшего на чужой стороне», в журналах «Современные записки», «Русские записки». В 1940 г. переехал в США. Входил в редакцию «Социалистического вестника». В 1948 г. основал Лигу борьбы за народную свободу, оказывал помощь советским беженцам, в том числе бывшим солдатам армии А. Власова. Опубликовал статью «Пораженчество 1941—1945 годов и генерал Власов» // Новый Журнал. — № 18 и № 19. — Нью-Йорк, 1948.

³⁵ Настоящая коллекция содержит 3 письма Ильина к Б. И. Николаевскому. Автографы хранятся в Гуверовском институте Войны (Hoover Institution. Boris Nicolaevsky Collection. Box 483, folder 26). Из этой же коллекции ниже мы публикуем ответы Николаевского Ильину.

³⁶ *Мельгунов* Сергей Петрович (1879 — 1956) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. Письма Ильина к нему см. ниже.

³⁷ *Власов* Андрей Андреевич (1900 — 1946) — советский генерал-лейтенант. Родился в семье крестьянина в Нижегородской губернии, в 1918 г. окончил духовную семинарию и поступил на агрономический факультет Нижегородского университета. Весной 1919 г. был призван в армию. От солдата до полковника, командира дивизии, за 20 лет службы выросла его военная карьера. В 1939 г. работал на военно-дипломатическом посту в Китае (военный советник при штабе Чан Кайши). После возвращения в Россию назначен командиром 99-й стрелковой дивизии, одной из самых отсталых в Киевском военном округе, сделал ее лучшей в Красной Армии и как «командир передовой дивизии» приобрел всесоюзную известность. В начале Великой Отечественной войны стал командующим 20-й армией, которая защищала Москву и нанесла первое поражение немцам под Ржевом. За это был произведен в генерал-лейтенанты и наряду с другими шестью генералами, «спасителями» Москвы, получил награду — орден Красного Знамени — из рук самого Сталина. Позднее назначен заместителем командующего Волховским фронтом с заданием освободить осажденный Ленинград, командующим 2-й ударной армией этого фронта. Фактически брошенная на произвол судьбы советским командованием, в мае 1942 г. находившаяся под его началом армия после длительных скитаний по лесам и болотам попала в плен. В сентябре того же года Власов дал согласие на сотрудничество с немцами. Однако Гитлер не доверял Власову. Созданные генералом Русская освободительная армия

(РОА), сформированная в основном из русских пленных солдат и офицеров, и Русское освободительное движение (РОД) были, скорее, пропагандистским трюком нацистов. РОА не принимала участие в боях до осени 1944 г., но в самом конце войны Первая дивизия РОА вопреки воле немецкого командования принимала участие в освобождении Праги. В мае 1945 г. Власов, отказавшийся покинуть свою армию и улететь в Испанию, был захвачен наступающими американскими частями и передан командованию Красной Армии. Согласно публикации от 2 августа 1946 г. в газете «Известия» Военная коллегия Верховного суда СССР «приговорила обвиняемых Власова, Малышкина, Жиленкова, Трухина, Закутного, Благовещенского, Меандрова, Мальцева, Буянченко, Зверева, Корбукова и Шатова к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение». (Более подробно о нем см.: Прот. Александр Киселев. Облик генерала А. А. Власова. Записки военного священника. — Нью-Йорк <без даты>.)

³⁸ *Остовцами* (от нем. Ost — Восток) называли людей, пригнанных из восточноевропейских стран на работу в нацистскую Германию.

³⁹ Попытка предотвратить акцию Запада по выдаче русских военнопленных и эмигрантов Советам (этим занимался Ильин и Лига Обера — «Лига по борьбе с III Интернационалом», основанная известным женеvским адвокатом Теодором Обером) не удалась. Материалы по их деятельности в настоящее время содержатся в архивах ЦРУ (США) и являются закрытыми.

⁴⁰ Журнал «Социалистический вестник» — партийный орган меньшевиков, редактором которого был Б. Николаевский.

⁴¹ На это письмо был получен следующий ответ:

«23 апр. 1946

Многоуважаемый Иван Александрович Ильин,

Ваше письмо от 3 апреля получил. Вы очень хорошо сделали, что прислали материалы о событиях в лагерях. Мне кажется, что в вопросе о судьбе о<стовских> русских военнопленных у нас с Вами существенных расхождений нет. Конечно, надо сделать все возможное, чтобы их спасти от выдачи.

В печати эти материалы пока еще не появились, — но им придана огласка другим путем: переведенные на английский, они вручены лично и ряду конгрессменов и сенаторов, и в Госуд. деп<артамент>, и весьма влиятельным журналистам. По-видимому, они дойдут и до самого президента. Весьма возможно, что их включают в стенограмму заседаний конгресса. Не сомневаюсь, что они будут иметь влияние и на практику американ. оккупационных властей: во всяком случае очень влиятельные люди взялись вести серьезные разговоры с людьми, имеющими влияние на эту практику.

Очень прошу, если можно, пришлите мне дополнительные материалы, держите меня в курсе всех новостей, — в особо важных случаях даже путем телеграмм. Было бы крайне важно получить материалы относительно общественно-политических настроений людей, забредших в этот тупик. Нет ли возможности достать газеты и др. материалы, которые они издавали при немцах? Комплект их газеты был бы крайне важен. Нет ли изданий, кот<орые> они выпускали, будучи уже в лагерях? Что издают они теперь? Все это

крайне важно, т. к. несомненно начнется борьба за их судьбу, — и борьба эта будет нелегка, так как большевизаны обладают и огромными связями, и неограниченными средствами, и умением фальсифицировать материалы.

Едва ли надо говорить, что все материалы должны быть точно проверены, т. к. ошибки, — даже добросовестные, — будут использованы противниками.

Очень мне хотелось бы иметь личное мнение о всей этой «власовской» истории.

«Соц<иалистический> Вест<ник>» Вам на днях высылается и будет высылаться дальше, не уверен только, сможем ли выслать старые номера, т. к., к сожалению, печатали мало и почти все разошлось. О высылке денег не заботьтесь: вместо них, с Вашего разрешения, я позволю себе иногда обращаться к Вам с просьбами о присылке тех или иных материалов, нужных редакции. В первую очередь я просил бы прислать сведения о теперешнем положении русских беженцев в амер<иканской> зоне, о культурной работе среди них, о политических настроениях и пр<очем>. Нельзя ли будет пересылать им «Соц<иалистический> Вест<ник>»? Мы высылаем Вам специально для этого несколько добавочных номеров.

С искренним приветом».

⁴² Комментатор просмотрел подшивки журнала «Социалистический вестник» этого времени и не нашел статей, подписанных таким псевдонимом. Более того, здесь нет ни одной статьи, которая хотя бы как-то напоминала стиль Ильина.

⁴³ *Кускова* Екатерина Дмитриевна (1869 — 1958) — общественный и политический деятель, публицист и мемуарист. В 1922 г. выслана за границу.

⁴⁴ Приводим ответ Б. И. Николаевского на это письмо:

«7 июля 46 г.

Получил Ваше письмо от 30 июня. Очень рад Вашему отзыву о «С<оциалистическом> В<естнике>». Я, конечно, знаю, как многое нас разделяет по самым большим, самым основным вопросам. Но мир теперь отброшен так далеко назад, что все сверх десяти заповедей Моисея начинает казаться недопустимой роскошью...

«С<оциалистический> В<естник>» мы печатаем, конечно, с желанием возможно шире распространять получаемые нами материалы. Будем рады всякой перепечатке, — причем, конечно, нам предпочтительнее перепечатка с указанием источника. Но обязательным такое указание ни в коем случае мы сделать не можем. Поступайте, как окажется более отвечающим местным условиям. Но где именно Вы собираетесь перепечатывать? От старых группировок часто ничего не осталось, — но одну новую бюлети необходимо в интересах самого дела: по существу, между Сталиным и покойным Гитлером разницы почти нет, — именно поэтому борьба Гитлера против Сталина политически спасла последнего. Мы обращаемся к демократическому читателю, — в самом широком смысле этого слова. Только эти круги нам интересны, — т. к. только их переход на позиции бес-

пошадной борьбы против Сталина сможет привести к политическому разгрому последнего.

Если Вы имеете возможность пересылать С<оциалистический> В<естник> в лагерь, то напишите. При нужде мы увеличим присылку. Все ли номера С<оциалистического> В<естника> Вы имели лично?

С большим интересом жду те материалы, о высылке кот<орых> Вы сообщаете. Нет ли возможности найти издания «власовцев» («Воля народа», «Доброволец» и др.)?

Меня лично очень интересуют отношения, существовавшие между Гитлером и Сталиным в 39 — 41 гг. Не появлялось ли об этом чего-нибудь интересного в Швейцарской прессе?

Крепко жму руку».

⁴⁵ К обсуждаемой теме примыкает еще одно письмо Б. И. Николаевского:

«31 июля 46 г.

Многоуважаемый Иван Александрович, получил первые два пакета с материалами («Полит<ические> брифе <briefе (нем.) — письма») и пр., в одном, материалы о Власове и пр., в другом). Большое спасибо. С интересом жду продолжения. Но как безграмотна «Лига Обера»! Абсолютно ничего не знает о схеме организации аппарата ВКП. Очень интересны для меня «Полит<ические> письма». Одновременно мне друзья из Женевы прислали правит. доклад о коммунистах, — и я только теперь немного разобрался в этих группировках. Сталин, конечно, не с издателями «Полит<ических> писем», а с «якобинцем» Никодем. По-видимому, удастся написать об этих группировках статью. Для меня лично еще интереснее материалы о Власове. Кое-что среди них для меня было неизвестно. Конечно, Ваше условие относительно «Обломова» принято. Оно само собою подразумевалось. Лучшие приветы!»

⁴⁶ Рахманинова (урожденная Сатина) Наталия Александровна (1877 — 1951) — жена С. В. Рахманинова, пианистка. Родство С. В. Рахманинова со своей женой таково: Варвара Аркадьевна Сатина (урожденная Рахманинова) (1852 — 1941) была родной сестрой отца Рахманинова Василия Аркадьевича Рахманинова и матерью Владимира, Наталии и Софьи Сатиных,

⁴⁷ Библиотека Конгресса США, архив С. В. Рахманинова (Library of Congress in the Music Division's Sergei Rachmaninoff Collection). Машинопись (1-й экз.). Мы благодарим внука Сергея Васильевича — Александра Борисовича Рахманинова (Швейцария) за разрешение опубликовать коллекцию из девяти писем, восемь из которых напечатаны в предыдущем томе, и сотрудника Библиотеки Конгресса США господина Кевина Ла Вина за присылку ксерокопий этих писем. 2-й экземпляр хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, д. 10.

⁴⁸ III. — Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 — 1982) — русская советская писательница, критик. Речь идет о ее публикации «Письма Рахманинова» со статьей «Приложения к письмам» в качестве послесловия, в журнале «Новый мир» (1943, № 4), которые были переизданы в кн.: Ра х м а н и н о в С. В. Письма. М., 1955.

⁴⁹ *Хис-Мастерс-Войс* (англ.) His Master's Voice — букв. «голос своего хозяина». Такая надпись присутствовала на этикетках пластинок известной фирмы грамзаписи RCA («Radio Corporation of America»). На этикетках была изображена собака, слушающая старомодный граммофон. Символ исчез с пластинок RCA в 1970 г., теперь фирма не является ведущей. Однако в 30 — 50-е гг. лучшие музыкальные записи делались на пластинках с надписью «His Master's Voice», что воспринималось как знак качества.

⁵⁰ Ирина и Татьяна — дочери Сергея Васильевича и Наталии Александровны Рахманиновых.

⁵¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 10. Автограф. Адресовано, вероятно, одной из учениц или слушательниц его лекций. Приблизительное время написания письма мы определяем по характеру болезни Ильина.

⁵² Прадерван — по-видимому, лечащий врач Ильина.

⁵³ *Телос* (греч. *τέλος* — окончание, конец, цель, граница) — философский термин, обозначающий конечную цель чего-либо; один из четырех основных принципов бытия в философии Аристотеля.

ПИСЬМА К Е. Е. КЛИМОВУ

Настоящая коллекция состоит из 43 писем И. А. Ильина к своему другу, художнику Евгению Евгеньевичу Климову. Все автографы хранятся в семейном архиве Климовых (США). Копии писем любезно предоставлены для публикации в настоящем Собрании сочинений сыном художника, профессором русской словесности Вассар-колледжа (США) Алексеем Евгеньевичем Климовым, нашим постоянным помощником, которому мы искренне благодарны. Им же сделаны принципиальные комментарии, их мы отмечаем особо. Все письма публикуются впервые.

¹ *Климов Евгений Евгеньевич* (1901 — 1990) — художник и историк русского искусства. Родился в Митаве (ныне Елгава), учился в Петрограде и Новочеркасске. После революции обосновался в Риге, где закончил Академию Художеств. Устраивал выставки своих работ, издал ряд альбомов своих литографий и занимался педагогической деятельностью. В военные годы работал реставратором икон в Кондаковском институте в Праге. Затем — четырехлетнее пребывание в послевоенной Германии, а в 1949 г. — эмиграция в Канаду. Преподавал в ряде учебных заведений США и Канады и напечатал в эмигрантской печати большое количество статей о русском искусстве. (См. библиографический очерк о нем Валерия Сергеева «Три любви» художника Климова» в журнале «Златоуст». № 1. М., 1992. С. 171 — 186.)

Знакомство Е. Е. Климова с И. А. Ильиным произошло в Риге, куда философ приехал в 1931 г. для чтения серии лекций. А в 1935 г. Ильин провел лето в дачном поселке Кокнезе недалеко от Риги и здесь подружился с многочисленной семьей Климовых: Марией Александровной, матерью художника, его братьями — Георгием и Константином и их семьями. (См. воспоминания Е. Климова о Ильине// Русское возрождение. № 23. Нью-Йорк, 1983.)

Письма Ильина к Е. Е. Климову, написанные в 1930-е гг., до нас не дошли. Однако в архиве художника сохранились выписки из двух

писем этих лет, где Иван Александрович откликается на присылку альбомов литографий работы Е. Климова.

Одна из них — об альбоме «Городские пейзажи. Pilsetas ainavas». Литографии Е. Климова (Рига, 1937): «Общее впечатление очень хорошее <...> Однако в живописи Ваши видения тоньше, трепетнее, прозрачнее: глубже вожжит светотень, неизреченнее выражает блески света, нежнее поет Предмет. <...> Живописный Климов показался нам богаче и тоньше в оттенках. Не браните».

Вторая — об альбоме «По Печерскому краю». Литографии Е. Климова (Рига, 1938): «Спасибо за память, и за подарок. И за содержание, и за форму этих прелестных образов. Нагляделся на них до того, что вижу многие с закрытыми глазами. <...> А за всем этим такой запас нежного, любящего сердца, родившего это созерцание, что действует все утешительно и целительно». (Примеч. А. Е. Климова.)

² Речь идет о благополучном отъезде из оккупированной советской армией Чехословакии летом 1945 г. Вместе со своей семьей и матерью Евгений Евгеньевич Климов очутился в крошечной баварской деревне Хейденхейм (Heidenheim), где ему суждено было провести четыре года. Подробнее см.: Из воспоминаний Е. Е. Климова// Записки Русской Академической группы в США. — Т. 28. — Нью-Йорк, 1996—1997. (Примеч. А. Е. Климова.)

³ *Костя* — брат Евгения Евгеньевича Константин Евгеньевич Климов (1896 — 1974), пианист, в то время проживавший в Равенсбурге (французская зона оккупации) и первый из семьи Климовых связавшийся с Ильиным после войны. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁴ *Ильин И. А.* Основы художества. О совершенном в искусстве. — Рига, 1937.

⁵ *Роман Мартынович Зиле* — ученик и друг Ильина. После кончины Ивана Александровича способствовал перевозу архива философа в Мичиган (США).

Организация помощи беженцам UNRRA субсидировала издания книг и периодики на ряде языков, в том числе на русском. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁶ *Gesuch* (нем.) — прошение.

⁷ *Eidgenössische Fremdenpolizei in Bern: Genemigung, eine Ausstellung origineller Malerei in mehreren Städten der Eidgenossenschaft durch zuführen* (нем.) — Бернского отдела швейцарской полиции для иностранцев: разрешение устроить выставку картин в ряде городов швейцарской федерации. (Пер. с нем. А. Е. Климова.)

⁸ *Мария Александровна* Климова (1870 — 1949) — мать Е. Е. Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁹ *Манечка* — Мария Клементьевна Климова (урожденная Морозова) (1902 — 1978) — жена Евгения Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁰ Имеются в виду сыновья Е. Е. Климова — *Илья* (р. 1936) и *Алексей* (р. 1939). (Примеч. А. Е. Климова.)

¹¹ Речь идет о немецком (неполном) варианте диссертации Ильина о Гегеле: Professor Dr. Iwan Ijlin. Die Philosophie Hegels als Kontemplative Gotteslehre (Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге). — Bern, 1946. До этого Ильин издал на немецком языке в Швейцарии следующие книги: «Сущность и своеобразие русской куль-

туры» (1941), «Вечные основы жизни» (1943), «Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний» (1943) и «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований» (1945).

¹² В указанное время Ильин приступил к созданию русского варианта книги «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», изменив название и считая, что для туземцев «сердце заглохшее, замирающее» (*Das verschollene Herz*), а для русских это «Поющее сердце» (*Das singende Herz*).

¹³ Письмо написано по-немецки, чтобы способствовать выдаче Е. Е. Климову бумаг для въезда в Швейцарию. (*Примеч. и пер. с нем А. Е. Климова.*)

¹⁴ *Fremdenpolizei* (нем.) — полиция для иностранцев.

¹⁵ *An das Sekretariat des Eidgenössischen Departements des Innern in Bern* (нем.) — в секретариат гражданского департамента внутренних дел в Берне.

¹⁶ Игра слов.

¹⁷ *Magerspeak* (нем.) — тонкое сало.

¹⁸ *Salami* (нем.) — колбаса салями.

¹⁹ *Föhn* (нем.) — фён, теплый и сухой ветер, дующий с гор; возникает при наличии более или менее значительной разницы атмосферного давления по ту и другую сторону горного хребта.

²⁰ *Reisebüro Kündig* (нем.) — швейцарское бюро путешествий.

²¹ *Caritas Verband* (лат.-нем.) — Общество милосердия. Католический благотворительный орган. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²² *Evangelisches Hilfswerk* (нем.) — Евангелическое оказание помощи. Протестантский благотворительный орган. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²³ Приписка на полях рукою Е. Е. Климова: «7 март. получ. без шок. и конс.». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²⁴ Приписка на полях рукою Е. Е. Климова: «Вюрц<бург> получ.». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²⁵ Приписка на полях рукою Е. Е. Климова: «Нюрен<берг> получ.». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²⁶ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaler E. Klimow 13 a Heidenheim Kreis Gunzenheim, Naus 42 b Bayern (U. S. A. Zone)» (Господину художнику Е. Климову. 13 а, Хейденхейм, округ Гунценхейм, дом 42 б. Бавария (США зона)). На лицевой стороне конверта — штампель цензурного управления американских оккупационных властей. На обратной стороне конверта надпись на английском языке: «From: Prof. Dr. I. Ijgin Switzerland. Zollikon Written in Russian» (От проф. др. И. Ильина, Швейцария, Цолликон. Написано по-русски).

²⁷ *Christliche Nothilfe* (нем.) — Христианская помощь крайне нуждающимся. Благотворительная организация. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²⁸ «Не унывай, жандарм!» <...> «Лопай, что дают» — из рассказа Чехова «Жалобная книга». См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 2. — М., 1975. — С. 359.

²⁹ Этюд маслом работы Е. Е. Климова (1930-е гг.), названный художником «Изборск весной» (вдали изображена Богородицкая церковь), воспринимался Ильиным символически, как некое предвестие возрождения России, и именовался им «Грядущая весна». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

На обороте картины надпись художника: «Дорогим Наталии Николаевне и Ивану Александровичу на память об Изборске. Верю, что «Грядущая Весна» будет для всех нас. 12 ноября 1935 г. Е. Климов». Этот этюд висел в столовой И. А. Ильина. После смерти философа картина была возвращена Е. Е. Климову в Канаду. В настоящее время этот этюд находится в России. См. репродукцию в альбоме «Иван Ильин и Россия» (М., 1999).

³⁰ *Oel* (нем.) — масло (краска).

³¹ Литографии работы Е. Е. Климова.

Трувор — легендарный князь, правивший в Изборске, брат Рюрика. (Примеч. А. Е. Климова.)

³² *Зоценко* Михаил Михайлович (1895 — 1958) — русский советский писатель-сатирик.

³³ Стилизация под Зоценко.

³⁴ Лицо, привлеченное Ильиным для помощи в устройстве выставки. (Примеч. А. Е. Климова.)

³⁵ Так в тексте.

³⁶ Е. Е. Климов тогда занимался росписью протестантской часовни. (Примеч. А. Е. Климова.)

³⁷ Находясь вдали от центров русской эмиграции, Е. Е. Климов не имел доступа к русским книгам. Запрос к Ильину был вызван желанием дать основу русского образования сыновьям. (Примеч. А. Е. Климова.)

³⁸ *Киселев* Александр Николаевич родился в 1909 г. в Твери. Мать его — кн. Шаховская. Отец был родом из Тарту, что позволило ему вывезти сына после революции в Эстонию (г. Нарва). Учился Александр в Риге в русской семинарии и в 1935 г. стал священником. Служил в Нарве и Таллине. В это время познакомился с И. А. Ильиным, который приезжал в Эстонию с лекциями, принимал его с Наталией Николаевной у себя дома в Нарве. В 1940 г. на последнем пароходе выехал в Германию, где в 1946 г. в Мюнхене с помощью УНРРА (Администрации Объединенных Наций по помощи и размещению перемещенных лиц) организовал русскую православную гимназию, курсы сестер милосердия, медицинский пункт помощи. Находясь в оккупационной американской зоне, выпросил 3-этажный дом для русских беженцев и освобожденных пленных, что было важной поддержкой всем преданным и покинутым русским людям. В 1949 г. эмигрировал в США. Впервые вернулся в Россию в 1990 г. С 1992 г. проживает в России постоянно, являясь протопресвитером в Донском монастыре (Москва).

³⁹ *Das verschollene Herz* (нем.) — замирающее, отзвучавшее, заглушенное сердце. См коммент. 12 к этой подборке писем.

⁴⁰ Речь идет о фундаментальном труде, над которым философ начал работать еще в Советской России, но издал в 2 томах только в конце своей жизни: И л ь и н И. А. Аксиомы религиозного опыта. Исследование. — Париж, 1953.

⁴¹ Немецкий вариант в свет не выходил. В настоящее время группа филологов и философов в США планирует перевести это произведение Ильина на английский язык. Однако трудности заключаются не только в переводе богатого русского ильинского языка, которому нет аналогов в английском, например такие слова и поня-

тия, как «обстояние», «пошлость», «юдоль», «совесть», «правосознание», которые часто встречаются в книге, но в нем нет и различия понятий «предмет» и «объект», «предметное знание» и «объективное знание». А как передать при этом смысл слова «Предмет» с прописной буквы, подразумевающий Бога? Более того, 2/3 книги занимают литературные приложения: ссылки и цитаты из творений отцов и учителей Церкви, философов на древних и современных языках, и комментарий может превысить объем самих томов, содержащих около 1000 страниц.

⁴² *Caritas Blitzgutschein* (лат.-нем.) — телеграфный талон на приобретение товара благотворительной организации Каритас.

⁴³ Игра немецких слов: *Blitz* — молния, *Gut* — товар, *Schein* — талон.

⁴⁴ Из тропаря вечерней молитвы: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющиеся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского». Ильина мучают сомнения в получении помощи от католической благотворительной организации Caritas.

⁴⁵ То есть претензии.

⁴⁶ То есть комплименты. Игра слов.

⁴⁷ На конверте адрес: «Herrn Eugen. Klimow (13 a) Bayern (U. S. A. Zone) Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b Deutschland» (Господину Евген<ию> Климову. (13 а), Бавария (США зона), Хейденхайм, (округ Гунценхайм), дом 42 б., Германия). На лицевой стороне конверта — штемпель цензурного управления американских оккупационных властей. На обратной стороне конверта надпись на английском языке: «From: Prof. Dr. I. Iljin Switzeland. Zollikon Written in Russian» (От проф. др. И. Ильина, Швейцария, Цолликон. Написано по-русски).

⁴⁸ *Arbeiter Hilfswerk* (нем.) — подсобные рабочие, рабочие подсобного производства.

⁴⁹ Так в тексте.

⁵⁰ *da sein Unterhalt und Unterkunft nicht gesichert und die Möglichkeit der Rückreise nach Deutschland nicht gewährleistet sind* (нем.) — ибо не имеется поручительства за его расходы по пропитанию и ночлегу, и право на возврат в Германию не обеспечено. (Пер. с нем. А. Е. Климова.)

⁵¹ *Rückreise-Sichtvermerk* (нем.) — виза на обратный въезд. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁵² *Gouvernement militaire* (фр.) — военное правительство.

⁵³ *Personnes Deplacées* (фр.) — перемещенные лица, беженцы. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁵⁴ Трумэн Гарри (1884 — 1972) — 33-й президент США.

⁵⁵ Речь, по-видимому, идет о «Поющем сердце» и «Пути к очевидности».

⁵⁶ И л ь и н а Н. Н. Изгнание норманнов. Очередная задача русской исторической науки. — Париж, 1955.

⁵⁷ *Certificats d'Hébergement* (фр.) — сертификаты (документы) о представлении приюта. Однако в Тунис Константин Евгеньевич не поехал. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁵⁸ Ксения Георгиевна — жена К. Е. Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁵⁹ *Malz* (нем.) — солод. Имеется в виду мальтоза — солодовый сахар, дисахарид, промежуточный продукт расщепления крахмала.

⁶⁰ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller Eugen Klimoff Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b. (13 a) Deutschland (U. S. A. Zone)» (Господину художнику Евгению Климову. *Хейденхейм* (округ Гунценхайм), дом 42 б. (13 а), Германия (США зона)). На лицевой стороне конверта — штемпель цензурного управления американских оккупационных властей. На обратной стороне конверта надпись на английском языке: «From: Prof. Dr. I. Iljin Switzerland. Zollikon Written in Russian» (От проф. др. И. Ильина, Швейцария, Цолликон. Написано по-русски).

⁶¹ *Ирочка* — Бен-Чавчавадзе Ирина Георгиевна — племянница Е. Е. Климова. Она посещала Ильина в Швейцарии в конце 40-х и в начале 50-х гг. Имеются ее воспоминания об этих визитах. В настоящее время проживает в Канаде. (*Примеч. А. Е. Климова.*) См. также коммент. 1 и 3 в коллекции «Письма к И. Г. Бен-Чавчавадзе».

⁶² На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller E. Klimoff Heidenheim Haus 42 b. (Kreis Gunzenheim) (13 a) Bavaria (U. S. A. Zone)» (Господину художнику Е. Климову. *Хейденхейм*, дом 42 б. (округ Гунценхайм), (13 а), Бавария (США зона).

⁶³ Альбом «Псков» (1943) с двенадцатью литографиями послужил источником для серии открыток, изданных Е. Е. Климовым в том же году. См. письмо № 33. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁶⁴ См. поэму в настоящем томе.

⁶⁵ *Леонардо да Винчи* (1452 — 1516) — гениальный итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер.

⁶⁶ *Нестеров* Михаил Васильевич (1862 — 1942) — русский живописец, в 1921 г. написал картину «Мыслитель», на которой изобразил своего друга — русского философа Ильина.

⁶⁷ *Бакшеев* Василий Николаевич (1862 — 1958) — русский и советский живописец, передвижник, автор жанровых картин.

⁶⁸ *Антонов* Сергей Николаевич (? — 1960-е гг.) — рижский художник и архитектор, друг Е. Е. Климова. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁶⁹ *Рах* (лат.) — мир. Здесь: название фирмы, производящей шоколад.

⁷⁰ В эти годы разбросанные по Европе «перемещенные лица» (так называемые «ди-пи») искали способа перебраться в более благоустроенные места. Беженцы активно принимались несколькими странами: главным образом США, Канадой, Австралией и Аргентиной. В каждом случае необходимо было пройти комиссию политического и медицинского контроля и проверку работоспособности. В случае «провала» с прошением в одну из этих стран беженец, как правило, сразу же подавал прошение на въезд в другую страну, и процесс начинался сначала. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁷¹ *Kräuter* (нем.) — трава.

⁷² *Шмелев* Иван Сергеевич (1873 — 1950) — русский писатель, духовный друг Ильина.

⁷³ Неясно, что имеется в виду.

⁷⁴ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller Eugen Klimow (13 a) Heidenheim Haus 42 b. Kreis Gunzenheim Bavaria USA Zone» (Господину

художнику Евгению Климову. (13 а), *Хейденхейм*, дом 42 б округ Гунценхайм Бавария США зона).

⁷⁵ Константин Евгеньевич Климов уехал в Канаду в конце 1948 г. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁷⁶ *Жорж* — Климов Георгий Евгеньевич (1895 — 1967) — брат Е. Е. Климова. Сперва собирался в Аргентину, в конце концов уехал в Канаду. (Примеч. А. Е. Климова.) О нем см. также коммент. 1 в «Письмах к Г. Е. Климову».

⁷⁷ Речь идет о работе Ильина над статьями (бюллетенями) из серии «Наши задачи». (Примеч. А. Е. Климова.)

⁷⁸ Открытка.

⁷⁹ Евгений Климов и его сын Алексей почти одновременно подверглись операциям аппендицита осенью того года. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸⁰ Упоминается И. Г. Бен-Чавчавадзе.

⁸¹ *Attitude* (нем.) — манера.

⁸² Упоминается аббат *Turcotte*, устроивший Константина Евгеньевича на работу преподавателем музыки в католическую семинарию во францужско-канадском городе Trois-Rivières (что означает «три реки»). (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸³ *Idem Ibidem* (лат.) — то же, в том же месте. Этим псевдонимом Ильин иногда пользовался в статьях 20-х и 30-х гг. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸⁴ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller Eugen Klimow (13 a) Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b. Bavaria USA Zone» (Господину художнику Евгению Климову (13 а) *Хейденхейм* (округ Гунценхейм) дом 42 б Бавария США зона).

⁸⁵ *Барейсс* Шарлотта Максимилиановна (? — после 1962) — жена владельца крупной фабрики шерстяных изделий, оказывала помощь Ильину в годы его пребывания в Швейцарии. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸⁶ Евгений Климов послал Ильину фотоснимки своих работ — портрета жены и эскиза мозаичной иконы Иоанна Крестителя. Оригинал последней создан для усыпальницы убиенного архиепископа Рижского И. Поммера. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸⁷ «Аспид Василисков» — шутливая подпись, в данном случае, надо думать, содержащая отклик на собственную репутацию «злого» и «ядовитого» публициста. (Примеч. А. Е. Климова.)

Шуточный псевдоним Ильина представляет собою игру слов: аспид — ядовитый змей, василиск — сказочное животное с шеей змеи, гребнем петуха, крыльями дракона, хвостом змеи и когтями птицы, по древним легендам, одним взглядом убивающий животных. Взято Ильиным из 90 Псалма, 10: «на аспида и василиска наступиши».

⁸⁸ Письмо адресовано матери Е. Е. Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸⁹ Так в тексте.

⁹⁰ Дачное место около Риги, где Ильин вместе с женой отдыхал летом 1935 г. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁹¹ Литография Е. Е. Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁹² Единственная небольшая купюра в Собрании сочинений И. А. Ильина, его лично совсем не касающаяся. Пропуск делается по просьбе владельца архива.

⁹³ Упоминается Борзов *Николай Викторович* — редактор ежегодника «День Русского Ребенка», выходявшего в Сан-Франциско с 1933 г. О нем и письма Ильина к нему см. ниже.

⁹⁴ Здесь Ильин дает форму письма к Борзову.

⁹⁵ *Кулаев Иван Васильевич* (1858 — 1942) — потомок крепостного крестьянина князя Никиты Трубецкого (Красноярск), сын купца; мариинский и ачинский купец второй гильдии, владелец Солганского золотого прииска в ачинской тайге, подрядчик при строительстве Забайкальской железной дороги. К 1913 г. был мультимиллионером. Эмигрировал в США в 1920 г. В 30-е гг. основал «Фонд И. В. Кулаева», на средства которого, в частности, издавался «День Русского Ребенка».

⁹⁶ *кэрную* — то есть продуктовую посылку через благотворительную организацию CARE.

⁹⁷ *Salach bei Göppingen. Landhaus Reuthe Württemberg* (нем.) — Салах под Гёппингеном. Загородный дом Рёйте, Вюртемберг.

⁹⁸ *Евтушевский В. А.* (1836 — 1888) — русский методист-математик, автор многочисленных сборников арифметических задач и методических трудов.

В данном случае, надо думать, фраза имеет шуточный смысл, что-то вроде «с методической точностью». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁹⁹ Так прозвали Евгения Евгеньевича Климова, по его рассказам, жители одной из деревень около Изборска. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁰⁰ Е. Е. Климов просил прислать ему снимки с подаренных Ильину этюдов. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁰¹ *offertus* (лат.) — предложенный. Формальное предложение определенному лицу заключить сделку с указанием всех необходимых для ее заключения условий.

¹⁰² Отсутствие равной чувствительности к разным частям спектра у фотопленки и глаза компенсировалось и выравнивалось светофильтрами, чаще всего так называемыми желтыми.

¹⁰³ *mat, glanz, chatois* (нем.-фр.) — матовая, глянцевая, шамуа (светло-желтая).

¹⁰⁴ *Bromsilber Papier* (нем.) — бром-серебряная бумага. Высококочувствительная фотобумага.

¹⁰⁵ *Anzahl der Copien* (нем.) — число копий.

¹⁰⁶ *pinx* (лат.) — писал.

¹⁰⁷ *Забелин Иван Егорович* (1820 — 1908/09) — русский историк, археолог.

¹⁰⁸ *Платонов Сергей Федорович* (1860 — 1933) — русский историк.

¹⁰⁹ Здесь обыгрывается сказка Ильина «Праведный народ». См.: наст. Собр. соч. — Т. 6. — Кн. 2. — М., 1996. — С. 282 — 287.

¹¹⁰ На конверте адрес: «*Herrn Kunstmaller Eugen Klimow Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b Bavaria (U.S.A. Zone)*» (Господину художнику Евгению Климову *Хейденхейм*, (округ Гунценхейм) дом 42 б Бавария (США зона)).

¹¹¹ *Penecillin etc.* (лат.) — пенициллин и т. д.

¹¹² От Шарлотты Барейсс.

¹¹³ Над словом «*монета*» приписано — «берите авансом!».

¹¹⁴ *Протовит* — аптечный витаминный препарат.

¹¹⁵ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller Eugen Klimow (13 a) Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b Bavaria (USA Zone)» (Господину художнику Евгению Климову (13 а) Хейденхейм, округ Гунценхейм) дом 42 б Бавария (США зона)).

¹¹⁶ В апреле одновременно заболели тяжелым воспалением легких жена и мать Е. Е. Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹¹⁷ Мария Александровна скончалась 20 апреля 1949 г. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹¹⁸ Стихотворение 1815 г. Шрифтовые выделения Ильина не везде совпадают с выделениями Жуковского.

¹¹⁹ Георгий Евгеньевич Климов приезжал в Хейденхейм на похороны матери. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹²⁰ *nervus sympathicus* (лат.) — симпатический нерв.

¹²¹ Речь идет о будущей работе Е. Е. Климова в Канаде. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹²² *Лалиберте* Альфред (1882 — 1952) — канадский композитор, пианист и педагог. Большой почитатель русской музыки, корреспондент Скрябина и Метнера. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹²³ *Метнер* Николай Карлович (1879/80 — 1951) — русский композитор, друг Ильина.

¹²⁴ *Voila* (фр.) — вот.

¹²⁵ Снимок Е. Е. Климова рядом с картиной, основанной на зарисовках хора в Печерском крае. В настоящее время картина находится в Псковском музее. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹²⁶ *Левитан* Исаак Ильич (1860 — 1900) — русский живописец.

¹²⁷ *IRO* — International Refugee Organization. За пять лет своего существования (1947 — 1952) эта международная организация оплатила проезд более чем миллиону беженцев из Европы в Северную Америку, Австралию и т. д. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹²⁸ *Лесков* Николай Семенович (1831 — 1895) — русский писатель.

¹²⁹ *Габричевский* Юрий Юрьевич, художник, друг Ильина. Написал портрет философа в 1924 г. в Италии, когда Ильин работал над своей знаменитой книгой «О сопротивлении злу силою».

¹³⁰ На конверте адрес: «Herrn Kunstmaller Eugen Klimow Heidenheim (Kreis Gunzenheim) Haus 42 b Bavaria (USA Zone)» (Господину художнику Евгению Климову Хейденхейм (округ Гунценхейм) дом 42 б Бавария (США зона)).

¹³¹ *ex libris* (лат. — из книг) — книжный знак, указывающий на принадлежность книги какому-то владельцу.

¹³² Ильин просил Е. Е. Климова набросать для него проект *ex libris*'а. Первое письмо, в котором он излагает эту просьбу, не сохранилось. Упоминание Кремлевского дворца в письме № 25 относится к этой теме.

Окончательный рисунок художник прислал уже из Канады, и этот *ex libris* был использован Ильиным для своей библиотеки. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹³³ *Лани* — не установлен.

¹³⁴ Е. Е. Климов прибыл в Канаду в начале октября 1949 г. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹³⁵ *Пимжа* — по-видимому, местность в Прибалтике.

¹³⁵ *Пимжа* — по-видимому, местность в Прибалтике.

¹³⁶ «Blick in die Ferne» (Взгляд в даль). Книга Ильина, главки которой: «Vom Künstlerisch-Vollkommenen» («О художественно совершенном»), «Die Tat» («Дело») и «Der Geist des Instinktes» («Дух инстинкта») он предназначает для чтения. Русский перевод этой книги см. в настоящем Собрании сочинений (Т. 8. М., 1998).

¹³⁷ На конверте: «Monsieur Eugène Klimow 849 Avenue Laviolette Trois Rivières Canada Exp: I. Iljin Suisse. Zollikon» (Господину Евгению Климову 849 авеню Лавиолетте Гранд Ривьер Канада Отпр: И. Ильин Швейцария. Цолликон).

¹³⁸ Упоминается Константин Евгеньевич Климов.

¹³⁹ Имеется в виду флорентийский род Медичи, игравший важную роль в средневековой Италии. Медичи организовали торговую-банковскую компанию, одну из крупнейших в XV в. в Европе. С 1434 по 1737 г. с перерывами правили Флоренцией. Были покровителями искусства, некоторые поэтами (Лоренцо Великолепный).

¹⁴⁰ *Сергеев* Константин Михайлович (р. 1910) — русский и советский артист балета, балетмейстер.

¹⁴¹ *Чубов* Давид — знакомый Ильину протоиерей, помогавший ему переписывать рукопись «Аксиом религиозного опыта». Опубликовал еще до выхода этой работы в свет статью: «Среди книг. «Аксиомы религиозного опыта». Книга (два тома) Профессора Ивана Александровича Ильина» (См.: Суворовец. Буэнос-Айрес. 29 ноября 1952.)

¹⁴² *Ильин* Иван Иванович (1799 — 1865) — инженер-строитель, полковник, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени. Вместе со своей женой Любовью Ивановной похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

¹⁴³ Эта книга была издана посмертно проф. Н. П. Полторацким под другим названием: И л ь и н И. А. О монархии и республике. — Нью-Йорк, 1979.

¹⁴⁴ На конверте: «Monsieur Eugène Klimow 849 Av<enue> Laviolette Trois Rivières Canada

Exp: Prof. I. Iljin Suisse. Zollikon» (Господину Евгению Климову 849 авеню Лавиолетте Гранд Ривьер Канада Отпр: И. Ильин Швейцария. Цолликон). На конверте почтовый штемпель 6.IV.1950.

¹⁴⁵ *création* (фр.) — творение.

¹⁴⁶ «Aus dem Osten». *Fischmarkt* (нем.) — «С востока». Рыбный рынок.

¹⁴⁷ См.: Выбранные места из переписки с друзьями// Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — М., 1967. — С. 211.

¹⁴⁸ На конверте: «M. E. Klimoff Station biologique pour M. E. K. grande Rivière Co gaspe sud P. Q. Canada» (Г. Е. Климову Биологическая станция Гранд Ривьер, Канада). Лето 1951 г. Е. Е. Климов вместе с семьей проводил в рыбацьем поселке Grande Rivière на берегу Атлантического океана. Письмо написано рукою Наталии Николаевны Ильиной под диктовку Ивана Александровича. Приписка внизу и подпись самого Ильина.

¹⁴⁹ *Ксения* Георгиевна — жена К. Е. Климова.

¹⁵⁰ На конверте: «Monsieur E. E. Klimow 46 rue Aberdee Quebec (P. Q.) Canada

¹⁵¹ Речь идет об альбоме литографий: «Québec. Dix litographies d'Eugène Klimoff» (Квебек, 1952).

¹⁵² *Фалес* (ок. 625 — ок. 547 до н. э.) — древнегреческий мыслитель, родоначальник античной философии, основатель милетской школы.

¹⁵³ *Анаксимен* (ок. 585 — ок. 525 до н. э.) — древнегреческий философ, представитель милетской школы, автор первого философского сочинения на греческом языке «О природе», ученик Фалеса.

¹⁵⁴ *Гераклит* Эфесский (конец 6 — нач. 5 в. до н. э.) — древнегреческий философ-диалектик, представитель ионийской школы.

¹⁵⁵ Высказывание оккультиста *Гюрджиева* Георгия Ивановича (1866 — 1949), услышанное Е. Е. Климовым в Риге. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁵⁶ *Успенский* Петр Демьянович (1878 — 1947) — оккультист, последователь Гюрджиева. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁵⁷ На конверте: «Monsieur Eugène Klimow 46. rue Aberdeen. 46. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Евгению Климову 46, улица Абердеен, 46 *Квебек* Канада). Почтовый штампель 9.II.53.

¹⁵⁸ *Сезанн* Поль (1839 — 1906) — французский живописец, представитель постимпрессионизма.

¹⁵⁹ *Поленов* Василий Дмитриевич (1844 — 1927) — русский живописец.

¹⁶⁰ *Моне* Клод (1840 — 1926) — французский живописец, главный представитель импрессионизма.

¹⁶¹ *Боровиковский* Владимир Лукич (1757 — 1825) — русский и украинский живописец, портретист.

¹⁶² *Коровин* Константин Алексеевич (1861 — 1939) — русский живописец.

¹⁶³ *Дурылин* Сергей Николаевич (1877 — 1954) — литературовед и театровед, друг Нестерова.

¹⁶⁴ На конверте: «Monsieur Eugène Klimow 46. rue Aberdeen. 46. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Евгению Климову 46, улица Абердеен, 46 *Квебек* Канада).

¹⁶⁵ *Мусоргский* Модест Петрович (1839 — 1881) — русский композитор.

¹⁶⁶ *Бессель* Василий Васильевич (1843 — 1907) — русский нотоиздатель.

¹⁶⁷ *Лист* Ференц (Франц) (1811 — 1886) — венгерский композитор, пианист, дирижер.

¹⁶⁸ «*Могучая кучка*» — творческое содружество выдающихся русских композиторов, отразившее в своей деятельности идеи демократического движения 60-х гг. прошлого века; известно также под названием «Балакиревский кружок», или «Новая русская музыкальная школа».

¹⁶⁹ *Балакирев* Милий Алексеевич (1836/37 — 1910) — русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный общественный деятель, руководитель «Могучей кучки».

¹⁷⁰ *Бородин* Александр Порфирьевич (1833 — 1887) — русский композитор и ученый-химик.

¹⁷¹ *Римский-Корсаков* Николай Андреевич (1844 — 1908) — русский композитор, дирижер, музыкальный писатель, общественный деятель.

¹⁷² Гоген Поль (1848 — 1903) — французский живописец, один из главных представителей постимпрессионизма, близкий к символизму и стилю «модерн».

¹⁷³ На конверте: «Monsieur Eugène Klimow 46. rue Aberdeen. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Евгению Климову 46, улица Абердесн Квебек Канада).

¹⁷⁴ Имеются в виду «Аксиомы религиозного опыта».

¹⁷⁵ Образование от USA — США.

¹⁷⁶ Подразумевается «Сказка о попе и работнике его Балде» (1830).

¹⁷⁷ Ин. 19, 22.

¹⁷⁸ Крылов И. А. «Два мужика» (1825), басня.

¹⁷⁹ Открытка с видом дома, в котором помещалась квартира Ильиных в Цолликоне. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁸⁰ Е. Е. Климов послал Ильиным снимок, на котором он изображен во время рисования. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁸¹ На конверте: «Monsieur E. E. Klimow 46. rue Aberdeen. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Е. Е. Климову 46 улица Абердесн Квебек Канада).

¹⁸² То есть сыновьям, так сказать, уже выросшим, большим.

¹⁸³ На конверте: «Monsieur E. E. Klimow 46. rue Aberdeen. Quebec (P. Q.) Canada Exp: I. Iljin Suisse. Zollikon» (Господину Е. Е. Климову 46, улица Абердесн Квебек Канада Отпр: И. Ильин Швейцария. Цолликон).

¹⁸⁴ Шукин Сергей Сергеевич (1891 — 1977) — священник. Еще до принятия сана его отметил сам Патриарх Тихон, назначив «благовестником» — звание, введенное лично Патриархом, что означало, что в конце литургии, после подхождения к кресту, он был уполномочен проводить беседы в храме о вопросах веры. Ему в удостоверение этого была выдана грамота с подписью Патриарха, но она пропала (последовали два ареста и лагеря). (Примеч. А. Е. Климова.) В эмиграции проживал в Торонто, написал несколько отзывов о книге Ильина («Познай самого себя. О книге проф. Ильина «Аксиомы религиозного опыта»// Россия. 17 марта 1954; «Рецензия. Проф. И. А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта»// Русское слово в Канаде. Март 1954; «Библиография. Проф. И. А. Ильин. «Аксиомы религиозного опыта»// Вестник РСХД. № 32. II — 1954; «Что такое пошлость. Взгляды проф. И. А. Ильина на религиозный смысл пошлости»// Русское слово в Канаде. Май 1954).

¹⁸⁵ Анастасий Иерусалимский (Грибановский Александр Александрович) (1873 — 1965) — митрополит Русской Зарубежной Церкви, возглавлял ее с 1936 г. Имеется в виду один из печатных органов Русской Зарубежной Церкви, скорее всего, журнал *Православная Русь* (Джорданвилль). Надо сказать, что после смерти Ильина в Православной Руси был напечатан, мягко сказать, отрицательный отзыв архимандрита Кирилла (Зайцева) на «Аксиомы религиозного опыта».

¹⁸⁶ Купоны для оплаты авиапочты. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁸⁷ Третьяков Павел Михайлович (1832 — 1898) — русский предприниматель, владелец текстильных предприятий, собиратель русской живописи, основатель Третьяковской галереи.

¹⁸⁸ Статья в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово». (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁸⁹ На конверте: «Monsieur E. E. Klimow 46. rue Aberdeen. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Е. Е. Климову 46 улица Абердеен Квебек Канада). Почтовый штемпель: 19.II.54

¹⁹⁰ Альбом «Ce qui s'en va» (Уходящее) вышел в Квебеке в 1953 г. В этой серии литографии Е. Е. Климов изобразил бедные, но живописные закоулки старого Квебека, обреченные — по мысли художника — на исчезновение.

¹⁹¹ *дска* (слав.) — доска.

¹⁹² *Ce qui s'en va* (фр.) — уходящее. (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁹³ *most reverend* (анг.) — наиболее почтенный.

¹⁹⁴ *Kik* — напиток. Здесь: рекламный щит с этим названием (Кик-колла). (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁹⁵ *Il reste, il crée, que le bon Dieu le garde!* (фр.) — Он остается, он создает; да хранит его Господь! (Пер. с фр. А. Е. Климова.)

¹⁹⁶ *Никон* Рклицкий (1892 — 1972) — по образованию юрист. Сражался в рядах Добровольческой Армии (поручик). Первый этап эмиграции провел в Югославии, где редактировал «Царский вестник». Принял сан уже в Америке, где позже стал архиепископом Русской Зарубежной Церкви. Издатель трудов Митрополита Антония (Храповицкого). (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁹⁷ См.: Епископ Никон. Евангельский виноградник и злые виноградари// Епархиальные ведомости Русской Православной Церкви в Сев. Америке и Канаде. — № 5. — Нью-Йорк. — Сентябрь, 1953.

Это проповедь, в конце которой следует упоминание о книге Ильина: «А как следует возвысить свою душу, может послужить хорошим пособием только что вышедшая в свет в двух томах книга проф. И. А. Ильина: «Аксиомы религиозного опыта» — это глубокая религиозная философия, плод исследований и размышлений высоко просвещенного и православно верующего ума. Книга начинается такими словами». Далее следуют 4 цитаты из книги Ильина и автор заключает: «Вот несколько выписок из этой замечательной книги, к которой мы еще возвратимся для более подробного ее рассмотрения».

¹⁹⁸ *Протопресвитер Шабашев* — не установлен.

¹⁹⁹ *Польский* Михаил Афанасьевич (1891 — 1960) — протопресвитер Русской православной церкви. Бежал из Советской России в 1930 г. после заключений в тюрьмах и лагерях.

²⁰⁰ Философский термин, с греческого буквально: полнота.

²⁰¹ Речь идет о статьях Е. Е. Климова в «Новом Русском Слове», которое в те годы имело весьма скромный вид. (Примеч. А. Е. Климова.)

²⁰² На конверте: «Monsieur Klimow 46. rue Aberdeen. Quebec (P. Q.) Canada» (Господину Е. Е. Климову 46 улица Абердеен Квебек Канада).

²⁰³ *Вейнбаум* Марк Ефимович (1890 — 1973) эмигрировал из России в 1913 г. и с 1925 г. до конца жизни являлся главным редактором «Нового Русского Слова». (Примеч. А. Е. Климова.)

²⁰⁴ *Щербатов* Николай Борисович (1862 — 1943) — князь, выпускник Пажеского корпуса, недолго служил на военной службе, член Государственного совета, с 5 июля по 25 сентября 1916 г. министр внутренних дел. Был в конфликте с Государем из-за Распутина. В эмиграции поселился в Германии. Имел тесные связи с немецкими аристократическими кругами; с Гитлером не сотрудничал. (Примеч. А. Е. Климова.)

²⁰⁵ См.: К л и м о в Е. Е. Русская живопись// День Русского Ребенка. Вып. XXI. — Сан-Франциско, 1954. — С. 203 — 206. Ее главная мысль состоит в том, что отличительной чертой русской живописи — и тем, чем она главным образом отличается от западной — является сердечность, искренность и любовь к изображаемому предмету. (Примеч. А. Е. Климова.)

²⁰⁶ St. Roch — католический святой. Жил в середине XIV в. Ему приписывается чудотворное исцеление больных, в том числе прекращение эпидемии чумы в итальянском городе Феррара. (Примеч. А. Е. Климова.)

²⁰⁷ Св. Пантелеймон (? — 303/305) — сын св. Еввулы, служил врачом при дворе царском в Никомидии и был наставлен в христианской вере св. пресвитером Ермолаем. Призывая имя Господа Иисуса Христа, он исцелял самые трудные болезни, и притом совершенно бескорыстно, и только требовал, чтобы исцеленные веровали во Христа. По доносу врачей, завидовавших его славе, обличенный в христианстве перед императором Максимилианом, он был потребован к допросу и после того, как мужественно исповедовал себя последователем Христа, был предан жестоким мучениям. Император приказал усекнуть его мечом и сжечь его тело. Но и после смерти тело великомученика оставалось в огне невредимым. В настоящее время его мощи находятся в Пантелеимоновом Афонском монастыре. День его памяти 27 июля по ст. ст.

ПИСЬМО К К. Е. КЛИМОВУ

¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, д. 6. Приписка карандашом рукою Ильина: 30.IV.1948 К. Е. Климову. Машинопись.

² Имеется в виду *Оксфордское движение*, — возникшее в XIX в. в Оксфордском университете в стремлении обновить «католичество», мысль и практику внутри Церкви в Англии в пику протестантским тенденциям Англиканской церкви. Лидерами движения были священник, а позже кардинал Джон Генри Ньюмен (1801 — 1890), священник Ричард Хуррелл Фроуд (1803 — 1836), священник и поэт Джон Кембл (1792 — 1866) и священник и профессор Оксфордского университета Эдвард Пусей (1800 — 1882). Идеи движения были опубликованы в 90 трактатах в газете «Таймс» Ньюманом в 1833 — 1841 гг. В них излагалась доктрина подлинной неразделенной католической церкви, которую стала играть Церковь в Англии. В 1845 г. Ньюмен присоединился к Римской католической церкви.

³ «Зуппе» (нем. Suppe) — суп; похлебка.

⁴ *Скауты* — организация мальчиков от 11 до 14—15 лет с целью развития в них чувства гражданства и рыцарского поведения вне домашней жизни. Движение бойскаутов было основано в Великобритании в 1908 г. генерал-лейтенантом (позже лордом) Робертом С. С. Баден-Пауэлом (1857 — 1941), написавшим книгу для скаутов. Позже к скаутизму стали привлекать девочек такого же возраста. Попытка ввести движение скаутов в России не удавалась, хотя продолжается и по сей день.

⁵ *Соколы* — молодежное гимнастическое общество, основанное русскими эмигрантами в Праге в 1921 г. и впоследствии получившее признание среди соотечественников в других странах. Общество имело свою газету «Русский сокол» и помимо пропаганды спорта организовывало дни русской культуры, вело воспитательно-патриотическую работу. После войны его деятельность переместилась из европейских стран в США.

⁶ Имеется в виду Young Men Christian Association (YMCA) — ассоциация молодых людей-христиан, как они сами себя определяют — «несектантское, неполитическое, нецерковное христианское движение, ставящее своей целью развить высокий стандарт христианского характера путем групповой активности и гражданского воспитания». Была создана в Лондоне в 1844 г., когда 12 молодых людей, возглавляемых Джорджем Уильямсом, организовали клуб для «улучшения духовного состояния молодых людей разных профессий» (по преимуществу — торговых). Подобные клубы стали распространяться по всей Великобритании, затем появились в Австралии в 1850 г. и в Северной Америке в 1851 г., где достигли своего наивысшего развития.

⁷ *Армия Спасения* — интернациональная христианская религиозная и благотворительная организация, построенная по военному принципу. Действует более чем в 80 странах, распространяет Евангелие на 112 языках в 16 000 евангелических центрах, имеет более 3000 институтов социального быта, школ, больниц и агентств. Международная штаб-квартира организации находится в Лондоне. Армия Спасения создана евангелистом Уильямом Бутом в Лондоне в 1865 г., вскоре она стала интернациональной.

Надо отметить, что многие молодые люди на Западе, не имеющие постоянной работы, записываются добровольцами («волонтерами») в Армию Спасения и выполняют ее задания в слаборазвитых странах Африки, Азии и Латинской Америки.

⁸ *Ротари-Клубы* — клубы гражданской службы, были основаны в США в 1905 г. Паулом П. Харрисом для «воспитания идеала службы как основы предпринимательства и поощрения высоких этических стандартов в бизнесе и профессиональной деятельности и способствования чувству товарищества между бизнесменами и профессионалами». Свое название Ротари-Клубы получили из-за сменяемости (ротации) должностных лиц, то есть руководства. Международная Ассоциация Ротари-Клубов была утверждена в 1922 г. В настоящее время в нее входят 150 стран.

⁹ *Оксфорды* — участники Оксфордского движения.

¹⁰ Экуменисты — участники экуменического движения. Термин «экуменизм» происходит от греческого οἰκουμένη (населенная, обитаемая земля, вселенная). Он придуман и введен в употребление в 1910 г. Джоном Моттом (1865 — 1955), масонским лидером и председателем YMCA. Идея экуменического движения возникла в середине XIX в. в протестантской среде. Его инициаторы (руководители Англиканской церкви в Англии и Америке) утверждали, что Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь (9-й член Символа веры) перестала существовать, и говорили о своем намерении объединить все существующие христианские исповедания в одну «вселенскую церковь». Летом 1948 г.

(см. дату письма И. Ильина) на Амстердамской ассамблее был создан настойчиво стремящийся к этой цели Всемирный Совет Церквей, центр которого находится в Женеве. О корнях экуменизма см., например: Деяния Сovesщения Глав и Представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви. 8 — 18 июля 1948 года. Т. 2. — М., 1949. — С. 194.

¹¹ *бонанфанство* (от фр. bon enfant — добродушный малый) — пре-краснодушие.

¹² В Швейцарии.

¹³ Ad hoc (лат.) — букв. «к этому»; для данного случая, для этой цели, кстати.

¹⁴ Упоминается Ш. М. Барейсс.

¹⁵ В архиве И. А. Ильина (кор. 57, д. 6) хранится автограф черновика этого письма — первоначальный его вариант, который мы ниже воспроизводим:

К. Е. Климову

<30. IV. 1948>

Воистину Воскресе!

Дорогой друг Константин Евгеньевич!

Сердечно благодарим Вас и Ксению Георгиевну за память и за дары: красивое яйцо, которое сохранится на память, прелестную салфеточку и цветы! Обнимаем Вас обоих и христосуемся. Отдельно благодарим еще за родное письмо!

Если бы я знал, что для Вас оксф<ордская> проблема есть *практическая*, я бы ответил на вопрос основательнее. Ложа имеет систему каптировать людей, не делая их масонами. Для этого создан целый ряд прикровенных, с виду вольных организаций, куда вовлекают людей как в чистилище, готовя в них соот<етственную> ментальность и *отбор* из них вводя потом в ложу. Таковы: 1. Скауты. 2. Сокола. 3. Янкмен-Кристиан-Ассосиэтен. 4. Армия Спасения. 5. Ротари-Клубы. 6. Оксфордское Движение. 7. Экуменическое Движение. Здесь толпа *не* масонская, в «братья» не посвящают, но руководители *все* братья и тенденция сплошь масонская. *Духовно и религиозно* — это все *выхолощенные* движения: *минимум* христианства, непротивленчество, *интернационализм*, проповедь «толерантности», филосемитизм, тихий уход от Православия, благоприятствование протестантизму, *крайнему* протестантизму, медленное приучение неосущественности — религиозного начала, подмена его *моралью*, тихая склонность к большевизму, тихая вражда к монархии. В масонстве все это крепнет, расцветает, заостряется до царубийства и до сатанизма (включительно). Вот изведенная мною за годы и удостоверенная почва. Ловятся на все это: а) сентиментальные глупцы, б) люди арелигиозные и апатриотические, с) международные карьеристы. Весь янкменский центр — за Патриарха Алексея <Патриарх Московский и всея Руси (1945 — 1970)>. Экумена помогает почти исключительно сов<етским> приходом за границей. Когда увидимся, угощу Вас более основательно. Между прочим: чтобы узнать, не масон ли кто — начните при нем *упорно* и с *темпераментом* разоблачать и поносить *сатанизм* соврем<енной> мерзости. Увидите!

Очень ждем встречи с Вами здесь.

В Равенсбург.

ПИСЬМА К Г. Е. КЛИМОВУ

Настоящая подборка состоит из 6 писем И. А. Ильина к Г. Е. Климову. Автографы писем находятся в частной коллекции А. Е. Климова (США). Основные комментарии сделаны А. Е. Климовым, что мы указываем.

¹ *Климов* Георгий Евгеньевич (1895 — 1967) — морской офицер, после гражданской войны поселился в Риге, где занимался различными коммерческими предприятиями. В послевоенные годы очутился во французской зоне оккупированной Германии. Переехал в Канаду в 1951 г. Брат Евгения и Константина Климовых, отец Ирины Георгиевны Бен-Чавчавадзе. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

² Упоминается И. Г. Бен-Чавчавадзе.

³ Евгения Климова. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁴ Вероятно, Ш. М. Барейсс предпочитала не объявлять о возможном приезде ввиду того, что ее планы еще не определились. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁵ Георгий Евгеньевич Климов в это время работал при французской военной администрации. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁶ *Софья Терентьевна* Климова (урожденная Теодорович) (1894 — 1991) — жена Г. Е. Климова. Ее отец протопресвитер Т. П. Теодорович известный священник в Варшаве, погиб в 1939 г. при налете немецкой авиации на польскую столицу. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁷ Открытка. Адрес: «Herrn Georg Klimow Neue Allee. 5 bei Lindner (22 b) Kirchheimbolander Pfalz Deutschland. Franz. Zone. Abs: Prof. I. Ijijn. Suisse. Zollikon» (Господину Георгию Климову Новая Аллея, 5 на Линднере (22 б) Кирххейболандер Пфальц Германия, Франц<узская> зона. Отп<равитель>: Проф. И. Ильин, Швейцария, Цолликон). Почтовый штампель 13. I. 51.

⁸ *Джюка* — муж Ирины Георгиевны, Георгий Николаевич Бен-Чавчавадзе (р. 1921). Ирина Георгиевна вместе с ним тогда навещали Ивана Александровича в Швейцарии. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁹ Открытка. Адрес: «Herrn Georg Klimow Donnersberger st. 14 (22 b) Kirchheimbolander Pfalz Deutschland. Franz. Zone» (Господину Георгию Климову ул. Доннерсбергер (22 б) Кирххейболандер Пфальц Германия, Франц<узская> зона). Почтовый штампель 7. V. 51.

¹⁰ Какую именно пластинку прислал Георгий Евгеньевич, установить не удалось. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹¹ Ш. М. Барейсс. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹² Очевидно, речь идет о плане коммерческого предприятия. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹³ Константин Евгеньевич Климов и его супруга Ксения Георгиевна навещали Ильиных летом 1954 г. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁴ Составленный Георгием Евгеньевичем альбом состоял из репродукций старых литографий с видами Квебека: «Quebec 1830—1850», изд. OLIR, 1954. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁵ Что имел здесь в виду И. А. Ильин — неизвестно. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁶ Георгий Евгеньевич открыл антикварную лавку в г. Квебеке в 1957 г. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁷ *каценяммер* (нем.) Katzenjammer — похмелье.

¹⁸ Очевидно, следует понимать, как горьковатую шутку: вот, мол, Георгий Евгеньевич не разбогател, и некому издать труд о монархии. (Примеч. А. Е. Климова.)

ПИСЬМА К И. Г. БЕН-ЧАВЧАВАДЗЕ

Настоящая подборка состоит из 3 писем И. А. Ильина и одного письма Н. Н. Ильиной к И. Г. Бен-Чавчавадзе, дочери Г. Е. Климова. Их автографы находятся в частной коллекции А. Е. Климова (США). Основные комментарии сделаны А. Е. Климовым, что мы указываем.

¹ Ирина Георгиевна Бен-Чавчавадзе (р. 1922), урожденная Климова. После войны проживала во французской зоне оккупированной Германии. Замужем за Георгием Николаевичем («Джоккой») Бен-Чавчавадзе. Имеет трех детей: Андрея (р. 1945), Нину (р. 1947) и Николая (р. 1951). (Примеч. А. Е. Климова.)

² Дата установлена по письму к Ирине Георгиевне от упоминаемого далее Hans'a Dietler'a. (Примеч. А. Е. Климова.)

³ Ирина Георгиевна рассказывает, что И. А. Ильин ее так прозвал по той причине, что она все время вязала. (Примеч. А. Е. Климова.)

Здесь мы впервые публикуем воспоминания И. Г. Бен-Чавчавадзе о И. А. Ильине. Автограф хранится в семейном архиве А. Е. Климова (США).

«Мы проводили обычно лето недалеко от Риги на Черном озере. В 1936 г. Ив<ан> Ал<ександрович> с женою Нат<алией> Ник<олаевной> гостили у нас несколько недель. По вечерам собирались друзья, бывали интересные беседы. Часто Ив<ан> Ал<ександрович> читал вслух произведения И. С. Шмелева. Все как-то преклонялись и трепетали перед Ив<аном> Ал<ександровичем> и в моей детской голове было решено, что передо мной Иван Грозный! Я не понимала преклонения перед ним и его умом, — для меня это было недоступно. Я считала его обыкновенным Иваном Александровичем, который очень скоро покорил всех детей. Меня он прозвал «бабушкой Ариной», т. к. я всегда вязала, и это прозвище он сохранил за мной до конца своих дней.

Слышу иногда утром голос Ив<ана> Ал<ександровича>: «Бабушка Арина — пошли за хворостом», или «пошли по грибы». И вот мы идем в сосновый бор, а Ив<ан> Ал<ександрович> рассказывает сказки, разные смешные истории, или играет с нами в прятки, скрываясь за могучими соснами. Нам бывало очень весело с ним и мы были ему благодарны, что он, такой «большой дядя», находит время для игры с нами. У нас было условие: если дети находили боровик, или подосиновик, то мы не имели права его сорвать, не показав Ив<ану> Ал<ександровичу>, как он растет. В лесу раздаются радостные крики: «Я нашла!» — и Ив<ан> Ал<ександрович> спешит от гриба к грибу, чтобы полюбоваться и увидеть, как гриб растет. Так было в детские годы.

Прошло много лет, пережиты были войны, переезды в другие страны. В 1948 г. я попала к Ив<ану> Ал<ександровичу> со своими двумя детьми. Я ехала из Цюриха к Ив<ану> Ал<ександровичу> на обед. Предварительно по телефону Ив<ан> Ал<ександрович> спросил,

что дети любят, какое сладкое им приготовить. Моему Андрюше было 3 1/2 года, Ниночке — 1 1/2. Я шла к Ильиным с некоторым волнением, боясь, что старые одинокие люди, живущие в полном покое, не особенно обрадуются шуму малых детей. Но все случилось иначе, радость встречи была полная, последовали объятия и сердечные приветствия. Была зима, Ив<ан> Ал<ександрович> накинул пальто и вышел с детьми на балкон и что же он начал делать? Он начал с детьми пускать мыльные пузыри! Дети были немедленно покорены и почувствовали себя, как у бабушки: болтали за столом и только с некоторой опаской поглядывали на Нат<алию> Ник<олаевну>. Пока после обеда Нат<алия> Ник<олаевна> читала детям, я с Ив<аном> Ал<ександровичем> вымыла посуду. Нат<алии> Ник<олаевне> никогда не разрешалось мыть посуду — это всегда делал Ив<ан> Ал<ександрович>.

Андрюше была подарена на прощание русская хрестоматия, которая хранится у нас до сих пор. Ив<ан> Ал<ександрович> провожал нас к автобусу и всю дорогу шутил и играл с ребятами. На прощанье он похвалил хорошую форму лобика у Андрея.

В 1951 г. я встретила с Ив<аном> Ал<ександровичем> в последний раз. Я шла к Ильиным со своим мужем, который никогда не встречал Ив<ана> Ал<ександровича>, но много о нем слышал и читал его книги. Поднимаясь по лестнице, муж мне говорит: «Все скажу ему, что думаю, будь что будет!» Звоню и думаю: «Как встретятся представители двух поколений России — России ушедшей и России новой?»

До поздней ночи шли бесконечные разговоры, но никаких споров. Я слушала и радовалась. Два мира слились в один и соединила их бесконечная любовь к Родине и глубокое знание ее. Муж спросил Ив<ана> Ал<ександровича>:

«Как Вы всё это знаете и чувствуете, когда Вы покинули Россию 30 лет тому назад?»

«Россия и всё связанное с нею — моя жизнь», — отвечал Ив<ан> Ал<ександрович>.

Мы прощались в передней, одеваясь. Ив<ан> Ал<ександрович> велит «бабушке Арине» сесть, а сам, стоя на коленях, застегивает ей боты, — в таком положении не сгибаются! (я ждала третьего ребенка). Как-то неловко, совсем даже, но противоречить невозможно. На душе же тепло.

Мы ушли от них и унесли с собой теплые простые воспоминания. Вечная память «грозному» врагам, но дорогому в наших сердцах Ив<ану> Ал<ександровичу> Ильину.

⁴ Hans Dietler — швейцарец, инженер строитель, до войны участвовал в постройке электрической станции в Риге, где познакомился и подружился с семьей Климовых. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁵ Г. Е. Климов. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁶ Упоминается Софья Терентьевна Климова. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁷ Лицо не установлено. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁸ Андрюша, Ниночка — дети Ирины Георгиевны. (Примеч. А. Е. Климова.)

⁹ Машинопись.

¹⁰ Какой-то коммерческий замысел Георгия Евгеньевича. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹¹ Речь идет, вероятно, о Salach`e, городке недалеко от Штутгарта, где находилась фабрика Vareiss`ов и также их дом. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹² Ирина Георгиевна с семьей переехала в Канаду (город Квебек) в середине апреля того года. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹³ Сын Ирины Георгиевны, Николай, родился в Квебеке 16 июня 1951 г. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁴ Родители Ирины Георгиевны, Георгий Евгеньевич и София Терентьевна Климовы, переехали в Квебек в сентябре 1951 г. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁵ *Майкапар* Кирилл Ф. (1904 — 1961) — член Русского Академического Общества в Риге, его староста. Знакомый Климовых по Риге, в это время тоже очутился в Квебеке. Сведений о причине конфликта К. Ф. Майкапара с И. А. Ильиным не сохранилось. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁶ Переезд Ирины Георгиевны с семьей на новую квартиру. До этого времени семья проживала с Г. Е. и С. Т. Климовыми. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁷ Е. Е. Климов. (*Прим. А. Е. Климова.*)

¹⁸ *Корнилий* (в миру Кирилл Николаевич Малюшицкий) (1889 — 1966) — архимандрит, настоятель Обители преп. Иова Почаевского (Мюнхен). С 1956 по 1962 г. издал пять книг И. А. Ильина, первой из которых была упомянутая в письме «О сущности правосознания».

ПИСЬМА К Г. В. ОФРОСИМОВУ

Офросимов (литературный псевдоним Росимов) Георгий (Юрий) Викторович (1894 — 1967) — театральный критик, поэт и детский писатель. С 1920 г. в эмиграции. Жил в Берлине, с 1933 г. в Белграде, умер в Палермо.

Письма И. А. Ильина (автографы) к своему другу Офросимову находятся в архиве Йельского университета в США (Beinecke rare book and manuscript library, Yale University, GEN MSS 312, Box 1, folder 39 — 41). Мы благодарим русиста Роберта Бёрда (Дикинсон-колледж), предоставившего с разрешения этого архива копии писем для публикации в нашем Собрании сочинений.

Эти письма Ильина являются частью переписки двух очень близких друзей, которые понимали друг друга с полуслова. Многие письма остаются непонятными без знания содержания ответов Офросимова Ильину и оставлены нами без комментария. С другой стороны, этот пробел придает письмам некоторую загадочность, к разгадке которой может подключиться читатель.

¹ Открытка.

² Ильин называл Офросимовых так по месту их жительства — Glarus — кантон в Швейцарии с одноименным административным центром. См. ниже коммент. 16 с адресом Офросимовых.

³ *Брюшвейлер* Георгий Павлович — швейцарский журналист. Родился в Москве, был русофилом. Через о. Александра Киселева уста-

новил связь с генералом Власовым, пытаясь помочь Русскому Освободительному Движению. При посредстве своих крупных связей он должен был переправить англо-американскому Главному Командованию меморандум о Движении и подготовить почву для контакта КОНРа с западными союзниками.

⁴ Речь идет о немецком издании работы И. А. Ильина «Die Philosophie Hegels als Kontemplative Gotteslehre <Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге>» (Берн, 1946).

⁵ Библиотека Н. А. Рубакина (св. 100 тыс. томов) после его смерти была перевезена в 1948 г. в Москву и составила «рубакинский фонд» Российской государственной библиотеки.

⁶ *Доротья (Дорис) Генриховна* — жена Г. В. Офросимова.

⁷ Рыбинский Николай Захарович (1887 — ?) — окончил юридический факультет Киевского университета, прапорщик инженерных войск. С 1919 г. в Добровольческой армии, с которой эвакуировался за границу. После Галлиполи жил в Болгарии, позже осел в Белграде. Писатель, публицист, журналистикой стал заниматься еще в Крыму в 1920 г.

⁸ *Маевский Владимир Альбинович* — автор многочисленных статей в журнале «Возрождение». Ильин называет его почему-то Владиславом.

⁹ *бильдеры* (от нем. Bilder) — картинки, изображения.

¹⁰ *эпидиаскоп* (гр. ἐπί — на и διασκοπέω — смотрю через, сквозь) — оптический прибор для проектирования на экран изображений как прозрачных рисунков (диапозитивов), так и непрозрачных, напр., из книги.

¹¹ *Лазаревский Владимир Александрович* (1871 — 1936) — прозаик и журналист, основатель центристской газеты «Русская мысль», которая стала выходить в Париже с 1947 г. Об этой газете и идет речь.

¹² *Зеелер Владимир Феофилович* (1874 — 1954) — юрист, политический деятель, генеральный секретарь Союза писателей в Париже, издатель газеты «Русская мысль».

¹³ *фарплан* (нем. Fahrplan) — расписание, график движения разных видов транспорта.

¹⁴ *дензельбен* (нем. denselben) — на него.

¹⁵ В этом месте нарисована ладонь с пятью пальцами.

¹⁶ Открытка, с надписью: Wehrli A.-G., Kitchhert, Zürich. На ней изображение сидящего пожилого человека, сосредоточенно курящего трубку, и надпись: «Altar Appenzalter (Haas Toni) <Алтарь Аппензалтер (Хаас Тони)>». Адрес на открытке: «Herrn und Frau Ofrossimow-Vögeli. Hauptstrasse Haus Schubiger Glarus».

¹⁷ Открытка. Адрес на открытке: «Herrn Dr. G. Ofrossimow-Vögeli. Hauptstrasse Haus Schubiger Glarus».

¹⁸ Игра слов.

¹⁹ *Ansinnung* (нем.) — дерзость, чрезмерное требование.

²⁰ *Zumutung* (нем.) — требование (несправедливое).

²¹ *Lebet hoch* (нем.) — жив еще.

²² *Орехов* Василий В. — редактор военно-политического журнала «Часовой». Создал из нескольких довоенных группировок Российское Национальное Объединение (РНО).

²³ Упоминается *Гуль* Роман Борисович (1896 — 1986) — прозаик, мемуарист, сценарист, издатель. Ученик И. А. Ильина. В архиве философа хранится письмо:

«Р. Б. Гулю

<без даты>

Дорогой Гулик!

Посылаю Вам сие по поручению О<фросимова>. Прочел и отвечать или возражать на эту хвастовню *не* думаю. У Римского-Корсакова Садко поет: «каждый хвалится по-особому»... «глупый хвалится своим террором»... Что же делать, — «есть *другой* Юрий Милославский» — так того уж *они* убили (pardon, сочинили...). А что касается ихнего «идеоложства», то — да простит им Бог, «а я не виноват»... «*Соли*» я им не «*дарил*» и в *соль* их не «*ударял*» — *сами* ударились.

Пишу друзьям, чтобы дали Вам то, чего Вы хотели.

Здравствуйте, собираюсь читать «Коня» дальше...»

Похоже, речь идет о произведении Б. В. Савинкова «Воспоминания террориста», которое он издал в 1909 г. под названием «Конь бледный», а 1923 г. продолжил в виде дневника вымышленного полковника Юрия Николаевича (Жоржа). Однако речь может идти и о другом авторе и другом произведении, о чем свидетельствует следующее письмо Романа Гуля к И. А. Ильину, копия которого находится в архиве Йельского университета.

«31.7.47. Гларус

Юрий посылает Вам (чрезвычайно на мой взгляд) интересную книгу, а я посылаю Вам рукопись, одного интеллигента-невозвращенца. Она стоит того (по-моему) чтоб ее перевести на иностранные языки. Мне хочется: 1) чтоб Вы ее прочли и 2) м. б., Вы, сочтя, что она интересна для перевода, указали бы мне при Ваших связях, к кому обратиться? Я послал ее в Америку, там она произвела сильное впечатление и по-русски пойдет в Нов<ом> Журн<але>, а по-английски не знаю еще где, но уже переведен<а> и ее устраивают.

Я привез Вам и Наталье Николаевне приветы от Мельгуновых, с которыми видимся очень часто и состоим в большой дружбе и давно уже совместно и дружно работаем.

Буду чрезвычайно рад увидеть Вас. Не пишу «познакомиться», ибо я с Вами уже знаком. Правда, познакомились мы очень давно и Вы, вероятно, этого факта даже и не помните. Но я-то его прекрасно помню.

Это было в 1914 году в Москве, куда я приезжал из своей Пензы в у<ниверсите>т, на юрид<ический> факультет и где с первых же дней моего посещения у<ниверсите>та стал Вашим усерднейшим учеником. В декабре месяце (кажется) я даже (с большой робостью) осмелился с Вами заговорить после лекции, (я был оч<ень> скромным юношей), прося Вас указать мне ряд книг для регулярных занятий по философии. Вы мне предложили зайти к Вам. И вот тут-то я с Вами и познакомился. Знакомство это произошло не без комического элемента. Когда я пришел к Вам — точно в указанное время — на Крестовоз-

движенский, мне открыла дверь горничная и сказала, что Вас дома нет. Будучи человеком доверчивым, я ей поверил и ушел гулять по улице, чтоб через четверть часа зайти к Вам снова. Захожу, но дверь уже отпираете Вы и сразу же меня ошпариваете тем, что я неаккуратен. Я ссылаюсь на декларацию горничной. На что Вы отвечаете, что если Вы мне сказали точно в такой-то час, то я должен слушать Вас, а не Вашу горничную. Курц унд гут <короче говоря>: я с Вами познакомился, Вы дали мне ряд совет<ов> — засесть за книги: 1) История Древней Философии Трубецкого, 2) Апология Сократа, 3) Прологемы Канта, 4) что-то Гуссерля, но не помню уже что, 5) какую-то книгу, которую забыл, а 6) — это 6-й том Диалогов Платона, указав, что это и есть оселок, на котором нужно испытать свою годность с понятием философии (Парменид, кажется). К тому ж Вы посоветовали мне изучать немецкий язык, сказав, что без знания немецкого языка серьезных занятий философией быть не может. Это (помимо нагрузки устрашающими книгами) произвело на меня самое тягостное впечатление, ибо в немецком языке я после гимназии был совершенно никуда.

После этого краткого разговора Вы подарили мне Вашу статью-оттиск из какого-то толстого журнала «Философия как духовное делание» и хоть на ней не написано, а напечатано «от автора», я этим был страшно горд. Пошли мы с Вами по улице, Вы шли на курсы (кажется) Полторацкого. Говорили об У<ниверсите>те. Вы спрашивали, кого я еще слушаю из профессоров, я сказал, что никого больше не слушаю, и Вы засмеялись, когда я сказал, что у Байкова (по его собственному заявлению с кафедры) 50 000 иностранных слов в обороте.

В 1916-м я пошел в военное училище, на фронт и так... до Цюриха, до Гларуса. А теперь буду рад увидеть Вас снова.

Глубоко Вас уважающий:»

²⁴ Имеется в виду ЦК ВКП(б).

²⁵ Речь идет о знаменитом выступлении Жданова о музыке Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна.

²⁶ Письмо без даты, но по письму Ильина к Мельгунову (см. ниже) его можно отнести к марту 1948 г.

²⁷ *Херасков* Иван Михайлович — публицист, автор многочисленных статей в «Возрождении».

²⁸ *автор* — так в рукописи.

²⁹ Фельетон «Реформа эмигрантской прессы» и редакцию Ильина см. ниже в письмах к С. П. Мельгунову.

³⁰ «Суфи» — помещение в Цюрихе, где читались лекции. См. ниже письмо № 19.

³¹ Письмо без даты, но упоминание — «только для единомышленников» (из предисловия к «Нашим задачам») позволяет отнести его приблизительно к марту 1948 г.

³² *Hart auf hart!* (нем. hart auf hart) — твердо так твердо.

³³ *Merci. Je (фр.)* — Спасибо. Я.

³⁴ Письмо без даты, но содержание позволяет отнести его к марту 1948 г.

³⁵ Так в рукописи.

³⁶ Так в рукописи.

³⁷ Откретка.

³⁸ Письмо без даты, но упоминание в нем о бюллетене № 2 позволяет отнести его к началу 1948 г., и мы помещаем его перед письмом, в котором упоминаются последующие номера «Наших задач».

³⁹ Имеется в виду Наталия Николаевна.

⁴⁰ *Байкалов* Анатолий — автор «Возрождения».

⁴¹ *Чаплин* — не установлен.

⁴² Речь идет о знаменитых провокаторах среди белой эмиграции (в частности, в РОВСе).

⁴³ В переписке Ильина со Шмелевым было шутовское стихотворение с таким названием.

⁴⁴ Речь идет о Адамовиче Георгии Викторовиче (1892 — 1972) — поэте и литературном критике.

⁴⁵ *Лоллий* Иванович Львов (1888 — 1967) — поэт, журналист, неизменный сотрудник всех изданий П. Б. Струве.

⁴⁶ Бюллетень из «Наших задач» (см.: наст. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 29 — 35).

⁴⁷ *Энненда* (Ennenda bei Glarus) — поселок в пригороде Гларуса, где жили Офросимовы.

⁴⁸ Так иногда шутовски подписывался Ильин. Здесь эта подпись особенно ясна, так как в упомянутой статье «О конспирации в Зарубежье» он использует этот псевдоним.

⁴⁹ Письмо без даты, но по упоминанию 60-летия Лоллия Ивановича Львова определяем его дату как первую половину 1948 г.

⁵⁰ *Хемницер* — не установлен.

⁵¹ Игра слов.

⁵² *Гроций* Гуго де Гроот (1583 — 1645) — датский юрист, социолог, один из основателей теории естественного права и науки международного права.

⁵³ Упоминается *Даватц* Владимир Христианович (1883 — 1944) — математик, приват-доцент Харьковского университета, известный публицист, офицер белой армии, редактор многих газет: харьковской «Новой России», крымских «Юг России» и «Таврический Голос», в эмиграции — белградской «Новое Время», парижской «Россия и Славянство», давнишний друг И. А. Ильина. Во время второй мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии, погиб в бою в ноябре 1944 г.

⁵⁴ *Куриков* — не установлен.

⁵⁵ Вышло ли это издание, комментатору не известно.

⁵⁶ Распродано.

⁵⁷ *Deo favente* (лат.) — Бог поможет. Далее зачеркнуто начало следующего абзаца: «Вы сделаете мне великое одолжение, если бросите это письмо в Гларусе». Рядом на полях написано: «отменено».

⁵⁸ *Эйдогеноссы* <Eidgenossen>, *craignez Dieu!* (нем.-фр.) — Граждане Швейцарии, бойтесь Бога!

⁵⁹ Письмо без даты, но ее легко восстановить по упоминанию в нем выступления Шмелева в Швейцарии в 1948 г.

⁶⁰ Упоминается Николаевский Б. И.

⁶¹ *Дейн.* — не расшифрован.

⁶² *Далин* (Давид Юльевич Левин) — меньшевик.

⁶³ *Граббе* — не установлен. Это может быть протоиерей Георгий Граббе или его отец барон Граббе.

- ⁶⁴ Упоминается Рыбинский Н. З.
- ⁶⁵ Над этим словом написано: «повторяется».
- ⁶⁶ *Нафанаил* (Львов) — епископ, духовный руководитель Русского Христианского Союза Молодых Людей.
- ⁶⁷ *ЦРК* — Церковный Русский Комитет.
- ⁶⁸ Имеется в виду слово «совестно» (см. письмо от 5.02.1950).
- ⁶⁹ *Minderwertigkeitskomplex* (нем.) — недоброкачественный комплекс.
- ⁷⁰ *лалаламентации* (от нем. Lamentation) — жалоба, вопль.
- ⁷¹ То есть жене Офросимова.
- ⁷² Телеграмма на немецком языке: «Offrosimoff — Vögeli Ennenda — Es behut Euch Gottes Hand seiet glücklich mitenand, knacket frisch des Lebens Nüsse, viele schein schöne Grusse». В тексте мы даем дословный перевод с немецкого З. Г. Антипенко, а ниже ее же поэтический перевод:
- Да хранит вас длань Господня.
Шлем сердечный вам привет.
Жизнь — орешек! Не пасуйте!
Мигом щёлк его и — нет!.
- ⁷³ Открытка.
- ⁷⁴ *Discretissime!* (ит.) — скромнейшая!
- ⁷⁵ По-видимому, конец какого-то письма.
- ⁷⁶ Шуточная подпись Ильина.
- ⁷⁷ Речь идет о бюллетенях «Наших задач».
- ⁷⁸ Открытка. Адрес на открытке: Signore Giorgio Ofrossimow-Vögeli Ennenda bei Glarus
- ⁷⁹ *Voilà* (фр.) — вот.
- ⁸⁰ *Мюр-и-Мерилиз* — до революции название универсального магазина на Петровке в Москве; в 20-х гг. — магазин Мосторга.
- ⁸¹ *траубы* (от нем. Traube) — гроздь, кисть; виноград.
- ⁸² То есть расположенной за *Padanus*, так древние римляне называли реку По.
- ⁸³ *крейц унд квэр* (от нем. Kreuz und quer) — во все стороны, во всех направлениях; вдоль и поперек.
- ⁸⁴ *дугъ живот* (серб.) — долгая жизнь.
- ⁸⁵ Надо понимать так, что от Рыбинского нет известий.
- ⁸⁶ Открытка.
- ⁸⁷ Шуточная подпись Ильина.
- ⁸⁸ Из «Наших задач».
- ⁸⁹ Шуточная подпись Ильина.
- ⁹⁰ Речь идет о письме Романа Гуля. Архив И. А. Ильина, кор. 63, д. 3. Машинопись. Приводим его полностью. Подчеркивания в тексте сделаны рукою И. А. Ильина. В архиве Йельского университета хранится второй машинописный экземпляр этого письма и рукописный черновик с внесенными в него исправлениями Гуля.

<Р. Гуль — И. А. Ильину>

НАРОДНАЯ ПРАВДА

LA VÉRITÉ DU PEUPLE

253, rue Lecourbe, Paris-XV-e

Проф. И. А. Ильину. Цюрих-Цолликон. Целикерштрассе 33.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Когда перед моим отъездом из Швейцарии Вы звонили по телефону и просили меня Вам «обязательно позвонить», я этого не сделал

не по недостатку времени. Я НЕ ХОТЕЛ Вам звонить, ибо мое посещение Вас оставило у меня крайне неприятный душевный осадок. И вот почему. Вы, напр<имер>, сочли уместным говорить о моем сменовеховстве в тоне не особенно тактичном. Я вам ответил, что своего сменовеховства я из своей жизни не вычеркиваю, от него не стесняюсь и уж, конечно, ни перед кем не извиняюсь. Мое сменовеховство было для меня большим внутренним переходом от одной общественной группы (если угодно «класса») к другой. От белой армии и всего с ней связанного – к массам трудящихся, к народу, к тем, что зовутся униженными и оскорбленными. В своей антибольшевистской борьбе я остаюсь на этих же позициях. Поэтому мне близки как раз те общественно-политические группы (социалистические и радикальные), кот<орые> у Вас, как у идеолога РОВСа и автора «Наших задач» вызывают только раздражение и доктринерскую нетерпимость. Но я считал и считаю духовной ограниченностью невозможность для человека общаться с людьми иных антибольшевистских, общественно-политических взглядов. Поэтому я и общался охотно с Вами, приезжая в Швейцарию в 1947—48 гг. Вы меня приглашали, я приезжал. Я Вас ценил и любил, как ученого, учась у Вас в Моск<овском> Унив<ерсите>те. Я полагал, что при политических расхождениях у вас есть и всегда будет общая тема и общий язык — тема России, судьбы нашего народа. И наконец – просто обычные человеческие отношения. Так все это и было в 1947—48 гг. Но вот я стал выпускать «Нар<одную> Прав<ду>» и стал членом ненавистой Вам Лиги и Вы, пригласив меня, заговорили иначе. Не мне Вас учить. Но зачем же Вы меня тогда приглашали? Для того, чтоб говорить мне, что Вы получили из Аргентины (от Солоневича?) предупреждение против редактора «Нар<одной> Прав<ды>». Для того, чтоб Ваша супруга меня за чайным столом спрашивала: «а кто у вас в группе советский агент?» Je ne discute pas avec les femmes <Я с женщинами в дискуссию не вступаю.> Но все же, согласитесь, что это не столь уж замечательный вопрос. Но вернемся к вопросу о «смене вех». Только теперь уж не к моей, а к Вашей. В 1914—16 гг. я Вас знавал (как тогда выражались) «передовым», будирующим против существующего строя, радикальным приват-доцентом, другом (политическим) Е. Д. Кусковой. В эмиграцию Вы приехали уже совсем иным, «сменившим вехи» (и весьма глубоко!): — «православным националистом». Когда-то в Палате Общин на нападки оппозиции что «он часто меняет политические убеждения», Черчилль отвечал: «я не так глуп, чтобы прожить всю жизнь с одними убеждениями». Думаю, что Черчилль прав, хотя Мельгунов этого никогда не поймет. Перемены Вашего духовного лица я старался понять. Но вот к власти пришел Гитлер и Вы стали прогитлеровцем. У меня до сих пор среди вырезок статей имеются Ваши прогитлеровские (из «Возрождения» и др.) статьи, где Вы рекомендуете русским не смотреть на гитлеризм «глазами евреев» и поете сему движению хвалу! признаюсь, ЭТОГО изменения Вашего духовного лица я НИКАК НЕ ПОНИМАЛ И НЕ ПОНИМАЮ. Как Вы могли, русский человек, пойти к Гитлеру? Заметим в скобках, что категорически оказались правы те русские, кот<орые> смотрели на Гитлера «глазами евреев». Но не понимая В<ашей> былой прогитлеровской позиции я все же не пы-

тался и не пытаюсь бросать в Вас какими-то подозрениями, а я ведь тоже со стороны многих моих друзей получал предупреждения против редактора «Наших Задач». Я приходил к Вам не как к бывшему русскому прогитлеровцу, а как к Ильину. К какому-нибудь иному русскому прогитлеровцу я просто бы никогда не вошел в дом. Статьи, когда Вы, говоря о сменовеховцах, упомянули имя генерала Скоблина, то Вы были не правы. Генерал Скоблин никогда не был сменовеховцем.

Он был ЦЕЛИКОМ ВАШ, рыцарь белой идеи. И не он один — Слашев, Монкевиц, Махров, Говоров, имена их ты, Господи, веши! Вы идеолог РОВСа, а Скоблин был без пяти минут председатель РОВСа и был главным его воротилой. Конечно, среди сменовеховцев, кот^{орых} я уважал и уважаю и которые заплатили за свое сменовеховство жизнью, были, вероятно, тоже проходимцы, предатели и подлецы. Но кто и где от этого застрахован? Вот Вы, напр^{имер}, сотрудничали в «Возрождении» среди невероятных мерзавцев и агентов большевиков. Вы сотрудничали одновременно с Ник. Рошиным, Львом Любимовым, М. Артемьевым (Броншtedтом), ген. Скоблиным и его другом «Али-Баба». И наконец в Вашем собственном журнале «Русский колокол» Вы сотрудничали с ген. П. Красновым, кот^{орый} был просто-напросто изменником своему народу. Я знаю, что с этой оценкой Краснова Вы теперь согласны. Я, конечно, далек от мысли упрекать Вас в том, что Вы пачкались, сотрудничая со всеми этими господами. Но почему же Вы хотите, чтоб я был ответственен за каких-то господ из «Накануне».

Но в конце концов вопрос о Вашей и моей смене вех не так уж важен. Гораздо хуже иное. Во время нашего разговора Вы говорили вещи, кот^{орые} вызывают во мне непреодолимое духовное отвращение. Так, напр^{имер}», Кравченко для Вас оказался «чекист и жид». А когда я Вам сказал, что Кравченко и не чекист и не еврей, то Вы категорически это «опровергли» тем, что Вы видели его фотографию и для Вас этого вполне достаточно. — «Я не был при зачатии его его матерью и потому для меня фотографии достаточно!», сказали Вы. Итак, сего числа Кравченко произведен проф. Ильиным в евреи. Это не новость. Вся правая эмиграция заговорила так, когда оказалось, что Кравченко не правый, а левый. Конечно, Ваше утверждение отдает антисемитизмом самого дурного вкуса. И я, простите, теряю разницу между проф. И. А. Ильиным, прогитлеровцем 1933—34 гг. и И. А. Ильиным 1949 года? Но еще хуже то, что Вы говорили об еп^{ископе} Иоанне Шаховском. Сославшись на авторитет какого-то В^{ашего} друга, православного иерарха, Вы назвали его «жиденком», потому что у него мать еврейского происхождения. Мне это глубоко отвратительно. Я уверен, что если б этот Ваш иерарх увидел бы даже живого Христа, то не нашел бы для него иного названия. Как Вы не отстраняетесь от Маркова II-го (а это, кажется, единственный из всей черной сотни от кого Вы хотите отстраняться), но в Вашем «жиденке» звучат те же мотивы. И когда В^{аша} супруга при этом начинает развивать «известнейшую теорию» об ответственности евреев за русскую революцию, а Вы сию теорию поддерживаете, то, право же, это и Марков и Гитлер. Но займемся логикой. Для Вас, как Вы сказали, «раса, кровь,

наследственность» незыблемы. И посему еп. Иоанн Шаховской «жиденок». Но ведь по этому самому и Вы, Иван Александрович, окажетесь не очень-то русским! Ваш старый друг, москвич, хорошо знающий всю историю Вашей семьи (и Вас и Вашего брата) говорил мне, что Ваша матушка была немецкого происхождения. Я это слыхивал еще студентом в Москве. И вот получается, что в идеологе русского национализма и православном философе чисто русской крови не очень уж много? М<ожет> б<ыть> Ваш подчеркнутый русизм имеет под собой именно эту «ущемленность»? Такой «рефлекс» вполне возможен. Недаром, у нас в России существовали ведь даже «истинно русские немцы».

Но закону. Так как мне после моего последнего посещения Вас было бы неприятно с Вами встречаться, то я хочу считать наше знакомство законченным. Так будет разумнее. Оказалось, что не всегда и не все могут перепрыгнуть через заборы «общественно-политических разногласий». Прошу Вас не отвечать мне на это письмо, тем более, что Вы все равно ведь боитесь подписывать Ваши письма, пища их даже Вашим старым московским друзьям? (Вы боитесь подписывать свои письма и Ваши «Наши задачи», а Кравченко не побоялся поставить на карту свою голову, затеяв открытый процесс против большевиков в Париже! Оцените хоть это! Смелость в борьбе — немалая ценность в наши трусливые дни!)

Желаю В<ам> и В<ашей> супруге всего лучшего в В<ашем> бытии

Ваш: Роман Гуль».

При всей афористичности выжимки Р. Гуля из упомянутой статьи Ильина «Национал-социализм» (Возрождение, № 2906, 1933), а именно, «не смотреть на гитлеризм «глазами евреев», надо отметить, что Гуль искажил точную цитату: «...я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев...»

⁹¹ Меллер-Закомельский Александр Владимирович — барон, принадлежал к крайне правому крылу русской эмиграции, поначалу примыкал к евразийцам, но позже отошел от движения. Создатель различных русских национальных движений в Германии. Редактор газеты «Голос РОНДа» (Берлин, 1933). Автор книги «Евангелист ненависти. Жизнь Карла Маркса» (Берлин, 1938).

Его письма к Ильину находятся в папке «Документы клеветы и обороны» (Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 8).

⁹² Письма Владимира Левашова к Ивану Александровичу находятся в папке «Документы клеветы и обороны» (Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 8).

⁹³ Архив И. А. Ильина, кор. 69, д. 8.

⁹⁴ Письмо без даты, но по его содержанию можно предположить, что оно было написано в сентябре 1949 года.

⁹⁵ Это верно. Гуль ничего точного о матери Ильина не знал, а пользовался совершенно невероятными слухами, распространяемыми Ф. Степуном, о чем свидетельствует следующий отрывок из его письма к Г. В. Оффросимову от 15. II. 1949 (Beinecke rare book and manuscript library, Yale University, GEN MSS 312, Box 1, folder 23):

<...> «Был, в частности, у Степуна. Разговор зашел о мыслителе. Оказывается фамилия его мамы — Лоненберг (дочь протестантского пастора, чистая немка). Впрочем, фамилия подозрительна даже по «неарийской» линии. Вот Вам и история национальной России, вот Вам и «наследственность, кровь, раса». Бог с ним совсем. Степун говорил, что эта немецкая половина всегда была больным местом Ильина, ибо если бы его мама была бы Ильина, а папа Лоненберг, то он бы и сам был Лоненберг, увы! «Какой ужас! Ужас какой!» Но довольно о гадостях». <...>

На самом деле мать Ильина — Екатерина Юльевна была урожденная Швейкерт, немка, но к фамилии Лоненберг никакого отношения не имела, о чем свидетельствуют документы, опубликованные в предыдущем томе. Приведем еще одно «правдивое» свидетельство — воспоминание Г. А. Лемана-Абрикосова. Из него ясно, как подобные слухи возникают: «В заключение хочется отметить, что та «сухость», тот анэротизм, кот<орые> Бердяев отмечал в Ильине, был свойственен и жене его — Наталье Николаевне. Не в укор им будь сказано, их супружеский союз несколько походил на сожительство двух старых дев. Оба жили умственными интересами, весьма их взаимно уважая друг в друге. Помню, с каким благоговением Ив. Ал-дрович рассказывал мне о занятиях его жены романтиками, увлечении Новалисом и т. п. Но было совершенно противоестественно представить их папой и мамой, и у них, конечно, не было детей. Не в плане глубинных пластов души, не в неразделительностном слиянии протекала их супружеская жизнь. Как я только что говорил о том, что Ив. Ал-дрович стоял вне церковной ограды, так я мог бы сказать, что он стоял и вне ограды брака. *Такова судьба людей лишенных священного огня эроса.* Прошло с тех пор, о которых я повествую, без малого сорок лет, как я неожиданно узнал, чем окончилось супружество Ильиных. Они покинули наш Союз в 1922 году. И там, за границей, не знаю, при каких обстоятельствах, Наталья Николаевна бросила мужа. И, как ни странно, перешла к Борису Петровичу Вышеславцеву. А странно это вот почему. *Вышеславцев* по своей натуре был полной противоположностью Ильину. Насколько Ильин был страстно устремленный человек, настолько Вышеславцев был натурой не столько, пожалуй, вялой, сколько пассивно отдающейся, наслаждающейся, хотя бы и умственным трудом, и это «гутирование» жизни предпочитавшей какой бы то ни было борьбе. Нетрудно себе представить, какое раздражение и даже презрение должен был он вызывать в Ильине. Мне рассказывали об этом проявлении враждебности Ильина к Борису Петровичу следующее.

Отмечался какой-то юбилей Фихте-старшего. Одно из университетских обществ посвятило этому юбилею особое заседание. У Вышеславцева была большая диссертация, посвященная Фихте — «Этика Фихте». Поэтому, вполне естественно, ему было предложено сделать на этом заседании доклад. Во время этого доклада супруги Ильины сидели рядом. Иван Александрович все время делал Наталье Николаевне иронические замечания в адрес Вышеславцева и его высказываний. Казалось, супруга разделяла такое отношение своего мужа к докладчику. И вдруг это неожиданное известие, что она ушла именно к Борису Петровичу Вышеславцеву. Произошло все это, конечно, когда

Ильины были вне моего поля зрения и поручиться за верность этого известия я не имею права, хотя могу сказать, что лицо, мне это сообщившее, обладало способностью многое знать, чего наш брат не знал — бывают такие люди» (ОР РГБ, ф. 2186, к. 1272, ед. хр. 5, лл. 7 – 10).

С легкой руки Василия Зеньковского год рождения И. А. Ильина во многих энциклопедиях ставят ошибочным — 1882, правильно 1883. А в своих комментариях к письмам И. А. Ильина к П. Б. Струве публикатор и комментатор Н. Струве лихо пишет: «Наталья Николаевна (р. Алексеева, сестра философа Н. Н. Алексеева) — жена И. А. Ильина...» (см. Вестник РХД. № 171. С.137). Комментарий, ничего общего с Натальей Николаевной Вокач-Ильиной не имеющий, кроме того, что далее идет речь о ее книге «Изнанние норманнов». Можно сделать одно грустное наблюдение: «правда» никогда не бывает слухом, «неправда» — всегда!

⁹⁶ Точнее: «Заголимся и обнажимся». См.: Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. — Л., 1980. — С. 52.

⁹⁷ О Романе Гуле.

⁹⁸ То есть Гуля.

⁹⁹ Письмо без даты, но по содержанию его можно отнести к сентябрю 1949 г.

¹⁰⁰ Имеется в виду Р. Гуль.

¹⁰¹ Подразумевается С. П. Мельгунов.

¹⁰² Письмо без даты, но его содержание позволяет датировать его осенью 1949 г.

¹⁰³ Имеется в виду Б. И. Николаевский.

¹⁰⁴ Шуточная подпись Ильина.

¹⁰⁵ Так в тексте.

¹⁰⁶ Открытка.

¹⁰⁷ Письмо-шутка без даты, но приблизительно его можно отнести к осени 1949 г.

¹⁰⁸ «Месьё! Сеньоре!

От чрезвычайного напора фёна в горах в голове мешанина. Спускаю тебе на воду корабль, да гляди, чтобы киль его не обсади моллюски, по-русски, «Выкидьши» Мель-Лгунова. Большое спасибо. Килограмм мерси куда больше грамма мерси. Я прочел и возвращаю. Слыхали ли вы, что содеялось в Фуссене? Смейтесь, любезный!

Побираю тебя, Рим, голыми руками, дайте же оружие для защиты. До свидания».

¹⁰⁹ 25 декабря по новому стилю.

¹¹⁰ Письмо без даты, но упоминание ключевого слова «расчленишь» позволяет отнести его датировку к концу 1949 или к началу 1950 г.; в 1950 г. Ильин выпустил пять бюллетеней (№ 101—105) «Что сулит миру расчленение России».

¹¹¹ *amicus Plato etc. (lat.)* — верный Платон и т. д.

¹¹² Упомянут Муссолини Бенито (1883 — 1945) — фашистский диктатор Италии. Создатель доктрины фашизма как реакции на масонство, либерализм и социализм.

¹¹³ *La massoneria, questa lue morale (ur.)* — Масонство — это грязная мораль.

¹¹⁴ Ключников Юрий Вениаминович (1886 — 1938) — политический деятель, специалист в области международного права. В 1919 г.

уехал за границу. Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921). В 1923 г. вернулся в СССР. В 1937 г. был арестован, а в 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

¹¹⁵ *Устрялов* Николай Васильевич (1890 — 1937) — правовед, философ, политический деятель. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. Идеолог «национал-большевизма» («сменовеховства»). В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937-м арестован, приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

¹¹⁶ *Федотовщина* — то есть статьи и взгляды Георгия Петровича Федотова (1886 — 1951) — русского историка, культуролога, публициста.

¹¹⁷ *Iue di naso* (ит.) — выделение из носа.

¹¹⁸ *Бунин* Иван Алексеевич (1870 — 1953) — русский писатель и поэт. С 1920 г. в эмиграции.

¹¹⁹ Открытка.

¹²⁰ Письмо без даты, но по содержанию оно относится к апрелю 1950 года.

¹²¹ Митрополит Анастасий (Грибановский) Александр Александрович (1873 — 1965) — ректор Московской семинарии (1901), епископ Серпуховской (1906) и Холмский — (1914), архиепископ Кишиневский (1914). Эмигрировал в 1919 г. Сначала опекал Русскую Церковь в Константинополе, с 1924 по 1935 г. возглавлял русскую православную миссию в Палестине. В 1936 г. после смерти митрополита Антония (Храповицкого) возглавил Русскую зарубежную (Синодальную) Церковь. С 1950 г. жил в Нью-Йорке.

¹²² «Религиозный смысл сомнения» — глава из труда Ильина «Аксиомы религиозного опыта».

¹²³ Айхенвальд Юлий Исаевич попал под трамвай 17 декабря 1928 года в Берлине.

¹²⁴ Имеется в виду С. П. Мельгунов.

¹²⁵ Статья С. П. Мельгунова против «Наших задач» была опубликована в журнале «Возрождение» (№ 8, Париж, 1949).

¹²⁶ фон Лампе. Одновременно С. П. Мельгунов направил следующее письмо И. А. Ильину (копия этого письма (машинопись) находится в Колумбийском университете, США, фонд фон Лампе, кор. 5, переписка):

«Копия. 23-IV 50.

Дорогой Иван Александрович,

Был у меня Лампе, весьма удививший меня своими словами с ссылкой на Вас. Он заявил мне, что моя в № 8 «Возр<ождения>» о «Наших Задачах» вызвана желанием моим сосчитать с Вами на спине <P>ОВС, а мои счеты с Вами объясняются тем, что мы поссорились с времени писать в «Возрождении». Сказал Лампе, что это знает непосредственно от Вас. Я был удивлен и заявил Л<ампе>, что о споре нашей узнал впервые. Указал ему, что заметка моя направлена была непосредственно против <P>ОВС, ибо анонимные выступления с моей точки зрения не имеют большого общественного значения. Сказать, что и впредь буду выступать против вредных, с моей точки зрения вредных, высказываний в печати и что не согласен с мнением Лампе о необходимости полемики только «влево».

Сообщите, пожалуйста, находимся ли мы с Вами в состоянии ссоры. Ваше указание на то, что Вы ограничиваете свою переписку необходимым минимумом, я никак не могу понять, как разрыв сношений. Поэтому я был удивлен заявлением Лампе.

Жму руку и целую ручки Н<аталии> Н<иколаевне>.
Ваш С. Мельгунов».

¹²⁷ Имеется в виду *Яценко* Александр Семенович (1877 — 1934) — издатель, библиограф, правовед. В 1921 г. издал 9 номеров библиографического журнала «Русская книга» (в 1922—1923 гг. «Новая русская книга»). Именно о трех книгах (номерах) этого журнала идет речь.

¹²⁸ Письмо без даты, но упомянутые номера «Наших задач», подготовленные Ильиным, позволяют отнести это письмо к первой половине 1950 г.

¹²⁹ *монсун* (нем. Monsun) — муссон.

¹³⁰ Это пять знаменитых бюллетеней из «Наших задач» «Что сулит миру расчленение России».

¹³¹ *Чухнов* Николай Николаевич — журналист, издавал в Белграде еженедельник «Наше будущее», 1924 — 1925.

¹³² Искаженная Ильиным фамилия *Глазенапа* Петра Владимировича (1882 — 1951) — генерала, участника первой мировой войны и Белого движения (главным образом на Северо-Западе), проживавшего потом в Берлине, бывшего одним из лидеров «Российского антикоминтерна» и создавшего в 1948 г. военную организацию «Союз Андреевского флага» в расчете на поддержку бывших немецких военных кругов.

¹³³ Искаженная Ильиным фамилия *Скородумова* М. Ф. — генерала, командовавшего «Русским корпусом», созданным осенью 1941 г. в Югославии. Поначалу он был поставлен немцами во главе «Управления по делам русской эмиграции».

¹³⁴ *inclusive* (фр.) — включающий в себя.

¹³⁵ Мария Кирилловна — не установлена. Может быть, мать или теща Г. В. Офросимова.

¹³⁶ *Enfin* (фр.) — наконец.

¹³⁷ *Vierwaldstättersee* (нем.) — Фирвальдштетское озеро.

¹³⁸ *зитцунг* (нем. Sitzung) — сеанс.

¹³⁹ И тому подобное.

¹⁴⁰ *Левин* Семен Яковлевич — торговец, с 1927 г. член масонской ложи «Гермес».

¹⁴¹ Письмо без даты, но содержание позволяет отнести его к сентябрю 1951 г.

¹⁴² *s'il Vous plait* (фр.) — как Вам угодно.

¹⁴³ Речь идет о газете «*Die Tat*» (нем. — дело).

¹⁴⁴ *Фишер* Екатерина Сергеевна — почитательница Шмелева, оказывавшая ему материальную поддержку.

¹⁴⁵ Письмо написано на немецком языке. Автограф (черновой), по-видимому, предназначался для перепечатки Офросимову. На нем сверху пометка по-русски рукою Ильина «вернулся», что может означать только одно: возвращение из больницы. Перевод с немецкого осуществлен З. Г. Антипенко.

¹⁴⁶ Открытка без даты, но болезнь Ильина — инфаркт в августе 1951 г. — позволяют сделать соответствующую датировку.

¹⁴⁷ *национальрата пфанкухены* (Nationalrat Pfannkuchen) – национального совета блины.

¹⁴⁸ Настоящее и последующие письма без даты. Установить их даже приблизительную датировку не удастся.

¹⁴⁹ Госпоже др. Х. Расовой Дольдерштр<ассе> 4. Тел. 24-20-37:

Обращаться через фрейлин Эмму Болльманн и профессора Ильина. Издатель детской литературы, коих немало в Швейцарии.

¹⁵⁰ *Маклаков* Василий Алексеевич (1869 — 1957) — один из лидеров кадетов. В 1917 г. посол России во Франции. После Октябрьской революции в эмиграции.

¹⁵¹ Продолжение письма отсутствует.

ПИСЬМА К С. П. МЕЛЬГУНОВУ

¹ *Мельгунов* Сергей Петрович (1879 — 1956) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Сотрудничал в различных газетах и журналах — «Русские ведомости», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль» и др. После Февральской революции член ЦК Трудовой народно-социалистической партии. После подписания Брестского мира вступил на путь борьбы с большевистским режимом. В 1920 г. арестован по делу так называемого «Тактического центра», а в 1922 г. лишен гражданства и выслан за границу. В 1926 г. обосновался в Париже. Автор известных книг о революции, гражданской войне и красном терроре.

² Настоящая коллекция из 5 писем касается в основном работы над фельетоном «Реформа эмигрантской прессы», который Мельгунов предложил отредактировать Ильину, и представляет собой машинопись (2-е экз.). Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6.

³ *импондерабельный* (фр. *impondérable*) – неопределенный, неуловимый.

⁴ *Сумароков* Александр Петрович (1717 — 1777) — русский писатель, один из видных представителей классицизма.

⁵ *Тредиаковский* Василий Кириллович (1703 — 1768) — русский поэт, филолог, академик.

⁶ *Хемницер* Иван Иванович (1745 — 1784) — русский поэт-баснописец.

⁷ *Княжнин* Яков Борисович (1740/1742 — 1791) — русский драматург, поэт, академик.

⁸ *Аблесимов* Александр Онисимович (1742 — 1783) — русский писатель. Автор басен, сатирических стихов, либретто к комической опере.

⁹ Имеется в виду Сергей Петрович Мельгунов.

¹⁰ Речь идет о Сергее Александровиче Левицком (1908 — 1983) — философе, писателе, публицисте и литературоведе, опубликовавшем в издательстве «Посев» в 1948 г. свой первый большой труд «Основы органического мировоззрения».

¹¹ Речь идет об издательстве «Посев».

¹² *Эйзенхауер* Дуайт Дейвид (1890 — 1969) — 34-й президент США.

¹³ *плексус соларис* (лат. *plexus solaris*) – солнечное сплетение.

¹⁴ *Хемницер* — неясно, о ком идет речь: то ли о каком-то эмигрантском публицисте, то ли о баснописце.

¹⁵ *Экс унгле* (лат. *Ex ungue*) — по когтям <узнаем>.

¹⁶ *faux pas* (фр.) — неверный шаг, оплошность.

¹⁷ Интересно, что в тексте первоначально было напечатано «лжа», а потом буква «о» была зачеркнута Ильиным.

¹⁸ Постскриптум.

¹⁹ Цуриков Николай Александрович (1886 — 1957) — окончил юридический факультет Московского университета, служил в Гражданском департаменте Московской судебной палаты и одновременно занимался сельским хозяйством. Воевал и 3 года был в германском плену, затем вернулся в Россию. В 1919 г. вступил в Добровольческую армию. С 1920 г. в эмиграции. Принимал участие в различных политических группировках, защищая и пропагандируя идею непредрешенства и активизма. Публицист, писавший для многих эмигрантских изданий.

²⁰ *узсавцики* (от USA — США) — американцы.

²¹ «*нечаевщина*» — стало нарицательным по имени Нечаева Сергея Геннадьевича (1847 — 1882) — участника российского революционного движения, организатора тайного общества «Народная расправа», автора «Катехизиса революционера».

²² Сперва в тексте стояло слово «ее».

²³ *аптекарский суп* — бомбы, изготовляемые террористами.

²⁴ В Архиве И. А. Ильина имеется машинопись фельетона С. Мельгунова «Реформа эмигрантской прессы», о которой идет речь, и, как написано рукою Ильина, «переработка Мельгунова и Хераскова». Здесь мы приводим вариант с ильинской правкой.

«РЕФОРМА ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ»

Фельетон

На днях сижу и размышляю, что бы такое мне создать, чувствую, что полон творчества.

Вдруг звонок. Беру трубку: «Алло, товарищ профессор, это Вы?» — «Понятно я, кто же еще?!» «С вами говорит товарищ Штучкин, Зам-Пред-Ком-Эм-Пре! Вы не могли бы набросать нам планчик-проектик для обновливания эмигрантской прессы? Мы бы через полчаса заехали к Вам с товарищем Молебновым в мерседесе, прокатились бы в Версаль, ну и за икрой где-нибудь планчик-то и обсудили бы».

Сговорились. Поманил я из передней стенографистку, и без дальнейшего начал.

«Секретно. За разглашение двадцать лет концлагеря». «Приятеля Заместителя Председателя Комитета По Делах Эмигрантской Прессы, Сверхординарного — профессор Хамов».

«Секретным Ячейкам».

«Товарищи!»

Предписывается вам немедленно по получении сего заняться обновлением эмигрантской прессы, стахановски выполняя трехнедельку в два дня, в следующем порядке и на следующих основаниях.

* См. информацию в обзоре «В советской зоне оккупации».

Эмигрантская пресса разделяется на 1. *послушную*, 2. *примируемую*, 3. *непримируемую*.

1. *Послушная пресса*. Немедленно произвести строжайшую чистку с диаматерными вопрошаниями и выкидышами. Обязательная анкета в пять вопросов: а) *Что ты можешь сам по себе?* Ответ должен гласить по МАРКСУ — ничего решительно! б) *Что тебе нужнее всего?* — Ответ должен гласить по ЭНГЕЛЬСУ — беспрекословное послушание! в) *Кто выше МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА?* — Ответ ясен. г) *Назови главного героя мировой истории?* — Ответ ясен. д) *Что ты имеешь добавить к этому от себя?* — Ответ: что прикажут!

Не сумевшие *Вы-Ка-Паться* из анкеты и неверно ответившие — подлежат переводу в лагерь «Мовэ-Кулуар».

Прошедшие чистку различаются по роду исполняемых поручений. *Пресмыкающиеся* — пишут передовицы и фельетоны. Высший оклад. Контрамарки в увеселительные заведения. Одно кило икры в месяц.

Кишечнодышащие — заведуют доносами, допросами, регистрацией, инсинуацией, провокацией, травестицией, обольстицией и прочим злоуханием. Средний оклад с наградными и прикладными. Трамабонемента. В месяц: 1 флакон духов от Коти, 100 грамм мышьяку, 1 грамм цианкали; казенный парабеллум.

Брюхоногие — ползают по редакции, исполняют черную редакционную работу. Низший оклад. Сто сигарет в день.

Мягкотелые — метут пол, собирают окурки и пр. Принимают посетителей. Плата поденная. Питаются отбросами.

Контрольный аппарат секретной ячейки сообщает сотрудникам каждый день директивы к исполнению.

2. *Примируемая пресса*. Она должна быть неотложно, но тайно наводнена нашими амфибиями.

«Примируемый» орган прессы, до конца обработанный, отнюдь не должен быть переводим в разряд «послушных»: пусть считается *свободно-сочувствующим*. Это будут наши проходные дворы, а проходные дворы всегда служат незаменимую службу в революции.

3. *Непримируемая пресса*. Она должна служить *разочарованию и компрометации правой и левой эмиграции*, проталкиванием нужных статей. Где нельзя купить сотрудника, там надо *внушать* соответствующие идеи *глупцам и паникерам* или же присылать статьи в *дискуссионном порядке*, вообще не должны делать ставку на глупцов и трусов: как только глупец испугается, так у него сейчас же делается треская шея, он начинает извиваться как угорь — и искать заручку у нас. Заручку надо ему обещать, а когда мы его используем, мы ему покажем и заручку, и затычку...

Авторы статей не должны смущаться явной несбыточностью, нелепостью и контрреволюционностью своих предложений. Вздор, полезный нам, есть великая правда. Ложь, выгодная революции, — истина. Бессмыслица, предписанная нам сверху, научное достижение. Поэтому надо развивать эти темы со всей серьезностью, в строго научном духе и с предписанным вдохновением. Диверсантство должно быть незаметное. Главная задача: не допустить контакта между правой и левой эмиграцией, всех ссорить, всех пугать, разочаровывать, довести до отчаяния и так принять в регистрацию, репатриацию и ликвидацию.

Итак, вот темы и директивы.

1. *Правая* «эмигрантская пресса должна немедленно выдвинуть лозунги *самой крайней, реакционной диктатуры*, с восстановлением помещичьих имений, охранных отделений и порки. Чем реакционнее, тем лучше правый тоталитаризм, правый террор, правая стенка, идеи мести, пыток и кровавых казней. Лет десять тому назад — один мудрец требовал, чтобы эмигрантские юноши и девушки ходили на бойни смотреть и приучаться к крови, — вот это нужный нам стиль. Чем беспощаднее, тем лучше, — левые эмигранты перепугаются и хлынут к нам.

2. Полезно выдвинуть предложение другого мудреца: крестовый поход для освобождения «России» от коммунистов с *принудительным* переводом в католицизм — «православные» испугаются и хлынут под нашего патриарха.

3. Для органов *левой эмиграции* темы, конечно, будут другие: будут левые эмигрантские. За свержение советской власти путем войны готовы: отдать освобождающим державам навсегда все окраины бывшей России с запада, северо-запада, юга и востока. Загнать ее в леса и степи!

Эмигрантские националисты рассвирепеют и хлынут к нам.

Едва успел я дописать инструкцию, как слышу звонок, и мы поехали с товарищами Штучкиным и Молебновым есть икру и смаковать мое творчество.

В. Б.»

В варианте Мельгунова подпись была: «Вася Белибердяев», которую Ильин заменил на «В. Б.».

²⁵ Бердяев умер 23 марта 1948 г.

²⁶ *Игнатов* Илья Николаевич (1858 — 1921) — публицист, критик, один из редакторов газеты «Русские ведомости» (1907 — 1914).

²⁷ *Алданов* (наст. фамилия Ландау) Марк Александрович (1886 — 1957) — прозаик, драматург, публицист.

²⁸ *Мадам Като* — не установлена.

²⁹ *динашеве* (фр.) — обедов превосходных.

³⁰ *динэмприме* (фр.) — обедов преотличных.

³¹ Речь идет, по-видимому, о Федотове Георгии Петровиче. См. коммент. 116 в письмах к Офросимову.

³² *темпи пассати* (ит.) — прошедшие времена.

³³ *Тыркова-Вильямс* Ариадна Владимировна (1869 — 1962) — прозаик, публицист, критик, общественный деятель. С 1918 г. в эмиграции.

³⁴ *Борман* Аркадий Альфредович — публицист, автор «Возрождения».

³⁵ *Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1866 — 1941) — поэт, прозаик, драматург, религиозный философ, литературный критик. С 1920 г. в эмиграции.

³⁶ *Струве* Глеб Петрович (1898 — 1986) — сын П. Б. Струве и его помощник по изданию журнала «Русская Мысль» и парижской газеты «Возрождение».

³⁷ *Степун* Федор Августович (1884 — 1965) — философ, писатель, литературный критик. В 1922 г. выслан из Советской России.

³⁸ *Сергиевский* Николай Николаевич (1875 — 1955?) — прозаик, издатель. В эмиграции с 1917 г.

³⁹ *Карин* С. — автор «Возрождения».

⁴⁰ *Прокопович* Сергей Николаевич (1871 — 1955) — экономист, статистик, общественный и политический деятель. В 1921 г. выслан из Советской России за границу.

⁴¹ *Новиков* Михаил Михайлович (1876 — 1965) — биолог, общественный и государственный деятель. Ректор Московского университета с октября 1917 г. В 1922 г. выслан из Советской России за границу.

⁴² *Керенский* Александр Федорович (1881 — 1970) — политический деятель, адвокат, лидер фракции Трудовиков в IV Государственной Думе, глава Временного правительства. С 1917 г. в эмиграции.

⁴³ *Прасковья* Евгеньевна — по-видимому, жена С. П. Мельгунова.

ПИСЬМА К Н. В. БОРЗОВУ

¹ *Борзов* Николай Викторович (1871 — 1955) — известный русский педагог, историк и преподаватель русской истории, литературы и языка. Родился в г. Глазов, Вятской губернии. Окончил Императорский Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, с дипломом первой степени. Прикомандирован к Министерству Народного Просвещения. С 1897 г. — преподаватель Томской Мариинской женской гимназии. В 1904 г. назначен Инспектором Томского коммерческого Училища Августейшего Имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Занимался общественной и педагогической деятельностью, основал Вечерние высшие Курсы в г. Томске, где читал лекции на кафедре русской истории и литературы. Председатель комиссии по устройству Народных чтений; член Общества распространения народного образования и сельских библиотек в Томске и Томской губернии. Председатель комиссии по устройству воскресных чтений и разумных развлечений просветительского характера в тюрьмах г. Томска. Организатор Народных Курсов и Народного Университета в г. Харбине. Организатор Высших Экономических курсов в Харбине. С 20 ноября 1905 г. — бессменный директор (до 1925 г.) образцовых Харбинских коммерческих училищ Августейшего Имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича и Начальник учебного отдела КВЖД. Гласный Городской Думы и Товарищ Председателя Общественного Управления в Харбине. В 1925 г. после увольнения большевиками переехал из Харбина в Беркли (США). Председатель Школьной городской комиссии (1926 — 1929). В 1929 г. вернулся в Харбин. Директор Харбинского 1-го Реального Училища (1929 — 1931). С 1931 г. Председатель Общества Покровительства и Просвещения Русских Детей в Сан-Франциско. Товарищ Председателя Отдела помощи детям русской эмиграции. Председатель Русского Университетского клуба в Сан-Франциско. Организатор Дня Русского Ребенка и редактор одноименного журнала, издававшегося в Сан-Франциско. Председатель общественного комитета Русских национальных организаций в Сан-Франциско. Председатель Благотворительно-просветительского Фонда им. Ивана Васильевича Кулаева. Воспитатель детей Его Светлости, Светлейшего князя К. Горчакова. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

Настоящая коллекция представляет собой машинопись (2-й экз.) и хранится в Архиве И. А. Ильина (кор. 57, п. 6.)

² На письме стоит более поздняя карандашная пометка И. А. Ильина: «1948 Н. В. Борзову С. Франциско».

³ *Иоанн (Поммер)* (1876 — 1934) — архиепископ Рижский и Латвийский. Убит на своей даче агентами НКВД. Ильин говорит о рукописи К. Е. Климова «Памяти убиенного Высокопреосвященного Иоанна, Архиепископа Рижского и всея Латвии», которая так и не была опубликована. Автограф этой рукописи хранится в семейном архиве Климовых (США).

⁴ Так в рукописи.

⁵ *Ульманис Карл* (1877 — 1942) — лидер партии «Крестьянский союз». В 1934 г. совершил фашистский переворот и стал диктатором в Латвии. В 1936—1940 гг. премьер-министр и президент Латвии.

⁶ *Собинов Леонид Витальевич* (1872 — 1934) — русский певец (лирический тенор), пел в Большом театре с 1897 по 1933 г.

⁷ Речь идет об автобиографической статье Ильина «Что нам делать?» // *День Русского Ребенка*. — Вып. XVI. — Сан-Франциско, 1949. — С. 41 — 45.

⁸ *Ильин И. А. Пушкин в жизни. 1799 — 1837* // *День Русского Ребенка*. — Вып. XVI. — Сан-Франциско, 1949. — С. 48 — 58.

⁹ «*Друкзахе*» (нем. Drucksache) — напечатанная вещь.

¹⁰ *Зайцев Борис Константинович* (1881 — 1972) — прозаик, мемуарист, переводчик. В 1922 г. эмигрировал, выехав с женой и дочерью в Берлин на лечение.

¹¹ На письме есть дата 17 июля 1948 г., но в самом письме И. А. Ильин пишет, что отвечает сразу на два письма Н. В. Борзова — от 28 июля и от 13 августа. Следовательно, это опечатка и письмо надо датировать 17 августа.

¹² *Лампе фон Алексей Александрович* (1885 — 1967) — генерал-майор Генштаба. Летом—осенью 1918 г. вместе с полковником Б. А. Штейфоном возглавил подпольный добровольческий центр в Харькове, который занимался переброской офицеров в Добровольческую армию во время германской оккупации и при Петлюре. Сам прибыл в Добровольческую армию в конце 1918 г. Выполнял различные поручения генерала Врангеля. С 1923 г. в Германии, возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. Ближайший друг Ильина.

¹³ *Ливен Александр Андреевич* — сын светлейшего князя Андрея Александровича Ливена, софийского еврайица, ставшего священником в Софии. Представитель «Братства русской правды» в Прибалтике.

¹⁴ *Савельев Николай Петрович* (1870 — 1962) — генерал-майор Генштаба. В Добровольческой армии с 1918 г. В 1920 г. из Новороссийска эвакуировался в числе больных в Белград. Во время войны выехал в Германию, а затем в Венесуэлу.

¹⁵ *О. Виктор* (Ильенко) (1897 — 1989) — уроженец Сибири, участник Белого движения, священник. В эмиграции служил в Риме, на юге Франции, в Брюсселе (1946 — 1952), затем в Лос-Анджелесе, где был священником в Покровской церкви. Издал книги проповедей. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

¹⁶ *рентироваться* (от фр. rentier — рантие, лицо, живущее на доходы с капитала) — здесь: приносить доход.

¹⁷ *Рябушинский* Владимир Павлович (1873 — 1955) — промышленник и банкир. Образование получил в Московской Практической академии коммерческих наук, стажировался в Гейдельбергском университете в области истории философии, литературы и искусства. Помог Ильину издать «Аксиомы религиозного опыта», во время вычитки текста этого труда полностью ослеп. Сам писал письма Ильину, даже будучи слепым.

¹⁸ «*Кар*» — Благотворительная организация.

¹⁹ На письме стоит более поздняя карандашная пометка И. А. Ильина: «1949 начало», в письме упоминается последнее «только что полученное» письмо Н. В. Борзова от 29 марта.

²⁰ Сказка Ильина «Праведный народ. Древнее сказание» была впервые опубликована в газете «Русский инвалид» (Париж, 1937. — № 103). Второе издание: День Русского Ребенка. — Вып. XVIII. — Сан-Франциско, 1951. Третье появилось после смерти Ильина в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1977. Кн. 129). Все издания были с купюрами. Полностью эта работа напечатана по рукописи Ильина в наст. Собр. соч., т. 6, кн. 2.

²¹ *Бачманов* — не установлен.

²² то есть «перемещенными лицами».

²³ Упоминается А. А. фон Лампе.

²⁴ Имеется в виду Г. П. Струве.

²⁵ Речь идет о двух сонетах 1935 г. «Иоанн Антонович» и «Павел Петрович» бывшей советской поэтессы А. Лисицкой.

²⁶ Имеется в виду Иоанн VI Антонович (1740 — 1764) — российский император (1740 — 1741), правнук Петра I.

²⁷ *Брюсов* Валерий Яковлевич (1873 — 1924) — русский поэт, основоположник русского символизма.

²⁸ *Волошин* (наст. фамилия Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877 — 1932) — русский поэт и акварелист.

²⁹ *Блок* Александр Александрович (1880 — 1921) — русский поэт-символист.

³⁰ И л ь и н И. А. Мировая политика русских Государей// День Русского Ребенка. — Вып. XIX. — Сан-Франциско, 1952. — С. 186 — 191.

³¹ «*пассусы*» — здесь: отдельные места в тексте статьи.

³² Газета в Сан-Франциско.

³³ Два тома писем Ильина и Шмелева, которые будут изданы вскоре издательством «Русская книга», называются «Переписка двух Иванов».

³⁴ *Лейхтенбергский* Георгий Николаевич (? — 1966) — герцог, участник Белого движения, руководил в Киеве организацией «Наша Родина». В эмиграции с 1921 г. Организовал вместе с С. А. Соколовым-Кречетовым и ген. Красновым «Братство русской правды».

³⁵ Николай Николаевич Романов (1856 — 1926) — великий князь, Верховный Главнокомандующий в 1914 — 1915 гг. С 1922 г. поселился на юге Франции в Антибе. С декабря 1924 г. принял на себя верховное руководство русскими военными зарубежными организациями, объединившимися в Русский Общевоинский Союз (РОВС), под председательством генерала П. Н. Врангеля. Был признан «вождем эмиграции» на Всезарубежном съезде в 1926 г.

³⁶ *Виктория Феодоровна* (1876 — 1936) — урожденная принцесса Саксен-Кобургская Виктория-Мелита, двоюродная сестра и жена великого князя Кирилла Владимировича Романова.

³⁷ *Марков 2-ой Николай Евгеньевич* (1866 — 1945) — депутат III и IV Государственной Думы, один из основателей «Союза русского народа», в эмиграции Председатель Высшего Монархического Совета.

³⁸ *Скаржинский Петр Васильевич* — председатель Высшего Монархического Совета с 1940 г.

³⁹ *Солоневич Иван Лукьянович* (1891 — 1953) — общественный деятель, публицист, прозаик.

⁴⁰ *Тальберг Николай Дмитриевич* (1886 — 1969) — юрист, деятель правого русского зарубежья, секретарь Высшего Монархического Совета, публицист, постоянный автор «Двуглавого Орла», ряда очерков по истории Русской Церкви.

⁴¹ *Сургучев Илья Дмитриевич* (1881 — 1956) — прозаик, драматург. С 1920 г. в эмиграции. Автор книги «Детство Императора Николая Второго». См. переиздание (М., 1993).

⁴² *Оллонгрен Вениамин Константинович* (1868 — после 1939) — полковник, комендант Севастополя (1902 — 1916), бакинский градоначальник (1916 — 1917).

⁴³ *Романов Георгий Александрович* (1871 — 1899) — великий князь, брат Николая Второго.

⁴⁴ *Плаксин Борис Николаевич* — театральный деятель, критик, публицист.

⁴⁵ Десятая глава «Аксиом религиозного опыта».

⁴⁶ *Архимандрит Леонтий* — см. письма Ильина к нему ниже.

⁴⁷ Упоминается Иван Сергеевич Шмелев.

⁴⁸ *Миллер Евгений Карлович* (1867 — 1937?) — генерал-лейтенант, генерал-губернатор и Главнокомандующий Северными войсками (1919 — 1920), председатель РОВСа, похищен советскими агентами.

⁴⁹ Пс. 136.

⁵⁰ *Гучков Александр Иванович* (1867 — 1936) — лидер октябристов, военный министр Временного правительства.

⁵¹ *Волковский Николай Максимович* — публицист, критик, проживал в Берлине.

⁵² *Горный Сергей* (наст. имя Оцуп Александр-Марк Авдеевич) (1882 — 1949) — поэт, прозаик. В 1919 г. служил в подразделениях Деникина. После ранения и пленения махновцами выехал на Кипр. С 1922 г. жил в Берлине.

⁵³ *Ермаков Андрей* — поэт.

⁵⁴ См.: Г а б р и ч е в с к и й Г е о р г и й. Обновление интереса к древней русской иконописи в начале нашего века// День Русского Ребенка. — Вып. XVIII. — Сан-Франциско, 1951. — С. 99 — 104.

⁵⁵ Статья в журнале не появилась.

⁵⁶ См.: Письма к разным лицам (IV), коммент. 21.

⁵⁷ *Ильин Владимир Николаевич* (1891 — 1974) — философ, богослов, критик, музыковед и композитор. Входил в группу «евразийцев».

⁵⁸ См. об этом подробно в воспоминаниях прот. Василия Зеньковского «Мои встречи с выдающимися людьми», гл. 12. Владимир Нико-

лаевич Ильин (Записки русской академической группы, Т. XXVI. Нью-Йорк, 1994. С. 37 – 41).

⁵⁹ *Феофил* (в миру Федор Николаевич Пашковский) (1874 — 1950) — митрополит американской православной церкви. В 1935 г. принял личное участие в разработке и подписал все акты «Временного Положения об управлении Русской Православной Церкви Заграницей» в Югославии, на время восстановившие общение американской митрополии с заграничным синодом. Это общение с согласия митрополита Феофила в 1946 г. было прервано решением Кливлендского Собора. (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁶⁰ *Сорокин* Питирим Александрович (1889 — 1968) — социолог. С 1922 г. в эмиграции.

⁶¹ *Кусевецкий* Сергей Александрович (1874 — 1951) — дирижер, контрабасист, музыкальный деятель. С 1920 г. в эмиграции.

⁶² *Вишняк* Марк Вениаминович (1882/1883 — 1975) — политический деятель, публицист, мемуарист. Одноклассник Ильина.

⁶³ Большая часть Пражского архива была перевезена после войны в Центральный Государственный архив Октябрьской революции (сейчас ГАРФ). Часть же попала в США, в частности в Колумбийский университет.

⁶⁴ На самом деле И. С. Шмелев скончался 24 июня.

⁶⁵ Имеется в виду русский православный монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От, неподалеку от Парижа (см.: *С о р о к и н а О. Н.* Московянина. Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994. С. 340).

⁶⁶ *Кутырина* Юлия Александровна — племянница жены И. С. Шмелева Ольги Александровны.

⁶⁷ См. коммент. 12 в письмах Ильина к Офросимову.

⁶⁸ *Волошина* Мария Тарасовна — жена профессора-физика Ф. Е. Волошина, заботившаяся о Шмелеве во время его приезда в Швейцарию (1948 — 1949).

⁶⁹ *Серов* — врач, постоянно лечивший И. С. Шмелева в Париже.

⁷⁰ *Меркулов* — не установлен.

⁷¹ Упоминается Бредиус (урожденная Субботина) Ольга Александровна — русская эмигрантка, проживала в Голландии, почитательница творчества Шмелева.

⁷² *Новгород-Северский* Иван Иванович (1893 — 1969) — поэт, прозаик.

⁷³ *Фишер* Екатерина Сергеевна — см. коммент. 144 в письмах Ильина к Офросимову.

⁷⁴ Здесь упоминается статья К. Е. Климова, о которой в письмах за 1950 г. речь шла как об анонимной; поэтому данное письмо отнесено к 1951 г.

⁷⁵ *Фундаминский* (Бунаков) Илья Исидорович (1879 — 1942) — общественный деятель, публицист, один из редакторов журнала «Современные Записки», член партии эсеров.

⁷⁶ Речь идет о журнале Гукасова «Возрождение», который редактировал в это время С. П. Мельгунов.

⁷⁷ *Глазунов* Александр Константинович (1865 — 1936) — русский композитор и дирижер.

⁷⁸ *Прокофьев* Сергей Сергеевич (1891 — 1953) — советский композитор, пианист и дирижер.

⁷⁹ *Сван* Альфред Юлиус (1890 — 1970) — американский музыковед и композитор английских песен. Родился в Санкт-Петербурге. Учился в Оксфордском университете на факультете права, но активно занимался музыкой. В 1919 г. переехал из Сибири в США. Дружил с Н. К. Метнером, перевел его «Музу и моду» на английский язык. Много писал о музыке Н. К. Метнера.

⁸⁰ США.

⁸¹ *Паалов* Иван Петрович (1849 — 1936) — великий русский физиолог. В «Дне Русского Ребенка» (Вып. XVIII) в разделе «Великие и большие люди нашего прошлого» появились две статьи об И. П. Павлове, о них-то и идет речь.

⁸² *Боткин* Сергей Петрович (1832 — 1889) — великий русский терапевт.

⁸³ *аффидевит* (англ. affidavit) — письменное обязательство о приеме въезжающего в страну.

⁸⁴ *Константинов* П. Ф. — не установлен.

⁸⁵ *Долгополов* Николай Саввич. Был доктором медицины по образованию. В 1930-х гг. в Париже возглавил крупнейшую эмигрантскую организацию Земгор («Земско-городской союз»). (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁸⁶ Имеется в виду книга «Детство Императора Николая Второго».

ПИСЬМА К ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ КИРИЛЛОВИЧУ

Коллекция из 11 писем Ильина к вел. кн. Владимиру Кирилловичу хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 59, п. 7.

Романов Владимир Кириллович (1917 — 1992) — великий князь, сын вел. кн. Кирилла Владимировича. Перенял от отца титул «Глава Дома Романовых». Подробно о нем см.: Назаров М. В. Кто наследник Российского Престола? — М., 1998.

¹ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «В. К. Владимиру Кирилловичу (ответ) 13.XII.1948».

² Речь идет о немецком издании книги Ильина «Сущность и своеобразие русской культуры», составившей три главы из шести будущей книги «О России». Полностью напечатана в наст. Собр. соч., т. 6, кн. 2.

³ Речь идет о брошюре Ильина «О России. Три речи. 1926 — 1933» (София, 1934).

⁴ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «1950» и подписано инициалом «Б», что означает «Белый» (так он подписывал письма к ген. Врангелю).

⁵ Речь идет о ген. А. А. фон-Лампе.

⁶ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «28.VIII.1950» и подписано инициалом «Б».

⁷ См.: Письма к разным лицам (IV), коммент. 21.

⁸ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «5.X.1950» и подписано инициалом «Б».

⁹ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «6.XI.1950» и последний абзац написан рукой.

¹⁰ *Головин Николай Николаевич* (1875 — 1944) — генерал, профессор военного дела, бывший академик Генерального Штаба в Санкт-Петербурге, руководитель «Высших военных курсов» в Париже и Белграде, общепризнанный теоретик военной мысли, автор двух капитальных трудов: «Военные усилия России в Мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917 — 1918 гг.».

¹¹ *Спекторский Евгений Васильевич* (1875 — 1951) — юрист, специалист по истории философии права, с 1920 г. в эмиграции, профессор Белградского университета, председатель Общества русских ученых в Югославии, в 1922 г. председатель второго съезда русских академических организаций в Праге, с 1924 г. профессор русского юридического факультета в Праге.

¹² *Тимошенко Степан Прокофьевич* (1878 — 1972) — ученый в области прикладной механики. С 1919 г. в эмиграции — сначала в Загребе, а с 1922 г. в США.

¹³ *Салазар Антониу ди Оливейра* (1889 — 1970) — португальский ученый-экономист, министр финансов в 1928 г. при правительстве генерала Антониу Фрагозо, глава правительства Португалии (1932 — 1968).

¹⁴ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «7.XI.1950» и подписано инициалом «Б».

¹⁵ Речь идет о брошюре Ильина «Советский Союз — не Россия».

¹⁶ *Белосельский-Белозерский Сергей Сергеевич* — князь, председатель «Российского Антикоммунистического Центра», в который входили 62 политические, общественные, церковные организации, в том числе североамериканский отдел РОВСа и газета «Россия».

¹⁷ Подразумевается ген. А. А. фон-Лампе.

¹⁸ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «15.XII.1950» и подписано инициалом «Б».

¹⁹ *С. П.* — Старый Политик — псевдоним Ильина. Речь идет о его брошюре «О Церкви в СССР» (это, по-видимому, «Номер Первый»). «Номер Второй» — брошюра «Советский Союз — не Россия».

²⁰ Лодыженский.

²¹ фон-Лампе.

²² *Волконская* — не установлена.

²³ *Ивицкий* — не установлен.

²⁴ фон-Лампе.

²⁵ Лодыженский.

²⁶ См.: Письма к С. П. Мельгунову, коммент. 33.

²⁷ *Сикорский Игорь Иванович* (1889 — 1972) — конструктор и ученый в области вертолето- и самолетостроения.

²⁸ *publicity* (англ.) — гласность, реклама.

²⁹ *Лаури Дональд Иванович* (1889 — 1974) — американец, один из руководителей УМКА. Участвовал в планах создания Св. Сергиевского Подворья и издательства УМКА-Press и помогал делу в последующие годы. (Примеч. А. Е. Климова.)

³⁰ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «25.XII.1950» и подписано инициалом «Б».

³¹ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «5.I.1951» и подписано инициалом «Б».

³² Автограф (черновик) без даты, но она восстанавливается по замечанию о 45-летнем юбилее совместной супружеской жизни Ильиных, венчавшихся в августе 1906 г.

³³ Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «2.I.1953». Без подписи.

³⁴ *Альфонс XIII* (1886 — 1941) — король Испании в 1902 — 1931 гг. Низложен в начале Испанской революции 1931 — 1939 гг.

³⁵ *notre métier* (фр.) — наша профессия.

ПИСЬМА К АРХИМАНДРИТУ КОНСТАНТИНУ (КИРИЛЛУ ЗАЙЦЕВУ)

Настоящая коллекция из 9 писем (автографы) хранится в архиве И. А. Ильина, кор. 57, п. 8. Письма публикуются впервые.

¹ *Зайцев* Кирилл Иосифович (1887 — 1975) — юрист, преподавал на юридических факультетах в Праге и Харбине. После смерти жены принял монашество и закончил свои дни как Архимандрит Константин в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

² Ежегодичный богословский сборник, издававшийся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк) с 1950 г.

³ *И е р о м о н а х К о н с т а н т и н*. Два исповедания веры. Николай Бердяев. Самопознание: (опыт философской автобиографии). — Париж: YMCA-Press, 1949. Сергей Булгаков. Автобиографические заметки (посмертное издание)/ Предисл. и примеч. Л. А. Зандера. — Париж: YMCA-Press, 1946//Православный Путь. — Джорданвилль, 1950.

⁴ *катартическая* — от катарсис.

⁵ *катарсис* (гр. κάθαρσις — очищение (в основном от преступления и греха)).

⁶ *Андреев* Иван Михайлович (псевдоним Андриевский) (1879 — 1954) — религиозный деятель. См. ниже отрывки из писем Ильина к нему.

⁷ *in medias res* (лат.) — «в середину дела», в самую суть дела.

⁸ *Бердяев* Николай Александрович (1874 — 1948) — философ, литератор, публицист, общественный деятель. В 1922 г. выслан из Советской России.

⁹ *аутистической* (от гр. αὐτός — сам, один, без других) — своей собственной.

¹⁰ У Бердяева был тик лица и при выступлениях у него вываливался язык.

¹¹ *Тернавцев* Валентин Александрович (1866 — 1940) — религиозный писатель, богослов, чиновник особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода, один из учредителей Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901 — 1903).

¹² *Кульман* Густав Густавович (1895? — 1961) — окончил гимназию в 1913 г. и Юридический факультет университета в 1918 г. Энтузиаст русской культуры, публицист, автор бердяевского журнала «Путь», один из руководителей YMCA, работал в отделе помощи русским беженцам в Европе, помог в деле основания Русского Богословского

Института при св. Сергиевском Подворье в Париже. В 1929 г. принял Православие. Позже работал в Лиге Наций, помогая бесчисленным беженцам 30-х и 40-х гг.

¹³ «*Aber der Satan ist eine sehr nützliche Kraft*»... *Meister vom Stuhle* (нем.) — «но сатана очень полезная сила»... Председатель (буквально — мастер стула).

¹⁴ *Давидов* Алексей Августович — композитор, принадлежал к берлинской ложе «Три Глобуса», в 1923 г. стал 1-м заместителем достопочтенного мастера парижской ложи «Астры».

¹⁵ *Le Symbolisme* (фр.) — символизм.

¹⁶ *Parlons du Diable* (фр.) — беседы с дьяволом.

¹⁷ *L'Acacia* (фр.) — акация.

¹⁸ *Plaidoyer pour le Satan* (фр.) — защитительная речь для сатаны.

¹⁹ Экуменическое движение. См. письмо к К. Е. Климову, коммент. 10.

²⁰ Речь идет о статье прот. С. Булгакова «Иуда Искарот Апостол-Предатель», напечатанной в журнале «Путь», № 26 и № 27, 1931.

²¹ Эти строки Ильина стали известны накануне учреждения 9 февраля 1997 г. Общероссийского общественного движения «Россия Православная», принявшего в качестве государственной и политической идеологии философию И. А. Ильина как одно из многих предвидений русского мыслителя.

²² См. : Письма к вел. кн. Владимиру Кирилловичу, коммент. 29.

²³ *Леонтий* (Барташевич) (1914 — 1956) — епископ Женевский с 1950 г.

²⁴ *Конфуций* (Кун-Цзы) (ок. 551 — 479 до н. э.) — древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства. Основные взгляды изложил в книге «Лунь юй» («Беседы и суждения»).

²⁵ *Кьеркегор* (Киркегор) Сёрен (1813 — 1855) — датский теолог, философ-иррационалист, писатель.

²⁶ *Ясперс* Карл (1883 — 1969) — немецкий философ, ведущий представитель религиозного экзистенциализма, психиатр.

²⁷ *Кирилл* (315 — 386) — св. отец, Иерусалимский архиепископ, аскет, известен как проповедник.

²⁸ *Феофан Затворник* (в миру Говоров Георгий Васильевич) (1815 — 1894) — русский епископ, богослов, проповедник, с 1872 г. жил в затворе. В 1988 г. канонизирован.

²⁹ *тератология* (греч. τέρας — чудовище и λόγος — учение) — наука, изучающая врожденные уродства отдельных органов и целых организмов.

³⁰ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863 — 1920) — философ, правовед, религиозный и общественный деятель.

³¹ *Аскольдов* (настоящая фамилия Алексеев) Сергей Алексеевич (1871 — 1945) — философ, член Петербургского религиозно-философского общества.

³² *Лопатин* Лев Михайлович (1855 — 1920) — философ-персоналист, психолог, друг и последователь Вл. Соловьева, с 1894 по 1917 г. редактор журнала «Вопросы философии и психологии».

³³ *моветон* (от фр. mauvais — плохой, плохо сделанный, дурной, скверный и тон — тон, стиль, манера говорить, держать себя).

³⁴ *Шаховской* Дмитрий Алексеевич (1902 — 1989) — князь, архиепископ Иоанн Сан-Францисский, поэт, писатель, критик, философ и богослов.

³⁵ Машинопись, в которую рукою Ильина вписаны слова «Это межевание» и подпись в конце письма. Второй экземпляр машинописи хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 57, п. 6 и идет вслед за письмом к архимандриту Иову в Мюнхене.

³⁶ *номен ипсум. Илиниана сунт, нон легунтур (лат.)* — за одно только имя. «Илиниана не читабельна».

³⁷ Владимир Павлович Рябушинский смог невероятными усилиями воли и любви своей опубликовать труд Ивана Александровича Ильина «Аксиомы религиозного опыта». Вот отрывок из письма Софьи Михайловны Лукомской к И. М. Андриевскому от 14 июля 1953 г.: «Эта книга своего рода происшествие в духовной жизни Зарубежной Руси. Книги Ильина не находят издателя на русском языке. Их печатают только немцы. И появление этой книги — чудо. Слепнувший В. П. Рябушинский последнее свое зрение пустил на то, чтобы познакомиться с рукописью Ильина, и, познакомившись, решил, что напечатать надо. Как он довел это дело до конца, одному Богу известно. За этот год (прошел год с первого его письма о том, что он предпринял это печатание), он ослеп окончательно. Его последние письма глубоко волнительны: он пишет их ошупью... Так вот, этот старик, бродя по Парижу со своей белой палкой слепца, довел это дело до конца, и теперь заботится о том, чтобы достойно поместить это выведенное им в свет произведение» (см.: Проф. И. А. Андреев. Памяти профессора Ивана Александровича Ильина: (Критико-био-библиографический очерк, вместо некролога)// Православная Русь. — Нью-Йорк, 1955. — № 23. — С. 4).

³⁸ *беневоленция* (от лат. *benevolentia* — доброжелательство, благосклонность, благоволение, милость).

³⁹ *Иов* — не установлен.

⁴⁰ *Zwangsjacke (нем.)* — смирительная рубашка.

⁴¹ Здесь: полная.

⁴² *ὁ γεγραφα — γεγραφα* — что начертано, то начертано.

⁴³ *Макарий Великий (Египетский)* (ок. 301 — 390 или 391) — величайший христианский аскет, молитвенник, автор многих православных молитв.

⁴⁴ *c'est à prendre on à laisser (фр.)* — взять это или оставить.

⁴⁵ Речь идет об издательстве им. Чехова.

⁴⁶ *Navarre* — область в Испании, граничащая с Францией, историческая местность по обе стороны от западных Пиренеев, в прошлом королевство.

⁴⁷ *Власов* — не установлен.

⁴⁸ Вайнбаум *Марк Ефимович* (1890 — 1973) — журналист, публицист, с 1922 по 1973 г. — главный редактор нью-йоркской газеты «Новое Русское Слово».

⁴⁹ Упоминается *Рыбинский Николай Захарович*.

⁵⁰ Проф. *диакон Александр Колесников*. Адвентисты седьмого дня//Православный Путь. — Джорданвилль, 1953. — С. 96—117.

⁵¹ *иеговисты* — представители секты «Свидетели Иеговы», возникшей в США в 1878 г., когда Чарльз Рассел (1852—1916), сын торговца мануфактурой в Питсбурге, отделился от протестантской секты адвен-

тистов Седьмого дня. Благодаря необычайной активности и напору, опирающимся на чисто американскую деловитость и организованность, секта в последние годы насчитывает свыше 3 млн. человек. В современной России эта секта относится к тоталитарным.

⁵² Письмо написано рукою Н. Н. Ильиной под его диктовку.

⁵³ Без даты, но судя по содержанию, «Аксиомы религиозного опыта» вышли в свет, следовательно, это 1953 г.

⁵⁴ *Алексеев* Григорий Александрович — не установлен.

⁵⁵ Упоминается С. Горный-Оцуп.

⁵⁶ *Розанов* Василий Васильевич (1856 — 1919) — русский философ, писатель, публицист.

⁵⁷ «Апокалипсис нашего времени» впервые вышел в Сергиевом Посаде в ноябре-декабре 1917 г. (№ 1 и 2) и в 1918 г. (№ 3 — 10). Ильин, по-видимому, читал работу Розанова в журнале *Версты*, 1927, 2.

⁵⁸ *Мистагог* (гр. μυσταγωγός) — входящий в таинства, посвящающий в мистерии, у древних греков — жрец, совершавший обряды в мистериях.

⁵⁹ *tutti quanti* (лат.) — и всякие другие; и пр. и пр.; поголовно все.

⁶⁰ *авгиевы конюшни* — в древнегреческой мифологии конюшни легендарного царя Авгия, которые не чистились много лет и были, согласно мифу, очищены в один день Гераклом, направившим туда воду реки. Здесь: нечто чрезвычайно загрязненное.

⁶¹ *Василий Великий* (Кесарийский) (ок. 330 — 379) — архиепископ, великий отец и учитель церкви, богослов, философ-платоник, создатель Литургии Василия Великого.

⁶² *Григорий Богослов* (329 — 389) — великий отец и учитель церкви, самоотверженный и преданный друг Василия Великого.

⁶³ *Иоанн Златоуст* (347 — 407) — св. архиепископ константинопольский, великий отец и учитель церкви, проповедник, создатель Литургии Иоанна Златоуста.

⁶⁴ *Палама* или Паламис Григорий (ок. 1297 — ок. 1360) — митрополит солунский, принял участие в споре с Варлаамом Калабрийским и Акиндином о Фаворском свете, доказывая, что свет этот не есть творение, но свет присносуший.

⁶⁵ *Иоанн Дамаскин* (ок. 680 — ок. 780) — известен своей славой ученого и богословски-искусного защитника православия, автор «Догматического богословия».

⁶⁶ *Verte!* (лат.) — поверните. Ильин написал нижеследующую приписку на полях вдоль письма.

ПИСЬМА К М. А. И М. Г. ДЕРЮГИНЫМ

Письма И. А. Ильина к своей ученице М. А. Дерюгиной (урожденной Квартировой) и ее мужу М. Г. Дерюгину находятся в частном архиве Дерюгиной (Париж). Марина Александровна любезно предоставила копии этих писем для публикации в нашем Собрании сочинений, а также свои воспоминания, за что мы выражаем нашу признательность и благодарность.

¹ *Дерюгина* Марина Александровна (урожд. Квартирова) (р. 1916) — ученица И. А. Ильина, участница русского молодежного национального

движения «Русские Витязи», общественный деятель. Ниже приводим ее воспоминания, другая редакция которых была впервые опубликована в журнале «Русское возрождение» (№ 40. Нью-Йорк—Москва—Париж, 1987. С. 193—195).

«Берлин, 1935-й год... После захвата власти национал-социалистами наши русские юношеские организации стоят под угрозой закрытия и все вечерние занятия отменены!

И вот, моя подруга и я слышим, как наши старшие друзья говорят о том, что известный нам всем по его выступлениям профессор Иван Александрович Ильин собирается провести семинар для студентов в области нравственной философии. — Нам, моей подруге и мне еще нет 20 лет и мы не настоящие студенты. Но нам остро хочется участвовать в этом семинаре, но нам говорят: «Это не для вас, вы еще маленькие!» — И мы решаемся на храбрый поступок — спросить самого профессора — можем ли мы участвовать в семинаре? — Пользуясь удобным случаем, мы прямо обращаемся к Ивану Александровичу с вопросом — разрешит ли он нам присутствовать на семинаре? — И. А. улынулся и сказал: «Если вы этого так хотите, то конечно можно!»

И вот — первая лекция, на которой мы присутствуем — еще в столовой одной большой квартиры. С самых его первых слов мы увлечены постановкой вопроса: И. А. требует от нас не «простого присутствия», а активной работы, т. е. умственно, душевно и духовно воспринимать его слова, проверять их на собственном опыте и делиться нашими выводами. «В акт — в опыт!» — призывает он нас.

И. А. замечательный оратор, и он захватывает нас полностью своими изречениями. — Он приводит нам сравнение: «Мы входим в темную комнату, ощупью пробираемся, протягиваем руки и наталкиваемся на что-то живое. Наши пальцы встречаются с волосами, мы ищем голову, но — увы — только волосы — волосы! а головы нет!» Этим сравнением И. А. хотел пояснить нам, что во всех случаях жизни нельзя останавливаться на внешнем, а допытываться до сущности, до «предмета».

После первой лекции нам удается получить в местной школе пустой класс, и последующие занятия проходят в школе. Мы сидим за партами, имеется доска, на которой И. А. может рисунками пояснить нам некоторые вопросы.

В ходе семинара И. А. касался проблем из самых различных областей, но, конечно, в первую очередь он останавливался на вопросах, связанных с верой, а потом касался семьи, воспитания детей и отношения к Родине. — Он отметал самым решительным образом несерьезный подход, не допускал возражения студентов, начинающих с «по-моему...», а требовал подлинного трезвого изучения вопроса «предмета», а реплику «по-моему...» он называл «помоями!» «В предмет» призывал он нас!

Первое, что надо осознать и пережить — это процесс «совестливого акта» — во всей глубине увидеть и различить «добро» от «зла». — Он приводит нам примеры, отчасти из литературы, отчасти из жизни, с одной стороны героизма, а с другой подлости. — Добыть, хотя бы частично, эту очевидность отнюдь не просто, но надо все больше и больше углублять акт совести и прочувствовать его до конца!

Потом — нужна любовь во всяком деле. — А чтобы совершать все это — требуется воля, которую также надо вырабатывать и развивать в себе. Без «волевого акта» все остается не подлинным и не существенным. —

Так вот три фактора — совесть, любовь и сила воли — необходимы для нравственного усовершенствования. И. А. призывает нас в каждом мгновении жизни, которое имеет значение, погружаться и переживать эти три акта. —

И вот, мы трепетно следим за собой — удастся ли нам следовать его требованиям — достигаем ли мы хотя бы изредка «предмета»?

Творчество И. А. было и остается для всех нас верным руководством в духовной жизни.

Вечная ему память!»

² *Квартцов* Алексей Александрович (1911 — 1980) — брат Марины Александровны, ученик Ильина. В 1938 г. с риском для жизни перевез преследуемого философа и его жену из нацистской Германии в Швейцарию.

³ Упоминается Орлов Николай Степанович — русский эмигрант, проживавший в г. Лемго (Германия). Был организатором пропагандистских поездок общества «Russische Bruderhilfe» (Русская братская помощь). Обычно был докладом о положении дел в России и выступление хора. Часто на эти мероприятия приглашался с лекциями И. А. Ильин.

О чудесной истории создания этого общества узнаем из следующего рассказа, переданного нам М. А. Дерюгиной:

«Общество «Russische Bruderhilfe» было создано после окончания первой мировой войны в 20-х годах немецким лютеранским пастором К. Эвербеком в немецком городе Лемго с целью оказания помощи пострадавшим после коммунистической революции русским, в особенности священнослужителям. Мне рассказали, что пастор Эвербек, будучи немецким офицером (в Германии призывали в армию без исключения также и священнослужителей) на Восточном фронте, однажды ночью был послан в ближайшую русскую деревню для реквизиции продовольствия. Он отправился туда в сопровождении нескольких солдат при полном вооружении. Выбрав в деревне дом, который показался ему более богатым, он прикладом винтовки стал стучать в дверь. И вдруг, к его величайшему изумлению, дверь была широко открыта, его и солдат жестаами пригласили войти, и он увидел помещение, переполненное празднично одетыми людьми, которые сидели за богато накрытыми столами. Его усадили также за стол, стали угощать и напоследок наполнили его мешки всякой снедью. К его изумлению, ему объяснили, что нынче Пасхальная ночь, в которую не бывает врагов. Ему дали спокойно выйти и вернуться в свою часть с полными мешками. Этот эпизод произвел на пастора такое впечатление, что он, вернувшись домой в Лемго, с помощью своих собратьев и прихожан создал общество «Russische Bruderhilfe», сознавая весь ужас коммунизма, царившего в России. Для оказания помощи он собирал пожертвования и организовал хор из русских певчих, который давал концерты в церквях, сопровождавшиеся докладами о положении русского населения при большевиках. Хор объездил Германию, Голландию, Бельгию и Данию. Обычно посетители концертов щедро отзывались на просьбу о

помощи. Один из помощников Эвербека, русский, проживавший в Лемго, был Николай Степанович Орлов. В течении короткого времени проф. Ильин, которого Эвербек очень ценил, также сопровождал хор, делал доклады и выступления, и всегда был приглашаем на конференции Общества. Нам, русской молодежи в Берлине, была также оказана помощь в виде оплаты помещения, где происходили собрания и делались доклады. Деятельности «Russische Bruderhilfe», т. е. открытым выступлениям был положен конец национал-социалистами, так как слишком явным было сходство в церковном и религиозном вопросе между нацистами и коммунистами.

Во время Второй Мировой войны многие русские, в особенности пожилые, которые страдали от бомбардировок Берлина, находили приют в тихом Лемго.

Моя семья, т. е. мама, мой муж и я с родившимся ребенком, также провела конец войны в Лемго. Мы все по мере возможности старались помогать русским пленным и забранным немцами на работу девушкам, с которыми нередко очень плохо обращались. Мы впоследствии уехали в Париж, и моя связь с «Russische Bruderhilfe» прервалась, но по-видимому, это общество все еще существует и приносит пользу, несмотря на смерть самого пастора Эвербека и многих других его помощников. На кладбище в Лемго покоятся несколько русских, нашедших там в свое время последнее прибежище.

⁴ Речь идет о немецком издании работы И. А. Ильина «Die Philosophie Hegels als Kontemplative Gotteslehre» («Философия Гегеля как созерцательное учение о Боге»), Берн, 1946.

⁵ Квартирова Наталия Яковлевна (урожденная Комова) — мать Марины Александровны Дерюгиной.

⁶ А. А. Квартиров.

⁷ Миша — Дерюгин Михаил Георгиевич (1914 — 1983) — муж Марины Александровны Дерюгиной.

⁸ Последняя страница письма утеряна. М. А. Дерюгина считает, что это письмо 1946 или 1947 гг. По смыслу более вероятно, что это — 1947-й.

⁹ Срв.: 3 Цар. 17, 2-6.

¹⁰ То есть старшую скаутку; Марина Александровна была активной участницей движения «Русские Витязи».

¹¹ Окончание письма отсутствует.

¹² *Haferflocken* (нем.) — овсяные хлопья.

¹³ Дерюгину.

¹⁴ Речь идет о переводах трудов Ильина.

¹⁵ Речь идет о книге Ильина «Wesen und Eigenart der russischen Kultur» (Сущность и своеобразие русской культуры). Французский перевод первой главы этой книги хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 152.

¹⁶ *élégant et bien lisible* (фр.) — элегантно и достаточно разборчивым.

¹⁷ Судя по объему, это могла быть брошюра Ильина «Яд большевизма». Французский перевод первой главы этой книги хранится в Архиве И. А. Ильина, кор. 151.

¹⁸ В настоящем издании эта фраза переведена на русский язык так: «в течение четырнадцати-пятнадцати столетий» (см.: Т. 6. Кн. 2. С. 376).

¹⁹ *Zeittafel* (нем.) — хронологическая таблица.

²⁰ *Wegweiser* (нем.) — путеводитель, указатель.

²¹ В книге были помещены несколько иллюстраций с обширными ильинскими надписями и пояснениями.

²² Это связано с тем, что 1-е изд. книги вышло в 1942 г., а перевод делали в 1948 г.

²³ *verschiedene Weisen* <gelöst. Die Geschichte der christlichen Ikonographie ist höchst> *lehrreich und berührt* (нем.) — «и из различных примеров приводилась. История христианской иконографии предельно» поучительна и затрагивает. В настоящем издании (см.: Т. 6. Кн. 1. С. 461) выделенная выше в угловых скобках фраза также отсутствует.

²⁴ *Pankreas* (лат.) — поджелудочная железа.

²⁵ *Kräuter-Tee* (нем.) — травяной чай.

²⁶ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись.

²⁷ Речь идет о переводе книги «Сущность и своеобразие русской культуры».

²⁸ Ильин ошибся, правильно: Наталии Яковлевне.

²⁹ Имеется в виду содержание предыдущего письма, от 27 ноября 1950 г.

³⁰ Следовательно, Михаил Георгиевич продолжил работу редактора ильинской книги.

³¹ Марина Александровна ждала ребенка.

³² Может быть, сын Петра Николаевича Врангеля?

³³ Вероятно, от А. А. фон Лампе, с которым Дерюгины дружили.

³⁴ Речь идет о рождении третьей дочери Марины Александровны. В настоящее время Татьяна Михайловна проживает в Мюнхене.

³⁵ *Ich grolle nicht* (нем.) — я не питаю злобы.

³⁶ Так Ильин называл свои произведения. Речь идет о переводе одной из немецких работ Ильина на французский язык.

³⁷ Екатерина, Наталия и Татьяна — дочери Дерюгиных.

³⁸ Издательство ИМКА-Пресс

³⁹ ИМКА-Пресс отклонила этот труд Ильина.

⁴⁰ О каком переводе идет речь, Марина Александровна в настоящее время не помнит.

⁴¹ «энтшпанка» (от нем. *entspannung*) — расслабление или потеря стрессового состояния.

ИЗ ПИСЕМ К И. М. АНДРИЕВСКОМУ И А. Д. БИЛИМОВИЧУ

¹ Мы публикуем отрывки из писем И. А. Ильина к И. М. Андриевскому и к А. Д. Билимовичу по статье первого, подписанной псевдонимом Проф. И. А. Андреев «Памяти профессора Ивана Александровича Ильина (Критико-био-библиографический очерк, вместо некролога)»// Православная Русь. — Нью-Йорк, 1955. — № 23. — С. 1—25. Дело в том, что перед смертью И. М. Андриевский сжег свой архив, в котором находились письма Ильина, и они не восстановимы.

² *Андриевский* Иван Михайлович (1894 — 1974) — философ, психолог, богослов, религиозный и общественный деятель, профессор нравственного богословия в Св. Троицкой Семинарии в Джорданвилле, председатель Пироговского общества (русских психиатров в Америке), редактор «Свято-Владимирского национального календаря».

³ *Шестов* Лев (наст. имя и фамилия Лев (Иегуда, Лейб) Исаакович Шварцман) (1866 — 1938) — философ-экзистенциалист и критик, учился в Московском университете сначала на физико-математическом, потом на юридическом факультете. С 1919 г. в эмиграции.

⁴ *Трубецкой* Сергей Николаевич (1862 — 1905) — князь, философ, публицист, общественный деятель, первый выбранный ректор Московского университета.

⁵ *De profundis* (лат.) — из глубины.

⁶ *Катакомбная церковь*, или тайная церковь, — исторически возникла в Советской России после 1927 г., когда часть мирян, священства и епископата, протестуя против неосторожных действий заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), перестала почитать его. Тем самым она поставила себя в нелегальное положение по отношению к официальной церкви и отделилась от нее. Сергию вменялось в вину перемещение епископов, формирование Синода и инспирирование декларации Синода 1927 г., призывающей духовенство и мирян проявлять лояльность к Советской власти. На это он не имел формальных прав, так как был жив патриарший местоблюститель Петр Крутицкий, который сидел в тюрьме и был полностью изолирован от верующих и мира. Однако с самого начала отделения епископы катакомбной церкви условились в будущем не рукополагать новых епископов. Это автоматически делало катакомбную церковь временным историческим явлением. В середине 50-х гг., с кончиной ее последнего епископа Афанасия Сахарова, перед смертью призвавшего паству вернуться в лоно официального православия, катакомбная церковь прекратила свое существование.

Надо заметить, что И. М. Андриевский во время своего нахождения в Советской России принадлежал к Катакомбной церкви, за что был в 1929—1931 гг. заключен в Соловки.

⁷ Имеются в виду старообрядцы, у которых нет священников.

⁸ Точная цитата из стихотворения «Благодарность»: «Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне/Недолго я еще благодарил». См.: Л е р м о н т о в М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1, — М., 1975. — С. 84.

⁹ *Билимович* Александр Дмитриевич (1875 — 1963) — профессор Киевского университета, математик. С 1920 г. в эмиграции. Большой друг Ильина.

¹⁰ Этот отрывок из письма был сообщен И. М. Андриевскому А. Д. Билимовичем, который и прокомментировал эти строки.

¹¹ «Издательство нашло возможным опубликовать для просвещения россиян целый ряд более чем сомнительных книг, а такого автора, как проф. Ильин, оно не нашло возможным издать. Очевидно книги о духовном возрождении национальной России не созвучны целям, преследуемым фактическими руководителями этого издательства». (Примеч. А. Д. Билимовича.)

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ (IV)

¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись. На рукописи рукою Зиле помечено: «А. И. Лодыженскому», рукою Ильина: «9 янв. 1947».

² Игра слов: «брошюры» и «гроши».

³ Игра слов.

⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись. На экземпляре несколько приписок рукою Ильина: «Сикорскому», «Христос Воскресе!» и факсимильная подпись «И. А. Ильин».

⁵ Это изъяснение комментатору не известно.

⁶ τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον (греч.) — хлеб наш насущный. Мф. 6, 11.

⁷ Такие пропуски во 2-м экз.

⁸ Лютер Мартин (1483 — 1546) — деятель Реформации в Германии. Ему принадлежит перевод Евангелия на немецкий язык. Надо отметить, что Лютер сознательно упрощает язык, например такое слово, как «узрят», которое и в греческом выражено архаичным словом, чтобы придать ему большую сокровенность, Лютер переводит простым «увидят». Последнее слово также встречается в Евангелии, но в других контекстах; однако уже в переводе Лютера они не различаются.

⁹ Бунина.

¹⁰ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись. На экземпляре несколько приписок рукою Ильина: «Весна 1947», «Послано друзьям в Париж» и последний абзац вдоль письма с датой «Весна 1948».

¹¹ Нольде Борис Эммануилович (1876 — 1948) — юрист, публицист, мемуарист, выпускник Санкт-Петербургского университета, с 1917 г. профессор Петроградского университета. Одновременно с профессурой состоял в Министерстве иностранных дел. Летом 1919 г. покинул Россию. Обосновался в Париже.

¹² Имеется в виду Зайцев Б. К.

¹³ *Grand Orient (фр.)* — Великий Восток. Так называлась главная масонская ложа.

¹⁴ Роцин Николай Яковлевич (наст. фамилия Федоров) (1896 — 1956) — прозаик, журналист. Служил в армии Деникина, в 1919 г. был ранен и эвакуирован в Югославию. Писал также под псевдонимом Р. Днепров.

¹⁵ Толстой Алексей Николаевич (1882/83 — 1945) — русский и советский писатель. В 1923 г. вернулся в СССР из эмиграции.

¹⁶ Скоблин Николай Васильевич (1894 — после 1937?) — генерал-майор, в Добровольческой армии с момента ее образования, служил под началом Корнилова, Врангеля. В эмиграции работал в РОВСе. В 1930 г. был завербован ГПУ. В 1937 г. участвовал в похищении председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера. Был разоблачен и бежал в Испанию, где след его теряется.

¹⁷ Неандер Борис Николаевич (? — после 1954) — председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), выступал на Российском Зарубежном съезде от имени группы национальной молодежи.

¹⁸ *Ступницкий* Арсений Федорович (1893 — 1951) — журналист, участник Белого движения, сотрудник милюковской газеты «Последние новости», после войны редактировал газету «Русские новости».

¹⁹ Под редакцией П. Б. Струве в дореволюционной России и за границей выходил великолепный журнал «Русская Мысль».

²⁰ Прокатолическая газета остается и по сей день.

²¹ *Лодыженский* Юрий Ильич (1888 — 1978) — врач, в 20-е и 30-е гг. был главой Международного Комитета «Pro Deo» («Во имя Бога») в Женеве, организации для помощи беженцам из коммунистических стран, руководителем Российского Красного Креста в Женеве, членом бюро Лиги Обера (Лига борьбы с III Интернационалом). Брат А. И. Лодыженского.

После войны эмигрировал в Бразилию. Его большой архив (11 ящиков) хранится в Колумбийском университете (США). (*Примеч. А. Е. Климова.*)

²² Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Ю. И. Лодыженскому, произвольно «сократившему» мой текст. 24/VII 1947».

²³ *Сорит* (греч. σόρευμα) — накопление, куча. Цепь силлогизмов, в которой опущены некоторые посредствующие посылки сложного умозаключения.

²⁴ К. — не установленное лицо. Может быть, Карташев.

²⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Копия» внизу: «31 /VII 1947».

²⁶ *имприматур* (от лат. imprimatur) — начальственность, первейшее место.

²⁷ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Митрополиту Анастасию», «Отправлено», подпись и приписка внизу: «31/VII 1947».

²⁸ *Феофиляне* — приверженцы Феофила (Пашковского), архиепископа Американской Зарубежной Автономной Церкви (1934 — 1950).

²⁹ *Иоанниты* — приверженцы архиепископа Иоанна (Шаховского).

³⁰ *Серафим* (Лядэ) (? — 1950) — митрополит Берлинский. По происхождению немец, принадлежал Русской Зарубежной Церкви. Однако в 1946 г. митрополит Анастасий вынудил его выйти из архиерейского Синода. Митрополит Серафим скончался от травм, нанесенных ему двумя неизвестными лицами при невыясненных в процессе расследования обстоятельствах.

³¹ *Карсавин* Лев Платонович (1882 — 1952) — историк-медиевист, философ, богослов.

³² Лодыженский.

³³ *Карташев* Антон Владимирович (1875 — 1960) — богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель.

³⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Автограф.

³⁵ *Нафанаил* (в миру Василий Львов) (1906 — 1981) — епископ Венский и Австрийский, духовный руководитель Русского Христианского Союза Молодых Людей, проживал в Мюнхене.

³⁶ *Цитата из «Напоминания»* — труда св. Викентия Лиринского (ум. 450) — аввы лиринского монастыря (на острове напротив Канн) в Галлии. Полное название этого произведения «Первое предостережение,

или Трактаг в защиту древней и вселенской кафолической веры против безбожных еретических новшеств». «Задача этого сочинения – определить верный, научный и доступный способ отличить истину вселенской веры от лживости еретических учений. Сначала он устанавливает двойство источников догматического учения — авторитет священного писания и предание вселенской церкви, — затем определяет вопрос о взаимоотношении священного предания и священного писания, причем находит, что необходимо направлять нить толкования пророческих и апостольских писаний по норме церковно-вселенского их понимания. Он дает руководительные начала для веры, а именно: всеобщность, древность и согласие. В самой вселенской церкви всеми мерами надобно держаться того, во что верили повсюду (ubique), во что верили всегда (semper), во что верили все (ab omnibus)»... (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Спб., <б. д.>; М., 1992).

С точки зрения догматического богословия в этой цитате дается точное и правильное определение универсализма Православной Церкви. На другой, совершенно отличный от этого, универсализм претендует католичество.

³⁷ *антиципация* (лат. *anticipatio*) — 1) предвосхищение, предугадывание событий; 2) в широком смысле – всякое преждевременное наступление какого-либо явления, которое по существующим законам или привычным нормам должно наступить позднее. Здесь «антиципируются» может быть переведено как «трактуются».

³⁸ Здесь: одно дело конфессиональное богословие, *другое* дело — общее образование.

³⁹ *sterben gleichzeitig und zusammen* (нем.) — умирают одновременно и вместе.

⁴⁰ *рекреировать* (от лат. *creatio* – сотворение) – вновь сотворить.

⁴¹ Мф. 5, 18

⁴² *Νοῦς* (гр.) – ум, разум.

⁴³ «Эммануил» на древнееврейском языке означает «С нами Бог» и всегда однозначно понимался как «Богочеловек».

⁴⁴ *Оле* — о. Междометие, выражающее удивление и скорбь. Употребляется с родительным падежом (здесь Ильин ошибся — должно быть: «оле, гордыни мойей, окаянной заносчивости, плотского мудрования»).

⁴⁵ *בְּתוּלָה* *bethulah* (евр.) – молодая женщина; *אִלְמָה* (– *almah* (евр.) – девственница; *παρθένος* (гр.) – дева, девица. Ильин указывает здесь на проблему толкования места «Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил» (Ис. 7, 14; Мф. 1, 23). Но проблемы здесь нет, так как еврейское слово «алма» в древние времена всегда понималось как «дева» и его, естественно, перевели соответствующим греческим словом «парфенос». Однако в 92 г. на Иамнийском соборе раввинов все переводы Библии на другие языки были преданы анафеме и, в частности, слово «алма» принято было понимать как «молодая женщина». В Библии же, в книге пророка Иоила, встречается еврейское слово «бетула», что означает «молодая женщина»: «Рыдай, как молодая женщина, препоясавшись *вретischem*, о муже юности своей!» (Иоил 1, 8), что косвенно указывает на то, что слова пророка Исаии (Ис. 7, 14), употребившего слово «алма», пророческие.

⁴⁶ *Семема* (от греч. σημαίνω — обозначаю) — единица языкового содержания (смысла), соотносимая с морфемой.

⁴⁷ Λόγος ἐνθетός (греч.) — внутреннее слово.

⁴⁸ *magister perversitatum, arbiter scandalorum, praeceptor peccatorum* (лат.) — учитель извращенности, защитник соблазна, наставник греховного.

⁴⁹ По-видимому, имеется в виду **Феофан** (Быстров), архиеп. Полтавский (1873 — 1940), первоначально покровительствовавший Г. Распутину, но впоследствии разочаровавшийся в нем.

⁵⁰ Имеется в виду Григорий Распутин.

⁵¹ Здесь, кажется, имеется в виду некая «матушка Евгения». Срв.: Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. — М, 1996. — С. 317.

⁵² *Барт* Карл (1886 — 1968) — швейцарский протестантский теолог, один из основателей диалектической теологии, манифестом которой явилось его сочинение о послании апостола Павла к римлянам.

⁵³ πληρωμα (греч.) — полнота.

⁵⁴ *realiter* (нем.) — в действительности.

⁵⁵ По-видимому, жене Карташева.

⁵⁶ *Рыбаков* Николай Павлович — полковник, с 1932 г. редактор нью-йоркской газеты «Россия», выходившей с 1932 по 1956 г.

⁵⁷ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (1-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Ноябрь 1947 Копия Рыбакову в Нью-Йорк».

⁵⁸ *Мельников* Ф. А. — бывший редактор газеты «За Россию», выходившей с 1932 по 1934 г. в Софии. После войны работал в нью-йоркской газете «Россия».

⁵⁹ *Абданк-Коссовский* Владимир Конкордович (? — 1962) — языковед по образованию, участник Белого движения, в эмиграции журналист. Около двухсот его статей и очерков напечатаны в газете «Возрождение». Собирал материалы по истории эмиграции (см., например, его статью «Русская эмиграция. Итоги за 35 лет»// Возрождение. Кн. 51. Париж, 1956). В то время сотрудник газеты «Россия».

⁶⁰ *Кравченко* Виктор Андреевич (1905 — 1966) — советский инженер, попросивший в 1943 г. политическое убежище в США и написавший нашумевшую в свое время книгу «Я выбрал свободу» (1947).

⁶¹ Во втором экземпляре, хранящемся в Архиве И. А. Ильина (кор. 57, п. 6), адрес отсутствует.

⁶² Письмо направлено на имя *Мельникова*.

⁶³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Отправлено Мельникову в лагерь Feldmoching в декабре 1947 года».

⁶⁴ Речь идет о брошюре Ильина «Советский Союз — не Россия».

⁶⁵ «тиражию» — так в тексте, но, видимо, имеется в виду «тиражию», так как именно это слово И. А. Ильин обычно писал с двумя «нн». В тексте мы исправляем эту ошибку.

⁶⁶ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Автограф. На нем пометка Ильина: «еще не отправлено». На отдельном листе рукою Р. М. Зиле написано: «Относится к труду Ив. Ал. Ильина «Советский Союз — не

Россия» (издание ? — Мюнхен — декабрь 1947). Николай Захарович — (Рыбинский ???) Р. Зиле. Кельн, 17/VIII/65 г.»

⁶⁷ *Сухомлинов* Владимир Александрович (1848 — 1926) — генерал от кавалерии, военный министр России (1909 — 1915). Имеется в виду скандальное дело Сухомлинова, арестованного и судимого в 1916 г. по обвинению в неподготовленности русской армии к войне. В 1917 г. он был осужден на пожизненное заключение, но в 1918 г. выпущен в связи с преклонным возрастом.

⁶⁸ *Полторацкий* Николай Петрович (1921 — 1990) — философ, славист, публицист, историк русской религиозно-философской и эстетической мысли XX в., ведущий исследователь творчества И. А. Ильина, создатель его архива в Мичигане (США).

⁶⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Написать рукою Ильина: «Полторацкому. В Марокко. 11/ февр. 1948».

⁷⁰ Национально-Трудовой Союз.

⁷¹ Руководимое ген. А. А. Власовым.

⁷² Высший Монархический Совет — избран русскими монархистами на «Съезде Хозяйственного Восстановления России», проходившем с 29 мая по 7 июня 1921 г. в баварском городке Бар Рейхенгалль. Состоял из Н. Е. Маркова (председатель), А. А. Ширинского-Шихматова, А. М. Масленникова, позже кооптированного А. Ф. Трепова.

⁷³ *Туркул* Антон Васильевич (1892 — 1957) — генерал-майор, в Добровольческой армии находился под началом генерала Дроздовского, произведен генералом Врангелем в генерал-майоры и назначен начальником Дроздовской дивизии. В эмиграции в 1935 г. основал Национальный союз участников войны. В годы второй мировой войны участвовал в формировании Российской Освободительной армии (РОА).

⁷⁴ *Полторацкий* Н. П. О солидаристах. — Регенсбург, 1946.

⁷⁵ Н. П. Полторацкий учился в Сорбонне и под руководством профессора Пьера Паскаля подготовил диссертацию «Бердяев и Россия», которую защитил в качестве докторской диссертации в 1954 г.

⁷⁶ *Младороссы* — многочисленная молодежная организация, родословную которой ведут от «Союза молодой России», созданной в 1923 г. в Мюнхене, в 1925 г. переименованной в «Союз младоросов». Ее глава А. Л. Казем-Бек был связан с ГПУ. Упоминается книга В. Шубарта «Европа и душа Востока». См. лекцию Ильина о ней в т. 7 наст. Собр. соч.

⁷⁷ *paradoxalis* (лат.) — парадоксы.

⁷⁸ Комментатору известна одна из них под псевдонимом Н. Петровский «Политическая жизнь США» (Регенсбург, 1947).

⁷⁹ Неясно, о ком идет речь. Может быть, речь идет о письме Н. А. Бердяева к Н. П. Полторацкому.

⁸⁰ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Написать рукою Ильина: «1/III. 1948». Адресат не установлен.

⁸¹ *Уретан(ы)* — эфиры не известной в свободном состоянии карбаминовой кислоты; кристаллическое вещество.

⁸² Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Написать рукою Ильина: «27. III. 1948. Н. П. Полторацкому. В Марокко».

⁸³ *Зандер* Лев Александрович (1893 — 1964) — философ, публицист, ведущий исследователь творчества С. Н. Булгакова.

⁸⁴ *Бердыев* Н. А. Русская идея. — Париж, 1946.

⁸⁵ *Редлих Роман* Николаевич (р. 1911) — философ русского происхождения, обосновавшийся в Германии, ученик Ильина, после 1938 г. — Франка, активный деятель НТС, в настоящее время живет в Германии и в Москве.

⁸⁶ Подразумевается Борис Иванович Николаевский.

⁸⁷ *Оболенский* Владимир Андреевич (1869 — 1950) — член ЦК партии кадетов.

⁸⁸ Вторая мировая война. 1939—45/ Сборник материалов под ред. Н. Петровского (псевд. Н. П. Полторацкого). — Регенсбург, 1946. — 139 с.

Миколойчик — не установлен.

⁸⁹ *Катынь* — населенный пункт в Белоруссии, близ которого в 1941 г. органами НКВД по приказу Сталина были расстреляны пленные польские офицеры, при этом была выдвинута версия, что расстрел проводили немцы, оккупировавшие советские территории.

⁹⁰ *Линдберг* Чарльз (1902 — 1974) — американский летчик. Совершил беспересадочный перелет Нью-Йорк — Париж в мае 1927 г. в одноместном одномоторном самолете (5790 км за 33 часа). В 1930-е гг. поселился в Европе, где его высоко ценили. В 1938 г. получил медаль от Геринга, за принятие которой подвергся жесточайшей критике. В 1939 г. возглавил политическое движение «America First» против вмешательства США в европейскую войну, но оказался изоляционистом, когда в 1941 г. Гитлер объявил войну Америке. (*Примеч. А. Е. Кишова.*)

⁹¹ *изоляция* — политика определенных кругов в США, считавших, что Америка должна заниматься своими делами и не вмешиваться в дела Европы.

⁹² *Филиппов* А. П. — Секретарь Православного Церковно-Благотворительного Комитета.

В Архиве И. А. Ильина (кор. 57, п. 6) имеются письма А. П. Филиппова к Ильину :

«21.II.1948

Глубокоуважаемый Профессор.

В текущем году исполняется 50-летие священнослужения Владыки Митрополита Анастасия, Главы нашей зарубежной Церкви, а также 75-летие его жизни.

По этому случаю Епископский Совет Православной Епархии в Германии постановил выпустить специальный сборник статей, посвященных Высокому Юбилею.

По указанию Н. А. Цурикова, давшего мне и Ваш адрес, я обращаюсь к Вам с просьбой: не отказать прислать для этого сборника и Вашу статью. Выбор темы всецело зависит от Вашего усмотрения, но, разумеется, только эта тема в какой-то степени должна соответствовать той цели, которую ставит себе выпускаемый сборник, и не касаться каких-либо споров или разногласий, разъединяющих нашу эмиграцию.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Секретарь Церковно-Благотворительного Комитета и
Член редакционной Комиссии (Проф. А. Филиппов)

Цюрих».

«Господину Профессору И. А. Ильину

Несколько времени тому назад я в качестве Члена редакционной Комиссии предположенного к изданию Сборника статей в ознаменование Юбилея Главы православной русской зарубежной церкви, Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, обратился к Вам с приглашением принять участие в этом сборнике и прислать для него Вашу статью.

До сих пор просимой статьи от Вас не поступило. Ввиду того, что Сборник должен поступить в печать в ближайшее время, я прошу Вас поторопиться с присылкой Вашей статьи, которую необходимо иметь здесь не позднее 1-го июня. При получении статьи после этого срока мы, к сожалению, будем лишены технической возможности поместить ее в Сборнике.

Считая, что участие Ваше в Сборнике явится знаком внимания к личности и деятельности Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, мы выражаем надежду, что Вы не упустите случая выразить это внимание и не замедлите присылкой Вашей статьи.

Секретарь Православного Церковно-Благотворительного Комитета и Член Редакционной Комиссии (Проф. А. Филиппов).

Адрес, куда надо направлять статью: Мюнхен, Грильпарцерштрассе, 51/IV. Профессору А. П. Филиппову».

⁹³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «(в Мюнхен)».

⁹⁴ Неясно, какая глава; может быть, «О пастыре».

⁹⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

⁹⁶ *in extenso* (лат.) — полностью, дословно.

⁹⁷ Габричевский Евгений Георгиевич (1893 — ?) — родился в Москве в семье известного микробиолога Георгия Норбертовича Габричевского, в 1916 г. окончил Московский университет по специальности описательная биология и был оставлен при университете у проф. Г. А. Кожевникова. Работал в США и во Франции. С 1929 г. проживал в Мюнхене. Получил также и художественную подготовку и был известен в Германии как художник. Брат художника Георгия Габричевского и Александра Габричевского, ученика Ильина.

⁹⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Автограф.

⁹⁹ Деннерт Эберхард (1861 — 1942) — немецкий философ. Ильин имеет в виду книгу: Professor Dr. E. D e n n e r t. Die Religion der Naturforscher. — Berlin, 1908.

¹⁰⁰ Леонтий (Барташевич) — епископ Женевский. Как следует из другого письма Ильина к еп. Леонтию, последний был его духовником.

¹⁰¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Автограф.

¹⁰² Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Надпись рукою Ильина: «Август 1948 Копия (пробой)».

¹⁰³ Здесь: зависит от богатства.

¹⁰⁴ *конкордат* (лат. concordare — быть согласным) — договор между государственными властями и папой римским, определяющий взаимоотношения государства и католической церкви в данной стране.

В 20-е гг. католики дважды пытались через прелата д'Эрбиньи установить конкордат с Советской властью.

¹⁰⁵ Имеются в виду православные, признающие главенство папы римского, но сохраняющие свое богослужение, или «свой обряд».

¹⁰⁶ К. – Карташев.

¹⁰⁷ С. – неустановленное лицо.

¹⁰⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹⁰⁹ Мейер Георгий Андреевич (1894 — 1966) — участник Белого движения. Сотрудник газеты «Возрождение», позднее — журналов «Возрождение» и «Грани». Написал отличную книгу о Достоевском (посмертное издание «Свет в ночи». Франкфурт, 1967). (Примеч. А. Е. Климова.)

¹¹⁰ Михайловский Анатолий Иванович — участник Белого движения, журналист, автор парижского «Возрождения» и мюнхенского «Голоса России», писавший на «русские темы». До войны работал в Вене. После войны сотрудничал с радиостанцией «Deutsche Welle». В 1947 г. в Мюнхене редактировал литературно-художественный и общественно-политический сборник «У врат». (Примеч. А. Е. Климова.)

¹¹¹ См. коммент. 58.

¹¹² Игра слов.

¹¹³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Автограф.

¹¹⁴ «The Soviet Union is not Russia» (англ.) – «Советский Союз — не Россия».

¹¹⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка карандашом: «В. Н. Ильину».

¹¹⁶ Сердаковский Лев Викторович — князь, до войны был церковным деятелем в Югославии, позднее преподавал русский язык в США, публицист, автор «Нового Журнала».

¹¹⁷ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка карандашом: «Сердаковскому 18/IV 1949».

¹¹⁸ Имеются в виду национал-социалисты.

¹¹⁹ Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо».

¹²⁰ Тихомиров Лев Александрович (1852 — 1923) — общественный и политический деятель, публицист, литератор, религиозный философ, мыслитель. Автор фундаментального исследования «Монархическая Государственность» (М., 1905).

¹²¹ Лозунг младороссов был «За Царя и Советы». См. также коммент. 76 к этой коллекции писем.

¹²² См. коммент. 38 к подборке писем к Борзову.

¹²³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка рукою Ильина: «1949. окт. 22». А рядом с вырезанным местом надпись рукою Н. Н. Ильиной: «Здесь была подпись: И. А. Ильин, — вырезанная для портрета в книге «Путь к очевидности» Н. Н.». Это именно та подпись, которая воспроизведена на переплете настоящего Собрания сочинений И. А. Ильина.

¹²⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка рукою Ильина: «Скаржинскому».

¹²⁵ В. К. В. К. – Великий князь Владимир Кириллович.

¹²⁶ В. М. С. – Высший Монархический Совет.

¹²⁷ Ребус сик стантибус (лат. Rebus sic stantibus) — при данном положении дел.

¹²⁸ *элиминация* (лат. *eliminare* — изгонять и *limen* — порог) — исключение, удаление.

¹²⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹³⁰ См. коммент. 16 к коллекции «Письма Великому князю Владимиру Кирилловичу».

¹³¹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка рукою Ильина: «Белосельскому. Иван Александрович Ильин. 13/III/1950».

¹³² Имеется в виду съезд Российского Антикоммунистического Центра, созданного в 1950 г. и председателем которого был кн. С. С. Белосельский-Белозерский.

¹³³ *Архангельский* Алексей Петрович (1872 — 1959) — генерал-лейтенант Генштаба, сподвижник ген. Врангеля, с 1938 г. возглавил РОВС.

¹³⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹³⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Приписка рукою Ильина: «Епископу Леонтию Барташевичу в Женеву».

¹³⁶ *Тихон Берлинский* (Ляшенко) (? — 1945) — бывший инспектор Киевской Духовной Академии. В эмиграции — епископ Русской Православной Церкви Заграницей (1924 — 1933, потом архиепископ). В 1938 г. покинул Германию.

¹³⁷ Адресат не выяснен.

¹³⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹³⁹ Адресат не выяснен.

¹⁴⁰ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹⁴¹ *Tombola* (нем.) — вещевая лотерея.

¹⁴² *Максимова-Кулаева* А. А. — не установлена.

¹⁴³ О Х. П. Кротковой см. в письме № 8 выше.

¹⁴⁴ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹⁴⁵ *Пушкарский* Николай Юлианович — не установлен.

¹⁴⁶ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «Пушкарскому».

¹⁴⁷ О л ь д е н б у р г С. С. Царствование Императора Николая II: В 2 т. Мюнхен, 1949.

¹⁴⁸ *Косинский* В. А. — специалист по аграрному вопросу в России. Речь идет о его труде «Основные тенденции мобилизации земельной собственности и их социально-хозяйственные факторы» (Прага, 1925).

¹⁴⁹ «Народное хозяйство России»; «Четвертая пятилетка Советского Союза».

¹⁵⁰ Адрес во втором экземпляре отсутствует.

¹⁵¹ *Рязановский* Валентин Александрович (1884 — 1968) — автор «Обзора русской культуры» (Ч. I. Нью-Йорк, 1947; Ч. II. Вып. первый. Нью-Йорк, 1948; Ч. II. Вып. второй. Нью-Йорк, 1948). Труд издан автором за свой счет.

¹⁵² Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «Рязановскому в USA 6/XII/1950».

¹⁵³ *prezzo d'amico* (ит.) — дружеская цена, божеская цена.

¹⁵⁴ Упоминается П. И. Новгородцев.

¹⁵⁵ *Алексеев* Николай Николаевич (1879 — 1964) — философ, правовед. С 1922 г. в эмиграции, читал лекции в Юридическом институте в Праге и в Русском научном институте в Берлине.

¹⁵⁶ *Вышеславцев* Борис Петрович (1887 — 1954) — философ, исследователь творчества Фихте Старшего. В 1922 г. выслан из Советской России, читал лекции в Русском Научном институте в Берлине и в Богословском институте в Париже.

¹⁵⁷ список.

¹⁵⁸ иначе.

¹⁵⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «Господину Лаури возглавителю ИМКА-ПРЕСС», «Книгу вернули с отказом через 10 дней (не читая)».

¹⁶⁰ *Джемс* Уильям (1842 — 1910) — американский философ-идеалист и психолог, автор книги «Многообразии религиозного опыта».

¹⁶¹ *минуциозный* (нем. *minuziös*) — мелочный, педантичный.

¹⁶² *Иов* — не установлен.

¹⁶³ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «Иову в Мюнхен».

¹⁶⁴ *нозтический* (от греч. *νοητός*) — постигаемый умом, умственный.

¹⁶⁵ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹⁶⁶ По-видимому, Ильин имеет в виду свои особо конспирированные статьи и письма, которые он подписывал псевдонимом Б<елый>.

¹⁶⁷ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.).

¹⁶⁸ *Баумгартен* Василий Федорович — не установлен.

¹⁶⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина помечено: «(Баумгартену)».

¹⁷⁰ *Александр I Карагеоргиевич* (1888 — 1934) — король Югославии с 1921 г. (до 1929 г. Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев). Убит в Марселе хорватскими националистами.

¹⁷¹ *Сенявин* — профессор.

¹⁷² *Якобий П. Н.* — редактор рижской газеты «Закон и суд» (Вестник русского юридического общества), выходившей с 1929 по 1938 г. Автор брошюры «Пушкин о русских поэтах в переписке с друзьями» (Рига, 1937).

¹⁷³ См. письма к Г. В. Офросимову, коммент. 131.

¹⁷⁴ «Наша газета».

¹⁷⁵ *Бальцар* — не установлен.

¹⁷⁶ *Башилов* Борис (наст. имя Михаил Алексеевич Тамарцев) (1908 — 1970) — писатель, публицист. Автор восьмитомного труда «История русского масонства». Умер в Буэнос-Айресе.

¹⁷⁷ *Лефенс* — не установлена.

¹⁷⁸ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинописная копия на немецком языке. В конце письма подпись, дата и приписка — автограф Ильина. Перевод с немецкого З. Г. Антипенко.

¹⁷⁹ Архив И. А. Ильина, кор. 57, п. 6. Машинопись (2-й экз.). Рукою Ильина написаны адреса.

НАШЕ ЖИЛИЩЕ

Юмористическая поэма, первоначально (в черновике) называемая Ильиным «Моя квартира». Архив И. А. Ильина, кор. 41, п. 1. Автограф, 36 с. Публикуется впервые.

¹ *василиск* — пресмыкающееся из вида змей, и притом самых ядовитых, водились в Верхнем Египте и Палестине.

² *Видимо*, имеется в виду дешевый сорт хлеба.

³ *Haussier* (нем.) — спекулянт, играющий на повышение.

⁴ Первоначально было: «Кто-то в радио».

⁵ *Макаровский* Александр Иванович (1888 — 1958) — историк и археолог. До войны — директор русской гимназии в Изборске (Эстония). Арестован, чудом спасся. После войны проживал в Москве, печатался в «Вестнике Московской патриархии». (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁶ По воспоминаниям М. А. Дерюгиной, Иван Александрович «носил Наталию Николаевну на руках; сам постоянно мыл посуду».

⁷ *люмбаго* (лат. lumbago) — прострел, приступы болей в поясничной области вследствие заболевания мышц.

⁸ *авгур* (от лат. augur — птица) — в древнем Риме жрец, толковавший волю богов по пению и полету птиц, птицегадатель.

⁹ *Хоббема* Мейндерт (1638 — 1709) — голландский живописец. Его лесные пейзажи отличаются лиризмом, внимательным наблюдением природы, динамичной композицией, сочным колоритом.

¹⁰ *Микеланджело* Буонарроти (1475 — 1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт.

¹¹ Речь идет о портрете Наталии Николаевны Ильиной.

¹² *Матео ди Джованни* (XV) — итальянский художник из Сиены, находившийся под влиянием флорентийской школы живописи.

¹³ *Метнер* Николай Карлович.

¹⁴ *Вероккио* Андреа дел (1453 — 1488) — флорентийский скульптор и художник, учитель Леонардо да Винчи. Здесь речь идет об огромной статуе всадника Бартоломео Коллеони, над которой автор работал пять лет. Она была установлена в 1946 г. в Венеции уже после его смерти.

¹⁵ *Никандр* (Феноменов) (? — 1933?) — епископ Вятский (1914 — 1918), митрополит Одесский (1918 — 1927), потом митрополит Туркестанский.

¹⁶ *Ловитва* — лов, ловля.

¹⁷ *Петр Галатийский* (330 — 429) — знаменитый святой, монах, подвизавшийся в пещерах Антиохии. По преданию, имел власть над бесами, исцелял больных. За свой подвиг безмолвия назван Молчальником. Его проминают 1 февраля.

¹⁸ «Изборск весной». Этюд маслом работы Е. Е. Климова. 1930-е гг. На обороте картины надпись автора: «Дорогим Наталии Николаевне и Ивану Александровичу на память об Изборске. Верю, что «Грядущая Весна» будет для всех нас. 12 ноября 1935 г. Е. Климов». Этот этюд висел в столовой И. А. Ильина.

¹⁹ *Бон-мо* (фр. bon mot) — острога.

²⁰ *менада* (греч. μενάδας — бешеная, исступленная) — в Древней Греции — жрица бога вина и веселья Вахха (Бахуса), вакханка.

²¹ *Furia Addormen tata* (лат.) — Фурия (гнев) заснувшего отца.

²² *Орест* — в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать и ее возлюбленного Эгисфа за убийство ими отца и сам преследуемый за это богинями мести эриниями.

²³ *Кипренский* Орест Адамович (1782 — 1836) — русский живописец и рисовальщик.

²⁴ *мирро* (греч. μύρο) — ароматическое деревянное масло, употребляемое в христианском таинстве Мирропомазания.

²⁵ *Паллада* — один из эпитетов Афины, богини мудрости и справедливой войны. Согласно древнегреческой мифологии ее изображение, так называемый палладий, упало с неба; отсюда название — Афина Паллада.

²⁶ *фиал* (греч. φιάλη) — чаша для питья, бокал.

²⁷ *Крин* (греч. κρίνον) — лилия.

²⁸ *персть* — пыль, прах, земля; плоть, материя.

²⁹ *тля* — здесь: все, что поддается тлению; брэнное, насущное, вещественное, земное, переходящее.

ИСКУССТВО (1930 - 1933)

Феноменология произведений искусства (Итал<ьянские> впеч<атлени>я)

Архив И. А. Ильина, кор. 38, п. 3. Автограф. Рукопись представляет собой 75-страничный рукописный чистовик, на титуле которого надпись: «Тетрадь № 1» «Искусство 1930 — 1933». Это, можно сказать, дневники Ильина, записанные им в разное время своих путешествий по Европе и которые он в указанные годы окончательно оформил. Поэтому в тексте и стоят две даты написания: первоначальная и окончательная. Эту тетрадь, как и тетрадь № 5 «О революции», Ильин переписывал преимущественно в городе Моршак (Швейцария).

Публикуется впервые.

¹ *Пикассо* Пабло (1881 — 1973) — французский живописец испанского происхождения. Основоположник кубизма в живописи.

² *Стравинский* Игорь Федорович (1882 — 1971) — русский композитор, дирижер. С 1910 г. за рубежом.

³ *Dit risum sanabit* (лат.) — смехом излечить.

⁴ *Бенедиктов* Владимир Григорьевич (1807 — 1873) — русский поэт. Автор лирических стихов в романтическом духе.

⁵ *Скрябин* Александр Николаевич (1871/72 — 1913) — русский композитор и пианист.

⁶ *Цветаева* Марина Ивановна (1892 — 1941) — русская поэтесса.

⁷ *Десное* (церк.-сл.) — правое.

⁸ *Бальмонт* Константин Дмитриевич (1867 — 1942) — русский поэт. С 1920 г. эмигрант.

⁹ *modus essendi* (лат.) — способ существования.

¹⁰ *Шопенгауэр* Артур (1788 — 1860) — немецкий философ-иррационалист, в основе своей философии поставил *волю*.

¹¹ *Добролюбов* Николай Александрович (1836 — 1861) — русский литературный критик, публицист, революционный демократ.

¹² *протазис* (греч. πρότασις) — предыдущее предложение

¹³ *апотазис* (греч. ἀποτάσις) — последующее предложение.

¹⁴ *Апперцепция* (от лат. ad — к и perceptio — восприятие) — понятие философии и психологии нового времени: ясное и осознанное восприятие.

¹⁵ *Штраус* Рихард (1864 — 1949) — немецкий композитор и дирижер.

¹⁶ *Сарьян* Мартирос Сергеевич (1880 — 1972) — известный советский живописец.

¹⁷ *Фет* (наст. фамилия Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820 — 1892) — русский поэт.

¹⁸ *Ремизов* Алексей Михайлович (1877 — 1957) — русский писатель. С 1921 г. в эмиграции.

¹⁹ *Иванов* Вячеслав Иванович (1866 — 1949) — русский поэт, теоретик символизма.

²⁰ *Ибсен* Генрик (1828 — 1906) — норвежский драматург.

²¹ *Гамсун* (наст. фамилия Педерсен) Кнут (1859 — 1952) — норвежский писатель.

²² σύμβολον (греч.) — знак, пароль, сигнал, средство для узнавания, примета.

²³ *Случевский* Константин Константинович (1837 — 1904) — русский поэт.

²⁴ *Лесков* Николай Семенович (1831 — 1895) — русский писатель.

²⁵ *По* Эдгар Аллан (1809 — 1849) — американский писатель-романтик, критик.

²⁶ *Голубкина* Анна Семеновна (1864 — 1927) — русский и советский скульптор.

²⁷ *Белый* Андрей (наст. имя и фам. Бугаев Борис Николаевич) (1880 — 1934) — русский советский писатель, поэт, теоретик символизма.

²⁸ *Атараксия* (от греч. ἀταραξία — невозмутимость, спокойствие) — понятие др.-греческой этики о душевном спокойствии, безмятежности как высшей ценности.

²⁹ *Браманство* — древнеиндийское верование в божество Брам. Познается этот Брам — «единый и вечный, неуловимый и невидимый» только созерцанием. «Для обычного воззрения Брам недоступен, — «солнце жизни для обыденного глаза закрыто облаками, тенями бытия», т. е. действительностью. Нужно отрешиться от всего видимого, чувственного, чистого, множественного, чтобы увидеть и постигнуть эту сущность бытия, это единое, нераздельное, вечно-тождественное бытие; нужно иметь «чистый глаз, подобный небу», чтобы увидеть этого Брам, т. е. чтобы отвлечься до понятия о чистом бытии» (А р х и м а н д р и т Х р и с а н ф. Религии древнего мира в их отношении к Христианству. Т. 1. СПб., 1873. С. 210 — 211).

³⁰ *ohm* (нем.) — ом (санскр. aum, образовалось из avam — оно; однако смысл этого слова понятен не столько в переводе с санскритского, сколько с древнеперсидского языка). «Символом или таинственным знаком этого великого мирового духа <божества Брам> служило односложное слово, состоящее из трех букв «aum» — «ом», — значившее «оно, то». Термин, очевидно, указывающий на неопределимость и простоту божества как сущности, которая все вмещает в себе, и вместе с тем, сама в себе, есть нечто бессодержательное. Этот «ом» есть «слово слов», по выражению закона Ману, и заключает в себе «сущность,

субстанцию всех Вед». Оно означало и соединенных вместе трех главных богов Вед — Индру, Варуну и Агни. Оно считалось таинственным и имело магическую силу. <...> Брамины должны были произносить это таинственное слово, указывающее на владыку мира и им самим открытое, тихо, едва слышным голосом. Священное и таинственное слово «ом» должно было предшествовать каждой молитве, каждому жертвенному возлиянию и религиозному обряду» (там же. С. 211 — 212).

³¹ *анимальность* (лат. animal — животное). Здесь: животность.

³² status mundi (лат.) — статус мира.

³³ spaeulum mundi (лат.) — поиск мира.

³⁴ Глупый малый важничает
Упрямая девица вертится
От моей мелодии... (нем.)

³⁵ weiß (нем.) — белый.

³⁶ Schuhplattler (нем.) — немецкий народный танец.

³⁷ coitus interruptus, ejaculatio praesox (лат.) — прерванный половой акт, извержение спермы.

³⁸ Неомальтузианство — теория, основанная на учении Мальтуса, согласно которому количество рождающихся людей значительно превышает количество продуктов на земле и возможность прокормить всех.

³⁹ *Терцет* (от лат. tertius — третий) — ансамбль, состоящий из 3 музыкантов.

⁴⁰ *Непотизм* (от лат. nepos — внук, племянник) — здесь: кумовство.

⁴¹ См. об этом также в настоящем Собр. соч., т. 6, кн. 3.

⁴² ἀσυή ξηρή (греч.) — свет сухой.

⁴³ *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — известный врач в Древнем Риме.

⁴⁴ *triste est omne animal post coitum* (лат.) — жалко всякое животное после половой связи.

⁴⁵ *Кузмин* Михаил Алексеевич (1872 — 1936) — русский поэт-символист.

⁴⁶ *Сомов* Константин Андреевич (1869 — 1939) — русский живописец и график.

⁴⁷ *Chant du Rossignol. Poeme sinfonique pour Orchestre* (фр.) — Песнь соловья. Симфоническая поэма для оркестра.

⁴⁸ *Вальтер* (наст. фамилия Шлезингер) Бруно (1876 — 1962) — немецкий дирижер.

⁴⁹ *Андерсен* Ханс Кристиан (1805 — 1875) — датский писатель.

⁵⁰ *Municipio* (ит.) — ратуша; муниципалитет.

⁵¹ *Ликтор* (от лат. lictor) — почетный страж при высших должностных лицах древнеримской республики; ликторы держали в руках связку прутьев, в которую во время военного похода вкладывали топор (секиру).

⁵² *Шопен* Фридерик (1810 — 1849) — польский композитор и пианист.

⁵³ *Луини* Берландино (? — 1532) — живописец Ломбардии, продолжал традиции Леонардо да Винчи. Знаменит своими фресками.

⁵⁴ *Содома II* — прозвище Джованни Антонио Баззи (1477 — 1549) — итальянского живописца, находившегося под влиянием Леонардо да Вин-

чи, позже Рафаэля. Стиль его творчества — переход от Высокого Ренессанса к маньеризму.

⁵⁵ *sapienti sat* (лат.) — для понимающего достаточно (так как он понимает с полуслова).

⁵⁶ *Веронезе* (наст. имя Кальяри) Паоло (1528 — 1588) — итальянский живописец, представитель венецианской школы.

⁵⁷ *Тинторетто* (наст. фамилия Робусти) Якопо (1518 — 1594) — итальянский живописец, представитель венецианской школы.

⁵⁸ *Тициан* (Тициано Вечеллио) (ок. 1476/77 или 1489/90 — 1576) — итальянский живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения.

⁵⁹ *Accademia di Bella Arti* (ит.) — Академия Изыщного Искусства.

⁶⁰ *Мантенья* Андреа (1431 — 1506) — итальянский живописец и гравер, представитель Раннего Возрождения.

⁶¹ *Ca d'oro* (ит.) — золотой.

⁶² *Canale Grande* (ит.) — большой канал.

⁶³ *Блаженный Августин* Аврелий (354 — 430) — христианский теолог и церковный деятель.

⁶⁴ *Гностики* — последователи гностицизма, религиозно-философского учения, возникшего в I — 2 вв. на почве объединения христианских идей о Божественном воплощении в целях искупления, иудейского монотеизма и пантеистических построений языческих религий — античных, вавилонских, персидских, египетских и индийских.

⁶⁵ *Карпократиане* — последователи Карпократа, гностика, родом из Александрии, жившего в первой половине II в., в основу учения которого был положен платонизм.

⁶⁶ *Манихеи* — последователи учения перса Мани, основанного в III в., являвшегося серьезной ересью в христианстве, так как она пыталась протащить дуализм добра и зла, света и мрака в христианский монотеизм.

⁶⁷ *Maury. Croyances et legendes du moyen age* (фр.) — Мори. Верования и легенды средневековья.

⁶⁸ *Григорий Турский* (иначе Григорий Флоренций) (538 — 593) — епископ Тура, христианский писатель. Известны его работы о чудесах и «истории франков».

⁶⁹ *Федор Студит* (759 — 826) — преподобный, выдающийся аскет, христианский деятель и писатель, главный противник иконоборческой ереси.

⁷⁰ *Deum autem pingi non posse* (лат.) — Бога, однако, в залоге не содержится.

⁷¹ *per contrastum* (лат.) — для контраста.

⁷² *Aud* — здесь: Царство мертвых.

⁷³ *ultima ratio* (лат.) — последний, решительный довод.

⁷⁴ *Горянский Валентин Иванович* (наст. фамилия Иванов) (1887 — 1949) — поэт, драматург, сатирик. С 1920 г. эмигрант.

⁷⁵ *Лоло* (наст. имя и фамилия Леонид Григорьевич Мунштейн) (1866 — 1947) — поэт-фельетонист, драматург, переводчик, издатель, театральный деятель. С 1918 г. эмигрант.

⁷⁶ *Лери* — не установлен.

⁷⁷ Имеется в виду 4-я страница данной работы.

⁷⁸ *Сологуб* (наст. фамилия Тетерников) Федор Кузьмич (1863 — 1927) — русский писатель.

⁷⁹ *jodelt* (нем.) — поющий с переливами (на тирольский лад).

⁸⁰ (греч.) *λόγος προφορικός* — произнесенное слово.

⁸¹ *λόγος ενθетός* (греч.) — внутреннее слово.

⁸² *A parte* (ит.) — «в сторону», про себя (реплика актера или участника разговора вполголоса).

83

Штиль на море

Дремлют воды. Недвижимый
Словно скован кругозор,
И с тревогой корабельщик
Смотрит в сумрачный простор.

Иль не стало ветра в мире?
Мертвенная тишина.
Ни одна в бескрайней шири
Не шелóхнется волна.

1795.

Перевод Н. Вольпина.

⁸⁴ *fürchterlich* (нем.) — страшный, ужасный, необычный. Вольпин употребил слово «мертвенная».

⁸⁵ *Гафиз* (Хафиз Ширази) Шамседдин (ок. 1325 — 1389 или 1390) — персидский поэт.

⁸⁶ *Емкость* — способность вобрать в себя. *Емлю* — наст. время от *имать* — брать. *Емлющий* — беруший. *По-емлющий* — вбирающий (поглощающий, воспринимающий).

ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ

Здесь впервые публикуется уникальный материал — записки или, вернее, мемуары И. А. Ильина, автографы которых хранятся в его архиве (кор. 46, п. 7). В рукописи указаны 193 темы. Их Иван Александрович намеревался осветить, но ему удалось записать только часть, при этом исполненные он сам отметил в тематической разработке крестиками, а мы — полужирным курсивом. Но даже названия ненаписанных тем вызывают большой интерес. Перечень тем, как и в рукописи, — стоит перед основным текстом. Прокомментировать отсутствующие (нераскрытые) темы не представляется возможным, и мы делаем это только в случае крайней необходимости.

¹ Это письмо митрополита Анастасия к И. А. Ильину от 31 августа/13 сентября 1926 г. опубликовано в наст. Собр. соч., т. 5., с. 400 — 401.

² См. по этому поводу материалы из немецких архивов в предыдущем томе.

³ *Бонч-Бруевич* Владимир Дмитриевич (1873 — 1955) — советский партийный и государственный деятель.

⁴ В ноябре 1917 г. И. А. Ильин получил от американского гражданина Владимира Бари 8000 рублей якобы на издание своей диссертации о Гегеле. В 1918 г. он был арестован ЧК и обвинялся Революционным Трибуналом в участии в подпольной организации «Добровольческая армия» и трате этих денег на нее. См. об этом подробнее в предыдущем томе.

⁵ *Яковлев* Алексей Иванович (1871 — 1951) — историк, профессор Московского университета. Обратился с письмом к В. И. Ленину в защиту И. А. Ильина (см. предыдущий том с. 401—402) и просил о встрече. Эта встреча состоялась.

⁶ *Трепов* Александр Федорович (1864 — 1928) — егермейстер, статс-секретарь, служил в Министерстве внутренних дел, в 1916 г. председатель Совета министров, русский монархист, «франкофил», был кооптирован в Высший Монархический Совет.

⁷ Здесь Ильин оставил место, чтобы потом вписать фамилию, но так и не сделал этого. Ниже аналогичные пропуски для года.

⁸ *Эрт* Адольф (1902 — ?) — немецкий писатель, публицист, критик, государственный и общественный деятель, соавтор книги «*Entfesselung der Unterwelt*» (Разнуздание черни), в которую вошла и работа Ильина. В 1930-х гг. был главой II/4 отдела министерства пропаганды Германии, возглавлял так называемый «Антикоминтерн», который наряду с «Восточным отделом» оказывал заметное влияние на внешнюю политику третьего Рейха. В конце 1930-х гг. исчез с политической сцены.

⁹ Первая буква этого слова неразборчива; три остальные написаны четко и прочтываются однозначно. Первую букву можно принять за «в» и тогда, может быть, это расшифровывается как Высший учебный лицей, наподобие нашего вуза.

¹⁰ *Welt vor dem Abgrund* (нем.) — Мир перед пропастью. Книга о политике Советской России. Ряд авторов (см. ниже) по просьбе или под руководством Ильина написали статьи-исследования для этой книги.

¹¹ Об этом и п. 78 — 79 см. в предыдущем томе.

¹² Эта фраза была зачеркнута Ильиным.

¹³ *Ахеронт* — в греческой мифологии одна из рек в подземном царстве, аиде, через которую Харон перевозит души умерших.

¹⁴ Об этом см. письмо Ильина к о. Иоанну Шаховскому в предыдущем томе, а также комментарий к нему.

¹⁵ Об этом частично см. в предыдущем томе.

¹⁶ С этого места в тексте сбой нумерации, то есть стоит № 131. Мы исправляем ее здесь и в самом изложении.

¹⁷ *Parlons du diable* (фр.) — поговорим о дьяволе.

¹⁸ *Essendo molto sensibile* (ит.) — очень чувствительно.

¹⁹ Об этом см. в наст. Собр. соч., т. 7, а также письма Ильина к М. А. Дерюгиной.

²⁰ Город в Швейцарии, где в 1938 г. Ильин был среди участников и организаторов «Белого Съезда».

²¹ *Муравьев* Николай Константинович (1870 — 1936) — видный московский адвокат; выступал защитником по политическим делам как до, так и после 1917 г. С 8 марта 1917 г. председатель Чрезвы-

чайной следственной комиссии при министре юстиции по расследованию противозаконных по должности действий министров и других высокопоставленных лиц, включая царскую семью.

²² В 1906 г. П. Б. Струве был избран на II съезде кадетской партии членом ее ЦК.

²³ *Кокошкин Федор Федорович* (1871 — 1918) — один из основателей и лидеров кадетской партии.

²⁴ *Новгородцев Павел Иванович* (1866 — 1924) — правовед, философ и теоретик социального либерализма, общественный деятель. Научный руководитель Ильина.

²⁵ *Шингарев Андрей Иванович* (1869 — 1918) — земский деятель, врач, публицист, один из лидеров кадетов.

²⁶ *Басов* — не установлен.

²⁷ *Иеллинек Георг* (1851 — 1911) — немецкий ученый-юрист, представитель формально-юридической школы.

²⁸ *Das ist der begabteste Staatsrechtslehrer, den ich gesehen habe* (нем.) — это талантливейший государствовед, каких я когда-либо видел.

²⁹ *Айхенвальд Юлий Исаевич* (1872 — 1928) — литературный критик, переводчик, философ. В 1922 г. был выслан из Советской России.

³⁰ *Ясинский Всеволод Иванович* (1884 — 1933) — русский ученый, выслан в 1922 г. из большевистской России (староста первой группы высылаемых ученых, философов и литераторов), директор Русского научного института в Берлине.

³¹ Митрополит Евлогий не принадлежал ни к Русской Зарубежной Церкви, ни к Московской патриархии, хотя и был назначен патриархом Тихоном главой русской православной церкви Западно-европейских стран, а до подчинения его Константинопольскому патриарху был самостоятельным, и его прихожане назывались евлогийанцами.

³² *Меерович Лазарь Соломонович* (? — 1927) — о нем ничего не известно, кроме того, что Ильин говорит ниже.

³³ *Кистяковский Игорь Александрович* (1868 — 1920) — юрист, занимался адвокатской практикой, член кадетской партии.

³⁴ *Скоропадский Павел Петрович* (1873 — 1945) — один из организаторов гражданской войны на Украине, генерал-лейтенант. Гетман Украинской державы (1918).

³⁵ *Адамов А. К.* — адвокат, брат другого известного адвоката Адамова Михаила Константиновича (1855 — 1937).

³⁶ *Кривошеин Александр Васильевич* (1857 — 1921) — русский государственный деятель, министр земледелия в Российской империи. В 1920 г. глава Правительства Юга России. Эмигрант.

³⁷ *Брусиллов Алексей Алексеевич* (1853 — 1926) — русский генерал от кавалерии, с 1916 г. — главком Юго-Западного фронта: провел успешное наступление (так называемый Брусилловский прорыв), в мае-июле 1917 г. верховный главнокомандующий. С 1920 г. в Красной Армии.

³⁸ *Зайончковский Андрей Медардович* (1862 — 1926) — русский генерал от инфантерии. С 1919 г. в Красной Армии. Военный историк.

³⁹ *Оловянишников Иван Иванович* — директор торгово-промышленного товарищества «П. И. Оловянишникова С-вья».

⁴⁰ *Das ist mein Freund* (нем.) — это мой друг.

⁴¹ *д'Эрбины Мишель* (1880 — 1957) — француз по происхождению, иезуит, ректор Восточного Института (*Pontificio Instituto di Studi Orientali*) и советник конгрегации Восточных церквей в Риме. Осенью 1925 г. был отправлен папой Пием XI в Москву. По возвращении в Рим опубликовал свои впечатления о религиозной жизни в русской столице. В 1926 г. по поручению папы снова дважды побывал в Советской России.

⁴² *Kaas* — не установлен.

⁴³ *Брюнинг* Генрих (1885 — 1970) — германский рейхсканцлер в 1930 — 1932 гг., представитель католической партии «Центра».

⁴⁴ *Prälat Iakov Schütz* (нем.) — прелат Яков Шютц.

⁴⁵ *Kirchenbundesamt* — федеральное церковное ведомство.

⁴⁶ *Was gebt ihr mir, dass ich Euch nicht verrate?* (нем.) — Что вы мне дадите за то, чтобы я вас не предал.

⁴⁷ *So siehst'е aus!!* (нем.) — так я тебе и поверил.

⁴⁸ *Таубе* Михаил Александрович (1869 — 1961) — барон, бывший царский сенатор, специалист по международному праву, профессор, публицист, монархист. В 1941 г. германское правительство назначило его специальным экспертом «по русским делам». В эмиграции сотрудничал с Академией международного права в Гааге. В 1930-е гг. стал поклонником Н. Рериха, содействовал организации его музея в Нью-Йорке. Автор книги «Видения и думы» (Таллин, 1937). (*Примеч. А. Е. Климова.*)

⁴⁹ *Кистяковский* Богдан Александрович (1868 — 1920) — философ, социолог и правовед. Образование получил в Германии, где защитил диссертацию «Общество и индивид» (Берлин, 1899. На нем. яз.), которая принесла ему известность.

⁵⁰ *Яковенко* Борис Валентинович (1884 — 1949) — русский философ, с 1905 г. проживал за границей.

⁵¹ *Гессен* Сергей Иосифович (1887 — 1950) — философ, теоретик педагогики. С 1920 г. в эмиграции.

⁵² *Сеземан* Василий Эмильевич (1884 — 1963) — русский философ. С 1921 г. получил финский паспорт (его отец был финн, а мать — русская) и уехал в Гельсингфорс (Хельсинки).

⁵³ П. И. Новгородцев ходатайствовал за своих учеников, чтобы их оставили при университете для приготовления к профессорскому званию.

⁵⁴ «*кассовцы*» — те профессора Московского университета, которые соглашались с «циркуляром» министра просвещения Л. А. Кассо (см. ниже).

⁵⁵ *Гидулянов* Павел Васильевич (1894 — 1937) — директор Лазаревского института восточных языков, профессор церковного права.

⁵⁶ *Брун Михаил Исакиевич* — больших сведений не имеется.

⁵⁷ *existenz-minimum* (лат.) — прожиточный минимум.

⁵⁸ *Габричевский* Георгий Норбертович (1860 — 1907) — русский микробиолог.

⁵⁹ «Понятия права и силы» — первая научная работа И. А. Ильина. Опубликовано в 1910 г.

⁶⁰ *Котляревский* Сергей Андреевич (1873 — 1939) — историк и публицист, профессор Московского университета, член ЦК партии кадетов, участник сборника «Из глубины».

⁶¹ *Кассо* Лев Аристович (1865 — 1914) — юрист, министр народного просвещения с осени 1910 до конца 1914 г. В январе 1911 г. совместно с премьер-министром Столыпиным издал циркуляр, ограничивающий демократические тенденции в российских университетах и высших учебных заведениях. Ответом на циркуляр Кассо был протест некоторых студенческих и профессорских кругов. Часть профессуры Московского университета во главе с ректором А. А. Мануйловым подали в отставку.

⁶² *Герье* Владимир Иванович (1837 — 1919) — русский историк и общественный деятель.

⁶³ *Виноградов* Николай Дмитриевич (1868 — 1936) — историк философии, профессор, директор Высших женских курсов.

⁶⁴ *Кубицкий* Александр (по другим сведениям Алексей) Владимирович (1880 — после 1934?) — философ-неокантианец, специалист по древнегреческой и идеалистической философии, филолог-классик, литератор, переводчик, до отставки 3 февраля 1911 г. приват-доцент Московского университета.

⁶⁵ *Шпет* Густав Густавович (1879 — 1937) — философ, внесший значительный вклад в развитие идей герменевтики, языкознания, эстетики и психологии.

⁶⁶ *Каблуков* Николай Алексеевич (1849 — 1919) — русский экономист, статистик, общественный деятель.

⁶⁷ *Митюков* Андрей Калининвич — профессор Московского университета (1917).

⁶⁸ *Потебня* Александр Афанасьевич (1835 — 1891) — русский филолог, философ.

⁶⁹ *Булгаков* Сергей Николаевич (1871 — 1944) — русский религиозный философ и богослов. С 1922 г. за рубежом.

⁷⁰ Возможно, имеется в виду Николай Иванович Баталин.

⁷¹ Имеется в виду Преображенский Сергей Иванович (1858 — ?).

⁷² *belle-mere* (фр.) — теща.

⁷³ *Зызыкин* — не установлен.

⁷⁴ *Любавский* Матвей Кузьмич (1860 — 1936) — крупный историк, преемник Ключевского на кафедре русской истории Московского университета.

⁷⁵ *Озеров* Иван Христианович (1869 — 1942) — экономист, профессор финансового права Московского университета.

⁷⁶ На самом деле при посредничестве М. М. Ковалевского 8 мая 1905 г. в парижской ложе Массонский Авангард (союз Великого Востока Франции) состоялось посвящение В. А. Маклакова (см.: Русский архив. V. М., 1994. С. 426 — 427. На с. 428 воспроизведен диплом 1906 г. члена масонской ложи В. А. Маклакова).

⁷⁷ *Ковалевский* Максим Максимович (1851 — 1916) — русский историк, юрист, социолог, лидер русских масонов, в 1901 г. создатель и директор масонской Высшей школы общественных наук в Париже, член масонской ложи Космос.

⁷⁸ *Гирс* Михаил Николаевич (1855 — ?) — сын известного русского дипломата Николая Карловича Гирса (1820 — 1895), камергер, посол России в Италии, председатель Совещания бывших русских послов.

⁷⁹ *Vertrauensstelle* (нем.) — ответственный пост, место.

⁸⁰ *Боткин* Сергей Дмитриевич (18? — ?) камергер, в 1914 г. первый секретарь русского посольства в Берлине.

⁸¹ *ad rem* (лат.) — к делу, ясно.

⁸² *hominem* (лат.) — человека.

⁸³ *Распутин* (последняя, измененная царем фамилия — Новых) Григорий Ефимович (1869 — 1916) — из крестьян Тобольской губернии. После паломничества по святым местам стал известным старцем в России, на которого обратила внимание царская семья. Убит противниками его влияния на государя и государыню.

⁸⁴ *Юсуфов* Феликс Феликсович (1887 — 1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон, муж княгини Ирины Александровны, дочери великого князя Александра Михайловича. Принимал участие в убийстве Распутина, за что был выслан в декабре 1916 г. в Курскую губернию в свое имение «Ракитное», где проживал под надзором до Февральской революции. Эмигрант.

⁸⁵ *Маклаков* В. А. «Первая Государственная дума. Воспоминания современника», «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника», «Третья Государственная дума. Воспоминания современника».

⁸⁶ *Лукасов* Абрам Осипович (1872 — 1969) — нефтепромышленник, меценат, владелец и издатель газеты «Возрождение».

⁸⁷ *Богомолов* Александр Ефремович — советский посол во Франции. См.: Эмигранты у Богомолова (запись речей)// Новый журнал. — 1970. — С. 100.

⁸⁸ *Победоносцев* Константин Петрович (1827 — 1907) — русский государственный деятель, юрист, в 1880 — 1905 гг. обер-прокурор Святейшего Синода, придерживался правых взглядов, один из ярчайших правых русских публицистов.

⁸⁹ «Апокалиптическая напряженность, — писал о. Георгий Флоровский, — это новая черта у Тернавцева, знак времени» (Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 472). Книга об Апокалипсисе, которую Тернавский писал много лет, не была издана и не могла быть издана в советское время.

⁹⁰ То есть Чрезвычайной Комиссией.

⁹¹ *Белоруссов-Белевский* (наст. фамилия Белевский) Алексей Станиславович (1859 — 1919) — публицист, журналист-народник, сотрудник «Русских ведомостей»; редактор екатеринбургской газеты «Отечественные ведомости», поддержавшей адмирала Колчака.

⁹² *Чернов* Виктор Михайлович (1873 — 1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик.

⁹³ *Бакунин* Михаил Александрович (1814 — 1976) — русский революционер, теоретик анархизма.

⁹⁴ *Нечаев* Сергей Геннадьевич (1847 — 1982) — русский революционер, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера».

⁹⁵ *Литвинов* (наст. фам. Валлах) Максим Максимович (1876 — 1951) — большевик, с 1930 по 1939 г. нарком иностранных дел СССР.

⁹⁶ *Сталин* (наст. фам. Джугашвили, партийная кличка Коба) Иосиф Виссарионович (1879 — 1953) — большевик, с 1922 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁹⁷ Кошко Аркадий Францевич (1867 — 1928) — генерал, «самый главный сыщик России», закончил военное училище и прослужив недолго в Симбирске, ушел в отставку. Поступил рядовым инспектором в сыскную полицию и в силу своих необыкновенных способностей на этом поприще вскоре возглавил Московскую сыскную полицию. В 1913 г. в Швейцарии на Международном съезде криминалистов генерал Кошко был признан «лучшим криминалистом в мире». Он был назначен заведующим уголовным розыском Российской Империи. Революция 1917 г. прервала его блестящую деятельность, более того, Временное правительство выпустило на свободу огромное количество опасных уголовников, посаженных им в свое время. Кошко эмигрировал. В Париже, где он обосновался, написал интереснейшие воспоминания «Среди убийц и грабителей» (см. современное издание: М., 1997).

⁹⁸ Васильев Николай Александрович (1880 — 1940) — русский логик, профессор Казанского университета (с 1918 г.).

⁹⁹ Ноуменально (греч.) — умопостигаемо.

¹⁰⁰ Степун Ф. А. Записки прапорщика-артиллериста. — М., 1918.

¹⁰¹ Савинков Борис Викторович (1879 — 1925) — активный эсер, руководитель многих террористических актов, товарищ военного министра во Временном правительстве.

¹⁰² Deutsches Rotes Kreuz (нем.) — немецкий Красный Крест.

¹⁰³ Gesellschaft zum Studium Ost-Europas (нем.) — Общество по изучению Восточной Европы.

¹⁰⁴ И. А. Ильин произнес речь. См. ниже.

¹⁰⁵ Гуссерль Эдмунд (1859 — 1938) — немецкий философ-идеалист, основатель феноменологии.

¹⁰⁶ Лютер Артур — (1876 — 1956) — переводчик, библиотекарь.

¹⁰⁷ Гессен Иосиф Владимирович (1865 — 1943) — журналист, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной Думы.

¹⁰⁸ Степун Ф. А. Письма из Германии// Современные записки. Т. 49. — Берлин, 1932.

¹⁰⁹ Так в рукописи.

¹¹⁰ Первые главы его воспоминаний были напечатаны в «Современных записках» в 1939 г. (№ 69). Полностью они впервые опубликованы на немецком языке в Мюнхене в 1947 — 1950 г. под названием «Vergangenes und Unvergangenliches» (Bd 1 — 3) и в 1956 г. в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова на русском языке под названием «Бывшее и несбывшееся» (2 т.).

¹¹¹ Голицын — не установлен.

¹¹² Перхуров — не установлен.

¹¹³ Страдецкий — не установлен.

¹¹⁴ ассасин (фр.) — убийца.

¹¹⁵ Эта фраза является подтверждением того, что Ильин состоял в организации «Добровольческая армия».

¹¹⁶ Риккерт Генрих (1863 — 1936) — немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства.

¹¹⁷ Ллойд-Джордж Дэвид (1863 — 1945) — британский премьер-министр в 1916 — 1922 гг.

¹¹⁸ *Пуришкевич* Владимир Митрофанович (1870 — 1920) — один из лидеров «Союза Русского Народа» и «Союза Михаила Архангела», депутат 2, 3-й и 4-й Государственной Думы, принадлежал к ее правому крылу.

¹¹⁹ *Пасманик* Даниил Самойлович (Даниель Бен-Самуэли) (1869 — 1930) — журналист, врач, писатель-мемуарист, кадет, участник еврейского националистического движения.

¹²⁰ Неясно, о какой статье идет речь.

¹²¹ *Зеньковский* Василий Васильевич (1881 — 1962) — русский философ, богослов и религиозный деятель, историк русской философской мысли, педагог и литературовед.

¹²² В 1920 г. Ильин проходил по так называемому делу «Тактический центр». В августе — сентябре 1919 г. в ходе следствия по делу «Национального центра» (его руководители, члены ЦК партии кадетов Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, Н. А. Огородников и другие — всего 67 человек — зверски расстреляны большевиками) были получены сведения о том, что в Москве функционирует политическое объединение — «Тактический центр», которое направляет деятельность различных антисоветских организаций. В феврале — марте 1920 г. ВЧК арестовала ряд лиц по обвинению в причастности к «Тактическому центру». Следствие установило, что в «Тактический центр» входили «Национальный центр», «Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей». В последнем и состоял Ильин. Подробно об этом см. в книге «Просим освободить из тюремного заключения» (М., 1998. С. 152 — 160).

¹²³ *Гольдовская* (урожд. Хин) Рашель Мироновна (1863 — 1928) — писательница, мемуаристка.

¹²⁴ *Фельдштейн* Михаил Соломонович (1884 — 1939) — юрист, проходил по делу «Тактического центра». Переписывался с М. Цветаевой.

¹²⁵ *Радек* (наст. фамилия Собельсон) Карл Бернгардович (1889 — 1939) — деятель международного социал-демократического движения (Польша, Германия), после 1917 г. переехал в Россию, входил в ЦК РКП(б), Исполком Коминтерна.

¹²⁶ *Агранов* (наст. фамилия Сорензон) Яков Саулович (1893 — 1938) — особоуполномоченный ВЧК.

¹²⁷ *Бунге* Андрей Иванович (18? — 1943) — старый сотрудник газеты «Новое слово», автор ильинского журнала «Русский колокол».

¹²⁸ *Бем* Дмитрий Александрович — преподаватель ряда московских гимназий.

¹²⁹ *Коробкин* Федор Семенович (1885 — ?) — преподаватель математики ряда московских гимназий. Работал в 1-й гимназии, где учились в разное время И. А. Ильин и И. С. Шмелев. Жил в одном доме с Ильиным

¹³⁰ *Мрочек-Дроздовский* Петр Николаевич — заслуженный профессор МГУ, староста церкви св. Татианы при МГУ.

¹³¹ *Числов* Петр Иванович — приват-доцент МГУ.

¹³² *Мануйлов* Александр Аполлонович (1861 — 1929) — экономист, член ЦК партии кадетов, ректор Московского университета, министр просвещения Временного правительства.

¹³³ *Хвостов* Вениамин Михайлович (1868 — 1920) — философ, юрист, профессор римского права Московского университета.

¹³⁴ *Самоквасов* Дмитрий Яковлевич (1843 — 1911) — историк права, архивист, известный археолог.

¹³⁵ *Савальский* Василий Александрович — философ-неокантианец, доцент юридического факультета Московского университета.

¹³⁶ *Карабегов* — не установлен.

¹³⁷ Известен *Нерсесов* Александр Нерсесович (1877 — после 1931) — правовед, директор фундаментальной библиотеки МГУ. Возможно, Ильин ошибся в инициале имени, или М. Н. Нерсесов мог быть братом Александра Нерсесовича.

¹³⁸ Карл Петрович и Надежда Николаевна Крамаржи. Подробнее о них см. в предыдущем томе.

¹³⁹ *Gauting bei München* (нем.) — Гаутинг под Мюнхеном.

¹⁴⁰ *Дурново* Софья Петровна (1865 — ?) — придворная дама.

¹⁴¹ *Волконский* Сергей Михайлович (1860 — 1937) — князь, театральный деятель, критик, беллетрист, теоретик актерской техники и ритмической гимнастики. С 1921 г. в эмиграции. Сблизился с Ильиным, которого считал «одним из самых выдающихся людей нашего времени».

¹⁴² *Фрейд* Зигмунд (1856 — 1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа.

¹⁴³ *Unterwirt* (нем.) — небольшой трактир.

¹⁴⁴ *Кеппен* Борис Густавович — барон, член Высшего Монархического Совета.

¹⁴⁵ обращенным.

¹⁴⁶ *Волконский* Петр Михайлович (1861 — ?) — камер-юнкер, уездный предводитель дворянства.

¹⁴⁷ *Uffici* (ит.) — Уффици.

¹⁴⁸ *Эскобар-а-Мендоза* Антонио (1589 — 1669) — известный испанский иезуит, первым высказавший и развивший в своих сочинениях мысль о том, что чистота намерений оправдывает антиморальные и антизаконные действия.

¹⁴⁹ *in padre* (ит.) — отец.

¹⁵⁰ *Абрикосов* Владимир Владимирович — из московской купеческой семьи, вместе с женой стал католиком в 1904 г. Завербовал несколько адептов, среди которых были жена Н. А. Бердяева, Д. В. Кузьмин-Караваев, а также православный священник Сергей Михайлович Соловьев, племянник Вл. С. Соловьева. Рукоположен в священники в 1917 г. В 1922 г. выслан из Москвы на Запад, где не общался с русскими католическими кругами. Двоюродный брат Г. А. Лемана-Абрикосова. Жена его, Анна Ивановна Абрикосова (она же его двоюродная сестра), монахиня-доминиканка, осталась в России, где в 1936 г. погибла в лагере.

¹⁵¹ *Padre Wladimiro Abricossof. Procuratore generale della chiesa esarco dei emigranti russi* (ит.) — Отец Владимир Абрикосов. Генеральный прокурор церкви русских эмигрантов.

¹⁵² *imprimatur* (лат.) — разрешение.

¹⁵³ Ниже пустая страница.

¹⁵⁴ *Короленко* — не установлен.

- ¹⁵⁵ *Шереметев Б.* — не установлен.
- ¹⁵⁶ *Боголепов Михаил Иванович* (1879 — 1945) — советский экономист, первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде.
- ¹⁵⁷ *Джунковский Владимир Федорович* (1865 — 1938) — генерал-майор, с ноября 1905 г. московский губернатор, с 1913 г. товарищ министра внутренних дел и командир Особого корпуса жандармов. Имел репутацию порядочного человека. В 1918 г. был арестован ЧК как руководитель «антисоветской» Туркестанской организации, которой, кстати, руководил не он, а его однофамилец ген. Е. Джунковский. Осенью 1919 г. сидел в Таганской тюрьме. Расстрелян в 1938 г. после очередного ареста.
- ¹⁵⁸ *Александр III* (1845 — 1894) — российский император, сын Александра II.
- ¹⁵⁹ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830 — 1905) — русский военный теоретик, генерал от инфантерии, последователь А. В. Суворова в вопросах обучения и воспитания войск.
- ¹⁶⁰ *И. Л. Ушедшим Победителям// Русские Ведомости.* — М., 1917. — № 249. — 14/27 нояб. — С. 2.
- ¹⁶¹ *Свержевский* — не установлен.
- ¹⁶² *Никольский* — не установлен.
- ¹⁶³ *Корелина Надежда Петровна* — секретарь председателя Московского Психологического общества Л. А. Лопатина.
- ¹⁶⁴ «Протоколы собраний сионских мудрецов» — 24 протокола, опубликованные С. А. Нилусом во втором издании его книги «Великое в малом» (Царское Село, 1905. С. 323 — 394).
- ¹⁶⁵ *Нилус Сергей Александрович* (1862 — 1929) — духовный писатель. Самыми известными являются его книги «Корень зла: Истинная болезнь России» (1899), «Великое в малом» (1903), «Сила Божия и немощь человеческая» (1908), «Святыня под спудом» (1911), «На берегу Божьей реки» (1916), «Близ есть, при дверех» (1917). О нем см.: «Сергей Александрович Нилус (1862 — 1929). Жизнеописание». — М., 1995.
- ¹⁶⁶ Большая статья «Введение к немецкому переводу книги С. А. Нилуса» была опубликована в 1932 г. в печатном органе ВМС «Луч Света».
- ¹⁶⁷ *Качалов* (наст. фамилия Шверубович) Василий Иванович (1875 — 1948) — актер МХАТа.
- ¹⁶⁸ *Немирович-Данченко Владимир Иванович* (1858 — 1943) — известный режиссер, основатель, вместе с К. С. Станиславским, МХАТа.
- ¹⁶⁹ *Андреев Леонид Николаевич* (1871 — 1919) — русский писатель.
- ¹⁷⁰ *Артем* (наст. фамилия Артемьев) Александр Родионович (1842 — 1914) — русский актер. С 1898 г. в МХАТе.
- ¹⁷¹ *Грибунин Владимир Федорович* — артист МХАТа.
- ¹⁷² *Поливанов Михаил Павлович* — юрист и философ, исследователь творчества Г. Когена.
- ¹⁷³ *Щербина* — не установлен.
- ¹⁷⁴ См.: Вопросы философии и психологии. — М., 1914. — Кн. 125 (5). — С. 797 — 826.
- ¹⁷⁵ *Чертков Владимир Григорьевич* (1854 — 1936) — общественный деятель, после смерти Л. Н. Толстого фактически возглавлял толстовское движение.

¹⁷⁶ *Жуковский* Дмитрий Евгеньевич (1883 — 1968) — писатель, философ и помещик. Тратил свои значительные средства на издание философских журналов и книг.

¹⁷⁷ Позже (1923 г.) С. Н. Булгаков стал плохо отзываться о Распутине. См.: Прот. С. Булгаков. Автобиографические заметки, дневники, статьи. — Орел, 1998. — С. 149 — 150.

¹⁷⁸ Булгаков С. Н. Софийность твари (космоидея)// Вопросы философии и психологии. — М., 1916. — № 132/133.

¹⁷⁹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. — М., 1917.

¹⁸⁰ *Северцов* Алексей Николаевич (1866 — 1936) — биолог, с 1911 г. профессор естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, с 1920 г. действительный член АН.

¹⁸¹ Речь идет о статье прот. С. Булгакова «Иуда Искариот Апостол-Предатель», напечатанной в журнале «Путь», № 26 и № 27, 1931.

¹⁸² *Сытин* Иван Дмитриевич (1851 — 1934) — издатель-просветитель. Помимо книг выпускал учебники, научно-популярные и религиозно-философские дешевые брошюры «Религиозно-общественной библиотеки».

¹⁸³ *Кемпе* Альберт Альбертович — по-видимому, отец Лили Кемпе. См. коммент. предыдущего тома.

¹⁸⁴ *Фабрициус-де-Фабрис* Николай Федорович — не установлен.

¹⁸⁵ Здесь пропуск в тексте, по-видимому, Ильин собирался внести имя папы.

¹⁸⁶ *Волконский* Вадим Григорьевич — друг Ильина, его фотоснимки помещены в альбоме «Иван Ильин и Россия» (М., 1999).

¹⁸⁷ *шале* (фр. chalet) — в Альпийских горах в Швейцарии — сельский домик; небольшая дача.

¹⁸⁸ *табльот* (фр. table d'hôte) — общий обеденный стол в пансионах, курортных столовых и ресторанах.

¹⁸⁹ *Поляковы* — не установлены.

¹⁹⁰ *Виндельбанд* Вильгельм (1848 — 1915) — немецкий философ-идеалист, глава баденской школы неокантианства.

¹⁹¹ *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853 — 1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист.

¹⁹² *Da kann ich mir vorstellen, was der mir da hineingeschreiben hat...* (нем.) — тогда я могу себе представить, что он мне туда написал.

¹⁹³ *Каблуков* Иван Алексеевич (1857 — 1942) — русский физико-химик, почетный член АН СССР.

¹⁹⁴ *Гопкинс* Джон (1795 — 1873) — американский миллионер и инвестор, основатель знаменитых Университета Джона Гопкинса и Больницы Джона Гопкинса.

¹⁹⁵ *Якушкин* Николай Вячеславович — педагог, преподавал в 20-х гг. в Государственной академии художественных наук, где в это же время Ильин читал лекции «Введение в эстетику».

¹⁹⁶ Сведений о *Лучинском* Константине Ивановиче — нет.

¹⁹⁷ *Брюшвейлер* Георгий Павлович — швейцарский журналист. Его отец Павел Иванович Брюшвейлер родился в Швейцарии в 1870 г., приехал в Москву в 1894 г. и был настоятелем Евангельско-Реформатской церкви в Москве на Трехсвятительском Малом переулке. Прослужил до 1918 г.,

окармляя довольно большую немецко-французскую общину. В 1919 г. вернулся в Швейцарию, где умер в 1947 г. Был человеком сурового нрава.

Вот воспоминания о его сыне немецкого журналиста Глеба Пара: «У нас в Бреславле он (Брюшвейлер) появился в первой половине 1944 года по рекомендации берлинского центра НТС (Байдаков, Брунст, Поремский). Говорили тогда не только, что отец его был реформаторским пастором, но и он сам, что, в общем, может точно выяснить пастор Фосс. Но и «духовный сан», и карточка журналиста (весьма мало пишущего!) были скорее прикрытием для его политической деятельности, может быть проводимой с ведома и во взаимодействии с швейцарской разведкой. Но имея дело с ним, нельзя было усомниться в его искреннем русофильстве и желании помочь Освободительному движению.

Не помню, по чьей это было инициативе, но я совершил с Брюшвейлером поездку из Бреславля на поезде в город Heidebreck. Это – в Верхней Силезии. Как город теперь называется по-польски – не знаю. Это был крупный центр военной (кажется, в основном – химической) промышленности, отстроенный после захвата Верхней Силезии Германией в 1939 году. Там работало немало русских специалистов и ученых, в частности те, кто в двух вагонах был эвакуирован из Ленинграда сразу после окончания блокады и вывезен на северный Кавказ. Там немцы их и захватили в Пятигорске. Фамилии ученых, которых помню: Кельзи, Ефремов, Бровцын. Последний, вероятно, еще жив и живет в Вашингтоне. По указанию НТС я с 1943 года работал с этими профессорами, стараясь привлечь их в НТС. Помню, Ефремов отказался, с горечью заявив, что «теперь уже поздно». Бровцын поддерживал связь, но от формального вступления в НТС отказался (жена, дочка!). Поэтому он и не был арестован в июне 1944 года, когда всех нас посадили.

И вот, насколько я помню, я Брюшвейлера возил в Хейдебрек именно для встречи с этой группой профессоров и ученых. Может быть, Борис Бровцын вспомнит? Вероятно, тогда же это и было, что Ефремов сказал: «слишком поздно».

Помню почему-то и одну деталь разговора с Брюшвейлером в поезде. Он мне рассказал: «После высадки союзников на юге Италии Гитлер решил оккупировать Швейцарию, чтобы беспрепятственно снабжать свои войска на юге. Швейцарская разведка об этом узнала. Швейцарцы для вида проявили интерес к новейшим немецким танкам и выразили желание купить их в обмен на какие-то цветные металлы, которых у немцев не было. Образцы танков прибыли, и швейцарцы их испробовали. Все было замечательно, но в конце испытания швейцарцы пожелали обстрелять танки из противотанковых орудий. Немцы не только согласились, но и хотели остаться в танках во время стрельбы, настолько, мол, они крепки и надежны. Но немцы не знали, что швейцарский завод Oerlikon выпустил новые противотанковые пушки. Швейцарцы попросили все-таки немецких офицеров вылезти из танков, а потом в несколько минут расстреляли танки в пух и прах. Узнав об этом, Гитлер, якобы, и отказался от мысли захватить Швейцарию.

Почему-то я хорошо запомнил и саму эту историю, и то, что рассказал мне ее именно Брюшвейлер в затемненном поезде – не то по пути в Хейдебрек, не то по пути обратно.

Это было незадолго до арестов членов НТС, которые начались 12 июня 1944 года. Скорее всего — в мае.

О непосредственных встречах Брюшвейлера с Власовым я точно ничего не знаю. Если первые из них были уже в 1943 году, то в отношении И. А. Ильина Власов мог выразить просьбу о составлении для Освободительного движения книги или брошюры типа «Основы борьбы за национальную Россию», выпущенной в 1938 году. Если же были встречи и в 1944 — 1945 годах, то могла идти речь и о приглашении И. А. Ильина в состав Комитета Освобождения Народов России.

Параллельно велись также переговоры с Б. П. Вышеславцевым (не знаю, через Брюшвейлера ли). И тот — под псевдонимом Б. Петров — принял ведь участие в организованном КОНР конкурсе по составлению брошюры с критикой марксизма, и получил, кажется, первую премию. «Нищета марксизма» была после войны напечатана «Посевом» — первое издание под псевдонимом, а потом уже под настоящей фамилией «Вышеславцев».

Почему И. А. Ильин не принял участия в поддержке Освободительного движения? В отличие от рядовых Иван Александрович еще до своего бегства из Берлина полностью раскусил сущность нацизма и не считал себя возможным сотрудничать с немцами даже косвенно». (Из письма Глеба Рара к А. Е. Климову от 26. 08. 1997 на запрос последнего о Г. П. Брюшвейлере.) (Примеч. А. Е. Климова.)

¹⁹⁸ *суперинтендент* (лат. *superintendentens, superintendentis* — верховный надзиратель) — у протестантов — духовное лицо, стоящее во главе церковного округа.

¹⁹⁹ *Митрополит* Сергей (Страгородский) (1867 — 1944) — местоблюститель Патриаршего престола, потом Патриарх Московский и всея Руси.

²⁰⁰ Этими людьми были: проф. Н. Арсеньев, д-р Л. Аксенов, А. Бунге, А. Демидов, д-р В. Геддинг, М. Критский, проф. Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. Ольденбург, проф. Н. Тимашев.

²⁰¹ *Oberburgermeister Hacken* (нем.) — обербурггомистр Хакен.

²⁰² *Розенберг* Владимир Александрович (1860 — 1931) — публицист, историк русской печати, в 1912 г. редактор «Русских ведомостей». Умер в Праге.

²⁰³ *Атараксия* (греч. ἀταραξία — невозмутимость, спокойствие) — полное спокойствие духа, к которому, по учению стоиков, должен стремиться мудрец.

²⁰⁴ *Челпанов* Георгий Иванович (1862 — 1936) — русский психолог, философ и логик.

²⁰⁵ *Чичерин* Алексей Николаевич (? — после 1970) — философ, мемуарист. См. отрывки из его воспоминаний «О «последних русских философах» и о трудах одного из них»// Московский журнал. — № 2. — М., 1992. — С. 28 — 36.

²⁰⁶ *Мейстер Экхарт* Иоганн (1260 — 1327) — немецкий философ-мистик, монах-доминиканец.

²⁰⁷ *Сабуров* Андрей Александрович (? — 1958) — из древнего рода, восходящего к Годуновым, племянник Н. К. Метнера (его мать — Софья Карловна Метнер, отец — А. А. Сабуров, либеральный юрист и деятель народного образования), самый преданный ученик И. А. Ильина, он посещал философский семинар философа в частном доме Е. А. Балиной, где Иван Александрович его проводил.

²⁰⁸ *Ольдекоп* Роман Владимирович (1902 — ?) — участвовал в Кружке христианской молодежи (1921 — 1922), с 1930 по 1935 г. был в заключении в Архангельских лагерях, потом работал главным бухгалтером, позже стал священником. всю жизнь продолжал заниматься философией и богословием. Об этих трудах см.: Ч и ч е р и н А. О «последних русских философах» и о трудах одного из них// Московский журнал. — № 2. — М., 1992. — С. 28 — 36.

²⁰⁹ Так у Ильина.

²¹⁰ *Франк* Семен Людвигович (1877 — 1950) — религиозный философ. В 1922 г. выслан из Советской России.

²¹¹ *Рязанов* (наст. фамилия Гольдендах) Давид Борисович (1870 — 1938) — революционер, «межрайонец», перешедший к большевикам. В 1921 — 1931 гг. директор Института марксизма-ленинизма.

²¹² *Аксельрод* Любовь Исааковна (1868 — 1946) — философ и литературовед, марксистка, с 1903 г. меньшевик, в начале 1917 г. член ЦК меньшевиков.

²¹³ Речь идет о библиотеке Сергея Николаевича Булгакова.

²¹⁴ *Михеев* Михаил Григорьевич (1861 — 1938) — генерал-лейтенант Генштаба, участник войны 1914—1918 гг., инвалид, с 1918 г. в Донской армии, вместе с Врангелем эвакуировался. С 1922 г. в Праге. Председатель Союза русских инвалидов в Чехословакии.

²¹⁵ *Ярёменко* — не установлен.

²¹⁶ *Bunner* Роберт Юрьевич (1859 — 1954) — историк, ученик Герье.

²¹⁷ *Веселовский Степан Борисович* (1876 — 1952) — юрист, в 1917 г. был удостоен Московским университетом степени доктора русского права без защиты диссертации.

²¹⁸ *Богословский* Михаил Михайлович (1867 — 1929) — крупный историк, с 1898 г. приват-доцент Московского университета, а с 1910 г. — профессор.

²¹⁹ *Савин* Александр Николаевич (1873 — 1923) — историк, работал в Московском университете, а также в Институте красной профессуры.

²²⁰ *Bunner* Борис Робертович (1888 — 1967) — историк искусства, музейный деятель.

²²¹ *Pfeiffer-Belli* — не установлен.

²²² *Berliner-Tageblatt* (нем.) — Берлинская Ежедневная газета.

²²³ *Karl von Brebisius* — один из немецких псевдонимов И. А. Ильина.

²²⁴ СС (сокр. от нем. Schlutzstaffeln — охранные отряды) — одна из главных организаций германского фашизма. Создана в 1925 г. для охраны фюрера. В 1929 г. рейхсфюрером СС стал Гиммлер, превративший СС в орган внутривластной разведки, тайной слежки за сопер-

перниками фюрера. Войска СС в годы войны отличались особой жестокостью.

²²⁵ СА (сокр. от нем. *Sturmabteilungen* — штурмовые отряды) — военизированная террористическая организация национал-социалистической трудовой партии Германии. Создана в 1921 г. в Мюнхене. После ликвидации отрядами СС 30 июля 1934 г. руководителей СА (Рем, Эрнст, Гейнес и др.), конкурировавших с Гитлером в борьбе за власть, СА теряет свое значение. Во время войны формирования СА несли полицейскую службу на оккупированных территориях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

¹ Вероятно, в 1955 г. Архив И. А. Ильина, кор. 68, п. 1. Автограф черновика и машинописная копия. Печатается по машинописной копии.

² *Secunden-Tod* (нем.) — мгновенная смерть.

³ Вероятно, по поводу отказа этого издательства выпускать книги И. А. Ильина.

⁴ *Духонина* Наталия Владимировна — не установлена.

⁵ Архив И. А. Ильина. Автограф черновика и машинописная копия.

⁶ Тут оставлено место для указания года.

⁷ Оставлено место для указания года.

⁸ *фери* (фр. *férié*) — праздничный день, день отдыха.

⁹ *улькус* (лат. *ulcus*) — нарыв, язва.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. — I 25
А. З. — I 561
Абданк-Косовский В. К. — II 196, 454
Абеляр П. — I 355, 576
Аблесимов А. О. — II 104, 431
Абрамов Ф. Ф. — I 537
Абрикосов В. В. (Abricossow W.) — I 144, 145, 506; II 323, 357, 358, 359, 474
Абрикосова А. И. — II 474
Августин, св. — I 355, 576; II 233, 310, 465
Авенариус Р. — I 35, 485
Авраам — II 193
Агарта — I 351, 575
Агранов Я. С. (Сорензон) — I 428; II 321, 351, 473
Адам — II 257, 259, 291
Адамов А. К. — II 330, 468
Адамов М. К. — II 468
Адамович Г. В. — II 80, 422
Адеркас А. И. — I 556
Адриан — II 218
Адрианов С. М. — I 74, 76, 488
Адя (Струве Аркадий Петрович) — I 535
Азеф Е. Ф. — I 516, 540
Айвазовский И. К. — II 209
Айналов — II 45
Айхенвальд Ю. И. — I 181, 323, 495, 519; II 95, 320, 329, 330, 429, 468
Аким Простота (псевд.) — II 92
Акиндин — II 445
Аксельрод Л. И. — II 381, 479
Аксенов Л. — II 478
Ал. Ал. — I 446
Алданов М. А. — II 108, 434
Александр I Карагеоргиевич — I 306, 562; II 236, 323, 460
Александр II — I 216, 491, 506, 604; II 49, 151, 388, 475
Александр III — II 360, 475
Александр Михайлович, вел. кн. — II 471
Александра Феодоровна — I 179, 518
Александров И. И. — II 323
Алексеев Г. А. (Alexeieff G.) — II 166, 242, 445
Алексеев И. — I 595
Алексеев М. В. — I 191, 247, 381, 388, 413, 524, 525, 536, 554, 582, 587
Алексеев Н. Н. — II 231, 333, 339, 353, 428, 459
Алексей Николаевич (Романов), цесаревич — II 435
Алексий I (Симанский С. В.), патриарх — II 414
Алексинский Г. А. — I 141, 192, 209, 505, 512, 532, 537
Алферов А. Д. — I 595; II 473
Альфонс XIII — II 151, 442
Анаксимен — II 55, 409
Анастасий Иерусалимский, митр. — I 181-183, 519, 520; II 61, 95, 102, 147, 154, 155, 157, 162, 165, 175, 189, 210, 225, 231, 320, 323, 327, 388, 410, 429, 452, 456, 457, 466

* Настоящий указатель имен сделан для двух дополнительных томов Собрания сочинений И. А. Ильина. Римской цифрой I мы обозначаем «Дневник. Письма. Документы (1903 — 1938)»; римской цифрой II — «Письма. Мемуары (1939 — 1954)».

- Андерсен Г.-Х. — II 298, 464
 Андреев И. М. (псевд. Андриевский) — II 152, 176, 178, 179, 180, 442, 444, 449, 450
 Андреев Л. Н. — I 71, 73, 488; II 363, 475
 Андрикошвили Е. Л. — I 27, 28, 34, 70, 72, 440, 484, 598
 Андрикошвили Л. Н. — I 44, 48, 66, 85, 93, 441, 442, 444, 486, 490, 599
 Андроников — II 325
 Андроников И. Л. — I 483, 486, 491
 Андрониковы — I 444
 Анемподист Чижилов (псевд.) — II 80, 84, 98
 Аничков Е. В. — II 391
 Анна Саввишна — I 447
 Ансельм Кентерберийский — I 355, 576
 Антипенко З. Г. — I 603; II 423, 430, 460
 Антоний (Храповицкий А. П.), митр. — I 137, 139, 140, 329, 503, 505, 554, 566, 576; II 225, 322, 326, 411
 Антонов С. Н. — II 30, 255, 265, 266, 404
 Апраксин В. П. — I 555
 Апраксин П. Н. — I 249, 555
 Апраксины — I 558
 Апулей — I 103
 Аралов С. И. — I 417, 594
 Аристотель — I 532; II 211, 399
 Арсеньев К. К. — I 484
 Арсеньев Н. С. — I 171, 172, 199, 343, 515, 529, 571; II 478
 Артамонова Л. — I 454
 Артем А. Р. (Артемьев) — II 325, 363, 364, 475
 Артемьев М. (Бронштедт) — II 425
 Архангельский А. П. — II 222, 459
 Архангельский П. Г. — I 538
 Аскольдов С. А. (Алексеев) — II 155, 178, 443
 Аспид Василисков (псевд.) — II 34, 405
 Астахов В. Н. — I 579
 Астров Н. И. — I 526; II 327
 Афанасий (Сахаров), еп. — II 450
 Афанасьев А. Н. — II 11, 389, 390
 Афанасьева Н. М. — I 579
 Ахманов А. С. — I 375, 580
 Б. (Белый) (псевд.) — I 243, 245, 246, 248, 249, 251, 254, 255, 551, 553-557; II 140, 141, 145, 147, 148, 150, 235, 440-442, 460
 Б. Петров (псевд.) — II 478
 Баден-Пауэл С. С. — II 412
 Бази И. И. — I 450
 Байдаков — II 477
 Байкалов А. — II 80, 422
 Байков — I 50, 486; II 321, 421
 Байков А. Л. — I 325, 565
 Байрон Д. Н. Г. — I 103
 Бакунин М. А. — II 344, 471
 Бакшеев В. Н. — II 30, 254, 267, 404
 Балакирев М. А. — II 58, 409
 Бален В. А. — I 385, 562, 587
 Балина Е. А. — II 479
 Балины — II 325
 Балмачов А. Б. — I 556
 Бальзак О. де — I 471
 Бальмонт К. Д. — II 274, 462
 Бальцар — II 239, 460
 Барейсс Ш. М. (Bareiss) — II 33, 36, 37, 38, 41, 43, 46, 66, 240, 405, 406, 414, 415
 Бари Виктор А. — I 394, 583, 584
 Бари Владимир А. — I 376, 378-384, 387-405, 407, 408, 413-415, 418-420, 422, 423, 536, 579, 582-588, 594; II 467
 Бари Е. А. — I 586
 Бари З. Я. — I 583, 586
 Барклай Д. — II 394
 Баррас П. — I 215, 540
 Барсуков И. П. — I 492
 Барсукова З. И. — I 101, 492
 Барт К. — II 195, 454
 Барташев — I 392
 Бартельс Э. — I 336, 569
 Бартенев — II 321
 Барыкин К. — I 391-393
 Басов — I 217, 540; II 329, 468
 Бассерман — I 39, 485

- Баталин Н. И. — II 338, 470
 Батый — II 30, 52, 261
 Баумгартен В. Ф. — II 236, 460
 Бах Г. Г. — I 530, 536
 Бах И. С. — I 201
 Бахвалов, следователь — I 431, 434-437
 Бачинский А. И. — I 377, 378, 585
 Бачманов — II 117, 437
 Башилов Б. (Тамарцев М. А.) — II 240, 460
 Бейлис М. Т. — I 84, 490
 Белинский В. Г. — I 84, 490
 Белоголовцев Н. А. — I 552
 Белоруссов-Белевский А. С. — II 343, 471
 Белосельский-Белозерский С. С. — II 144, 222, 235, 441, 459
 Белоусов — I 450; II 321
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) — I 105, 107-110, 493, 494, 590; II 178, 206, 283, 285, 463
 Бельская — I 16
 Беляев Ю. Д. — I 71, 488
 Беляков М. Н. — II 388
 Белянкина — I 25
 Бем Д. А. — II 352, 473
 Бенедиктов В. Г. — II 273, 274, 462
 Бенеш Э. — II 323
 Бен-Чавчавадзе А. Г. — II 70, 416, 417
 Бен-Чавчавадзе Г. Н. (Джока) — II 67, 69, 72, 415, 416
 Бен-Чавчавадзе И. Г. — II 28, 32-37, 41, 43, 47, 67, 70-72, 404, 405, 415, 416-418
 Бен-Чавчавадзе Ник. Г. — II 71, 416, 418
 Бен-Чавчавадзе Нина Г. — II 70, 416, 417
 Беранже П. Ж. — II 91
 Берберова Н. Н. — I 530
 Бёрд Р. — II 418
 Бердяев Н. А. — I 79, 82, 84, 115, 116, 126, 180-183, 314, 317, 319, 322, 462, 489, 490, 495, 499, 518-520, 591, 592, 597; II 153-155, 157, 160, 166, 178, 184, 185, 190, 204, 206, 235, 342, 380, 427, 434, 442, 455, 456, 474
 Бердяева Л. Ю. — I 321, 518, 565
 Берзинь А. А. — II 322
 Берзон В. Я. — I 383
 Бертенсон С. Л. — II 394
 Бессель В. В. — II 58, 409
 Бессонов — I 464, 604
 Бетман М. А. — II 10, 11, 390, 393
 Бетховен Л. ван — II 68
 Бидо (агент. имя) — I 461, 464, 604
 Бикерман И. И. — I 172
 Бикерман И. М. — I 223, 547
 Билимович А. Д. — I 315, 534; II 176, 181, 384, 449, 450
 Бискупский В. В. — I 538, 554
 Бицилли П. М. — I 499
 Благоуещенский И. А. — II 396
 Блок А. — II 119, 178, 206, 293, 294, 437
 Блютнер — II 256
 Бо (агент. имя) — I 465, 605
 Бобринский П. А. — I 200, 251, 530
 Богданов А. А. (Малиновский) — I 217, 544
 Боголепов М. И. — II 359, 381, 475
 Богомоллов А. Е. — II 341, 471
 Богословский М. М. — II 382, 479
 Богров С. Е. — I 381, 383
 Больманн Э. — II 431
 Больман — II 322
 Бонч-Бруевич В. Д. — I 402, 406, 408; II 321, 466
 Борзов В. Н. — II 127
 Борзов Н. В. — II 35, 40, 57, 59, 103, 111-113, 116, 117, 119-121, 124, 125, 127, 129, 131, 132, 135, 231, 406, 435-437, 458
 Борис (Годунов), царь — II 315, 479
 Борман А. А. — I 149, 196, 508, 528; II 109, 434
 Боровиковский В. Л. — II 56, 409

- Бородин А. П. — II 58, 409
 Бортневский В. Г. — I 535-537, 539, 540, 541, 544, 547, 548-558
 Боссюэ Ж. Б. — I 355, 576
 Боткин С. Д. — I 329, 330, 336, 341, 550, 566; II 340, 471
 Боткин С. П. — II 135, 440
 Боткина Н. Е. — I 329, 330, 341, 566
 Боттичелли С. (Алессандро Филиппи) — I 80, 89, 90, 488, 491; II 12, 30, 268, 269, 395
 Боуман — II 339
 Брайкевич М. В. — I 544
 Браун — I 573
 Бредиус О. А. (урожд. Субботина) — II 130, 136, 439
 Брей С. А. — II 55, 322
 Брет Гарт Ф. — I 600, 601
 Бровцын Б. — II 477
 Брун М. И. — I 36, 485; II 334, 469
 Брунст — II 477
 Брусилев А. А. — I 215, 524, 539; II 330, 381, 468
 Бруцкус Б. Д. — I 120, 495, 497
 Брюнинг — II 333, 469
 Брюсов В. Я. — I 68, 487; II 119, 437
 Брюшвейлер Г. В. — II 73, 373-375, 418, 477, 478
 Брюшвейлер П. И. — II 477
 Будда — II 310
 Буденный С. М. — I 215, 539
 Букиник М. Е. — II 12, 394
 Булгаков С. Н. — I 84, 86, 88, 118, 489, 490, 496, 563, 589; II 153, 154, 160, 166, 178, 190, 206, 235, 323, 325, 337, 354, 355, 365, 366, 380, 381, 442, 443, 456, 470, 476, 479
 Бунаков И. И. (Фундаминский) — II 133, 439
 Бунге А. И. — I 151, 152, 153, 172, 178, 200, 202, 205, 330, 509, 529; II 320, 351, 473, 478
 Бунин И. А. — I 529; II 80, 94, 143, 181, 184, 236, 241, 429, 451
 Буняченко С. К. — II 396
 Бурцев В. Л. — I 175, 215, 251, 340, 513, 516, 540, 556, 557
 Буслаев Ф. — II 391
 Бут У. — II 413
 Бутурлин — II 334, 348
 Бухарин Н. Н. — I 217, 543; II 321, 323
 Бушуева Т. С. — I 545
 Бэкон Ф. — I 319, 564
 Бюлер — I 364, 366, 368, 369, 578
 В. Д. (Вера Дмитриевна) — II 226
 Вайнбаум М. Е. — II 163
 Вакар Н. П. — I 140, 504, 505
 Валентинов А. А. — I 257, 558
 Валескалес — I 412, 424
 Вальтер Б. (Шлезингер) — II 297, 464
 Ванька — I 16
 Варлаам Калабрийский — II 445
 Василевская В. — II 380
 Василий Великий, св. — II 154, 167, 193, 445
 Василий Львович — I 342, 570
 Васильев — II 321, 344
 Васильев Н. А. — II 472
 Вая (Ильин В. С.) — I 259, 270, 271, 274-277, 282-285, 294, 296, 297, 541, 559, 560; II 354
 Вашенко — I 383, 385, 386, 400, 587, 588
 Вегнер А. Ю. — II 388
 Вейнбаум М. Е. — II 411, 444
 Вейнингер О. — I 35, 485
 Вейсберг Ю. Л. — I 37, 38, 42-44, 47, 48, 57-61, 63-65, 485
 Вейсман В. — I 452
 Венгеров, следователь — I 378, 379, 581, 585
 Венедикт, архиеп. — II 235
 Вёрман — II 45
 Вернадский Г. И. — I 499
 Вероккио А. дел — II 257, 461
 Веронезе П. (Кальяри) — II 307, 308, 465
 Веселовский А. Н. — II 391
 Веселовский С. Б. — II 382, 479
 Вестарп — I 166, 513
 Викентий Лиринский, св. — II 452

- Виктория Федоровна, вел. кн. — II 122, 355, 438
 Виктория, королева — I 518
 Вильямс Д. — I 495
 Вильгельм II — II 358
 Вильям — I 336, 342, 569
 Винавер А. М. — I 92, 491
 Винавер М. М. — I 222, 491, 546, 547
 Виндельбанд В. — II 326, 352, 369, 476
 Виноградов Н. Д. — I 375, 581; II 336, 470
 Виноградов П. Г. — I 139, 141, 504
 Винчи Л. да — II 30, 266, 267, 295, 296, 304, 305, 307, 308, 404, 461, 464
 Виппер Б. Р. — II 479
 Виппер Р. Ю. — II 326, 381, 382, 479
 Вирт К. Й. — I 218, 545
 Вися (Гуревич В. Я.) — I 25, 81, 85, 441, 444, 483, 489; II 325*
 Витковский В. К. — I 541, 542
 Витт, св. — II 287
 Вишняк М. В. — I 167, 473, 474, 514; II 128, 439
 Владимир Кириллович (Романов), вел. кн. — II 137, 138, 140, 141, 144, 145, 147, 148, 150, 151, 221, 327, 438, 440, 443, 458, 459
 Владимир Мономах — I 569
 Владимир, св. — II 408
 Владимир, свящ. — II 225
 Власов А. А. — II 13, 373, 395, 396, 398, 419, 455, 478
 Власов, пароходчик — II 163, 444
 Влезков П. В. — I 525
 Воздвиженский, следователь — I 414, 415, 424, 589, 594
 Войновский-Кригер Э. Б. — I 561
 Войцеховский С. Л. — II 388
 Волков Е. Е. — I 599
 Волкова Н. В. — I 475
 Волковыский Н. М. — II 126, 324, 438
 Волконская Е. П. (урожд. Столыпина, по первому мужу — Щербатова) — II 369
 Волконская, кн. — II 146, 441
 Волконский А. М. — I 356, 576; II 323
 Волконский В. Г. — II 369, 476
 Волконский П. М. — II 356, 474
 Волконский С. М. — II 323, 355, 356, 474
 Воловский — II 324
 Володька — I 19
 Волошин М. А. (Кириенко-Волошин) — II 119, 437
 Волошин Ф. Е. — II 439
 Волошина М. Т. — II 130, 439
 Вольнский А. Л. (Флексер Х. Л.) — I 26, 483, 484
 Волькенштейн В. М. — I 72, 488
 Вольпин Н. — II 466
 Вольфинг — II 391
 Вомин — II 324
 Воробьев — II 380
 Воровский В. В. — I 577
 Воскресенский А. Д. — I 383
 Врангель О. М. (урожд. Иваненко) — I 248, 251, 258, 555, 558
 Врангель П. Н. — I 159, 161, 190, 191, 193, 208, 210-214, 224, 225, 230, 231, 236, 238-244, 246, 247, 249, 250, 252-257, 268, 488, 496-498, 502, 509-512, 515, 516, 518, 520, 521, 523-527, 532, 535-537, 539, 540, 541, 543, 544, 549, 550-558, 566; II 136, 322, 326, 376, 436, 437, 449, 451, 455, 459
 Вреден Н. Р. — II 181, 241
 Врун — I 538

* Как выяснилось при составлении указателя имен, двоюродный брат Ильина Виссарион Яковлевич Гуревич был (начиная с 1925 г.) первым директором Русского заграничного исторического архива в Праге (более известного как Пражский архив).

- Вышеславцев Б. П. — I 322, 565; II 178, 231, 321, 323, 333, 339, 353, 427, 460, 478
- Габричевская Е. В. — I 570
- Габричевский А. Г. — II 457
- Габричевский Г. Н. — I 340, 570; II 334, 457, 469
- Габричевский Е. Г. — I 340, 570; II 211, 457
- Габричевский Ю. Ю. (Габричевский Г. Г.) — I 341, 570; II 45, 118, 120, 124, 127, 256, 407, 438, 457
- Гавриил Константинович (Романов), вел. кн. — II 327
- Гагарин Н. В. — I 381, 388, 390, 413, 582, 584
- Гален, врач — II 293
- Гамсун К. (Педерсен) — II 279, 463
- Ганецкий Я. С. (Фюрстенберг) — I 218, 544
- Гартман — I 16
- Гауптман Г. — I 23, 24, 475
- Гафиз Ш. — II 317, 466
- Геббельс Й. — I 603
- Гегель Г. В. Ф. — I 16, 47, 72, 87, 90, 92, 101-103, 329, 355, 401, 414, 475, 489, 566, 585, 588-590; II 22, 25, 73, 74, 180, 205, 321, 326, 334, 335, 347, 351, 370, 377, 400, 419, 448, 467
- Гедеонов — II 230
- Гейнес — II 480
- Генрих Иванович — II 24
- Георгий (Шавельский), протопресвитер — II 454
- Георгий Александрович (Романов), вел. кн. — II 438
- Георгий, св. — II 308
- Гераклит Эфесский I 16; II 55, 180, 211, 293, 311, 409
- Герасимов М. А. — I 384; II 327
- Геринг Г. — II 456
- Германова М. Н. (Красовская) — I 72, 488
- Гермес А. — I 545
- Гернет М. Н. — I 112, 494
- Герцог Г. А. — II 393
- Герцык А. К. — I 489, 600
- Гершензон М. О. — I 84, 490
- Герье В. И. — I 70, 101-103, 488, 492, 493; II 336, 470
- Герье Е. В. — I 102, 103, 493
- Герье Е. И. — I 70, 488
- Герье С. В. — I 102, 103, 493
- Гессен И. В. — I 119, 461, 497, 515, 569; II 347, 472
- Гессен С. И. — I 89, 119, 221, 490, 497, 569; II 321, 333, 349, 350, 469
- Гете И.-В. — I 104, 105, 108, 493, 494, 564; II 286, 316
- Гефдинг В. Ф. (Федоров В.) — I 145, 151-153, 156, 159, 160, 172, 173, 178, 183, 184-188, 196, 197, 201, 207, 268, 324, 337, 507, 509, 515, 517, 520-522, 528, 530; II 478
- Гидулянов П. В. — I 81, 489, 604; II 321, 326, 334, 335, 337-340, 469
- Гиммлер Г. — II 479
- Гиппиус З. Н. (псевд. Антон Крайний) — I 38, 181, 207, 325, 327, 485, 514
- Гирс М. Н. — II 340, 470
- Гирс Н. К. — II 470
- Гитерман В. — II 14
- Гитлер (Хитлер) — I 460, 603, 604; II 8, 126, 128, 247, 383, 389, 395, 397, 398, 411, 424, 425, 456, 477
- Глазенап П. В. — II 97, 430
- Глазунов А. К. — II 134, 439
- Глинский Б. В. — I 483, 398
- Глобачев Н. И. — I 171, 172, 515
- Глузман — I 383
- Говоров — II 425
- Гогель С. К. — I 128, 186, 500, 522
- Гоген П. — II 58, 410
- Гоголь Н. В. — II 55, 58, 59, 209, 310, 408
- Голицын, полковник — II 321, 348, 472
- Головин А. — I 455
- Головин Н. Н. — II 142, 441
- Голубкина А. С. — II 283, 286, 463

- Гольдман М. Ю. — I 405, 409, 418, 593
 Гольдовская Р. М. (Хин, Фельдштейн) — II 351, 473
 Гольдовские — II 351
 Гольдштейн А. В. — I 100, 492
 Гончаров В. — I 580, 581, 585
 Гопкинс Д. — II 371, 476
 Горбунов-Посадов И. И. — I 99, 492
 Горев-Галкин — II 326, 372, 373
 Горный С. (Оцуп) — II 126, 166, 324, 438, 445
 Городецкий — I 23, 476
 Горчаков К. — II 435
 Горчаков М. А. — II 388
 Горшков И. Н. — I 426
 Горький А. М. — I 462, 490, 501
 Горянский В. И. (Иванов) — II 311, 465
 Готье Ю. В. — I 92, 112, 491, 494, 580
 Гофман И. — II 394
 Граббе Г. — II 82, 422
 Граббе, барон — II 422
 Граве А. А. — I 374, 580
 Грейнер А. В. — II 394
 Гриб — II 29
 Грибунин В. Ф. — II 364, 475
 Григорий Богослов, св. — II 154, 167, 193, 445
 Григорий Палама, св. — II 167, 233, 445
 Григорий Турский (Флоренский), еп. — II 310, 465
 Grimm Д. Д. — I 259; II 327
 Grimm И. Д. — I 192, 197, 203, 259, 512, 525, 528
 Grimm Э. Д. — I 525
 Громов Д. А. — I 376, 378, 379, 381, 382, 389, 390, 393, 395, 398-400, 405, 407, 413, 415, 418, 419, 581-583, 586-588, 594
 Громов Н. — I 559
 Громова О. П. — I 602
 Гроций Г. — II 81, 422
 Грузенберг — I 541
 Грузинов — I 389
 Грушка А. А. — I 112, 494; II 321
 Грушков — I 583
 Губарев — I 16
 Гувер Г. К. — I 219, 546
 Гукасов А. О. — I 193, 196, 251, 292, 326, 327, 512, 521, 522, 526, 529, 565; II 133, 165, 341, 439, 471
 Гуль Р. Б. — II 76, 81, 90, 91, 93, 97, 420, 423, 426, 428
 Гуревич А. Я. — I 23, 28, 93, 476, 491
 Гуревич Г. Я. — I 67, 85, 440, 442, 444, 447, 459, 487, 490
 Гуревич Е. Я. (в замуж. Андроникашвили) — I 25, 28, 34, 44, 48, 50, 51, 65, 70, 440, 442, 483, 484, 486, 491, 599
 Гуревич Елена I 24, 27, 30, 36, 39, 43, 44, 48, 49, 58, 60, 62, 65, 70, 72, 75, 79, 80, 82, 85, 86, 89, 91, 459, 483, 484
 Гуревич Л. И. (урожд. Ильина) I 81, 94, 98, 440, 442, 444, 476, 483, 487, 489, 491, 598, 600; II 362
 Гуревич Л. Я. — I 20, 23, 25, 27, 29-32, 34-37, 39, 44, 48-51, 58, 60, 61, 65, 67, 68, 71, 72, 75, 76, 78-80, 82, 85, 86, 90, 91, 93, 98, 442, 444, 448, 459, 474-476, 483, 484, 601; II 362
 Гуревич Н. — I 459
 Гуревич О. В. — I 490
 Гуревич Я. Я. — I 95, 445, 491, 599
 Гуревич, врач — I 103
 Гуревичи — I 20
 Гурко Вас. И. — I 518
 Гурко Вл. И. — I 179, 518, 537, 584
 Гуссерль Э. (Хусерль) — I 47, 52, 485, 486; II 326, 347, 377, 421, 472
 Гучков А. И. — I 132, 187, 194, 210, 248, 251, 501, 523, 527, 536, 537, 555, 557, 584; II 126, 324, 438
 Гюйо Ж. М. — I 35, 485
 Гюрджиев Г. И. (Гурджиев) — I 575; II 55, 409
 Д'Эрбиньи М. — I 144, 506; II 332, 457, 469

- Даватц В. X. — I 161, 200, 238, 239, 240, 241, 242, 511, 512, 519, 523, 525, 550-552; II 81, 422
- Давыдов А. А. — I 171, 177, 515; II 153, 443
- Давыдов (Давидов) И. А. — I 84, 490
- Давыдов А. В. — I 194, 526; II 324, 327
- Далин Д. Ю. (Левин) — II 82, 422
- Даль — I 430
- Даль В. И. — I 526, 570; II 10, 69
- Даниил, пророк — I 562
- Данте А. — II 66
- Дарий, царь — I 562
- Даскалов — I 542
- Дворников — II 378
- Дейн. — II 82, 422
- Дейч Л. Н. (урожд. Миловидова) — I 458, 603
- Демидов А. — II 478
- Демидов И. П. — I 136, 137, 140, 503
- Деникин А. И. — I 190, 191, 244, 247, 256, 327, 498, 524, 526, 553, 554, 557; II 322, 324, 348, 438
- Деннерт Э. (Dennert) — II 211, 457
- Дерюгин М. Г. — II 169-176, 445, 448, 449
- Дерюгина Е. М. — II 449
- Дерюгина М. А. — II 168-170, 172-175, 445, 447-449, 461, 467
- Дерюгина Н. М. — II 449
- Дерюгина Т. М. — II 175, 449
- Дерюгины — II 445, 449
- Дерягин В. Я. — I 492
- Детердинг — I 333, 567
- Джемс У. — II 232, 460
- Джованни М. ди — II 256, 461
- Джунковский В. Ф. — II 325, 359, 360, 475
- Джунковский Е., ген. — II 475
- Дзержинский Ф. Э. — I 217, 380
- Диakoнов А. М. — I 418
- Диамантиди А. П. — II 18
- Дидим, юридивый — II 245, 271
- Диккенс Ч. — I 600, 601
- Диодор (Колпинский), свящ. — I 511
- Дисский А. — I 550
- Дмитриев — I 450
- Дмитрий Донской, кн. — II 133, 374
- Дмитрий, царевич — II 382
- Днепров Р. (псевд.) — II 451
- Добролюбов Н. А. — II 276, 462
- Добронравов Л. М. (псевд. — Фонич) — I 140, 505
- Добужинский М. В. — II 394
- Долгополов Н. С. — II 135, 440
- Долгоруков П. — I 513
- Дорофеев — I 393
- Достоевский Ф. М. — I 486, 566; II 11, 34, 45, 83, 90, 344, 428, 458
- Драгомиров М. И. — II 325, 360, 475
- Драшусов В. А. — I 28, 484
- Драшусовы — I 28
- Дрейер В. Н. — I 244, 256, 553
- Дроздовский Н. Г. — II 455
- Дубровин А. И. — I 543
- Дуковская М. П. — I 532
- Дурново С. П. (урожд. Волконская) — II 323, 355, 474
- Дурылин С. Н. — II 57, 409
- Духонина Н. В. — II 385, 480
- Дьяков — I 382
- Дьяков Ю. Л. — I 545
- Е. — I 457
- Ева — II 291
- Евгений, свящ. — I 448, 601
- Евгения, матушка — II 454
- Евлогий (Георгиевский), митр. — I 314, 329, 511, 520, 554, 563, 566; II 468
- Евреина А. М. — I 483
- Евтушевский В. А. — II 39, 406
- Егоров Д. Н. — I 84, 92, 490
- Екатерина II — II 88, 355
- Екатерина Андреевна — I 446
- Ел. Вл. — I 446, 602
- Елевферий (Богоявленский), митр. — I 352-354, 357, 358, 575, 576; II 324
- Елизавета, имп. — II 203
- Елисеев Г. З. — II 392

- Еренрейх — I 583
 Ермаков А. — II 126, 438
 Ермолай, пресвит., св. — II 412
 Ефимов Д. П. — I 19, 30, 474
 Ефимовский Е. А. — I 498, 505
 Ефремов — II 477
 Жантильом И. — II 130
 Жданов А. А. — II 421
 Жданов В. А. — I 450, 453
 Жебунев — I 188
 Железнов В. Я. — I 92, 491
 Железняков А. Г. — I 217, 541
 Жестков М. — I 424, 425
 Жиленков Г. Н. — II 396
 Жилинский В. Б. — I 388, 390, 413, 582, 583
 Житкова Н. А. — I 342, 570
 Жуковские — I 446
 Жуковский В. А. — I 602; II 42, 407
 Жуковский Д. Е. — I 83, 489, 600; II 325, 365, 366, 476
 Журавлев — I 450
 Забелин И. Е. — II 40, 406
 Завалов — I 594
 Зайончковский А. М. — I 215, 539; II 330, 381, 468
 Зайцев Б. К. — I 518; II 113, 133, 184, 436, 451
 Зайцев К. И. (архим. Константин) — I 136, 141-143, 156, 157, 176, 182, 202, 315, 502, 505, 512, 517; II 152, 155, 158, 162, 164, 166, 167, 410, 442, 468
 Закутный Д. Е. — II 396
 Залкман — I 251, 556
 Зандер Л. А. — II 206, 442, 456
 Зарайский — I 436
 Захаров — I 389, 582
 Захаров, милиционер — I 425
 Зверев Г. А. — II 396
 Зеелер В. Ф. (Зелер) — II 75, 130, 184, 185, 419
 Зеленин Д. К. — II 391
 Зеньковский В. В. — I 520; II 350, 428, 438, 473
 Зиверт — II 324
 Зигварт Н. — I 487
 Зиле Р. М. — I 346, 534, 571, 578; II 18-20, 27, 47, 323, 388, 400, 454, 455
 Зиммель Г. — I 59, 100, 487; II 326
 Зиновьев Г. — I 461, 462
 Зоценко М. — II 24, 402
 Зубашев Е. Л. — I 495
 Зызыкин — II 339, 470
 И. (псевд.) — I 508
 И. К. — I 561
 И. Л. (псевд.) — II 361, 475
 И. С. — II 70
 Иаков, ап. — I 355
 Ибсен Г. — II 279, 463
 Иван Грозный — II 239, 315, 416
 Иваненко Н. М. — I 248, 251, 555
 Иванов Вяч. И. — I 84, 86, 88, 490; II 166, 178, 206, 278, 463
 Иванов И. Д. — I 23, 475
 Иванов Н. (псевд.) — I 484
 Иванова Г. Н. — II 394
 Ивер (псевд.) — I 150, 166, 169, 193, 508, 515, 531
 Ивицкий, генерал — II 144, 146, 441
 Игнатов И. Н. — I 71, 488; II 107, 434
 Игнатъев — I 584
 Иеллинек Г. — II 329, 468
 Изгоев А. С. (Лянде А.) — I 119, 497
 Ильенко В. — II 114, 436
 Ильин А. И. — I 21, 22, 24, 439, 440, 442, 451, 455, 475, 491, 559, 598, 599
 Ильин А. Н. — I 441, 448, 598, 601
 Ильин А. Ф. — I 604
 Ильин Александр А. — I 17, 20, 21, 27, 441, 473, 475, 476, 598
 Ильин Алексей А. — I 449-453, 456, 458, 599, 602, 603
 Ильин В. Н. — I 499, 506; II 128, 216, 438, 458
 Ильин И. И. — I 21; II 49, 325, 408
 Ильин Иван А. (Iljin I.) I 152, 153, 171, 172, 178, 189, 210, 212, 224, 225, 230, 231, 236, 238, 239, 240, 242-244, 246, 249, 252, 254, 256, 262, 269, 300, 303, 308, 326, 349, 373, 374, 375-377, 379-388, 390-

- 393, 395, 398-407, 410-412, 414-438, 441, 445, 449, 460-466, 471-476, 483-489, 491-499, 501-504, 506-510, 512-539, 541, 548-583, 585-600, 602-605; II 9, 13, 15, 19, 35, 71, 72, 74, 103, 128, 152, 156, 157, 162, 166, 190, 191, 242, 249, 338, 339, 344, 351, 357, 358, 366, 372, 375, 379, 380, 384-397, 399-408, 410-412, 414-423, 425-432, 435-462, 466-469, 472-474, 476, 478-480
- Ильин Игорь А. — I 441, 445-449, 457-460, 475, 505, 595, 598-601, 603
- Ильин М. А. — I 598
- Ильин Н. И. — I 598
- Ильин П. И. — I 447, 601
- Ильин С. И. — I 447, 474, 532, 541, 543, 598, 600-602
- Ильин Ю. А. — I 447, 600
- Ильина Е. Н. — I 445, 447
- Ильина Е. Ю. (Швейкерт) — I 16, 19-22, 330, 440, 443, 444, 449, 451-460, 473, 598-602; II 427
- Ильина Л. И. (урожд. Пузырева) — II 408
- Ильина Н. А. (урожд. Дейч) — I 446, 449, 458
- Ильина Н. И. — I 559*; II 323, 354, 355
- Ильина Н. Н. (урожд. Вокач) — I 16, 17, 31, 33-38, 43, 44, 50, 59, 60, 65, 66, 72, 80, 85, 86, 89-91, 99, 100, 116-118, 133, 135, 136, 163, 243-245, 247, 250, 253, 254, 257, 258, 261, 263, 267-274, 276, 278, 280, 282-284, 287, 289-292, 294, 295, 297, 298, 300-303, 305, 311-313, 316, 330, 331, 335, 338, 342, 349, 363, 366, 368, 369, 412, 472-474, 484, 485, 487, 489, 491, 493, 496, 533, 534, 559, 562, 563, 594, 600; II 11, 15, 20, 25-27, 32, 35, 38, 39, 41, 42, 49, 51, 54, 56, 58, 60, 61, 63, 70, 72, 73, 76, 91, 98, 119, 150, 151, 166, 169-171, 176, 182, 184, 230, 305, 339, 346, 348, 354, 370, 384, 385, 392, 402, 403, 416, 417, 420, 422, 427, 428, 430, 445, 458, 461
- Ильинский И. В. — I 25, 408
- Ильины — I 143, 562, 602; II 428
- Илья Муромец, св. — II 391
- Илья, пророк — II 169
- Иоанн VI Антонович — II 119, 437
- Иоанн Бруклинский, еп. — II 142
- Иоанн Дамаскин, св. — II 167, 445
- Иоанн Златоуст, св. — I 355, 576; II 167, 445
- Иоанн Креститель, пророк — I 200; II 34, 181, 405
- Иоанн Рижский (Поммер), архиеп. — I 344, 571; II 111, 112, 115, 117, 118, 120, 134, 160, 323, 327, 405, 436
- Иоанн, ап. — II 169, 379
- Иоанн, архиеп. (Шаховской Д. А.) — I 343, 352, 354-358, 570, 575; II 155, 323, 324, 425, 426, 443, 452, 467
- Иоанн, свящ. — I 342
- Иов Многострадальный, св. — I 311, 355
- Иов Почаевский, преп., св. — II 418
- Иов, архим. — II 234, 444, 460
- Иов, игумен — II 158, 444
- Иоиль, пророк — II 453
- Ипатьев — I 518
- Исаия, пророк — II 453
- Истомина — I 425
- Иуда Искариот — II 366, 443, 476

К. — I 178, 517

К. О. В. — I 21, 475

К. П. (псевд.) — I 507, 528

Каблуков Н. А. — II 336, 470

Каблуков И. А. — II 326, 371, 476

* На этой странице жена Василия Сергеевича Ильина Нина Ивановна Ильина ошибочно названа Наталией Николаевной.

- Казем Бек А. Л. — I 464, 513; II 455
- Каледин А. М. — I 377, 381, 382, 388-390, 393, 400, 404, 415, 423, 424, 582, 584, 587
- Калинников И. Ф. — I 131, 501
- Каменев Л. Б. (Розенфельд) — I 217, 233, 544; II 321, 323, 326
- Каменев С. С. — I 215, 539
- Камерон — I 450
- Каминка А. Ю. — I 495
- Каминка И. А. — I 515
- Кант И. — I 25, 26, 84, 88, 355, 483, 486, 490; II 421
- Каптерев П. Н. — I 374, 377, 378, 580
- Карабегов И. А. — II 353, 474
- Карин С. — II 109, 434
- Карпенко С. — I 558
- Карпов — II 352
- Карпократ — II 465
- Карсавин Л. П. — I 118, 125, 318, 495, 496, 499; II 190, 452
- Карталов — I 403
- Карташев А. В. — I 141, 166, 182, 251, 314, 462, 490, 499, 505, 513, 537, 562, 563; II 130, 131, 145, 157, 187, 191, 214, 452, 454, 458
- Карташева П. П. — II 195
- Кассо Л. А. — I 47, 59, 402, 486, 487; II 335, 469, 470
- Касторский — II 391
- Катаньян Р. П. — I 418
- Като — II 108, 434
- Каутский К. — I 18, 473
- Качалов В. И. (Шверубович) — I 69, 73, 74, 488; II 362, 363, 475
- Квартиров А. А. — I 603; II 169-171, 175, 447, 448
- Квартирова Н. Я. (урожд. Комова) — II 169, 172, 174, 176, 448, 449
- Кебле Д. — II 412
- Кевин Ла Вин — I 567; II 398
- Кедров М. А. — I 537
- Келле Г. — I 374
- Келлер В. В. — I 172
- Кельзи — II 477
- Кемпе А. А. — II 326, 368, 476
- Кемпе Л. А. — I 441, 443, 444, 447-449, 598, 601; II 476
- Кенкель — I 179, 550
- Кеппен Б. Г. — I 122, 246, 247, 498, 505, 515, 553, 554; II 356, 474
- Керенский А. Ф. — I 123, 145, 216, 228, 237, 238, 244, 389, 498, 513, 553, 592; II 110, 344, 346, 435
- Кизеветтер А. А. — I 71, 115, 488, 495
- Киндяков Н. — I 513
- Кипренский О. А. — II 265, 462
- Киприан, архим. — II 233
- Кир — II 218
- Кирилл Владимирович (Романов) (г. Кобург), вел. кн. — I 144, 154, 165, 226, 464, 502, 506, 509, 513, 515, 540, 548-550; II 8, 355, 368, 388, 389, 438, 440
- Кирилл Иерусалимский, св. — II 154, 179, 443
- Киселев А. Н. — II 25, 396, 402, 418
- Кистяковский Б. А. — I 17, 54, 85, 473; II 320, 333, 334, 336, 345, 469
- Кистяковский И. А. — II 320, 330, 331, 340, 381, 468
- Климент (Александрийский), св. — I 355, 576
- Климов А. Е. — I 472, 603; II 26, 28, 44, 47, 50, 53, 399, 400-407, 409-411, 412, 415-418, 435, 436, 439-441, 452, 456, 458, 461, 478
- Климов Г. Е. — I 347, 351, 575; II 32, 42-47, 53, 66-71, 399, 405, 407, 415-418
- Климов Е. Е. (Klimow E.) — II 18-23, 25, 26, 28-42, 44-47, 49-51, 53, 54, 56, 57, 59-64, 67, 72, 260, 261, 399-412, 415, 418, 461, 469
- Климов И. Е. — II 25-28, 44, 47, 50, 53, 400
- Климов К. Е. — II 18-20, 22, 26, 27, 32, 33, 35, 36, 41, 43, 45,

- 46, 48, 54, 59, 63, 64, 68, 120, 134, 322, 399, 400, 403, 405, 408, 412, 414, 415, 436, 439, 443
- Климова Е. Н. — I 418
- Климова К. Г. — II 28, 54, 68, 403, 408, 414, 415
- Климова М. А. — II 19, 20, 23, 26, 31-34, 36, 37, 39, 41, 42, 47, 49, 61, 399, 407
- Климова М. К. (урожд. Морозова) — II 19, 23, 26, 31, 34, 36, 41, 42, 44, 50, 53, 54, 400
- Климова С. Т. (урожд. Теодорович) — II 67-69, 71, 415, 417, 418
- Климович Е. К. — I 537
- Климовы — II 18, 399, 436
- Клинггер — I 564
- Клюгер И. И. — I 418
- Ключевский В. О. — I 338, 569; II 229, 470
- Ключников Ю. В. — II 81, 93, 428
- Княжнин Я. Б. — II 104, 431
- Ковалевский Е. П. — I 561
- Ковалевский М. М. — II 340, 341, 470
- Коган А. Э. — I 126, 499
- Коген Г. — II 475
- Кожевников Г. А. — II 457
- Кожин И. А. — I 418
- Кожуров В. — I 378, 380
- Койгенша — I 38
- Коковцев В. Н. — I 537, 584
- Кокошкин Ф. Ф. — I 217, 540; II 320, 328, 329, 361, 468
- Кокошкина М. Ф. — II 329
- Колесников А. — II 164, 444
- Коллеони Б. (Colleoni) — I 337; II 257, 308, 461
- Колчак А. В. — I 507, 584; II 349, 471
- Кольберг О. — I 352, 575
- Кольцов М. — I 503
- Коля Чижиков (псевд.) — I 192
- Комаров К. Н. — I 418
- Комаров С. В. — I 418
- Комаровский С. Л. — II 323
- Комиссаров М. С. — I 216, 540, 541
- Кони А. Ф. — I 490
- Кононов И. А. — II 388
- Конрад — II 240, 241
- Конради М. — I 577
- Константинов П. Ф. — II 135, 440
- Конуровский Ф. — I 451
- Конфуций — II 154, 233, 245, 443
- Конюс О. Н. — II 394
- Корбуков В. Д. — II 396
- Корелина Н. П. — II 325, 361, 370, 475
- Корнилий (Малюшицкий К. Н.), архим. — II 72, 418
- Корнилов Л. Г. — I 135, 140, 229, 244, 377, 381, 382, 388-390, 393, 400, 404, 415, 423, 424, 502, 524, 548, 553, 554, 582, 584, 585, 587; II 321, 348, 349, 451
- Коробкин Ф. С. — II 352, 473
- Коровин К. А. — II 57, 409
- Короленко — II 359, 474
- Короленко В. Г. — I 490
- Коршунов — I 385
- Косинский В. А. — II 229, 459
- Косминский Е. А. — I 374, 375, 377, 378, 408, 580
- Костомаров Н. (псевд.) — I 71, 73, 488
- Костомаров Н. И. — II 392
- Котляревская М. Н. — I 555
- Котляревский Н. М. — I 231, 249, 250, 251, 252, 254, 257, 549, 555, 558
- Котляревский С. А. — I 54, 81, 84, 85, 487; II 321, 335, 337, 338, 340, 351, 469
- Кошко А. Ф. — II 344, 472
- Кр. — I 287
- Краак — II 324
- Кравцов В. А. — II 388
- Кравченко В. А. — II 197, 425, 454
- Крамарж К. П. — I 192, 259, 261, 267, 268, 270, 271, 274, 280, 282-285, 287, 289-292, 294,

- 297-301, 303-309, 525, 559; II 323, 354
- Крамарж Н. Н. — I 259-263, 267, 269-271, 273, 275, 277, 279, 281, 283, 285-291, 293-295, 297, 299, 301-305, 308, 310, 313, 525, 559; II 354
- Крамаржи — I 192, 259, 559; II 353, 474
- Крандиевская А. Р. — I 23, 475
- Крандиевская Н. В. — I 23, 475
- Крандиевский — I 23
- Красин Л. Б. — I 222, 546, 547
- Краснов П. Н. — I 531, 537, 561; II 425, 437
- Крастельсон М. — I 385
- Крейн А. А. — I 487
- Крейн К. А. — I 64, 487
- Крейцер Ю. Л. — I 70, 485
- Кречетович Л. М. — I 375, 377, 378, 408, 580
- Кривошеин А. В. — I 254, 557; II 330, 468
- Кривошеин В. В. — I 379, 381-383, 388-391, 393, 395-398, 400, 404, 405, 407, 413, 422, 423, 579, 582, 585-587, 594
- Критский М. — II 478
- Крототкин П. — I 456
- Кроткова Х. П. — II 198, 227, 459
- Крупенский П. Н. — I 146, 508
- Крупп — I 84, 88, 490
- Крупчатников В. Н. — I 418
- Крутиков Б. — II 157
- Крыленко Н. В. — I 378, 380, 402, 585
- Крылов В. И. — I 385, 588
- Крылов И. А. — II 59, 410
- Крэг Г. Э. Г. — I 488
- Ксюнин А. И. — I 175, 517
- Кубицкий А. В. — II 336, 377, 380, 470
- Кудрявцев — I 450
- Кузмин М. А. — II 294, 464
- Кузубова М. А. — I 352, 575
- Кузьмина-Караваева (мать Мария, урожд. Пиленко) — I 565
- Кузьмин-Караваев Д. В. — II 474
- Куколь-Яснопольский В. Н. — II 388
- Кулаев В. П. — II 222, 223
- Кулаев И. В. — II 35, 117, 128, 222, 223, 406, 435
- Кулаева — II 137
- Кульман Г. Г. — II 153, 442
- Кульман Н. К. — I 322, 565; II 478
- Куприянова Т. — II 380
- Куракин А. М. — I 567; II 388
- Куриков — II 97, 422
- Куропаткин А. Н. — I 484
- Кускова Е. Д. — I 119, 317, 497, 563; II 15, 397, 424
- Куссевицкий С. А. — II 128, 143, 439
- Кусурова А. — I 439
- Кутепов А. П. — I 184, 191, 250, 520, 537, 540, 554, 556, 557, 561; II 322, 326, 327, 376
- Кутырина Ю. А. — II 130, 136, 236, 439
- Кьеркегор С. — II 154, 443
- Кэйхель Эр. — I 561
- Л. — I 85
- Ладнов Ф. К. — I 587
- Лазаревский В. А. — II 75, 419
- Лалиберте А. — II 43, 134, 407
- Ламарк — I 123, 498
- Лампе А. А. фон (псевд. Л. Г. Семеновский) — I 179, 224, 238, 240-242, 255, 256, 464, 518, 537, 539, 549-558; II 95, 114, 119, 136, 146, 237, 321, 324, 429, 430, 436, 437, 440, 441, 449
- Ландау Г. А. — I 223, 547; II 325
- Лани — II 46, 407
- Ланская А. Н. (Оболенская, фон Розен) — I 376, 377, 381, 382, 387-390, 393, 394, 396, 398, 399, 413, 415, 419-422, 582-585, 593, 594
- Лаппо И. И. — I 268, 559
- Ласк Э. — II 326
- Лассон Г. — I 101
- Лаури Д. И. — II 147, 154, 156, 157, 165, 231, 441, 460
- Лбов — II 321, 343, 344
- Левашов В. — II 89, 426

- Левенталь Г. А. — I 375, 381, 580, 581
 Левин И. О. — I 547
 Левин С. Я. — I 251, 556; II 99, 430
 Левинсон А. Б. — I 376, 581
 Левитан И. И. — II 44, 56, 407
 Левицкий С. А. — II 431
 Левкович Г. М. — I 474, 599
 Ледницкий А. Р. — I 84, 489
 Лейббрандт — I 465
 Лейбниц Г. В. — I 355
 Лейтендорф — I 405
 Лейхтенбергский Г. Н. — I 173, 188, 516, 523, 531, 551-553; II 122, 324, 437
 Лейхтенбергский С. Г. — II 324
 Леман-Абрикосов Г. А. — I 408, 409, 414, 420, 589, 594, 597; II 427, 474
 Ленин В. И. (Ульянов) — I 217, 401, 406, 408, 496, 544, 545, 547, 588; II 126, 321-323, 344, 351, 359, 372, 373, 394, 467
 Леонид Давыдович — I 37, 64
 Леонидов Л. М. — I 47, 486
 Леонов — I 381, 389, 391, 392, 397, 399
 Леонтий Женеvский (Барташевич), еп. — II 124, 154, 162, 212, 223, 438, 443, 457, 459
 Леонтьев К. Н. — I 566
 Лери — II 311, 465
 Лермонтов М. Ю. — I 204, 531; II 181, 450
 Лерс Д. — I 423, 586
 Лесков Н. С. — II 45, 282, 407, 463
 Лефенс — II 240
 Ливен А. П. — I 551;
 Ливен Александр А. — II 114, 436
 Ливен Андрей А. — II 436
 Лизер — I 464, 605
 Лили — I 448
 Линденберг Ч. — II 208, 456
 Линский Д. О. — I 547
 Липпи Ф. — I 49, 486
 Лисица Ю. Т. — I 424, 536, 556, 573, 582, 584, 586, 587, 590, 591, 594, 595; II 176
 Лисицкая А. — II 437
 Лисовский Я. М. — I 552
 Лист Г. — I 29, 484
 Лист Ф. — II 58, 409
 Литвинов М. М. (Валлах) — II 344, 471
 Литенин И. Н. — I 85
 Ллойд Джорж Д. — I 102, 492; II 321, 350, 472
 Лодыженская Н. А. — II 8, 389
 Лодыженские — II 325
 Лодыженский А. И. — II 7, 9, 181, 190, 325, 388, 389, 451, 452
 Лодыженский Ю. И. — I 537; II 128, 140, 145-147, 186, 188, 212, 215, 320, 325, 327, 374, 375, 388, 438, 441, 452
 Лоло (Мунштейн Л. Г.) — II 311, 465
 Ломшаков — I 129
 Лоненберг II 427
 Лопатин Л. М. — I 580; II 155, 178, 334, 364, 370, 377, 380, 443, 475
 Лопухин — I 584
 Лоренцо Великолепный — II 408
 Лосский Н. О. — I 118, 495, 496, 597; II 154, 206
 Лохтин — I 439
 Лужский В. В. (Калужский) — I 69, 488
 Лузин Н. Н. — I 604, 605; II 326
 Луини Б. — II 304, 305, 464
 Лукаш И. С. — I 200, 250, 530
 Лукомская С. М. — II 444
 Лукомский А. С. — I 537
 Луначарский А. В. — I 217, 543
 Лучинский К. И. — II 326, 371, 476
 Львов Л. И. (псевд. Lollius) — I 130, 131, 132, 142, 151, 152, 176, 179, 193, 500, 505, 517; II 80, 81, 422
 Львов Н. Н. — I 131, 206, 207, 208, 325, 326, 501, 517, 532, 551, 565
 Любавский М. К. — II 339, 470
 Любимов Л. — II 425
 Людвиг III — I 553

- Людвиг IV — I 518
 Людендорф Э. — I 217-219, 223, 538, 543
 Людовик IV Баварский — I 553
 Людовик XVIII — I 217, 544
 Люстеортри Ф. Л. — I 384
 Лютер А. — II 347, 472
 Лютер М. — I 139; II 182, 451

 М. — I 457
 М. Ю. (Мария Юрьевна) — II 225
 Магдалина, св. — II 266
 Магомет — II 310
 Маевский В. А. — II 74, 419
 Майкапар Г. Ф. — I 352
 Майкапар К. Ф. — I 350, 575; II 418
 Майкапары — II 71
 Майсурский, магараджа — II 134
 Макарий Великий (Египетский) — II 161, 179, 193, 444
 Макаровский А. И. — II 248, 461
 Маклаков В. А. — I 84, 317, 489, 563; II 103, 184-186, 320, 340, 341, 431, 470, 471
 Маковский — I 292
 Максимилиан, имп. — II 412
 Максимов — II 392
 Максимова-Кулаева А. А. — II 227, 459
 Макфорлейн К. — II 241
 Малинин И. М. — II 388
 Малинин К. — I 376, 581
 Малышев — I 391, 397
 Малышева Е. М. — II 394
 Малышева-Штейн — I 338
 Малышкин В. Ф. — II 396
 Мальтус Т. Р. — II 464
 Мальцан А. — I 218, 545
 Мальцев В. И. — II 396
 Мамонтов К. К. — I 595
 Мандель В. С. — I 223, 547
 Мандельштам Н. Н. — I 450, 451
 Мандровский М. Н. — II 394
 Мани — II 465
 Мантенья А. (Mantegna A.) — I 337; II 465
 Мануилов (Мануйлов) А. А. — I 486, 487; II 325, 352, 360, 361, 470, 473
 Манухин И. И. — I 131, 133, 501
 Мария Кирилловна — II 98, 430
 Мария Федоровна, имп. — I 537
 Марков А. П. — I 137, 138, 504
 Марков Н. Е. (2-й) — I 119, 122, 144, 162, 168-170, 185, 191, 209, 221, 497, 509, 515, 521, 532, 537, 543, 546; II 122, 123, 321, 322, 332, 350, 425, 438, 455
 Марков О. О. — I 131, 501
 Маркс К. — I 428; II 351, 426, 433
 Марр Н. Я. — II 391
 Марта Ивановна — I 457, 458
 Мартов Ю. О. (Цедербаум) — I 119, 497
 Масленников А. М. — II 455
 Матанкин — II 320
 Матусов — II 325
 Матюс — I 411
 Махров П. С. — I 537; II 425
 Маяковский В. — I 318, , 564
 Меандров М. А. — II 396
 Медичи — II 48
 Меерович Л. С. (Meerowisch L.) — I 325, 529, 565, 602; II 325, 330, 353, 376, 468
 Мейер Ю. А. (Мейер Г. А.) — II 215, 458
 Мелких А. — II 478
 Меллер-Закомельский А. В. — I 343, 571; II 89, 320, 324, 426
 Меллье — I 394
 Мельгунов С. П. — I 187, 327, 523, 558, 560, 567, 598, 605; II 13, 15, 77, 78, 81, 90-92, 97, 99, 104-109, 133, 207, 395, 421, 424, 428, 429-432, 439, 441
 Мельгунова П. Е. — II 110, 435
 Мельгуновы — II 420
 Мельников — II 198, 215
 Мельников Н. А. — II 388
 Мельников П. И. (псевд. Печерский А.) — I 599
 Мельников Ф. А. — II 196, 454
 Мельникова-Печерская М. П. — I 443, 447, 448, 457, 599, 601, 602
 Менде, следователь — I 404, 405

- Менделеев Д. И. — II 371
 Менжинский В. Р. — I 426, 556
 Мензбир М. А. — I 20, 474, 486
 Менцель В. — I 545
 Мережковский — I 490
 Мережковский Д. С. — I 325, 327; II 109, 166, 178, 194, 434
 Меркулов, доктор — II 130, 439
 Метнер А. М. (урожд. Братенши) — I 107, 494, 593
 Метнер В. К. — I 494, 592
 Метнер К. К. — I 592
 Метнер К. П. — I 107, 493
 Метнер Н. К. — I 89, 104, 292, 370, 490, 493, 494, 561, 578, 590; II 43, 133, 134, 257, 276, 306, 317, 318, 325, 394, 407, 440, 461, 479
 Метнер С. К. — II 479
 Метнер Э. К. — I 104-108, 493, 494, 590
 Метнеры — I 593
 Меттерних К. — I 569
 Мещерский Н. — I 455
 Микеланджело Б. — II 255, 257, 258, 461
 Миколайчик — II 208, 456
 Миллер Е. К. — I 133, 501, 537, 541, 542; II 125, 438, 451
 Миллер О. — II 391
 Милюков П. Н. — I 123, 141, 217, 221, 222, 237, 254, 317, 462, 499, 504, 544, 547, 556, 563, 565, 584, 604; II 328
 Минаков П. А. — I 486
 Миних Б. К. — II 203
 Мисевтев Н. К. — I 384
 Миткевич Г. Г. — II 388
 Митюков А. К. — II 336, 337, 470
 Михаил Абрамович — I 351
 Михайлов — I 25
 Михайловский А. И. — II 215, 458
 Михеев М. Г. — II 327, 381, 479
 Моисей — II 397
 Молеровский — II 324
 Моллат — I 101, 492
 Молодцов — I 391, 397
 Молостов Н. — I 24, 483, 484
 Мольер — I 78
 Монвит В. — I 576
 Моне К. — II 56, 409
 Монкевич — I 184, 191, 520, 525; II 425
 Мооди Д. — I 495
 Мордовская О. Г. — II 394
 Мори (Maury) — II 310, 465
 Мосягин — I 450, 451
 Мотт Д. — II 413
 Мотта Д. — I 322, 364, 366, 565, 578
 Моцарт В. А. — I 90, 490
 Мрочек-Дроздовский П. Н. — II 352, 473
 Мукерман, патер — II 326
 Муравьев Н. К. — I 380, 383, 586, 588; II 328, 365, 467
 Муромцева Е. А. — I 600
 Муромцева М. А. — I 16, 66, 473, 485, 487
 Муромцева М. С. — I 20, 474
 Мусенька — II 16, 18
 Мусоргский М. П. — II 58, 409
 Муссолини Б. — I 156, 157, 509, 519; II 93, 428
 Мустанг Прериев (псевд.) — II 89
 Мчедлов В. И. — II 325, 363, 364
 Мюллер Г. — I 465, 605
 Мякотин В. А. — I 117
 Мятлев В. П. — I 144, 145, 496, 506
 Н. — I 447
 Н. А. — I 602
 Н. Н. (Николай Николаевич) — II 205
 Н. Петровский (псевд.) — II 455, 456
 Н., гр. — I 586, 587
 Набоков В. Д. — I 515, 604
 Назаров М. В. — I 545, 546, 560, 566, 605; II 440
 Нансен Ф. — I 501
 Наполеон — I 215, 217, 227, 229, 540; II 275
 Нарожницкий М. А. — I 172
 Нафанаил (Львов В.), еп. — II 83, 191, 423, 452
 Нахамкес Ю. М. (Стеклов) — II 323

- Неандер Б. Н. — I 191, 192, 525; II 185, 451
 Некрасов — I 420
 Некрасов Н. А. — II 458
 Некрасовы — I 387, 588
 Немирович-Данченко Вас. И. — I 102, 493
 Немирович-Данченко Вл. И. — I 493; II 325, 362, 475
 Нерсесов А. Н. — II 474
 Нерсесов М. Н. — II 353, 474
 Нерсесян В. — I 526
 Нестеров М. В. — I 589, 600; II 30, 57, 254, 320, 342, 359, 366, 404, 409
 Нечаев С. Г. — II 344, 432, 471
 Никандр Вятский (Феноменов), еп. — II 258, 461
 Никитин — I 584
 Николаев Н. — I 390
 Николаевский Б. И. — II 13, 82, 91, 207, 208, 395-397, 422, 428, 456
 Николай I (Романов) — II 202
 Николай II (Романов) — I 179, 463, 474, 498, 518, 525, 547, 572; II 123, 438, 440, 459
 Николай Николаевич (Романов), вел. кн. — I 165, 502, 503, 506, 510-512, 520, 537, 547, 549-551, 555-557; II 122, 322, 437
 Николай Чудотворец, св. — II 262, 289, 292, 327
 Николашин Г. В. — II 223
 Николь — II 398
 Никольский Б. А. — II 388, 478
 Никольский, офицер — II 325, 361, 475
 Никон (Рклицкий), архиеп. — II 63, 411
 Нилус С. А. — I 546; II 361, 475
 Нобель Л. — I 560
 Нобель Э. — I 279, 560
 Новгород-Северский И. И. — II 130, 439
 Новгородцев П. И. — I 19, 24, 26, 81, 84, 85, 100, 118, 124, 474, 496, 565; II 231, 321, 322, 327, 328, 333-337, 339, 340, 352, 353, 376, 381, 459, 468, 469
 Новгородцева Л. А. (урожд. Будилович) — II 231, 335, 336, 353
 Новиков — I 385
 Новиков В. М. — I 183, 520
 Новиков М. М. — II 110, 435
 Новопашенный П. А. — I 172
 Нольде Б. Э. — I 199, 529; II 184, 451
 Нордман — I 178
 Нордов Н. — I 156, 510
 Ньюмен Д. Г. — II 412
 О. В. — I 85
 Обер Т. — I 359, 577; II 396, 452
 Обломов (псевд.) — II 14, 398
 Оболенский А. Д. — I 592
 Оболенский В. А. — I 257, 558; II 207, 456
 Овидий — I 103
 Овчинников А. А. — I 172
 Огнев А. И. — I 375, 580
 Огнев И. Ф. — I 580
 Огородников Н. А. — I 595; II 473
 Одинцов В. Н. — I 495
 Озеров — II 323, 340, 359
 Озеров И. X. — II 352, 381, 470
 Озоль — I 541
 Октавиан Август — II 218
 Оллонгрэн В. К. — II 123, 438
 Оловянишников И. И. — II 330, 468
 Оловянишников П. И. — II 468
 Ольдекоп Р. В. — II 380, 479
 Ольденбург С. С. — I 122, 138, 139, 142, 149, 156, 194, 498, 504, 505, 508; II 228, 459, 478
 Ольтин В. — I 526
 Орехов В. В. — II 76, 80, 388, 420
 Оречкин Б. — I 571, 574
 Орлов Н. С. — II 168, 170, 327, 447, 448
 Орлов С., свящ. — II 325, 388
 Орлова — I 414
 Осоргин М. А. (Ильин) — I 462, 604; II 326
 Остоумов М. — I 456
 Островский А. Н. — II 10, 318
 Остроухов П. А. — I 315, 563

- Откович — II 324
 Офросимов Ю. (Г.) В. (Росимов) (Ofrossimow G.) — II 73-103, 418-420, 423, 426, 430, 434, 439, 460
 Офросимова Д. Г. — II 73, 74, 89, 90, 97, 419
 Офросимовы — II 418, 419
- П. К. (псевд.) — I 526
 Павел I — II 437
 Павел Александрович, вел. кн. — I 526
 Павел Николаевич — I 447
 Павел, ап. — I 348, 355, 453; II 17, 193, 454
 Павлов А. Н. — I 221, 546
 Павлов И. П. — II 135, 440
 Паламарчук П. Г. — I 558
 Палей В. П. — I 526
 Палей О. В. (урожд. Карнович) — I 192, 526
 Палеолог С. Н. — I 253, 557
 Пальчинский — I 584
 Паннаш М. В. — I 134
 Пантелеймон, св. — II 64, 162, 412
 Пармонов — II 321
 Парменид — I 16; II 180, 421
 Паскаль Б. — I 103
 Паскаль П. — II 455
 Пасманик Д. С. (Бен-Самуэли Д.) — I 136, 137, 223, 503, 547; II 350, 473
 Певчев — I 450
 Первушины — I 103, 104
 Перекусихина М. С. — II 323, 355
 Перешнева К. — II 156
 Переяславский — I 389, 582
 Перхуров — II 321, 348, 349, 472
 Песецкий — I 391, 397
 Петерс Я. Х. — I 409
 Петлюра С. В. — II 436
 Петр Великий — I 269, 560; II 44, 218, 437
 Петр Крутицкий, митр. — II 450
 Петр Молчальник (Петр Галатийский), св. — I 318, 564; II 259, 461
 Петр, ап. — I 141, 355, 453; II 64
 Петражицкий Л. И. — I 17, 50, 473, 510
 Петров И. — I 395
 Петровский — I 19
 Петровский Ф. А. — I 375, 408, 580
 Петрушева Л. И. — I 494
 Петя Синичкин (псевд.) — I 206
 Петя Чижиков (псевд.) — I 201
 Пий XI — I 506; II 469
 Пикассо П. — II 273, 291, 462
 Пиканко — I 175, 517
 Пильц — I 146, 508
 Пирогова А. — I 456
 Плаксин Б. Н. — II 124, 126, 127, 135, 438
 Плаклина — I 454
 Платон — I 16, 24-26, 483; II 352, 421, 428
 Платон, митр. — I 566
 Платонов — II 327
 Платонов С. Ф. — I 338, 569; II 40, 406
 По Э. А. — II 282, 463
 Победоносцев К. П. — II 342, 471
 Погодин А. Л. — I 131, 501
 Подберезжский — I 389, 582
 Поздняков А. В. — I 339, 340, 570
 Покровский — II 321
 Покровский М. Н. — I 217, 543
 Покровский Н. Н. — I 584
 Поленов В. Д. — II 56, 409
 Поливанов М. П. — II 364, 475
 Полторацкая В. А. — I 375, 376, 412, 414, 417, 586; II 334, 421
 Полторацкий Н. П. — I 495, 501, 503-505, 507, 513-516, 518, 519, 521-525, 528-533, 535, 561; II 203, 205, 455, 456
 Полуверов И. — I 380
 Полунин А. — I 577
 Поль — I 423
 Польский М., протопресвитер — II 63, 411
 Поляков — I 103, 604
 Поляков, консул — I 463
 Поляковы — II 369, 476
 Полянский Н. Н. — I 112, 375, 494; II 327

- Помещик (псевд.) — I 511, 512
 Пономарь (псевд.) — I 562
 Попова О. — I 16
 Поповы К. и С. — II 181
 Поремский В. Д. — II 477
 Порошин И. А. — I 579
 Потенба А. А. — II 337, 391, 470
 Прадерван — II 17, 399
 Преображенский С. И. — II 338, 339, 470
 Пресняков А. Е. — I 534
 Прилуцкая А. М. — I 426, 430, 431
 Прокопович С. Н. — I 117, 120, 314, 317, 495-497, 563, 584; II 110, 229, 435
 Прокофьев С. С. — II 77, 134, 421, 440
 Прутков К. — II 108
 Пуанкаре Р. — I 223, 548
 Пугачев Е. — II 213
 Пузино — II 322
 Пуль Д. — I 394, 586
 Пуришкевич В. М. — II 321, 350, 473
 Пусей Э. — II 412
 Пушкирский Н. Ю. — II 459
 Пушкин А. С. — I 90, 245, 306, 316, 488, 490, 491, 533, 553, 560, 562, 563; II 40, 59, 112, 113, 120, 265, 273, 280, 282, 305, 306, 315, 327, 436, 460
 Пьянов Ф. Т. — I 322, 565

 Р. — I 464
 Р. В. — I 561
 Р. Ф. Ф. — I 583
 Радек К. Б. (Собельсон) — II 321, 351, 473
 Разин С. — I 30, 484
 Разумова Е. П. — I 408, 431, 446, 448, 601, 602
 Раковский Г. Н. — I 256, 558
 Рапп Е. Ю. — I 321, 565
 Рар Г. — I 603; II 477, 478
 Распутин Г. Е. (Новых) — II 195, 206, 325, 341, 365, 366, 411, 454, 471, 476
 Рассел Ч. — II 444
 Рассова Х. — II 431

 Ратенау В. — I 545
 Рафаэль С. — II 464
 Рахманинов А. Б. — I 567; II 398
 Рахманинов В. А. — I 568; II 398
 Рахманинов С. В. — I 292, 331, 334, 335, 350, 360, 363, 364, 367, 369, 566-568, 577, 578; II 12, 15, 16, 74, 82, 115, 133, 134, 325, 394, 395, 398, 399
 Рахманинова И. С. — I 578; II 16, 399
 Рахманинова Н. А. (урожд. Сатина) — I 335, 363, 366-369, 566, 568; II 15, 115, 398, 399
 Рахманинова Т. С. — I 369, 578; II 16, 399
 Рачинский Г. А. — I 84, 86, 88, 489
 Редлих Р. Н. — II 207, 456
 Рейнгардт — I 38, 39, 42, 485
 Рейснер — I 35, 485
 Рекотин — I 426
 Рем Э. — II 480
 Рембрандт Х. ван Рейн — I 49
 Ремезова А. — II 380
 Ремизов А. М. — I 292; II 143, 181, 236, 241, 278, 289-291, 463
 Ренан Ж. Э. — I 23, 475
 Ренников А. М. (Селитренников) — I 157, 510, 526
 Рерих Н. К. — II 469
 Ретиф де ла Бреттон — I 471
 Решетов, следователь — I 435
 Риантова М. — I 559
 Рибе, следователь — I 409-412
 Ридвег (Ridweg) А. — I 367, 369, 578; II 12, 395
 Риккерт Г. — I 16, 473; II 321, 350, 369, 472
 Римский-Корсаков В. А. — I 485
 Римский-Корсаков Н. А. — I 485; II 58, 298, 409, 420
 Родзянко М. В. — I 83, 489, 584
 Рожкова О. В. — I 475
 Розанов В. В. — I 490; II 166, 178, 206, 294, 445
 Розенберг А. — I 577; II 324
 Розенберг В. А. — II 375, 478
 Розенберг фон, министр — I 545

- Розова — I 454
 Ройш П. — I 545
 Романов Г. А. — II 123
 Романовский И. П. — I 191, 524
 Рор, профессор — II 384, 386
 Рославец — I 424
 Рошин Н. Я. (Федоров) — II 184, 185, 425, 451
 Рубакин Н. А. — II 10, 11, 73, 389-394, 419
 Руднев, хирург — I 295
 Рузвельт Ф. Д. — II 208
 Рузский А. — I 584
 Румба Е. — I 456
 Руппрехт фон Виттельсбах — I 553
 Руссо Ж.-Ж. — I 99, 103, 355, 492
 Рыбаков Н. П. — II 195, 222, 454
 Рыбинские — II 74, 82
 Рыбинский Н. З. — II 75, 83, 103, 118, 163, 200, 419, 423, 444, 455
 Рысс П. Я. — I 194, 327, 527
 Рябушинский В. П. — I 561; II 123, 126, 135, 157, 165, 437, 444
 Рязанов Д. Б. (Гольдендах) — II 327, 381, 479
 Рязановский В. А. — II 229, 459
 С. — I 550; II 214, 458
 С. Н. А. — I 583
 С. П. (Старый Политик) (псевд.) — I 532, 556; II 145, 441
 Сабашников М. В. — I 100, 492
 Сабашников С. В. — I 492
 Сабашниковы — I 492
 Саблин Е. В. — I 252, 323, 324, 555
 Сабуров А. А. — II 380, 479
 Савальский В. А. — II 353, 474
 Савельев Н. П. — II 114, 436
 Савин А. Н. — II 326, 382, 479
 Савинков Б. В. — I 215, 222, 227, 229, 389, 390, 433, 461, 540, 548, 583, 587, 604; II 321, 346, 349, 420, 472
 Савицкий П. Н. (псевд. П. Востоков) — I 123, 315, 498, 499, 563
 Савич К. И. — II 326
 Савич Н. В. — I 537
 Савченко И. Г. — I 131, 501
 Садовский Я. Д. — I 131, 501
 Саккер — I 48, 59, 86, 90, 486
 Салазар А. ди О. — II 143, 441
 Салтыков А. А. — I 325, 565
 Салтыков-Щедрин М. Е. — II 392
 Сальвиан — I 355, 576
 Сальери А. — I 90, 490
 Самойлов В. А. — I 556
 Самоквасов Д. Я. — II 352, 474
 Сарьян М. С. — II 277, 463
 Сатин В. А. — I 172, 330, 334, 566; II 398
 Сатина В. А. (урожд. Рахманинова) — I 568; II 398
 Сатина С. А. — I 568; II 11, 15, 394, 398
 Сатина Т. Е. — II 115
 Саттон Э. — I 544
 Саул — I 335
 Сахарова Т. — II 380
 Сван А. Ю. — II 134, 440
 Свердлов Я. М. — I 451
 Свержевский Л. И. — II 325, 361, 475
 Свешникова С. Е. — I 377, 382, 389, 390, 398, 399, 413, 582, 583, 585
 Свитков (Степанов) Н. — I 527
 Северинг — I 573
 Северцов А. Н. — II 366, 476
 Сезанн П. — II 56, 58, 409
 Сеземан В. Э. — II 333, 469
 Селищев А. М. — II 392
 Семен Петров Чижиков (псевд.) — I 169
 Семенов Ю. Ф. — I 193, 194, 196, 199, 200, 206, 207, 251, 326, 327, 512, 513, 521, 526, 528, 529, 556
 Семеновский Л. Г. — I 139
 Семперович Г. Ф. — II 388
 Сенека Л. А. — I 561
 Сенявин — II 237
 Серафим Берлинский (Лядэ), митр. — II 189, 191, 320, 368, 388, 452
 Сербаринова А. — II 380
 Сергеев К. М. — II 408

- Сергиевский Б. Н. — II 388, 434
 Сергиевский Н. Н. — II 109
 Сергей (Страгородский), патриарх — I 329, 566; II 374, 450, 472, 478
 Сергей Радонежский, св. — II 133
 Сердаковский Л. В. — II 217, 458
 Серков А. И. — I 527, 530, 545, 547, 548
 Серов, доктор — II 130, 439
 Сешко — I 385
 Сикорский И. И. — I 335, 568; II 146, 182, 208, 441, 451
 Сименс Э. В. — I 222, 547
 Синявин, профессор — II 237, 460
 Скаржинский П. В. — II 122, 123, 219, 220, 438, 458
 Скирмунт С. А. — I 23, 475
 Скоблин Н. В. — II 80, 185, 425, 451
 Скородумов М. Ф. — II 97, 430
 Скоропадский П. П. — II 330, 331, 468
 Скрябин — II 378
 Скрябин А. Н. — I 88, 490; II 273, 277, 298, 407, 462
 Слашов Я. А. — I 215, 539; II 425
 Словы — II 58
 Слиозберг Г. Б. — I 194, 527
 Случевский К. К. — II 280, 281, 463
 Смирнова А. О. — I 70, 488
 Снесарев Н. В. — I 144, 145, 235, 506
 Собинов Л. В. — II 112, 118, 436
 Соборнин (псевд.) — I 571, 604, 605
 Содома II (Баззи Д. А.) — II 305, 464
 Соколов — I 382
 Соколов А. К. — I 456
 Соколова З. С. (урожд. Алексеева) — I 20, 474
 Соколов-Кречетов С. А. (псевд. Атаман Кречет) — I 171, 172, 515, 530, 531, 553; II 320, 324, 327, 437
 Сократ — I 520; II 180, 421
 Солидарнов В. — I 28, 484
 Соловьев В. С. — II 369, 370, 474, 476
 Соловьев С. В. — I 556
 Соловьев С. М., свящ. — II 474
 Сологуб Ф. К. (Тетерников) — II 312, 466
 Солоневич И. С. — II 123, 133, 238, 239, 240, 321, 424, 438
 Сольский А. А. — I 556
 Сомов Е. И. — II 394
 Сомов Е. К. — II 394
 Сомов К. А. — II 294, 464
 Сомов, переводчик — II 45
 Сорокин П. А. — I 200, 251, 530; II 128, 439
 Сорокина О. Н. — II 439
 Спасович В. Д. — I 484
 Спекторский Е. В. — I 141, 201, 505, 530, 534; II 142, 441
 Сполдинг Ч. — II 394
 Сталин И. В. (Джугашвили, Коба) — II 119, 126, 176, 344, 397, 398, 456, 471
 Станиславский К. С. — I 20, 40, 41, 47, 57, 67-72, 74, 78, 79, 485; II 74, 82, 318, 325, 475
 Станкевич Н. В. — I 340, 488, 570
 Станкевич А. В. — I 340, 488
 Станкевичи — I 70
 Стасюлевич, издатель — I 80, 85, 302, 489
 Степанова З. — I 414
 Степун О. А. — II 369
 Стенун Ф. А. (псевд. Луговой) — I 74, 76, 227, 229, 318, 488, 497, 548, 592, 597; II 109, 178, 321, 326, 333, 344-348, 350, 369, 370, 426, 427, 434, 472
 Столыпин П. А. — I 183, 520, 555; II 325, 327, 360, 369, 470
 Сторицын — I 73, 488
 Стравинский И. Ф. — II 273, 274, 277, 297, 298, 462
 Страдецкий — II 321, 348, 349
 Стратонов В. В. — I 495
 Стрелков Н. В. — I 384, 385
 Строев В. Н. — I 338-340, 569, 570
 Строев Н. П. — I 556

- Струве Алексей П. — I 141, 142, 179, 203, 505, 517, 528, 531
 Струве Г. П. — I 120, 121, 124, 125, 495, 497, 501, 504-506, 517, 519, 521, 523, 527-529, 533; II 109, 119, 124, 434, 437
 Струве К. П. — I 182, 190, 520
 Струве Л. П. — I 124, 127, 131, 162, 163, 179, 208, 315, 499
 Струве Никита А. — I 495, 500, 507, 510-512, 517, 520, 526, 527; II 428
 Струве Нина А. (урожд. Герд) — I 119, 120, 129-132, 162, 179, 180, 190, 196, 198, 201, 202, 204, 208, 497, 530, 533, 535
 Струве П. Б. — I 37, 39, 42, 48, 49, 59, 70, 82, 83, 85, 86, 89, 115, 118-120, 122-125, 127-137, 139, 140, 142, 143, 145, 147-153, 156, 158, 160, 163-168, 170, 171, 173-190, 192-199, 201-206, 208, 209, 223, 240, 247, 251-253, 292, 315, 316, 325-327, 485, 490, 494-505, 507-523, 525, 526, 528-535, 537, 541, 546, 555-557, 559, 563, 586, 605; II 115, 185, 229, 230, 320, 321, 328, 336, 337, 340, 341, 348, 422, 428, 434, 452, 468
 Ступницкий А. Ф. — II 185, 452
 Суворов А. В. — II 475
 Сувчинский П. П. — I 316, 499, 563
 Сулержицкий Л. А. — I 78, 79, 489
 Сумароков А. П. — II 104, 431
 Сургучев И. Д. — II 123; II 136, 438
 Сухомлинов В. А. — I 103, 493; II 202, 455
 Сыромятников — II 327
 Сытин И. Д. — II 324, 367, 476
 Таборицкий С. В. — I 604
 Тагер А. С. — I 383, 384, 586
 Талейран Ш. М. (Талейран-Перигор) — I 215, 540
 Тальберг Н. Д. — I 122, 144, 166, 173, 175, 222, 498, 514, 546; II 123, 320, 332, 438
 Тая — I 449
 Тараканова, княжна — II 213
 Тарасевич — I 389, 582
 Тарасов И. Т. — I 375, 581
 Тарасов Н. П. — I 409, 414, 420, 592, 595
 Татиана, св. — II 473
 Таубе М. А. — II 322, 333, 469
 Тацит — I 532
 Тверской С. Д. — II 388
 Теодорович Т. П. — II 415
 Теплов — I 390, 582
 Терентьева — II 241
 Тернавцев В. А. — II 153, 320, 342, 343, 442, 471
 Тертулиан — I 576
 Тиволович Н. К. — I 171, 172, 515
 Тимашев Н. — II 478
 Тимошенко С. П. — II 142, 441
 Тинторетто Я. (Робусти) — II 307, 308, 309, 465
 Титова В. М. (урожд. Нестерова) — I 446, 449, 600
 Тихомиров Л. А. — II 218, 458
 Тихон (Белавин В. И.), патриарх, св. — I 563, 564; II 410
 Тихон Берлинский (Ляшенко), еп. — I 137-140, 503, 553; II 225, 459
 Тихоцкий И. — I 439
 Тициан (Тициано Вечеллио) — II 307, 308, 465
 Толкмит В. — II 166
 Толстой А. К. — I 302, 312, 562
 Толстой А. Н. — I 475; II 185, 283, 451
 Толстой Л. Н. — I 41, 44, 45, 54, 57, 60, 99, 100, 485, 592; II 394, 476
 Тополджников — I 542
 Торп А. — II 394
 Торп Ж. — II 394
 Тредиакровский В. К. — II 104, 431
 Трей, следователь — I 373, 374
 Трепов А. Ф. — I 537; II 322, 455, 467
 Третьяков П. М. — II 61, 410
 Третьяков С. Н. — I 537, 584

- Трифонов — I 542
Троцкий Л. Д. (Бронштейн) — I 215, 217, 233, 539, 547
Трубецкая С. — II 323
Трубецкой Г. Н. — I 118, 175, 182, 199, 496, 516, 520
Трубецкой Е. Н. — I 84, 85, 107, 108, 110, 111, 122, 124, 489, 494, 497; II 155, 178, 326, 366, 367, 443
Трубецкой Н. — II 406
Трубецкой Н. С. — I 499, 508
Трубецкой С. Н. — I 54, 149, 487; II 178, 421, 450
Трумэн Г. — II 27, 403
Трухин Ф. И. — II 396
Тубенталь В. К. — I 171, 172, 177, 515
Тульев — I 444
Тупиков — I 16
Туркул А. В. — II 455
Тухачевский М. Н. — I 215, 539
Тыркова-Вильямс А. В. — I 508, 537; II 109, 146, 147, 434
Тьеполо Д. Б. — II 309
Тэкер Б. — I 35, 485
Тэффи Н. А. (Лохвицкая) — I 157, 510
Тюркотт (Turcotte) — II 33
Тютчев Ф. — I 267, 559
Угримов А. И. — I 341, 463, 464, 495, 570
Уильям — I 330, 566
Уильямс Д. — II 413
Ульманис К. — II 111, 436
Ульянов А. И. — I 588
Ульяновы — I 588
Уманский В. — I 19, 30, 474
Уншлихт И. С. — I 217, 437, 438, 543
Урквард — I 218
Успенский П. Д. — II 55, 409
Устрялов Н. В. — II 81, 93, 429
Ушаков Д. Н. — I 375, 581
Фабрициус-де-Фабрис Н. Ф. — I 464, 605; II 320, 324, 326, 368, 476
Фалес — I 16; II 55, 409
Фальковский — I 251, 556
Фальц-Фейн Э. В. — I 242, 243, 551, 552
Фаминцын — II 389, 390
Федор Иоаннович, царь — II 382
Федор Студит, преп. — II 310, 465
Федоров — I 251
Федоров М. М. — I 192, 194, 281, 338, 341, 513, 525, 526, 560, 567
Федотов Г. П. — II 109, 429, 434
Федотов, следователь — I 429-431
Фельдштейн М. С. — I 112, 494; II 325-327, 351, 473
Феофан Затворник, св. — II 154, 162, 443
Феофан Полтавский (Быстров), архиеп. — II 195, 454
Феофил (Пашковский), митр. — II 128, 439, 452
Фет А. А. (Шеншин) — II 278, 463
Феттер (агент. имя) — I 555, 558
Филарет (Дроздов), митр. — I 444, 599
Филарет (Колычев), митр. — II 239
Филарет, архим. — I 601
Филипп Эмануил — I 201
Филиппов А. И. — I 141, 505
Филиппов А. П. — II 210, 456, 457
Филиппов, булочник — I 29
Филолай — II 211
Филоненко М. М. — I 228, 548
Философов Д. В. — I 229, 548
Филько — I 541
Фихте И. Г. (Старший) (Fichte) — I 16, 48, 56, 59, 322, 355, 486, 487; II 180, 369, 427, 460
Фишер Е. С. — II 100, 130, 430, 439
Флавий Валерий Константин — II 218
Флоренский П. А. — I 589, 597, 604, 605; II 320
Флоровский Г. В. — I 499; II 471
Фома Аквинский — I 355, 576
Форд Г. — I 218, 219, 545, 546
Фортинский П. Н. — II 326

- Фосс, пастер — II 477
 Фра Беато Анджелико (Гуидо ди Пиетри) — II 12, 259, 395
 Фрагозо А. — II 441
 Франк С. Л. — I 115, 116, 126, 181, 314, 322, 338, 462, 495, 519, 597; II 154, 320, 380, 456, 479
 Франс А. — I 30, 484
 Фрей Е. Я. — II 11, 392, 393
 Фрейд З. — I 39, 44; II 356, 474
 Фридрих II — II 218
 Фролова Т. — II 380
 Фроуд Р. Х. — II 412
 Фуше Ж. — I 217, 544
- Халафов К. М. — I 377, 379, 381-383, 388, 389-393, 395, 398-400, 404, 405, 407, 413, 422, 423, 579, 582, 585-587
 Хан Р. М. — II 321
 Харрис П. П. — II 413
 Харузин М. А. — I 524
 Хачатурян А. И. — II 77, 421
 Хвостов В. М. — I 74, 488; II 352, 474
 Хемницер — II 81, 106, 422, 432
 Хемницер И. И. — II 104, 431
 Херасков И. М. — II 77, 109, 421, 432
 Херст А. — II 12, 394
 Хессин — I 37
 Химцберг А. (Ахад Хаам) — I 462
 Хоббема М. — II 253, 461
 Хольмсен И. А. — I 537
 Хомяков А. С. — I 96
 Хрипунов А. С. — I 128, 192, 321, 500; II 327
 Хрисанф, архим. — II 463
- Цветаева М. И. — I 471; II 273, 462, 473
 Цвингли У. — I 355, 576
 Церковник (псевд.) — I 180, 518
 Цивцивадзе — I 383
 Цуриков Н. А. — I 167, 192, 197, 259, 262, 514, 528; II 106, 109, 118, 239, 432, 456
- Чайкин — I 541
 Чайковский П. И. — II 49
- Чаплин — II 80, 422
 Чаплыгин С. А. — I 604
 Чацкина С. И. — I 50, 486
 Чебышев Н. Н. — I 122, 240, 250-254, 498, 526, 537, 538, 549, 556, 557
 Чежова В. — II 380
 Чекалов Б. — II 324
 Челпанов Г. И. — I 74, 488; II 377, 380, 478
 Чернов А. П. — I 389, 391-393, 395, 397
 Чернов В. М. — II 321, 343, 344, 471
 Черномордик С. — I 452
 Черняк — II 14
 Чертков В. Г. — II 320, 365, 476
 Черчилль У. Л. С. — II 208, 424
 Чехов А. П. — I 53; II 23, 24, 99, 106, 163, 182, 241, 311, 363, 364, 401, 472
 Чехов М. А. — II 394
 Числов П. И. — II 352, 473
 Чистов — I 450
 Чичерин А. Н. — II 378, 380, 478, 479
 Чичерин Б. Н. — II 378
 Чичерин Г. В. — I 218, 545
 Чубов Д. — II 49, 152, 154, 156, 161, 408
 Чупрунов А. А. — I 495
 Чухнов Н. Н. — II 97, 99, 238, 430
- Ш. — I 25
 Шабашев, протопресвитер — II 63, 411
 Шабельский-Борк П. Н. — I 461, 604
 Шагинян М. С. — II 16; II 398
 Шаляпин Ф. И. — II 74, 315, 394
 Шаняевский А. Л. — I 406, 412, 419, 428, 490; II 336
 Шапиро Н. Л. — I 72, 488
 Шапошников Н. Н. — I 92, 491
 Шапуренко — I 395
 Шарин — I 556
 Шатилов П. Н. — I 247, 250, 253, 537, 544, 554, 555, 558
 Шатов Н. С. — II 396
 Шафтсбери — I 103

- Шаховская, кн. — II 402
 Шаховской Д. И. — I 82, 489
 Швейкерт (Кюстер) Е. — I 453
 Швейкерт А. Ю. (Левкович) — I
 21, 444, 446, 447, 474, 599, 600
 Швейкерт Ю. (Schweikert I.) — I
 330, 453, 567
 Швос — I 219, 545
 Шебеко Н. Н. — I 144, 167, 240,
 506, 537
 Шейбнер-Рихтер — I 538
 Шекспир В. — I 599; II 363
 Шеллапутин — I 490
 Шелер М. — I 318, 564
 Шеллинг Ф. В. (Schelling) — I 35,
 59, 355, 487
 Шервинский — I 102
 Шереметев Б. — II 359, 475
 Шереметевы — II 50
 Шершеневич В. Г. — I 318, 564
 Шершеневич Г. Ф. — I 74, 488
 Шестакова О. — I 104
 Шестов Л. И. (Шварцман) — II
 178, 450
 Шешкен, следователь — I 437,
 438
 Шиллер И.-Ф. — I 564
 Шилов — I 581
 Шингарев А. И. — I 217, 540,
 541; II 329, 468
 Ширинский-Шихматов А. А. —
 II 455
 Шихмурдова Л. О. — I 473.
 Шлезингер Г. — I 233, 549
 Шлейермахер Ф.
 (Schleiermacher) — I 59, 487
 Шлиппе Ф. В. — I 128, 171, 172,
 321, 500, 536
 Шмелев И. С. — I 199, 248, 249,
 292, 299, 301, 304, 349, 529,
 555, 562, 577; II 31, 83, 109,
 122, 125, 130, 131, 136, 155,
 181, 184, 236, 241, 341, 394,
 404, 416, 422, 437, 438, 439,
 473
 Шмелева О. А. — II 439
 Шмоллер — I 37, 38, 64
 Шнеерсон З. — II 380
 Шопен Ф. — II 303, 464
 Шопенгауэр А. — I 103; II 276, 462
 Шор Д. С. — II 326
 Шостакович Д. Д. — II 77, 421
 Шпет Г. Г. — II 336, 377, 380, 381,
 470
 Шпильрейн — II 392
 Шрейбер — II 322
 Штейнер Р. — I 106, 108, 493, 494
 Штейфон Б. А. — II 436
 Штенцель И. Я. — II 322
 Штеффенс — I 487
 Штильман — I 50
 Штильманы — I 37, 38
 Штирнер М. (К. Шмидт) — I 33,
 35, 56, 484, 487
 Штрандман — II 236
 Штраус Р. — II 277, 463
 Шубарт В. — II 204, 455
 Шульгин В. В. — I 123, 141, 187,
 199, 200, 240, 248, 315, 498,
 522, 529, 555; II 322
 Шуппе В. — I 17, 18, 473
 Щеглов — I 541, 542
 Щепкин Н. Н. — I 595; II 473
 Щербаков — I 454
 Щербаков А. Ф. — II 101
 Щербаков В. А. — II 101
 Щербакова М. М. (урожд. Золоту-
 хина) — II 101
 Щербакова Т. А. — II 101
 Щербатов Н. Б. — I 172, 193, 526;
 II 64, 355, 411
 Щербатова П. И. — II 64
 Щербина — II 364, 475
 Шукин С. С. — II 61, 63, 410
 Шукин — II 273, 286
 Эвербек К. — II 447, 448
 Эдель Ф. Ф. — I 418, 594
 Эдинг Б. Н. фон — I 408; II 326
 Эйзенхауэр Д. — II 105, 431
 Эйнем — I 29, 484
 Экхарт И. — II 233, 379, 478
 Элькин Б. И. — I 323, 565
 Эльснер Е. Ф. — I 381, 389, 390,
 582, 586
 Эльцбихер (Эльцбахер) — I 19,
 31, 100, 474, 492
 Энгельс Ф. — II 433
 Эрн В. Ф. — I 84, 86, 88, 489, 490

- Эрнст — II 480
 Эрт А. — I 460, 461, 603; II 322, 323, 324, 467
 Эскобар-а-Мендоза А. — II 357, 358, 474
 Ю. Н. Н. — I 583
 Южин А. И. (Сумбатов) — I 71, 488
 Юзефович Я. Д. — I 537
 Юренев Т. В. — I 584
 Юстус (псевд.) — I 513
 Юсупов Ф. Ф. (Сумароков-Эльстон) — II 341, 471
 Юсупова И. А. — II 471
 Ющинский А. — I 490
 Яблоновский С. В. — I 157, 510
 Якобий — II 238, 460
 Яковенко Б. В. — I 119, 317, 496, 497, 564; II 326, 333, 369, 370, 469
 Яковлев А. И. — I 402, 403, 406, 408, 588; II 322, 467
 Яковлев И. Я. — I 588
 Якст Р. Я. — I 385
 Якушев А. А. (Федоров) — II 80
 Якушкин Н. В. — II 326, 371, 476
 Янэль — I 383
 Яременко — II 327, 381, 479
 Ясинский В. И. — I 129, 132, 186, 210, 321, 339, 341, 464, 495, 536, 565, 604; II 322, 329, 330, 468
 Ясперс К. — II 154, 443
 Яссер И. С. — II 12, 394, 395
 Ященко А. С. — II 96, 430
 Bachtold — II 320
 Bollmann E. — II 103
 Brer — I 337
 Briner — II 322
 Cenacolo — I 337
 Dietler H. — II 70, 416, 417
 Durnovo (Durnowo) — I 329, 330
 Eis von — II 324
 Elsmarie — II 37
 Fischer A. — II 333
 Ganz — II 43
 Grob R. (Гроб Р.) — I 363-366, 577, 578
 Höttsch — II 327
 Haas Toni (Хаас Тони) — II 419
 Hans Jacob — II 75
 Hausmann — II 173
 Idem Ibidem (Идем Ибидем) (псевд.) — II 36, 39, 40, 44, 87, 89, 97, 110, 118, 221, 405
 Köhler, профессор — II 153
 Kaas — II 333, 469
 Karl von Brebisius (псевд.) — II 383, 479
 Klaus (Клаус) — I 341, 570
 Kleinow — II 327
 Krebs G. — II 19, 22, 23, 26
 Lasson G. — I 101
 Milasev — I 535
 Mollat — I 101
 Passow H. — II 103
 Pfeiffer-Belli — II 327, 383, 479
 Pfister O. (Пфистер О.) — II 87, 88
 Poldi-Pezzoldi — I 337
 Putzi — II 37
 Reich von — II 324
 Salzmann J. de — II 55
 Schütz I. (Шютц) — II 333, 469
 Scheffer P. — II 327
 Schmidt-Salzmann W. — II 37
 Schreiber A. W. — II 333, 354
 Sering (Зеринг) — I 570; II 327
 St. Roch (Сен-Рок), катол. св. — II 64, 412
 Steffens — I 59
 Straptmenn A. — II 27
 Trüb H. — I 146, 363, 508, 577
 Wichte — II 324, 327

СОДЕРЖАНИЕ

1939 — 1954 (Швейцария)

Письма к разным лицам (III).....	7
Письма к Климовым	18
Письма к Е. Е. Климову	18
Письмо к К. Е. Климову	64
Письма к Г. Е. Климову	66
Письма к И. Г. Бен-Чавчавадзе	70
Письма к Г. В. Офросимову	73
Письма к С. П. Мельгунову	104
Письма к Н. В. Борзову	111
Письма к Великому князю Владимиру Кирилловичу.....	137
Письма к архимандриту Константину (Кириллу Зайцеву).....	152
Письма к М. А. и М. Г. Дерюгиным.....	168
Из писем к И. М. Андриевскому и А. Д. Билимовичу	176
Письма к разным лицам (IV)	181
Встречи и беседы	
Наше жилище, или Быт и Бытие изгнанников	245
Искусство (1930 — 1933)	
Феноменология произведений искусства	272
Встречи и беседы	320
Приложение	384
Комментарии	388
Указатель имен	481

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

**Письма. Мемуары.
(1939 — 1954 гг.)**

Редактор Т. И. Киреева
Художественный редактор Г. Л. Шацкий
Технический редактор И. И. Павлова
Корректоры Н. Д. Бучарова, А. З. Лазуткина
Компьютерный набор О. В. Лисица
Компьютерная верстка А. М. Токер, В. В. Горшкова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23. X. 1996 г.
Подписано в печать 30.07.99. Формат 84×108/32. Бумага кн.-журн.
На вкл. — офсет. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,99.
(в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 29,07 (в т. ч. вкл. 0,04). Тираж 3770 экз.
С. - 32. Изд. инд. НА - 63. Заказ № 2350.

Набор и верстка выполнены в издательстве «Русская книга»
Комитета Российской Федерации по печати.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Отпечатано в государственном
издательско-полиграфическом предприятии «Вятка».
610044, г. Киров, ул. Московская, 122